

ТАЙНЫ

Век XX

А. Мерцалов
Л. Мерцалова
СТАЛИНИЗМ
И ВОЙНА

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

И ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

**А. Мерцалов
Л. Мерцалова
СТАЛИНИЗМ
И ВОЙНА**

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 947
ББК 63.3(2)
М52

Художник
Р. АЮПОВА

Мерцалов А., Мерцалова Л.

М52 Сталинизм и война. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 432 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-01667-5

Авторы — известные российские ученые-историки — представляют некоторые итоги многолетних исследований второй мировой войны, сталинизма и гитлеризма. Каковы истоки, сущность, особенности и последствия сталинизма, как повлиял он на возникновение войны, как провалились в 1941 г. его самоубийственные дипломатия и стратегия, что характерно для его метода руководства войной, насколько велика была цена победы, как сформировали Сталин и его преемники ложные представления о войне, имеющие хождение до сих пор?

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-300-01667-5

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

ВВЕДЕНИЕ

1

Актуальность той или иной темы в конечном счете сводится к тому, обещает ли ее изучение прирастить знание о прошлом, извлечь уроки в интересах настоящего и будущего развития общества. Недаром и жизнеспособность последнего определяется во многом его умением учиться. В этом смысле каждая из двух частей темы «сталинизм и война» важна сама по себе. Вторая мировая война — одна из самых важных проблем новейшей истории и современной политики. В наши дни разрушается возникший после войны мировой порядок, распался и СССР, сыгравший в разгроме фашизма решающую роль. Правители многих стран часто, по крайней мере, в пропагандистских целях обращаются к истории войны. Советская литература (изменения 1991—1997 гг. не дают оснований говорить о послесоветской литературе) — одна из ведущих. Это в большой степени определяется ролью СССР в войне и послевоенном мире. Значение научной историографии на очередном крутом изломе в развитии человечества сильно возрастает, особенно когда власти и общество пренебрегают историческим опытом, старая идеология терпит крах, а попытки выработать новую проваливаются. Отечественная литература — это огромное число книг и статей военной тематики. Однако знания о войне по вине как пишущих о ней, так и политиков, и поныне остаются во многом искаженными.

Сталинизм же нужно знать уже по тому, что его преодоление — задача не только научная, историографическая, но и политическая, нравственная. «...Надо пользоваться всяким случаем, чтобы убивать сталинизм. Это сейчас первейший долг человека, главная мера человека», — подчеркивал известный писатель Ф. Абрамов¹.

Мы не разделяем многие из предлагаемых ныне определений сталинизма, в первую очередь, наиболее расхожий тезис «Маркс — первый сталинист, Сталин — лучший марксист». Разве ответственны А. Смит и Д. Рикардо за мировой экономический кризис, за страшные операции на экономике

¹ Цит. по: Известия. 1969. 24 октября; 1990. 3 февраля.

СССР и РФ в 1991—1996 гг.? Подчеркнем, что серьезные западные исследователи также усматривают связь сталинизма лишь с *догматическим* марксизмом. Среди черт сталинизма они выделяют прежде всего неограниченную власть руководителя (или руководителей) партии, бюрократические методы, сверхцентрализацию общественной и хозяйственной жизни, волюнтаризм, иррационализм¹.

С суждением о Марксе—Сталине связана тенденциозная трактовка российской революции XX в., ленинизма, КПСС, советского периода как «провала» в истории страны (аналогичный подход к развитию Германии 1933—1945 гг. уже отвергнут западными учеными). Российские «демократы» умышленно приняли старый миф о партии как «монолите», хотя между ее секретарями и массой рядовых пролегла пропасть. С непониманием того, что сталинизм был отрицанием марксизма-ленинизма, связаны и другие ошибочные представления об этой деспотии: «ярко выраженная форма национал-большевизма» (Я. Грей); «утопия у власти» (М. Геллер, А. Некрич). «Вождь» ставил далеко не утопичные цели и, как правило, достигал их. Едва ли он повторил термидорианцев (Л. Троцкий). Те не посмели уничтожить главные завоевания революции, не восстановили феодализм и монархию. Пишут о «народном режиме» (А. Н. Сахаров). Страной действительно правили люди «подлого происхождения», но отнюдь не в интересах народа. Нельзя говорить и о простом культе (Г. Зюганов), «всевластие партийно-государственной диктатуры» (А. Бутенко). Сталинизм — не «партийная диктатура» уже потому, что ВКП(б) как политическая партия была устранена еще в 30-е гг. Нельзя сводить эту систему только ко лжи и террору (Н. Павленко)².

Сталинизм — это полное отрицание социализма, контрреволюционная автократическая система, основанная на государственной собственности, распространявшая свое влияние на все стороны общественной жизни от экономики до военного дела. Сохраняя некоторые приобретения революции, прикрываясь марксистской фразеологией, тиран цинично эксплуатировал многовековую реакционную традицию самодержавия и православия, долготерпение, доверчивость, неприхотливость, почитание и страх перед начальством, другие не лучшие свойства широких слоев населения. Он опирался главным образом на чиновников — в партии, государстве, армии, экономике, культуре, науке, церкви. Режим мог существовать лишь в условиях непрерывного чрезвычайного положения.

¹ Schlaglichter der Weltgeschichte. Bonn. 1992. S. 902.

² См.: Грей Я. Сталин; Троцкий Л. Д. Сталин. М., 1995. С. 7; Геллер М. Некрич А. Утопия у власти. М. 1995; Вопросы истории. 1995. № 7. С. 28; Русская газета. 1996. № 6; Независимая газета. 1996. 31 января.

Сталинизм носил многие негативные черты своего создателя. Для сталинистского руководства в целом были характерны: некомпетентность, авантюризм, бюрократизм, пренебрежение или полное отрицание правовых норм, предельная идеологизированность, безнравственность, часто переходящая в жестокость, принцип «любой ценой». Авторы многих новейших трудов, касаясь той или иной стороны проблемы, часто воздерживаются от обобщений. Это, естественно, искажает картину. Сталинизм поразил по существу все этажи власти. Многим партийным секретарям, министрам, директорам, генералам, академикам были свойственны невежество, самоуверенность, беспринципность и лицемерие, мздоимство и византийская страсть к роскоши, нетерпимость к инакомыслящим, сановная спесь и презрение к «нижестоящим», убеждение в собственной исключительности и праве на привилегии, грубость и сквернословие, иезуитская формула «цель оправдывает средства» и безответственность, злопамятство и мстительность, трусость и готовность к покаянию по первому требованию начальника.

Сталинизм оставил глубокие корни, поразил сознание каждого — от домохозяек до президентов. От него нельзя отмахнуться, наивно или умышленно отождествив его с коммунизмом, социализмом, марксизмом-ленинизмом¹. От него нельзя избавиться с помощью будто бы всемогущих рынка и Международного валютного фонда. Авторитаризм успешно паразитирует отнюдь не только на псевдосоциализме, но и развитом реальном капитализме. Десталинизация — не кратковременная кампания, как казалось делегатам XX съезда КПСС в 1956 г. и даже инициаторам перестройки в 1985-м. Это — весьма долгое и трудное дело. Не с крушением ли неумеренно оптимистических надежд и связаны разочарования широких кругов населения, их апатия перед лицом новых страшных физических и духовных нагрузок в связи с откровенным стремлением новых властей возместить за счет народа просчеты свои и своих предшественников, безразличие миллионов к новому демократизму, объединившему под «антикоммунистическими» знаменами даже монархистов и церковников, ничему не научившихся за тысячу лет.

Можно подчас встретить сугубо политизированные суждения о том, что интерес к годам сталинщины будто бы «иссякает»; что не стоит предъявлять новые обвинения убийце миллионов и таким образом отвлекать внимание от современных проблем. Однако мы только начали критику. Можно назвать Сталина величайшим преступником всех

¹ О социализме как «об одном из великих политических течений» см.: Wörterbuch Staat und Politik. Bonn. 1991. S. 625.

времен и народов, сталинизм — чудовищным явлением, но в жизни следовать его нормам, мыслить его категориями. В правоведении, может быть, и не нужно устанавливать обстоятельства 101-го злодеяния преступника, если первые 100 уже доказаны. История же стремится восстановить полную картину, что способствует решению именно нынешних задач.

Вокруг сталинизма в 1985—1997 гг. в РФ происходило, на первый взгляд, нечто непонятное. По мере перехода инициаторов перестройки от осуждения Сталина и его культа к серьезной критике всей авторитарной системы «демократы» перестраивались на «разоблачение» К. Маркса и В. Ленина, ВКП(б)—КПСС в целом, Л. Брежнева и других эпигонов сталинизма¹. Самого же творца этой системы все больше отодвигали на задний план. Под флагом преодоления «коммунизма» сохраняли многие сталинские идеи и институты. С годами становилось все более ясно, что главные наследники сталинизма так и не покидали Кремль. Просто генсеки и другие члены политбюро уступили место кандидатам в члены. Новый режим, созданный «вторыми лицами», мало чем отличается от старого, такого же антинародного.

Вдвойне злободневна тема «сталинизм и война». Сталин и созданная им система оказали роковое влияние на ход и итоги войны, на последующее развитие СССР и других стран. Мрачная тень генералиссимуса упала и на военную историографию. Среди всех разделов исторической науки СССР она остается главным прибежищем сталинистской методологии и идеологии. С этим связаны все искажения истории войны, в их числе и формула умолчания. Это питает экстремистские нападки на прошлое. Незнание темы задерживает исследование по существу всех важнейших проблем истории XX в. Учитывая, что подавляющее большинство военно-исторических публикаций в последние десятилетия были посвящены в СССР событиям 1939—1945 гг., под военной «историографией» мы понимаем научную и мемуарно-исследовательскую литературу о второй мировой войне. «Военная историография» в монографии часто отождествляется также с официальной «историографией». Вплоть до середины 80-х гг. вся или почти вся литература о войне находилась под жестким контролем. Своеобразным «законодателем мод» в последнее время был Институт военной истории (ИВИ) с его весьма низкими научными потенциями. Литература была нивелирована. Работы, авторы которых излагали оригинальные концепции, или отдельные суждения, были редким исключением.

¹ См.: Аргументы и факты. 1997. № 7.

Отношение к сталинизму и ныне характеризует профессиональную и политическую культуру. Не только в военной историографии, но и советских общественных науках в целом, помимо научного (оно по-прежнему находится в очень стесненных условиях), есть и другие направления. Одно из них проистекает непосредственно из сталинизма. Маскируясь под марксизм-ленинизм, его представители восприняли подходы, исторические и политические взгляды Сталина. Они упорно следуют традициям 30—50-х годов, свой консерватизм прикрывают фразами о народном благе, отвергают само понятие «сталинизм». Пытаются представить, что нас преследует не реальное наследие сталинизма, а лишь призраки прошлого; будто бы сталинизм и застой умерли сами от дряхлости еще до 1985 г. Опасны некорректно эмулированные призывы прекратить самобичевание и очернение. Зряшное отрицание ничего общего не имеет ни со здравым смыслом, ни верно понятыми задачами общества. Плохо, когда эти призывы препятствуют исследованию истории, когда вполне конструктивную критику пытаются представить в виде «нападок» на армию, советскую историографию. Это так же ложно, как и отождествление с былой системой всего народа, всей партии и т. д. С концепцией вечно вчерашних смыкается выжидательная позиция большей части общественности, в том числе и многих историков.

На рубеже 80—90-х гг. со всей откровенностью заявило о себе и открыто антимарксистское направление. Оно выросло не из критики сталинизма, которая была лишь поводом. Вдохновителей этой литературы едва ли интересует истина. Скорее всего здесь — личные амбиции. В литературе о минувшей войне открытые антимарксисты отвергают все, что восхваляют псевдомарксисты и наоборот. Идеи «новых» заимствованы непосредственно из неофашистской и иной реакционной пропаганды: революционный СССР стремился к мировому господству, его политика в 1934—1941 гг. и после 1944 г. была агрессивной, Германия напала в оборонительных целях и т. п. Многие из этих авторов, впервые обратившихся к теме, часто обнаруживают военно-теоретическую и историографическую безграмотность. Источниковая основа их работ ничтожна. Не случайно их единомышленником и чем-то вроде кумира стал В. Резун (Суворов). В 1992 г. после реорганизации издательств открыто антимарксистская литература стала господствующей. Работы, которые не устраивали новых лидеров, были возвращены редакциями их авторам, хотя рукописи находились уже в производстве. Открыто антимарксистская литература преуспевает лишь в «разоблачительстве», но не созидании.

Крупнейшим специалистом по истории сталинизма и войны правительственная и близкая к ней пресса представляла генерала Д. Волкогонова, бывшего заместителя начальника Главного политического управления армии и флота, бывшего начальника ИВИ, автора 30 «монографических исследований», еще большего числа статей в газетах и журналах, посвященных разным темам. Организованное им поточное производство своих трудов, его, по словам Р. Хингли, мародерство в архивах уже получили негативную оценку в литературе¹.

Двухтомник Волкогонова «Сталин» услужливые академики из РАН поспешили назвать «крупным научным исследованием». Путь Волкогонова в «ученые историки» показателен для советской исторической науки. Генерал старательно подчеркивал, что он не историк, а философ, и поступал правильно: советская философия не дает ни методологической, ни историографической и источниковедческой подготовки ни студенту, ни доктору. В течение нескольких лет Волкогонов пытался удержаться на некоей нейтральной, по сути двойственной позиции: «Я не сталинист, не антисталинист», «просто человек, ищущий правду». Противопоставляя «просчеты Сталина» в области внешнеполитической и оперативно-стратегической «преступлениям в отношении к кадрам», он считал, что в 1943—1945 гг. Сталин будто бы не допускал ошибок, а в результате войны даже понял необходимость близости руководства к народу. Под пером философа Сталин из вульгаризатора ленинизма стал его «популяризатором». Реабилитация Сталина звучит и в другой работе Волкогонова: «Думаю, что когда не останется лиц, живших непосредственно в тени «вождя», лет через 15—20, отношение к Сталину будет более спокойным». Давно, однако, нет на земле лиц, лично знакомых с Нероном, Чингисханом, Тамерланом, но отношение к этим деспотам не стало более спокойным. Утверждениями об «осторожной политике», «колебаниях» автор также оправдывает грубейшие просчеты Сталина 1941 г.

После опубликования в художественных журналах опуса о Сталине Волкогонов был назван в Академии общественных наук при ЦК КПСС доктором исторических наук. Не важно, что его «монографии» имеют отдаленное отношение к науке. По его нечаянному признанию, он работает в жанре «документальной философской прозы». В работе о Сталине действительно есть отрывки из новых документов. Но, как известно, сами по себе документы ничего не дают. Необходим отнюдь не поиск иллюстраций к уже готовой схеме. Документы нужно объективно истолковать, сделать правильные

¹ См., например: Свободная мысль. 1992. № 14; 1993. № 3.

выводы. Как прозаик, автор часто конструирует различные ситуации, мысли Сталина. Насколько художественен этот вымысел, судить знатокам. Однако в книге нет ни одного существенного обобщения, которое не было бы известно мировой науке. В ней нет концепции. Она эклектична. Автору не удалось избавиться от старых восторженных представлений о Сталине. Понятие «сталинизм» в книге не разработано. В последних своих трудах автор считал возможным утверждать, что «культовые уродства» будто бы сыграли стабилизирующую роль, способствуя укреплению морально-политического единства народов.

По поводу нападок Волкогонова на Ленина. Каждый имеет право совершенствоваться и даже менять свои взгляды. Плохо, когда это происходит не на научных, а на конъюнктурных основах; когда изменения во взглядах происходят так скоропалительно. Многих критиков задевает именно последнее обстоятельство. Их можно понять. Во все времена к ренегатам и даже просто неопитам относились с сомнением. Но в этом ли дело? Волкогонова нельзя отнести к ренегатам, поскольку он никогда не был марксистом-ленинцем ни в идеологическом, ни в методологическом отношении. По сути своей этот автор не изменился: приспособлялся и до, и после 1985 г. Главное в том, чтобы место научной критики марксизма-ленинизма (либерализма, фашизма и т. д.) не занимал шабаш язычников, расправляющихся с богами своих некогда грозных, а сейчас поверженных врагов. Не сильно изменилась и концепция генерала. Отождествление сталинизма с ленинизмом — это та же, может быть, более основательная реабилитация первого. Вообще, подобные головокружительные повороты, смешение исследовательского с популярным, науки с беллетристикой, концептуального с образным не ограничиваются в СССР публикациями лишь одного автора. Это — широко распространенный порок. Отсталость отечественной историографии, в частности, проявилась в том, что в формировании исторического сознания наука в значительной мере оттеснена мемуарной и особенно художественной литературой и журналистикой.

Представители обоих антимарксистских направлений весьма близки методологически. И те, и другие заимствуют многие сталинистские принципы. Истории науки давно известно, что внешне противоположные отступления от логики, от истины часто смыкаются друг с другом. Эти направления несовместимы лишь по форме. Существо же — неприятие марксизма-ленинизма — едино. Непоследовательная критика сталинизма объединяется ныне с восхвалением.

Нельзя согласиться, что участники дискуссии разделились лишь на две основные группы: за сохранение и развитие наследия Маркса—Ленина и отречение от него. На

деле таких групп, по меньшей мере, три: одна принимает это учение как одну из основ дальнейшего развития научной методологии; другая отвергает его; третья, признавая его на словах, утверждает, что марксизм-ленинизм был будто бы полностью претворен в жизнь при Сталине и его преемниках. Вторые и третьи фактически объединились, по крайней мере, в отрицании того факта, что сталинизм был антиподом марксизма-ленинизма. Им выгодно принимать ложные утверждения Сталина и продолжателей его «дела» о построении «основ социализма» в СССР, о начале «постепенного перехода от социализма к коммунизму», о «развитом социализме» и т. п.

Истолкование прошлого в литературе этих направлений односторонне идеологизированно. Так, из трудов открытых антимарксистов при освещении истоков и виновников действительно кровавой гражданской войны исчезли местная и зарубежная контрреволюция, все политические партии, кроме большевистской. При изложении проблем второй мировой войны они выдвигают на первый план на самом деле безнравственную дипломатию Сталина, обходя молчанием фашизм с его неограниченными захватническими целями и соответствующими средствами. Ревнители традиционной литературы сплошь отвергали все западное обществознание, ныне же чуть ли не вся альтернативная литература построена на нем. Причем часто реакционные его положения воспринимаются не просто некритически, а как истина в высшей инстанции. Так, новизна двухтомника «Наше Отечество» (1991) заимствована в основном из зарубежной литературы 20—80-х гг. Любые односторонности нехороши. Выбрасывать из истории целые десятилетия с их негативным и позитивным опытом значит по-прежнему воспитывать манкуртов¹. Убедить человека в том, что вся его жизнь — сплошные грехи и заблуждения — значит сделать его неспособным создавать достойные настоящее и будущее.

Пораженная сталинизмом история стала полем небывало острой борьбы мнений авторов научных, мемуарных, публицистических и художественных произведений. Эту дискуссию трудно переоценить. Наивно сводить ее к столкновению личных взглядов, хотя подчас и это прослеживается. Не случайно она стала предметом пристального изучения зарубежных ученых. На Западе вышел ряд специальных работ. Среди них — статьи Б. Бонвеча, профессора Бохумского университета, Дж. Эриксона, профессора Эдинбургского университета, книга Р. Дэвиса, профессора Бирмингемского университета «Перестройка и история». В общих чертах авторы отразили важные изменения в советской, главным образом

¹ По Ч. Айтматову, манкурт — умышленно лишенный памяти.

публицистической и художественной литературе о войне, происшедшие в 1985—1990 гг. Они обратили внимание на поворот к правдивому освещению роли Сталина в войне, критику мифа о великом полководце¹.

Переписывание истории, пишет журнал «Тайм» (США) стало в СССР традицией. «Это — единственная страна в мире, где прошлое непредсказуемо». Однако важно отличать переписывание в корыстных интересах Сталина, Брежнева, Ельцина от совершенствования картины прошлого вследствие теоретического роста исследователей, расширения источников, преодоления конъюнктурных влияний. В стране не только не решены, но даже не сформулированы задачи исторической науки, связанные с осмыслением ее собственной истории, ее функций и влияния на массовое сознание, хотя в РАН есть специальные подразделения, называемые историографическими. Непредсказуемость прошлого отнюдь не преодолена.

Официальные материалы, опубликованные в армейской газете «Красная звезда» 9 мая 1992 г., свидетельствуют о стремлении определенных кругов вернуться к сталинской традиции: 9 мая 1945 г. «были неуместны сомнения даже в самых жестких и бесчеловечных приказах, не возникали праздные упреки в ошибках, которых невозможно было избежать в тех сложнейших, критических условиях» (Б. Ельцин). Что это, как не прямая реабилитация сталинизма и приглашение свернуть научное осмысление опыта войны? На Западе в связи с открытием новых архивов, появлением нового поколения исследователей, крушением той системы устройства Европы и мира, которая возникла в 1945 г., повысилась активность в изучении войны².

В бывших же «социалистических» республиках происходит нечто противоположное. В них не только не расцвели сто цветов, как можно было ожидать в момент провозглашения гласности. Не только научную, но и популярную литературу о войне вытеснило «легкое чтение». Очевидно, играет роль и другое обстоятельство. Кое-кто стремится обойти молчанием военную тему, неразрывно связанную с проблемой активного участия в войне многих миллионов коммунистов. Эта тема, по мнению лидеров, не обещает агитационного эффекта.

¹ Der Zweite Weltkrieg. München. 1990; Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. Göttingen. 1991; Davies R.W. Perestroika und Geschichte. München. 1991; The Journal of Military. Vol. 56. № 2. April 1992.

² См., например: Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941—1945. B. 1991; Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am Main. 1991; Als der Krieg zu Ende war. Frankfurt am Main. 1995; Churchill W. S. Der Zweite Weltkrieg. Wien. 1995; Falin V. M. Zweite Front. München. 1995; Keegan J. Die Kultur des Krieges. Berlin. 1995; Weinberg G. L. Eine Welt in Waffen. Stuttgart. 1995.

Как исследована тема «сталинизм и война»? Начало изучению сталинизма положили труды участников революции, контрреволюции и гражданской войны в СССР, эмигрировавших за рубеж в 20—30-е гг. Центральное место среди них занимают труды Л. Троцкого¹. В 30—80-е гг. на Западе появилась довольно значительная литература о Сталине и в меньшей степени о сталинизме, хотя многим составляющим ее трудам и свойственны персонификация этого явления, влияние доктрины «тоталитаризма». Литература опиралась и до сих пор опирается на недостаточную базу источников, особенно по истории сталинизма периодов военного и послевоенного. В условиях «холодной войны» часть авторов была поражена риторикой и политическими предрассудками. Некоторые из трудов зарубежных историков изданы в СССР. В их числе: «История Советской России» Э. Карра, «Большой террор» Р. Конквеста, «История Советского Союза» Дж. Боффа, «Сталин» Р. Такера, «Сталин в 1917 году» Р. Слассера. Особое место занимают капитальные исследования Дж. Эриксона, профессора Эдинбургского университета, по истории войны на советско-германском фронте. Большое внимание уделяет автор и сталинскому руководству войной. В целом зарубежные ученые более сдержаны в оценке советской истории, чем их коллеги из СССР — РФ.

Большинство советских историков, опубликовавших свои книги о Сталине и сталинизме, не считают их научными. О. Волобуев и С. Кулешов назвали книгу «Очищение — история и перестройка» публицистическими заметками; Л. Гордон и Э. Клопов книгу «Что это было?» — размышлениями. К жанру «философской публицистики» отнес книгу «Конец утопии?» М. Капустин, в качестве лекции издал брошюру «Истоки сталинизма» А. Зевелев, группа авторов представляет двухтомник «Наше Отечество» в виде учебника, А. Ципко издал «рассказ», научно-художественные очерки — «Насилие лжи». Научными представляют свои книги А. Антонов-Овсеенко «Сталин без маски», Р. Медведев «О Сталине и сталинизме»². Важные аспекты истории сталинизма получили отражение в монографиях П. Волобуева «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность», А. Алаторцевой «Советская историческая периодика 1917 — середина 30-х годов».

Многочисленны сборники научных и публицистических статей. Среди них — опубликованные издательством полити-

¹ См., например: *Троцкий Л.* Сталин. В 2-х т. М., 1990.

² *Medwedew R.* Das Urteil der Geschichte. Stalin und Stalinismus. Bde 1—3. B. 1992.

ческой литературы: «Историки спорят», «Урок дает история», «Суровая драма народа», «Переписка на исторические темы», «Открывая новые страницы...», «Ленинская концепция социализма», «История Отечества», «История и сталинизм». Из сборников, увидевших свет в издательстве «Прогресс», отметим «Осмыслить культ Сталина»; в издательстве «Московский рабочий» — «Историки отвечают на вопросы»; в издательстве «Патриот» — «Вождь. Хозяин. Диктатор»; в издательстве «Высшая школа» — «Страницы истории КПСС»; в издательстве МГУ — «Режим личной власти Сталина», в Лениздате — «Страницы истории». Авторами этих строк опубликован ряд работ об истоках и сущности сталинизма и гитлеризма, методологии освещения прошлого¹, о сталинизме и войне².

В целом выход в свет многих работ советских исследователей и публицистов необходимо характеризовать положительно. Они обратились к теме, недоступной для них в течение десятилетий, ввели в научный оборот значительный материал, сделали ценные наблюдения и серьезные обобщения.

Однако по своему уровню названные работы неоднозначны. Некоторые из них несут на себе печать поспешности, представляют некое сочетание выдержек из документов с банальными рассуждениями или предположениями авторов. В ряде издательств и редакций вместе с разумным отказом от цензуры и авторитарного редактирования явно ослабили тре-

¹ См.: Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины М., 1984; История СССР. 1987. № 6; Правда. 1987. 31 марта; 1992. 20 июня; Московская правда. 1988. 4 сентября; Известия. 1990. 22 августа; Советская культура. 1990. 2 июня; Сельская жизнь. 1990. 4 ноября; История и сталинизм. М., 1991; Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Наследие Жомини и современность // Военно-исторический журнал. 1994. № 1.

² См.: Мерцалов А. Н. Мюнхен: ошибка или циничный расчет. М., 1988 (на англ. и др. яз.); Социалистическая индустрия. 1988. 15 мая, 1 сентября; Московская правда. 1988. 10 июня, 25 сентября; Коммунист Вооруженных Сил СССР. 1988. № 21; в кн.: Самсонов А. М. Знать и помнить. М., 1988; Fenomen Stalina. Warszawa. 1988; Реабилитирован посмертно. М., 1988, 1989 (изд. 2-е); Украинский исторический журнал. 1989. № 5, 6; Страницы истории. Л. 1989; Историки отвечают на вопросы. М., 1990; Мерцалов А. Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989 (реп.: Коммунист. 1990, № 15); История СССР в современной западной немарксистской историографии. М., 1990. Коммунист. 1990. № 6; Известия. 1990. 19 ноября; Поиск. 1990. № 17; Вечерняя средняя школа. 1990. № 3; 1418 дней войны. М., 1990; Вопросы истории. 1991. № 2—3; Родина. 1991. № 6—7; Тыл Вооруженных сил СССР. 1991. № 6; Aus Politik und Zeitgeschichte. 1991. № 24; Barbarossa. Edinburg. 1994. P. 134—149; Мерцалова Л. А. Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ. М., 1991; Stalinismus und Hitlerismus — Versuch einer vergleichenden Analyse // Diktatur und Emanzipation. Essen. 1993; Рубеж. 1992. № 3; Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Довольно о войне? Воронеж. 1992; Свободная мысль. 1993. № 1, 3, 6; Сталинизм и война. М., 1994; Г. К. Жуков: новое прочтение или старый миф. М., 1994; Отечественная историография второй мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 9; Иной Жуков. М., 1996.

бования к содержанию публикаций. Большинство книг и статей испытывает влияние двух антимарксистских направлений. Это сильно препятствует преодолению старой методологии, в то же время порождает новые по форме фальсификации. С неосвещенностью проблемы «сталинизм и война» непосредственно связано и то обстоятельство, что и военная историография в целом в последние годы почти не сдвинулась с места. Число работ, написанных с научных позиций, сравнительно мало. В этой связи необходимо в первую очередь отметить новейшие труды В. Дашичева, В. Кулиша, Н. Павленко, А. Самсонова, В. Секистова, М. Семиряги, В. Смирнова, а также труды В. Бойцова, С. Кудряшова и ряда других молодых ученых.

Ныне многие требуют покаяния, но немногие готовы каяться. «...Мне горько, конечно, сознавать, — говорит Ю. Кукушкин, — что я не проявил мужества до 1985 года, трактуя вопросы культа личности Сталина, что я следовал тем доступным материалам, которые были у всех нас». Но разве нельзя было обратиться к зарубежным изданиям? Один из авторов этой монографии, занимаясь наукой с конца 50-х гг., также не был исключением по части «мужества». Он публиковал свои работы по западногерманской историографии войны, вопреки официальным канонам показывая ее прогрессивную эволюцию и расслоение. Однако, следуя общей оппортунистической линии, он не сумел сделать что-либо существенное против государственной фальсификации военной истории. Даже в изданной в 1989 г. монографии «Великая Отечественная война в историографии ФРГ» (с. 64—101) некоторые его оценки пакта от 23 августа 1939 г., например, приспособлены к вкусам издательства «Наука». Уступая в большем или меньшем, он «спасал» свои книги, находя в этом достаточно жалкое утешение.

Особенно недопустимо преувеличивать задним числом свою оппозиционность. В. Анфилов, например, утверждает в 1991 и последующие годы, будто бы ему «за критику сталинщины пришлось дорого поплатиться». Каким образом он «поплатился», известно, очевидно, только ему самому. Мы же примем во внимание, что свою достаточно подвижную концепцию первого периода войны автор регулярно публиковал в престижных издательствах. Это — книги: «Начало Великой Отечественной войны», «Незабываемый сорок первый», «Крушение похода Гитлера на Москву 1941» (1962, 1982, 1989). Читатель легко убедится в том, что автор очень далек от «диссидентства», подчас и от науки, что, если он «колебался», то непременно вместе с «колебаниями генеральной линии». С. Неретина в статье «История с методологией истории»¹ явно

¹ Вопросы философии. 1991. № 9.

переоценила роль М. Гефтера в борьбе со сталинизмом в историографии и степень его нонконформизма. Он будто бы был одним из тех, кто «решился вывести историческую науку поистине из «египетского плена».

В последние годы в литературе РФ внимание к научной критике сталинизма ослабло. Составляет исключение впервые изданная в стране книга Л. Троцкого о Сталине. Наблюдения автора помогают глубже оценить такие черты «абсолютного самодержца», как властолюбие, вероломство, грубость, мстительность, нелояльность, «бесформенный эмпиризм, дополненный политической двойственностью», «неповоротливый ум», «отсутствие исторического воображения». Автор отмечает также бюрократизм режима, организованную «вождем» фальсификацию прошлого, его «смертельный страх» перед армией. В большинстве же изданий преобладает внимание к мелким сенсационным темам, вроде: «Иосиф Сталин — английский шпион». Вышли в свет брошюры охранника А. Рыбина «Сталин и органы ОГПУ», «Сталин на фронте», «Сталин в Сталинграде». В какой-то мере тема отражена в изданной в 1996 г. книге П. Судоплатова «Разведка и Кремль». Наблюдаются реабилитация и просто апология Сталина. «Непревзойденным Верховным Главнокомандующим» выступает он в изданной в РФ книге англичанина Я. Грея. Вслед за пропагандой Сталина американец Р. Пайпс в книге «Три почему русской революции» (1996) представляет его «учеником Ленина»¹. За спину Ленина спрятал диктатора Б. Курашвили в «Исторической логике сталинизма» (1996). Пообещав «признать реальные огромные заслуги» и «осудить его трагические ошибки», автор по существу забывает о второй своей задаче. Ссылки на некие объективные обстоятельства, обильное цитирование Сталина, заумные построения фактически оправдывают изначально порочную «генеральную линию» генсека. В этом же ряду стоят публикации В. Молотова, Л. Кагановича, родственников И. Сталина, Л. Берии. Реабилитации тирана фактически служит и получивший широкое распространение очередной вариант старого мифа о «первом маршале», на этот раз о Г. Жукове. Его авторы безудержно восхваляют самого близкого к «вождю» военного выдвиженца, наиболее последовательного среди всех армейских сталинистов.

4

Предмет исследования в монографии «Сталинизм и война» составили в первую очередь публикации самого Сталина, лиц из его группы. Многие из их докладов, статей, выступлений,

¹ Независимая газета. 1996. 21 декабря.

воспоминаний до сих пор научной критике не подвергались. Авторы анализируют отражение темы в партийных и советских документах 30-х—начала 90-х гг. Значительное место среди источников занимают неопубликованные и опубликованные документы минувшей войны. Среди новейших публикаций — 12—15-й тома Русского архива (1993—1995). В них представлены материалы совещания руководителей РККА в декабре 1940 г., приказы НКО (1937—1945), Берлинской операции. Это капитальное издание уже получило положительный отклик в научной литературе. Отметим также сборники документов: Сталинское Политбюро (1995), Большевицкое руководство (1996). Большое внимание уделено публицистической литературе 1985—1997 гг. Без этого нельзя учесть реально существующую связь между политикой и историографией. Публицистика разных направлений неизменно обращается к истории вообще, военной, в частности. В ней часто рождаются новые идеи, которые лишь впоследствии получают обоснование и развитие в литературе научной. Тем более это относится к отечественной публицистике последних нескольких лет. Нередко статьи в газетах и журналах, ориентировавшихся на перестройку, отличаются большими глубиной и новизной, чем иные книги, названные в свое время «монографическими», в том числе 12-томная история второй мировой войны и другие провалившиеся многотомники.

К публицистике ряд ученых относится снисходительно. Некоторые члены РАН (в частности, В. Куманев, Ю. Поляков), стремясь приглушить активность историков в прессе, осуждали частные ошибки, «увлечение показом негативного», «перекосы», призывали к прекращению некоего «митингового периода», «лозунговой историографии», третировали «устную историю» (воспоминания репрессированных). В этом проявляется общее стремление приписать перестройке то, что является наследием прошлого. «Небывалая политизация истории», разумеется, возникла не без участия «воинствующего дилетантизма», фальсификации. Но они появились и укоренились еще при Сталине. Пакт 23 августа 1939 г., например, не был бы так успешно использован современными агрессивными сепаратистами, если бы он был правдиво освещен в свое время. Никто в мире в связи с этим пактом не обвиняет Германию — она давно отреклась от гитлеризма. Восхваление в нынешней отечественной литературе Николая II и Столыпина — это в числе прочего и реакция на столь же несостоятельные нигилистические оценки официальных историографов. Нас призывают сменить будто бы «надоевшие круглые столы» на прямоугольные — рабочие. Оправдано ли такое противопоставление? Разве бывает наука без дискуссий? В целом РАН и по прошествии многих лет не имеет четкого представления о том, как вывести историческую науку из глу-

бочайшего кризиса. В 1985—1997 гг. проблема не стала даже предметом широкого обсуждения. В старые времена историкам мешал диктат Старой площади. Что же в эти годы помешало ведущим (по должностям!) ученым собрать, например, второе за 30 лет всесоюзное (всероссийское) совещание историков?

Естественно, историческая публицистика далеко не безгрешна. В ней можно встретить и нечто легковесное и кое-что похуже. Есть стремление представить себя первооткрывателем того, что на самом деле было опубликовано еще в первые годы после Октября, но было погребено в спецхране. Есть целые издания, напоминающие во многом западную неофашистскую публицистику, например, Военно-исторический журнал при главном редакторе В. Филатове. Многие материалы журнала отличали крайняя идеологизированность, отход от элементарных требований науки, вытеснение языка жаргоном.

Пресса в целом как весьма влиятельная сила во многом ответственна за ту ситуацию, которая возникла не только в науке, но и популяризации знаний. Совершенно не подготовленные люди навязывают миллионам слушателей и читателей по меньшей мере спорные представления о прошлом. Среди них — бездарные певцы и «мастера разговорного жанра», непризнанные в своей среде художники, шахматисты и тяжелоатлеты, философы и юристы, строители и математики. Некоторые из них, например, А. Иванов с пафосом отстаивают свое «право» судить о прошлом, забывая, однако, что помимо «права» нужно обладать еще и знанием предмета. Ложно понятая публицистичность свойственна порой и сугубо научным изданиям. Так, очерк В. Рязанцева о гибели М. Кирпоса и его соратников¹ назван «Обреченный на подвиг». На самом деле, в группе бойцов и командиров РККА, возглавляемой генералом, не было «обреченных». У них был выбор и в субъективном, и в объективном смысле слова.

И тем не менее трудно предположить, что исследовательские, документальные, мемуарные публикации что-то потеряют, если они увидят свет не в книгах, а в газетах и журналах, что научный уровень статьи ученого упадет, если она будет опубликована не в сборнике, а в прессе. Публицистика «устаревает» далеко не вся и совсем не только от того, что актуальность ее исчезает. Скорее всего это происходит из-за ее малодоступности. Спустя несколько дней, недель, месяцев, нужную вам вещь вы сможете найти лишь с очень большим трудом. Интересно, что публицистика 1987 и последующих годов, если не единственная, то главная арена, где постоянно проходила в целом плодотворная дискуссия о сталинизме, о

¹ См.: Новая и новейшая история. 1991. № 5.

минувшей войне, их освещении. Ученым историкам нужно не «воевать» с публицистами, а помогать им квалифицированно выполнять их работу. Созданы курсы для журналистов, специализирующихся в экономике. Не создать ли аналогичные исторические курсы?

В значительной мере выводы из монографии «Сталинизм и война» основываются на мемуарных публикациях, главным образом, новейших. В первую очередь — это воспоминания советских и германских полководцев, офицеров, солдат. Сравнительно большее место занимают теперь воспоминания советских и зарубежных политических и общественных деятелей; советских писателей и ученых. Учтены художественные произведения. Однако авторы не могут принять некоторые крайне эмоциональные оценки. По мнению Ю. Бондарева, например: «История России забросана смрадной грязью. Великая Отечественная война опоганена тыловыми трусами и зелеными юнцами из программ телевидения и еще более зелеными нигилистами из неистового «Московского комсомольца». Другие не менее страстно отвергают победу в войне на том основании, что она досталась непомерной ценой и будто бы отвечала интересам одной лишь сталинской клики. Полны гипербол работы А. Солженицына: «бездарно проведенная, даже самоистребительная, «Отечественная» (кавычки писателя), «положили на плахи или спустили под откос треть своего населения». И далее. «Не гордиться нам и советско-германской войной, на которой мы уложили за 30 миллионов, вдесятеро гуще, чем враг, и только утвердили над собой деспотию».

5

Авторы монографии исходят из того, что советская официальная историография, особенно военная, лишь на словах следовала марксистско-ленинской методологии. На самом деле она в течение десятилетий в основном руководствовалась сталинскими подходами к освещению прошлого. Ныне анти-марксисты широко используют пассивность или теоретическую слабость обществоведов. Они не представляют себе, что в марксизме-ленинизме является непреходящей ценностью, что вызвано конкретными историческими условиями, а что — просто ошибочно, им неведома эволюция учения.

Большинство обществоведов знакомы с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина и тем более других теоретиков социализма лишь по чужим пересказам. Их удивит, что многие в мире признают значение диалектического материализма, что на Западе констатируют ренессанс марксистского мышления, в первую очередь, при рассмотрении капитализма и фа-

шизма. Искаженное представление о Марксе—Ленине возникло под влиянием того религиозного почитания, которое культивировалось сталинизмом. С этим связаны абсолютизация роли марксизма в развитии социалистической мысли, попытки обойти молчанием созданное его предшественниками. Так, Ленину искусственно приписывали классификацию войн по их политическому характеру. В действительности, выделяя войны справедливые и несправедливые, он, несомненно, опирался на труды специалистов, в первую очередь, одного из крупнейших военных теоретиков и историков, основателя российской академии Генерального штаба Г. Жомини, разработавшего такую классификацию еще в первой половине XIX в. В уста Ленина вкладывают мысль Х. фон Мольтке-старшего, о том, что в современный период (вторая половина XIX в.) войны ведутся не только армиями, но и в целом народами. Естественно, Ленин несколько не нуждался в таком возвышении его заслуг, тем более что Мольтке из своих обобщений делал охранительные выводы, а Ленин — революционные. Догматическое отношение к наследию классиков марксизма-ленинизма, расцветшее буйным цветом при Сталине, сохранилось до сих пор.

В той же связи необходимо рассматривать упорное стремление издателей, авторов различных трудов обойти молчанием ошибки классиков, например, суждения о «реакционных нациях». К последним были отнесены, в частности, чехи, ориентировавшиеся в своей освободительной борьбе на царскую Россию; боровшиеся же с царизмом поляки считались прогрессивными. Не восходит ли к этой ошибке деление Сталиным наций на «агрессивные и миролюбивые»? Необходимо по-новому взглянуть на трактовку некоторыми учеными из Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС конфликта в I Интернационале между К. Марксом и М. Бакуниным, а также роли Н. Утина в этом конфликте. На наш взгляд, даже в условиях цензуры Б. Козьмину в книге «Русская секция Первого Интернационала» (1957) удалось несравненно более объективно осветить этот вопрос. Были ли Маркс и его помощник Утин абсолютно правы по отношению к Бакунину и другим революционерам, как это пыталась представить официальная историография?

В СССР культивировали представление о том, что Маркс, Энгельс, Ленин, едва коснувшись той или иной проблемы, решали ее бесповоротно и окончательно. Честный исследователь обнаружит в их трудах положения, актуальные лишь для того периода. Таков тезис об абсолютном обнищании рабочих. Догматически перенесенный в более позднее время, он лишь компрометировал его пропагандистов. К трудам Маркса—Энгельса—Ленина необходимо относиться, как к обычным научным или публицистическим работам XIX—XX вв.

Кстати, они сами любили повторять мудрые слова, чтобы их больше читали, чем почитали.

Сталин и его группа поступили с наследием Маркса—Ленина в лучшем случае как семинаристы с катехизисом. Той же крайней идеологизированностью, догматизмом страдает и критика новоявленных борцов против марксизма-ленинизма. В этом нет ничего удивительного: они посещали обязательные лекции тех же профессоров истории КПСС, «научного коммунизма» в Высшей партийной школе, Московском, Ленинградском, Свердловском и других университетах. Так же односторонни их попытки свести марксизм-ленинизм в целом к нетерпимости, бескомпромиссности. Та же фальсификация в большом и малом. Например, переводят марксов тезис «экспроприация экспроприаторов» на просторечный русский «грабь награбленное» и объясняют это «лозунгом Октября»; доводят до абсурда ленинские слова о кухарках, управляющих страной. На самом деле после Ленина ею управляют, как правило, полубразованные люди. Но как можно обвинять в этом Ленина?

Третировать Ленина или Маркса стало признаком хорошего тона. Так поступают даже те авторы, которые исходят из современной значимости ленинских идей. Н. Шмелев, например, видит в применении опыта нэпа «спасение» нынешней экономики страны. Он предлагает обеспечить полную свободу частной инициативы и предпринимательства в рамках средних и мелких предприятий, восстановить дееспособность рубля, налог на крестьянина не свыше 10 процентов объема его производства. В то же время возникновение нэпа автор объясняет весьма странно. Ленин будто бы «ужаснулся», увидев, «что он натворил» («военный коммунизм»), но «к чести его опомнился перед самой своей смертью». Ученому экономисту должно быть известно, что основы экономической политики, которую потом назовут «новой», Ленин провозгласил еще в начале 1918 г. в работе «Очередные задачи Советской власти». В условиях же начавшейся вскоре гражданской войны Ленин, как и любой другой на его месте, весьма часто был лишен свободы выбирать те или иные меры.

Свобода слова не пошла впрок многим нашим соотечественникам. Вследствие низкой культуры они не довольствуются ею и переходят к вольной воле. Переход из одной крайности в другую объясняется недостатками не только нравственных, но и методологических позиций. Много лет работали могучие коллективы над краткими очерками истории СССР, краткими очерками истории КПСС, новым многотомником о Великой Отечественной войне. Но подписчик и читатель тщетно ждут плоды этой работы. На наш взгляд, главное дело в том, что авторам не удастся показать взаимодействие прогрессивной и регрессивной тенденций в

развитии советского общества, интересов народа и сталинского режима. Обществоведы оказываются не в состоянии прочесть заново теоретическое наследие, созданное предшественниками (не только Марксом и Лениным!) во имя социального освобождения человека, очистить это наследие от сталинизма. Такое прочтение позволило бы осуществить точный анализ новых реальностей и сформировать правильные политические решения, использовать это наследие в конкретных науках.

История человечества знает примеры, когда не только отдельные революционеры, но и революции в целом вставляли на путь сплошного отрицания всего, что им предшествовало. Повторятся ли эти ошибки? Зачем отвергать роль идеологии вообще, если в СССР имели несчастье так долго исповедовать ложную — сталинистскую идеологию? Зачем отвергать учение, с которым и люди науки, и обыватели знакомы лишь по жалким карикатурам, методологию, которая на самом деле никогда не применялась? Создавая историю сталинизма и войны, ученый и ныне постоянно сталкивается с необходимостью отстаивать положения, которые в обычных условиях представляются вполне элементарными. Такова мысль Бакунина: истина «всегда и везде полезна»¹.

Однако многие из нас воспитаны в духе другого принципа. М. Суслов и А. Епишев говорили: зачем нужна истина, которая нам вредна? Как известно, к абсолютной истине мы можем лишь стремиться. Тем не менее, следуя сталинской традиции, многие авторы пытаются представить свои достижения в качестве последнего слова науки. Таковы, например, суждения ряда маршалов и генералов о людских потерях СССР в годы войны.

Можно объявить исторический материализм «болтовней» (М. Мамардашвили). Нельзя, однако, пренебречь непреложными требованиями здравого смысла и морали: при изучении предмета, явления стремиться узнать все их стороны; не выдавать неполное, частичное знание за окончательное, завершенное; исходить из необходимости изучать общее и особенное в предметах, явлениях; рассматривать их в развитии; воздерживаться от упрощенных суждений. Безнравственно пренебрегать этими и другими элементарными правилами в политических или иных целях.

Для литературы РФ характерно легковесное отношение к теории. Уже вследствие этого необходимо прежде всего договориться о дефинициях. Без этого немыслима критика сталинизма, особенно при сохранении в обществе сильных позиций его последователями. Сдать членский билет КПСС, объявить себя демократом, занять выгодный пост в системе

¹ Цит. по: Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1990. С. 299.

новой власти много проще, чем преодолеть в себе пороки, свойственные сталинизму. Язык советского обществоведения и публицистики никогда не был совершенным. В годы перестройки он стал еще хуже. В условиях гласности и плюрализма пишут и говорят очень многие, в том числе и не подготовленные к тому. В применении различных понятий царит повальный произвол. Это грубо противоречит культурным традициям. «Вначале было Слово», говорили древние. Одно из главных наследий сталинизма — разрыв между словом и делом. Ныне он еще более усилился. Давно установлено, что пренебрежение к понятийному аппарату не нейтрально в методологическом и идеологическом отношениях. Применение иностранных слов вроде «консенсус» (согласие), «дайджест» (подборка), «презентация» (представление) никакой необходимостью не обусловлено, если не считать таковой желание полуобразованных людей подняться в собственных и чужих глазах. Но и эти слова засоряют язык, отнюдь не обогащая его.

Многие же нововведения лишены необходимой научной основы. Ряд авторов применил термин «постсталинизм» и «неосталинизм», хотя у нас нет еще устоявшегося определения самого сталинизма. М. Горбачев в связи с обсуждением проекта программы КПСС с полным основанием говорил в июле 1991 г., что нам не обойтись без «современного осмысления нашей истории и ее уроков», «без основательного анализа сталинизма». К сожалению, разработанный большим коллективом ученых проект программы КПСС, опубликованный в «Правде» 8 августа 1991 г., также страдает пренебрежением к понятийному аппарату. Этот проект пронизан идеей преодоления сталинизма, и тем не менее само понятие «сталинизм» по неясной причине скрыто за терминами «тоталитарная система» (диктатура, режим), «казарменный социализм», «сверхцентрализованное административное управление», «авторитарно-бюрократические методы». Наблюдаются различные манипуляции со словом «демократия». Ее отождествляют с «антикоммунизмом». Так, в лагере «демократов», оказываются фашисты, шовинисты и сепаратисты, бонапартисты и популисты в их современных восточноевропейских разновидностях. Здесь играет роль не только полуобразованность. Размывание понятий политически выгодно определенным кругам. Таковы термины «центр», «левые», «правые». В борьбе за власть эти круги пытаются сломать ряд традиционных понятий, например, «патриотизм», вводят словосочетания «прогрессивный консерватизм», «цивилизованный авторитаризм», «народный тоталитаризм» (Б. Капустин). Не выдерживает критики отнесение к либералам политиков, руководимых В. Жириновским.

Искажают понятие «революция». В мировой научной ли-

тературе оно означает, как известно, коренной переворот в социально-экономической и политической структуре общества. В отличие от реформ революции предполагают качественные и быстрые изменения. Именем революции часто прикрываются различные регрессивные силы; «национальная социалистическая революция» (А. Гитлер), «консервативная революция» (Р. Рейган). Тем не менее в научной литературе нет спора о том, что революции прогрессивны. Идеалом Маркса и его подлинных преемников является время, когда социальные революции перестанут быть насильственными революциями¹. Сталинисты же и другие антимарксисты считают, что революции немыслимы без кровопролития. КПСС устами Хрущева пыталась отмежеваться от этого обвинения и показать по существу бескровный характер Октябрьского переворота. На рубеже 80—90-х гг. советские антимарксисты вполне преднамеренно предали этот факт забвению. Начатая Горбачевым и его группой мирная перестройка по своим целям, несомненно, была революцией. Антимарксистская же пресса развернула кампанию против Октября и заодно революции вообще, сводя их к войнам, разрушениям, эпидемиям, голоду. Так, Р. Рывкина весьма некорректно поставила в общий ряд «кровавых событий нашей истории» 1917, 1929, 1937, 1939—1945 гг. Впрочем, вскоре революции начали реабилитировать — понадобилось оправдать антиконституционные акции новых властей. Пресса почти единодушно стала прославлять «насильственную великую августовскую буржуазно-демократическую революцию». Ее стали называть также «антитоталитарной, антикоммунистической». Последующее развитие показало, однако, что речь идет скорее о реставрации, чем о революции — насильственная капитализация, активное свертывание демократического процесса 1985—1991 гг., вытеснение сталинского атеизма таким же агрессивным и примитивным теизмом, волюнтаристская замена сверхцентрализованного государства средневековым конгломератом внешне самостоятельных государств, сопровождающаяся болезненным разрывом многовековых экономических, политических, духовных, военных и иных связей.

Главная цель любой революции — сохраняя разумное старое, освободить дорогу новому, лучшему. Известно, что и в развитых странах остались серьезные проблемы, что готового социального идеала по-прежнему нигде нет, что зарубежный, как и отечественный, опыт может быть воспринят лишь выборочно. Мудрый политик не будет разрушать «старый мир до основания». Не ясно, например, зачем было во имя «укрепления дружбы народов СССР» громить их союз, как это сделали три президента в Беловежской пуше. Зачем во имя улуч-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 185.

шения жизни бросать десятки миллионов людей на грань вымирания, активную социальную политику заменять жалкой благотворительностью, в целях развития экономики разрушать ее основы, во имя насаждения демократии возрождать явно реакционные институты. Такая политика, судя по всему, удовлетворяет и влиятельные круги Запада и Востока. Как иначе можно объяснить их деятельное участие в развале СССР и его позиций с выдвиганием на первый план так называемой «гуманитарной помощи», способной лишь загнать болезнь вовнутрь. Близкие к этим суждения уже высказаны некоторыми западными учеными, в частности, С. Козном¹.

В схоластическом споре («социализм кругом хорош» — «капитализм сплошь замечателен») обе стороны отрицают единственно разумную альтернативу — конвергенцию. Капитализм, что признал в наши дни и А. Сахаров, не является высшим достижением человеческой цивилизации. Академик выступал за использование положительных черт и капитализма, и социализма.

История человечества не знает простых решений. Программа «500 дней», призыв «потерпеть до осени», наивное упование на то, что дикий капитализм сам по себе сбалансирует экономические и иные отношения, опасны. В самых общих чертах основные задачи преобразований, назревших в СССР к началу перестройки, можно было бы сформулировать следующим образом: всестороннее осмысление истории и современного состояния советского общества, сравнительный анализ главных показателей СССР и зарубежных, в первую очередь, наиболее развитых стран в области экономического, политического, культурного развития, в том числе прогресса общественной мысли; разработка общей концепции и конкретных программ преобразований с учетом глубокой специфики страны; проверка концепции и программ путем экспериментов в отдельных регионах.

Одновременно с понятием «революция» идет искажение понятий «коммунизм», «социализм». Являются ли они «социальными утопиями», история скажет свое слово. Наиболее опасно игнорировать то, что никакого «реального социализма» никогда и нигде не было. Как можно признать социалистическим СССР, в котором не было правового государства, никогда не были решены продовольственная и жилищная проблемы, существовало отчуждение работника от средств производства, от участия в управлении хозяйством. Идеалам социализма не отвечает ни степень социальной защищенности, ни мера заинтересованности человека в результатах своего труда. Ряд ученых и политиков вольно или невольно отрица-

¹ Подробнее см.: Козн С. Что же происходит в России? Новая мифология для американцев // Свободная мысль. 1992. № 8.

ют, что от авторитаризма, как от семи смертных грехов, не застраховано любое общество. Ему не могли противостоять никакие религии. Тем более что сами они, как правило, авторитарны. Ни одна из наций не избежала пагубного авторитаризма в тот или иной период своего развития. Лидер Социнтерна В. Бранд еще в 1978 г. осудил слепой антисоветизм, примитивную и злонамеренную альтернативу «свобода или социализм». Социализм, демократия, гуманизм изначально связаны друг с другом. Зачем же сопровождать слово «социализм» прилагательными «демократический и гуманный»? Несостоятельны также попытки противопоставить коммунизму (социализму) рыночные отношения, различные формы собственности, в том числе и частную. Главное требование марксистов — устранение эксплуатации, а не частной собственности.

Коммунизм (социализм), как идея общества с высокими социальными гарантиями, справедливым распределением национального богатства, без войн и насилия, возник задолго до марксизма-ленинизма. Теоретически он никогда не был разработан. Словосочетание «ленинский план построения социализм» — это миф сталинской пропаганды. Нельзя отрицать, что в СССР были не только провозглашены, но и закреплены конституционно и в какой-то мере осуществлялись некоторые права граждан, соответствующие идее социализма.

Система противостояния сталинизму была названа «антикоммунизмом». Впрочем он толковался часто много шире. Ненависть распространялась на Советский Союз, на русских и другие народы, на эмигрантов из России и СССР. Так поступали фашисты, эти антикоммунисты, но не только фашисты. В свете новейшей критики сталинизма необходимо внести существенные поправки в понятие «антикоммунизм». Искусственно расширяя социальную базу политики и идеологии последнего, многие советские обществоведы лили воду на мельницу реакционных кругов, чьи цели действительно органически совпадают с антикоммунизмом. В интересах этих кругов было объединить в сознании миллионов людей понятия коммунизм и «сталинизм». Подавляющее же большинство отечественных или зарубежных убежденных или случайных сторонников этого ложного отождествления подлинного коммунизма совершенно не знают. Они — просто жертвы сталинистской и одновременно западной антисоциалистической пропаганды. «Коммунистическая идеология», писал в своем послании патриарх московский, хотя по существу речь вел о сталинистской идеологии. «События в СССР, — говорил Дж. Буш в сентябре 1991 г., — означают гибель коммунизма во всем мире». Однако коммунизма, как общества, не было. Коммунизм же как стремление к равенству, имеющий историю в несколько тысяч лет, неистребим.

«Антикоммунизм» имеет мало общего с научной критикой коммунизма, социализма («антикоммунисты» считают своими врагами и марксистов реформаторских течений). Он отвергает рациональную дискуссию, он основан на разжигании истерии. Идеологически и методологически он — близкий родственник сталинизма. Возникнув в XIX в., получив развитие в нынешнем столетии, он нанес человечеству огромный ущерб и не только в духовной жизни. Он оправдывал бессмысленное растраниживание громадных материальных ценностей, отвлекал человечество от подлинных актуальных задач. Зарубежный мир после поворота СССР в известной мере к политике без войн и насилия, прекращения деятельности Варшавского договора начал отказываться от «антикоммунизма». Не абсурдна ли в этом свете позиция новоявленных отечественных антимарксистов?

Широко распространена фальсификация понятия КПСС. В прессе весьма часто партию представляют в виде стержня «тоталитаризма», утверждают, хотя и без доказательств, что она «стояла над государством», «обирала нищающую страну». В. Третьяков отождествляет ее с концлагерем, казармой. А. Яковлев проводит аналогичную мысль через свои книги «Муки прочтения бытия» и др. Открытые антимарксисты и консерваторы из КПСС исходят из ложного представления о ВКП(б) — КПСС как о нормальной демократической партии и предъявляют к ней соответствующие требования. На самом деле, по меньшей мере с 1930 г., она перестала быть таковой. Ее номенклатура слилась с государством и подавила его. Возможности же рядовых влиять на политику была сведена не «к минимуму» (проект программы КПСС), а к нулю. Авторы этих суждений следуют сталинистской пропаганде: «единство партии, ее сплоченность вокруг ленинского ЦК, вокруг великого Сталина, равные права и обязанности всех членов партии» и т. п.

Однако так не было ни в 30-е, ни в последующие годы. Существовали единодержавный властитель, позднее небольшая группа лидеров, которые бесконтрольно манипулировали партией, как и народом в целом. Был партийный аппарат, но также далеко не однородный, от членов Политбюро ЦК до машинисток. Близкое к лидерам место в социальной иерархии занимали руководители различных ведомств, предприятий, учреждений, организаций. И было громадное большинство членов партии, как правило, лучших рабочих, крестьян, служащих. Значительная их часть коммунистами были лишь номинально. Они платили взносы, присутствовали на собраниях. Были в КПСС и истинные приверженцы идей Октябрьской революции и других прогрессивных движений XX в. В партии и обществе высокое и низкое, доброе и злое причудливо соединялись. Мимикрия сталинизма под социализм иг-

рала положительную роль лишь в той мере, что честные люди могли опираться на официально провозглашенные гуманные идеи. Члены и кандидаты партии, как и беспартийные, не пользовались никакими привилегиями. Партийно-государственная же бюрократия бесконтрольно распоряжалась не только партийными взносами, но и всеми налогами, всем бюджетом. Народ достоин своих правителей, если он выбирает их. В СССР правителей не выбирали ни партийцы, ни беспартийные.

Аналогичным нападкам был подвергнут на рубеже 80—90-х гг. и большевизм. С. Алексеев без доказательств нашел в нем «противостояние современной цивилизации», «явление антиправовое». Даже новая «Правда» (после августовского запрета) призывает «излечиться от большевизма». Однако все эти утверждения, по меньшей мере, некорректны. О ком идет речь? О большевиках 1903—1917 гг.; большевиках, действовавших в блоке с другими социалистами в октябре 1917—июле 1918 г.; сторонниках Ленина или его оппонентах в РКП(б) периода гражданской войны и нэпа. В 30-е гг. большевики вообще исчезли с политической арены, часть переродилась или перешла, оставаясь в партии, к тактике малых дел. Неспособность или нежелание увидеть неоднородность и эволюцию большевизма, созданной им партии наиболее ярко характеризует непрофессионализм или тенденциозность оппонентов¹.

Ограничение демократии в партии и в стране программой 1919 г. рассматривалось как временное. В 30-е же годы демократия осталась лишь на словах, восторжествовало самодержавие Сталина. После его смерти оно сменилось олигархией. Изменилась партийная этика. В первые годы советской власти существовал партийный максимум — доходы членов партии не должны были превышать установленного уровня. Впоследствии привилегии партийных верхов стали нормой. Изменилось само представление о партийности. 10 декабря 1922 г. будущую жену Сталина Н. Аллилуеву исключили из РКП(б) как «совершенно не интересующуюся партийной жизнью». Впоследствии такие «не интересующиеся» составят громадное большинство партии. В 1939 г. суровый критик революции Г. Федоров писал: «Коммунизма в России нет, а партия сохранила от коммунизма только имя».

О названии партии. В Апрельских тезисах Ленин предлагал переменить его. Вместо социал-демократии, многие вожди которой предали социализм, «надо назваться Коммунистической партией»². Это отвечало тактическим задачам размежева-

¹ Ряд западных ученых подчеркивает эти эволюцию и неоднородность. См., например: *Weber H. Kommunistische Bewegung und real-sozialistischer Staat. Köln. 1988. S. 43.*

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 116.*

ния с социал-патриотами и партийным целям, которые на деле оказались, однако, более далекими и трудно достижимыми. Кроме того, уже в 30-е гг. это название стало служить маскировкой деспотии. Был сформирован компрометирующий идеалы стереотип. В таких условиях тем, кто, не отказываясь от этих идеалов, пытается создать новую партию, едва ли следует сохранять ее прежнее название. Не было оправдано и обещание, содержащееся в названии «социалистических» республик.

Почему КПСС в августе 1991 г. так легко уступила власть? К этому моменту в ней возникла огромная инертная масса. Немногим борцам за идею противостояли карьеристы, стяжатели, проходимцы. Их устраивал любой строй. Даже номенклатура была крайне неоднородной. Из ее рядов вышли инициаторы перестройки, но и новые антимарксисты, агрессивные сепаратисты и карьеристы, «демократические» диктаторы, комедианты вроде М. Захарова, который даже свой партбилет не смог сжечь без публики. ЦК КПСС в дни путча был парализован, расколот, в таких условиях деятельность партии была без труда приостановлена, вскоре запрещена. Это было осуществлено волевыми решениями самих руководителей КПСС, успевших выйти из нее или нет, в нарушение законов, предусматривающих установление неконституционности запрещаемой партии исключительно в судебном порядке. В худших традициях сталинизма демократички приписывают 40 млн бывших и настоящих членов КПСС соучастие в деятельности преступной организации. Но по международным нормам ответственность всегда строго индивидуальна. Понятие «преступность» к организациям неприменимо. Другое дело определение «преступный» относительно многих злодеяний Сталина и его соучастников. Опубликованные документы свидетельствуют, что эти люди могли быть привлечены к уголовной ответственности за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, доведение до самоубийства, привлечение заведомо невинного к уголовной ответственности, вынесение заведомо неправосудного приговора, заведомо незаконные аресты, принуждение к даче показаний, ложные доносы, а также злоупотребление властью, превышение власти, халатное отношение к службе, сдачу и оставление противнику средств ведения войны, геноцид. Наконец, мы опираемся на многочисленные новейшие судебные решения, подтверждающие преступность Сталина и его группы. Однако упомянутые десятки миллионов членов партии к этим злодеяниям не имеют ни прямого, ни косвенного отношения.

Ищут сходные случаи в мировой юридической практике, которые оправдали бы действия против КПСС. Ссылаются на Нюрнбергский процесс, очевидно, не будучи знакомы с

ним. В действительности Международный военный трибунал отнюдь не признал преступной всю нацистскую партию (по некоторым данным, она насчитывала 18 млн. членов). Обвинение предложило суду считать преступным лишь руководящий состав этой партии. Приговор же трибунала еще более ограничил круг должностных лиц, объявленных преступными. Характерно, что Сталин, которому всегда были свойственны упрощенство и несостоятельные обобщения, в апреле 1945 г. тем не менее издал директиву «Об изменении отношения к немцам». Он требовал гуманно относиться к рядовым членам НСДАП, задерживать только лидеров¹.

В мировой практике много прецедентов и совершенно иного свойства. Коммунистов объявляли вне закона все крайне реакционные режимы. В их числе — в Венгрии после подавления Советской республики, в Италии, Германии после установления фашистских диктатур. Подчеркнем при этом, что запрет компартий, как правило, был сигналом к уничтожению всех партий, кроме правящих. Однако во всех цивилизованных государствах коммунисты действовали и действуют ныне наряду с другими политическими партиями.

В чем КПСС вместе с той гигантской системой научных учреждений, которой она распоряжалась, действительно повинна, так это в том, что она не сумела подготовить кадры, способные возглавить перестройку общества, осуществить реформы, которые стучались во все двери, по крайней мере, начиная с первых послевоенных лет. Все великие революции и реформы удавались главным образом потому, что они были хорошо подготовлены теоретически и идеологически. Такой подготовкой не обладали ни реформаторы из КПСС, ни альтернативные им движения. Последние не смогли предложить своим сторонникам ничего, кроме обветшалых и деструктивных догм «антикоммунизма», дикого капитализма и шовинизма. Весьма показательными были поразительно быстрый отказ от интернационализма и разъезд по национальным квартирам. По оценке Я. Лаптева, к августу 1991 г. в стране возникло 40—50 коммунистических партий. Они по существу предложили народам СССР пройти с начала и в одиночку многовековой путь, уже пройденный другими народами. И это в условиях мощных центростремительных движений, господствующих в политической, экономической, культурной жизни всего мира (ООН и НАТО, «семерка» и объединение западноевропейских государств, межгосударственные объединения в Азии, Америке, Африке).

¹ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. М., 1961. Т. VII. С. 413; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 в шести томах. М., 1963. Т. 5. С. 277.

О методах, принятых в нашем исследовании. Мы исходим из того, что советская военная историография так и не стала до сих пор наукой, не потому, что она следовала материалистической диалектике. Последняя, как одна из главных научных методологий, была недоступна историкам. Вместо нее они принимали некую жалкую догматическую конструкцию. Восстановленная материалистическая диалектика, несомненно, будет служить руководством не только многим зарубежным, но и отечественным ученым. Причины застоя и даже попятных движений литературы о сталинизме и войне — в ее антитеоретичности, консерватизме, грубом вторжении в науку малообразованных политиков.

Авторы этих строк в основном руководствуются принципами, изложенными в нашем очерке о методологии историографической критики («В поисках исторической истины», 1984). Мы и ныне полагаем, что Марксу, Энгельсу, Ленину удалось обобщить опыт своих предшественников в философии, политэкономии, социологии, историографии и выработать научный подход к изучению событий и явлений прошлого. Естественно, в трудах классиков марксизма-ленинизма мы видим отдельные недостатки, даже отступления от собственной теории. Мы не приемлем сектантские и иные извращения их учения, в том числе мнение о его исключительности, как и ставшее ныне модным огульное его отрицание. Материалистическая диалектика, освобожденная от чуждых ей наслонений, отвечает требованиям планетарного подхода к прошлому, наиболее верного и целесообразного. В наше время интересы всего человечества выдвигаются на первый план не по прихоти М. Горбачева, как пытаются представить некоторые авторы. И не только вследствие опасности глобальной катастрофы, но по многим иным объективным причинам. Общечеловеческие интересы ближе к истине, чем нужды самых крупных групп людей. Дальнейшее развитие науки возможно лишь путем объединения усилий ученых всего мира. Планетарный подход освобождает ученого от политических и просто конъюнктурных влияний, любой ограниченности — сословной, классовой, партийной, ведомственной, кастовой, фракционной, идеологической, в том числе — религиозной, националистической, региональной (в частности, евроцентристской), обусловленной недалеким или ленивым умом, личными симпатиями и антипатиями. Нынешнее описание прошлого переполнено различного рода проявлениями односторонности и ограниченности. Мы отмечали, как сущность сталинизма сводят к одной из его сторон. Ряд авторов склонны сводить вторую мировую войну к холокосту или катынскому преступлению. Радио России в своих передачах по

книжке А. Ишимовой «История России в рассказах для детей» видит в прошлом страны одних царей и цариц. Г. Попова интересуется в маршале Жукове чуть ли не одно его будто бы «древнегреческое происхождение». Наибольший вред планетарному подходу наносит, очевидно, национализм. На его основе пишут ныне многие свою «собственную историю»¹.

Прослеживается ограниченность и иного рода. Так, в изданном Ассоциацией исследователей российского общества XX в. под редакцией Г. Бордюгова «итоговом» сборнике историографических статей и рецензий («Исторические исследования в России», 1996) наряду с подлинным научным поиском мы обнаружили нечто явно искусственное. *Что* дает науке объединение «авторов одного поколения» независимо от их «приверженности общей идее»? Эти ученые стремятся помочь историографии освободиться от скверны 30—90-х гг. Но не слишком ли «прост» избранный ими путь? Разве все ученики свободны от «нелепых идиологов» и все учителя погрязли в «рабстве»? В отличие от некоторых других отраслей знания ни одному *молодому историку* не удавалось еще совершить некий переворот в науке. Деление историков на «молодых» и «старых» влечет пренебрежение к уже имеющемуся опыту, в первую очередь теоретическому. Безоговорочно мы не можем принять тезисы: «каждое поколение пишет свою историю», «путь к своей истории» через «переписывание истории заново». Это было бы оправдано, если бы предшественники до основания исказили прошлое, или преемники сами намеревались его исказить, выполняя пресловутый «социальный заказ» или впадая в своеобразный историографический эгоцентризм. Ни провозглашение себя единственными подлинными учеными и «поликонцептуалистами», ни 30—40-летний возраст «непоротого поколения» историков сам по себе не делает их готовыми историографами. Тем более что, как показывает анализ их работ, особенно о минувшей войне, они далеко не свободны от вредного влияния отсталой методологии и идеологии своих «отцов». Отмечая общую односторонность тех или иных подходов, мы тем не менее не сбрасываем со счетов отдельных их преимуществ. Это относится, например, к генерализирующему и индивидуализирующему методам.

Только при планетарном подходе можно восстановить погрязшие сталинизмом профессионализм, честь и достоинство историка и гражданина, его ответственность перед обществом. Этот подход не означает равнодушия к добру и злу, отречения от принадлежности к той или иной социальной группе. Но он обязывает ученых всегда служить истине, даже если это и противоречит чьим-то сиюминутным интересам. В нападках

¹ См.: Независимая газета. 1996. 29 июня.

на нашу критику мифа о «первом маршале» (1994—1997) чаще всего звучит мысль: нельзя сейчас вскрывать пороки прошлого, стране так тяжело. Но этот миф как раз и фабрикуют далеко не друзья народа и не во благо ему. Истина всегда современна, ее поиск нельзя откладывать. Беспристрастная критика прошлого как раз и призвана служить преодолению современного кризиса.

Мы придаем исключительное значение социальным функциям исторической науки. Они были подвергнуты во времена Сталина наибольшим деформациям. Социальное предназначение историографии не ограничивается лишь «образованием, просвещением и воспитанием» (В. Золотарев). Важнейшую ее задачу составляют изучение всех сторон опыта прошлого. Эта задача, как и ответственность историков перед обществом, отвергается авторитарными режимами. У нас десятилетиями призывают извлекать уроки. На деле же ограничиваются общими фразами: война, учит «силы добра» объединяться (Б. Ельцин), ошибки политиков «особенно опасны», для отражения агрессии нужны мощные вооруженные силы (П. Грачев). В целом, однако, обстановка плачевная. Опыт наиболее талантливых части командиров, верно подчеркивает М. Гареев, «почти полностью забыт». Напрасно мы так долго тешили себя надеждой, что где-то в недрах генштаба изучается этот драгоценный опыт. Если его и изучали, то снова не смогли им воспользоваться, в частности, в Афганистане и Чечне. В обыденном и научном сознании упорно распространяется ложное мнение: уроков из истории извлечь нельзя, она «не терпит сослагательного наклонения». В действительности только неумные люди не учатся у истории и обречены повторять чужие ошибки. Без постановки магического вопроса «что было бы...» не обходился еще ни один настоящий ученый, в том числе и историк, вообще ни один специалист. Делая, например, разбор учения, не обойдется без этого вопроса и командир любого ранга.

Историк не вправе ограничиваться собиранием и описанием фактов, перекладывать на плечи читателей (в их числе и политиков) наиболее сложную научную задачу — обобщать факты, вырабатывать на основе опыта прошлого определенные рекомендации в интересах настоящего и будущего развития общества. В этом мы находим главную социальную функцию исторической науки, этой «учительницы жизни». Ученые не могут замыкаться в башне из слоновой кости, искусственно отделяя себя от политики, какой бы грязной она им не представлялась. Они не могут впадать и в противоположную крайность: изучая историю в соответствии с современными задачами, нельзя дурно политизировать ее, выводить прошлое из настоящего, т. е. фальсифицировать. В 50-е гг. советские военные историки часто осуждали требование Х. Молтке

(старшего) писать правду, только правду, но не всю правду. По иронии судьбы они сами восприняли этот принцип, подчас не замечая этого. Советские ученые отличаются пассивностью. Это не означает, однако, что они никак не влияют на общество. Созданные ими по указанию сверху мифы десятилетиями формировали историческое сознание населения и самих властителей. Достаточно напомнить синдром 1941 г., представление о необходимости численного превосходства над противником, закрепление за дилетантами должности главковерха (1941—1997). С трактовкой функций науки тесно связано представление о «временной дистанции» (А. Искендеров). Считают, что XX век — это современность, и его не должна изучать историческая наука. Но разве не это столетие способно дать наиболее ценные уроки? Мы не разделяем мнения: объективной истории войны 1939—1945 гг. нет потому, что живы заинтересованные люди. Официальная историография порочна по другой причине — вторжение политиков, не обязательно — участников войны¹.

Исследование избранной нами темы немыслимо без овладения теоретическим наследием военных классиков, в первую очередь Жомини². Его труды были преданы забвению не случайно. Низкая общая культура Сталина и его группы, их пренебрежительное отношение ко всему дореволюционному, «непролетарскому», иностранному, осужденное еще Лениным комчванство препятствовали научному осмыслению прошлого, военного, в частности. Сыграло роль провозглашение Сталина основателем военной теории. Между тем мы наблюдаем отставание от военных классиков не только отдельных нынешних теоретиков и историков, но и целых историографий. Жомини первый нанес сильный удар по придворной военной истории. Это было простое описание подлинных или вымышленных подвигов политических и военных вождей, примитивное оправдание всего свершенного ими как единственно целесообразного и справедливого. Заметим вскользь, уже поэтому Жомини был неприемлем для Сталина и его адептов, восстановивших старую порочную традицию. Советская военная историография не знает своей истории. Нескольким поколениям специалистов неведомы Жомини, другие классики.

¹ См.: Красная звезда. 1994. 16 ноября; Вопросы истории. 1996. № 4. С. 3—31; Независимая газета. 1997. 31 января.

² В германской, советской (российской) и некоторых других национальных историографиях имя майора швейцарской армии, бригадного генерала французской, генерала от инфантерии российской армии Антуана Анри Жомини было необоснованно вытеснено именем прусского генерала К. Клаузевица. (Свыше 50 лет Жомини состоял на русской службе, после принятия православия — Генрих Вениаминович). В книге А.Кокошина «Армия и политика» (1995), например, Клаузевиц упоминается свыше 10 раз, Жомини — ни разу (см. нашу статью о Жомини и Клаузевице // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар. 1996).

Многие истины, доступные им, мы открываем заново. Тщетными были наши старания преподать начала научной критики инакомыслящих ведущему в свое время сановнику военной историографии П. Жилину, его оруженосцам (О. Ржешевскому и другим). В забвении классиков мы видим одну из главных причин опасного отставания отечественной военно-исторической литературы.

Военная историография из «приятного чтения» или сборника шаблонов под пером Жомини стала лабораторией теоретиков. «Военная история, с критическим разбором событий, — считал этот мыслитель, — не есть ли наилучшее руководство к познанию военного искусства?»¹. В другом случае он называл ее «истинной школой», подчеркивал, что она «преследует цели поучения». Жомини с полным основанием называл свои труды дидактическими. Он стремился на основании исследования опыта войн выработать определенные нормы военного дела, правила военных действий и т. д. С полным основанием он доводил свои изыскания до логического конца — давал конкретные рекомендации. Ему и в голову не приходило оставлять читателей наедине с тем огромным фактическим материалом, который был им изучен. Конкретно-исторические исследования Жомини служили теории и практике военного дела, совершенствованию теории военно-исторической науки. Ему был чужд мнимый «академизм», он смело обращался со своими советами непосредственно к главноверхам и императорам. Подчас, правда, он воздерживался от каких-либо определенных суждений. Имея в виду действия Наполеона в России, генерал писал, что он вовсе не желает «присваивать себе права судьи в столь грандиозном процессе». Но, спустя несколько строк, автор вполне определенно указывает на ответственность Наполеона за ошибочную оценку намерений своих союзников, нейтральных государств, военные просчеты, за неверную оценку возможностей неприятеля, недостаточную материальную подготовку похода, наконец, — за неумение вовремя остановиться. Известны прямые предостережения Жомини, обращенные к Николаю I, — не вмешиваться в дела командования армии во время войны с турками.

«Критическое рассмотрение великих уроков опыта», анализ войн, отдельных сражений, действий политиков и генералов, неизменно основаны в трудах Жомини на изучении исторических альтернатив, если хотите, на (ставших ныне предосудительными) предположениях: что было бы, если бы «австрийцы оставили такие-то позиции», если бы «король ов-

¹ Жомини А. Аналитический обзор главных соображений военного искусства и об отношениях оных с политикою государств. СПб. 1833. С. III.; Он же. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 1. С. 10, 214—215; Т. 2. С. 150.

ладел Веной» и т. п. Исключительное значение придавал ученый объективности в освещении прошлого: «пристрастие все искажает», «ложными уверениями можно произвести минутное впечатление на толпу; но истина принадлежит векам; для чего ныне скрывать ее?» Ему был чужд односторонний подход к явлениям. «Представлять какой-нибудь боевой порядок наивыгоднейшим, — писал автор, — не значит еще утверждать, что посредством одного единственно можно приобрести победу... Оказывают влияние также местность, соотношение сил, нравственные качества войск и их начальников».

На первый план Жомини всегда выдвигал задачу обобщения, выявления связей военных событий между собой и общей ситуацией; он осуждал простое описание фактов без выводов. «Открыть в частных явлениях присутствие жизненного, неизменного общего закона; уметь отличить в частных явлениях то, что не относится к закону общему, а представляет лишь случайное... установить естественную связь между частными явлениями и открыть их зависимость от основных причин высшего порядка (законов общих) есть дело науки». Жомини следовал требованиям историзма, полагая, что все зависит от обстоятельств, места и времени. «...Для правильности суждения о войнах Людовика XIV, Петра Великого и Фридриха II, — писал он, — совершенно необходимо принимать во внимание систему войны, принятую в их время». Часто он делает необходимые оговорки: действие, выгодное «при наличии значительного превосходства», может быть пагубным при других обстоятельствах. Последовательный сторонник ударности на войне, генерал полагал, что можно «победить без генерального сражения», при помощи одного только «стратегического перевеса», в частности, когда противник совершает ошибочные движения¹.

Жомини впервые применил в военно-историческом исследовании метод сравнительного анализа. Вне этого метода нельзя восстановить полную картину ни одной войны, тем более такой, как вторая мировая. Как, например, можно утверждать о «полном и несомненном превосходстве» советской военной стратегии 1939—1945 гг. (М. Колесников) или «первом» маршале, не осуществив соответствующего сравнительного анализа? Между тем, большинство пишущих у нас не владеют этим методом. Жомини создавал свое учение не на голом месте. У него были предшественники — Г. Ллойд, Н. Окунев и другие авторы общетеоретических сочинений и множества трудов по частным вопросам войны. Жомини честно отмечал большое число проблем, не решенных им из-за

¹ Жомини А. Очерки военного искусства. Т. 1. С. 27, 151, 160, 200, 214—215; Т. 2. С. 63, 112, 159; *Он же*. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб. 1844. Т. 2. С. 161, 184, 334; *Он же*. Наука о больших военных действиях. СПб. 1836. Ч. I. С. 91; Ч. II. С. 343.

недостатка источников или по другим причинам. Часто он вел открытую полемику с политиками, военными, историками, давал ответы на замечания о своих ранних работах. Он обращал внимание на тон критики: «...я никогда не осквернял своего пера личными нападками на преданных работе людей, посвятивших себя науке, и если я не разделял их учений, то выражал это всегда сдержанно и беспристрастно. Было бы желательно, чтобы так поступали все и всегда». Многим современным военным историкам очень важно воспользоваться и другим уроком Жомини. Он не считал свои труды венцом творения: «Нет ничего совершенного под солнцем!» Ученый никогда не пытался восполнить недостаток аргументов модными сейчас ссылками на историю, народ, Бога. Читатель может сопоставить это с известными утверждениями беловежских политиков по поводу соглашений о «ликвидации СССР, будто бы написанных историей»¹. Весьма актуальны требования, предъявляемые Жомини к историкам: не столько «элегантный стиль», но «обширные, глубокие познания в истории и в политике, достаточное военное дарование».

Исследование темы «сталинизм и война» немыслимо также без усвоения идей Жомини о военном деле как науке. Это особенно важно подчеркнуть при нынешнем всеобщем обесцениении знания. Он развенчал господствовавшее до него суждение, что «война есть область знания, покрытая мраком», пребывающая вне каких-либо закономерностей. Он решительно утверждал, что в военной теории нуждается даже гений, что военная наука «решает судьбы государств». Осуждая некомпетентность тех или иных политиков и военных, их авантюризм, классик требовал, чтобы наличные средства строго соответствовали поставленным целям; чтобы вожди, опираясь на теорию, учитывали цену любого предприятия, предвидели последствия своих решений. Чрезвычайно важны его мысли о взаимодействии войны и политики, всемерном снижении уровня военного противостояния, ограничении масштабов и жестокости войн, подчинении войн определенным законам. Труды генерала могли бы существенно способствовать становлению новой теории конфликтов, разработке генезиса, классификации войн и периодизации их истории, геополитических и иных факторов военной победы, военнополитического равновесия в мире. Впервые научно сформулированный генералом основной стратегический принцип (сосредоточение превосходящих сил на главном направлении в нужный момент) применим не только в военном деле. В переломный момент военного строительства РФ особый ин-

¹ Жомини А. Краткое описание военного искусства. СПб. 1840. Ч.1. С. V; Он же. Очерки военного искусства. Т. 1. С. 14, 17—18, 21, 25, 27, 193; Независимая газета. 1996. 26 декабря.

терес представляют мысли Жомини о развитии военного дела, демократии и гуманности в армии, социальных функциях армии.

В свете учения Жомини особо стоят вопросы военного руководства. Они трудны в научном и политическом отношениях. Это — выбор главковерха и других полководцев; объем их власти на театре войны; ответственность за последствия их решений и действий управляемых ими войск, за преступные приказы политических и военных вождей, в том числе — за невыполнимые задачи, которые подчас ставят армии, неоправданный риск и потери; эффективность руководства. Это — сталинизм как специфический метод руководства войной; его до сих пор не преодоленные последствия, в их числе своеобразные мышление и поведение нынешнего отечественного генералитета; сравнительный анализ демократического и авторитарного военного управления. В большей или меньшей степени Жомини разработаны многие другие проблемы: соотношение общечеловеческого и национального; народа, государства и армии; народные войны; недопустимость смешения военного и политического; оборона, наступление, преследование, отступление; коалиционные войны, скоротечные войны; фактор внезапности; рода войск и их взаимодействие. Первым в истории военной теории Жомини показал значение стратегии не прямых действий¹.

Мы попытались собрать здесь воедино те идеи Жомини, которые, на наш взгляд, сохранили свое значение и поныне, без овладения которыми немислимо дальнейшее развитие военной историографии и военной теории. Естественно, не считаем сплошь нетленным все наследие этого, как и любого другого, военного классика. Жомини был сыном своего времени, подчеркнем — переходного времени. Теория явно не успевала за революцией в военном деле. Жомини в трактовке определенных вопросов остановился на полпути. Так, мы не нашли в его трудах четкого разграничения понятий «наука» и «искусство» применительно к войне. Впрочем, эту проблему и наши теоретики до сих пор не могут решить. Выдвинув на первый план ум, знания, навыки полководца, Жомини подчас придавал неоправданно большое значение его врожденным качествам. В огромном наследии классика, несомненно, что-то устарело, что-то представляет интерес лишь для узких военных специалистов.

Придавая исключительное значение научному подходу к изучению истории, авторы монографии полагают, что уже с имеющимися в распоряжении мировой историографии источ-

¹ Жомини А. Аналитический обзор... С. 1; Он же. Очерки... Т. 1. С. 20—21; Т. 2. С. 97; Stahel A. A. Indirekte Strategie. Zuerich. 1989. S. 47; idem Klassiker der Strategie — eine Bewertung. Zuerich 1995. S. 279—282.

никами можно и должно сделать решительный шаг в исследовании сталинизма, его влияния на СССР и другие страны, в частности, на ход и исход войны. Это не означает, естественно, что публикацию источников можно отодвинуть на второй план. Без документов, до сих пор скрытых в архивах, историю не воссоздать. Просто историк не имеет права ждать издания последнего из них, чтобы начать работать по-новому. Научная методология без вмешательства чиновников открывает широчайшие возможности. Авторы отнюдь не перечеркивают всю советскую и тем более мировую литературу о сталинизме и войне. Но они полностью и безоговорочно отвергают одностороннюю концепцию. Она свойственна многим отечественным военным историкам, как и крайне консервативным направлениям зарубежной историографии.

Затрагивая освещение того или иного вопроса в литературе, авторы не всегда оказываются в состоянии при нынешнем уровне знаний дать исчерпывающий ответ. Однако задача историографии подчас и ограничивается лишь выделением, формулированием той или иной не решенной еще задачи. «Сталинизм и война» — тема необъятная. Даже многие части темы под силу, очевидно, лишь большим коллективам. Авторы прежде всего пытаются определить основные пути исследования темы.

В трех главах монографии показаны сущность и истоки сталинизма, свойственные ему подходы к освещению прошлого, проанализированы суждения Сталина о войне, их место в современной литературе. Одна из глав посвящена вопросу «Сталин, сталинизм и происхождение второй мировой войны». Наряду с ответственностью за возникновение войны фашизма, правящих кругов Англии и Франции и их союзников раскрыта роль Сталина и его группы в предыстории войны. В заключительной главе показаны главные проявления сталинизма во время войны: крах его дипломатии и стратегии в 1941 г., основные черты руководства войной, цена победы.

Книга в первую очередь отражает негативную сторону прошлого. Это объясняется не только тем, что положительное освещено сравнительно полно. Авторы пытаются хотя бы в малой степени выполнить научный и нравственный долг историков. «Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с бонапартовской Францией, — читаем у Л. Толстого, — не описав наших неудач и нашего срама». Отечественной же официальной историографии не совестно. Книга посвящена сталинизму, явлению сплошь отрицательному, его пагубному влиянию на общество военных лет. Требование десталинизации литературы о войне также обязывает сосредоточить внимание на нерешенных проблемах. Вместе с тем авторы стремятся провести мысль о громадных духовных силах совет-

ского народа, который вопреки чудовишным просчетам и бесчеловечным методам сталинской деспотии внес решающий вклад в разгром фашизма.

Первое издание настоящей книги весьма быстро исчезло с книжных прилавков. Оно было положительно оценено М. Николаевым, О. Сувенировым и другими рецензентами. Авторы искренне признательны также Д. Байрау, А. Басову, Д. Баху, Б. Бонвечу, Г. Бушуеву, Б. Вегнеру, В. Випперманну, К. Випперманну, П. Волобуеву, Л. Гинцбергу, Х. Грамлю, В. Дашичеву, В. Кулишу, Е. Кургиняну, Р. Кюнлю, Д. Лангевише, Л. Макаровой, М. Мессершмидту, С. Митягину, М. Моммзен, Х. Моммзену, Б. Николаеву, А. Носковой, Н. Павленко, Е. Поповой, Ф. Ределю, А. Самсонову, В. Секистову, В. Смирнову, В. Черкасову, К. Шенхофену, Х. Эккерт, Дж. Эриксону, Г.-А. Якобсену за ценные советы и замечания, а также Т. Мерцаловой, принявшей значительное участие в работе над монографией.

Глава первая

СТАЛИНИЗМ: СУЩНОСТЬ, ИСТОКИ, ПОДХОДЫ К ПРОШЛОМУ

I. Сущность и истоки сталинизма

1

В обществоведении и публицистике нет пока единого представления о сущности сталинизма. Некоторые авторы отвергают это обобщение и стоящее за ним весьма сложное явление. Они фиксируют только отдельные негативные моменты в жизни советского общества 30-х—начала 50-х гг., но связывают их лишь с личностью Сталина. Так проявляется или теоретическая слабость, или стремление вывести из-под критики сам вождизм.

Очевидно, первым в СССР пытался ввести термин «сталинизм», хотя и в сугубо апологетических целях, Л. Каганович. По свидетельству Н. Хрущева, он предлагал отказаться от понятия «ленинизм». После второй мировой войны слово «сталинизм» широко распространилось в зарубежной литературе. На XX съезде КПСС явление, связанное с именем Сталина, было названо «культом личности». Культ, поклонение богу, богочеловеку в основном ограничивается рамками идеологии. Но на том же съезде отмечалось влияние сталинизма на все области партийной и государственной работы¹. Тем не менее сведение его к культу, идеологии, сохранилось и ныне². Различные авторы ограничивают сталинизм авторитарной властью, мировоззрением, репрессиями, ставят в один ряд культ личности, сталинизм, административно-командную систему, деформации социализма. Так, по меньшей мере, нарушается логика: целое, т. е. сталинизм, рассматривается в одном ряду с его составными частями. Словосочетания «административно-командная», «авторитарно-бюрократическая» представляются некорректными, слова, составляющие эти дефиниции, очень близки по смыслу. В большей мере отражают сущность системы термины «командно-репрессивная» или «авторитарная». Главное же не сужать сферы действия сталинизма. В этом случае сохранились бы области, закрытые для критики. Не определены временные рамки сталинизма. Вычеркивают 1941—1945 гг., отделяют некоей стеной эпохи Сталина и

¹ См.: XX съезд КПСС. М., 1956. С. 498.

² См., например: Наше Отечество. М., 1991. Т. 2. С. 410.

Брежнев. Но были ли после 1953 г. ликвидированы основы сталинизма?

Необходимо решительно отделить сталинские искажения марксизма-ленинизма, паразитирование на нем — от самого учения; отказаться от таких определений сталинизма, как казарменный, авторитарно-мобилизационный социализм, реальный социализм сталинистского типа, историческая аномалия социализма и даже русский социализм. Некоторые публицисты пишут о сталинизме как болезни «незрелого социализма»¹, хотя государственная собственность, внеэкономическое принуждение, абсолютная власть, культ самодержца, массовый террор и др. свойственны досоциалистическим и даже докапиталистическим формациям. Эти авторы отвергают как «антиисторическое» стремление, критикуя Сталина, не задеть народ, армию, социализм. Мы же видим в полном размежевании со сталинизмом главную задачу науки. Это трудно, но возможно и необходимо. Сталинизм — это полное отрицание социализма, в его оценке неприменима удобная формула: с одной стороны, с другой стороны. Он негативен со всех сторон. Нельзя ставить знак равенства между ним и советским обществом. С современных высот четко видно, как сильно задержал сталинизм его развитие, но он отнюдь не уничтожил его. Происходила непрерывная борьба прогрессивных и реакционных тенденций. Показать ее — одна из главных задач.

Несколько иначе следовало бы характеризовать Сталина и его группу. Их деятельность не была сплошь ошибочной или преступной, хотя эти стороны и доминировали постоянно. Были моменты, например, в 1941—1945 гг., когда интересы вождя и народов совпадали, и он пытался действовать соответственно, не становясь, однако, ни коммунистом, ни революционером. Его жажда единовластия и произвол не уменьшались. Нельзя полагать сплошь ложным и то, что было написано Сталиным. Его труды — один из источников по истории СССР первой половины XX в. При оценке Сталина в методологическом отношении разумно обратиться к ленинским суждениям о тайном агенте царской охранки Р. Малиновском. Благодаря своему красноречию, энергии, он стал членом ЦК РСДРП, депутатом Государственной думы. Ленин показал, что провокатор нанес огромный ущерб. Но, чтобы оправдать себя перед нами, он должен был проводить и большую полезную для партии работу.

Многие обществоведы воспользовались заимствованным еще в 20-е гг. из терминологии итальянского фашизма понятием «тоталитаризм». Фашисты так называли свой режим, авторы же новой тогда доктрины называли так никогда не суще-

¹ См.: История СССР. 1989. № 4. С. 102—103.

ствовавший социальный тип, будто бы объединявший фашизм и социализм. В 30-е гг. для обоснования доктрины они использовали определенное сходство гитлеризма и сталинизма. Основу доктрины составила ложная схема «фашизм-гитлеризм-сталинизм-социализм». В научном отношении доктрина оказалась бесплодной. Она сковывала мысль ученого, побуждая его следовать заданной линии. Она оказалась не в состоянии выяснить многие проблемы двух разновидностей авторитаризма XX в. Никто из ее адептов не доказал необходимости отнесения этих систем к тоталитаризму. Доктрина не смогла также объяснить, почему, несмотря на утверждаемое ею их родство, «конфликт между правым экстремизмом и коммунизмом относится к наиболее острым противоречиям новейшей истории» (Л. Люкс, ФРГ); почему выбор старых германских элит в 1933 г. выпал на нацистов, если между фашистами и коммунистами не было никакой разницы (Р. Кюнль, ФРГ)¹. Д. Байрау (ФРГ) подчеркнул, что на Западе эта доктрина была «отброшена как неудовлетворительная», но в Восточной Европе «алчно подхвачена как боевой клич». Был выгоден ее агитационный эквивалент — тезис о «красно-коричневых».

Зарубежные и советские ученые показали, что помимо всего прочего просто нет необходимости применять термин «тоталитарный» в смысле «авторитарный» и выделять из этого ряда режимы, связанные с именем Сталина, Гитлера, Муссолини и им подобных «вождей»². Это лишь вносит путаницу. Достаточно сопоставить статьи «авторитаризм», «сталинизм», «тоталитаризм» в Большой советской энциклопедии и Кратком политическом словаре (1989). Наивны попытки их составителей понятие «авторитаризм» определить как тоталитаризм и наоборот. Российские преемники доктрины приняли этот одиозный термин вопреки здравому смыслу: одни бездумно, другие — не желая оскорбить словом «сталинизм» память «великого вождя», третьи — подменяя научную критику сталинизма очередным ниспровержением марксизма-ленинизма. Главное, очевидно, в том, что уже было на Западе в годы «холодной войны», когда доктрину успешно использовали в «антикоммунистических» пропагандистских кампаниях. Впрочем, на Западе порочность призывов объединиться против «красно-коричневой чумы» уже поняли. В Восточной же Европе политикам и обществоведам, по-видимому, понадобится свой собственный негативный опыт. Пока же ряд президентов, прикрываясь названным тезисом, сам заимствует многое из сталинизма и гитлеризма, например, изображая

¹ См.: Политические исследования. 1991. № 3. С. 77.

² Подробнее см.: Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины. М., 1984. С. 163—173.

себя народными вождями, стоящими над парламентами и политическими партиями и подвластными лишь Богу.

Советские приверженцы доктрины попытались сказать свое слово. Философское общество СССР в 1989 г. издало сборник материалов «Тоталитаризм как исторический феномен». Он не представляет собой оригинального труда. Большинство его соавторов некритически переняли доктрину, от которой еще 10—20 лет тому назад в той или иной мере отказались многие зарубежные ученые. Авторы сборника воспроизводят тот разлад, который свойствен их западным единомышленникам в определении «феномена». Некоторые из них видят его суть в подавлении парламентской демократии, использовании террористических методов, идеологизации общества. Другие считают «тоталитаризм» лишь «одним из крайних проявлений власти». Третьи определяют как «специфическое понятие XX века, характеризующее особый тип взаимодействия массы с харизматическим лидером». Местные эпигоны, по существу простые проповедники удобной для них идеи, сугубо в агитационных целях «продлили» время существования «тоталитаризма». Одна из авторов доктрины Х. Арендт сводила эту «форму поведения» к «геноциду», полагая: что в Германии «тоталитаризм» пришел к «своему концу» со смертью Гитлера, в СССР — со смертью Сталина (1953)¹.

Российские же «демократы» этот конец связали со своей революцией (1991). Не большие ли они католики, чем сам глава Ватикана? Авторы весьма легковесной книжки «Нужен ли Гитлер России?» (1996) необычайно расширили понятие «фашизма», включив в него любой национализм, патриотизм. Они находят его «бациллы» в православной церкви, резко преувеличивают роль русской его разновидности. Авторы и составители сборника направляют свои стрелы против «красно-коричневого» блока, представленного скорее в их фантазии, чем в реальной жизни.

Отвергая доктрину тоталитаризма, нельзя отрицать известного сходства сталинизма и гитлеризма. Несомненно, что Сталин и Гитлер дали имена наиболее антигуманным деспотиям в истории человечества. «Избегать новых гитлеров и сталиных» — главный урок XX в. (Конквест). В некоторой мере сходны условия возникновения этих деспотий. В России и Германии в 1914 и в последующие годы произошли наиболее жестокие в их истории социальные потрясения, общества не смогли воспользоваться мировым опытом борьбы против угрозы самовластья, административно-репрессивной системы, новый социальный строй к моменту контрреволюционных переворотов Сталина и Гитлера не успел окрепнуть. Однако

¹ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 25, 624.

сталинизм сформировался в условиях разрушения капиталистических отношений, гитлеризм — на базе их укрепления. Сталин, разрушив по существу все классы общества, опирался в первую очередь на сформированные им партийный аппарат и карательные органы. Гитлер же и другие «фюреры» НСДАП вступили в сделку с наиболее реакционными и агрессивными кругами промышленности, гражданского и военного чиновничества. Основные массы населения им удалось привлечь с помощью активной социальной политики, демагогии и террора. В создании систем сыграли роль сами «вожди». Многие черты их характера совпадали (мании величия и преследования, презрение к людям, жестокость и лицемерие, низкая культура, некомпетентность и догматическое мышление и др.). Однако Сталин добился абсолютной власти, власть же Гитлера была ограничена старой и новой элитой. Рядом с ним были другие реальные лидеры — Розенберг, Геббельс (идеология), Геринг, Шпеер (экономика), Нейрат, Риббентроп (дипломатия), Рэм, Гиммлер (СА, СС), Гесс, Борманн (НСДАП), влиятельный генералитет.

При сходстве политической и идеологической систем вождизм развивался на разных социально-экономических основах. В СССР — на базе вновь созданной государственной собственности, в Германии сохранялись самые различные формы собственности — крупная, средняя и мелкая частнокапиталистическая, акционерная, государственная. В СССР были уничтожены крестьянство как класс, старая интеллигенция, морально и политически разложен рабочий класс. В Германии социальная структура была сохранена. Там и там было «хозяйство и труд под принуждением», но эта формула в Германии в полной мере справедлива лишь относительно иностранных рабочих. Сталинизм в экономике воспроизводил своеобразный «феодальный капитализм». Она находилась в руках чиновников, в ее развитии мало кто был заинтересован, методы хозяйствования были патриархальными, формы труда, как правило, примитивны. Сталинизм хищнически эксплуатировал огромные людские и материальные ресурсы страны. Сторонники тезиса о «тоталитаризме как форме модернизации» не учитывают, что СССР нуждался в индустриализации, а Германия — в регулируемой рыночной экономике. Обе страны заплатили за это обновление громадную цену (гитлеровская модернизация — это в конечном счете война), однако цена, заплаченная СССР, была в несколько раз больше.

Внешняя политика сталинизма и гитлеризма, на первый взгляд, также одинакова: претензии на руководство миром, милитаризация общественной жизни, презрение к пацифизму. Однако первая из черт к началу войны перестала быть характерной для СССР. Как показали новейшие исследования немецких историков, в развитии Германии 1933—1945 гг.

очень многое определялось именно внешней политикой. В СССР же эта политика носила подчиненный характер. На первом месте были самоизоляция, забота о том, чтобы выжить в капиталистическом окружении. Известное положение о примате внутренней политики нельзя принимать как догму. В отдельных странах, в отдельные периоды эта политика может отходить на второй план. Может быть, наиболее ярко это выступает именно в СССР предвоенных и военных лет. Милитаристские свойства сталинизма не афишировались, они стали открыто проявляться лишь начиная с 1939 г. Новые разоблачения сталинизма не изменили старого вывода: фашизм был главным виновником войны. Обе системы отличал национализм. Но и здесь различия весьма велики. Сталинизм, повинный в депортации целых народов, открыто не проповедовал расовую и национальную нетерпимость. Дружба и равноправие были официальными лозунгами, и в большой мере были осуществлены реально. Эти ценности были восприняты многими, что позволяло режиму скрывать свою сущность. Альфой и омегой гитлеризма был расизм. Он повинен в геноциде. И сталинизм, и гитлеризм в высшей степени аморальны и противоправны. Там и там — массовые политические убийства, концлагеря. Но преступления первого были направлены главным образом против «собственного» народа, второго — против лиц не немецкой национальности. По политическим мотивам первый уничтожил многие миллионы советских граждан, второй — несколько десятков тысяч немцев. Сталин и его окружение, как правило, стремились соблюсти общепринятые нормы содержания чужих военнопленных, но подвергали преследованиям своих. Гитлеровцы сознательно истребили миллионы пленных красноармейцев, к возвратившимся же из плена немцам относились терпимо.

Обе разновидности авторитаризма отличались исключительной лживостью, они выступали под чужим революционным флагом, в их пропаганде большое место занимали образ врага, психология осажденной крепости. Совпадали многие приемы идеологической деятельности (публичное и тайное уничтожение книг, волюнтаристское вмешательство в искусство). Однако культ «вождя» в Германии не приобрел таких размаха, глубины, таких уродливых форм, как в СССР. Общей является формула крайней исключительности, при Гитлере — расовой, при Сталине — классовой. Фашистский принцип «народной общности», хотя и во имя сугубо несправедливых целей, способствовал сплочению немцев. Принцип продолжал действовать и после устранения фашистской идеологии. Основу же внешней и внутренней политики Сталина составлял пагубный тезис о непрерывном и прогрессирующем обострении классовой борьбы (открытые и скрытые преемники Сталина продолжают эту линию). Отечественные анти-

марксисты переняли ложное представление о том, будто бы для сталинизма характерен лозунг «ничего, кроме коммунизма», для гитлеризма — «все, кроме коммунизма». Но «сталинский коммунизм» был лишь ширмой деспотии, а утверждение об «антикоммунизме» Гитлера — это полуправда. Далеко не всегда и не все в его идеологии и практике определял антикоммунизм. Таковы, например, глобальный характер его завоевательной программы, его антисемитизм. Неверно полагать, что обе «тоталитарные системы» отрицали прошлое, семью, религию, искусство, культуру, науку. Фашисты проводили сравнительно осторожную политику. В защиту «немецкой семьи», например, они приняли даже законодательные меры. Их эклектичная идеология, привлекая различные слои населения — от безработных до владельцев монополий, — апеллировала и к патриархальным традициям, и к обновлению.

Гитлеризм был несравненно более прагматичным. Нельзя согласиться с ранним тезисом о нем как «революции нигилизма». Он стремился утилизировать то, что могло оказаться полезным. Так, широко использовал он патриотизм зарубежных немцев. Сталинизм же объявил вне закона даже тех советских граждан, которые имели родственников за границей. Весьма различным было отношение Сталина и Гитлера к церкви. Гитлеризм в отличие от сталинизма осуществлял более гибкую внутреннюю политику. Власти, учитывая непопулярность войны, опасались новой революции (синдром Ноября 1918 г.). В фашистской Германии допускались забастовки, привлекались к ответственности отдельные предприниматели за отступление от кодекса «народной общности». Права трудящихся были урезаны, но уровень их жизни оставался и до, и во время войны сравнительно высоким.

Представление о широком взаимопроникновении и взаимодействии сталинизма и фашизма не подтверждается доступными источниками. Сведения об этом отрывочны. Различно время существования режимов, их влияние на развитие СССР, Германии и других стран. Роль преемников гитлеризма после 1945 г. незначительна, открытые же преемники сталинизма в СССР вплоть до рубежа 80—90-х гг. занимали господствующие позиции. Его последствия до сих пор не преодолены. Огромное влияние оказал исход войны. Разгром, полная дискредитация гитлеризма не только реабилитировали сталинизм в глазах обывателей, но и не бывало подняли его авторитет. Гитлеризм не пустил таких глубоких корней, не оказал такого разрушительного воздействия на общество. Порожденный империализмом, он не посягал на устои буржуазного строя и, в конечном счете, способствовал укреплению в ФРГ государственно-монополистического капитализма. Социальное партнерство, будучи освобожденным от фашистской

идеологии, способствовало позитивным изменениям. Опираясь на неразрушенные экономические и социальные структуры, при сравнительно небольших военных расходах, руководство ФРГ обеспечило ее успешную интеграцию в мировое сообщество.

Конституируя некоторые общие черты сталинизма и гитлеризма, мы не можем говорить о совпадении этих систем. Их различия настолько значительны, что о «тоталитаризме» может идти речь лишь как о ложном идеологическом построении, но не о реальном явлении. Созданная «антикоммунистами» сугубо спекулятивная схема рассыпается при конкретно-историческом исследовании. За семь десятилетий существования доктрины ее создатели и их преемники не сумели выделить ни одного признака «тоталитаризма», который не был бы опровергнут. То, что предлагалось в качестве родовых признаков, на проверку оказывалось присущим многим другим социальным явлениям. Перенесенная в СССР—РФ доктрина отнюдь не усилит политические и тем более научные позиции ее новых приверженцев. Она лишь на время прикроет тот непреложный факт, что наиболее опасные последствия сталинизма в стране сохранились не только и, очевидно, не столько в так называемых «красных» и «коричневых» движениях.

Некоторые авторы полагают, что сталинизм — это не теория, а практика. С этим совершенно нельзя согласиться. Многие в СССР—РФ до сих пор представляют, что теория, методология могут быть лишь научными, прогрессивными. И это вопреки тому, что даже Сталин повторял давно известную истину о старых и новых, передовых идеях и теориях¹. Он и его окружение, несомненно, создали теорию. Другое дело, что она была ненаучной, по своей политической сущности — реакционной, что Сталин нередко с циничным прагматизмом отвергал те или иные положения этой теории, если они не отвечали его сиюминутным политическим интересам.

Особо о термине «сталинщина». Отрицательные эмоции его авторов вполне оправданы. Но негативные общественные явления, обычно обозначаемые словами с таким суффиксом (например, аракчеевщина, колчаковщина, хлестаковщина), не обладают социальной устойчивостью, не имеют собственной развитой системы, охватывающей все сферы общества. Сталинизм — это разновидность автократии, паразитирующая на переходе от старого капиталистического к новому социалистическому строю. Сталинизм широко эксплуатировал энтузиазм народных масс, активно включившихся в социальное творчество, их приверженность к идеям социализма. Он ис-

¹ См.: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945. С. 111.

кусно прикрывал себя девизом «Сталин — это Ленин сегодня», различными тезисами об ученике, соратнике, последователе Ленина. Небезуспешны непрекращающиеся попытки выдать корыстные интересы диктатора и его группы за классовые, государственные, их преступления — за историческую необходимость и даже закономерность. Эффективно внедрялся в умы и сердца миллионов миф о «великом стратеге» и «страже порядка», будто бы спасшем народы от фашизма и обеспечившем их счастье. Сталинизм держался на страхе и иллюзиях. Тотальная пропаганда использовала не только реальные успехи страны, но и осуществляемые в демагогических целях парады и зрелища, наземные и подземные дворцы и парки — при сохранении общего низкого жизненного уровня, нищеты и бедствий миллионов людей.

Каковы основные черты сталинизма? Политика — главная его функция. Сталин и его приверженцы использовали в своих узкокорыстных целях известное положение марксизма-ленинизма о роли сознательного в становлении социалистического строя. За фасадом диктатуры пролетариата был вполне целенаправленно создан режим личного неограниченного господства. Политика, преимущественно в самых грубых насильственных ее формах, пронизывала всю страну. Были огосударствлены общество и человек, сформирован административный аппарат, подвластный лишь диктатору и служивший ему главной опорой. Режим отличался противоправным характером. Наиболее резко это проявлялось в массовых репрессиях, осуществляемых карательными органами в целях установления и упрочения единовластия, а также в большой степени — для пополнения трудовых ресурсов ГУЛАГа, чьи производственные предприятия занимали видное место в экономике. Массовый террор, обесценение человеческой жизни были непременным свойством режима 30-х—начала 50-х гг., а не «трагическим апогеем сталинизма», как полагают иные авторы. Для сталинской политики характерны разрыв с наукой и нравственностью, авантюризм, дегуманизация.

Политизации неизменно сопутствовали примитивное идеологизирование всех сторон общественной жизни — от экономики до культуры и брачных отношений, в том числе вульгарный атеизм, уничтожение исторической памяти народов, полная нетерпимость к инакомыслящим, губительная система монополий в промышленности, сельском хозяйстве, науке, духовной жизни. Гипертрофированная идеологизация, культ личности обусловили многочисленные отступления от здравого смысла, абсурдные ситуации в народном хозяйстве, общественных отношениях. Процветали обскурантизм, воинствующая некомпетентность, гонения на интеллигенцию под видом «усиления классовой борьбы», невежественное вмешательство «вождя», его окружения, их преемников в различ-

ные отрасли науки, после чего последние на долгие годы прекращали свое развитие. Сталинизм обусловил чрезвычайно противоречивое развитие культуры, ее «усреднение», по существу — упадок.

Сталинизм деформировал партию, профсоюзы, другие общественные организации. Основополагающий принцип деятельности ВКП(б) — демократический централизм — был превращен в бюрократический централизм, ее организации и члены — в простых исполнителей. Это во многом относится и к коммунистам-руководителям. «Вождю» не нужны были соратники. Партийная номенклатура в довольно короткий срок превратилась фактически в составную часть и орудие командно-репрессивной системы.

В области экономической было осуществлено отчуждение тружеников от собственности и результатов труда, насаждены архаичные, исторически бесперспективные, преимущественно принудительные методы хозяйствования. Формирование предельно централизованной, бюрократической собственности подавило интерес к эффективному труду, породило расхищение людских и иных ресурсов, социальное иждивенчество — привычку получать не создавая, социальную несправедливость — уравниловку и одновременно привилегии, хищения и коррупцию. Экономика носила экстенсивный характер, что в первые годы Советской власти, может быть, в определенной мере было оправдано, однако Сталин и позднее не искал разумной альтернативы.

Сталинизм — это попрание ленинской национальной политики. Режим игнорировал насущные потребности развития и специфику различных наций, народностей, национальных групп. Под флагом общегосударственных интересов возобладали унитаризм. К резкому обострению национальных противоречий привели репрессии. Росту национального самосознания мешали сталинские теоретические установки на форсированное сближение наций, полную и окончательную решенность национального вопроса¹.

Сталинизм — это атмосфера все усиливающегося духовного закрепощения человека, подчинение его воле диктатора, воспитание трусости, подозрительности, доноительства, угодничества, лицемерия, уничтожение человеческого достоинства, воровство и пьянство. Сталинизм — это обман на государственном уровне (фабрикация «изменников родины», искажение итогов пятилетних планов, переписи населения, фальсификации истории и пр.).

Сталинизм на международной арене — это игнорирование общечеловеческих интересов и вульгаризация классового под-

¹ Подробнее см.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 19—20 сентября 1989 года. 1989. С. 216.

хода; неадекватная оценка мирового развития, в частности, непонимание фашистской формы империализма, ложное представление о средних слоях как главных врагах коммунизма, вредная посылка о неизбежности мировой войны и утрата перспективы предотвратить ее. Это — политическая самоизоляция и автаркия, гегемонизм и имперские тенденции, экспорт насилия и террора. Сталинизм в мировом освободительном движении — это упущенные возможности создания единого народного фронта против фашизма и войны, стремление установить диктат над Коминтерном и «братскими партиями», вредная абсолютизация советского опыта, неумное восхваление всего своего и принижение всего «чужого».

Сталинизм, что особенно важно для изучаемой темы, означает отказ от научной методологии обществоведения вообще и историографии в частности; лишение ее главной социальной функции: изучать опыт прошлого, извлекать уроки. При сталинизме она в значительной мере становится служанкой пропаганды, лишенной научной основы. Наконец, сталинизм — это своеобразный метод руководства войной.

2

Суждения советских обществоведов об истоках сталинизма также весьма различны. Некоторые авторы выводят сталинизм из отсталости России, по существу, повторяют известный тезис видного меньшевика Н. Суханова¹ о том, что Россия не достигла такого развития производительных сил, при котором возможен социализм; пишут о малочисленности пролетариата, бюрократизме, низкой культуре в России. Большевики, иронизирует Ю. Поляков, в 1917 г. разбили яйца, но оказалось, что нет ни сковороды, ни плиты. Яичницы не получилось. В этом анекдоте — давняя мысль противников Октябрьской революции об отсутствии в России условий для перехода к новому строю. Нынешние критики, в течение десятилетий пребывавшие в железных объятиях сталинистской историографии, не лучше своих давних предшественников знакомы с предметом спора. В этом, как и во многих других случаях, оппоненты явно недооценивают роль личности, роль политической власти. Если Сталину и его группе удалось создать и сохранять в течение десятилетий систему, которая грубо противоречила экономическим законам развития цивилизации, то на каком основании ныне могут отвергать правомерность ленинского прогноза, высказанного, в частности, в письме к Суханову — построение действительного социализ-

¹ См.: Суханов Н. Н. Записки о русской революции. Т. 1—7. 1921—1923. Берлин.

ма при опоре на Советскую власть и иные вполне реальные факторы? Тем более что Ленин и его единомышленники не стремились немедленно перейти к новому строю. Разве не проходит красной нитью через ленинские труды мысль о постепенном характере всех преобразований¹.

Большевики задолго до Октября предвидели неизбежность революции, поскольку высший класс России не собирался поступиться своими привилегиями и освободить дорогу для прогрессивного ее развития. Но они не намеревались начинать революцию с социалистических преобразований. Те, кто рассказывает ныне о несостоявшейся «яичнице», исходя из сталинского тезиса о «введении» социализма как «непосредственной» задаче Октября. Как известно, Ленин отвергал такую установку уже в Апрельских тезисах 1917 г. Октябрьская революция, в первую очередь, решала общедемократические задачи, не реализованные февралем: мир, свобода, земля. Октябрь установил вначале не диктатуру пролетариата, а власть рабочих и крестьян. Эти события, отразившие чаяния народа и совершенные при его активнейшем участии, никак нельзя считать переворотом «кучки заговорщиков». Ставшие доступными архивные документы вновь подтверждают, что революция явилась результатом народного возмущения, массового движения рабочих и крестьян. Еще в январе 1918 г. как отмечалось А. Бутенко, председатель Учредительного собрания эсер В. Чернов заявил о «мощной тяге народов России к социализму». Это необходимо учитывать, решая вопрос о том, совершили ли большевики ошибки, предприняв красногвардейскую атаку на капитал. Все это надо еще изучать. Ленин превосходно понимал «отсталость» российского социализма от западного. Эту мысль повторит позднее Н. Бухарин. Непосредственно с этим связаны суждения Ленина о том, что в России легче было установить диктатуру пролетариата, но будет труднее развивать революцию. В этом свете, по меньшей мере, ошибочно представлять Ленина и его сторонников наивными людьми, которые лишь в ходе событий стали открывать для себя особенности страны.

Кстати, в последние годы что только не написано в СССР по поводу российской и русской национальной специфики, будто бы предопределившей и возникновение сталинизма, и вообще ход истории. Естественно, каждая страна, каждый народ суть неповторимые явления. Но тема эта не только чрезвычайно деликатна, но и необычно сложна, и менее других изучена. В этом случае особенно недопустимы любые безответственные суждения. Пишут, как об установленном факте, о «неистребимой тяге русских к концентрации власти»,

¹ См., например: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 165—169; Т. 41. С. 381; Т. 45. С. 378—382.

роковой склонности их к рабству. Пишут о «легковерии русского человека». В действительности в этом можно упрекнуть любой народ. Даже англичане, которые в течение столетий не знали тиранов, «легковерно» позволяли втянуть себя, например, в «ненужные» вторую мировую войну, а затем и «холодную войну». Не выдерживает критики тезис: «Никто и никогда в истории человечества не был так поработен мифами, как наш народ в XX веке». А кто изучал степень такого поработения других народов?

Нельзя принять и суждение, заимствованное у Н.Бердяева: марксизм преуспевал в России, соединившись с мечтой о мессианской роли в мировом масштабе¹. Эта схема не объясняет многие факты. Как быть со странами, где марксизм также получил широкое распространение, но которые свободны от такой мечты? И, наоборот, как объяснить, что ряд стран не только мечтали, но и активно насаждали свое «мессианство», однако, без какого-либо участия марксизма? Появились и специальные публикации о «русской специфике». Среди них — нашумевшая книга Т. Маде, близкая к ней статья Л. Седова. Авторы выводят сталинизм из русского национального характера. Они не создали оригинальных исследований. Скорее всего — это нарочитая подборка высказываний писателей, публицистов о русской культуре, которая в течение веков, якобы, никак не может «дозреть до взрослого состояния». Без труда можно допустить, что сталинизм воспользовался какими-то особенностями характера русского и других народов. Может быть, он даже усилил какие-то черты, например, долготерпение. Такое качество, очевидно, не без успеха в течение многих веков воспитывали православная и иные церкви. Его, несомненно, эксплуатировали и продолжают нещадно эксплуатировать разные правители. Однако в целом возникновение сталинизма и национальные особенности народов СССР, несомненно, должны быть тщательно изучены.

Суждения по национальному вопросу, очевидно, наиболее слабое место в позиции наших оппонентов. Призывы Ципко и его единомышленников к «экономическому, духовному и культурному возрождению России» никак не сочетаются с их оценками русского народа и его традиций, утверждениями о «русском жутком бунте», «нашем русском свинстве», о «празднике угнетенных», который в России неизбежно превратится в «праздник сволочи», о «необразованных, не искушенных в мысли русских людях». Что же они хотят «возродить»? На каком основании все это малоприятное они называют русским? Разве США и по существу все великие державы не родились в результате революционных войн?

¹ См., например: *Самойлов Э. В.* Фюреры. Общая теория фашизма. В 2-х кн. Обнинск. 1992. Кн.2. С. 6.

Разве дело Великой французской революции не совершенствовалось в ходе последующих без малого ста лет? Может быть, все эти нерусские войны и революции не сопровождались такими же явлениями?

Другие авторы помещают сталинизм рядом с нечаевщиной в «крайне левом крыле» освободительного движения. Но революционная Россия еще в те дни прошлого века отсеклась от нечаевщины с ее порочными нравственными принципами. Сталинизм успел показать себя настолько, что ныне ни один из объективных ученых не смешает его с революцией. Кроме того, подлинная история революционного движения в России знает также декабристов А. Герцена, Н. Чернышевского и И. Каляева с их безупречной моралью. Большевикам эти имена были хорошо известны. Об этом свидетельствуют многочисленные работы Ленина. В прошлом России, как, очевидно, и любой другой страны, были разные традиции. Почему же Сталин избрал сплошь негативное?

Довольно многие обществоведы высказывают мнение о «доктринальном истоке сталинизма»¹. Но эта схема не объясняет, почему разные последователи Маркса по-разному восприняли его учение. Вполне очевидно, что ни одна из политических доктрин не может быть совершенной. Марксизм-ленинизм не является исключением. Не оставив в деталях разработанного плана построения социализма, Маркс и Ленин дали нечто большее — научный метод. Однако Сталину и его группе не дано было овладеть этим методом. И, главное, в их намерения это отнюдь не входило. Историки уже отвергли стремление обвинить в преступлениях гитлеризма в числе прочих Ф. Ницше и О. Шпенглера. Интересно, обвинял ли кто-либо Иисуса Христа в кровавых крестовых походах, злодеяниях инквизиции или Варфоломеевской ночи? Так или иначе, ни одно учение не несет ответственности за действия людей, назвавших себя его последователями. Маркс и Ленин не имеют отношения к делам всех политиков XX в., на штандартах которых было написано слово «социализм». Следует беспристрастно изучать, что хотел и сумел воспринять Сталин из учения и что извратил или просто отверг в своекорыстных целях, что из содеянного им непосредственно отвечало интересам трудящихся и не соответствовало бы целям самовластия. Лишь после этого можно будет окончательно судить, оказался ли сталинизм осуществлением революционной доктрины или контрреволюционным перерождением. Известные нам факты побуждают нас ко второму из этих выводов.

Подобного анализа в публикациях наших оппонентов мы не находим. Суть взглядов Ципко выражена в следующей

¹ См.: Суровая драма народа. М., 1989. С. 175.

фразе: «Во имя призрака, кабинетной, оторванной от жизни химеры... были принесены жизни десятков миллионов ни в чем не повинных людей». Вне поля зрения он умышленно оставляет царизм и другие силы российской и зарубежной контрреволюции, поставившие страну на грань катастрофы; деспотию Сталина и в целом сталинизм. В статьях автора не нашли места внешние условия развития советского общества, в первую очередь, интервенция 1918—1922 гг., постоянная враждебность многих капиталистических государств, агрессия 1941—1945 гг. Все это никак нельзя назвать «химерой».

Так же, как и сталинисты, новые «антикоммунисты» абсолютизируют разрушительную сторону революции и установленной ею власти в ущерб созидательным функциям — вопреки духу марксизма и главному направлению практической деятельности Ленина и его сподвижников в 1917-м и последующие годы. Опубликование новых сведений о сталинизме создало благоприятную почву для возникновения ложных мнений, тем более что проблемой «марксизм и насилие» специально никто из советских ученых не занимался. Провозглашенные Марксом, Энгельсом, Лениным цели «антикоммунисты» тенденциозно сводят к средствам их достижения. Так, диктатура пролетариата отнюдь не составляет суть марксизма, она мыслится лишь на время перехода к обществу без классов¹, связанные с ней ограничения демократии также рассматривались как временные². Некоторые авторы утверждают, что Марксово учение «связало социальный прогресс с красным петухом и... отрицает возможность социальных эволюций». Но это или незнание, или фальсификация. Да, в Манифесте Коммунистической партии действительно было признано «лишь насильственное ниспровержение». Впоследствии, однако, Маркс и Энгельс не только допускали, но и считали целесообразным мирный путь развития революции³.

В последнее время новые критики бросились к неопубликованным ленинским заметкам, запискам, телеграммам, которые, по мнению старой партийной цензуры, компрометировали Ленина. Вырванные из контекста, лишённые объективных пояснений (как и при каких обстоятельствах возник тот или иной материал и т. д.), они, на самом деле, могут произвести впечатление на полубразованного читателя. Они не способны, однако, ниспровергнуть ленинского творчества в целом. Нечистоплотность публикаторов можно показать на таком примере. Волкогоновым и его единомышленниками предано забвению обоснование Лениным

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 427.

² Программа ВКП(б). М., 1937. С. 12, 15—16.

³ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 523.

основных целей диктатуры пролетариата. Уже в марте—апреле 1918 г. на первый план он решительно выдвигает как «главную задачу» всякой социалистической революции ее «положительную работу», возможную «только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения»¹. Это высказано Лениным в «Очередных задачах Советской власти». Кровавого опыта гражданской войны еще не было, до «Политического завещания» оставалось еще 5 лет. Игнорируют и то обстоятельство, что Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали способность капиталистического общества к самообновлению, совсем не обязательно связанному с насилием.

Может быть, наиболее опасен ложный тезис о жестокости большевизма. Вспоминают лозунг о поражении «своего» правительства в захватнической войне и ее превращении в гражданскую, и на этом основании обвиняют большевиков в «жажде скорой гибели миллионов русских солдат», хотя именно РКП(б) вывела Россию из империалистической войны без превращения ее в гражданскую. Возникшая впоследствии гражданская война вовсе не была реализацией упомянутого лозунга. Нашим оппонентам, очевидно, неизвестно, что требование большевиков добиваться поражения «своего» реакционного правительства в развязанной им несправедливой войне не только принято, но и получило дальнейшее развитие в борьбе германских и иных антифашистов в годы второй мировой войны. Характерно, что лозунг был принят не только коммунистами, но и либералами, христианскими демократами — от «Красной капеллы» до «Белой розы». Все они считали величайшим злом для германского и других народов Европы победный исход гитлеровской войны. Многие из них вели активную разведывательную деятельность в пользу СССР, США и других государств антифашистской коалиции. Начальник германской военной разведки адмирал Ф. Канарис считал такую деятельность (с точки зрения официальных властей — государственную измену) единственным рациональным и нравственным выходом из тупика, в который завел Германию фашизм².

Антимарксисты утверждают, что насилие никогда не может быть повивальной бабкой нового. Но как поступить с гигантским историческим опытом, который накоплен человечеством до и после Маркса и который свидетельствует о противоположном? Не только социалистические, но и буржуазные революции, как правило, опирались на насилие. Разве не прибегали к нему самые демократические режимы, например, против реакции или сепаратизма? Дело историков — не зату-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 171.

² См.: Слово. 1990. № 5. С. 80.

шевывать этот факт, а изучить, всегда ли мера этого насилия оправдывалась конкретными условиями, возможно ли решение социальных проблем вообще без насилия. А наиболее кровавые мировые войны, возникшие в недрах капитализма? Их опыт не был исключительно негативным. Первая из них благоприятствовала победе революции в России, Германии и других странах, поставила перед человечеством общую проблему предотвращения новой кровавой бойни, вместе с освободительными движениями привела к краху империи; Европа и весь мир сделали шаг к демократизации. Вторая мировая война именно силой восстановила попранную фашизмом независимость многих стран. Военный разгром агрессоров predetermined либеральный путь развития капитализма, в последующие десятилетия он претерпел некоторые прогрессивные изменения.

Из нескольких десятков партий России критики исключительно на большевиков возлагают ответственность за развязывание гражданской войны и ее преступления¹. Но кто изучил эту проблему? До каких пор будут административно вешать, не исследуя дело? Сталинистская историография писала исключительно о белом терроре, ныне пишут также исключительно — о красном. А был ли террор других цветов? Как они соотносятся друг с другом? Может быть, это — нарушения обычаев и правил ведения войны? Насколько изучены мирная альтернатива развития России в 1917 г., ответственность за развязывание гражданской войны иностранных держав? Последнее хотим особо подчеркнуть. Консерваторы зарубежные и местные не любят вспоминать бесславный и кровавый «поход 14-ти государств». Когда началась гражданская война? Летом 1918 г., в момент Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде, корниловского мятежа, а, может быть, в момент расстрела июльской демонстрации, Февральской революции? Специалисты еще спорят. А дилетантам все ясно.

Обращение наших оппонентов к конкретно-историческим моментам часто не выдерживает критики. Говорят: большевики апеллировали к «бунту», они захватили власть. А нужны были бунт и захват, если власть фактически принадлежала Советам, а большинство в них — большевикам? Временное правительство, лишенное народной поддержки, не оказало сколько-нибудь серьезного сопротивления. Утверждают, что другие политические партии будто бы не стремились к власти, спокойно ожидая решений Учредительного собрания. Это по меньшей мере спорно. Остается без ответа другой — более важный вопрос: намерены ли были «ждать» солдаты, крестья-

¹ Подробнее см.: Известия ЦК КПСС. Приложение. 1989. № 12. С. 91—92; Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 137.

не, рабочие и, с другой стороны, — приверженцы монархии, контрреволюции вообще? Напомним только о корниловском ультиматуме А. Керенскому 26 августа 1917 г. немедленно уйти в отставку¹.

Сталинская пропаганда всячески преувеличивала масштабы насилия и кровопролития вообще в ходе революций и, в частности, при захвате Зимнего дворца. В соответствии с таким социальным заказом историки «разыскивали» вооруженные восстания в прошлом других стран. Как это ни странно, сиюминутные интересы наших оппонентов и в этом случае совпадают со сталинской фальсификацией. На самом деле, и это общеизвестно, «первые месяцы после 25 октября 1917 года» Ленин назвал «победным триумфальным шествием революции»; «победа давалась нам необычайно легко». Утверждение о том, что большевики «свободно выбирали» гражданскую войну, выглядит по меньшей мере нелепо. У них власть, зачем же им война? Эти соображения должны быть учтены при подлинно научной оценке события.

Тезис о «жестокости» распространяется в самых различных вариантах. В 1990—1997-е гг. большая часть прессы отдала дань моде, опубликовав те или иные сведения о казни бывшего российского императора и членов его семьи. Сам этот факт в истории великих революций не был чем-то из ряда вон выходящим. Он без особого труда объясняется условиями гражданской войны. Авторы публикаций забывают, что писать историю много легче, чем ее делать. Поражает сам выбор сюжета. Разве не более важна, в частности, такая тема: ответственность российского двора и церкви за возникновение первой мировой войны (за убийство миллионов людей!), за создание революционной ситуации и развязывание гражданской войны? В теоретическом плане давно установлено, что революции и гражданские войны готовят консерваторы, препятствующие реформам. Считающие себя демократами могли бы обратиться и к таким трагическим страницам народной истории, как Ходынское поле, Кровавое воскресенье, виселицы 1905—1907 гг., расстрел на Лене, войны 1904—1905, 1914—1918 гг. Восстанавливая историю православной церкви, нельзя забывать резко отрицательные суждения о ней, в частности, В. Белинского, Л. Толстого, оценки современных зарубежных историков: церковь как «продажное орудие правительства» (Л. Фишер)². Ее история не была только светлой. Восстанавливая добрую память русского казачества, можно ли сбрасывать со счетов его реакционные традиции?

¹ Подробнее см.: История СССР. 1990. № 1. С. 90—91.

² Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон. 1970. С. 703.

Нельзя приукрашивать положение предреволюционной России, отрицать политическое и экономическое бесправие неимущих, грабительскую практику хозяев. Так, впрочем, было не только в России. США, например, и в 1929 г. не имели системы пенсионного обеспечения, пособий по безработице. Из всех партий России лишь РКП(б) выдвинула программу, отвечающую интересам большинства населения. Она открывала социалистическую перспективу — благосостояние, свободное развитие каждого человека. Октябрь спас страну от катастрофы, распада на мелкие государства, которые легко стали бы добычей захватчиков. По мнению М. Ферро (Франция), французские революции 1789—1871 гг. не добились того, что осуществил Октябрь: «одновременное свержение старого режима, уничтожение социального и экономического неравенства и установление народного правительства»¹.

Октябрьская революция имела большое международное значение. Она ускорила окончание первой мировой войны, способствовала разрушению трех вековых реакционных империй (Россия, Германия, Австро-Венгрия). Идея социализма приобрела сотни миллионов приверженцев и стала общечеловеческой ценностью. СССР сыграл решающую роль в разгроме фашизма. Так потерпела поражение хищническая и антинародная форма капитализма. Под влиянием социалистических движений произошло реформирование капитализма в развитых странах, усиливалась социальная защищенность малообеспеченных. С крахом сталинизма, рядившегося в коммунистические одежды, не умерла социалистическая идея. Как и любое стремление к лучшей жизни, она отражает реальную действительность. Идеи Октября — социальная справедливость, гражданское достоинство, гуманизм, дух коллективизма, интернационализма — овладели массами и превратились в материальную силу.

Наивно или злонамеренно предложение о парламентском расследовании «Об исторической и правовой оценке насильственного свержения законного правительства демократической Российской республики в октябре 1917 года и о роли в событиях 1917—1918 годов партии большевиков во главе с Лениным В. И.»². Февральская революция возникла стихийно. Это показывает, например, В. Молотов, бывший в то время одним из сотрудников большевистской «Правды». Следуя сталинской традиции (большевики всегда и везде были в авангарде событий!), он пишет: «В Петрограде сидели. Готовили Февральскую революцию». Но уже на следующих страницах читатель узнает, что возникший в ходе революции Петроградский Совет рабочих депутатов начал заседать без участия

¹ Цит. по: 50/50: Опыт словаря нового мышления. М. 1989. С. 245.

² См.: Коммерсантъ. 1990. № 24. С. 15; Рабочая трибуна. 1990. 27 октября.

большевиков, что в первое время их в нем «было мало-мало», что «не только для Ленина день революции был неожиданным, но и для нас, находящихся в Питере»¹.

Обвинители большевизма должны также учесть и другое обстоятельство. Вплоть до 25 октября 1917 г. объективные условия, породившие Февральскую революцию, сохранялись, главным образом, по вине партий, представленных во Временном правительстве. Продолжалась империалистическая война. «Рабочие, крестьяне и средние классы, — пишет Фишер, — ненавидели прогнивший царский режим и боялись его реставрации», «солдатская масса отказывалась воевать». За годы войны царизм мобилизовал 14 млн человек, к концу 1917 г. число одних только убитых достигло 1 700 000. К январю 1917 г. число дезертиров достигло более миллиона. Июльское наступление русской армии в 1917 г. стоило жизни нескольких сот тысяч человек². Читатель должен принять во внимание, что таких бедствий до тех пор человечество еще не знало. Вторая мировая война, гибель десятков миллионов человек были еще впереди.

Не были решены и другие вопросы революции — хлеб, земля. Страна скатывалась к национальной катастрофе. Авторы предложения судить большевиков лишь повторяют подобные попытки лидеров эсеров и меньшевиков. Еще 1 марта 1920 г., отвергая обвинения в том, что «большевики залили страну кровью в гражданской войне», Ленин говорил: «Нашелся бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если б вы действительно начали социальную реформу?» Эсеры и меньшевики, находясь у власти с февраля по октябрь, руководствовались утопичной программой. Они пытались «сговориться с капиталистами», «не обижать капиталистов», да еще в условиях четырехлетней несправедливой войны. «Судьи» должны будут также учесть, что вопрос о мирном или немирном развитии российской революции был в центре внимания большевиков. Первый путь для них был, безусловно, предпочтительным. «20—21 апреля и 3—5 июля, — с тревогой писал Ленин в 1917 г. в статье «Начало бонапартизма», — страна была на волосок от гражданской войны»³. 3 сентября в статье «О компромиссах» Ленин предлагал вернуться к «доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков», без участия буржуазных партий. Оно могло бы возникнуть и упрочиться всего в течение нескольких дней «вполне мирно». «Оно могло бы обеспечить с гигантской вероятностью мирное движение вперед всей рос-

¹ См.: Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 153—156.

² Фишер Л. Указ. соч. С. 191, 213—217.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 49.

сийской революции... МИРНОЕ ИЗЖИВАНИЕ партийной борьбы внутри Советов»¹.

Пытаясь обосновать тезис о доктринальных истоках сталинизма, ошибочно оценивают политику «военного коммунизма». Выводя ее исключительно из марксизма, преднамеренно сбрасывают со счетов то обстоятельство, что ни одна страна не обошлась бы без чрезвычайных мер в условиях восьмилетней войны, разрухи, распада. Это нельзя не учитывать в предстоящем подлинно научном анализе политики РКП(б) тех лет. Оказывала ли определенное влияние марксистская теория на поведение революционеров? Несомненно. Это прослеживается уже в самом названии принятой большевиками политики «военного коммунизма», хотя она и не имела никакого отношения к коммунизму. Попытка историков партии в былые времена объяснить это название ссылкой на принцип «кто не работает, тот не ест» не убедительна. Разве те, у которых отнимали хлеб, не работали? Термин «военный коммунизм», несомненно, был ошибочным. Очень важно подчеркнуть, что важнейшая составная часть политики, названной «военным коммунизмом», — продовольственная разверстка — была введена не большевиками, а еще прежними российскими властями до октября 1917 г.

Задача науки показать взаимодействие различных тенденций — социалистической теории и революционной практики, революционного нетерпения масс и железной необходимости (разруха, голод и т. п.). Одному из сотрудников Института истории СССР В. П. Дмитренко едва ли это удалось. Не преувеличивает ли он стремление «смять животворные силы аграрной революции», ошибку большевиков, не согласовавших свои действия с эсерами? Не ясно, каких эсеров имеет в виду автор — правых, левых, до или после их восстания. Правда, в конце концов автор сам признает, что чрезвычайные меры были оправданы обстановкой в деревне, взаимоотношениями между народами России, гражданской войной².

Весьма характерно, что примитивное государственное хозяйство, возникшее в стране во время гражданской войны, Л. Троцкий называл не коммунистическим хозяйством, а экономикой осажденной крепости: «Не было у нас социализма и не могло быть». По мнению Фишера, «военный коммунизм» был вызван не марксистской догмой, а крайней нуждой, разорением и войной.

Совершенно неисторично изображать (вслед за Сталиным) большевизм застывшим и единым. В действительности большевизм был живым и в высшей степени динамичным, ему была свойственна постоянная борьба мнений. В ЦК

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 134—135

² См.: История СССР. 1990. № 3. С. 5, 6.

РКП(б) не прекращались дискуссии по поводу Временного правительства и Советов, власти, мира с Германией, общечеловеческой культуры вообще и старых специалистов в армии и народном хозяйстве, в частности, национального вопроса, крестьянства, новой экономической политики, мирового революционного движения и мирного сосуществования, внешней торговли и концессий. В центре внимания было и соотношение ненасильственных и насильственных методов деятельности в стране и во вне ее. Определенные представители большевизма, несомненно, отличались экстремизмом. Таковы Сталин и его группа. В деятельности ЦК РКП(б), например, в период борьбы с массовым голодом были вынужденные чрезвычайной обстановкой, репрессивные акции¹. Можно ли, однако, на этом основании считать большевиков экстремистами? Можно ли, как это сделал 22 апреля 1993 г. в выступлении по российскому телевидению сотрудник РАН Ю.Борисов, утверждать, что, стремясь «модернизировать» Россию, Ленин был «беспощадным» и считал «все средства хорошими»? Общие моральные принципы большевизма Ленин выразил так: «в нашем идеале нет места насилию над людьми; слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян»². И в этом свете оказывается несостоятельным стремление затухивать различие в политических позициях Маркса—Ленина и Сталина.

Требовать применительно к условиям России 1914—1922 гг., соблюдения безупречного принципа «не убий!» едва ли позволительно. Даже спустя семь десятилетий не удалось еще построить мир без насилия. И в нынешнее сравнительно благополучное время по-прежнему добро и право вынуждено подчас защищаться с оружием в руках. Не имеет никакой основы отождествление террора 1918—1922 гг. и преступлений Сталина. Одно дело — открытое столкновение двух вооруженных сторон в экстремальной обстановке войны и интервенции, другое — тайное убийство миллионов людей, обманутых, невинных, безоружных, как правило, не оказывавших даже сопротивления. Ныне растет число тех, кто бездоказательно ставит на одну доску революцию и контрреволюцию, преступления, авторитаризм, империалистические войны, невежество, бездуховность, голод, эпидемии. Ученые должны остановить этот процесс. Огульное порицание всего и вся весьма далеко от здравого смысла. Разумеется, отрезвление рано или поздно наступит, но какую цену заплатят за это обманутые экстремистами люди?

¹ См.: История ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 192, а также статью С. Липицкого в кн.: История и сталинизм. М., 1991.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 122; Т. 39. С. 403.

Руководствуясь конъюнктурными соображениями, новые критики подчас игнорируют Ленина, перекидывая мост непосредственно от Сталина к Марксу. «Сталинизм есть плата за экономический утопизм марксизма», утверждает один из них. Допустим, на минуту, что такой «утопизм» был. Но после Маркса был Ленин с его нэпом, его требованием поставить на первое место именно экономический интерес, «соразмерять заработок с общими итогами выработки продукта», «с общими итогами работы фабрики». Разве не Ленин, осуждая идеологизирование экономики, коммунистическое чванство, решительно призывал уже весной 1918 г. «перенять все ценное из завоеваний науки и техники»; отвергал «левое ребячество» в экономике: «мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили, наломали, чем успели подсчитать». «Задачи социалистического строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний... Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму»¹, — подчеркивал Ленин.

Приписывая ему авантюризм, оппоненты цитируют обычно речь на 3-м Всероссийском съезде комсомола. Действительно, он говорил, что его слушатели через 10—20 лет будут жить в коммунистическом обществе. Но в тексте этой же речи читатель может встретить отождествление «коммунистического порядка» с «жизнью без помещиков и капиталистов»². Ленин, несомненно, имел в виду самую начальную стадию этого общества, определяя ее наступление лишь с точностью до 10 лет. Можно ли вообще полагать, что в этой речи перед молодежью Ленин стремился теоретически обосновать конкретные сроки перехода, можно ли судить о развитии ленинской мысли по одной его популярной работе?

Критики обходят молчанием теоретическую и практическую деятельность Ленина. Ссылаясь на то, что появление термина «марксизм-ленинизм» в какой-то мере связано с именем Сталина, некоторые авторы отвергают этот термин. Однако такие соображения формальны. Без вклада Ленина в развитие марксизма это учение не было бы тем, чем оно стало в XX в. Нельзя не учитывать также, что в мире есть люди, не без оснований относящие себя к марксистам, но не принимающие Ленина. Достаточно отметить, что многие государства — члены ООН считают себя социалистическими. В соответствии с духом учения Ленин отверг некоторые его положения, как и левацкие его истолкования. Таковы новая трактовка социалистической революции в одной стране, политический и нравственный подвиг Брестского мира, призыв к «практицизму и деловитости», кооперированию населения уже в марте—

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 109, 262, 263, 294, 382.

² Там же. Т. 41. С. 317—318.

апреле 1918 г.¹, стремление перевести революцию на мирный путь, осуждение принципа «любой ценой», возрождение идей Манифеста Коммунистической партии о соглашениях коммунистов со всеми демократическими партиями и организациями. Достаточно вспомнить в этой связи знаменитую «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме».

Не выдерживают критики обвинения Маркса и Ленина в сектантстве. Они будто бы стремились создать новое общество, опираясь на интеллектуальный потенциал лишь самых обездоленных слоев населения. Но напомним, в частности, критику Лениным тезиса о так называемой пролетарской культуре, его постоянные призывы овладеть культурой общечеловеческой: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»². Подчеркивают, что в большевистской партии образованные люди составляли ничтожное меньшинство. Игнорируют при этом, что значительное число интеллигенции пошло за большевиками, в частности, большая часть русских офицеров лояльно служила революции в рядах Красной Армии, что существенно способствовало ее победе. Оппоненты тенденциозно вкладывают в уста классиков известные слова из песни о разрушении «до основания» старого мира, оправдывая тем самым преступления сталинизма. По существу так же поступают они и с теорией Маркса—Ленина, подгоняя ее под преступную практику Сталина, в частности, его действия против интеллигенции.

Искажают ленинские положения о нравственности. Да, у Ленина были выражения о подчинении морали «интересам классовой борьбы пролетариата», но он не сужал эти интересы. Он полагал, что коммунистическая нравственность «объединяет трудящихся против всякой эксплуатации». Он отрицал всякую нравственность, «взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия»³. Критики строят свои рассуждения не на всестороннем анализе источника, а на манипулировании вырванными из контекста некоторыми, недостаточно корректно сформулированными выражениями. Сообщают о защите Лениным закона, запрещавшего рабочим и служащим советских хозяйств (то есть государственных хозяйств) иметь собственных животных и огороды. При этом умышленно опускают из текста слово «советских», вместо животных упоминаются куры. При цитировании умалчивается выраженная в ленинском «Ответе на записки» готовность Советского правительства сделать исключения из этого закона. Игнорируются многократные предупреждения Ленина об

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 158—161, 278, 303.

² Там же. С. 305.

³ Там же. С. 309—311.

исключительно добровольном, «без малейшего принуждения» переходе к общественной обработке земли. Для всесторонней оценки ленинского отношения к трудящимся наши оппоненты могли бы также обратиться и к другим работам. В одной из них практической задачей союзов молодежи Ленин считал как раз «работу на подгородных огородах», «для того, чтобы спастись от голода, надо развить огороды», подчеркивал он¹.

Все сказанное не означает, что главным создателем режима — Сталиным и его группой не были использованы различные объективные факторы, в том числе и связанные с национальной спецификой или доктриной. Формируя культ личности, они, несомненно, опирались на царистские и религиозные традиции народов России, общую невысокую культуру большей части населения. Сталин и его окружение, используя недостаточную разработанность программы революционных преобразований, формировали собственное примитивное представление о социализме. При этом они, разумеется, учитывали неразвитое социалистическое сознание не только трудящихся, но и большинства членов самой большевистской партии. Партия была сильно ослаблена: во время гражданской войны она потеряла многих кадровых революционеров. Ее руководитель Ленин как теоретик и политик был на несколько голов выше других лидеров партии. Исключительной была его роль в формировании программы и тактики партии. Не только в России, но и во всемирном рабочем движении никто не мог сравниться с Лениным. В этом была и сила, и слабость РКП(б). С уходом Ленина никто не мог его заменить. Начавшаяся еще при Ленине внутривнутрипартийная борьба после его смерти резко обострилась.

При этом было бы ошибочным абсолютизировать роль Ленина, представлять его, как делал Сталин, в виде некоего «единоличного властителя», воля которого будто бы определила все послеоктябрьское развитие страны. И эта фальсификация используется нынешними противниками социалистической идеи. Они возлагают на Ленина ответственность за все происшедшее после Октября. Отнюдь не считая деятельность Ленина сплошь безупречной, мы не можем забыть, что он, естественно, был просто не в состоянии охватить все. К тому же большую часть времени в 1917—1924 гг. он болел. Чтобы отстоять свою точку зрения, ему приходилось иногда идти против большинства членов Центрального комитета, допускать компромиссы. Иными словами, в том или ином решении, подписанном Лениным, далеко не всегда выражено его личное мнение. Не говоря уже о том, что многое искажалось исполнителями. Как показал Ю. Буранов, даже знаменитое

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 27—30; Т. 41. С. 316.

завешание Ленина — Письмо съезду — было «отредактировано» Сталиным.

В период революции роль политических партий и их лидеров, естественно, возрастает. В конкретных же условиях России (военно-политический разгром всех оппозиционных партий, однопартийная система власти) эта роль увеличивалась многократно. В развернувшемся соперничестве в партии и стране победили, по словам Мао Цзэдуна, необразованные образованных. Необходимо добавить к этому, что переворот Сталина означал также победу безнравственности и произвола над моралью и правом. В отличие от своих соперников Сталин не был отягощен какими-либо нормами поведения. Это был «горец, не тронутый Европой» (Фишер). Сильнейшим его оружием была крайняя неразборчивость в средствах. Нельзя принять суждение: Сталина «двигала вверх старая гвардия», «одна шайка» (В. Пикуль)¹. «Успех «вождя» в большей мере объясняется именно тем, что ему удалось сначала расколоть руководство РКП(б), а потом уничтожить его.

Не отрицая определенного значения того или иного реального фактора развития 20-х гг., на первое место в ряду обстоятельств, способствовавших формированию сталинизма, необходимо поставить личность Сталина. «Вождь» не был создан системой, как полагают некоторые авторы, хотя бы потому, что самой системы еще не было. Этим и воспользовался Сталин, хорошо разбираясь в обстановке внутри партии и страны. Для самодержавных намерений он успешно использовал свою работу в Рабоче-крестьянской инспекции, Наркомнаце, Секретариате ЦК. В корыстных целях Сталин использовал и внешнеполитическую ситуацию. «Капиталистическое окружение» СССР он и его группа представляли как однозначно враждебное. Одним из главных тезисов сталинской пропаганды было утверждение о постоянно усиливающейся антисоветской агрессивности империализма. Так пытались оправдать усиление централизации, массовые репрессии, резкое падение жизненного уровня. Эта мысль красной нитью прошла, например, через «Сто сорок бесед с Молотовым» вопреки желанию бывшего «второго лица» в государстве и записавшего их литератора.

3

Отвергая тезис о порочной личности Сталина как главном источнике контрреволюционного «великого перелома», представители обоих антимарксистских направлений обращаются к положению о «естественно-историческом развитии». Над

¹ Цит. по: Наш современник. 1989. № 2. С. 189.

ними довлеет сталинистская вульгаризация марксистского представления о роли экономического фактора в развитии человечества. Однако по Марксу и Ленину, этот фактор был определяющим лишь в конечном счете. В отдельные периоды истории, в отдельных странах могут играть такую роль не только объективные, но и субъективные факторы, в том числе и личность.

Эта позиция изложена в известном письме Ф. Энгельса Й. Блоху 21 сентября 1890 г. «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени». И далее. «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии».

К критике этого заблуждения неоднократно обращался и Ленин. Так, в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» он отмечал, что великий научный подвиг Маркса и Энгельса состоит в том, что они «были первыми социалистами, выдвинувшими вопрос о необходимости анализа не одной экономической, а всех сторон общественной жизни». Обосновывая несостоятельность лозунга бойкота III Государственной думы, Ленин подчеркивал:

«Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹.

Личные свойства главного создателя сталинизма не могли не оставить и действительно оставили глубокий след. Нельзя разделить мнение о «сложной, далеко не однозначной фигуре». Сталин — это достаточно цельная натура. Примерно последние 30 лет своей жизни он последовательно проводил курс на захват и упрочение личной власти, ни во что не ставя интересы советского народа и мирового сообщества. Он не обладал большим и изощренным государственным умом и даже мудростью, как пытаются представить. У него нельзя отнять исключительную хитрость, понимание текущего политического момента. Однако едва ли он обладал способностью предвидения, без чего немислим современный руководитель столь высокого ранга. Признавая лишь собственное мнение, собственный опыт, он заранее обрекал руководимую страну на бедствия.

Вопреки утверждениям пропаганды, «вождь» не внес ничего нового в марксистско-ленинскую теорию. Он никогда не был ее классиком, войдя в историю как фальсификатор этого учения. Его опусы в какой-то мере отражают марксизм-ленинизм. Однако они изобилуют заблуждениями и прямыми искажениями. Многие из того, что приписывается Сталину, фактически является плагиатом. Созданная Сталиным командно-репрессивная система не только безнравственна, антигуманна, но и антиинтеллектуальна, нерациональна. Многие решения и деяния «вождя» и его группы были лишены здравого смысла. Таковы возвращение крестьянства в крепостное состояние, широкое применение крайне нерентабельного принудительного труда. При окостенелом складе ума Сталину не дано было понять, что развитие человечества нельзя повернуть вспять.

Некоторые историки и мемуаристы стремятся найти в названной системе нечто положительное. Однако для обеспечения порядка, воспитания ответственности, сосредоточения сил нации во имя достижения определенных целей совсем не обязательна такая система. Зачем расстреливать руководителей города для того, чтобы очистить от снега зимнюю Москву, как советует ныне В.Бережков? Нужна ли третья мировая

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 394, 396; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 161; Т. 16. С. 23.

война для стимулирования нового технического прогресса? Широко известно, между тем, что в чрезвычайных условиях «великой депрессии» 1929—1933 и войны 1939—1945 гг. Рузвельту удалось осуществить несколько крупнейших программ, например, освоение бассейна реки Теннесси, создание атомной бомбы, не устанавливая в стране жестокой личной диктатуры. При этом он отнюдь не ввергал свой народ в страшные бедствия.

Многие просчеты Сталина не связаны с его неспособностью к долгосрочным прогнозам. В этом случае просчеты, может быть, были бы простительны: не каждый рождается гением. Таково насаждение Сталиным монополий во всех отраслях жизни общества. Однако их гибельность была понятна еще Ленину, монополия ведет к застою и загниванию, поскольку она исключает инициативу и состязательность. Это было доступно современникам Сталина — тому же Рузвельту, осуществившему дальнейшее развитие антитрестовских законов; Гитлеру, сохранившему в Германии все виды собственности. Ограниченностью ума Сталина необходимо объяснить и его враждебность к реформам. Ему были свойственны преклонение перед количеством тонн, кубометров, гигантомания. Создание промышленности за счет разрушения сельского хозяйства было абсурдным. «Валовое мышление вождя» проявилось в конце 30-х гг. в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии¹, в речи на собрании избирателей 9 февраля 1946 г. дальнейшее развитие страны он связывал в первую очередь с количественным ростом базовых отраслей. «Великая программа вождя» превышена в десять и более раз. СССР в 1988 г. добыл 624 млн. т нефти, США — лишь 455. Однако отставание от этой страны в экономическом отношении не было преодолено. В основе другой нелепости — при самом крупном производстве металла в мире СССР завозил в большом объеме трубы и прокат — лежит тот же сталинский подход. Неразумной была налоговая политика правительства Сталина—Молотова. Известно как, в последние годы вследствие такой политики была уничтожена большая часть садов, большая часть крупного рогатого скота. Крестьяне и жители пригородов вынуждены были переходить к разведению коз, названных в народе «сталинскими коровами»².

Человек, считавший себя мастером материалистической диалектики, не мог понять, что при таких подходах количество не перейдет в качество. Он не заметил приближения научно-технической и технологической революций, недооценил способностей капитализма приспособиться к новым услови-

¹ См.: *Сталин И.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1950. С. 57—92.

² См.: Сто сорок бесед с Молотовым. С. 455.

ям, не понял укоренения государственно-монополистического капитализма во всех развитых странах, бурного роста их производительных сил. Преемники Сталина не были дальновиднее его. До последних лет в СССР интенсификация ассоциировалась с тейлоровской системой и, вопреки Ленину, отвергалась. Производными от экстенсивного метода являются и известные принципы «любой ценой», «чем дороже, тем лучше», жизнь за счет наследства, оставленного нам предками. В 1976—1984 гг. от экспорта энергоносителей было получено 176 млрд инвалютных рублей.

В значительной степени вследствие воинствующего провинциализма Сталина и его группы, сектантского склада их ума возникли антимарксистское противопоставление классового, национального общечеловеческому; отрицание экономических законов, свойственных всем социально-экономическим формациям; пренебрежение признанными во всем мире моралью и правом; безнравственная система знаний о прошлом; закрытый характер советского общества и отставание его по многим основным показателям современной цивилизации; угроза скатывания на периферию мирового развития. Провинциализм — понятие не географическое, а социальное. Иные жители столиц более провинциальны, чем население окраин. Такой образ мышления отличается не только отсталостью, простоватостью, наивностью, но и подражательством, скованностью, ограниченностью и узостью взглядов. Боязнь показаться провинциалом — также проявление провинциализма. Сектантство — явление, обусловленное ограниченностью не только в политическом, но и интеллектуальном смысле этого слова.

Все это предопределило неудачи не только в народном хозяйстве, но и во внешней политике СССР. Сталин и его окружение упорно следовали стереотипам, ошибочность которых была очевидна многим современникам. «Я возражаю против этой упрощенной классификации человечества на бедных и богатых»; «большой корабль — человечество, а не класс», сказал Сталину один из крупнейших деятелей культуры Г. Уэллс (Англия) во время их беседы в 1934 г.¹ Октябрь и последующее развитие СССР многому научили буржуа. Сталин и его советники не заметили этого. В мире все более усиливалась поляризация сил, миролюбивых демократических, с одной стороны, милитаристских фашистских, — с другой. Возникла объективная возможность и крайняя необходимость Народного фронта. Сталин не заметил и этого. Оказался недостаточным и авторитетный анализ мирового развития, осуществленный VII конгрессом Коминтерна (1935). Сталин пошел на соглашение с фашистской Германией, тщетно пы-

¹ Цит. по: *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1935. С. 603.

таясь предотвратить агрессию лишь против СССР, тогда как основную тенденцию в дальнейшем развитии капиталистического мира определяли не агрессивные фракции буржуазии, а миролюбивые, демократические.

Одномерное мышление Сталина и его советников обусловило их практику и в военном деле. У Ленина и некоторых его современников созрел вывод о том, что в новых условиях война как средство политики становится недопустимой, немыслимой. Сталину же не дано было понять это. В его сознании ничего не изменилось и после второй мировой войны. Как известно, она означала в первую очередь провал попыток партии Гитлера добиться своих целей военными средствами. Не изменило убеждений Сталина и появление принципиально нового оружия. И после всего этого «вождь» и его преемники пытались использовать во внешней политике военное давление, например, во время берлинского кризиса 1948 г., и даже военные средства (в ГДР, Венгрии, ЧССР, Афганистане). Экстенсивный принцип был распространен и на армию. Длительное время в СССР считали: чем она больше, тем сильнее. Это втянуло СССР в безрассудную гонку вооружений. Выходец из непосредственного окружения Сталина Хрущев, став во главе партии и государства, восстановил ленинский курс мирного существования, но его политика не была последовательной.

В современной обществоведческой, мемуарной, публицистической литературе и беллетристике прослеживается любопытная тенденция. Самые различные авторы от Кагановича и Молотова до Гроссмана и Солженицына стремятся нивелировать всех действительных и мнимых преемников Маркса, в первую очередь, Ленина и Сталина. Не подтверждает ли это прямо или косвенно уже отмеченный нами вывод об исключительной роли лидеров как в Октябрьской революции, так и в контрреволюционном перевороте на рубеже 20—30-х гг. Элементарные требования логики обязывают того, кто признал исключительную роль Ленина в Октябрьском перевороте, признать и аналогичное исключительное, хотя и с противоположным знаком влияние ухода Ленина сначала из руководства партией, а потом и из жизни. Эти же требования распространяются и на оценку роли Сталина.

Имеющиеся источники позволяют сделать вывод о крайне противоположных политических и просто человеческих качествах Ленина и Сталина. Бердяев, не принимавший марксизма, подчеркивал в 1937 г.: Ленин не был диктатором, Сталин же — «вождь-диктатор в современном, фашистском смысле»¹. Фишер полагает, что Ленин «не хотел загонять в рай дубиной», он выступал против принуждения в создании нового общества, что в послеленинские годы это требование было от-

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 120.

брошено. «При убийственном режиме Сталина» и после его смерти советские люди жили «в постоянной атмосфере принудительности и давления». Эта жизнь «неисчислимыми миллионами световых лет» отделена от принципов, изложенных в ленинском труде «Государство и революция»¹. В условиях СССР, изолированного от мира на протяжении десятилетий, при полном разрушении бывших социальных структур, жесточайшем терроре, систематическом устранении из общественной жизни народа, — личность, наделенная неограниченной властью, несомненно, играла исключительную роль. Некоторые историки тщетно стремятся нарисовать идиллическую картинку торжества ленинских принципов коллективного руководства страной накануне и в ходе войны. Мемуаристы же показали предельно четко: у Сталина не было соратников, были статисты, в лучшем случае — советники.

Какова социальная база сталинизма? Нельзя принять старую официальную точку зрения, согласно которой он опирался на рабочих и крестьян. Он держался исключительно благодаря обману и насилию. Даже по мнению Молотова, положение рабочих и крестьян было весьма тяжелым. Прямо или косвенно он признал, что в стране было постоянно чрезвычайное положение. В какой-то мере можно признать, что сталинизм был выразителем интересов разношерстных элементов города и деревни из бывших обездоленных, униженных. Своими репрессиями он обеспечивал их «движение вверх по карьерной лестнице». На самом деле подлинные революционеры были заменены в основном людьми, думающими лишь о собственной выгоде. Среди них были и деклассированные.

Однако нельзя полагать, что одни булгаковские шариковы решали проблему. Вот что писал Сталину в 1939 г. Ф. Раскольников: «В судорожных попытках опоры вы... создаете одну за другой привилегированные группы, осыпаете их милостями, кормите подачками...» По мнению Троцкого, власть Сталина представляла собой современную форму цезаризма, он стоял наверху самого грандиозного из всех аппаратов. Об этом аппарате пишет Фишер: «иерархия чванных, жадных до роскоши чиновников-карьеристов, которые в течение десятилетий жертвовали принципами ради власти и оправдывали самые бесчеловечные средства стремлением к поставленным целям, сформулированным ими самими и мало похожими на то, о чем думали Маркс, Энгельс и Ленин»². Насколько позволяют судить доступные источники, «номенклатура» была главной опорой сталинизма. Последующее развитие подтвердило и верность наблюдений Раскольникова. На самом деле в сохранении и укреплении сталинизма были заинтересованы также

¹ Фишер Л. Указ. соч. С. 183—184, 188.

² Там же. С. 186.

облагодетельствованные слои населения — в промышленности, сельском хозяйстве, науке, культуре. Нельзя принять мысль Троцкого о «верности» Сталина аппарату. С помощью непрерывных хитроумных передвижений, карательных и других мер деспот охранял не верность чиновничеству, а независимость от него. В своем завтрашнем дне никогда не были уверены даже самые приближенные к «вождю» лица.

Касаясь истоков и сущности сталинизма, ряд авторов прибегают к различным историческим параллелям. Несомненно, сталинизм в какой-то мере повторяет некоторые черты цезаризма, бонапартизма. По мнению А. Гуревича, лидер революции и диктатор, утверждающийся после ее победы, несовместимы в рамках одной личности. Робеспьера сменяет Наполеон, Ленина — Сталин. Но вырастает ли деспотия с неизбежностью из каждой революции? Достаточно ли корректно отождествление Сталина с Наполеоном? Наполеон сохранил главные завоевания революции, Сталин — уничтожил их. Также несостоятелен тезис Троцкого о «сталинском термидоре». Термидорианский переворот во Франции был направлен не против революционного класса, а лишь против дальнейшей радикализации революции. Он не только не тронул основные ее приобретения, но и закрепил их в интересах буржуазии и крестьянства. Сталинизм же означал перерождение диктатуры пролетариата в личную диктатуру, тиранию. Широко распространен также старый образ «революция пожирает своих детей». Но к сталинизму он не применим. Вождизм был не продолжением революции, а ее отрицанием. В данном случае детей революции пожрала контрреволюция. В основе этих заблуждений, как правило, лежит ложное представление о Сталине как коммунисте.

II. Сталинизм и освещение истории

Сформированная Сталиным, его окружением и преемниками система освещения отечественной и всемирной истории не сошла со сцены вместе с ними. И это препятствует полному и объективному исследованию прошлого, успешному использованию советским обществом знаний в решении сегодняшних и завтрашних проблем. Эта система охватывает не только научную, мемуарную, популярную литературу. Она включает толкование истории в художественной литературе, искусстве, прессе, радио, телевидении; преподавание истории в начальной, средней, высшей школе. Перестройка этой системы не может быть сведена лишь к слову организационной основы, пересмотру тех или иных конкретно-исторических взглядов. Это — не самое главное. Труднее и важнее освободить освещение прошлого от методологических влияний ста-

линизма, который низвел историческую науку до положения служанки односторонней политики, лишил права быть учительницей жизни. К сожалению, ведущие советские историки пытаются обойти это молчанием¹. Выросшие при Сталине и определявшие состояние науки в последующие десятилетия многие из них сохраняют свое влияние в среде ученых. Лишь отдельные члены АН, например, Самсонов, констатировали «жалкое состояние» исторической науки»².

Мы уже отмечали: каждое новое поколение должно по-новому писать свою историю. Во всяком случае современная ситуация не может быть объяснена интересами молодых. Она может быть сопоставлена с положением исторической науки в Германии после разгрома фашизма. Ученым ФРГ, вооруженным не самой «передовой» методологией, удалось справиться с историческим наследием Гитлера и стоявшей за его спиной элиты и отмежеваться от их преступлений. Это послужило одним из условий успешного развития ФРГ³.

Многие же историки либо не научились еще произносить слово «Сталин» без священного трепета, либо просто выжидают. Провозглашенная сверху перестройка застала их врасплох, у них нет необходимых заделов, и суть этого не столько в недостатке источников, сколько в страхе перед новым указующим перстом и низкой методологической культуре. Раздаются голоса: мы не имеем права судить прошлое и должны ограничиться только тем, чтобы понимать его. Но разве можно понимать не оценивая? Не предлагают ли нам старый вариант: наука и нравственность сами по себе? Новому прочтению подлежит все созданное советскими историками. Известен ли ныне какой-либо их труд, который можно было бы переиздать без переработки. Активизация методологической работы стала ныне велением времени.

Тенденциозное освещение истории занимало очень значительное место в формировании и укреплении сталинизма. Преодоление его последствий немыслимо без критики старых принципов освещения прошлого. Честная историография — важное условие воспитания творчески мыслящего человека. Новое политическое мышление не проложит себе дорогу на мировой арене, не опираясь на правду истории.

1

Проблема «сталинизм и освещение истории» впервые была поставлена в работах Троцкого и Раскольников, опублико-

¹ Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 80—88.

² См. также статью А. Искендерова // Вопросы истории. 1996. № 4.

³ Jüger F., Rüsen J. Geschichte des Historismus. München. 1992.

ванных за рубежом¹. Первая из аналогичных работ, вышедших в СССР, принадлежит перу А. Панкратовой, главного редактора журнала «Вопросы истории», члена ЦК КПСС. В ее выступлении на XX съезде партии отмечалось сильное отставание исследования истории, особенно советского общества. Путь КПСС, по мнению автора, изображают как некое триумфальное шествие, все недостатки объясняют действиями «врагов народа». С полным основанием Панкратова отвергла решение научных вопросов «приказами и голосованием»². К этому выступлению примыкает доклад заместителя главного редактора журнала Э. Бурджалова о состоянии науки и работе журнала на встрече с читателями 19—20 июня 1956 г. Автор подверг критике некоторые положения «Краткого курса истории ВКП(б)», брошюру Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», вскрыл несостоятельность ряда сталинских взглядов на историю. Однако уже в 1957 г. начались грубые нападки на прогрессивных представителей науки. Расправу над редколлегией журнала вершили М. Суслов, П. Поспелов и другие последователи Сталина³.

Тем не менее сталинистам не удалось сразу пресечь линию XX съезда. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы Всесоюзного совещания историков, проходившего в декабре 1962 г. в Москве. В докладе Б. Пономарева на совещании «отрицательные последствия культа личности для исторической науки» сведены к умалению роли Ленина, масс и партии, превознесению роли Сталина; распространению немарксистского подхода к изучению исторического процесса; администрированию, недобросовестной критике в научных коллективах⁴.

В выступлениях ученых из АН и вузов были приведены проявления культа в освещении прошлого. М. Нечкина с полным основанием подчеркивала, что «тяжелым наследием... остался глубокий разрыв между историком и методологией его науки». В. Хвостов осуждал «разрыв в работе историков, с одной стороны, экономистов, философов, юристов, социологов — с другой», слабую философскую подготовку историков. Многие отмечали «разрыв между вузами и академическими институтами», «совершенно недостаточную координацию научной работы». Отмечалось, что часть ученых годами «попусту тратят народные деньги». И. Минц говорил о «многом застарелом в организации науки». Другие показали, что в ряды историков попало немало случайных лиц, в первую очередь, из числа не справившихся с партийной или советской должнос-

¹ См.: *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1990.

² См.: XX съезд КПСС. М., 1956. Т. 1. С. 619 и далее.

³ См.: *Вопросы истории.* 1989. № 9. С. 69—80, 81—96; № 11. С. 113—138; *Алаторцева А. И.* Советская историческая периодика. 1917 — середина 1930-х годов. М., 1989.

⁴ См.: Всесоюзное совещание историков. М., 1964. С. 19.

тью. Была осуждена дискриминация вузовских специалистов по всеобщей истории, внесено предложение об издании популярного исторического журнала.

Так же как XX съезд не вскрыл истоков и сущности сталинизма, совещание далеко не полностью показало его влияние на освещение истории. Тон совещанию задавали те историки и обществоведы, которые уцелели в 30-е—начале 50-х гг. и вместе со Сталиным и его приближенными ответственны за состояние науки и популяризацию знаний о прошлом. Среди них — Пономарев, Пospelов, Минц. Характерно, что никто из этой группы не признал своей личной вины. «Скажите хотя бы два слова о своих ошибках», — говорил, обращаясь к ним, А. Л. Сидоров, один из видных ученых.

Совещанию не удалось объективно оценить «четвертого классика» марксизма-ленинизма. Так, Бурджалов требовал безоговорочно развенчать «верного ленинца» с его «теоретическим наследием», «освободить от сталинских установок» трактовку различных событий. В то же время Пономарев отмечал «заслуги Сталина перед партией»: «Историки, со своей стороны, не могут отрицать определенных положительных действий Сталина и в исторической науке, в частности, в разработке некоторых проблем происхождения и сущности нации, в отстаивании в первые годы после смерти Ленина правильных взглядов на некоторые вопросы истории большевизма против троцкистских наскоков». Характерно, что слова о мнимых заслугах Сталина в разработке теории нации в издании доклада 1964 г. были опущены¹. «В школьные и вузовские учебники внесено еще недостаточно материала, содействующего преодолению ошибочных представлений о роли личности в истории вообще и культа личности Сталина», — говорил Пономарев. Эти слова свидетельствуют о нежелании или неспособности вернуться к науке; вместо коренной перестройки учебников, глубоко пораженных сталинизмом, — внесение некоего «материала».

Теоретическая слабость или политическая робость проявились и в докладе, и во многих выступлениях. Так, Пономарев призывал создавать в науке «школы и направления», не пояснив, однако, что это такое. Трудно представить себе, что он имел в виду множественность мнений. Фактически же она существовала и ныне существует. Это — научное и сталинистское направления и немалое число промежуточных позиций. Сомнителен тезис докладчика о «различии между исторически прогрессивными результатами войны и реакционными целями, которые ставил царизм». Не приукрашенный ли это вари-

¹ Цит. по: Пономарев Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. М., 1962. С. 16; Всесоюзное совещание историков. М., 1964. С. 21, 28.

ант апологии внешней политики царизма? Далее, как можно «сочетать» освещение «огромнейшей роли» Кутузова с показом «величайшего всенародного подъема и роли народных масс России» в Отечественной войне 1812 г.? В этом проявляются, по крайней мере, злоупотребления суффиксами «ейш», «айш», обязательными для сталинистской пропаганды. Касаясь мемуарной литературы, докладчик, в первую очередь, сосредоточил внимание на «очень увлекательном» ее характере. Затем потребовал «максимальной проверки фактов и данных». Но память мемуариста часто бывает единственным источником (чем и ценны мемуары) и вследствие этого «проверить» воспоминания просто невозможно. Почему-то автор призывал мемуаристов не «писать о себе». Лишь мимоходом он упоминает источниковую ценность мемуарной литературы.

Материалы совещания были пронизаны призывами бороться «против буржуазных фальсификаторов истории СССР». Некоторые участники, например, М. Ким, верно осуждали «верхоглядство» в этой области. Однако они не раскрыли правду до конца. Многие критики зарубежной историографии вообще не знают ее. Кроме того, Ким и его коллеги не сказали, что отечественные фальсификаторы истории СССР не уступают зарубежным. Основной доклад содержал старые требования о «решительном отпоре» буржуазной историографии, которая будто бы тождественна «антикоммунистической пропаганде» и «полностью стоит вне науки». Одну из главных задач истории — изучение уроков прошлого, выработку политических и иных рекомендаций на этой основе — совещание фактически обошло молчанием.

Большинству докладов и выступлений было свойственно стремление сгладить острые углы. Не имевшие пределов искажения истории назывались «субъективизмом». Грубейшие просчеты Сталина и его советников в оборонном строительстве в должностном выступлении генерала Епишева назывались «ошибками». Когда речь должна была идти о губительном влиянии сталинизма, А. Манфред говорил лишь об «отпечатке культа Сталина» на историографии. Хвостов, отмечая начетничество, сведение работы над источником к подборке иллюстраций, подтверждающих то или иное высказывание Сталина, не сказал, однако, что при такой практике фактически ничего не оставалось от подлинной науки. «Антинаучные и антимарксистские методы» часто лишь отмечались без их глубокого анализа. Некоторые эпизоды совещания имеют прямое отношение к нравственности. Так, основной докладчик, напомнив, какие богатые у нас архивы, выразил сожаление в связи с недостаточным их использованием в науке и обвинил историков в «боязни» самостоятельного поиска. Однако он ни слова не сказал о недоступности архивных материалов. И хотя выступавшие отмечали это, в заклю-

чительном слове автор ложно утверждал: «Сейчас архивные фонды широко открыты».

Вызывают сомнение некоторые суждения, высказанные на совещании. «Началось все с письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», — утверждали Б. Пономарев, Е. Городецкий и другие, имея в виду искажение Сталиным истории партии, истории вообще. Всего скорее, этим письмом был завершен определенный период в развитии науки. Авторитарные же тенденции начались много раньше. В названном письме они впервые выражены открыто и грубо, в качестве своеобразной политической программы Сталина и его группы. Дело в том, что еще в 1923 г. Г. Зиновьев, Л. Каменев, И. Сталин предписали историкам партии пути и цели их исследований. В следующем году первый том капитального труда В. Невского по истории партии был строжайше запрещен вследствие того, что автор не подчинился требованиям этого «триумvirата»¹. К искажениям истории Сталин и его попутчики широко прибегали во внутрипартийных дискуссиях 1923—1924 гг. Об этом свидетельствует упоминавшаяся работа Троцкого «Сталинская школа фальсификаций (Поправки и дополнения к литературе эпигонов)», изданная в Берлине в 1932 г. В ней опровергались сталинские оценки позиций Троцкого в период от Февраля к Октябрю, во время восстания, Брестского мира и дискуссии о профсоюзах, по поводу военной работы Троцкого, его деятельности в Коминтерне, его отношения к крестьянству, молодежи, хозяйственной политике партии и др. В книге раскрыты приемы искажения: фальшиво подобранные цитаты, запрет публикации и сожжение документов.

Рекомендации совещания в условиях реанимации сталинизма, несомненно, нанесли новый ущерб науке. Таково требование Пономарева «сконцентрировать усилия основной части научных работников на коллективном решении теоретически и политически наиболее важных проблем исторической науки». Докладчик всячески подчеркивал «плодотворность и перспективность коллективных форм работы». Этот призыв не был встречен с восторгом. Л. Черепнин с полным основанием назвал коллективные труды «наихудшим типом организации работы»: «Над каждым томом работает более десятка авторов, причем каждый из них пишет иногда одну главу, а то и параграф, а над ними имеются еще две надстройки в виде, во-первых, просто редакции и, во-вторых, главной редакции. При этом каждый автор очень мало втянут в общий теоретический замысел». И хотя Пономарев оговорился, что такие работы не должны исключать индиви-

¹ См.: Вопросы истории. 1989. № 9. С. 176.

дуальные, сам он недвусмысленно отдавал предпочтение коллективным. К сожалению, эти «формы» в СССР пустили корни. Истекшая треть века показала, чем это обернулось для общества.

Совещание объявило науку уже благополучно «освобожденной от сковывающих догм культа личности». Минц доложил о ликвидации последствий культа, а Хвостов — о достижениях в изучении рабочего движения, международных отношений, второй мировой войны. В духе отвергнутого еще Лениным чванства был выдержан основной доклад. Пономарев поставил задачу — «во всех областях исторического знания иметь ученых такого масштаба, которые задавали бы тон в мировой науке», поскольку мы — «великая социалистическая держава», которая идет «во главе культурного развития человечества». В сугубо старом стиле Ким выступил за изъятие из пользования книг, содержащих ошибки, ссылаясь на то, что у нас есть «разные читатели — подготовленные и неподготовленные». Пospelов выступил против Бурджалова уже на самом совещании. Все это таило в себе опасность полного восстановления сталинизма в историографии. Бурджалов предвидел это, хотя и оценивал перспективы оптимистически: «XX съезд КПСС разбудил нашу критическую мысль, и ее теперь не заглушить. С зигзагами и отступлениями, но советская историческая наука идет вперед».

Большинство конструктивных рекомендаций совещания остались благими пожеланиями. В целом оно еще раз продемонстрировало разрыв между словом и делом. Так, развитие историографии и источниковедения было объявлено «важнейшим условием повышения научно-исследовательских работ в области истории». Эти разделы исторической науки действительно не бывало выросли. Однако вскоре выяснилось, что даже историография не может спасти себя от фактографии, как полагали ранее многие ученые. И большинство работ, которые были названы авторами и издательствами «историографическими», по существу были лишь библиографическими, поскольку они лишены именно критического содержания, без чего историография как наука немыслима. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в парадных публикациях Института истории СССР. По замыслу они призваны подводить итоги развития науки за пятилетие. Фактически же они сильно напоминают победные реляции незадачливых полководцев. Среди таких книг — «Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС» (1982).

Пономарев осудил «преобладание в печати аннотационных рецензий, которые пересказывают содержание». С полным основанием он потребовал, чтобы «каждая из них сама являлась определенным вкладом в науку». На деле ничего существенно не изменилось. На совещании был поставлен вопрос

о методологической работе. Он до сих пор не решен. Одно из требований Пономарева гласило: «покончить с практикой комплектования редколлекцией коллективных трудов по принципу представительства и именитости, не считаясь с тем, в какой степени тот или иной ученый может действительно плодотворно работать в данном составе редколлекции». Не получили должного отклика и призывы начать исследования многих запрещенных тем, например, «показать ошибки Сталина в области внешней политики».

Развитие исторической науки после 1962 г. на самом деле явилось «отступлением». Может быть, наиболее ярко это отразилось в томе IV «Очерков истории исторической науки в СССР» (1966). В этом социальном историографическом труде критика Сталина была представлена лишь приглушенно и далеко не во всех главах и разделах. Общее состояние литературы явно приукрашивалось. Так, в разделе «Историография гражданской войны в СССР» (Н. Кузьмин) читаем: «...С начала 30-х годов в работах о гражданской войне стали появляться преувеличенные оценки роли И. В. Сталина в достижении победы над интервентами и белогвардейцами». Однако автор считает: «Общая линия развития советской историографии истории гражданской войны характеризовалась утверждением марксистско-ленинской методологии и ленинской концепции, их победы над антинаучными, антиленинскими взглядами». Эти формулы не объясняют широко известные историографические факты — умолчания, прямые сознательные искажения, апологию. Автор раздела «Разработка истории внешней политики СССР» (А. Иоффе) фактически исходил из предположения о непогрешимости как внешней политики СССР, так и ее отражения в советской историографии. Он принимает на веру сталинский тезис о перманентном обострении мировой обстановки и усилении подготовки новой антисоветской интервенции. За общими хвалебными рассуждениями о внешнеэкономических связях СССР автор скрывает отказ Сталина от ленинских принципов, переход к автаркии.

Охранительные тенденции прослеживаются и в главе «Проблемы новейшей истории в советской историографии». Изменения в литературе авторы связывают «с начавшимся отходом Сталина от ленинских норм партийной жизни и складыванием культа личности». «Недостаточное знакомство Сталина с капиталистическими странами Запада и их историей, — по мнению авторов, — явилось источником ряда ошибок и неправильных выводов, подхваченных в литературе». Все сказанное верно, но далеко не раскрывает пагубного влияния сталинизма. Оценивая главу, мы сравниваем ее, естественно, не с нынешней литературой, а с трудами, которые вышли одновременно с «Очерками», например, с книгой Б. Лейб-

зона и К. Ширини «Поворот в политике Коминтерна» (1965). Иными словами, авторам главы была доступна уже тогда высокая степень научности.

Странное впечатление производит вывод Г. Алексеевой в главе «Создание научно-исторических учреждений и формирование кадров историков-марксистов». «Репрессии против историков-марксистов», «распространение не ленинских взглядов по ряду исторических проблем» будто бы «в значительной мере законсервировали и затормозили процесс перевоспитания старых кадров историков, овладение ими марксистско-ленинской теорией и методологией», что привело к «модифицированному возрождению традиций и концепций буржуазной историографии в ряде областей исторического знания». Кого нужно было «перевоспитывать», если в СССР подавляющее большинство немарксистских историков было так или иначе отстранено от науки? Что имеет в виду автор, говоря о «не ленинских взглядах» — буржуазные или сталинские? Кто должен был «перевоспитывать», если историки, считавшиеся по своей партийной принадлежности марксистами, на самом деле таковыми не являлись? Они не успели овладеть марксистско-ленинской методологией, стать учеными-профессионалами. Они принимали за науку сталинские подходы к прошлому. Наконец, о «возрождении» буржуазной историографии. В действительности его не было. Но такое возрождение, особенно либеральной школы, в научном и нравственном смысле было бы громадным шагом вперед (а не назад!) от повальных искажений истории, свойственных сталинизму.

Заметим вскользь, что последующие труды историков из АН знаменовали собой уже полную их капитуляцию. В ряде книг открыто прозвучало, например, осуждение недооценки некоторыми советскими авторами роли генералиссимуса в обеспечении победы (А. Митрофанова)¹. Публичное обсуждение истории вновь было достаточно жестко регламентировано. Сталинизм, его истоки и место в недавнем прошлом, его соотношение с социализмом, его последствия остались закрытыми зонами. Для многих исследователей с их теоретической подготовкой эти темы вообще были недоступны. Итак, порочное влияние культа личности на освещение истории подвергалось критике после XX съезда КПСС. Однако тогда не удалось воссоздать полной картины ни самого сталинизма, ни искаженного им освещения прошлого. Помешали мощные консервативные силы. В сталинской системе освещения прошлого воспроизведены многие черты самого сталинизма. Рассмотрим некоторые из них.

¹ См., например: Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С. 173—174.

Как сталинизм не был итогом естественного социального развития, а был навязан обществу, так и эта система не явилась результатом внутреннего развития науки. Она была навязана силой. Сталин и его группа, несомненно, использовали, как и при формировании режима в целом, то обстоятельство, что марксистско-ленинской историографии в стране не было. Мало кто из тогдашних ученых представлял себе, что характерно для подлинной, а не декларируемой марксистско-ленинской науки. Среди историков-коммунистов были сильны влияния сектантства, социологизма. По мнению Г.Марчука, «первые удары» советская наука испытала со стороны лысенковщины¹. Не ясно, в чем здесь дело: или история — не наука, или завершение ее разгрома еще на рубеже 20—30-х гг. — не «удар». Сталин и его приближенные не ошибались, ликвидируя науку с ее принципами исследовать подлинный источник, все подвергать сомнению. Она была не только не нужна режиму, но и вредна ему. Не годилась она для воспитания верноподданничества. Не было в ней места и для героев в сталинистском понимании этого слова.

Под видом преодоления «гнилой, продажной интеллигенции», наука была лишена наиболее квалифицированных своих кадров. Их отстраняли от должностей, им запрещали печататься, морально дискредитировали. Борьба идей была превращена в «борьбу на уничтожение». Инакомыслящих, не только из буржуазной среды, ссылали, заключали в тюрьмы, высылали за рубеж, расстреливали. В менее грубой форме эта практика продолжалась и после смерти Сталина. Характерно, что за рубежом возникла целая школа историков России². Аналогичные процессы происходили в других отраслях обществоведения.

Так же, как в становлении сталинизма в целом, в формировании картины прошлого особую роль сыграл сам Сталин. Известны постоянные прямые вторжения «вождя» в науку, а также использование полученных ею знаний в политических или идеологических целях. Напомним письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», замечания И. Сталина, А. Жданова, С. Кирова по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории, краткий курс истории ВКП(б). Все, что в истории было неудобно Сталину, он хладнокровно вычеркивал. Десятки имен вообще исчезли, другие были скомпрометированы. Литература о «врагах народа» была уничтожена. «Краткий курс» вместе с постановлением ЦК ВКП(б) 14 ноября 1938 г. «о постановке партийной

¹ Цит. по: Правда. 1990. 5 марта. Ср.: Суrowая драма. С. 312.

² См., в частности: Свободная мысль. 1993. № 4. С. 107—117.

пропаганды» освящали культ. В постановлении недвусмысленно подчеркивалось, что «проверенная» трактовка истории исключает какие-нибудь иные толкования. Так был положен конец каким-либо исследованиям в этой области знания. Другим крупным вторжением Сталина в освещение прошлого были его прямые суждения, открытые или косвенные рекомендации, касающиеся второй мировой войны. В первую очередь в этой связи должны быть названы его книга «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и биография Сталина.

Были в ходу и другие способы воздействия на историческую науку. Она должна была следовать не только каждой мысли, но и слову, и букве в высказываниях «вождя», в официальных документах, газетах и журналах, особенно таких, как «Правда» или «Коммунист». Для историков были святыми различные стереотипы, возникшие по воле Сталина. Таковы утверждения о «сталинской конституции — самой демократической в мире», о победе социализма, обострении классовой борьбы при социализме, полном соответствии социалистических производственных отношений производительным силам.

Оказали влияние утверждения Сталина о «безраздельном господстве оппортунизма» в период между Марксом и Лениным¹, о фашизме и других явлениях современного капиталистического мира. Нормальное развитие знания прекращалось, на темы накладывался запрет, действовавший в течение десятилетий. До сих пор многое не изучено. В то же время часть обществоведов и публицистов продолжает руководствоваться некоторыми сталинскими представлениями. До последних дней можно встретить в прессе и монографиях осуждение пацифизма, составившего ныне теоретическую основу движения зеленых. Последнее, как известно, отличается ярко выраженными демократическими и антимилитаристскими тенденциями. Не настала ли пора осуществить сравнительный анализ пацифизма (в прошлом и настоящем) и провозглашенного в СССР—РФ политического мышления? Как в доме повешенного не принято говорить о веревке, так в советской литературе господствовала формула умолчания по поводу массового террора 30-х—начала 50-х гг.

Другой историографический факт. Стали недоступными многие документы трех разделов (1772, 1793, 1795) территорий Великого княжества Литовского и Польского королевства между Россией, Австрией и Пруссией. В историографии господствовал в высшей мере избирательный подход к различным сюжетам. Так, явно было ослаблено внимание к истории крестьянства, сталинская оценка его роли в прошлом и настоящем, несомненно, была ложной. Если не по прямым ука-

¹ Цит. по: *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. С. 71.

заниям Сталина, то под влиянием конъюнктуры написаны «Наполеон» Е. Тарле, «Иван Грозный», «Петр Первый», «Хлеб» А. Толстого, «Сталиниана» С. Герасимова, «Иван Грозный» и «Бежин луг» С. Эйзенштейна. Последний фильм был посвящен образцовому пионеру П. Морозову (режиссер и автор сценария — А. Ржешевский).

Так же как в появлении сталинизма повинен не один «вождь», в становлении системы освещения прошлого значительна роль его приближенных. Уже в 1929 г. в литературе к 50-летию Сталина его восхваляли Л. Берия, К. Ворошилов, А. Жданов, Л. Каганович, М. Калинин, В. Куйбышев, А. Микоян, В. Молотов, Г. Орджоникидзе и другие¹. Миф о генсеке как организаторе и вдохновителе побед в гражданской войне, включая героическую оборону Царицына, сфабрикован Ворошиловым в статье «Сталин и Красная Армия». Более сложен вопрос о роли самих историков. Сейчас велик соблазн представить всех их «детьми своего времени», возложить всю ответственность на политиков. Впрочем, даже А. Жданова и М. Суслова некоторые авторы называют лишь «продуктом эпохи». Наука будто бы не виновата, если не востребовано гуманистическое толкование социализма. Уже на упоминавшемся совещании историков в 1962 г. проявилось стремление видеть по две стороны баррикад историческую науку и сталинистов, как будто среди первой не было вторых.

Нормальное взаимодействие исторических наук с политической практикой предполагает социальный заказ; глубокий анализ с использованием мирового опыта; обратную связь. Из этого не следует, однако, что ученый должен пассивно ждать заказа. Полностью относится к историкам сказанное Л. Абалкиным об экономической науке, ответственной, по его мнению, за трудности в экономике. Наука отстала в разработке соответствующих рекомендаций и проявила нерешительность в защите и реализации имевшихся предложений. Историческая наука занимала в инструментарии сталинизма особое место. Без нее группа Сталина, свернувшая с октябрьского пути, не смогла бы раздуть костер «классовой борьбы» внутри страны, сорвать нэп, усилить ложное представление советских людей о международном положении СССР как осажденной крепости. Режим направлял освещение истории, основную же деструктивную деятельность осуществляли сами историки. И они не были пассивным объектом сталинских или брежневских манипуляций. Аналогичны процессы в других науках. Известно, что кибернетика разрушалась математиками, генетика — биологами. Может быть, в области истории начальст-

¹ См., например: *Берия Л. П.* К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М., 1938. В этой книге представлена ложная концепция двух центров РСДРП и революции.

во вело себя более разнузданно. Каждый считал себя (и считает до сих пор!) знатоком истории. К чести науки лучшие ее представители и в тяжелые годы оставались учеными. Многие же историки небескорыстно пошли на службу порочной идеологии, заняв позицию «чего изволите?». Они повторили это и в 1991—1997 гг.

Военные историки не заставили себя долго ждать после ответа Сталина на письмо одного из них — Е. Разина¹. Вскоре появились развернутые «обоснования» пресловутой сталинской стратегии «заманивания» и кутузовского контрнаступления. Одним из первых призыв Сталина писать в ультрапатриотическом стиле воспринял П. Жилин, впоследствии — начальник ИВИ². Достаточно было появиться сообщению о лишении сталинских премий автора работы о характере движения Шамиля (1950), как историки перешли от идеализации мюридизма к его нигилистическому отрицанию. Так произошло и в случае с рецензией на статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма» и другими работами Сталина, в которых отражался этот сюжет³. Историки стали обосновывать тезисы о том, что Россия к началу первой мировой войны утратила роль великой державы, роль жандарма Европы, стала полуколонией, превратилась в резерв главных держав мира, стала проводить оборонительную политику. Стоило Сталину сказать об «основном экономическом законе социализма», как историки начали находить его повсеместно. По мнению М. Стишова, закон о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей общества действовал уже в годы гражданской войны, т. е. в условиях экономической разрухи, массового голода⁴. Эти тенденции не были преодолены даже после смерти диктатора. На совещании преподавателей общественных наук в 1965 г. Е. Жуков призывал положить конец «выискиванию ошибок у Сталина». С. Трапезников осуждал «огульную критику сочинений Сталина». Это будто бы было равносильно критике сочинений Ленина. Характерно, что Трапезников предлагал тогда переиздать краткий курс истории ВКП(б).

3

Системе освещения прошлого, как и сталинизму в целом, органически присуща полная безнравственность. Личная диктатура прикрывалась революционными знаменами и одновре-

¹ Большевик. 1947. № 3.

² Обзор работ Жилина П. А. см.: Вопросы истории. 1989. № 2. С. 155—159.

³ См.: Нарочницкий А. Л. Значение письма И. В. Сталина «О статье Энгельса...». М., 1950.

⁴ См.: Исторические записки. М., 1960. С. 51.

менно эксплуатировала память и учение Ленина, искажая, предавая их. «Вопросы ленинизма» называлась основная работа Сталина — вульгаризированное изложение ленинизма. С годами имя Ленина упоминалось все реже. Это можно проследить по цитированию его трудов в материалах съездов ВКП(б), работах Сталина. Дело дойдет до прямой дискредитации Ленина. Однако полностью от социалистической фразеологии Сталин никогда не откажется. Этот прием был эффективным. Даже после разоблачения Сталина среди ученых, мемуаристов и публицистов можно встретить убежденных в его «революционности» или «преданности марксизму»¹.

В этих условиях ученые и популяризаторы утрачивали профессиональную честь, поверхностные работы выдавали за монографии или диссертации, манипуляции общественным мнением — за научную пропаганду. Историки должны были создавать иллюзию «правильности» властей, оправдывать их практику. Во имя достижения «великой цели» оправдывались любые бесчеловечные средства. «Политическая целесообразность» официально ставилась выше «формальной законности», что лишало политику морального начала². Через всю историю сталинизма красной нитью проходит фальсификация. Сталин и его группа искажали, например, суть ленинского Письма съезду³, выборы ЦК на XVII съезде ВКП(б). Против кандидатуры Сталина было подано не шесть голосов (согласно официальным сведениям), а 260, или 160⁴. Вопреки заявлениям Сталина, СССР не стал индустриально-аграрной страной ни в первой пятилетке, ни во второй, ни в третьей. Таким он стал лишь в 60-е гг. «Мы должны отвыкнуть лгать», — подчеркивает Д. Лихачев, имея в виду, что в наследство нам досталась ложь во всем — от идеологии до экономики, официальная и неофициальная⁵.

Режим не только открыто отмежевался от общечеловеческой морали. Известные христианские заповеди, во многом отражавшие ее, были превращены в предмет насмешек. В стране беззастенчиво попирались и провозглашенные Сталиным и его группой официальные моральные принципы. «Дискуссия — признак силы партии», — провозглашал Сталин в декабре 1923 г., а вскоре предпринял все, чтобы не допустить в партии какие-либо дискуссии⁶. На словах он клеймил антисемитизм и другие проявления шовинизма. На деле культивировал их. В беседе с немецким писателем Э. Людвигом Ста-

¹ См., например: Устинов Д. Ф. Во имя победы. М., 1988.

² Цит. по: Правда. 1989. 26 ноября.

³ См.: Сталин И. Троцкистская оппозиция прежде и теперь. Соч. Т. 10. С. 172. Ср.: Плимак Е. Г. Политическое завещание В. И. Ленина. М., 1988.

⁴ Хрущев Н. С. Воспоминания // Знамя. 1989. № 9. С. 35.

⁵ Цит. по: Неделя. 1989. № 38.

⁶ Сталин И. Соч. Т. 5. С. 354.

лин вполне обоснованно утверждал: «Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются лица, с мнением которых надо считаться». Сталин утверждал даже, что по опыту трех революций в России из 100 единоличных решений — 90 однобокие. Описав в идиллических тонах будто бы коллективную деятельность ЦК ВКП(б), Сталин сделал вывод: «Никогда, ни при каких условиях наши рабочие не потерпели бы теперь у власти одного лица»¹. Эта беседа происходила 13 декабря 1931 г., когда культ уже процветал махровым цветом, когда «одно лицо» уже имело неограниченную власть, включая право помилования.

«Вождь» часто обращался к теме своего культа. В беседе с Л. Фейхтвангером он возложил ответственность за этот культ на необразованные массы. В письме к Разину — на незадачливого полковника. В 1938 г. он даже писал в Детское издательство: «Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина».

Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку.

И. Сталин»².

Число проявлений фарисейства велико. Таковы декларации: «Сделать все колхозы большевистскими, а колхозников — зажиточными», «кадры решают все», «наиболее полное удовлетворение постоянно растущих потребностей», мифы о «добровольной подписке на займы», самой счастливой в мире советской молодежи, «монолитном единстве», «всеобщем одобрении» («по просьбе трудящихся»). Как связать следующие сюжеты обществоведения и пропаганды тех времен, во многом сохранившиеся до сих пор: после принятия конституции 1936 г. стали резко осуждать не прямые выборы как бур-

¹ Сталин И. Соч. . Т. 13. С. 107—111.

² См.: Фейхтвангер Л. Москва, 1937. М., 1938; Вопросы истории. 1953. № 11. С. 21.

жуазные, антидемократические, но сохраняли таковые в партии; говорили о «морально-политическом единстве советского общества» и одновременно о бесчисленных «врагах народа». Противоречила здравому смыслу официальная версия рекорда Стаханова. В действительности 14 норм вырабатывала бригада из 3—4 рабочих, а не один забойщик. Любому человеку, чье сознание не было поражено авторитаризмом, суждения о вкладе Сталина в марксизм-ленинизм, о роли Сталина (или Брежнева) в войне представлялись несуразными. Ложны все сталинское освещение прошлого, вся история партии, начиная с I съезда РСДРП, значение которого по существу было сброшено со счетов; история революционного и демократического движения в России, которое представлялось чрезвычайно обедненным; история российской монархии, российской буржуазии. Среди приемов фальсификаций — плагиат, присвоение трудов зарубежных историков; прямые подлоги; отбор лишь выгодной режиму информации; отказ от научного анализа, аргументации, замена их грубостью. Широко прибегали Сталин, его последователи и к такому приему: то или иное мнение «вождя» объявлялось «аксиомой большевизма», «дальнейшая разработка» его объявлялась ересью. Тезис «всем известно» в устах Сталина и его присных звучал как запрещение каких-либо сомнений¹.

Видное место в этом арсенале занимает формула умолчания в самых разных ее проявлениях. Запрещали публиковать те или иные источники, авторские работы, даже не угодные властям произведения классиков марксизма-ленинизма. Такова работа Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», касавшаяся, в числе прочего, внешней политики царизма, его международной роли, корней этой политики, методов дипломатии².

Запрещались труды лиц, объявленных одиозными. При Сталине в их число входили в первую очередь почти все соратники Ленина, целые группы деятелей науки, искусства. При Хрущеве — Сталин и многие из его приближенных. Некоторые наиболее ретивые проводники этой формулы изымали имя Сталина отовсюду, вплоть до того, что Сталинградская битва и сталинградское направление стали называть «волгоградскими». При Брежневе — Хрущев и его соратники, при Ельцине — Горбачев. Вся наша история буквально пестрит такими пропусками. Даже самые добросовестные из ученых считали нравственным обойти молчанием то, о чем запрещалось писать правду. Возник длинный ряд запретных тем, обусловленных не столько идеологическими соображениями, сколько просто произволом влиятельных лиц.

¹ См., например: *Сталин И.* Соч. Т. 13. С. 85.

² Подробнее см.: Вопросы истории. 1989. № 1. С. 3—11.

Тесно связан с безнравственностью бюрократизм, другая черта сталинизма и его системы освещения прошлого. Вместе с бюрократическим нивелированием всего общества была унифицирована и историческая наука. Весьма показательно, что последняя в течение многих десятилетий не обращалась к теме бюрократизма в прошлом человечества, к истории борьбы демократии с бюрократией. Были скрыты предупреждения основоположников марксизма-ленинизма о бюрократических опасностях, подстерегающих любую революцию. Был отвергнут опыт человечества в формировании надежного механизма пресечения авторитарных притязаний. Вместо этого многие историки бездумно пропагандировали тезис Сталина о сохранении и укреплении диктатуры пролетариата вплоть до построения коммунизма «во всемирном масштабе» и связанный с ним тезис о будто бы «ревизионистском характере» учения об общественном самоуправлении. Такая пропаганда продолжается до последних лет¹. Бюрократизмом пронизана структура и деятельность соответствующих учреждений АН, составляющих основную центр исторической науки². Созданная в XVIII в. академия носит черты той эпохи. Сталинизм не только законсервировал их. АН в еще большей степени стала замкнутой корпорацией, где под видом демократии господствует олигархия. Она сама себя пополняет новыми членами, как правило, за счет «своих людей». Привилегии привлекают многих энергичных людей, как правило, далеких от науки. Характерно, что выборы стали своеобразным шоу. В течение нескольких месяцев до и после они — в центре внимания сотен и тысяч сотрудников. Многократное участие в выборах некоторых докторов наук превратилось в какую-то неприличную лотерею. Путь в члены АН многих из них лежал через чиновничьи должности директоров, заведующих, их заместителей. Таков избранный членом-корреспондентом уже в годы перестройки В. Куманев. Тщетно будете вы искать его в числе авторов выдающихся трудов. Зато этот малоприметный доктор наук в течение многих лет был секретарем вице-президента АН, в качестве заместителя академика-секретаря Отделения истории правил институтами. Не для него ли специально и должность-то эту учредил Федосеев в годы борьбы с бюрократизмом? Скандальный характер носит избрание членами РАН рьяда представителей новой власти.

Члены АН остаются здесь пожизненно, независимо от их научных потенций. Средний возраст академиков на рубеже

¹ См., например: Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 58—59.

² См.: Вопросы философии. 1990. № 19. С. 3—15.

80—90-х гг. — 70 лет. Как становятся членами АН, непонятно подчас самим академикам. Но можно с уверенностью сказать, что большинство членов АН — историков избраны вопреки ее уставу: они не «обогатили науку выдающимися научными трудами» или «трудами первостепенного научного значения». И в этом проявляется характерная для сталинизма профанация. Многие члены АН уже по своему возрасту не могут работать продуктивно. Подавляющее же большинство ученых — это наемные служащие, лишенные нормальных прав и условий работы, особенно при новой власти. Архаические порядки удобны режиму. С помощью пожизненной ренты многие члены АН становятся послушным его орудием, неотъемлемой частью «номенклатуры». Отделение истории АН во многом напоминает собой некое министерство. Один не лишенный юмора автор назвал его «административной инстанцией по делам исторической науки»¹. Через него «вождь» и его преемники получают «нужную им науку».

Структура исторических институтов неповоротлива. Учрежденные «навечно» отделы из пятилетки в пятилетку «находят» себе темы, часто ненужные обществу. Темы менялись лишь формально от одного съезда партии до другого. В «новых трудах» на уровне массовой пропаганды популяризовались официальные решения. В ряде институтов руководители открыто заявляли о сугубо идеологическом характере этих учреждений. В условиях засилья чиновников трудовые коллективы далеко не всегда поддерживают ученого-новатора, то есть нормального ученого. Он мешает работать в полсилы или никак не работать. Так возникает групповой эгоизм — мощное оружие функционеров. Кто же поднимет руку на сам коллектив?

Бюрократическая структура позволяет содержать за счет сравнительно небольшого числа подлинных ученых непомерное число чиновников. Так, в отделе, не насчитывающем и 10 сотрудников, зачастую получают зарплату два-три полностью или частично освобожденных лица. Институты оплачивают так называемых консультантов, сотрудников и лаборантов, обслуживающих лишь директоров и других чиновников. Возникла система планирования, учета и оплаты труда, оставляющая простор для произвола. И здесь правит пресловутый вал. Независимо от качества планируемой работы исполнитель обязан выдать определенное число «авторских листов».

Администраторы далеко не всегда — лучшие ученые, владеющие передовой методологией, иностранными языками, имеющие крупные научные достижения. Подбор кадров превратился в поиск послушных служителей режима. Управление наукой монополизировано. Широко распространено, в

¹ Цит. по: Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 88.

частности, замещение одним и тем же лицом многих должностей. Так, директор института, его заместитель обязательно оставляют за собой должность заведующего отделом. Они, как правило, также члены многочисленных советов, коллегий. Академик-секретарь и его заместитель обязательно должны стать и членами Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники. Как сообщала пресса, некоторые ученые числятся более чем на десяти должностях. Эти должности дают им власть, деньги, почет, в частности, заграничные командировки. Интересы же дела мало кого волнуют. Подобная практика наблюдалась и в Министерстве обороны СССР. Зачем, например, М. Моисееву было возглавлять или быть членом редколлегии многотомных изданий «Советская военная энциклопедия», «История Великой Отечественной войны советского народа», а Р. Пихоя — «Вопросов истории», «Исторического архива», «Источника», «Военно-исторического журнала»? Нет достойных ученых или этим лицам недостаточно обязанностей по их основной должности? Разве не показал еще опыт десятилетий, что такой должностной подход к науке лишь тормозит ее развитие?

В этой затхлой атмосфере процветали вышинские и лысенки. Однако до сих пор не преодолены погоня за должностями и титулами, присвоение чужого труда в обезличенных многотомниках, ложное соавторство, приписки, протекционизм, благоговение перед начальством, групповые пристрастия, конъюнктурщина, элементарная недобросовестность. Как иначе назвать издание или представление к защите заведомо неоригинальных книг или диссертаций в расчете на поддержку «своих» ученых советов, издательств, рецензентов, журналов? Стоит ли удивляться, если в СССР—РФ, с одной стороны, сонм академий, с другой — кризис в экономике, науке, образовании. Страна закупает за рубежом передовые технологии и учебники по истории СССР. Не случайно, что ряд ученых и публицистов поставил под сомнение целесообразность РАН как таковой. Тем не менее уже в 1994 г. только в Москве насчитывалось более 60 академий. Как ни странно, часть военных историков числится в Академии *естественных* наук.

Феодальные традиции РАН подверглись вполне обоснованной критике. Не известно, чтобы кто-либо из ответственных ее представителей выступил с убедительными контрдоводами. Некоторые незадачливые ее защитники ссылаются на тот факт, что она «пережила разные эпохи» и поэтому будто бы способна соревноваться с любыми новоявленными объединениями. Они забывают, что в эти «эпохи» она служила не только науке, но и еще больше — авторитарическим режимам. Как согласовать тезис о победном шествии АН с признанием огромных пластов бескультурия и воинствующего не-

вежества? Почему большинство ведущих в научном отношении стран без труда обходятся без подобных структур, не опоздали ли мы с роспуском АН лет на 70?

Наивно полагать, что научная номенклатура менее вредна, чем номенклатура партийно-государственная, что она сама когда-то сдаст свои антисоциальные позиции без вмешательства прогрессивных сил, что АН «постепенно» станет общественной организацией, как нам обещают. Чтобы иметь подлинную науку, должно решительно отказаться от окостеневших структур, создать научные общества, союз научных обществ. Кому невыгодно их создание? Представляется целесообразным, чтобы все ученые, по крайней мере, обществоведы, работали в вузах. Лишь небольшая их часть работала бы по совместительству в научных обществах в качестве организаторов науки. Вся исследовательская работа осуществлялась бы на договорной основе.

Неравенство в условиях работы существует не только внутри АН. Еще хуже в вузах, особенно не имеющих собственных издательств, оторванных от специальных библиотек и архивов. К началу 90-х гг. работающие в вузах 50 процентов докторов и кандидатов наук страны выполнили лишь около 10 процентов научной работы. Возникло неравенство и среди исторических дисциплин. В привилегированном положении находились история КПСС и история СССР. Преподающие их имели меньший объем учебных поручений и большие возможности для научной работы. История партии по сравнению с другими составными частями науки была предельно догматизирована и поставлена под наиболее строгий контроль. Курс истории КПСС стал обязательным во всех вузах. Все это нанесло вред не только истории партии как предмету исследования и преподавания, но и воспитанию будущих специалистов и авторитету самой партии. Нетерпим разрыв между академической и вузовской наукой. Мировая практика показала, что подлинный ученый не может творить, не преподавая; подлинный преподаватель лишь тот, кто сам ведет исследовательскую работу. Освещение прошлого чрезвычайно выиграло бы, если бы при резком сокращении (в качестве первой меры!) числа исследовательских институтов и численности их сотрудников была повышена их эффективность. Одновременно с этим были бы вовлечены в творчество все или хотя бы большинство преподавателей вузов.

Бюрократии присущи догмы: истина возглашается только сверху, право на существование имеет только одна точка зрения, инициатива наказуема, единство общества требует и единую историографию, критика — это отсечение всего, что не совпадает с официальным, ненависть к любому инакомыслию. Запреты заложены в самой природе бюрократизма, повсеместные, на всех уровнях. Каждый запрет влечет за собой

определенные меры контроля. Запрещение многократно дублировалось, очищались библиотеки, крамольные книги сжигались. Немногочисленные их экземпляры заключались в отделы специального хранения, созданные лишь в немногих библиотеках. Доступ к ним строго ограничивался. Использование документов, воспоминаний, прессы во многом сводилось на нет.

Произошли деформации издательств. В их обязанности вменили контроль. Это отодвигало на задний план задачу хорошо отредактировать и издать книгу. Контролировать же научную ценность каждой книги издательства просто не в состоянии — невозможно содержать редакторов-специалистов по всем отраслям науки. Такой контроль был сведен к безбрежной перестраховке, изгнанию из рукописей любой неординарной мысли. Нетерпимость всесильных редакторов и «черных» рецензентов к оригинальности авторов вызвало бурный рост посредственных или просто плохих публикаций. Наиболее уродливые формы это приобрело в АН и ее издательстве. Рукопись проверяли сотрудники данного сектора, отдела. Затем она проходила рецензирование, «внутреннее» и «внешнее», ее обсуждали на ученом совете института, назначали ответственного редактора книги, часто имеющего отделенное представление о предмете монографии. В издательстве рукопись «изучали» редактор и рецензент, имя последнего тщательно скрывалось от автора. Лишь затем начиналось редактирование. Лучшим, часто единственным способом решить сомнения было опустить соответствующие места. Это называется «вычеркнуть для... ясности».

Бюрократизация науки, может быть, наиболее ярко выступает в Высшей аттестационной комиссии. Типичными недостатками многих одобренных диссертаций (это не отрицает сама ВАК) являются отсутствие новизны, непригодность для практического внедрения. Эта комиссия несет ответственность за некомпетентность многих лиц, подвигающихся в области истории, за отставание советской исторической науки. Весьма показательно, что с благословения ВАК авторы диссертаций намеренно обходили молчанием их место в истории изучения избранной темы; множились диссертации по «закрытым темам». Так легче было скрыть их никчемность. ВАК критиковали еще на упоминавшемся совещании историков 1962 г., в прессе. Однако это учреждение необходимо просто упразднить, одновременно поднять ответственность ученых советов за качество диссертаций, передав часть контрольных функций научным обществам.

В результате всех этих мер созданы официальная историография, претендующая на монопольное владение истиной, и соответствующая популяризация знаний. Для подтверждения бесконфликтности советской историографии периодически

проводились погромы тех или иных групп ученых с обязательными «оргвыводами». Насколько действенны были эти меры, мы убеждаемся до сих пор. Так, исторические журналы АН в течение нескольких лет перестройки не могли взять правильного направления.

5

Другой родовой признак сталинизма — некомпетентность — органически связан с безнравственностью и бюрократизацией. Их влияние, вполне естественно, привело к резкому снижению профессионализма историков. Этому способствовало прямое изгнание из науки специалистов и замещение их малокультурными людьми, научившимися лишь манипулировать марксистско-ленинской фразеологией. Обычно слова «сталинизм и наука» вызывают в нашей памяти расправу с генетикой и кибернетикой. Однако нужно еще выяснить, какой отрасли знания был нанесен большой ущерб. История как наука не только была уничтожена. Нескольким поколениям под видом истории преподносили нечто предельно упрощенное и извращенное. Некоторые успехи, достигнутые в археологии, этнографии, других исторических дисциплинах, лишь подчеркивают общую мрачную картину. Деинтеллектуализация проявилась в истории и как предмете преподавания. Десятилетиями исторические факультеты принимали в значительной мере тех абитуриентов, которые не рассчитывали на свои силы в других профессиях; исторические кафедры и институты формировались в большой степени за счет полуобразованных. Описательство, откровенное перепечатывание уже опубликованного диктовались не только социальным заказом, но и ограниченными возможностями историков.

С некомпетентностью непосредственно связаны другие пороки. Лучшим считался тот ученый, который издал больше печатной продукции, лучшим трудом — большой по объему. Считалось престижным раздувать штаты институтов. Подавлялась индивидуальность ученых. Многотомные коллективные труды прикрывали научное бесплодие «руководителей науки», выступавших в качестве начальников редакций томов, редакторов и ответственных редакторов, членов редакционных коллегий. Все или почти все многотомники по истории потерпели провал. Таков 12-томник «История СССР с древнейших времен до наших дней». Его заключительный том так и не издан, хотя первый том увидел свет еще в 1966 г. Многие из коллективных работ не содержат новой информации или выводов, лишь отвлекают огромные творческие и материальные ресурсы. Проявления некомпетентности многообразны.

Так, конференцией обычно руководит не самый крупный специалист в этой конкретной отрасли знания, а наиболее крупный чиновник. Он представляет на международных конференциях и советскую науку, едет в заграничные командировки, не зная трудов тех ученых, с которыми ему предстоит вести дискуссии. Лишь три процента обществоведов используют источники на иностранных языках. Об этом же говорит убогое техническое оснащение историка, жалкое состояние библиотек и архивов.

Пожалуй, наиболее ярко профессиональный уровень исторической науки характеризуется тем, что еще в 30-е гг. она была лишена основной своей социальной функции. Она перестала изучать опыт минувшего, извлекать из него уроки в интересах настоящего и будущего. Общество не может развиваться, не познавая опыт, свой и чужой, положительный и отрицательный. Известно, какое внимание уделяли этому Маркс, Энгельс, Ленин¹. Сталинизм, наоборот, исходит из того, что выбор «вождя» всегда единственно правильный. Альтернативы он поставил вне закона. Исследовательский принцип «что было бы, если бы...» стал и до сих пор остается объектом неумных иронизирований. Но разве история, считавшаяся со времен Древней Греции великой учительницей, может существовать вне этого принципа? Разве изучать уроки прошлого не означает ставить все и вся именно в сослагательное наклонение? Изгнание альтернатив открывало дорогу фаталистическим взглядам на прошлое человечества. На самом деле люди отнюдь не всегда лишены права выбора. Для его реализации, естественно, нужны прогрессивные теории, партии, лидеры. Мысль о предопределенности событий, представление о том, что все происходило и могло происходить лишь так, как на самом деле произошло, — несостоятельны, а в политическом отношении вредны. Диалектическое понимание истории признает варианты развития, роль случайностей в истории, проявление необходимости через случайность.

Сама жизнь побудила историков в годы перестройки обратиться к альтернативам. Наиболее серьезной может быть признана попытка руководимого П. Волобуевым научного совета АН по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Им проведен «круглый стол», сборник материалов которого назван «Россия, 1917 г. Выбор исторического пути» (1989). Интересна постановка и других вопросов: были ли альтернативы сталинизму, была ли возможность отстранить Сталина от руководства партией и страной в 30-е гг., в начале войны, в момент его новых пагубных просчетов в октябре 1941 г.; было ли возможно пред-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. Об историческом опыте и его уроках. М., 1989.

отвратить вторую мировую войну, создать антифашистский союз народов и государств раньше, до ее развязывания фашистами.

Однако большая часть историков еще очень далека от решения этой актуальной задачи. Некоторые из них прямо или косвенно вообще отвергают ее. Осуждают, например, политизацию науки. И это верно, если иметь в виду ее поглощение пропагандой. Но под разумной политизацией нужно понимать выработку соответствующих рекомендаций на основе опыта прошлого. Ряд ученых полагает, что внимание к «пресловутым альтернативам» будто бы «недопустимо в изложении исторических событий», но «строго обязательно — в философии истории». Однако, как вообще можно события освещать вне «философии истории»? Возвращение к сталинскому тезису об одновариантности исторического процесса выражается в различных формах. «Иного не дано» — так называли, например, книгу (1988) издатели из «Прогресса», считая свои мысли единственно верными.

Изгнание Сталиным и его группой из концепции социализма человека в качестве цели общественного развития и высшей ценности придало антигуманный характер истории как науке и предмету популяризации. Из прошлого был исключен человек — творец истории. Закрытый характер советского общества, психология осажденной крепости породили тенденцию к обособленному исследованию отечественной и всемирной истории; пренебрежение западными ценностями, провозглашение всего отечественного единственно разумным, неприятие мировой науки, борьбу с низкопоклонством перед иностранным.

6

О сталинистских методах освещения прошлого. Их влияние широко и глубоко, их преодоление — главная задача историографии. Эти методы, как и сталинизм в целом, эклектичны. И дело здесь не только в своеобразном уме Сталина. Диктатор, поставивший науку в положение прислужницы сиюминутной политики, не мог сформировать научного подхода к прошлому. Эклектичность неизбежно вытекает из стремления Сталина брать то, что соответствует нынешним потребностям. В теории и практике он широко заимствовал отнюдь не только у Маркса, Ленина, Троцкого и Бухарина, как полагают некоторые авторы. Среди его учителей были многие: от Нерона и Лойолы до Гитлера и Муссолини, чего, впрочем, он и сам не скрывал. Сталин оперировал положениями вульгарного материализма и идеализма, дурно политизированной диалектики и метафизики. Загоняя целые клас-

сы и народы в резервации, уничтожая миллионы людей, огосударствляя все и вся, он применял методы управления, свойственные рабовладельческому строю, феодализму и раннему капитализму.

Сталин цинично отказывался от ранее высказанных им суждений. Так, в докладе на XVIII съезде ВКП(б) он выразил «уважение новой народной социалистической интеллигенции», в конце доклада даже провозгласил здравицу в ее честь. Пройдет два с лишним года, и он вернется к опорочиванию интеллигентов. Отвергнув в беседе с Уэллсом свою приверженность идее мировой революции, через несколько лет он во всеуслышание повторит свои цели ликвидировать капиталистическое окружение, свергнуть капитализм. Более цинично поступал Сталин, «опровергая» суждения западной прессы об итогах первой пятилетки, коллективизации, о голоде в СССР¹. Его манипуляции в области истории приводили к странному сочетанию взаимоисключающих положений. Так, общая тенденция к отрицанию всего дореволюционного уживалась с апологией внешней политики царской России, ее полководцев и др. Эклектичность в историографии не преодолена до сих пор. Таковы попытки соединить элементы сталинистской и научной концепции в трактовке ряда событий второй мировой войны.

Среди сталинистских подходов к прошлому отметим также антитеоретичность. В числе ее истоков — некоторые особенности биографии и характера творца сталинизма, его учеба в духовной семинарии, отсутствие систематического образования, воинствующее неприятие философии, прямолинейность и схематизм, антидиалектический стиль мышления. По свидетельству знавших его людей, Сталин с трудом расставался с той или иной своей идеей или намерением, даже если объективные обстоятельства явно изменились². Впрочем, и сам Сталин не скрывал своего пренебрежительного отношения к теории. «В тезисах слишком много философии», — заявляет он в ответе на письмо Разина, имея в виду «отвлеченные положения». Заметим вскользь, что на самом деле в советской историографии, особенно военной, слишком мало философии. Широко известно, мягко выражаясь, бесцеремонное обращение «вождя» с марксистско-ленинской теорией. Напомним его совершенно не мотивированный отказ от законов и категорий диалектики во втором разделе четвертой главы краткого курса истории ВКП(б). Их место заняли «основные черты марксистского диалектического метода». При этом был опущен закон отрицания отрицания. Под стать «вождю» его

¹ См.: *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1950. С. 29—30, 149—150, 155—156, 161; *Он же.* Соч. Т. 13. С. 163 и далее.

² См.: *Симов К. М.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 366.

приближенные и преемники. Как правило, это были удивительно бесцветные люди. Их презрение к теории вообще и образованию, грамотности дорого обошлось обществу.

Антитеоретичность историографии проявляется в самых различных формах. В первую очередь это — описание фактов без попыток их обобщения, без проникновения в глубь явлений, беспроблемность, мелкотемье. Ползучий эмпиризм удобен и властителям, и профессионально неподготовленным историкам. Он освобождает первых от нежелательных выводов из опыта истории, а вторых от непосильной работы. Фактографизм восторжествовал в исследованиях и популяризации со времени сталинских замечаний о макетах учебников по истории для средней школы, обнародованных в 1934 г. Программы и учебники побуждали школьников и студентов, лиц, обучающихся в системе политического образования, заучивать огромное число фактов, но не познавать закономерности, не мыслить. Сталин и сталинизм освятили пренебрежение к понятийному аппарату науки.

Антитеоретичность проявляется в недооценке исторических источников и даже целенаправленном их уничтожении. По прямым указаниям «вождя» перестали публиковать полностью, без изъятий, те или иные архивные фонды. Немногочисленные публикации последних десятилетий — это, как правило, лишь сборники различных извлечений из тех фондов. Их научное значение не выше, чем учебных хрестоматий. Их формировали главным образом в соответствии с ложно понятыми «государственными интересами», но не в научных целях. Появилось странное понятие «литературный источник» и связанная с ним практика: историк создает свои «труды», переписывая уже опубликованное другими на прежнем же низком уровне осмысления. Все отступления от теории, связанные с историческими источниками, восходят к Сталину и его группе. Они уничтожали участников революций потому, что их жертвы были живыми свидетелями истории. Вместе с ними они уничтожили любые материалы, которые могли бы стать источником. Сталин и его преемники не рекомендовали или просто запрещали писать воспоминания. Воспоминания безжалостно сокращались и извращались брежневско-сусловской цензурой. Открытая же кампания против «бумажных документов» была начата много раньше — в упоминавшемся письме Сталина в журнал «Пролетарская революция». Источникам были противопоставлены так называемые «аксиомы большевизма». В то же время сталинизм вывел из сферы внутренней и внешней критики источника документы ВКП(б) и, естественно, работы самого «вождя»¹.

¹ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 96, 98, 101; Вопросы истории КПСС. 1989. № 8. С. 32; Коммунист. 1989. № 16. С. 45.

С невниманием к теории связаны не изжитые до сих пор ошибочные представления о самых элементарных вещах. Ограничиваются ли функции истории лишь областью воспитательной или без опоры на научно осмысленный опыт прошлого нельзя обойтись и в других областях общественной жизни? Не сложилось единого мнения о методологии исторической науки. Многие отождествляют ее с идеологией или мировоззрением. Подобную ошибку Федосеева подвергли критике еще в 1962 г. на совещании историков. До сих пор, однако, мало что изменилось. Через толщу заблуждений лишь начало пробивать дорогу мнение о том, что само по себе мировоззрение дает лишь философскую основу методологии. Последнюю же необходимо постоянно разрабатывать в ходе исследовательской работы. В неудовлетворительном состоянии методологии повинны в первую очередь не философы, а историки с их слабой философской подготовкой.

Разноречивы суждения о критике. В исторических и публицистических трудах нередко смешиваются обыденное и научное понятие критики. Однако научная критика, предполагающая непременный разбор положительных и отрицательных сторон предмета или явления, только по недоразумению может быть квалифицирована как «разнос», «очернение». Даже простое выявление негативного представляет собой необходимый шаг к развитию знания. Любое исследование немислимо без критики. Вызывают недоумение такие словосочетания, как «изучение и критика», «научный анализ и критика». Последняя претит тому, кто ждет от науки апологии. В этом случае наука теряет всякий смысл. Развивающееся общество не может существовать без постоянной критики своего развития, удержания всего положительного, отказа от деформаций и ошибок. Это полностью относится и к развитию самой науки о прошлом общества. Она должна постоянно корректировать работу исследователей, мемуаристов, популяризаторов. Необходима инвентаризация всех знаний о прошлом. Можно ли двигаться вперед, не зная, как и что изучено в мировой литературе по отечественной и всеобщей истории? Ныне особенно необходимо восстановить в своих правах такие важнейшие теоретические дисциплины, как историография и источниковедение. В СССР их еще недавно называли «вспомогательными». Ими должны овладеть все историки, а не только узкие специалисты. Нужно вернуть в науку многие забытые в свое время правила, например, учитывать вклад своих предшественников. Отказаться от бесконечного повторения пройденного под видом «комплексных», «обобщающих», «монографических», «диссертационных исследований». Примером таких трудов является трехтомник о советском тыле и войне (Г. Куманев и другие). Недалеко ушли и многие наши конференции, называемые «научными».

Непосредственно связан с антитеоретичностью догматизм. Он игнорирует конкретные условия места и времени, фактически отрицает развитие мира, пронизывая всю теорию и практику сталинизма. Это ничего общего не имеет с «догмами марксизма-ленинизма», как утверждает А. Некрич и некоторые другие авторы. Догмы из неких обрывков революционной теории созданы самим Сталиным и его группой. Это связано не только с образом мышления Сталина и его людей, но и с их политической программой, псевдореволюционной по форме, однако сугубо консервативной по содержанию. Догматизм и консерватизм — явления во многом совпадающие друг с другом. Они доказали свою способность процветать в обществе независимо от социально-экономической формации. Все это тем более важно подчеркнуть, что в последнее время в прессе появились голоса в... защиту консерватизма. Едва ли это можно объяснить языковой неграмотностью. Некоторые авторы, маскируя свою позицию, вводят совершенно нелепое выражение «умный консерватизм».

Догматические тенденции в историографии чрезвычайно распространены. Назовем одну из ранних попыток «вождя» бездумно распространить категории новейшего времени на историю древнего мира и средних веков. «Революция рабов, — утверждал Сталин, — ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся... Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся»¹. В этих фразах много некорректного или просто ложного. Можно ли утверждать о неких революциях рабов, крепостных крестьян; почему «революция рабов... поставила крепостников», а революция крестьян — капиталистов; как получилось, что помещики сменили крепостников, разве крепостники — не помещики? С догматизмом напрямую связаны просчеты Сталина в оценке фашизма: Гитлер отнюдь не повторял путь Вильгельма II; опыт первой мировой и гражданской войн во многом был неприемлем в 1939—1945 гг. вследствие революции в военном деле.

Догмы буквально сковали изучение прошлого и пропаганду знаний. Это — тезисы о социальной революции исключительно через вооруженное восстание; о коренных преимуществах социализма, которые будто бы автоматически приводят к поражениям капитализма, уничтожают основу для противоречий и даже различий между социалистическими государствами; о полной и окончательной победе социализма в СССР, моно-

¹ Цит. по: *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1935. С. 527.

литном единстве партии и советского общества, о постоянно и стихийно возрастающей роли партии. В большинстве такого рода работ исследование фактически отсутствовало. Его заменяли в лучшем случае новые примеры к старым схемам.

Многие историки просто находили те или иные удобные для данного случая цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма и, конечно, самого Сталина. При этом подлинная сущность взглядов Маркса, Энгельса, Ленина часто искажалась. Так, выхватывалась какая-либо мысль раннего Маркса, а тот факт, что зрелый Маркс от этой мысли отказался, обходили молчанием. Цитаты выдавались в качестве истины в высшей инстанции. Эти традиции оказались настолько живучими, что прослеживаются и в последние годы. В одном из учебников по истории сохранена ложная трактовка троцкистов и других «врагов народа». Этот прием широко используется удобными для новых властей авторами.

7

Несовместимость сталинизма как методологии с диалектической логикой, может быть, наиболее ярко проявляется в грубых нарушениях одного из главных требований диалектики — исследовать предмет всесторонне. Абсолютизация тех или иных сторон события, явления, игнорирование других сторон органически присущи всей сталинистской «историографии». Ярko прослеживается это, например, в освещении двух революций — французской и российской. При исследовании первой из них обойдены такие важнейшие вопросы, как цели и средства, принуждение и убеждение, разрушение и созидание, идеалы и действительность, цена революции и эволюции, взаимоотношение народа и власти, соотношение классового и общечеловеческого. Многие из положительного наследия революции 1789 г. игнорировались, в том числе — заложенные ею основы современной концепции прав человека.

Октябрьская революция в течение десятилетий была в центре внимания историков. В АН функционировал научный совет по этой комплексной проблеме (до последних лет его возглавлял Минц). Тем не менее и эта революция освещена сугубо односторонне. Только простой перечень не изученных тем составил многие страницы. Среди них: война как ускоритель общественных процессов, революционное сознание и революционная психология народных масс, проблема учредительного собрания, материальные предпосылки и объективные условия революции в России, альтернативы развития России, становление революционной законности, Октябрь и проблема мировой революции, интеллигенция и революция,

нравственное значение Октябрьской революции, политические портреты деятелей эпохи трех русских революций и гражданской войны, гражданская война как подвиг и антиподвиг, «военный коммунизм», экономика, идеология, социальная психология, контрреволюция, проблема насилия, революция и культура, российская эмиграция. Эти темы по существу впервые названы в качестве предмета исследования¹. Многие из них имеют свое продолжение. Такова проблема насилия. С ней прямо связана односторонняя трактовка Сталиным функции государства. Как известно, он полностью сбрасывал со счетов участие народа в общественных делах². В наибольшей степени этот методологический порок поразил официальную историографию второй мировой войны.

Односторонний подход составляет основу бесчисленных упрощений, так характерных для сталинизма в политике и методологии. Таковы вульгаризация ленинского завета — о пересмотре прежних большевистских взглядов на социализм, упрощение (до предельного искажения!) ленинских представлений об индустриализации и коллективизации. Весьма примитивны представления Сталина и его группы по аграрному вопросу, например, его утверждение о монополии феодалов на земельную собственность. В действительности при феодализме было многообразие этой собственности, помимо феодальной существовала общинная, мелкокрестьянская, впоследствии — капиталистическая или полукapиталистическая. Ограниченный ум «вождя» не терпел многоукладности. Он видел лишь два варианта: капиталистический или социалистический. Причем тот и другой он представлял себе весьма упрощенно. Ему не дано было понять, например, что в труде земледельца изначально заложено нечто общечеловеческое, не поддающееся влиянию различных социально-экономических формаций. Суждения Сталина об «опасности восстановления капитализма в СССР» при сохранении в деревне различных форм собственности были или наивными, или фарисейскими. Аналогичные взгляды, прозвучавшие на Втором съезде народных депутатов СССР, отнюдь не выражают заботу о подлинном социализме³.

В политике и историографии широкое распространение приобрела черно-белая манера. Так, все движения России, кроме большевистского, объявлялись контрреволюционными. Чуть ли не все мыслители-идеалисты XIX—XX вв. от Чаадаева до Ганди были отнесены к реакционерам. Плюрализм мнений в ВКП(б), неременная черта любой демократической пар-

¹ См.: Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М., 1989. С. 275—284.

² См.: Сталин И. Отчетный доклад на XVIII съезде партии. С. 131—150.

³ См.: Сталин И. Соч. Т. 12. С. 162; Т. 13. С. 162—173, 242; Известия. 1989. 15 декабря.

тии, был назван беспринципной борьбой за власть. Парламентаризм с его сильными демократическими потенциями был отделен стеной от советской демократии. Различные упрощения поразили военное дело. Мир был механически расчленен Сталиным на две враждебные друг другу части. Это противоречило всемирному характеру хозяйственных связей, экономической взаимосвязанности стран, развитию мировой культуры. Схема «друг—враг» отодвигала на задний план общечеловеческие ценности. Все некоммунистические течения в мировом рабочем движении Сталин отнес к «разновидностям социал-демократизма», фактически сбросив их со счетов¹.

Упрощенству Сталина сопутствовали внешняя простота изложения, «народный» язык, что давало повод апологетам говорить даже о его преимуществах перед Лениным. За многословной риторикой, бесчисленными повторениями часто скрывалось, однако, отсутствие логики, необоснованность суждений, элементарная неряшливость. За всем этим стояла уверенность в том, что этот автор заведомо прав. Стремление воспроизводить мысли «вождя» не только по существу, но и по форме, сильно обедняло язык историка и популяризатора. Его не спасала и пышная фразеология. Современная военная историография, например, пронизана многочисленными прямыми заимствованиями из выступлений Сталина и публицистики военных лет, в том числе ненужными усилениями типа: «смелость и мужество, отвага и героизм, ложь и фальсификация». Может быть, наибольший вред нанес сталинизм русскому (и не только русскому) языку тем, что он милитаризировал его. До сих пор не только в освещении прошлого, но и в самых различных сферах жизни широко применяется сугубо военная терминология, как правило, совершенно неуместно. Это — борьба, кампания, фронт, армия, бригада, железный батальон, маневры, штабы, мобилизация, добровольцы, атака, наступление, команда, командные высоты. «Отряд интеллигенции», «идеологические битвы» — не абсурдно ли это?

8

До сих пор шла речь о методологических принципах, порожденных нарушением требований теории познания. Наряду с ними необходимо отметить идеологически обусловленные подходы к прошлому. Это — персонификация истории, националистические извращения, примитивное социологизирование. Разумеется, гносеологические и идеологические истоки

¹ См. *Сталин И.* Соч. Т. 11. С. 204; Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. десятое. С. 603.

весьма тесно переплетены. Такова апология как одно из отступлений от требования всесторонности и одновременно — проявление персонификации истории и искажения классового подхода. Уничтожение памяти народов обусловлено не только антиисторизмом, но и культом.

Персонификация истории непременно сопутствует культу личности. В беседе Фейхтвангера с «вождем» в 1937 г. писатель-антифашист отметил «чрезмерный, безмерный, безвкусный» культ Сталина. Гость не сумел понять (он лукавил), что это «обожествление» было инспирировано именно в таких размерах самим Сталиным, что совсем ни при чем были «люди», которые будто бы «чувствуют потребность выразить свою благодарность», ни при чем и «склонность» русских к преувеличениям. Фейхтвангер наивно сообщает, что Сталин «прощает» рабочим и крестьянам — они не имеют «хорошего вкуса», но считает «вредителями и подхалимствующими дураками» тех интеллигентов, которые пытаются дискредитировать его. «Вождь» заверил писателя, что партийные комитеты уже строго осудили фальшивую практику ненужных и бессмысленных восхвалений¹.

Кульм и его распространение в историографии некоторые авторы выводят из известной народнической доктрины героев и толпы. Но идеология культа имеет несравненно более древнее происхождение. Явно прослеживается стремление вытеснить религиозный культ сталинским. Вульгарный атеизм был лишь инструментом в руках «вождя». В то же время он многое заимствовал из религии; замена знаний верой, факта мифологемой, обращение к неразвитому интеллекту, старым культам.

В официальных кругах 30—50-х гг. очень ценились «сильная личность», «эпический герой», культ отца. «Мы готовы к бою, Сталин, наш отец», «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин», — повторяли на все лады многочисленные песни предвоенных лет, и в этом звучала языческая идея о праве отца жертвовать своим сыном. Тот же смысл имел пропагандистский штамп об «отце народов». Последствия сталинского патернализма до сих пор не изжиты. Из препарированного ими марксизма-ленинизма Сталин и его клика оставили лишь столько, сколько соответствовало их корыстным целям. Социалистическая идея была превращена в своеобразную религию, классики — в святых, Сталин же стал богочеловеком. Важное место занимало культовое отношение к Ленину. Формирование такого отношения Сталин начал еще при жизни Ленина, объявив его «гениальнейшим из гениальных людей»². Произошло то, о чем предупреждал сам Ленин. В 1917 г. в

¹ См.: Фейхтвангер Л. Москва. С. 30, 47—48, 51—52 и др.

² Сталин И. Соч. Т. 6. С. 34, 35.

работе «Государство и революция» он писал, что после смерти великих революционеров «делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их...»¹. После аналогичной операции с Лениным занять его место было уже делом техники.

Проявления культа в освещении прошлого многообразны. «В ту осень, — читаем мы в книге, опубликованной в 1989 г., — многие считали, что большевикам пришел конец... Деникин продолжал свой триумфальный марш... Но вот появились Егоров и Сталин, брошенные на решающее направление, и словно бы произошло чудо. Буквально через неделю фронт был воссоздан, деникинские полки остановлены севернее Орла, затем они попятились, побежали»². Культом буквально пронизана вся официальная история советского общества. Аналогичный подход свойствен и части литературы по истории дооктябрьского периода³. Персонификация — явление несравненно более широкое, чем простое воспевание самодержца в духе поэтов и историографов при дворах азиатских сатрапов и европейских монархов. Куда более сложно преодолеть исключение из истории самого народа. До сих пор его роль отражена дежурными фразами. Впрочем, не преодолена и наиболее примитивная культовая традиция. Так, не успев развенчать славу одного «великого полководца», спешим поставить на освободившийся постамент другую фигуру.

Националистические извращения прошлого также тесно связаны с политической практикой сталинизма. Известно, что он дискредитировал идею социалистической федерации. Под аккомпанемент вполне правомерных лозунгов о дружбе народов и интернационализме возникла авантюристическая установка на слияние всех наций. Были преданы забвению интересы некоторых национальностей. Одним из примеров такой политики стало закрытие почти всех еврейских школ на территории СССР в 1938 г. и другие проявления антисемитизма. И, наоборот. Если в первые годы сталинизма подчеркивать свою принадлежность к русской нации было не только неудобно, но и опасно — могли обвинить в шовинизме, — то позднее появилась другая крайность — тезисы о «старшем брате», «первой среди равных», тенденциозное выделение русской нации как «руководящего народа»⁴. Однако более последовательны Сталин и его группа в их национальном нигилизме. Это прослеживается уже в известном упрощенном толковании нации (1912). Национальные черты были сведены

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 15.

² Цит. по: Успенский В. Д. Тайный советник вождя. М., 1989. С. 132—133.

³ Подробнее см.: Вопросы истории КПСС. 1989. № 12. С. 27.

⁴ Цит. по: Сталин И. О Великой Отечественной войне... С. 196.

к нулю, а нация чуть ли не отождествлялась с государством¹. Сталинизму свойственно игнорирование реального существования многих национальностей СССР. Так, если по переписи 1906 г. было определено 194 народности, то по переписи 1939 г. их числилось лишь менее ста².

Малейшие извивы ущербной политики и теории Сталина повторяла официальная историография. У нас нет истории русского народа, как и истории малых народов. Но есть тенденция к сведению истории всех народов СССР к истории России. Укоренился ложный тезис об исключительно добровольном присоединении всех наций и народностей к царской России. При Ленине это присоединение рассматривалось в целом (то есть в качестве основной, но не единственной тенденции) как результат колониальной политики царизма. Это отнюдь не запрещало историкам исследовать специфику этой политики по отношению к различным народам, вошедшим в состав России, и особенности политики России, Великобритании и других держав. Однако позднее присоединение этих народов стали рассматривать как «наименьшее зло» (гнет персов или турок был «хуже»). В 1937 г. и эту концепцию отвергли, присоединение было объявлено безусловным благом. Проблема присоединения, как и проблема формирования России, и ныне удовлетворительно не исследованы.

Шовинистические тенденции в историографии достаточно заметны. С ультрапатриотических позиций оценивалось, например, поражение России в войне с Японией. Оно, по мнению Сталина, «легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано»³. Такая трактовка противоречит интернационалистскому подходу к истории. По Ленину, «дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия... Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия»⁴. Сталин же снимал вопрос об империалистической политике царизма на Дальнем Востоке, об участии его в разделе Китая. К. Раш утверждал, что «русское крепостное право было самым мягким в Европе»⁵. Русофобские изыскания ряда историков в какой-то мере могут быть объяснены, но не оправданы упомянутыми тенденциями, как и стремлением Сталина действовать «от имени русских».

¹ См: *Сталин И.* Соч. Т. 2. С. 297 и далее.

² По данным *Бромлей Ю.* // *Неделя.* 1989. № 38. С. 11.

³ Цит. по: *Сталин И.* О Великой Отечественной войне... С. 205.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 152, 157—158.

⁵ *Военно-исторический журнал.* 1989. № 8. С. 8.

Шовинизм и национальная ограниченность внутренне связаны. Они, как и классовая ограниченность, метафизически противостоят общечеловеческому. В наших книгах отечественная история часто затмевает всемирную. Вторая отходит на задний план в качестве лишь некоего фона. От этого страдает в первую очередь освещение самой истории СССР—РФ. Таково категорическое отрицание каких-либо варяжских и иных влияний на восточных славян. Однако ему противостоит другое, не менее далекое от правды утверждение о норманнских корнях русской государственности. Последнюю точку зрения в свое время приняли, в частности, фашистские «историки». Ее пытаются возродить некоторые отечественные авторы, опираясь на один из источников, нарочито истолкованный¹.

О социологизме, который пронизывал всю историю и историографию советского общества и который в большой мере сохранился до сих пор. Это — и представление об истории как «идеологической науке»; это и упрощенное противопоставление партийности объективности, отождествление партийности с целесообразностью; это и тезис об истории как политике, опрокинутой в прошлое; это и искаженная трактовка конкретных событий. Например, выводят вторую мировую войну из «антикоммунизма» западных держав, вне связи с межимпериалистическими противоречиями и борьбы двух группировок за влияние на СССР как мощный геополитический фактор; ограничивают источники победы СССР исключительно классовыми рамками.

Такой подход обычно сводится к апологии или, наоборот, отрицанию, умолчанию, недооценке. Так освещали боевой путь Красной Армии с момента ее организации до последних дней. Это была цепь сплошных побед. Вся Великая Отечественная война заслонена во многих наших книгах парадом Победы 1945 г. «Все советское значит отличное», «советская власть — высшая форма демократии», — утверждали, имея в виду настоящее и прошлое. Считалось, что марксизм-ленинизм автоматически обеспечивает Советскому Союзу передовые рубежи. Апологетика отнюдь не нейтральна. Законная гордость победителя после войны под влиянием официальной пропаганды и историографии переросла, например, в опасное самодовольство. Оно до сих пор питает застойные и контрреволюционные явления. Деформировано и само знание. Многие историки уверовали в полное совершенство сделанного ими, перестали видеть нерешенные проблемы.

Проявления нигилизма также многозначны. Историки, как и пропагандисты, закрывали глаза на все отрицательное в прошлом и настоящем. Бюрократия, авторитаризм, беспра-

¹ См., например: *Общественные науки*. 1989. № 3. С. 71—78.

вие, безработица, принудительный труд, черная экономика, мафия, нищета, наркомания, проституция изображались в виде исключительной «привилегии» эксплуататорского строя. Это можно прочесть в словарях, отредактированных академиком¹. Официальные историки опускали все, касающееся грубых просчетов Сталина в годы войн или мира. О военных поражениях стали упоминать, и то вскользь, лишь после XX съезда партии, убийство Сталиным и его сообщниками десятков тысяч командиров Красной Армии угодливо изображали как «увольнение»². «Вождь» и его группа требовали сплошь черными красками изображать все, что было до «сталинской эры». Россия будто бы была «самой нищей и неграмотной». В речи «О задачах хозяйственников» 4 февраля 1931 г. Сталин утверждал, что «старую Россию» непрерывно били за отсталость монгольские ханы, турецкие беки, шведские феодалы, польско-литовские паны, англо-французские капиталисты, японские бароны. Били «безнаказанно» за отсталость военную, культурную, государственную, промышленную, сельскохозяйственную, за то, что Россия будто бы отставала «от передовых стран на 50—100 лет»³.

Все непролетарские классы и слои населения были сектантски представлены как регрессивные. Все несталинские политические течения, начиная с «примитивных коммунистов» (терминология Сталина) времен революций в Англии и Франции, кончая современными социал-демократами и пацифистами, «вождь» и его преемники недооценивали, презирали⁴. Нет сомнения в том, что те из авторов, которые выводят сталинизм главным образом из отсталости России, испытывают влияние самого Сталина. Им, как и ему, свойственно, например, игнорировать демократические институты в прошлом России (вечевое управление, крестьянскую общину, рабочие артели, прессу XIX—начала XX вв., земское движение, различные общества, Советы, Думу и др.).

Едва ли можно согласиться с тем, что сталинизм — это доведенное до абсурда требование разрушить «до основания» мир насилия. Сталин отнюдь не заблуждался вместе с «левыми», он бесчестно эксплуатировал их максимализм, свойственное массам нетерпение, культивируя связанные с этим деформации. Так, под видом культурной революции была уничтожена старая интеллигенция, готовая служить революции, но не новому самодержцу. Сталин и его группа стремились лишить советские народы исторического самопознания, превратить граждан в Иванов, не помнящих родства. Ото-

¹ См., например: Краткий словарь по научному коммунизму. М., 1989.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1974. Т. 2. С. 206.

³ Цит. по: *Сталин И.* Соч. Т. 13. С. 38—39.

⁴ Там же. Т. 13. С. 119.

рванным от истории сознанием просто манипулировать. Таких людей легко побудить предавать собственных отцов и убивать матерей.

Средства, к которым прибегла группа Сталина, весьма разнообразны. Это — забвение или прямое уничтожение многих памятников. Преднамеренно отсекались многие корни старины. Москва и другие города во многом утратили своеобразие. Была в большой мере уничтожена историческая топонимия страны. Произошло повальное переименование городов, улиц, предприятий, учреждений. Многие оставшиеся памятники были осквернены. В храмах устраивались склады химических удобрений, гаражи, тюрьмы с пыточными камерами и крематориями, рестораны. Разрушение вековых ценностей питало социальную жестокость. Сжигались документы КГБ, МИД, материалы переписей населения. Закрывался доступ в архивы даже для научных сотрудников. Сравнивали с землей многие старинные кладбища, значение которых, естественно, нельзя ограничивать лишь источниковедческой областью. Огромный ущерб памяти народов и в целом их духовности нанесло грубое отступление от общепринятых обычаев войны. Главным образом по вине Министерства обороны по истечении десятилетий после Победы останки многих сотен погибших воинов Красной Армии не погребены.

Запущено музейное и библиотечное дело. В 30-е гг. дошло до распродажи за границу многих исторических и художественных ценностей. Многие учреждения культуры находятся в катастрофическом состоянии. Огромный ущерб делу нанесен фактическим устранением краеведения, получившего в России значительное развитие. В 1928 г. в школах был ликвидирован этот предмет. Подобная судьба постигла и изучение фольклора. Исследование повседневной жизни народов, в том числе с привлечением широкой общественности, очень сильно отстает от развитых стран мира¹.

Таким образом, сталинизм лишил научной основы историографию и популяризацию исторических знаний. Они стали инструментом безнравственного манипулирования массовым сознанием. Эта система не могла держаться на авторитете идей и опиралась лишь на власть. Фальсификация истории активно способствовала становлению и упрочению режима. Антинаучная методология, обслуживавшая сиюминутные интересы автократии, заслоняла от общества будущее, была не способна к использованию исторического опыта и социальному прогнозированию. Это сильно задержало развитие исторической науки, резко упал ее профессиональный уровень, она в значительной степени вернулась к догегелевским кано-

¹ Подробнее о функции социальной памяти см.: *Могильницкий Б. Г.* Введение в методологию истории. М., 1989. С. 154—161.

нам. В условиях бурного подъема науки в современном мире это привело к отставанию советской историографии. По своим методологическим возможностям, предельной идеологизации, незнанию иностранной научной литературы отечественные специалисты, особенно по истории КПСС и советского общества, находятся на уровне зарубежных крайних консерваторов. Произошла деградация личности многих ученых. Возник конфликт между тем, что они думали и писали. Деспотия и в историках культивировала низменные качества: ложь, лицемерие, чинопочитание, страх, неспособность принимать самостоятельные решения. Такой образ мышления и поведения исключал обновление.

III. Сталинистские традиции в литературе о второй мировой войне

1

Основы советской военной историографии, как и знаний «для народа», заложены самим Сталиным. Он хотел скрыть свои грубейшие просчеты и прямые преступления и положил начало извращенному истолкованию главного — ответственности за развязывание войны, за поражение РККА 1941—1942 гг., цену победы. Во время перестройки история войны стала полем небывало острой борьбы мнений авторов научных, мемуарных, публицистических и художественных произведений различных направлений. Резко обострился спор между сторонниками сталинизма и антисталинизма в освещении войны. Литература о второй мировой войне возникла в СССР во время войны. Ее содержание определили подходы и суждения Сталина, собранные в книге «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и других изданиях. Книга много раз переиздавалась массовыми тиражами на языках народов СССР и других стран. Она стала своеобразным евангелием для сталинистов. Само по себе описание событий на основе оценок его участников и других исторических источников — дело обычное. Искажение событий в угоду его участникам так же старо, как и сама история. Однако освещение минувшей войны — особый случай. Пропаганда, опиравшаяся на террор, сформировала удобные Сталину представления о войне. Их до сих пор разделяют многие граждане и, что особенно нетерпимо, многие историки.

Выступления Сталина в годы войны могут служить полноценным свидетельством его лживости, привычки перекладывать собственную вину на других, уверенности в собственной безнаказанности. Многие известные теоретические положения о войне Сталин приписывает себе в расчете на то, что

большинство читателей не могли уличить его в плагиате. В качестве же источника по истории самой войны выступления Сталина весьма малопригодны. Военные историки должны критиковать их как любой другой источник, но не пребывать в жалкой зависимости от них.

Приказы наркома обороны, другие документы, представленные в сборнике Сталина, носят сугубо пропагандистский характер. Они рассчитаны на определенное восприятие внутри страны и за рубежом. Меньше всего их автор претендовал на объективное изложение событий, их анализ. Ставка делалась на внешний эффект. Таковы приведенные и 6 ноября 1941 г. заниженные сведения о советских потерях и завышенные — о потерях немецких; уверения в том, что силы Германии уже иссякают, в ней «царят голод и обнищание», она «истекает кровью». «Еще несколько месяцев, еще полгода; может быть годик, — гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений». Трудно сказать, было ли это выражением незнания или преднамеренной дезинформацией. Впрочем, находятся люди, которые оправдывают это как «ложь во спасение». Поражают примитивные приемы, к которым прибегает «вождь», чтобы поднять дух народа и армии. С полным основанием А. Курносов в работе «Памятные книжные даты. 1991» противопоставляет обращениям к народу Сталина аналогичные речи У. Черчилля. Последние отличаются искренним признанием тяжелейшего положения собственной страны, уважением к согражданам. Бросаются в глаза многочисленные противоречия в выступлениях Сталина. Так, для широкой публики на первое место в ряду причин поражения Красной Армии летом 1941 г. выдвигается отсутствие второго фронта западных союзников, который отвлек бы от советско-германского фронта часть германских сил. В приказе же № 227 от 28 июля 1942 г. вся вина возлагается на войска, трусов и паникеров.

Нельзя разделить мнение о том, что сборник сохранил сейчас лишь источниковедческий интерес. Многие мысли Сталина, к сожалению, продолжают жить. Сошлемся сначала на статью, опубликованную в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941—1945» (1985). По мнению ее безымянного автора, в этом сборнике отражены важнейшие положения ленинского учения о защите Отечества, программа борьбы с агрессорами, раскрыты причины войны и сущность фашизма. Сталин осуществил будто бы научный анализ обстановки на этапах войны, показал источники победы, развил ряд важнейших положений военного искусства. Мы вернемся еще ко всем этим несостоятельным утверждениям.

В ответе на письмо Разина Сталин продолжает начатое в книге «О Великой Отечественной войне». Он стремится реабилитировать себя, присвоить себе славу «великого стратега»,

развенчать вклад Ленина в разработку военной теории и его роль в руководстве войной. Автор прибегает к ложному сравнению Ленина — профана с Энгельсом — «знатоком военного дела». Впрочем, Сталин упрекнет и Энгельса, имевшего неосторожность высказать будто бы ошибочное мнение о военных способностях Барклая-де-Толли. Пытаясь дискредитировать Ленина, Сталин фабрикует ленинские рекомендации молодым приемникам досконально изучать военное дело.

Стремясь изобразить, как далеко позади он оставил Ленина, Сталин обращается к сугубо специальным вопросам военной науки, стратегии и тактики. В деле критики доктрины К. Клаузевица, пишет Сталин, мы, «наследники Ленина», не связаны никакими указаниями Ленина. Дальше — больше. «Вождь» решается «раскритиковать» не только Клаузевица, но и всех военных теоретиков Германии, включая В. Кейтеля, хотя его таковым и в фашистской Германии никто не считал. Подход чрезвычайно прост: если эта страна дважды потерпела поражение за последние 30 лет, значит ее «военная идеология не выдержала испытания». И поэтому нужно «покончить с незаслуженным уважением» к немецкой военной науке. Мы, победители, должны подвергнуть ее критике. Сбрасывая со счетов весь германский военный опыт, Сталин предпочел умолчать, по крайней мере, о двух обстоятельствах. Немецкая «военная идеология» устами генерала Л. Бека заявила Гитлеру накануне войны, что эта война будет проиграна Германией с первым же ее выстрелом. Обошел молчанием Сталин и вопрос о том, какой ценой удалось победить немцев при всей «отсталости» их науки. Ответ Сталина содержит прямое требование к военным историкам изучать отступление как «законную форму борьбы» и контрнаступление как «очень интересный вид наступления». Им явно владела навязчивая идея о поражениях Красной Армии в 1941—1942 гг. Историки должны были заняться опытом «старых парфян», которые завлекли римлян в глубь своей страны, и гениального полководца Кутузова, который загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления.

Свои упражнения с историческими параллелями «вождь» начал в беседе с И. Майским еще в декабре 1941 г. Дипломат спросил его: «Можно ли считать, что основная линия стратегии в нашей войне и войне 1812 г. примерно одинакова, по крайней мере, если брать события нашей войны за первые полгода». Сталин возразил: «Отступление Кутузова было пассивным отступлением, до Бородина он нигде серьезного сопротивления Наполеону не оказывал. Наше отступление — это активная оборона, мы стараемся задержать врага на каждом возможном рубеже, нанести ему удар и путем таких многочисленных ударов измотать его. Общим между отступлениями было то, что они являлись не заранее запланирован-

ными, а вынужденными отступлениями»¹. В целях оправдания собственных просчетов Сталин, его пропаганда и «историкография» широко прибегали к параллели «1812—1941». Приведенная фраза содержит неверное утверждение о Кутузове и его предшественниках, будто бы не оказавших Наполеону вплоть до Бородина «серьезного сопротивления». В обычном для него чванливом духе «вождь» не преминул подчеркнуть, что он «лучше», чем Кутузов. На первый взгляд представляется странным, что Сталин не подчеркнул: он не сдал Москвы в отличие от Кутузова. Полагаем, что такое сравнение неизбежно повлекло бы за собой сопоставление людских потерь. Общие же жертвы 1941 г. по прямой вине Сталина во много раз превосходили жертвы России при Кутузове.

Полное нравственное падение Сталин снова обнаружил при редактировании своей краткой биографии, приписав себе все известные воинские доблести. С ее изданием (1952) наиболее низко пала и официальная наука. Составленная Г. Александровым, М. Галактионовым, В. Кружковым, М. Митиным, В. Мочаловым, П. Поспеловым, биография явилась пределом обожествления «великого вождя». Причем военный период вновь был подвергнут наиболее сильным искажениям. Именно в этой книге при участии самого Сталина был сфабрикован миф о «непревзойденном полководце всех времен и народов». Им были внесены в макет его биографии, и без того отличавшейся крайней апологией, такие вставки: «Товарищ Сталин развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки».

В биографии отражен тезис об «активной обороне», этот блеф, призванный оправдать отход РККА по всему фронту. Наконец, пожалуй, самое циничное. Сталин пишет: «Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении... С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства». Но как раз непонимание «планов врага», начиная с

¹ Цит. по: *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. М., 1971. С. 584—585.

критических предвоенных месяцев 1941 г., кончая Берлинской операцией, обусловило в конечном счете гигантские потери Красной Армии¹.

Старания генералиссимуса, его придворных историографов и поэтов не прошли даром. Если взять многие советские романы, кинофильмы и исторические «исследования», подчеркивалось на XX съезде КПСС, то в них совершенно неправдоподобно изображается роль Сталина в войне. Обычно рисуется такая схема. Сталин все предвидел. Советская Армия чуть ли не по заранее начертанным им стратегическим планам успешно оборонялась, впоследствии опять благодаря гению Сталина перешла в наступление и разгромила врага. Всемирно-историческая победа приписана всецело полководческому гению Сталина². В официальной военной историографии преобладала лексика сталинистской пропаганды. Превосходство, успехи противника, фашистская оккупация были обязательно «временными», советский же патриотизм был «величайшим», работа партии — «титанической». Давно замечено, что язык — явление отнюдь не связанное лишь с формой сочинения. В литературу, например, вошел штамп «всемирная борьба в тылу врага», что неверно и по существу: на оккупированных территориях СССР оставалось более 80 млн человек, а в партизанском движении активно участвовало лишь более 2 млн.

Советская историография войны в основном развивалась вширь, т. е. на схемы, созданные Сталиным и его преемниками, нанизывались новые факты, но степень их обобщения, их анализ не углублялись, структура истории не менялась, выводы не обогащались. Прогрессивными учеными, правда, были предприняты попытки разорвать этот порочный круг. В условиях безраздельного господства сталинистской концепции, вопреки ей осуществлялась определенная подлинно исследовательская работа, в частности, в рамках Генерального штаба. В 1958 г. вышла серия томов об операциях Советских Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны, значение этого труда сохранилось до сих пор³. К этой серии примыкал военно-исторический очерк «Вторая мировая война 1939—1945», написанный видными историками Н. Павленко, И. Паротькиным, С. Платоновым.

Эта тенденция стала наиболее зримой в 1960—1965 гг., во время издания 6-томной истории Великой Отечественной войны специальным отделом ИМЛ при ЦК КПСС под руководством Е. Болтина. Явившийся духовным детищем XX съезда партии, этот многотомник сделал крупный шаг в освеще-

¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1952. С. 221.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145—146.

³ Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). М., 1958 и др.

нии войны, хотя в трактовке многих важных проблем и остановился на полпути. В многотомнике получили некоторое освещение поражения 1941 г., более или менее четко показано, что среди 20 млн погибших граждан СССР свыше половины служили в РККА. Проблему руководства войной по-прежнему прямо или косвенно искажали. Партийные и военные лидеры выдвинули тезис о единоличной вине Сталина, это было копией суждения о такой же вине Гитлера. До отстранения Н. Хрущева критика И. Сталина была широко распространена и не была делом одного А. Некрича, как пытаются ныне представить. Его книгу «1941. 22 июня» (1965) избрали в качестве повода для расправы с инакомыслящими. 30 лет спустя под этим названием издали по существу новую книгу. В ней полезны приложения (советско-германские документы 1939—1945 гг., фрагмент из книги автора «Отрешись от страха», стенограмма обсуждения названной книги 1965 г.). Если первая книга ограничивала сталинизм культом Сталина по шаблону XX съезда КПСС, то вторая — принимает западные консервативные стереотипы (СССР вступила в союз с фашистской Германией, стала участником мировой войны 17 сентября 1939 г. и др.). Некрич сомневается, мог ли Сталин начать «превентивную войну», тем не менее считает «Ледокол» «исследованием».

Новые властители стремились придать грубой фальши некое подобие правды. Так, сконструирован тезис об объективных и субъективных причинах поражений 1941 г. Историки и мемуаристы охотно восприняли спорные или ложные суждения: история отвела СССР «мало времени», Германия использовала в момент нападения возможности «всей Европы», советская экономика отставала, вермахт был отмобилизован, владел опытом современной войны. В действительности же главную роль сыграл чисто субъективный фактор — грубые просчеты Сталина, его политических и военных советников В. Молотова, С. Тимошенко, Г. Жукова. Писать об их «ошибках» позволялось только строго ограниченному кругу авторов. Критика не посягала на главное. Советское общество должно было знать лишь славные страницы истории. В то же время плодотворно работал «Военно-исторический журнал», главным редактором которого был Павленко. Восстановленный в конце 50-х гг., он уверенно шел во главе других исторических журналов, главным образом благодаря тому, что его делали профессионалы (В. Дашичев, В. Кулиш, В. Поликарпов и другие), а не случайные люди, как это произойдет впоследствии. К первой половине 60-х гг. относится деятельность научной серии издательства «Наука» «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах» под руководством Самсонова. В 1964—1975 гг. было издано 90 книг, в том числе 40 мемуарных.

Однако начавшаяся вскоре реанимация сталинизма пресекла прогрессивное движение. Ликвидировали названные отдел и серию, сменили руководство журнала. Был создан ИВИ (начальник Жилин). Этим институтом в 1973—1982 гг. был опубликован 12-томник о второй мировой войне. Едва ли можно принять его сплошь отрицательную оценку (В. Астафьевым). Издание внесло некоторый вклад в разработку истории военных действий. Разумеется, ради этого не нужно было издавать 12 тяжелых фолиантов. Фундаментальным это издание было лишь по объему. Многие достижения авторов 6-томника были преднамеренно утрачены авторами 12-томника, продолжавшего традицию «Краткого курса истории ВКП(б)». Он должен был дать «руководящие установки», исключить иные мнения. Один из наивных заместителей Жилина говорил, что с изданием 12-томника, и все вопросы будут исчерпаны. Жилин умел поставить дело на широкую ногу. Выход каждого тома сопровождался организованными рецензиями. Руководителей издания наградили ленинскими премиями и орденами. Щедрость была настолько несоизмеримой с заслугами, что постановление о наградах не решились даже публиковать.

Огромный опус был односторонним во всех отношениях, источники тщательно отобраны. Характерно, что официальной историографией был изъят из истории войны одиозный приказ № 227, который юридически не был секретным и был даже издан после войны в одном из учебных пособий для слушателей военных академий. В 12-томнике были обойдены молчанием командно-репрессивная система и сталинизм в целом, их пагубное влияние на историю и историографию войны. Это было «исследование» по заранее определенной схеме с предусмотренными результатами, соотношением плюсов и минусов. Широкая научная общественность была отстранена от разработки этого узковедомственного издания. Там правили бал генералы, привлечение немногих и далеко не лучших историков из других учреждений лишь прикрывало характер издания. Решающее слово при разработке многотомника принадлежало председателям главной редакционной коллегии (ГРК) А. Гречко, позднее — Д. Устинову, не специалистам. Как сказал поэт, «писать не умеющий учит писать».

Отрицательное воздействие оказали претензии Брежнева, Гречко, Устинова, Епишева и других войти в историю и историографию в качестве выдающихся деятелей. Но нельзя разделить мнение Р. Савушкина, что главный порок 12-томника был в «навязанной историкам концепции исключительной роли Л. Брежнева». Весь многотомник был поражен не отдельными пятнами, а сталинистской методологией. Картина войны оставалась ложной. Но дело не только в этом, ИВИ на десятилетия остановил развитие военной истории в целом.

Грубо нивелируя все и вся, он подавлял творческую мысль. Не случайно мы не имеем сейчас научной школы, а в ИВИ пытаются на ходу переделать в военных историков философов, юристов, переводчиков, политработников. Фактически было отменено решение ЦК КПСС об издании документов военных лет, и спустя пять десятилетий после войны по-прежнему нет достаточной источниковой базы.

Такое развитие военной историографии в 70—80-е гг. привело ее к современному кризису. Основные центры этой историографии никак не откликнулись на мощный вызов эпохи. Прошло почти 10 лет со дня издания 12-го тома. Но сотни сотрудников ИВИ, военно-исторических отделов институтов истории СССР и всеобщей истории, ИМЛ (возглавляли их соответственно Г. Куманев, О. Ржешевский, Б. Томан) не издали ни одного более или менее значительного труда. Все остальные издания представляют собой перепевы старых идей, переходящих из одной книги в другую. Показательно, что и такие издания весьма немногочисленны. Традиционная концепция дискредитировала себя, новой создать до сих пор не сумели.

2

С выходом в свет 12-томной истории второй мировой войны получила законченное оформление сталинистская методология военной истории. Могут возразить: было покончено с мифом о «великом полководце». Во-первых, с ним не покончили сами авторы 12-томника, ныне в него вдохнули новую жизнь. Во-вторых, осталась персонификация — один из основных принципов освещения войны по Сталину. В какой-то мере авторам 12-томника удалось преодолеть преувеличенное толкование роли Сталина в войне. Точнее: им не удалось восстановить в полной мере ту вакханалию, которая кипела вокруг имени Сталина до 1953—1956 гг. Брежнев и его креатура были вынуждены считаться с общественным мнением в стране и за рубежом. Когда в докладе о 20-летию победы Брежнев упомянул Сталина под аплодисменты большинства присутствующих и стала явной опасность возрождения сталинизма, 25 выдающихся деятелей науки и культуры направили руководителям страны письмо с предупреждением против пересмотра известных партийных решений. Авторы письма стали называться «подписантами», что в устах сталинистов звучало примерно так же, как «лишенцы», «окруженцы». Названная опасность не исчезла вплоть до весны 1985 г. Характерна реакция конференции в Волгограде, посвященной 40-летию Сталинградской битвы, на предложение известного снайпера В. Зайцева вернуть городу имя «вождя». Президиум,

за исключением Самсонова, и подавляющее большинство других участников приняли это с одобрением.

Своеобразным проявлением культовой методологии явилось изгнание из истории войны имени Хрущева, ненавистного тогдашним властям. В то же время первое место среди деятелей, выигравших войну, стал занимать Брежнев. Если в учебнике по истории КПСС, изданном в 1959 г. под руководством Пономарева, имя Брежнева занимало место в числе секретарей обкомов, вошедших во время войны в состав военных советов, то в третьем издании учебника — это имя уже возглавило список лидеров партии, находящихся на фронте. В 12-томнике Брежнев предстает уже как одна из центральных фигур второй мировой войны. Он упоминается 97 раз. После избрания на пост генсека Ю. Андропова ИВИ спешно издал книгу «Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В ней Андропов упомянут 17 раз, чаще чем любой военачальник. Известно при этом, что ни Брежнев, ни Андропов в действительности не занимали такого исключительного места в ряду участников войны. Во времена Хрущева особое внимание уделялось Сталинградской битве, из числа причастных к ней полководцев — А. Еременко. Во времена Брежнева — битве за Кавказ, Малой земле, из числа полководцев — Гречко. Ничуть не преуменьшая заслуг военнослужащих 18-й армии, нельзя не заметить, что преимущественное внимание эта армия привлекла лишь вследствие того счастливого обстоятельства, что мало известный во время войны начальник ее политотдела позднее стал генсеком. Другие, не менее заслуженные армии, тщетно ждут своих историографов.

При описании Сталинградской битвы историографией, кино, беллетристикой на первое место выдвинуты Г. Жуков, В. Чуйков, Р. Малиновский. Отодвинуты на задний план А. Василевский, командующий 64 армии М. Шумилов, командир 4-го механизированного корпуса генерал В. Вольский и другие. Внедрена обедненная схема: Чуйков оборонялся, Малиновский предотвратил деблокирование 6-й армии, Рокоссовский принял ее капитуляцию, Жуков все возглавил. Действия же войск внешнего кольца окружения, например, остались в тени. Резко отрицательный отклик в прессе получил изданный ИВИ словарь-справочник «Великая Отечественная война 1941—1945» под редакцией М. Кирьяна (1988). По нелепой традиции составители включили в книгу биографии современных руководителей, которые уже по своему возрасту имеют весьма отдаленное отношение к войне. Так, А. Бирюкова фигурирует в словаре на том основании, что в ее выступлениях тема войны «занимает значительное место». Как здесь не вспомнить басню И. А. Крылова «Пустынник и медведь»?

Односторонность характеризует общую концепцию войны,

ее периодизацию, трактовку отдельных событий, явлений, лиц. Война описана почти исключительно со стороны СССР. Но взгляд лишь с одной стороны — заведомо ложный. Он полностью соответствует сталинистскому провинциализму и обедняет в первую очередь отечественную историю. В лучшем случае воссоздана история военных действий Красной Армии, но не войны в целом. История же двух враждебных военных коалиций, государств их составляющих, то есть союзников и противников СССР, освещена тускло. Им отведено лишь пять процентов содержания изданных книг. Вне контекста всемирной истории изображается отечественная история некоторыми авторами, которые внешне отмежевались от сталинизма. Такова глава «Советский Союз в годы второй мировой войны» т. 2 книги «Наше Отечество». При таком подходе остается не изученным и бывший противник СССР. Он изображен слабым. Знания о фашизме остаются на уровне 30—40-х гг. Военным историкам внутренняя и социальная политика германского фашизма, его экономика известны лишь в самых общих чертах. Они следуют в этом пагубной традиции Сталина. Даже после окончания войны он допускал грубые ошибки при характеристике Германии. Так, в беседе с Г. Стассеном он утверждал, что в этой стране «экономикой управляли военные». Десятки вопросов остаются для военной историографии тайной за семью печатями. Был ли личный состав вермахта единым в идейно-политическом отношении? Раздаются старые голоса против дифференцированного подхода к этому предмету. Какими были взаимоотношения Гитлера и его генералов? Как относились к пакту от 23 августа различные политические и военные круги Германии? Насколько значительными были разногласия в германском руководстве относительно дальнейших действий после завершения начального периода войны (на Москву или Киев?). Как проходила дискуссия Гитлера и ряда его приближенных о перемирии на Восточном фронте?

Война — процесс многосторонний, по меньшей мере двусторонний, ее и нужно показывать лишь как взаимодействие во времени и пространстве воюющих блоков, противоборство их вооруженных сил, экономического, идеологического и иных потенциалов с учетом их важнейших характеристик, в их развитии от начала войны до ее окончания. «Нельзя писать о падении Берлина, забыв о Минском шоссе сорок первого года», — требовал Симонов. Однако до сих пор описывают почти исключительно героическую сторону войны. Война — чрезвычайно сложное явление. Самая высокая поэзия там причудливо переплеталась с самой низкой прозой. Нужно быть безнадёжным идеалистом или лжецом, чтобы называть такое мнение о войне «очернительством». Односторонность проявляется в самых различных случаях. В этом духе пишут о

происхождении войны, позиции Англии, Франции, СССР на московских переговорах 1939 г.; будто бы западные державы действовали сплошь негативно, СССР — только безукоризненно; рассматривают эти переговоры в полном отрыве от проходивших одновременно с ними секретных советско-германских переговоров. Ряд историков вслед за Сталиным считают, что пакт 23 августа был выгоден лишь СССР. Другие впадают в противоположную крайность.

Односторонне оценивают ход войны, различные битвы, сражения. Уделяют внимание лишь победам Красной Армии, обходят молчанием ее поражения. То же характерно и для освещения источников победы. Среди канонизированных впоследствии военной историографией пяти «постоянно действующих факторов», решающих судьбу войны, Сталин не нашел места пространству и времени¹. Не избежало идеализации и освещение итогов войны. Жестокие потери СССР или занижаются, или упоминаются вскользь. Вопрос об ответственности за эти потери обходят молчанием. Пишут об «ущербе, нанесенном нашествием»². Однако в этом повинны не только «пришельцы». Аналогичным образом рассматривается возникновение «холодной войны». Часть авторов воздерживается отвечать на вопрос о ее виновниках, сообщалось о «резком обострении отношений между бывшими союзниками по антифашистской коалиции», другие возлагают ответственность только на западные державы³.

Односторонне отражена роль народа и личности в войне. Народу, как безликой массе, посвящены общие пустые фразы, если не считать описания подвигов нескольких десятков лиц, заимствованного в основном из пропаганды военных лет.

Односторонний подход проявляется в широко распространенных в военной историографии противопоставлении узкоклассового и национально ограниченного общечеловеческому, упрощенстве. Так, в стане коллаборационистов всегда «оказывались» исключительно бывшие помещики и кулаки. Авторы книги под редакцией С. Тюшкевича⁴, объяснили истоки экономического поражения государств-агрессоров прежде всего реакционными политическими целями войны и пороками социально-политической и экономической систем. Однако США и Англия имели в принципе такую же социально-экономическую систему, но оказались в числе победите-

¹ См.: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 43—44.

² Цит. по: Октябрь 1989. № 9. С. 105.

³ См.: Введение в марксистское обществознание. М., 1989. С. 85—86; Военно-исторический журнал. 1989. № 8. С. 14 и далее.

⁴ Вторая мировая война. Итоги 1-го урока. М., 1985. С. 205, 209, 213, 214, 260.

лей. Дело, разумеется, главным образом в том, что блок агрессоров обладал несравненно меньшей экономической силой, чем их противники в капиталистическом мире. Это подчеркивалось еще на XVIII съезде ВКП(б). Нападение этого блока на СССР лишь усилило антифашистский фронт. Между прочим, во многих трудах западных историков довольно четко выражена мысль: причина поражения Германии кроется в недооценке сил противников, особенно Советского государства.

Классовая природа участвовавших в войне стран, характер экономического строя, политические цели войны обуславливали направленность и масштабность экономических усилий, последовательность проведения военно-хозяйственных мероприятий, утверждают далее авторы книги. Но наибольшей «масштабностью экономических усилий» отличались СССР, США, Германия, страны, резко отличавшиеся друг от друга именно «классовой природой и политическими целями». В другом разделе книги читаем: «Наряду с количественной оценкой материальных потерь большое значение имеет учет их социальной стороны, обусловленной общественным строем воевавших государств и их целями». Однако потери СССР были наибольшими. Как же объяснить это, учитывая его цели и строй, который, по мнению авторов, был самым передовым?

В духе вульгаризированного классового подхода оказался в полном забвении и геополитический фактор, игравший исключительную роль в истории СССР, особенно в 1941—1942 гг. Страну во многом спасло ее пространство. Лишь в последнее время начинают признавать это. Так, в частности, вышел на авансцену евразийский аспект советской внешней политики. Роль географического фактора была хорошо понятна ведущим представителям русских исторических школ XIX в., то есть Сталину вследствие его полуобразованности просто было не дано усвоить истину, доступную его современникам. Вне названного фактора истолковывал он, в частности, источники победы советского народа. Идеологически обусловленная односторонность никогда не проходит бесследно. Так, в СССР замалчивалась, например, определенная роль американских войск в освобождении Чехословакии. Ныне на этой почве паразитирует внешне противоположная, по существу столь же ложная тенденция — преуменьшение роли СССР¹.

Антитеоретичность военной историографии проявляется в преобладании мелкотемья. Покажем это на примере «Военно-исторического журнала» при Филатове в качестве главного редактора. Чего только здесь нет — куски «бериевской» темы, отрывочные сведения о польском генерале В. Сикорском и

¹ См.: Известия. 1990. 13 апреля.

советском дипломате И. Майском, поездках Николая II и Л. Троцкого, детях И. Сталина и Н. Хрущева.

Антитеоретичностью объясняются отрицание альтернативности исторического развития. Во время войны ход событий во многом зависит от тех или иных решений руководителей. При полной и честной информации правильность этих решений достаточно четко прослеживается. Они и их результаты не отделены десятилетиями. Однако военные историки, как правило, не имели понятия об изучении альтернатив, и на рубеже 80—90-х гг. они были застигнуты врасплох. Об уроках истории весьма многозначительно говорилось. Но обществу предлагали лишь глубокомысленные сентенции, вроде: за предотвращение войны нужно бороться, пока не заговорят пушки; без серьезной экономической подготовки нельзя победить¹.

Запрет действовал вплоть до XXVII съезда КПСС. Считалось, что путь, избранный «великим кормчим», — единственно верный, что все решения были обусловлены некоей железной необходимостью. Безотказно действовали и конкретные суждения «вождя». Так, в речи на предвыборном собрании в 1946 г. Сталин утверждал, что вторая мировая война «возникла, как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма». Он упоминал «ошибки» тех или иных государственных деятелей, но снова и снова подчеркивал, что предотвратить войну было невозможно. Так этот научный вопрос был закрыт на многие десятилетия. До сих пор им никто всерьез не занимается.

Исследователь, не скованный догмами, встречает альтернативы буквально на каждом шагу: был ли неизбежен отход Красной Армии к Ленинграду, Москве, Сталинграду, Ставрополю, был ли выбор в военной истории Ленинграда?

В этой связи представляет интерес материал дискуссии последних лет о роли Жукова, в частности, в истории Ленинградской битвы. Если судить по воспоминаниям маршала, он пробыл в Ленинграде всего с 6 сентября по 10 октября 1941 г. Он назвал эти дни «самыми трудными» в истории битвы, хотя и никак не обосновал это. Автор не скупился на похвалы в адрес «советского командования» в Ленинграде, то есть в свой адрес. В этих же целях он искажил намерения противника. Впрочем, можно допустить, что и в момент написания книги он знал вермахт не лучше, чем в 1941 г. Жуков пишет: «Гитлер был в бешенстве... Летне-осенняя кампания окончилась без значительных успехов в достижении стратегических целей». Гитлер будто бы «торопил» В. Лееба (командующего группой

¹ Подобная попытка извлечь уроки из истории войны предпринята Волгоновым // Комсомольская правда. 1991. 22 июня.

армии «Север») «быстрее овладеть Ленинградом». Немцы перешли к обороне под Ленинградом якобы главным образом вследствие тяжелых потерь в сентябрьских боях под городом.

В книге обойдено молчанием весьма важное. Вермахт уже не располагал силами для наступления с решительными целями на всех направлениях. В отличие от Москвы Ленинград был для него всего лишь второстепенной целью. Здесь были сосредоточены не лучшие силы немцев, ими командовал не лучший фельдмаршал. Группа «Север» имела ограниченную задачу не захватить, а лишь блокировать Ленинград. Это соответствовало целям Гитлера — наиболее легким способом умертвить население. Такое решение было принято задолго до появления в Ленинграде Жукова и не только вследствие действительно героического сопротивления ленинградцев. В отличие от первоначальных намерений фашистского руководства в записке Гитлера от 22 августа 1941 г. о продолжении операции на советско-германском фронте выдвигалось требование «окружить или уничтожить здесь (в районе Ленинграда. — *Авт.*) русские части», чтобы скорее высвободить моторизованные силы группы армий «Север». «Эти силы смогут содействовать выполнению единственно еще не выполненной задачи» — продвижению группы армий «Центр» на Москву. В директиве ОКВ (главного командования вермахтом) № 35 от 6 сентября 1941 г. задача группы армий «Север» уже вполне определенно ограничивалась лишь окружением (не уничтожением! — *Авт.*) вражеских войск в районе Ленинграда, ради высвобождения сил в пользу группы армий «Центр». Это подтверждается и новейшими исследованиями зарубежных ученых.

Ю. Колосов, один из видных знатоков Ленинградской битвы, в докладе на международной научной конференции в январе 1992 г. убедительно показал, что из всех лиц, командовавших Ленинградским фронтом, незаслуженно забыты М. Попов и М. Хозин, редко вспоминают Л. Говорова, но тенденциозно выдвигают на первый план Г. Жукова. Прибыв в город, он сосредоточил усилия на предотвращении штурма Ленинграда со стороны Пулковских высот, который так и не состоялся. Тезис «Жуков выиграл сражение за Ленинград», по мнению Колосова, ошибочен. Оно было выиграно «всеми защитниками Ленинграда и прежде всего в боях в Прибалтике и особенно на Лужском рубеже». Еще до приезда Жукова «основное дело войсками Ленинградского фронта было уже сделано: взять Ленинград штурмом немцы уже не могли». И далее. «Жуков не понял замысла Гитлера», — подчеркивает историк. Добавим: не понимал его и Сталин, ставя Жукову задачу: «не допустить врага в Ленинград, чего бы это вам не стоило». Колосов продолжает: «Главная опасность уже тогда заключалась в блокаде. Спасать Ленинград в сентябре 1941 г.

нужно было не от штурма, а от блокады. Ключом к окружению Ленинграда являлась железнодорожная станция Мга». «Сражение при Мге было случайным, малых масштабов... но последствия оказались далеко идущими». Жуков улетел из Ленинграда, оставив позади себя 900-дневную блокаду. На наш взгляд, прорвать только что замкнувшееся вокруг города кольцо окружения было много легче, чем делать это после того, как противник закрепил свои позиции.

Грубый просчет Жукова не преуменьшает значение битвы. Под Ленинградом вермахт потерпел свое первое стратегическое поражение в ходе второй мировой войны. Но этот просчет чрезвычайно усложнил оборону Ленинграда, жизнь его мирного населения, многократно увеличил жертвы и материальные потери. От этого просчета наше внимание не должна отвлекать проблема: был ли выбор в военной истории города? Повторяя идею одного из героев Г. Бёлля, В. Астафьев считает ныне, что Ленинград нужно было сдать врагу: «миллион жизней (по данным Д. Лихачева — 1 млн. 200 тыс.) за коробки»?! Оппонент из «Красной звезды» выстраивает целую колонну аргументов: нельзя называть «коробками» культуру, болит сердце даже за разрушенное вокруг Ленинграда, весь мир с восторгом смотрел на его подвиг, сдать город означало совершить преступление перед революцией. Однако, если бы он был сдан противнику, согласно приказу Гитлера, все равно были бы уничтожены и население, и город. Следовательно, противопоставление людей и «коробок» несостоятельно. Нельзя сбрасывать со счетов и другие обстоятельства: работавшую непосредственно на фронт промышленность города, Ленинград как последнее прибежище Балтийского флота. Наконец, сдача города высвободила бы десятки германских дивизий. Как раз этого добивалось фашистское командование.

Альтернативы были и в другом: можно ли было предотвратить блокирование Ленинграда, предотвратить массовый голод в городе, оказавшемся в блокаде, и гибель его населения? Кстати, Жуков фарисейски называет это «недоеданием». Можно ли было организовать деблокирование Ленинграда в более ранние сроки, учитывая, что попытки прорвать блокаду срывались из-за недостатка выделенных для этих целей сил и средств. Сталин распылял имевшиеся резервы. Среди многих целей он не умел или не хотел заметить приоритетную — смерть не угрожала так остро жителям ни одного другого города. Вполне вероятно, об этом пишет Г. Солсбери (США), что Сталин испытывал неприязнь к Ленинграду и ленинградцам¹.

Другая важная альтернатива: нужно ли было удерживать Москву. Многие военные историки под влиянием пропаганды тех лет до сих пор считают этот вопрос кошунственным,

¹ *Salisbury H.E. The 900 Days. N. Y. 1969.*

по меньшей мере надуманным. Но сейчас известно, что Сталиным вопрос о сдаче Москвы был предreshен. Для науки же важна та сторона вопроса, которая Сталина не волновала, — цена удержания города. Оставление Москвы Кутузовым ради сохранения армии и населения оправдано историей. В то время лозунг «Ни шагу назад» вызвал бы по меньшей мере недоумение. Было ли ошибочным забывать при этом, что роль Москвы в политическом и экономическом отношениях, ее место в духовной жизни народа в 1941 г. были несравненно выше. Однако нельзя разделить категорического утверждения Василевского о том, что руководство Германии будто бы полагало: «пока Москва остается вдохновляющим и организующим центром борьбы, победа над Советским Союзом невозможна». Хотя многие немцы захват Москвы и отождествляли с окончанием Восточного похода. Нечто похожее было и в сознании советских людей. Они в большинстве своем гнали от себя мысль о падении столицы.

Однако каковы реальные расчеты? Еще в предвоенные годы один из германских генералов — Г. Томас по возвращении из поездки в СССР в разговоре с Гитлером высказал убеждение в том, что захват Москвы и всей территории СССР до Волги не будет еще означать катастрофу Советского государства. Этот видный специалист по военной экономике подтвердит свою мысль в октябре 1941 г.: «Даже если Горький и Баку будут оставлены, положение русских все еще не будет катастрофическим». Известный германский дипломат Э. Вайцзекер отвергал тезис о том, что поскольку Москва образует экономический, политический и духовный центр СССР, постольку ее захват разорвет взаимные связи, и страна капитулирует. Он считал, что СССР, опираясь на свои азиатские области, «сможет продолжать войну в течение непредвиденно длительного времени». Эту мысль разделяли и другие влиятельные представители германского руководства. По мнению фельдмаршала Ф. Паулюса, захватом Москвы нельзя было «добиться победоносного исхода войны». Ведущие германские специалисты по истории второй мировой войны также пришли к выводу, что утрата Москвы, Горького, Баку не означала бы для СССР полного поражения. Он сумел бы продолжить сопротивление, опираясь на промышленные районы Урала и Сибири. Оппоненты возражат: а Япония? Напомним, что она окончательно избрала южный, но не северный вариант своей агрессии много раньше — под влиянием Смоленского сражения, означавшего один из первых серьезных провалов германской стратегии. Японцы были надолго скованы очень серьезным противником — США, силы которых постоянно возрастали¹.

¹ *Hillgruber A. Der Zenit des Zweiten Weltkrieges: Juli 1941. Wiesbaden. 1977.*

Аналогичные альтернативы были и в ходе Сталинградской битвы. Учитывая цену, заплаченную за оборону Сталинграда и малых участков его территории, нужно ли было их удерживать, естественно, имея в виду при этом и интересы будущего контрнаступления? Какое развитие получили бы события в районе Сталинграда, если бы на них не оказывали влияние престижные соображения Гитлера и Сталина и вытекающие из них категорические требования «ни шагу назад», «удерживать каждый дом» и т. п.? Был ли целесообразным предложенный генералом В. Зейдлицем (один из корпусных командиров в армии Паулюса, впоследствии — руководитель Союза немецких офицеров, примыкавшего к движению «Свободная Германия») еще в первые дни окружения прорыв войск вермахта из Сталинградского «котла»?

Многочисленные альтернативы сформулированы, в той или иной мере исследованы также в западной историографии. Назовем некоторые из них. Учитывая его решающее воздействие на формирование тактики вермахта «держаться любой ценой», было ли целесообразным требование о безоговорочной капитуляции с точки зрения интересов противников Германии, в конечном счете — всего человечества? Как известно, этот принцип был сформулирован на конференции в Касабланке в январе 1943 г. руководителями США и Великобритании, позднее к нему присоединились СССР и другие участники антифашистской коалиции¹. Очень важная альтернатива сформулирована в следующей фразе Р. Кюня: «Откуда народы Советского Союза взяли силы, чтобы осуществить то, что казалось совершенно немыслимым? Это вопрос, над которым стоит задуматься. Трудно себе представить, как пошло бы дальше развитие европейских народов, если бы народы Советского Союза не нашли в себе силы и фашизму удалось установить свое господство над Европой»².

Военными историками не разработана также проблема случайности в войне 1939—1945 гг. В официальной историографии господствует фаталистическая тенденция, исключающая роль случая в развитии военных событий. Утверждают, например, что победа СССР была predetermined преимуществами социального строя, установленного в СССР. В действительности в ходе войн случайность определяет не только судьбы отдельных людей (почему, например, однополчанин одного из авторов книги при разрыве мины погиб, а он, находясь рядом, отделался легким испугом), но и исход операций. Так, при планировании контрнаступления под Сталинградом в Генеральном штабе опирались на ошибочные (заниженные) сведения о количестве фашистских войск в предполагаемом

¹ Lüdde-Neurath W. Regierung Dönitz. Leoni. 1980. S. 21—22.

² Hitlers Krieg? Köln, 1989. S. 45.

«котле». Можно с уверенностью сказать, что Сталин не решился бы окружать противника равными силами. Эта ошибка была, однако, с лихвой компенсирована другой случайностью. Гитлер категорически запретил прорыв окруженных войск, руководствуясь, в числе прочих соображений, ошибочной оценкой возможностей снабжать эти войска по воздушному мосту.

Наблюдается и противоположная фаталистической крайность. Представляют, что исход Московской битвы как некоей небольшой операции или отдельного боя зависел от возможности ввести в дело «последний батальон». По Гефтеру, ее исход в роковые минуты зависел от возможности закрыть «дыру» в линии фронта небольшими группами советских бойцов. Однако в конце ноября 1941 г. в «обстановке чрезвычайно угрожающей» командующий Западным фронтом просил у Ставки не батальон, а «еще не менее двух армий и хотя бы двести танков»¹. Те, кто считает исход битвы случайным, не учитывают, что немецкое наступление выдохлось еще до начала советского контрнаступления, что Красная Армия, в отличие от вермахта, имела значительные резервы. С полным основанием указывает Василевский на решающее значение того, что удалось своевременно сформировать, вооружить, обучить и перебросить под столицу новые армии.

Антитеоретичность проявляется и в невнимании к историографии, как к истории и теории исторической науки и как к специальной дисциплине, призванной дать ответ, что и как изучено (не изучено) по теме, избранной исследователем. О деградации советской военно-исторической литературы, может быть, лучше всего свидетельствует такое обстоятельство. В 6-томной истории был весьма квалифицированный для того времени раздел по историографии. Составители же 12-томника лишь обещали закончить издание историографическим томом. В действительности отказались от этого. Чиновников не интересовало, что без знания истории изучения войны в СССР и за рубежом ученых, даже самый квалифицированный, обречен блуждать в потемках. Этим людям историография неудобна в принципе. Она сковала бы их произвол. Если бы все достигнутые знания о войне были проверены, если бы все положительное и ложное было названо своим именем, казенная бодрость была бы по меньшей мере неуместна, а фальсификация — более очевидной. Часты нарушения логической дисциплины. 12-томник, например, изобилует противоречивыми суждениями, в частности, в оценке характера войны, перелома. Бесконечны повторения в литературе о войне, особенно в юбилейных изданиях. Именитые авторы много раз «раскрывали принципы руководства партии» в годы

¹ Цит. по: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 361; Военно-исторический журнал. 1971. № 10. С. 68.

войны, «природу и истоки героизма». На самом деле эти проблемы как раз менее всего «раскрыты».

С антитеоретичностью непосредственно связано уже упоминавшееся смешение науки с беллетристикой. Некоторые важные проблемы до сих пор остаются на уровне образного осмысления. Живы еще просто догадки и даже слухи военных лет. Таково смешение 2-й ударной армии с «власовской армией». Отставание научной, в том числе и популярной литературы о войне породило нетерпимые явления. В сознании людей через устную традицию укоренились ложные сталинские стереотипы. Наблюдается своего рода гипертрофированный местный патриотизм, когда в рассказах экскурсоводов, учителей о тех или иных городах или операциях преувеличивается действительное место этих городов в истории войны. От крымского патриота вы можете не услышать о Московской битве. В Волгограде Мамаев курган называют «главным холмом России», забывая, в частности, Пулковские высоты, то есть Ленинградскую битву.

Цензурная политика Сталина и его преемников позволяла, хотя и в весьма незначительной мере, писателям приоткрывать запрещенные для науки темы плена, дезертирства, сотрудничества с врагом и др. Не от хорошей жизни появились так называемые «художественные исследования». Вышли тома «Архипелага ГУЛАГа», а тема репрессий по-прежнему не изучена. Недопустимо также с точки зрения нормального развития знания, чтобы с документами и воспоминаниями Р. Гелена (одного из основных деятелей германской разведки) или А. Власова (советского генерала-изменника) читатели знакомились по романам и повестям.

Подчас подмена научного мышления обыденным приобретает и политическое звучание. Так, в одном из содокладов на третьем внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР была поставлена под сомнение правомерность льгот участникам войны и отождествлены условия жизни фронтовиков и тружеников тыла. Критик упустил, однако, весьма существенное. Смерть действительно косила и мирных жителей, особенно оказавшихся не по своей воле в зоне боевых действий, на оккупированных территориях, в ГУЛАГе. Но вероятность гибели фронтовиков была во много раз большей, а стрессовая ситуация — постоянной. По нашим подсчетам, почти каждый второй фронтовик погиб, из мирных граждан — лишь каждый двенадцатый.

3

Многие историки не понимают элементарного — труды Сталина, документы и пресса военных лет даны исследователю для критического анализа. Источники — основа нашего

знания о прошлом, но нельзя превращать любые из них в предмет поклонения. Так, авторы упоминавшегося издания о советском тыле бездумно цитируют ложные суждения Сталина о «полной победе социализма», его нападки на лиц (кстати, до сих пор никем не выявленных), которые будто бы высказывались за ослабление государства. Вполне правомерно требование научной общественности как можно скорее издать остро необходимые документы, например, из архива Сталина, отражающие и военный период его деятельности; архива Ставки и Генштаба. В прессе высказываются самые различные мнения о работе архивов. По мнению М. Гареева, например, значительная часть документов еще долго не увидит свет. Раздаются требования сделать «доступными» материалы Международного военного трибунала. Но ученым эти материалы доступны по зарубежным изданиям. Одновременно с общим призывом — издать необходимо поставить вопрос о качестве документальных публикаций. Ряд журналов («Новое время», «Военно-исторический» и др.) делают доброе дело, но без выполнения элементарных источниковедческих правил. Не известно, откуда взят журналом публикуемый им материал, когда он появился на свет. Печатается лишь часть документа, произвольно вырванная из текста без каких-либо объяснений.

Подчеркивая необходимость новых публикаций (как, например, воссоздать общую картину Висло-Одерской операции, не располагая ее планом?), отметим, что уже опубликованные источники, а также громадные трофейные архивы и ранее доступные для исследователей, но почти не тронутые ими, если к ним подойти по-новому, позволяют сделать значительный шаг к истине. Нельзя согласиться с мнением, что споры о прошлом останутся дискуссиями схоластов, пока вместо новых документов мы читаем романы и пьесы. Разве не удавалось ряду исследователей, например, Дашичеву, и в период реанимации сталинизма после 1964 г. при очень неблагоприятной для науки конъюнктуре создавать значительные труды, опираясь на научную методологию¹.

Не освободились историки от священного трепета не только перед сталинистским наследием, но и перед воспоминаниями участников минувшей войны. Причем, чем выше пост занимал тот или иной автор, тем с большим пиететом относятся к его трудам. Некоторые читатели полагают, что реальное представление о военном лихолетье дают лишь мемуары, но не книги ученых. Возник ряд внешне благопристойных постулатов. Один из них: «Народ и скажет правду истории». Конечно, участники войны могут привести миллионы различных

¹ Дашичев А. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1—2.

по своей источниковой ценности свидетельств, но без научной теории они сами по себе не создадут еще объективной картины. Характерно, что Симонов, известный ее знаток, прежде чем внести существенный вклад в изучение, должен был постичь методологию и методику исторического исследования. Подчас историки без всякой необходимости ссылаются на те или иные воспоминания, очевидно, для того, чтобы придать недостающий «вес» своим работам¹.

Несомненно, в советской литературе о войне мемуаристика занимает значительное место. В первую очередь это — работы А. Василевского, Г. Жукова, К. Рокоссовского и других полководцев, политических деятелей А. Микояна, В. Молотова, Н. Хрущева, руководителей военной экономики И. Бенедиктова, Б. Ванникова, Д. Устинова, А. Шахурина, дипломатов А. Громыко, И. Майского, писателей и публицистов К. Симонова, И. Эренбурга, ученых П. Капицы, А. Арбатова и других. Эти и многие другие работы вышли с опозданием на несколько десятилетий по сравнению с аналогичными книгами за рубежом, особенно в ФРГ. Сказались традиции офицеров и других групп интеллигенции. Так, в Германии за каждой войной обязательно следовала волна литературы о ней. Потерпевшая поражение страна обычно более активна в извлечении важного опыта, а значит и в мемуаристике. Сильное отрицательное воздействие оказал запрет Сталина писать дневники и воспоминания. Контрразведка преследовала ведение в армии каких-либо записей, они в те годы могли оказаться роковыми для их авторов².

Однако без таких записей создать мемуары весьма трудно. Все это сильно повредило науке. Значительное число участников событий ушло из жизни, так и не оставив воспоминаний. Отмеченное наложило отпечаток и на изданные труды. По характеру своему большинство их — не чисто мемуарные, а скорее мемуарно-исследовательские труды. Авторы восполняли то, что утратила их память, материалами из прессы, архивов. Но в живых свидетельствах современников — главное достоинство воспоминаний, их основа — лично пережитое. Они восстанавливают те пробелы, которые почти неизбежно возникают в собраниях документов и прессы. Само название мемуарной литературы происходит от латинского слова «память». Наши мемуаристы часто становились историками не только вследствие такой специфики источников их трудов, но и пытаясь осмыслить прошлое, опираясь на воспоминания других свидетелей событий, исследования ученых, документы. «Воспоминания и размышления» — совершенно не случайно

¹ См., например: Великая Отечественная война 1941—1945. М., 1990. С. 15.
Ср.: История СССР. 1985. № 3. С. 142.

² См.: Коммунист. 1991. № 8. С. 32.

назовет, например, свой труд Жуков. Эти обстоятельства несколько обеднили мемуары. К тому же большинство их авторов и их помощников не было подготовлено к исследовательской работе. Этим объясняется, например, что изложение внешнеполитических вопросов в книге авиаконструктора А. Яковлева или военно-экономических — в книге полководца Г. Жукова носит на себе печать беспомощности. Совершенно недопустимо, когда многие мемуарно-исследовательские труды включают в себя некий псевдохудожественный материал, выдуманные диалоги и др.

Мемуары значительно оживили освещение войны в СССР. Их авторы, особенно полководцы, вносили плодотворные элементы научной полемики, делали поправки в трудах своих предшественников, дополняли картину былого, часто весьма бледно отраженную в документах и исследованиях. Напомним дискуссию по поводу высказывания В. Чуйкова о возможном захвате Берлина не в мае, а уже в январе—феврале 1945 г. Этой мыслью в идеологических целях воспользовались германские консерваторы: будто бы Советы сознательно стремились продлить агонию «третьей империи». Другие мемуаристы и историки показали, что с ходу в это время Берлин взять было невозможно. Войска Красной Армии в наступлении от Вислы до Одера израсходовали свои боевые запасы, их коммуникации были сильно растянуты, противник обладал еще значительными силами, он готовил контрудар по правому флангу советских фронтов. Всего этого не учитывал Чуйков. Мемуары полководцев обогатили наши знания боевых действий Красной Армии. Другие группы мемуаров, хотя и сравнительно малочисленные, проливали новый свет на некоторые стороны экономической, дипломатической истории войны, раскрывали важные моменты руководства войной.

Тем не менее воспринимать любые мемуары как истину в последней инстанции нельзя, хотя бы потому, что и после их написания становятся известными еще закрытые вчера документы, выходят в свет новые исследования. Науке давно известно, что все мемуары субъективны. Ученые, мемуаристы, писатели каждый по-своему отражают историю. Никто из них не может заменить друг друга. Мемуарная литература никогда не заменит научной, поскольку участник или наблюдатель события, какую бы роль он в нем не играл, не может охватить всей картины в целом. Никто из грамотных мемуаристов, естественно, не стремился и не мог стремиться к этому, поскольку они видят лишь одну сторону события. Как правило, нельзя судить о человеке по тому, как он сам о себе думает. Невозможно, например, составить представление о деятельности Ставки или Генерального штаба исключительно по воспоминаниям Г. Жукова, А. Василевского, С. Штеменко. Нужны другие, не зависящие от названных мемуаристов ис-

точники. Это ничуть не «бросает тень» на полководцев, в чем поспешил кое-кто обвинить историографов. Здесь воспроизводится азбучное правило исторического источниковедения.

Мемуарист связан симпатиями с описываемыми им лицами. Он сам несет ответственность перед историей и излагает ее в выгодном для себя свете, подчас невольно. Многие авторы в момент написания своих воспоминаний оставались под сильным влиянием ложных пропагандистских трафаретов прошлых лет. Так можно объяснить нередкие проявления конформизма в мемуарах Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Часто на них оказывает давление нынешняя политическая конъюнктура, и авторы не могут написать, по крайней мере, опубликовать правду. По этим причинам, а также вследствие ненадежности человеческой памяти разные издания книг одних и тех же лиц подчас бывают различными. В случае с воспоминаниями о Сталине необходимо иметь в виду, что всех своих политических и военных приближенных он подбирал, как правило, по принципу личной преданности. И это не могло не отразиться на мемуарах. Может быть, наиболее ярко это прослеживается в книгах его любимцев — Штеменко, Устинова. Крупницы жестокой правды пробиваются в книге Штеменко, например, вопреки доминирующему желанию автора представить своего высокого благодетеля в лучшем свете.

Мемуары советских полководцев, особенно такие, как книга Жукова, в течение десятилетий находятся вне критики. Необходимо подчеркнуть, что эта книга занимает центральное место среди мемуаров. Она выдержала наибольшее число изданий, широко известна в стране и за ее рубежами. В большой мере ее популярность объясняется тем, что автор в течение нескольких военных лет занимал пост заместителя Верховного Главнокомандующего. Сыграли роль и те обстоятельства, что Жуков после войны был понижен в должности, а после нового взлета окончательно отстранен от дел, как полагают некоторые, необоснованно. Общественное мнение, как правило, равнодушно к гонимым, юродивым и т. п. Лишь в последние несколько лет в прессе появились критические замечания, сведения о том, что часть мемуаров писали не сами участники войны, а так называемые «белые рабы» — писатели, литографы, адъютанты. Сам Жуков, по словам А. Миркиной, редактора его «Воспоминаний и размышлений», говорил о трудностях при написании своей книги: «При Сталине была одна история, при Хрущеве — другая, сейчас — третья». Миркина отмечает, что и у Жукова, типичного сына своей эпохи, был «внутренний цензор». Он считал, что «о многом еще говорить преждевременно». Это, по меньшей мере, спорно: в нормальных условиях анализ просчетов лидера любого ранга нужен много раньше — непосредственно в

ходе войны. Напомним, что Жомини, например, в начале XIX в. писал об ошибках известных политиков и военных того времени вполне открыто. То же самое необходимо сказать об Энгельсе, выступавшем во второй половине прошлого века в качестве военного историка.

Миркина свидетельствует: «Под влиянием времени (точнее: М. Суслова, бывшего секретаря ЦК КПСС, ярого противника издания книги Жукова) самим Жуковым смещались акценты и в характеристике И. Сталина, и в степени подготовки нашей к войне, и в ряде других моментов». Мы находим выражение «смещать акценты» весьма слабым. Речь идет о фальши. Так, по требованию тогдашнего генсека, поступив достаточно беспринципно, Жуков изобразил в книге вымышленное свое желание «посоветоваться» с полковником Брежневым во время нахождения в 18-й армии. Это выглядит, по меньшей мере, смешно. Василевский отмечал, что «многие из нашего брата мемуаристов» охотно отходят от суровой правды истории в угоду всяким веяниям. Писатель В. Карпов отмечал: «...Существовали редакторы, правщики, консультанты. Во всех мемуарах они свой след оставляли. Иногда это был след мужества, а иногда и трусости». Аналогичная с жуковскими мемуарами обработка была осуществлена, например, и с воспоминаниями маршала авиации Е. Савицкого. В этом отношении показательны и свидетельства С. Микояна о редактировании работ его отца Сусловым, а также свидетельство писателя В. Солоухина о том, как сотруднику одной из военной газет было поручено «организовать» (т. е. написать самому!) статью крупного военачальника и лишь потом заполучить его подпись¹.

Попытки бывшего директора агентства печати Новости (АПН) В. Комолова объявить несуществовавшей такую практику работы с автором представляются несостоятельными. Как можно отрицать, например, наличие не вошедших в мемуары Жукова и опубликованных позднее его статьи «Битва под Москвой», записки «Коротко о Сталине»? И главное: при публикации 10-го издания «Воспоминаний и размышлений» было официально объявлено, что в него вошло то, что по цензурным соображениям было в свое время изъято. К сожалению, и это издание далеко от хорошей «научной формы». Как показал Павленко, глава о Ставке, оставшаяся в книге, написана не известно кем, только — не Жуковым. Нам предстоит еще разгадать многие загадки этих воспоминаний. Восстановить изъятое — это еще не означает сделать текст адекватным оценкам маршала и тем более — действительности. Остались, например, слова о сомнительно быстром освоении

¹ См.: Правда. 1988. 27 мая; Известия. 1988. 3 июня; Советская культура. 1988. 28 апреля.

Сталиным сложнейшей науки управления войсками, легко принятые на веру многими читателями¹.

Оценка сталинского руководства в различных трудах Жукова неоднозначна. Она отражает противоречивое отношение самого автора к Сталину, вознесшему его на второй после «Великого Полководца» военный пост, а потом поручившего его «попечению» Берии. Характерно, что Жуков придает чрезмерное внимание тому, как «Верховный» относился к его — Жукова — мнению. Получается так: лишь «прислушиваясь» к Жукову, Сталин действовал правильно. В мемуарах маршала явно доминирует официальная (брежневская) версия. Письмо же Жукова писателю В. Соколову и другие новейшие публикации содержат сравнительно правдивые оценки свойств и действий Сталина. Как свидетельствует Гавленко, маршал, считая Сталина человеком, совершенно не компетентным в военном деле, говорил о нем: «Как был, так и остался штафиркой». Так в царской армии пренебрежительно называли штатских. В целом Жуков, как мемуарист, был не в состоянии объективно оценить все стороны деятельности «вождя», тем более сталинизм как социальное явление. То же самое следует сказать и о Василевском.²

В воспоминаниях Жукова даже последних лет его жизни превалируют сведения о личных отношениях «вождя» и маршала, но не суждения обобщающего характера. Записки Жукова «Коротко о Сталине» заканчиваются не оценкой порочной атмосферы, царившей вокруг самодержавца, как можно было ожидать, а описанием «интриг Берии и Абакумова» против Жукова и их провала. «Но Сталин не верил, — писал Жуков, — что якобы я пытаюсь организовать военный заговор, и не давал согласия на мой арест.

Как потом мне рассказывал Хрущев, Сталин якобы говорил Берии: «Не верю никому, чтобы Жуков мог пойти на это дело. Я его хорошо знаю. Он человек прямолинейный, резкий и может в глаза любому сказать неприятность, но против ЦК он не пойдет».

И Сталин не дал арестовать меня.

А когда арестовали самого Абакумова, то выяснилось, что он умышленно затеял всю эту историю, так же он творил их в мрачные 1937—1939 годы.

Абакумова расстреляли, а меня вновь на XIX съезде партии Сталин лично рекомендовал ввести в состав ЦК КПСС.

За все это неблагоприятное время Сталин нигде не сказал про меня ни одного плохого слова. И я был, конечно, благодарен ему за такую объективность³.

¹ Подробнее см.: Прозрение. Волгоград. 1990. № 8. С. 1.

² См.: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 451.

³ Цит. по: Правда. 1989. 20 января.

Что это, святая простота или что-то другое? Как объяснить, что Жукову даже после смерти Сталина продолжало казаться, что тот выступал в интригах вокруг Жукова (и других!) как некий объективный судья, но не в качестве главного организатора этих интриг. Все сказанное здесь не позволяет нам согласиться, что о сталинизме глубже всех и откровеннее судит Жуков. Мучительный процесс освобождения от духовных пут сталинизма происходил у Симонова, лауреата шести сталинских премий, любимца самого «Верховного». Громыко в своих воспоминаниях тщетно пытается совместить в Сталине революционера и палача народов, беспомощно ссылаясь на пропагандистский лозунг «За Сталина!» как на доказательство его заслуг перед Родиной¹. В записках наркома вооружения военных лет Устинова «Во имя победы!» приведена «полная и объективная оценка политической деятельности И. Сталина», данная ЦК партии в постановлении 1956 г. Но эта оценка в момент написания книги (1988) безнадежно устарела. Устинов же значительно отходит даже от этого постановления. Военное издательство не сочло нужным сделать соответствующие оговорки, и читатель должен сам разобраться в явных искажениях истории. В сталинских работах, вопреки мнению автора, содержались далеко не всегда «марксистско-ленинские положения». Разрыв между ленинизмом и практикой Сталина был отнюдь не «порой», как полагает этот нарком, а постоянным и органическим. Устинов среди «сильных сторон личности» Сталина отмечает «доверие членам политбюро»². Адмирал же И. Исаков, и это подтверждается другими источниками, считает, что каждый из приближенных Сталина был опутан густой сетью осведомителей, непосредственно информировавших его о состоянии дел в той или иной отрасли, помимо ее руководителя.

Военная мемуаристика — неотъемлемая часть советской историографии второй мировой войны. У них во многом общие достоинства и пороки. Такова идеализация. В письме писателю Соколову, например, признав просчеты Сталина в оценке намерений противника накануне агрессии против СССР, Жуков стремился преуменьшить вину «вождя». Он приводит причины, названные им «объективными», к чему мы еще вернемся. В их числе — экономическая слабость СССР; неподготовленность к обороне новых территорий страны, что повлияло на «мышление Сталина», и тот занял глухую позицию «не давать повода»; плохо работала агентурная разведка, и Сталин был убежден в верности Гитлера пакту 23 августа. Во-первых, на каком основании все это Жуков на-

¹ Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 208—209.

² См.: Устинов Д. Ф. Во имя победы. М., 1988. С. 89—92 и др.

зывает «объективными» причинами, во-вторых, он упустил возможность сказать о собственной вине¹.

«Величайшая заслуга Ставки Верховного Главнокомандования, — пишет Жуков, имея в виду Сталинградскую битву, — состоит в том, что она оказалась способной с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, научно предвидеть ход ее развития и завершение». Вызывает протест выпендренный тон этой фразы, навеянный сталинистской пропагандой, тем более что сам Жуков — член Ставки, и не последний, о чем он много раз напоминал читателю. По существу же вопроса, в действительности Ставка далеко не все рассчитала с «научной точностью». Отмечались ошибки в оценке численности окруженных войск противника, его намерений деблокировать армию Паулюса. Ставке не удалось осуществить свой замысел и отсечь войска вермахта на Северном Кавказе. Необходимо учитывать также существенные замечания о деятельности Ставки, сделанные, в частности, Н. Вороновым, К. Рокоссовским. Наконец, при соотношении потерь сторон под Сталинградом близком 1:1 нельзя говорить о «величайших заслугах Ставки». Многим мемуаристам явно не хватает скромности. Так, Жуков не без оснований считал, что Еременко в написанных им воспоминаниях «приукрашивает свою персону». В не меньшей степени это присуще и мемуарам самого Жукова².

Наиболее низким в истории мемуарной литературы о войне является, пожалуй, возня вокруг брошюр Брежнева, безмерное прославление его достоинств в выступлениях участников войны, писателей, историков. Фальсифицировал прошлое Л. Аграновский, семь лет писавший «воспоминания» Брежнева. В брошюре «Малая земля», например, Брежнев, заменив выбывшего из строя пулеметчика, ведет успешный огонь по атакующей пехоте противника. Свидетелей этого подвига до сих пор не нашлось. С. Пахомов, участник боев на Малой земле, бывший заместитель начальника политотдела 18-й армии, полковник в отставке пишет: «Во всем, что сделано героическими защитниками Малой земли, огромная заслуга лично Леонида Ильича Брежнева... Леонид Ильич всегда был в гуще масс, всегда на переднем крае, поднимал, вдохновлял миллионы людей на бой, на подвиг». Оставим на совести автора «миллионы», каких никогда не было в 18-й армии. В прославлении начальника политотдела этой армии нельзя отдавать пальму первенства мемуаристам и писателям, восхвалявшим литературное творчество Брежнева, объявившим его писателем и лауреатом. С ними успешно состязались историки. В издании АН «Изучение отечественной истории в

¹ См.: Маршал Жуков. С. 220—222.

² Там же. С. 239.

СССР между XXV и XXVI съездами КПСС» (1982) брошюра «Малая земля» названа «крупным событием», имеющим «большое политическое, воспитательное и научно-историческое значение» (Г. Куманев).

В последние годы исправлены некоторые пороки советской мемуаристики. Так, «Военно-исторический журнал» опубликовал ранее изъятые цензурой ценные отрывки из воспоминаний К. Рокоссовского, Л. Сандалова, И. Ковалева и других участников войны, хотя и не все публикации удачны. Например, избранные редакцией записи из дневника военного корреспондента Я. Макаренко о боях за Берлин едва ли вносят что-либо существенно новое в освещение истории. Журнал оказался глухим к призыву Павленко, в статье которого о Жукове подчеркнута необходимость перепроверить тексты многих мемуаров, поскольку они в значительной мере извращены «доработчиками» из ГЛАВПУРа. Журнал опубликовал воспоминания Ш. де Голля, сорвавшего маску со Сталина, жестокого и малокультурного властителя. Некоторые мысли автора искажены. Так, вместо: «Революция, партия, государство, война предоставили ему (Сталину. — *Авт.*) возможность и средства властвовать», напечатано: «Революция, партия, государство, война являлись для него причинами (?) и средствами, чтобы властвовать». По мнению де Голля, Сталин не был революционером, народным трибуном. Единодержавие было альфой и омегой всех его устремлений¹.

Отношение к мемуаристике, обусловленное в первую очередь такими чертами сталинизма, как некомпетентность и безнравственность, не выдерживает критики. По свидетельству А. Басова, мемуаристам «навязывались определенные оценки событий», за них писали, вписывали, переписывали, их буквально брали на измор. Сами издатели и редакторы испытывали сильнейшее «давление сверху». Уступая ему, они повторяли грустный опыт персонажей романа «Хождение по мукам», постановщиков красноармейского театра, которые смело «исправляли» мировую классику в соответствии со своими представлениями о революционной морали. Причем все или почти все манипуляции с мемуарами живых и особенно мертвых авторов продолжаются и поныне. Переделана трактовка решения Сталина начать войну против Финляндии в отдельном издании книги Симонова по сравнению с недавно изданным журнальным вариантом. Сокращен текст других воспоминаний под предлогом «нежелания обидеть родственников покойного маршала»². В свете сказанного неискренне звучат слова А. Хорева из «Красной звезды»: мемуаристы «творили свободно».

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1988. № 11; 1990. № 3, 4.

² См.: Звезда. 1990. № 8. С. 197.

Некоторые историки нарочито подчеркивают свою близость к сильным мира сего, хотя бы и бывшим. Так, Г. Куманев слывет среди военных историков обладателем записанных на магнитофоне выступлений многочисленных советских руководителей периода войны. Однако историки тщетно ждут какого-либо конкретного исследовательского результата. Куманев опубликовал свои интервью с Кузнецовым, содержание которых во многом повторяет давно появившиеся на свет мемуары адмирала. В другой статье без всякой нужды Куманев ссылается на то, что сказал ему Микоян, которому в свою очередь сказал Сталин: пока Гитлер не разделается с Англией (не раньше 1942 г.), он не нападет на СССР. Но эти сведения уже были опубликованы, что делает ненужными любые эрзац-источники¹. То же самое отличает и публикации Анфилова.

Особо о нравственной позиции мемуаристов. Некоторые историографы фактически оправдывают их сделки с совестью, ссылаясь на очень большое желание Жукова или другого автора увидеть свою книгу изданной. Это желание и знакомо, и понятно любому пишущему, тем более что многие мемуаристы завершили книги лишь в последние годы своей жизни. Но может ли такое желание оправдывать фальшь, которая пронизывала многие из этих книг? Астафьев выступает не только как солдат-окопник против генералов. Нет правды генеральской, офицерской, солдатской. Правда о войне — одна. Писателя на самом деле не без оснований возмущает хвастливость многих мемуаров, которую он приравнивает к юбилейной трескотне. А к этому причастны, увы, и сами авторы воспоминаний.

Наконец, те учреждения, которые претендуют руководить освещением войны, могли бы вспомнить, наконец, настоячивые призывы Симонова и многих его единомышленников сохранить воспоминания всех участников войны. Нам знакомы завершенные уже книги воспоминаний полковника в отставке К. Будрина «На Барвенковском выступе» и «В боях за Дон». Это — офицерские воспоминания. Военный кругозор их авторов часто был ограничен несколькими километрами вокруг их боевых позиций. Но исход войны решали во многом именно эти люди. За их счет и за счет их подчиненных исправлялись роковые просчеты маршалов. Их мысли очень важны для истории. Но военное и ряд других издательств предпочитают переиздавать книги, ранее опубликованные у нас или за рубежом. Это удобнее и выгоднее с точки зрения рыночной. Заключая разговор о воспоминаниях, нужно сказать: пока мы не преодолеем негодных традиций в военной мемуаристике, мы не покончим со сталинизмом в сознании миллионов людей.

¹ История СССР. 1991. № 2. С. 9.

Сталинизм должен быть искоренен и из советской критической литературы о западной историографии. Здесь до сих пор превалирует сектантская тенденция. В т. 12 многотомника о второй мировой войне вся «буржуазная» литература была названа «реакционной». Авторы ряда новейших изданий безответственно полагают, что она в целом состоит на службе империализма, т. е. сбрасывают ее со счетов. В 1988 г. переиздана подобная книга «Правда и ложь о второй мировой войне» (О. Ржешевский и другие) без какой-либо существенной переработки, хотя она была написана в худших традициях и подвергалась в научной литературе принципиальной критике. Авторы книги нарочито игнорируют негативное отношение к фашизму большинства германских историков, пытаются убедить в том, что в ФРГ правят бал бывшие гитлеровские генералы, что эта страна — «экспериментальное поле для неофашизма». Ни словом не обмолвились авторы о 10-томном издании «Германская империя и вторая мировая война» — одном из лучших на Западе исследований по истории Германии 30—40-х гг. Известные нам 6 томов издания никак нельзя в целом отнести к «буржуазным фальсификациям». Авторы разделяют ложное представление о социальных функциях и методологии немарксистской историографии. Как объяснить ее несомненные достижения, если она «базируется на идеализме, прагматизме, волюнтаризме и других реакционных учениях»? Нелепо звучит нарочито вырванная из контекста часть ленинской фразы буржуазным профессорам «нельзя верить ни в едином слове». Грубо односторонний подход к инакомыслящим клеветнически называется ленинским и преподносится как «надежный критерий» в оценке историографии. Многие из подобных критиков — частые гости историков США, ФРГ, Англии. Можно представить, как трудно им во время их встреч преодолевать в себе негаснущее чувство к «угодникам империализма»¹.

Подобная тенденция сохраняется в прессе. «Красная звезда» 4 июня 1991 г., оценивая новейший фильм ФРГ «Вставай, это — война!», ошибочно называет его «первой попыткой пробить брешь молчания о подлинном характере этой войны». На самом деле в Западной Германии, тем более Англии, США, Франции многие реалистически мыслящие историки, писатели, кинематографисты стремились к утверждению правды о характере этой войны, начиная с 1939—1945 гг.

В советской литературе представлена и объективная тен-

¹ Великая Отечественная война. 1941—1945. Словарь-справочник. М., 1988. С. 202—203; Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1988. С. 284, 294—295 и др.

денция. Так, в труде Самсонова «Память минувшего» (1988) наряду с осуществлением других замыслов автора обобщен опыт плодотворных контактов широко известного в стране и за рубежом советского специалиста по истории войны с Дж. Эриксоном (Англия), Г.-А. Якобсеном (ФРГ) и иными крупными учеными из стран Запада. Подчеркнем, что эти две противоположные тенденции существовали в СССР, по крайней мере, с 60-х гг. Мы не можем согласиться с Некричем, который утверждает, что в СССР «просто отвергали» всех инакомыслящих. В. Согрин, еще недавно не ведавший дифференцированного подхода к инакомыслящим, также утверждает, что стремление разоблачить во что бы то ни стало было присуще поголовно всем советским работам о немарксистской историографии. Это не так.

Унаследованный вместе с либеральной и демократической традицией российской историографии научный подход к исследователям иных направлений никогда не умирал среди лучшей части советских историков. Достаточно назвать в этой связи одного из них — профессора Московского, Ашхабадского, Воронежского университетов И. Бороздина. Носители этого подхода не были пассивны. Опираясь на соответствующую четко выраженную научную и политическую позицию Маркса, Энгельса, Ленина, они активно стремились нейтрализовать влияние догматиков, в частности, в литературе о войне. С полным основанием Гареев выделяет в советской литературе о зарубежной историографии второй мировой войны две группы трудов. Первые из них отличаются «предвзятостью», их авторы (О. Ржешевский, А. Якушевский и другие) «совершенно не приемлют критических замечаний, относящихся к нашей стороне, даже в тех случаях, когда зарубежными историками дается более объективная оценка тех или иных событий». В трудах же второй группы представлен «широкий и более объективный анализ зарубежной историографии»¹.

Ряд историографов показал, в частности, что не только в Англии, США, Франции, где прогрессивная традиция не прерывалась, но и в ФРГ после окончания войны эта традиция получила серьезное развитие. Задача преодолеть фашистское прошлое не была голой пропагандой, как подчас понимали в СССР. Решение этой задачи плодотворно повлияло на общественную жизнь страны. В обновлении ФРГ большую роль сыграла историография. Скомпрометировавшие себя сотрудничеством с фашизмом историки старшего поколения еще на рубеже 50—60-х гг. уступили место молодым реалистически мыслящим ученым. Они воссоздали теоретические основы науки, демократизировали ее, установили широкие связи с за-

¹ Цит. по: Мужество. 1992. № 5. С. 173—174.

рубежными исследователями. Ведущие историки ФРГ отмежевались от многих фашистских, других крайне консервативных искажений и внесли значительный вклад в восстановление правдивой истории войны. Уже отмечалась необходимость переосмыслить написанное о войне. Предметом такого исследования в СССР должна стать и зарубежная литература о войне. Дело в том, что многие темы, бывшие под запретом, уже изучены за рубежом, война лучше, чем в СССР, освещена с точки зрения его бывших союзников и противников.

Использование достижений зарубежной историографии немислимо до тех пор, пока не будет выработано нормальное к ней отношение: без предубеждения, но и без некоего поклонения. Дело в том, что зряшное отрицание немарксистской историографии сменилось в ряде изданий весьма странной позицией. Уже сообщалось о бестолковом и вредном заимствовании термина «тоталитаризм», гитлеровской легенды о «превентивной» войне Германии против СССР. «Красная звезда» (18 июня 1991) дала трибуну американскому журналисту А. Аксельбанку. Его представления о минувшей войне далеки от подлинной истории, зато близки к представлениям издателей газеты. Вслед за самим «великим вождем» Аксельбанк считает, что в 1939—1941 гг. Сталин «перехитрил» Гитлера. Красная Армия «была хорошо подготовлена к войне». Нападение было неожиданным лишь с «тактической и технической точек зрения», но даже временное военное превосходство Германии «обернулось выигрышем для Сталина... мир ясно увидел, что Гитлер является агрессором». На западе — плюрализм, и главный редактор И. Панов мог бы при желании подобрать практически любую точку зрения, но почему читатель газеты вынужден читать подобное историографическое юродство? Подчас эта газета весьма своеобразно «совершенствует» западных историков, освобождая их концепции от неудобных ей моментов. Так она поступила с Якобсоном, убрав из его представлений о происхождении войны мысль о том, что Сталин не хотел нападать на Германию в 1941 г., но не известно, как он повел бы себя при первой же неудаче Гитлера в войне с Англией. Анфилов и другие авторы в 1989—1993 гг. легко приняли на веру то, что недавно еще гневно отвергали. Их работы пестрят ссылками на весьма устаревшие по меркам ФРГ книги Ф. Меллентина, Б. Мюллер-Гиллебрандта, К. Типпельскирха и других генералов вермахта¹.

Тем, кто занят перестройкой своей науки, не может быть безразлично отношение зарубежных ученых. На Западе в связи с перестройкой в СССР резко усилилось внимание к

¹ См. также: Соколов Б. В. Цена победы. М., 1991. С. 32 и др.

советской историографии. Видный германский специалист по истории СССР профессор Бохумского университета Б. Бонвеч высоко оценивает попытки ряда советских исследователей переосмыслить важные события прошлого¹.

Небезынтересна и критика наших соотечественников, которая нередко раздается на международных конференциях. Так, в июне 1991 г. на конференции по истории второй мировой войны в Лидсе (Англия) были высказаны справедливые упреки по поводу малоинформативного характера выступлений советских историков А. Борисова и О. Ржешевского.

5

О культуре дискуссии в советской литературе о войне. Отметим в первую очередь знакомые нам с 30-х гг. догматические нападки на критику негативного в советском обществе. Ей приписывают «оскорбление» социалистических идеалов. Новые же антимарксисты одну односторонность меняют на другую. В литературе с охранительными тенденциями, например, пакт 23 августа считают выгодным исключительно Советскому Союзу. Эти же авторы, наоборот, — исключительно Гитлеру. Даже явное методологическое родство со сталинизмом не смущает приверженцев второго тезиса.

Часто доводят до абсурда неудобные позиции оппонентов. Так, в уста критиков сталинизма вкладывают ложные утверждения, вроде: «наша история — сплошь отрицательная», «все наши беды исключительно по вине Сталина». Тезис об ослаблении по вине Сталина и его группы в ВКП(б) и Коминтерне международного антифашистского фронта преднамеренно превращается в утверждение: «фашизм пришел к власти по вине Сталина». Критикам внешней политики Сталина приписывают тезис о «равной ответственности Германии и СССР за развязывание второй мировой войны». Журналисты из «Красной звезды» необоснованно обвинили «Известия» в «пропаганде сдачи в плен».

Фактически ученых лишают права совершенствовать свои взгляды. И. Стаднюк в своем «открытом письме» А. Самсону уходит от обсуждения вопроса, был ли Сталин великим стратегом, с помощью убогого приема «сам каков, а ты где был, а как ты раньше писал?». Такой же способ уйти от обсуждения проблемы применен оппонентом Дашичева. Хорьков с места в карьер переходит к «доперестроечным публикациям» оппонента, не говоря ни слова по существу поставленного вопроса.

¹ Osteuropa. 1988. № 6. S.457—469; Вопросы истории КПСС. 1989. № 10. С. 134.

Переоценка «вождя» свойственна в последние годы десяткам миллионов людей, но эти авторы нарочито выбирают в качестве своих мишеней труды, к сожалению, пока немногих историков, вносящих реальный вклад в перестройку. Малопродуктивна статья Анфилова. Увлечшийся тем, что писал раньше Ю. Афанасьев, автор так и не дошел до действительно ошибочных современных позиций своего оппонента. Наблюдается нечестное вырывание из критикуемого текста фрагментов, пригодных для той или иной сиюминутной надобности. При этом позиция оппонента, естественно, искажается. Носители традиционной методологии и идеологии пытаются прибегать к приемам, ранее действовавшим безотказно. Так, в декабре 1990 г. руководство Центрального телевидения получило письмо Г. Куманева, О. Ржешевского, Р. Савушкина с требованием запретить передачи, освещающие войну не с «тех позиций». Используются анонимки. Один из пасквилей, столь характерных для «Военно-исторического журнала» 1989—1991 гг., был подписан именем вымышленного «доктора экономических наук капитана в отставке А. Залкинда».

Распространено стремление ретушировать сталинизм, ограничить критику различными оговорками. Выдают Сталина за жертву бюрократического аппарата, пытаются возложить главную вину на Г. Ягоду, Н. Ежова, Л. Берия. Не понимают при этом, что само существование этого ряда палачей вскрывает их сугубо служебное место в авторитарной системе Сталина. Конструируют несостоятельное понятие «бериевщина» как «стремление к лидерству». Остаются поныне мифы о психической ненормальности Сталина, о его стремлении к покаянию перед смертью, его скромности, его «страданиях» по поводу пленения сына Якова и принципиальном отказе обменять его на фельдмаршала.

Большинство авторов, пытающихся эклектически соединить элементы научной и сталинистской концепций истории войны, группируются вокруг журналов и газет оборонного ведомства. В «Красной звезде», «Военно-историческом журнале», «Сыне Отечества» и некоторых других изданиях 1989—1991 г. господствовали такие трактовки военного прошлого, которые не согласуются с личным опытом большей части населения страны. Они рассчитаны на читателя с неразвитым интеллектом. Ничтожен вклад Военного издательства в перестройку знания о войне. Оно остается одним из самых дурно идеологизированных, далеких от науки учреждений. Особого внимания заслуживает «Военно-исторический журнал», в истории которого, если верить его редакции, в 1989 г. начался «революционный этап»¹.

Весьма скромные успехи журнала несоизмеримы с гигант-

¹ Подробнее см. нашу статью // Вопросы истории. 1991. № 2—3.

скими возможностями его издателей. Отбрасывая свои традиции, он превратился в рупор вечно вчерашних, которые ничего не забыли и ничему не научились. Его политическая тенденциозность проявлялась не только в прямых призывах возродить старую систему, которую он по привычке называет «социалистической», плохо скрываемом шовинизме и антисемитизме, крайней нетерпимости к инакомыслящим в политике и науке, но и в открытом восстановлении сталинских представлений об истории, нечестных попытках престижем армии прикрыть преступления сталинизма.

Слабое знакомство журнала с историей и политизированность ярко проявились в трактовке так называемого «катынского дела». В течение десятилетий Сталин и его преемники тщетно пытались скрыть преступления НКВД. Наконец истории получили доступ к документам, и шаткая конструкция и до того не объяснявшая многих действительных фактов, рухнула. Убийство нескольких тысяч польских офицеров было признано Советским правительством¹. Однако журнал продолжал отстаивать несостоятельную версию. Известно ли было редакции, что убийство русских, поляков, лиц других национальностей под Катынью давно перестало быть проблемой истории войны и превратилось в предмет идеологической борьбы послевоенных лет, что с общечеловеческой точки зрения убийство Сталиным или Гитлером нескольких тысяч крестьян Нижегородской области, интеллигентов Люблинского воеводства или рабочих Рура заслуживает не меньшего внимания историков и журналистов, чем истребление польских офицеров под Катынью? Наконец, знал ли Филатов, что гигантскую пропагандистскую кампанию вокруг «катынского дела» организовал Й. Геббельс, чтобы поссорить антифашистов, и что сокрытие правды лишь способствовало успеху этой кампании?

Резко изменился в 1989—1991 гг. авторский коллектив журнала. Компетентность этих людей обратно пропорциональна их тенденциозности. Это проявилось, в частности, в статьях, которые по названиям своим призваны быть историографическими. Такие статьи могут написать только наиболее грамотные специалисты. Однако происходит наоборот, в качестве критиков здесь выступают философы, экономисты, журналисты, беллетристы, переводчики и даже химики. Так увидели свет полуграмотные или просто неграмотные статьи и заметки С. Азарьева, Н. Андреевой, В. Карнаухова, Е. Рыбкина. Многие из них преднамеренно избегают советскую научную и публицистическую литературу последних лет.

Было бы неверно думать, что сталинистские традиции сохранились лишь в учреждениях МО СССР. Они были сильны,

¹ См.: Катынская драма. М., 1991.

например, в АОН при ЦК КПСС. В этих традициях выдержаны материалы Центра социологических исследований АОН, изданные в апреле 1991 г. к международной конференции историков. В них осуждаются «очернительство» истории войны, принижение роли КПСС, критика социализма, социалистической идеологии, попытки «свалить все просчеты на Сталина и его окружение», принижение международного значения победы СССР. Это представляется некорректным. Что называть «очернением», о каких «социализме» и «социалистической идеологии» идет речь? Сохранению мифов о Сталине, Жукове и других приближенных «вождя» способствуют Ю. Бондарев, В. Карпов, В. Пикуль В. Успенский, А. Чаковский и некоторые другие писатели, а также ряд кинодеятелей. К счастью, их книги и фильмы «Освобождение», «Победа» настолько похожи на многие десятки себе подобных, что легко исчезают из памяти.

В начале 1992 г. новые лидеры, очевидно, по соображениям «антикоммунизма» стали призывать прекратить писать и говорить о войне. В ряде библиотек даже изъяли некоторые книги. Лидеров можно понять, трудно говорить о победе, не упоминая ненавистных им бывших СССР и ВКП(б). В конце года нам удалось издать книжку «Довольно о войне?». Были другие критические выступления. Официальная «Красная звезда», замолчавшая 50-летие начала Сталинградской битвы, признала свою «оплошность» в связи с юбилеем окончания битвы. Но было бы неверно полагать, что уже в 1993 г. все наладилось с исследованием сталинизма и войны.

В целом пресса, научные учреждения довольно вяло откликнулись на 50-летие Сталинградской битвы, на 9 мая и 22 июня. Даже в статьях, передачах, громко именуемых «аналитическими», мы не обнаружили что-либо существенно новое. Почти издевательски звучали без конца повторяющиеся пустые слова о ветеранах, которых с каждым днем становится меньше и которым так тяжело жить. Приведем примеры из ведущих газет, вышедших 22 июня. «Правда» вновь предоставила слово И. Стаднюку. Он пытается оправдать Сталина: внезапность 22 июня 1941 г. носила будто бы лишь тактический характер; «вождь» был «объективно прав», кровавыми приемами укрепляя свою власть в предвидении столкновения с империализмом; накануне войны «Сталин прекрасно понимал ситуацию». Подчеркнуты и его «выдающиеся заслуги перед всем миром в разгроме германского фашизма». Весьма спорна версия (Стаднюк ссылается на Молотова): вылет Р. Гесса в Англию в мае 1941 г., вероятно, в целях антисоветского сговора, исключил возможные наступательные действия РККА против изготавившегося к агрессии вермахта. Но это не объясняет поражений РККА. Был и другой вариант — надежная активная оборона. Если б Сталин боялся антисоветского гер-

манско-английского блока, именно этот вариант с особой силой выдвигался бы на первый план. Наивен тезис И. Стаднюка — А. Хрулева (из Института атомной энергии): Сталин будто бы преднамеренно провоцировал нападение Германии, нарочито показывая неготовность СССР к обороне. Писатель вновь показал свои большие претензии и малые возможности. Не помогли и обильные ссылки на Молотова, который, по словам Стаднюка, был с ним очень откровенным.

«Красная звезда» опубликовала материалы своего активного автора Анфилова. Не скрывая негативных последствий внезапности, он возложил ответственность за них исключительно на Сталина. Но приведенные им же факты свидетельствуют о прямой причастности к поражениям РККА, как и последующим попыткам Сталина найти козла отпущения, также Жукова, Мехлиса, Тимошенко, Шапошникова. Не были «стрелочниками» и руководители Западного фронта. Позиции автора отнюдь не усиливают постоянные ссылки на его будто бы доверительные беседы с Жуковым, как и его постоянные попытки представить себя «пострадавшим за правду» в годы застоя.

В «Комсомольской правде» А. Афанасьев справедливо отверг фашистскую версию нападения на СССР, постоянно подогреваемую далекими от науки лицами теперь и на книжном рынке РФ. Однако нельзя принять в качестве довода то обстоятельство, что «до сих пор не удалось обнаружить» план нападения СССР на Германию. Один из авторов тезиса об «украденной победе» Афанасьев снова подчеркивает, что слова «Великая Отечественная» война народа (а не сталинизма!) против оккупантов всегда будут писать с большой буквы. Отмечая ответственность фашизма за минувшую войну, его корни автор ошибочно находит главным образом в масонстве.

«Известия» нашли место для содержательной статьи П. Бобылева об оперативно-стратегических играх на картах в Генеральном штабе РККА. Автор вскрывает ошибки штаба и лично Жукова, которые отнюдь не укрепляли нашу оборону накануне агрессии. Данное редакцией (не автором!) название статьи — «В январе сорок первого Красная Армия наступала на Кенигсберг» — продолжает традицию газеты, недавно опубликовавшей отрывки из пресловутого «Ледокола»¹.

«Независимая газета» в куцей заметке Е. Александрова без доказательств «ниспровергла» многие научные суждения о войне. Таковы односторонние утверждения: «Великая Отечественная трагедия», нелепый тезис о войне как «самоубийстве России — советской империи». Агрессия против СССР, по мнению автора, была вызвана... желанием «властителей России/СССР» решать непреодолимые внутренние противоречия

¹ Ср.: Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 29—45.

на путях успешной войны». Упоминаются и «разгул национальных страстей», «непредсказуемый и необъяснимый биопсихический срыв, вдруг овладевающий этносами». Фашизм же с его преступлениями обойден молчанием. В соответствии с известной «программой» этой газеты преувеличивается место коллаборационизма в СССР. Аналогичны публикации «Нового времени». В статье А. Якушевского ошибочно отождествляется отношение к военнопленным в вермахте и РККА. Это — фактическая реабилитация фашизма, организовавшего планомерное уничтожение советских пленных¹.

Ряд изданий коснулись потери СССР в войне. Если «Красная звезда» (Ю. Рубцов) по долгу службы вновь и вновь поддерживает составителей сборника «Гриф секретности снят», явно преуменьшая потери РККА, то «Независимая газета» (Б. Соколов) впадает в противоположную крайность. Источники и аргументы ее автора не ясны, некорректно применяются понятия. Характерно, что вслед за старой официальной историографией на первое место в ряду источников победы СССР ошибочно ставят «систему», хотя и называют ее «тоталитарной». Много спорного и просто абсурдного было в передачах «Радио России». Г. Бакланов заявил, что войну можно изучать лишь по художественной литературе, что в СССР до войны будто бы было сделано все, чтобы проиграть ее.

Особо отметим выставку в Центральном музее Отечественной войны на Поклонной горе. В целом мы разделяем замечания П. Балашова, М. Синельникова, В. Тельпугова об этой выставке. Она достаточно полно отражает обстановку в нашей военной историографии. В отобранных материалах нет «соразмерности и сообразности», нет четкого плана их размещения, прослеживается фрагментарность. На выставке представлены самые различные тенденции: от непреодоленных еще сталинистских и неофашистских. Именно из неофашистской или иной реакционной публицистики заимствовали наши политики и публицисты по меньшей мере спорную мысль и об агрессорах, и о пострадавших от них как «жертвах войны». Эту фактическую реабилитацию фашизма не прикрыть ложной трактовкой общечеловеческих ценностей. Подлинные гуманисты не станут отождествлять убийц и павших от их рук. Очень сильно повлияли на выставку сиюминутные политические соображения. Часть экспонатов имеет к теме войны самое отдаленное отношение. На выставке нарочито вытеснен красный цвет, но разве не такого цвета было знамя победы?

Чем объяснить, что обновление военной историографии происходит чрезвычайно медленно? На наш взгляд, те современники или преемники Сталина, которым была выгодна депотическая система, продолжают влиять на общественное мне-

¹ См.: Новое время. 1993. № 25.

ние. Действуют способность человеческой памяти забывать все отрицательное; ностальгия ветеранов, чья юность совпала с войной. Большинство военных историков отличают авторитарное мышление, низкая профессиональность, а следовательно, им импонирует и большая доступность примитивных сталинских подходов. Они боятся потерять монопольное положение в литературе. Восстановление правды о войне неизбежно повлечет за собой перестройку воинского воспитания солдат, офицеров, генералов. Многим консервативно настроенным лицам представляются удобными привычные стереотипы. Они не могут понять, что такие подходы к прошлому были эффективны до поры до времени лишь в условиях насилия и страха, в условиях социальной инфантильности населения и армии.

Знания о войне пребывают в довольно безрадостном состоянии. Они представляют собой огромный массив строго сепарированной и тиражированной в многочисленных статьях и книгах односторонней информации. Наряду с ней в последние годы фактически вопреки официальной историографии увидели свет значительные, но, как правило, разрозненные, неполные сведения о другой — негероической стороне войны. В целом же история этого одного из крупнейших событий отечественной и всемирной истории в СССР—РФ остается не изученной. Многие важные проблемы не исследованы вообще или исследованы лишь частично, хотя они и были представлены публике давно решенными.

Покажем это в первую очередь на примере периодизации войны. Современная ее схема заимствована из выступлений Сталина. Ее основу составляет тезис о «годе коренного перелома» (1943). Эта система оставляет вне борьбы за перелом Московскую битву, по существу завершившую поворот в ходе мировой войны. Тенденциозно выдвинутые Сталиным на первый план Сталинградская, а также Курская битвы проходили под знаком именно побед 1941 г. Для обоснования схемы потребовалось «перенести» наиболее тяжелый для СССР момент войны с лета—осени 1941 г. на осень 1942 г., а заодно резко преувеличить значение летних достижений вермахта и поражений советских войск на юге.

Московской битве отведено рядовое место между 22 июня 1941 г. и 19 ноября 1942 г., что основано также на недостаточном знании противника, его ограниченных экономических и социально-политических возможностей. Именно это вынудило его прибегнуть к доктрине скоротечных войн, составившей основу политики и стратегии фашизма. Сталин и его преемники не могли или не хотели понять, что именно события первых месяцев войны, несмотря на поражения РККА, еще до начала контрнаступления под Москвой сорвали главные расчеты фашистов. Крах планов быстрой победы означал провал всего Восточного похода в целом. Поражение стало

лишь вопросом времени. В Германии началась лихорадочная перестройка всех военных и экономических планов. Новые планы были еще в большей мере авантюристическими, чем «Барбаросса», поскольку их пытались нацелить на затяжную войну, бесперспективную для этой страны. По мнению одного из приближенных Гитлера Н. фон Белова, зимой 1941/42 гг. германская армия оказалась на краю пропасти, произошел великий перелом в ходе мировой войны. Именно «после зимнего кризиса 1941/42 гг. Й. Риббентроп и другие предлагали Гитлеру заключить со Сталиным сепаратный мир, Гитлер отверг это, полагая, что Сталин не пойдет на переговоры»¹.

В то же время чрезмерно преувеличиваются на деле весьма ограниченные достижения контрнаступления под Москвой. Лишь в 1995 г. Гареев, одним из первых в отечественной литературе, с полным основанием отметил, что ни в одной из запланированных наступательных операций второй фазы Московской битвы не удалось достичь поставленных целей. Автор объясняет это плохим знанием противника, недостатком сил и средств, ограниченным временем, отведенным Сталиным. Жуков и другие генералы оставлены в тени. Вермахт действительно был отброшен от столицы. Но не было «блестящих побед». Немцам удалось закрепиться довольно близко от Москвы, на некоторых участках всего в 120 км. К подобному выводу пришел и Д. Гланц (США): «Во время зимней кампании немцы были отброшены от ближних подступов к Москве, но главная цель — разгром группы «Центр» не была достигнута». В последнее время ряд авторов высказал новые суждения о событиях 1941 г. В. Фарсобин критически рассматривает Ельнинскую операцию. Кажущийся успех под Ельней обернулся «прорывом фашистских войск под Вязьмой, открытой дорогой на Москву». По мнению С. Митягина, попытки наступать в 1942 г. по всему фронту были большой «потемкинской деревней». Боясь послушаться Сталина, генералы лишь изображали наступление.

Советская историография за несколько десятилетий не сумела выработать научного понятия «перелом в ходе войны». По-прежнему «коренной перелом в развитии советской военной экономики» рассматривается в отрыве от военно-экономического противоборства СССР и его главного военного противника Германии. Такой подход изначально обрекает ученого останавливаться в начале пути². Невнимание к понятиям влечет за собой деформацию исследовательского процесса. Авторы 12-томника и их последователи отождествляют перелом с захватом стратегической инициативы. По нашему

¹ Below N. Als Hitlers Adjutant 1937—1945. Mainz. 1980. S. 299—300.

² См., например: Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942—1943. М., 1989. С. 9 и др.

мнению, этот захват лишь завершает перелом. Иногда утверждают, что инициатива была захвачена в феврале, а перелом произошел лишь в декабре 1943 г. Нельзя сказать, что историки не пытались изменить схему периодизации. По инициативе Жилина, например, был введен наряду с термином «перелом» термин «поворот» — специально для обозначения роли Московской битвы. Но это лишь внесло путаницу, тем более что названные слова суть синонимы. Авторы поправки до сих пор не ответили на вопрос, когда завершился поворот и начался перелом. Разной в самом понимании сущности перелома, его хронологических рамок остается и поныне. Наши работы об этом оставлены без внимания¹.

Продолжается спор о датировке начала второй мировой войны. Еще Сталин отнес начало «новой империалистической войны... от Шанхая до Гибралтара», начало «нового передела мира» к 1937 г. И хотя «вождь» оговаривается, что это не была еще мировая война, суждение его о войне «империалистической» принять нельзя. По примеру первой мировой войны так принято называть войны империалистических держав между собой. Вторую же мировую войну, захватническую лишь со стороны фашистских держав, мы уже так не называем. Локальные войны 1937—1939 гг. были империалистическими лишь со стороны Германии, Италии, Японии. Тезис Сталина пытаются возродить в той или иной форме и в наши дни.

Якушевский, на наш взгляд, искусственно связывает принятое во всем мире мнение о начале второй мировой войны 1 сентября 1939 г. с тезисом западных крайних консерваторов о советско-германском пакте 23 августа 1939 г., будто бы открывшем зеленый свет войне Гитлера. На самом деле начало войны отнесено к 1 сентября по другой причине. В этот день началась не только локальная война (Германия напала на Польшу). Сразу же после этого в войну вступили Англия и Франция. Иными словами, началась война между великими державами. Через 16 дней в войну фактически вступил СССР, введя свои войска в западные области Украины и Белоруссии. Нейтралитет США по отношению к войне в Европе уже в это время также был весьма условным. Япония же с 1931 г. находилась в состоянии фактической войны с Китаем. Вызывает большие сомнения выделение Якушевским «первой, локально-очаговой фазы» второй мировой войны (1935—1939). Напомним, что первой мировой войне также предшествовал ряд локальных войн, но ее начало в мировой историографии относят тем не менее лишь к моменту вступления в войну главных участников. Не нужно обладать богатой фантазией, чтобы найти региональные войны и до нападения Италии на Абис-

¹ См.: Исторический подвиг Сталинграда. М., 1985. С. 337—388. Ср.: Армия. 1993. № 4. С. 18—26.

синию в 1935 г. и выделить еще один период второй мировой войны и даже слить ее с первой. Впрочем, и эта идея не стала бы открытием. Один из постулатов фашистской пропаганды гласил: первая мировая война продолжается, пока Германия не обеспечит себе «жизненного пространства». Не требуется «отдалять» начало войны от 23 августа. В СССР и за рубежом опубликованы многие документы, воспоминания, исследования, которые показывают, что фашисты напали на Польшу независимо от существования пакта.

Представляется актуальным продолжить изучение или впервые приступить к изучению важных проблем генезиса и политического характера войны. Необходимо освободиться от идеологизированных, в том числе сектантских влияний на оценку фашизма и его «умиротворения». В нынешней литературе сохранилась, в частности, сталинская манера сосредоточивать огонь критики на Великобритании в ущерб научному анализу главного виновника войны.

Сталин оставил своим преемникам несколько взаимоисключающих оценок политического характера второй мировой войны — от несправедливой с обеих сторон до справедливой — со стороны фашистских, то со стороны нефашистских держав. Вспыхивавшая время от времени дискуссия историков вновь затихла. Проблема и поныне до конца не изучена. Противоречиво трактуется, например, характер войны со стороны Польши в 12-томнике. В т. 1 отмечается, что в целом со стороны этого государства война с самого начала была справедливой. Но с этим не согласуется обильный материал, приведенный в т. 2. Не убеждает и довод «о жертве агрессии». «Жертвой» может стать и другой агрессор. Авторы т. 2 сообщают, что возможность «всемирной войны» в Польше в 1939 г. не была реализована вследствие господства «наиболее реакционных сил буржуазии и крупных землевладельцев», делавших «ставку на дальнейшую фашизацию». Накануне войны они вступили в «преступный союз с гитлеровской Германией», участвовали вместе с ней в разделе Чехословакии. Довоенная Польша вела антисоветский курс, стремилась «расчленить Россию», создать польское государство от «моря до моря», «коалиция Англии, Франции, США, Польши сорвала коллективный отпор агрессору» и «фактически расчищала дорогу» ему. Авторы исходят из того, что вторая мировая война была продолжением империалистической политики двух группировок государств. Существует мнение о том, что Польша представляла собой исключение из ряда этих государств. Однако авторы не показали этого¹.

¹ История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975. Т. 1. С. XII; Т. 2. С. 83, 110, 114, 275, 346—348, 351—353, 394, 400—401, 413, 435, 436. Ср. со ст. Семиряги М. И. // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 90—106.

До последних лет в СССР дружно одобряли как заведомо безукоризненное, в высшей мере плодотворное все, что было связано с внешнеполитическим курсом 1939—1941 гг.¹ Необходимо, однако, подвергнуть этот курс исследованию, выяснить его теоретические предпосылки; отношение Сталина к миролюбивым силам, группировкам государств; имперские тенденции в его дипломатии 1939—1940 гг., в первую очередь войну против Финляндии; освободить от апологетических и нигилистических крайностей оценку пакта 23 августа 1939 г. Едва ли проблема пакта представляла собой некие историографические и источниковедческие сложности. Даже скрытые от общественности секретные приложения в ближайшие же дни и недели после подписания пакта стали явными. Дело в другом. На протяжении нескольких десятилетий советские дипломаты, юристы, историки, публицисты на бесчисленных политических и научных международных конференциях неумно отстаивали выдвинутый Сталиным ложный тезис об этом пакте. Основу их позиции составляли нежелание отмежеваться от политики диктатора, часто ошибочной или просто преступной; наивное опасение, что открытое ее осуждение нанесет ущерб престижу страны. Аргументация была крайне примитивной. Они не добились даже сомнительного сиюминутного эффекта, потеряли же чрезвычайно много и в политическом, и в нравственном отношении. Умолчание всегда давало сильное оружие в руки оппонентов. Начиная с Нюрнбергского процесса в центре многих антисоветских построений был тезис о «сговоре двух диктаторов за счет третьих стран»².

Очень важно раскрыть взаимодействие прогрессивных и регрессивных тенденций во внешней политике, не прикрывать преступления клики именем СССР, народа, партии. Недопустимо мало внимания уделено диалектике общечеловеческого и классового, национального, учитывая, что фашизм угрожал всей земной цивилизации. Ждет всестороннего анализа участие СССР в антифашистской коалиции государств и народов. Весьма актуальным с точки зрения современных задач представляется далеко не полностью освоенный опыт борьбы различных антимилитаристских сил. Подчас можно встретить еще ошибочные тезисы о разгроме фашистского блока силами одного лишь СССР, об СССР как «главе коалиции», преуменьшение вклада того или иного народа, государства, социальной группы. Односторонне представлены в литературе попытки воевавших стран заключить сепаратные

¹ Анфилов В. А. Незабываемый сорок первый. М., 1989. С. 36.

² Лишь в некоторой мере это раскрыто в Сообщении Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года и других материалах Второго съезда народных депутатов СССР // Известия. 1989. 25, 27 декабря.

соглашения с противником. Аналогичные действия Сталина лишь кратко отражены в статье Павленко.

Не восстановлена общая картина развития обороны СССР в предвоенные годы, военного строительства, военной доктрины, оборонной пропаганды. Не освещена проблема «ВКП(б) и Красная Армия» в предвоенные годы. Сугубо произвольные решения Сталина то о введении, то об упразднении института военных комиссаров в 1937—1942 гг. историки до сих пор нарочито обходят молчанием. Остаются не исследованными репрессии против руководства РККА, оборонной промышленности и других групп населения в 30—50-е гг., их причины, масштабы, непосредственное и длительное влияние. Противоречиво и поверхностно изложены поражения Красной Армии в 1941—1942 гг., особенно фактор внезапности, его суть применительно к условиям советско-германского фронта, ответственность за внезапное нападение, его непосредственные результаты и влияние на руководство войной, на ее ход и итоги, последующее развитие страны. Совершенно не изучено сталинистское руководство войной. В свете критики сталинизма нужно изучить деятельность центральных и местных политических, военных, экономических и иных учреждений, различных руководителей, в том числе и таких одиозных, как Л. Берия, Л. Мехлис. Не показаны диалектика авторитарного и демократического на фронте и в тылу, ВКП(б) как воюющая партия, политаппарат РККА как типичная для авторитаризма бюрократическая надстройка, его роль в обеспечении победы; пропаганда военных лет, ее достижения, пороки и недостатки. Важно проверить, насколько обоснованно мнение о Ставке как органе коллективного руководства. Нужно без эмоций и личных пристрастий исследовать роль каждого советского полководца. До тех пор не строить им памятники, чтобы снова их не ломать.

Создать действительную историю народного ополчения, боевых действий советских войск в окружении. Не выдавать эту страшную нужду за добродетель. Продолжить начатое несколькими энтузиастами исследование действий советских войск под Белостоком, Киевом, Могилевом, Вязмой, Ржевом, Харьковом. Ждет своих исследователей важная и трудная тема «Судьбы пленных из числа военнопленных РККА, ее союзников и противников». Недостаточно изучены и такие, казалось бы давно исследованные проблемы, как особое значение оборонительных действий Красной Армии в июне—ноябре 1941 г. в свете провала ставки вермахта исключительно на скоротечные войны; как битвы под Москвой, Сталинградом, Курском, Ленинградом, их международное значение.

Несмотря на обилие работ о партизанском движении, остаются не исследованными важные его моменты: возникнове-

ние и этапы развития, его подготовка в довоенное время, соотношение в нем сознательности и стихийности, его особенности, соответствие международному праву, роль партии в партизанской войне, тыл движения, борьба партизан против коллаборационизма, контрпартизанские акции фашистов. Нет единого мнения о самом понятии движения, его формах и способах действий, его возможностях в городах и др. Назрело создание современного монографического исследования антифашистского Сопротивления в странах Европы и Азии. Даже в официальных выступлениях во время войны Сталин недооценивал его. Это было по меньшей мере заблуждением. Например, югославские партизаны, начиная с 1941 г., держали оборону против Германии и ее союзников, подчас сковывая более 30 их дивизий. Это был самый эффективный фронт после Восточного и (с июня 1944 г.) Западного. Среди историков нет единого мнения о понятии Сопротивления, его движущих силах, патриотическом и социальном в нем, формированиях, руководимых различными политическими партиями, о национальных особенностях этого явления в различных странах, коллаборационизме и др. Незнание ряда проблем Сопротивления, например, «восстания в Варшаве 1 августа 1944 г. и позиция СССР», используется определенными силами в современной антисоветской пропаганде. Это прямо относится и к до сих пор не изученному коллаборационизму на советско-германском фронте.

Множество частных публикаций о преступлениях сталинизма лишь создает иллюзию изученности темы. В действительности история репрессивных акций Сталина и его аппарата на фронте и в тылу не написана. Важно поэтому показать, насколько целесообразны были в условиях провозглашенного морально-политического единства советского общества ГУЛАГ, штрафные формирования, введение на фронте смертной казни красноармейцев через повешение, каковы были их масштабы, реальная роль в обеспечении победы. У нас нет специальных трудов о дезертирстве в РККА.

Пагубные последствия оставил сталинизм в освещении экономической истории войны. Апологетически оценивал Сталин в целом советскую экономику военных лет, перемещение части ее на Восток, повлекшее громадные издержки¹. Он ввел термин «слаженное военное хозяйство», каким оно в действительности никогда не было. За трескучими фразами вроде «великие преимущества совхозно-колхозного строя», «колхозники сдавали государству большую часть производимой продукции, сознательно идя на ограничение собственного потребления» сталинская пропаганда скрывала фактическую продрозверстку. До сих пор широко практикуют публикацию

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне. С. 61—62.

ничего не значащих сведений, во сколько раз, например, государственная заготовка хлеба в 1941—1945 гг. превысила уровень таких заготовок в России во время первой мировой войны; утверждают, что «в СССР больше, чем в любой другой воевавшей стране, выделялось средств из государственного бюджета на социальные и культурные нужды»¹. Однако жизненный уровень отнюдь не определяется лишь этим показателем. На трактовку истории народного хозяйства также оказало сильное влияние сугубо догматическое сочинение Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

По экономической истории войны создана огромная литература, но ценность ее невелика, поскольку выдержана она в сугубо описательном стиле, обобщения на очень низком уровне, важнейшие моменты обойдены молчанием, подвизающимся здесь авторам до сих пор не удалось показать места народного хозяйства военных лет в экономической истории страны. Вследствие того же мелкотемья они не ответили на ряд важнейших вопросов: была ли обеспечена оборона страны к 22 июня 1941 г. в военно-техническом и вообще экономическом отношении или правы Жуков и некоторые другие межуаристы, возлагающие ответственность за военные поражения во многом на советскую промышленность; в какой степени был необходим в СССР перевод экономики на военный лад, если она еще до войны была ориентирована на оборону; если перевод был необходим, то следовало ли осуществить его раньше, например, с началом мировой войны; все ли возможности были исчерпаны; каким было соотношение количества и качества оружия и боевой техники Красной Армии и Восточного фронта вермахта 22 июня 1941 г.; в какой мере упомянутый перевод в 1941—1942 гг. был отягощен недостатками довоенного времени и неожиданно возникшей чрезвычайной задачей перебазирования производительных сил в безопасные районы; во что обошлось перебазирование; за счет чего и какой ценой было обеспечено небывалое по темпам и масштабам строительство одновременно с наиболее напряженными боевыми действиями; в какой мере были выполнены нероновские приказы Сталина уничтожать при отступлении Красной Армии все, что нельзя было вывезти, в какой мере эти приказы были оправданы. Советские специалисты до сих пор не изучили военно-экономического противоборства сторон. Показательно, что в статье «Экономика» энциклопедии «Великая Отечественная война» на одной странице говорится о том, что СССР вышел на первое место в Европе по объему промышленного производства. На другой — о превосходстве германского промышленного потенциала над советским. Нам не известно, как функционировал административ-

¹ См., например: История СССР. 1991. № 2. С. 15—16.

ный механизм в различных сферах экономики по сравнению с соответствующими процессами в других государствах, насколько эффективным было хозяйство различных стран, участниц войны.

Не раскрыта история принудительного труда в СССР предвоенных и военных лет. В свете новых данных необходимо осмыслить меры по укреплению трудовой дисциплины накануне и в ходе войны. Было ли оправдано привлечение к уголовной ответственности рабочих, служащих, учащихся ремесленных училищ за прогулы и опоздания на работу, хотя эти меры и приводят до сих пор в восхищение некоторых историков. Не изучен и голод в СССР в военные годы. Часть авторов по-прежнему отрицает его как массовое явление, признавая, что он был разве только в блокадном Ленинграде. Как официально признал президент СССР, здоровье народа было сильно подорвано. В целом внутреннее развитие СССР 1939—1945 гг. изучено очень слабо. Это относится в первую очередь к социальной политике, повседневной жизни на фронте и в тылу. Человек с его нуждами выпал из поля зрения и специалистов по экономической истории. Их внимание нарочито приковано к нескольким десяткам руководителей хозяйства и героев труда. Показательно, что в Англии, ФРГ и других странах в последние десятилетия появилась весьма развитая литература о будничной жизни, в том числе и во время войны¹.

Источники победы истолковываются в значительной степени по старой схеме: победа советского государственного и общественного строя, победа Красной Армии. Эта схема не позволяла понять, почему победили западные союзники, которые не имели такого «строя». Она сбрасывала со счетов, в частности, геополитические, демографические, психологические и иные факторы. Всегда выдвигавшиеся на первое место «преимущества социализма» лишь декларировались, историкам никогда не удавалось раскрыть их конкретные проявления, показать, как они действовали в различных сферах общества по сравнению с соответствующими процессами в других воевавших странах. И это не случайно, поскольку авторитарный общественный и государственный строй лишь по сталинским декларациям был социалистическим. Однако этой констатацией нельзя ограничиться. Нельзя сбрасывать со счетов социалистическую идею, овладевшую массами. По мнению Э. Фромма, «Сталинизм одержал свои победы в России и Азии именно благодаря притягательной силе идей социализма, которую испытали на себе значительные массы населения мира»¹. Односторонними были и другие попытки Ста-

¹ Подробнее см.: Мерцалова Л. А. Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ. М., 1990. Глава 4. Начало изучению повседневной жизни СССР положено в книгах Сенявской Е. С. «1941—1945. Фронтовое поколение» и Зинич М. С. «Будни военного лихолетья» (1995).

лина определить источники победы. В упоминавшейся беседе с корреспондентом «Правды» (1952) главным, если не единственным источником «вождь» называл политический характер войны, ее популярность среди солдат. Впрочем, географический фактор «вождь» иногда признавал, например, в связи с защищенностью США двумя океанами². Однако он умалчивал об огромных преимуществах СССР, обусловленных географическим положением, природными богатствами.

Предстоит, по нашему мнению, переосмыслить все традиционные версии источников победы СССР, в том числе единство советского народа, роль не Коммунистической партии, а коммунистов, различных их групп в зависимости от их отношения к сталинизму, его преступлениям. До сих пор лишь поставлены, но не решены проблемы соотношения людских и материальных резервов, роли в войне союзников СССР и Германии. Особо стоит вопрос о влиянии на ход войны традиционного патриотизма, социалистической идеи и тех деформаций, которые произвел сталинизм в идеологии, господствовавшей в обществе. Исследовать это тем более важно, что в последние годы в отечественную литературу перекопчело из крайне консервативной западной суждение о любви к «матушке России» как главном и даже единственном источнике. В наиболее нелепой форме это выражено, очевидно, В. Локтевым. По его мнению, в июне 1941 г. солдаты встретили «вероломного и сильного врага чуть ли не голыми руками». «Умрем, но не сдадимся» — этот девиз-заповедь будто бы испокон веков определял ратную сущность российского воинства. «Кто знает, может быть, и в этих словах, звучавших в предсмертном хрипе советских бойцов, заложена смысловая основа наших побед над завоевателями». К великому счастью, далеко не все умерли, а то некому было бы побеждать. Кроме того, миллионам вопреки формуле Локтева просто «не удалось» умереть — против своей воли они оказались в плену.

Особо стоит вопрос об «авторитарной системе как источнике победы». Он многогранен. Индустриализация и коллективизация в их сталинской форме ослабили или усилили оборону страны? Были ли другие пути решения этой кардинальной задачи? Была ли альтернатива полезной, по мнению некоторых авторов, «военной структуре государства-партии», которая «доказала свою эффективность в перебазировании промышленности, мобилизации экономики и организации ответного удара»? Как оценить те гигантские трудности, ко-

¹ Цит. по: Коммунист. 1991. № 11. С. 28.

² См.: Запись беседы товарища И. В. Сталина с деятелем республиканской партии США Гарольдом Стассеном 9 апреля 1947 года. Симферополь. 1947. С. 12.

торые пришлось устранять и которые были созданы тем же Сталиным и его «структурами»? Насколько эффективным был страх перед карательными органами? Должно быть изучено место авантюристических и иных просчетов фашистского руководства в ряду источников победы СССР. До сих пор авантюризм агрессора упоминался лишь в связи с его поражением.

Итоги и особенно уроки войны изучены в СССР также неудовлетворительно, хотя им и был посвящен уже упоминавшийся 12-томный труд. Его авторы обошли молчанием все негативные итоги, в первую очередь укрепление сталинизма внутри страны, распространение его влияния на другие страны, цена победы. Изложение уроков было подменено самыми общими рассуждениями, которые не несут информации. Обойдено молчанием противоборство овладевшей массами идеи социализма и патриотизма со сталинизмом. Остались без ответа вопросы: как нынешние поколения могут использовать опыт военных лет в области экономики, управления обществом, внешней политики, мобилизации народов в экстремальных ситуациях, от какого наследства нужно отказаться. Не будут ли актуальными ныне перевод экономики на военные рельсы и обратно, распределение продуктов в условиях дефицита, сосредоточение сил народов для достижения определенной цели, сотрудничество в рамках антифашистской коалиции, сильная власть и демократия, борьба с преступностью.

Верно ли утверждение, что в Ялте, Потсдаме впервые в отечественной истории дипломаты сумели достойно закрепить военные победы. Предстоит еще изучить, соответствуют ли успехи сталинской дипломатии решающему вкладу СССР в разгром фашистского блока. Известно, например, что потсдамские решения весьма расплывчато формулировали вопрос о восточной границе Германии, и не случайно к этому вопросу не раз приходилось возвращаться не только историкам, но и дипломатам. СССР не заключил мирный договор с Японией тогда, когда это сделали другие воевавшие державы. В последующие десятилетия это обстоятельство препятствовало нормализации отношений с одной из великих азиатских стран. Не удалось добиться международного признания воссоединения прибалтийских республик с СССР. Неудовлетворительно был решен вопрос о репарациях в пользу СССР. «Социалистический лагерь» (впоследствии — система, дружество) был создан на основе несостоятельных политических и идеологических принципов. Однако ошибочно видеть в этом сплошь негативное или одну лишь злую волю Сталина. Кое-кто в этих странах, как показали ученые Г. Мурашко и А. Носкова, бежал впереди сталинского паровоза. Здесь выросли собственные авторитарные режимы, утратившие спо-

способность адекватно оценивать изменяющуюся действительность¹.

Одним из негативных итогов второй мировой войны было возникновение «холодной войны» — распад антифашистской коалиции, конфронтация Запада и Востока, разорительная и крайне опасная гонка ракетно-ядерных вооружений, сверхмилитаризация экономики. Только последние два десятилетия военного противостояния СССР обошлись в 700 млрд. рублей. Устрашающими стали экологические проблемы. В отрицательной оценке «холодной войны» едины честные историки всех стран и направлений. Но кто ответствен за эту войну? Доминируют диаметрально противоположные точки зрения: или США, или СССР. Официальную концепцию генезиса «холодной войны» сформулировал Сталин. Он утверждал, что по сути дела ООН стала действовать «на потребу американским агрессорам». К новой войне стремятся «миллиардеры и миллионеры», «помещики и купцы» стран Европы и Америки, составляющих «агрессорское ядро ООН»². Тенденциозность этих суждений очевидна. Теперь обе эти точки зрения нашли место и в отечественной литературе. Представляется целесообразным отказаться от такого бесплодного метода и изучить просчеты правительств обеих «сверхвеликих» держав и их союзников в оценке намерений и военных возможностей сторон, их предпочтительное внимание к военным, но не политическим методам, формирование ими оборонительных систем преимущественно на основе количественного превосходства, далеко вперед выдвинутого предполя и других представлений о безопасности времен двух мировых войн.

В литературе СССР—РФ по существу даже не поставлены многие другие проблемы, связанные с итогами войны. Каким был переход от войны к миру в 1945 и последующие годы, какое влияние оказала война на развитие СССР в социальной, политической, экономической, идеологической, нравственной, экологической, демографической областях? Лишь в самых общих чертах известно, какое место занимает война в современном сознании народа. Очень далека от решения проблема социальных функций и исторической науки вообще, военно-исторической, в частности. Никому не известна ее реальная роль в общественной жизни СССР. По существу ныне военно-исторический корабль движется без руля и ветрил.

Наконец, по поводу утверждения об «украденной победе», опубликованного многими органами прессы³. Его нельзя принять. Достаточно поставить вопрос: победа кого над кем? Как

¹ О «сталинизме в ГДР» см.: *Klebmann Ch. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945—1955. Bonn. 1991. S. 261—291.*

² Цит. по: *Сталин И.В. Беседа с корреспондентом «Правды». М., 1952. С. 10—13.*

³ См., например: *Комсомольская правда. 1990. 5 мая, 31 августа.*

бы мы ни относились к этому, советские народы и сталинская система вместе с союзниками победили фашизм. Эту победу никто не «украл». Она — достижение всего человечества. Победителей в СССР лишили надежды на лучшую жизнь после войны, но не победы. Непозволительно забывать, что альтернативой победе было поражение, а оно несло с собой уничтожение не только системы, но и значительной части народа.

7

Как выйти из того глубокого кризиса, в котором пребывает освещение войны? Существовало, по меньшей мере, два мнения. Официальное — издать еще один многотомник. Группа ученых предлагала ограничиться очерками. Первое предложение было внесено в 1987 г. организаторами предыдущей 12-томной истории войны. Они понимали, что в условиях объявленной демократии их история не выдержит критики. И в то же время они стремились дать скорректированную «генеральную линию» в освещении войны. Провозглашался научный характер нового издания. Но с этим не согласовывалось уже то обстоятельство, что по старой традиции устанавливались юбилейные сроки — издать 10-томник к 50-летию Победы. Но разве науку делают «в срок»? Играло роль и желание администраторов сохранить свое монопольное положение в военной историографии. Этот многотомник на долгие годы призван был оправдать доходные должности членов ГРК, начальников редакций, редакторов томов, их заместителей и пр.

Инициаторы нового издания пренебрегли провалом многих многотомников. Его неуместность была ясна уже в 1987 г. Даже в 1997 г. подлинно научные знания находятся лишь в самом начале своего формирования, апологетика и нигилистическая критика далеко не сдали своих позиций. ИВИ активно рекламировал будущее издание. Однако статьи Ю. Перечнева, С. Радзиевского, позднее Д. Волкогонова, Р. Савушкина подтверждали худшие предположения: предприятие с 10-томником — авантюра. Эти авторы намечали изменить в старом многотомнике лишь «некоторые оценки», например, не ставить на одну доску Сталинградскую битву и Малую землю; «уточнить некоторые данные о потерях в живой силе и технике»; деятельности Ставки, личности Сталина как Верховного Главнокомандующего. Но нужен ли многотомник ради «уточнений»? Далее. Чем «опускать его до уровня дивизий и полков», не лучше ли создать отдельную работу об их действиях в 1941—1945 гг.? Не усилится ли имевшийся в 12-томнике неоправданный приоритет военных действий перед историей страны в целом? «Красная звезда» и близкие к ней

издания торопили ИВИ: ветераны с особым чувством «ждут последнего слова о войне». Издатели могли лишь с сожалением сообщить, что они отстали от американских — те опубликовали уже 100 томов о минувшей войне, заканчивают свои 100 томов японцы. Может ли такое «отставание» служить основанием для публикации еще одного многотомника, никто не объяснил. Уже в 1988 г. новое руководство ИВИ признало, что «сроки не были научно обоснованы».

В авторском коллективе 10-томника, по утверждению Моисеева, собраны «лучшие силы исторической науки, как военные, так и гражданские». Член ГРК Гареев разделял противоположное мнение. Смущает то, что почти все сотрудники ИВИ не имеют специального базового образования, не подготовлены в методологическом, историографическом, источниковедческом отношениях; многие из них, а также из специалистов гражданской истории, вовлеченных в коллектив, не сумели еще освободиться от пут сталинистской «историографии». Показательно, что они не издали ни одной более или менее значительной работы. Все новое о войне опубликовано авторами, не связанными с этим коллективом. Способен ли он воспринять все прогрессивное, что дает в наше время обществоведение? В своих интервью, выступлениях по радио и телевидению эти авторы отдавали дань времени — отмечали «ошибки» Сталина, но следовали его оценкам событий войны, его подходам к прошлому.

Несмотря на требования общественности опубликовать концепцию труда, она до сих пор скрыта от глаз. Была ли она вообще? Не абсурдно ли начинать многотомный общий труд, когда заведомо известно, что не исследованы многие важнейшие составные части темы? Остается спорным даже само название труда «Великая Отечественная война советского народа». Учитывая упоминавшиеся провинциалистские пороки нашей официальной военной историографии, не целесообразно ли назвать новый труд «СССР во второй мировой войне»? Это ориентировало бы освещать историю страны в более тесной связи с историей всемирной.

По утверждению Моисеева, идут поиски документов в советских и зарубежных архивах. Что значит «поиски»? Очевидно, что речь идет не об исследовании больших групп документов, как принято в науке, а о подборе среди них неких иллюстраций к уже известной схеме? Но даже для этих сугубо утилитарных целей нужно время. Многие причастные к 10-томнику лица показывают, что вообще доступ к необходимым документам закрыт. Значит, «качественно новый» труд не имеет источниковой основы? Отечественная военная историография, в том числе и коллектив 10-томника, в профессиональном отношении во многом отстает от зарубежной. Не случайно 12-томник был издан лишь в нескольких

странах. Не овладев всеми зарубежными достижениями, можно ли создать труд мирового уровня, достойный вклада СССР в победу? Тем более что хуже всего у нас освещено участие в войне наших союзников и противников, чему во многом и посвящена зарубежная историография. Беспокоясь о том, чтобы советская военная историография вышла, наконец, на мировой книжный рынок, не в последнюю очередь следует думать о конкурентности предполагаемого 10-томника.

Наконец, о руководстве 10-томником. В лучших бюрократических традициях оно было сформировано в подавляющем большинстве из администраторов. В ГРК были представлены немногие ученые, никогда, однако, не занимавшиеся историей войны. Такая ГРК способна властно подавить любую свежую мысль, вернуть ученых к позавчерашним грубо идеологизированным трафаретам, но не более. Именно это и произошло при закрытых обсуждениях макета первого тома в 1990 и 1991 гг. В первый раз были отвергнуты даже робкие попытки ряда авторов осветить проявления сталинизма в предвоенные годы. Благодаря газетным публикациям «разбор» второго варианта первого тома 10-томника приобрел более широкую огласку¹. Новым было осуждение на самом деле весьма некалифицированной критики КПСС, предпринятой в т. 1 группой авторов с позиций новоявленного российского антимарксизма. Однако главным итогом этих обсуждений было подтверждение худших опасений. 10-томник, как и 12-томник, носил сугубо ведомственный характер, участие в нем ряда сотрудников из других учреждений ничуть не меняло дела. Делами вершили военные консерваторы, они стремились сохранить старые легенды о войне, общенародной победой в войне оправдать сталинизм или, по крайней мере, притупить его критику.

О ГРК нужно судить и по содержанию «Военно-исторического журнала» 1989—1991 гг. (природа их одинакова), по проведенной МО СССР 19—20 апреля 1990 г. Всесоюзной научной конференции, посвященной 45-летию Победы. Ряд сообщений молодых историков был отмечен поиском истины. В целом же в залах ЦДСА царил дух охранительства. Многие авторы исходили из старого представления о том, что лишь положительные примеры могут быть «фактором воспитания и обучения». Как и аналогичные собрания 1975—1985 гг., конференция не внесла сколько-нибудь существенного вклада в науку, обошла молчанием главную проблему «сталинизм и война» и вопреки своему названию не отличалась новизной. ГРК должна принять на себя ответственность за недемокра-

¹ Подробнее см.: Независимая газета. 1991. 18 июня, 6 августа; Красная Звезда. 1991. 27 июля.

тический характер всей работы над 10-томником. ИВИ пытался представить, что при обсуждении на его собраниях будущего издания будто бы «расцветают сто цветов». Однако в какой мере носители иных мнений могли влиять на формирование 10-томника? Как обеспечивались их авторские права? Почему так бедны публикации в прессе авторов 10-томника?

Совсем другое мы наблюдаем в ФРГ. В 1990 г. там была издана специальная книга «Вторая мировая война. Анализ. Принципы. Итоги исследования». Она содержит свыше 50 статей по различным темам, преимущественно политико-идеологическим, социально-этническим, военно-техническим, юридическим. В статьях отражены различные подходы и концепции. Одной из задач книги является «познакомить широкую общественность с результатами деятельности и позицией» авторского коллектива 10-томного издания «Германская империя и вторая мировая война» (Т. 1—6. 1979—1988), способствовать совершенствованию еще не изданных томов¹.

О руководстве советского 10-томника красноречиво говорят интервью и статьи С. Ахромеева, М. Моисеева, И. Шкадова и других военных деятелей. Как правило, они выдержаны в консервативном стиле, категоричны, подчас грубы. Правда, по мнению Ахромеева, это не грубость, а резкость. Но Шкадов любые попытки разобратся в фальсификациях назвал «диверсиями». Ахромеев вложил в уста своих оппонентов то, что они никогда не произносили. Авторы интервью смело судили о вещах, далеких от их компетенции. Ахромеев вслед за «кратким курсом» писал о «построении основ социализма» в предвоенном СССР. Он отмечал «два течения» в советском обществе, однако, как они взаимодействовали, показать не сумел. Автору не удалось воспользоваться научными достижениями в оценке как раз этого периода истории. Он непрофессионально подходил к источникам. Эти авторы обнаружили слабое знакомство с новейшей советской и тем более зарубежной литературой о сталинизме, его сущности и конкретных проявлениях.

Об уровне руководства изданием нового многотомника говорит и то обстоятельство, что все критические выступления в прессе², на телевидении и радио прошли мимо ГРК. Ни один из доводов не был подвергнут анализу. Разумеется, нельзя полагать, что все члены ГРК, все военные историки сплошь дисквалифицированы «школой» трапезниковых-жилиных. Серьезным предупреждением организаторам «нового» многотомника должно послужить выступление руководителя редколлегии «Советской военной энциклопедии» Ю. Киришина. Он осудил «спешку», допущенную при ее подготовке, чем

¹ Der Zweite Weltkrieg. Munchen. 1990.

² См., например: Известия. 1990. 19 ноября; Сибирская газета. 1990. № 18.

он объяснил «недостаточно научный уровень» ряда статей энциклопедии. В ГРК «по должности» были представлены директора ряда институтов АН СССР. Можно предположить, что они видели бесперспективность издания и собственную неспособность изменить что-либо. Однако по извечному оппортунизму нашей АН они оставались в ГРК. Лишь в августе 1991 г. заявил о своем выходе из нее Арбатов, хотя он задолго до того прекрасно понимал двусмысленность своего положения в этой комиссии. В прессе широко отражено отстранение Волкогонова от руководства ИВИ. На первый план выдвигаются его идейно-политические позиции. Естественно, без четких позиций в политике и методологии нет историка. Но в этом случае более правомерно говорить о некоем потребительском отношении к науке. План 10-томника еще 17 сентября 1987 г. был подвергнут резкой критике в отделении истории АН. Уже в 1988 г. новый начальник ИВИ признал в нескольких своих выступлениях в прессе и необоснованность сроков издания, и отсутствие необходимых кадров, документов. В 1990 г., готовясь стать членом АН СССР, хотя и с некоторыми оговорками, он признал справедливым письмо трех историков о несостоятельности 10-томника. И тем не менее продолжал «состоять в должности». Впрочем, дело здесь не в том или ином начальнике ИВИ. 10-томник был обречен, не успев родиться.

Савушкин заметил, что 10-томник «опережал» советское обществоведение и вынужден «опираться на недостаточно проверенные гипотезы». Но он наивно считал уже «вложенные средства аргументом за продолжение работы» над многотомником. В беседе с одним из авторов этих строк в марте 1991 г. Д. Язов в защиту идеи 10-томника сослался лишь на авторитет политбюро ЦК КПСС, даже не пытаясь привести какие-либо доказательства. В науке давно апробирована такая последовательность: монографии, очерки, популярные работы по наименее изученным темам, публикация документов, воспоминаний, разработка концепции и проспекта многотомной истории. И лишь потом — ее издание. Волкогонов же обещал в фантастически сжатые сроки произвести огромный труд по одному из сложнейших разделов науки, фактически не имея ни должного научного руководства, ни достаточно подготовленных исследователей, на ходу разыскивая необходимые документы и осваивая их, создавая концепцию, анализируя громадную зарубежную литературу. И все это в условиях далеко еще не преодоленной авторитарности мышления и руководителей, и исполнителей. Что касается народа, имя которого вынесено в заглавие издания, то ему нужно не ретушированное переиздание провалившегося 12-томника, а хорошие честные книги небольшого объема по самым актуальным темам.

Впрочем, слышны и другие голоса. Э. П. Бройде-Треппер

писал о «вылазках неофашистов, сталинских реваншистов», «зарезавших правдивую историю войны», написанную под руководством Волкогонова. Речь шла о рукописи первых томов 10-томника. Ее, однако, критиковали не только с консервативных, но и научных позиций. Один из соавторов нашего коллективного письма в «Известия» (19 ноября 1990) — мы предлагали начать дело не с 10-томника, а с очерков, — В. Кулиш ныне пересмотрел свои взгляды. Создатели упомянутой рукописи, по его мнению, будто бы «сумели подняться до научного анализа». На Кулиша, очевидно, произвел впечатление тот факт, что группу Волкогонова секретари ЦК и маршалы обвинили в «антипартийности, клевете на коммунистов... приукрашивании немецкого вермахта, непатриотизме». Но этого факта слишком мало, чтобы объявить «обвиняемого» специалистом¹.

Многотомник не состоялся. Лишь в конце 1995 г. взамен его Министерство обороны и РАН издали первую (из намеченных четырех) книгу очерков. Ее нельзя оценить однозначно. Конечно, официальные историки сделали шаг вперед. Однако очерки — это скорее пересказ упомянутого выше 12-томника, особенно в том, что касается разделов об экономике и дипломатии СССР.

Авторы обещали новые документы, выводы. На деле же они привлекли лишь некоторые, но далеко не все достижения отечественных и зарубежных ученых. Они отказались от дискуссии по давно решенному вопросу о характере фашистской войны против СССР; воздержались от мифа о «первом полководце» и даже продолжили критику действий и суждений Жукова; приняли наши замечания о сборнике «Гриф секретности снят» (о потерях РККА); поддержали тезис о том, что многие акции противника были неожиданными для советского руководства и после 1941 г.; привели дополнительные доводы против суждения ряда маршалов о том, что многие поражения армии произошли по экономическим причинам; повторили известные выводы о неспособности РККА 22 июня и наступать, и обороняться, о Московской битве как начале перелома в ходе мировой войны; подтвердили мнение о том, что приказ № 227 не вносил ничего принципиально нового по сравнению с приказом № 270 (заградотряды, расстрелы без суда и следствия применялись и в 1941 г.). Но, заявив, что они «опираются на плечи предшественников», авторы не назвали ни одного из них, фактически посягнули на их приоритет.

Очерки отличаются противоречивостью суждений. Так, в одном из них говорится об исключительной власти Сталина, «единолично управлявшего всеми Вооруженными Силами страны», в другом — о власти «нескольких лиц», «номенкла-

¹ См.: Советская историография. М., 1966. С. 310—311.

туры» и даже «партии». Пишут о преимуществах авторитаризма и приводят многие факты, свидетельствующие о его вреде. Довольно часто признают пороки сталинистского руководства войной, пишут даже о преступлениях Сталина, но воздерживаются от общего научного, критического анализа проявлений сталинизма в военных вопросах. Авторы вскользь отмечают «неспособность и неготовность маршалов и генералов противостоять диктаторскому авторитету Сталина», приводят вопиющие факты их безответственности, и в то же время выдвигают на первый план вину именно политиков.

Не освободились авторы и от попыток смягчить пороки сталинского руководства. Так, явный провал сталинской дипломатии и стратегии в 1941 г. назван неким «структурным кризисом военно-политической системы СССР», откровенный авантюризм часто выступает под видом «излишне оптимистической» оценки обстановки, «самонадеянности», «переоценки возможностей». Порой авторы даже открыто оправдывают жестокость, противоправные приказы Сталина и его порученцев, находят нечто положительное в сталинских «чистках». Противоречива периодизация истории войны. Основу ее составляет тезис Сталина о «коренном переломе». Историки, однако, по-разному трактуют его временные границы. Некоторые даже относят захват стратегической инициативы лишь к 1945 г. По-разному оценивается значение наступательной фазы Московской битвы. Противоречивы суждения о роли ленд-лиза в достижении общей победы.

На оценку важных моментов истории оказала влияние современная риторика. Так, исключив из своего труда ленинское учение об империализме, кстати, воспринятое многими немарксистскими историками, авторы очерков разделили зарубежные государства на «буржуазно-демократические» и «тоталитарные», подчас к последним относят и СССР. Отбросив социально-экономический подход, авторы объясняют возникновение войны то Версальской системой, то реваншизмом, то политическими эгоизмом и аморализмом. Напомним, что и НСДАП оправдывала Версалем свою глобальную захватническую программу. Авторы далеко не освободились от апологетической характеристики внешней политики сталинизма. О невысоком теоретическом уровне книги свидетельствует и многое другое. Авторы, в частности, не сумели подняться до самых необходимых обобщений. Описание неудачных наступлений Красной Армии 1941—1942 гг. пестрит ссылками на «превосходство противника»¹. Но где это видано, чтобы слабая сторона наступала?

¹ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. С. 3—9, 17—27, 39, 55, 56, 62—64, 70, 98—101, 170, 190, 194, 209, 232—233, 243, 281, 288, 292, 337, 343—347, 357, 362—367.

В связи с 50-летием Победы военная историография значительно пополнилась. Ее основные направления обозначились еще более четко. Научное направление при ничтожных тиражах и нелюбви к нему прессы влечит незавидное существование. Об этом свидетельствуют, в частности, научные конференции 1993—1996 гг. Так, отделением истории РАН в Москве 6—9 апреля 1993 г. была проведена международная конференция «Россия в XX веке: судьбы исторической науки». Она отразила разброд историков. В докладе обнаруживалось стремление обойти острые углы, приспособиться к конъюнктуре. Такова пропаганда доктрины тоталитаризма, выкрики против «красного фашизма», «советской агрессивности» со времен Ленина. Были представлены и старые подходы. Некоторые авторы (Ю. Поляков) безоговорочно поддерживали, например, сборник «Гриф секретности снят...». Показательно, что тема «сталинизм и история» в целом обойдена молчанием, если не считать 2—3 выступления на секциях. Фактически выпала из поля зрения и вторая мировая война. Наблюдалось даже попятное движение. Один из участников пытался доказать ненужность изучения существующей дифференциации зарубежных и отечественных историков. Другой призывал отказаться от концепций, они будто бы лишь искажают прошлое, и сосредоточиться на «подробностях», которые и содержат «правду истории».

Достаточно четко прозвучали голоса представителей научной историографии. Так, в частности, было подчеркнуто, что нелепо под влиянием политических страстей отказываться от марксизма-ленинизма как одной из равноправных методологий исторического исследования. Видное место занял доклад П. Волобуева о новых тенденциях в советской историографии 60—70-х гг., подавленных С. Трапезниковым и другими со Старой площади. С этим докладом академика перекликается его мужественное выступление в «Правде» 14 апреля 1993 г. в защиту Советов. Эта власть уходит глубокими корнями в российскую историю и несмотря на все издержки, связанные со сталинизмом, не утратила своих демократических возможностей. В сообщении В. Яхимович была обоснована мысль о том, что проблема труда под влиянием Октябрьской революции стала центральной в развитии стран Востока и Запада¹.

На конференции не было недостатка в призывах переосмыслить написанное историками. Мы не заметили, однако, что были предложены новые концепции и исследовательские проекты. Может быть, исключение составляют сообщения об экологической и этнографической ситуациях в стране. Была обозначена новая для СССР—РФ проблема сопротивления сталинизму. Многим выступлениям было свойственно суесло-

¹ См. также: Вопросы истории. 1996. № 5—6. С. 28—38.

вие, стремление авторов показать себя. Говорили, не зная других и не слушая их. Бесплодным было обсуждение вопроса о кризисе науки. Некоторые вообще отрицали наличие кризиса. И это при явном провале старой методологии, узкой источниковой базе, низкой профессиональной подготовке большинства историков, их неспособности понять свои социальные задачи, запущенности исторического образования и исторического сознания народа, нравственном падении многих ученых, политическом и экономическом давлении на историографию.

Организаторам науки, по-видимому, необходимо позаботиться о том, чтобы на конференциях были действительно научные доклады и их интересное обсуждение. Заметим, что после пленарного заседания большинство участников покинули конференцию и не возвращались до конца ее. Как верно заметили некоторые ученые (П. Дьюкс), такие конференции хороши для установления или возобновления научных контактов, но не для решения научных проблем. По старой вредной привычке, возникшей еще во времена М. Нечкиной, на конференции не были представлены институты всеобщей, военной истории, славяноведения и др. В целом этот «форум» навеивает грустные размышления. Способны ли отделение истории, его институты, большинство их сотрудников вывести науку из того тяжелейшего положения, в котором она оказалась?

Псевдомарксистское (сталинистское) направление восстановило свои господствующие позиции при решающей поддержке режима. Об этом свидетельствуют различные публикации, музейные выставки, правительственные материалы. Старые представления приняты в основном и многими оппозиционными силами, в первую очередь КПРФ. Основные центры этой литературы за десять лет не изменились. Тон в старой литературе задают генералы. Их труды преобладают и численно. Ведомственный, даже кастовый подход к прошлому, стремление соблюсти «честь мундира» во многом определяют их позицию: крайне осторожные замечания, часто прямое или косвенное восхваление сталинизма; фактический отказ анализировать руководство армией и флотом, соотношение потерь сторон на советско-германском фронте; повторение давно известного. На бесплодных «научных» и «научно-практических» конференциях в который раз берутся они изучать, например, роль СССР, сопоставлять Сталинград и Эль-Аламейн, нападать на «беспринципных политиканов», стремящихся «развенчать подвиг народа и армии». В этот разряд часто зачисляют и тех, кто с научных позиций критикует сталинизм. Часть консерваторов отдает дань времени, например, намекает на безжалостное отношение Сталина и его ставленников к людям на войне. Свой псевдомарксизм они

спешно меняют на «государственный патриотизм» и православие. Все эти пороки ярко проявились в книгах и поступках Н. Скоморохова и А. Коваленко, бывших чиновников Российского комитета ветеранов войны.

Среди публикаций 1995 г. — работы генералов В. Вареникова, Д. Волкогонова, М. Гареева, Ю. Горькова, Г. Кривошеева, М. Колесникова, В. Куликова; трехтомник «Живая память» (статьи участников войны, журналистов, историков); серия брошюр «Полвека назад». Выступления генералов на одной из конференций опубликованы в книге «Мифы и факты». На этой конференции утверждали, что во время войн культ «вождя» был необходим, осуждали «зловещий и одновременно карикатурный образ Сталина-палача, растерявшегося и испугавшегося в первые дни войны». Ряд участников высоко оценил сталинскую «систему», «блестяще приспособленную для решения одной задачи — мобилизации экономики на нужды военного производства», забыв при этом принудительный труд, образцово организованный голод десятков миллионов людей и другие необходимые опоры этой «блестящей» системы. К названным публикациям прилегают книги: «Пограничные войска СССР в годы второй мировой войны», «Военная история Отечества» (1995), определенная часть учебной литературы, например, «Отечественная история» (1996).

В последние годы на место «главного официального военного историка» выдвинулся М. Гареев, президент академии военных наук, известной публикациями этого автора (не театр ли это одного актера?). В 1995—1996 гг. он издал книги «Неоднозначные страницы войны», «Если завтра война», «Моя последняя война», «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства», многочисленные статьи. В отличие от большинства пишущих генералов Гареев способствовал исследованию войны, в частности, неудачных операций РККА. Фактически он принял нашу оценку нынешней отечественной военно-теоретической и военно-исторической литературы. Автор жалеет, что до сих пор не может «отгадать самую большую загадку» — как «был растерян выстраданный во время войны боевой опыт». Он подчеркнул, что «положение военно-исторической службы крайне принижено», а «военно-историческая наука далеко отделилась от подлинной правды». Вывод об отрыве военной науки от правды подтверждают и статьи из главного теоретического журнала Министерства обороны. Так, М. Колесников, вместо обещанного анализа развития советской военной стратегии 1941—1945 гг., на деле привел давно известные по этому поводу общие положения, мимоходом упомянув «ошибки» руководства. Призвав учитывать «все без исключения обстоятельства, влияющие на ход и исход войны», автор на основе одного лишь

факта победы повторяет давно провозглашенный, но никем не доказанный тезис о «полном и несомненном превосходстве» советской военной стратегии над германской. Гареев поддержал мысли о «завалах сталинизма», «недооценке» методологической работы, «некомпетентном вмешательстве» и настаивал на необходимости «до конца и беспощадно развенчать сталинизм». В некоторых публикациях автор не разделяет тезисов о вине одного Сталина и сплошных удачах Красной Армии после Сталинграда. В провале наступательных операций Западного фронта в октябре 1943—феврале 1944 г. он обвинил Ставку Верховного Главнокомандования, а также командование фронтом и армиями. Автор приводит красноречивое осуждение У. Черчиллем «красивых и дурацких фронтальных атак, кровью и телами заваливающих пулеметы».

Однако Гареев часто останавливается на полпути, смягчает оценку отрицательных явлений и тенденций, впадает в противоречия. Можно ли сводить к «ошибкам» провал расчетов на быстрый разгром Финляндии в 1939—1940 гг., катастрофу 1941 г.? Странно звучит суждение: «к концу третьей недели» (после 22 июня) удалось «в основном стабилизировать фронт». Абсурдное и вредное требование Сталина 10 января 1942 г. «полностью разгромить» противника в этом году автор бесстрастно оценивает как «не совсем реальное». Такая манера изложения часто перерастает в косвенную или прямую апологию. По словам Гареева, и самым знаменитым полководцам не удавалось избежать поражений. Но все дело в том, по каким причинам они терпели поражения. Игнорируя критику приказа № 227, Гареев оправдывает его. Об операциях Красной Армии в 1945 г. автор пишет как о «грандиозных, небывалых по своим масштабам». Но разве уступали им действия вермахта в 1941—1942 гг.? Можно ли игнорировать влияние капитуляции Японии перед США на ход и исход Маньчжурской операции? Характерно, что японские потери убитыми были 84 тыс., а пленными — около 600 тыс.

Гареев по-старому трактует генезис войны, преувеличивая значение идеологических влияний на политику держав и преуменьшая геополитический, экономический и другие факторы. «Главной целью фашистской Германии», и то на определенном этапе ее борьбы за мировое господство, было не только «уничтожение» СССР, как пишет Гареев, но и покорение Восточной Европы. Фашисты стремились не «истребить» целиком народы СССР, а не допустить на его территории советской, царской, любой иной государственности, кроме германской; уничтожить или выселить часть населения, остальную — эксплуатировать. Антисоветизм не был «ведущей и интегрирующей тенденцией в политике капиталистических государств», не было и «чистой» войны «капитализма против

социализма». В конечном счете возобладали национально-государственные интересы, противоречия — не пролетарско-буржуазные, а межимпериалистические. Они главным образом и привели к созданию антифашистской коалиции, а вовсе не «мудрость вождя».

Вслед за Сталиным автор утверждает, что пакт 23 августа предотвратил нападение на СССР в 1939 г. Но кто это доказал? Пакт «разорвал единый фронт империалистических государств»? Но такого фронта не было. Гареев утверждает, что пакт отрицал насилие. Но суть этого пакта проявилась как раз не в ненападении, а именно в насилии над Польшей, ее разделе. Неуклюже отрицая в течение десятилетий наличие секретного протокола к пакту, в СССР лицемерили. Пакт не был «достижением советской внешней политики», наоборот, он препятствовал созданию антифашистской коалиции. СССР долго воевал без союзников. Японская агрессия повернула на юг не после пакта, а после Смоленского сражения. «Пакт позволял улучшить оборону СССР». На деле же его военное положение к 22 июня ухудшилось. Пакт изначально противоречил праву. Наивно отрывать его от договора 28 сентября и неких последующих «ошибок Сталина и Молотова». Мы не можем принять и общего суждения Гареева: «в области внешней политики (СССР. — *Авт.*) было меньше деформаций и грубых извращений, чем во внутренней политике». Но оборона — это также внешняя политика. Она сопровождалась «извращениями», с которыми не сравнятся все «деформации» 30-х г. Не стремится ли автор уйти от больной темы о вине военных? Ему близко и суждение об «объективных» причинах поражений.

В своей книге о Жукове Гареев проигнорировал научную критику мифа о «первом маршале», в котором наиболее ярко проявились все изъяны советской литературы о войне. О Жукове уже опубликованы многочисленные и крайне неоднозначные материалы. Автор же отобрал из них лишь соответствующие «социальному заказу» — обоснованию решений о новых памятниках, ордене и медали. Вслед за многими апологетами он обошел молчанием все негативные сведения о Жукове (некомпетентность, жестокость, «трофейную кампанию», «тоцкий подвиг» и др.) или пытался их опровергнуть; приписал Жукову чуть ли не все победы, другим — поражения. Вслед за специальными («в защиту» Жукова) заседаниями советов военных академий, конференциями ветеранов, историков и писателей, многими десятками публикаций Гареев нарочито сводит научную критику сугубо агитационного мифа к «атаке профессора на маршала» к вопросу о том, «кто и в чем обвиняет Жукова». В книге преднамеренно преувеличена роль этого маршала в руководстве войной, отдельными операциями (например, в Курской битве), когда это выгодно

автору, и наоборот. Когда это «нецелесообразно», роль Жукова преуменьшается (например, в приграничных сражениях, операциях Западного фронта в 1942 г.). Грубые пренебрежения элементарными требованиями военной науки в 1941 г. в книге представлены в виде «недооценки обороны», вина Жукова переложена на Сталина, Тимошенко, Кулика, Мехлиса, Щаденко. «Что-то» на посту начальника генштаба Жуков, «возможно, не смог осуществить», пишет Гареев. Однако Жуков «все-навсего» не смог обеспечить боевой готовности (независимо от позиции Сталина!), и армия была разбита наголову. Автор обходит молчанием критику Жукова Василевским, Громыко, Коневым, Молотовым, Павленко, Рокоссовским, Хрущевым и другими.

Участие Жукова в Берлинской операции и сама операция Гареевым по существу искажены. Жуков с выходом 1-го Белорусского фронта на Одер будто бы выступал против немедленного наступления на Берлин. Участников события и историков давно интересовало, можно ли было продолжить наступление на Берлин сразу же после форсирования Одера в январе—феврале 1945 г. и взять город с ходу, пока противник не успел закрепиться. В открытой прессе первым посчитал это возможным маршал Чуйков, весной 1945 г. командовавший 8-й гвардейской армией. Жуков и другие лица, не заинтересованные в правде, обвинили Чуйкова в «чистейшей авантюре»: будто бы наступать было нельзя из-за угрозы правому флангу 1-го Белорусского фронта. Научная проблема была закрыта волюнтаристски. Авторы 12-томной истории войны, следуя Жукову, также писали об «опасности контрудара». Но был ли удар на самом деле, они молчат до сих пор. После выступления Чуйкова СССР обвинили в преднамеренном затягивании агонии «третьей империи» и мучений немцев. По мнению Дж. Хоскинга (Англия), СССР «мог двигаться прямо на Берлин» еще в августе 1944 г., но возобновил свое наступление лишь после разгрома фашистами Варшавского восстания. Автор явно не подумал, возможно ли было вообще непрерывное наступление от Днепра до Шпрее.

Жуков и его адепты, отвергая мнение Чуйкова, не учли германские документы. Но сохранилось свидетельство Кейтеля 17 июня 1945 г.: вермахт не имел сил для нанесения упомянутого контрудара. То есть удара не было. Больше того, оказывается 10 февраля 1945 г. Жуков докладывал Сталину: «наступление на Берлин могу начать 19—20.2.45». Военным советом 1-го Белорусского фронта был разработан специальный план. Он предусматривал и обеспечение правого фланга, поскольку соседний 2-й Белорусский фронт отставал. Обо всем этом в дискуссии с Чуйковым Жуков промолчал. Впрочем, нам и сейчас неизвестно, почему не прошло предложение военного совета, как возникла версия «угрозы справа»,

кто скрывал «неудобную» для Жукова часть показаний Кейтеля.

Гареев обошел молчанием и известное мнение: окружение, а не лобовой штурм, не только обеспечило бы ликвидацию противника в Берлине, но и сковало бы предполагаемое вероломство западных союзников. Гареев оправдывает применение Жуковым танковых армий для прорыва обороны, фари-сейски ссылаясь на его заботу о жизни пехотинцев. «Война кончалась, и больше танковые войска уже негде было использовать», они были защищены от пуль. Генерал забыл, что советские танки в Берлине уничтожали совсем другим оружием. Немыслимое в демократической армии кровавое состязание маршалов Гареев наивно объясняет «трениями и неясностями» и тем, что «маршал Конев слишком рвался к Берлину» и «не предусмотрел» потребности Пражского направления. Подчас к жуковской теме искусственно привязываются мало относящиеся к делу события. Таково описание будто бы ведущей роли Жукова во взаимодействии советских войск и воставших варшавян.

Типичного сталинского маршала Гареев ставит в один ряд то с Пушкиным, то с Наполеоном. Автор пишет о «заветах» Жукова как некоего апостола, его «обаятельности», «одухотворенности», «мудрости», «справедливости», «гуманности», то есть как раз о том, чего так не хватало его герою. Гареев подчеркивает «поразительную проницательность Жукова, умение далеко вперед рассчитывать ход операции, его личное мужество и высочайшую ответственность», «полное представление о противнике и его силах». Все это будто бы позволяло ему «сберечь десятки тысяч солдатских жизней». Что имел в виду автор? Неужели те постоянные «неожиданности», которые преподносил Жукову противник от 22 июня 1941 г. до 16 апреля 1945 г.? Написанные неизвестно кем, плотно подогнанные к казенной историографии «Воспоминания и размышления» Гареев восхваляет как «уникальный труд», «наиболее глубокую, правдивую и богатую обобщающими выводами и мыслями книгу». Сравнение воспоминаний с трудом Клаузевица не выдерживает никакой критики. В них же нет военной теории.

Написанная наспех книга Гареева — не научное исследование. Это показывает уже ее архитектоника. Провозглашенной цели — показать *уникальность* Жукова, даже по форме, подчинена лишь ее четвертая глава, точнее — четвертый ее раздел. Слово «уникальность» введено в названия книги, главы, раздела. Это — грубое отступление от здравого смысла. Название и содержание первых трех глав, пятой главы и первых трех разделов четвертой главы не соответствуют цели книги. «Уникальность» так и не была раскрыта. Фактически она не ясна и самому автору. Показательно, что изучение сути

этого вопроса — деятельности Жукова в качестве командующего фронтов и представителя Ставки — автор считает «делом будущих военных теоретиков и историков», сам он раскрыть эту тему «не решается». «Великий полководец суворовской школы» и другие звонкие слова повисают в воздухе. Они ничем не подтверждены.

Глава вторая, посвященная «характерным чертам» искусства Жукова, сведена к пересказу его действий под Ельней, в Ленинграде, под Москвой и далее вплоть до Берлина. Однако обещанных «характерных черт» читатель там не найдет, если не считать простого перечня воинских доблестей, которыми щедро наделил автор своего кумира. В нескольких местах книги автор сообщает об «основных положениях» военного искусства, которым будто бы следовал Жуков, — знание противника и своих войск, ставка на внезапность, расчет сил и средств, материальное обеспечение. Но все это слишком обыденно, чтобы доказать «уникальность». «Особенным» в действиях Жукова автор считает, что тот с «автоматом в руках отбивался от противника» в Перхушкове и «пробирался ползком на передовую». Подобные действия другого маршала (Ворошилова) осуждаются. Раздел «В чем секреты военного искусства, уникальности полководческого искусства Жукова?» переполнен банальными экскурсами в военную историю от Эпаминонда до Костюшко. Среди рассуждений на вольные темы, например, о провале «учителя полководцев» профессора Г. Иссерсона в качестве командира дивизии на учениях во встречном бою против дивизии Жукова иногда встречаются ничем не подтвержденные заявления о «неповторимости» всех операций, проведенных Жуковым, его «новаторстве».

Требований, которые предъявляли на протяжении веков к полководцам, автор предусмотрительно избегает. Лишь вскользь упоминаются возможности принимать решения, будто бы в равной степени «ограниченные» и у Суворова, и у Жукова. Но это верно лишь относительно второго. Неудачны попытки возвести в ранг «миротворцев» Жукова и Эйзенхауэра, обозначить «особенности» искусства Эйзенхауэра в полном отрыве от темы книги, как и сопоставить Жукова с Кейтелем. Почти никто в Германии Кейтеля не считал «первым», «лучшим». Так высоко его вознес... Сталин. Гареев же ставит рядом известную посредственность и «величие». Автор воспрещает «отождествлять сталинизм и Жукова». Да, это было бы не корректно. Просто Жуков был плоть от плоти этой системы, ее детищем, ее надежным орудием. Не может быть и речи о «жуковском искусстве» как о чем-то самостоятельном. Он лишь воспроизводил сталинизм в военном деле. Можно говорить о Жукове как и о жертве сталинизма. Последний вознес на военный Олимп этого рядового советского генерала, к этому совершенно не подготовленного. Рассуждения об

«уникальности» Жукова — неудачная попытка опровергнуть наш тезис о сталинизме как своеобразном методе руководства войной. Подчас автор, очевидно, забывает о своей сверхзадаче, ссылаясь на «систему», отводя очень большое место Сталину в книге о Жукове. Из книги мы узнаем, что систематически занимались «управлением армией не только Жуков, но и Шапошников и Василевский». Больше того, оказывается, эти и другие генералы «обладали качествами, которых недоставало Жукову».

Гареев чаще обычного обращается к классикам, с которыми знаком понаслышке. Так, в его книге Гегель вопреки истине «пытался притормозить диалектику развития общества», а «Клаузевиц и Жомини» считали «уничтожение вооруженных сил противника конечной целью войны». Гареев по существу объявляет Жукова неким соавтором военных классиков, в частности, их идей: «основной закон» военного искусства («соответствие решений условиям обстановки»), сочетание обороны и наступления, в том числе преднамеренная оборона (Курская битва). Много лет нам говорят о «большом военно-теоретическом наследии выдающегося военного мыслителя и реформатора» Жукова. Когда же читатель увидит эти творения Жукова? Несостоятельны попытки автора ревизовать классиков. Он заявляет, например, что в наши дни будто бы «утратил значение» принцип сосредоточения сил и средств на решающем направлении. Автор нарушает многие элементарные правила историографии, которым следовали классики. Так, он судит о Жукове по тому, что тот рассказывает о себе. По Гарееву, маршал «предостерегал от чванливого отношения к военной науке зарубежных стран». Известно ли автору, что перу Жукова принадлежат оскорбительные отзывы о зарубежных военных историках и теоретиках? Воспринял у Жукова и «усовершенствовал» Гареев тезис о вине политиков, а не военных. Утверждая, что российские политики вот уже более 150 лет ставят армию в «немыслимо трудные условия», он попадает в смешное положение. Классики недвусмысленно показали, что за применение армии несут ответственность и политические, и военные вожди.

Мы не приемлем отождествление критики мифа с «нападками» на всех советских маршалов, армию, победу, родину и т. д. Гареев считает «ниспровергателей полководца» «людьми, чуждыми подлинным российским национальным интересам» (как при Сталине: инакомыслие — измена родине). Эти, по Гарееву, «шарлатаны», «мародеры в области истории» вносят в литературу «черную ложь» и «абсурд». Пишущего генерала возмущает, что в «научную среду... проникает масса посредственностей», что филолог Б. Соколов пытается разобраться в значении Ельнинской операции и цене победы. Нас же возмущает совсем другое, почему неспециалисты без труда обна-

руживают пороки и ошибки в наших незатейливых военных теориях и историографиях, а самым читаемым автором стал у нас Резун. Гареев опускается до выяснения, кем были его оппоненты во время войны — клубными работниками или почтальонами. Для науки, однако, важно, чтобы нынешние книги о войне отличались от выступления агитатора полка, чтобы их авторы не следовали слепо «приказам начальника», не подменяли аргументацию грубостью, изучали источник, а не подбирали «нужные примеры».

Гареев вольно обращается с трудами оппонентов. Из десятка наших книг и многих статей последних лет он не проанализировал ни одной. Он произвольно меняет названия работ, искажает смысл выхваченных им из контекста отдельных суждений. Якобы мы осуждаем «огульно то, что сделано»; утверждаем, что «все наши полководцы были бездарными», а («свои» — для нас) гитлеровские генералы «более образованны и талантливы». Автор отверг, но не разобрал по существу тезис о «выталкивании пришельца» из СССР в 1942—1945 гг., приписал принцип «с потерями не считаться» писателю. Впрочем, через две страницы сообщил, что «сталинская директива» гласила: «любой ценой, не считаясь ни с обстановкой, ни с потерями». Опираясь на документы, давно опубликованные в СССР Дашичевым, мы показали, что Гитлер *во изменение* плана «Барбаросса» в августе 1941 г. отказался от захвата Ленинграда, предписывая Леебу лишь *окружить* город. Об этом, по крайней мере, догадывался Шапошников, обращая внимание Ворошилова на усиление активности немцев против левого фланга Ленинградского фронта. Впервые мы узнали об этом от Басова. Жуков же не понял ситуации. Он принял сверхжестокие и бестолковые меры против штурма, позволив немцам закрепить окружение города. Явно не разобравшись в деле, Гареев отечески советует нам изучить план «Барбаросса» (декабрь 1941 г.)... К книге Гареева близки другие издания. Например, «Маршал победы» (1996), «Великий советский полководец» (1997). Автор статьи из второго сборника, имея в виду наше выступление по третьему телеканалу 11 мая 1994 г., пишет: это говорит «либо о некомпетентности... либо, скорее всего, об умышленной дезинформации народа по каким-то целевым вражеским заданиям или обычному подкупу». Любопытно, что примерно в таком же стиле нас ругал и Резун (Суворов) в своей очередной книге «Последняя республика» (1995).

В глазах думающего читателя книга Гареева вопреки его замыслам служит разоблачению мифа о «первом маршале». Она показывает, что миф неизбежно влечет за собой новые фальсификации всей истории войны, например, искажение событий, участником которых был Жуков. Приходят на память и другие мысли. Как было хорошо, когда наши книги

редактировали, и суждения автора одной и той же книги не исключали друг друга.

К «генеральской литературе» относится книга Ю. Горькова, претенциозно названная «Кремль. Ставка. Генштаб» (1995). Автор публикует выписки из журналов посещений Сталина в Кремле, но ему не удалось извлечь из них что-либо существенное. Он заявляет, что стремился показать многогранную деятельность командования Красной Армии до и в ходе войны. Но автор не выполнил своих обещаний. Его обобщения не радуют ни свежестью, ни глубиной. Горьков признает, что ему не по чину критиковать «великих полководцев», в первую очередь, Сталина. «Трудно, а порой и невозможно сказать, оправданы ли были жестокие меры... легко рассуждать о бесчеловечных приказах». Объявив непознаваемой сталинскую войну, автор тем не менее призывает учиться на ее опыте. Лишь вскользь касается он пороков «верховного». Тому «особенно нравились генералы, отличавшиеся грубостью, а иногда и крепкими кулаками». Автор сообщает о «типичном представителе этой породы» А. Еременко, о диком самоуправстве В. Чуйкова — расстреле офицеров (трибунал задним числом оформлял приговоры, инкриминируя им измену). Более близкие генсеку лица в этой связи не упоминаются. В главе «Из военно-научного наследия Г. К. Жукова» автор пересказал «найденные и отредактированные» им рукописи. Их однако нельзя отнести к «научному наследию». Упомянув доклад Жукова о наступательных операциях (1940 г.), автор промолчал, что он был написан группой офицеров под руководством Баграмяна.

Особо скажем о тщетных попытках пропагандистов «мифа» найти себе поддержку за рубежом. Никто в мире роль Сталина, Жукова и других советских маршалов в войне на научном уровне не изучал. Ссылки на западные авторитеты поэтому ничтожны. Ни Ф. Меллентин и К. Типпельскирх, ни Д. Эйзенхауэр и Г. Солсбери, ни М. Кайдэн и Й. Геббельс, на которых обычно ссылаются, не были учеными специалистами. Они не располагали необходимыми источниками и не владели методом сравнительного анализа. Гарееву не стоило вспоминать свои поездки на Запад. Это явно не обогатило его работы о Жукове¹.

На самом деле в западноевропейской и американской литературе можно найти практически любую оценку Жукова. Превалируют же весьма умеренные суждения о нем. Не случайно очень заинтересованному Н. Яковлеву не удалось найти для переиздания в РФ нужной ему полностью прожуковской книги. Работа К. Спара из США едва ли безупречна в этом отношении. В названии этой биографии есть слова *great cap-*

¹ См. также: Советская Россия. 1996. 30 ноября.

tain, переведенные Яковлевым как «великий полководец», что не соответствует содержанию книги. Автор признает, что «основным» источником для биографии были «Воспоминания и размышления». Такой подход резко ослабляет позицию биографа. Он испытывает сильное влияние консерваторов из СССР—РФ. В то же время он собрал существенный материал, характеризующий маршала не лучшим образом. Книга поэтому полна противоречий.

Автор представляет своего героя чисто военным специалистом, и тем не менее признает, что тот был искренним приверженцем сталинской системы. Вопреки мифу он сообщает о «провалах» маршала: не удалось окружить и уничтожить дивизии противника под Ельней, группу армий «Центр» зимой 1941/42 гг., немецкие войска под Ржевом, не достиг целей на Северокавказском фронте. Автор приоткрывает секрет успехов Жукова — львиная доля подкреплений шла на фронты, которые он «курировал». В очень мягкой форме Спар сообщает о «различном отношении Г. Жукова и Д. Эйзенхауэра к количеству людских потерь в военных операциях». На самом деле речь должна идти о двух диаметрально противоположных методах ведения войны. Сталина и его порученцев цена победы не интересовала. Нам возразят, что США могли позволить себе предпринять военные действия в Европе лишь на самых благоприятных для них условиях. Лидеры же СССР лишили себя такого выбора. Но это не оправдывает советских военных вождей. Тем более что условия 1941 и последующих годов создавались не без их участия.

Крайне противоречивы суждения Спара о нравственности маршала. Автор находит в нем «воплощение чести и мужества русского народа». Но очень часто сообщает о его «откровенной грубости», «приступах ярости», «хамском отношении» к подчиненным, зависти даже к своему родственнику А. Василевскому, злопамятстве, эгоцентризме, стремлении «приписать себе почти все победы», а поражения — политикам. Биограф сообщает, что в армии в бытность Жукова министром его называли «маршалом-тройчаткой» (понизить, снять, уволить). Спар воздерживается от принципиальной оценки. Хотя делает важное обобщение. Вспоминая «обходительных» Шапошникова и Рокоссовского, он замечает, что жуковский стиль «преобладал в среде высшего военного руководства».

Обращает на себя внимание сборник статей английских и иных историков «Генералы Сталина», изданный в 1993 г. в Лондоне. В нем представлены многие советские военные от М. Тухачевского до Г. Жукова. Авторы и издатели стараются не выделять кого-либо из них. В целом книга свободна от влияния мифа о «первом маршале». В статье Анфилова Жуков отличается «патологическим тщеславием», «авторитарным» менталитетом, «чрезмерными грубостью и резкостью». Судя

по всему, для иностранного читателя автор изобразил «другого» маршала. Тем не менее мы находим упрощенным резкое противопоставление Сталина и советских генералов. Действительно, Сталин — это «кровожадный диктатор, невежественный в военном деле»; в подавляющем своем большинстве советские генералы были выходцами из крестьян и в отличие от генералов Гитлера или Черчилля не имели хорошего военного и общего образования. Едва ли, однако, все они отличались «независимыми, самостоятельными суждениями, здравым смыслом, составлявшим основу их успеха во время войны». «Несмотря на постоянную угрозу чистки и опустошающее вмешательство Сталина, они добились невозможного — одержали победу». По нашему мнению, «тоталитарный вождь» и «новая военная элита» не были разделены некоей китайской стеной. «Элита» в несравненно большей степени была поражена сталинизмом, чем представляют себе создатели сборника. Определенное влияние генералов испытывал и сам Сталин.

В последние несколько лет усилилось и открыто антимарксистское («новое») направление. Оно опирается на государственную и частную, в том числе зарубежную поддержку. Серию книг, которую издает Российский гуманитарный госуниверситет (РГГУ), например, финансирует фонд Форда. «Новые» издают свои труды также в РАН, ряде других центров. Открыто антимарксистская тенденция привнесена извне. Она — своеобразная расплата за консервативные грехи советской историографии. На Западе мода на подобные книги о войне давно прошла. Недаром этот «демократический» феномен так неприятно поражает зарубежных ученых. Во многих отношениях он органически связан с молодым российским «антикоммунизмом». «Антикоммунизм», как известно, противостоит тому, чего в действительности никогда не было, хотя бы в виде развитого учения. В жизни он противостоял сталинизму, еще чаще извечному геополитическому евразийскому конкуренту Запада. С падением сталинизма как системы, ликвидацией СССР «антикоммунизм», к тому же российский, стал еще более примитивным, ложным, смешным, чем его традиционный вариант.

«Новые» историки также несамостоятельны, они лишь зеркальное отражение сталинистских. С тем большим рвением они пытаются разрушить все до основания, начать все с начала, по крайней мере, переименовать белое черным, героическое — подлым и наоборот. Как и политики-антикоммунисты, они немощны в профессиональном отношении. Они не изучают, а разоблачают в интересах конъюнктуры, делают ставку на обывателей. Уверенные в собственной безнаказанности, они прибегают к архивному пиратству и другим недозволенным приемам. Методологически «новые» и «старые»

близки друг к другу. Их роднит общая односторонность (апология — нигилизм). Подчас обе внешне противоположные тенденции причудливо уживаются в одной и той же работе. Так, П. Кнышевский в статье по необъятной теме «Великая Отечественная война» пытается механически соединить старые отечественные и зарубежные оценки. Вслед за Сталиным, он пишет о «полностью неожиданном» для правительства СССР нападении 22 июня, сильно преувеличивает потери Германии. Но считает Гитлера и Сталина «верными союзниками» (1939—1941), заявляет об «аннексии» Прибалтики, «завоевании» Венгрии, грубо преувеличивает потери СССР, утверждает, что лишь «сталинская имперская политика вызвала холодную войну»¹.

«Новые» историки объявляют «революционный» СССР главным, чуть ли не единственным виновником войны, изображают действия советской армии исключительно в темном свете, даже победу под Москвой называют «поражением» из-за очень больших потерь, а войну в целом — «проигранной» Советским Союзом. Эти авторы преувеличивают вклад западных союзников в разгром фашизма, требуют пересмотреть итоги войны. Они пишут об антинародной сущности партизанского движения, будто бы с самого начала инспирированного ВКП(б), НКВД, ставят на одну доску партизан и фашистских карателей. Воспринято мнение о Коминтерне и Национальном комитете «Свободная Германия» (НКСГ) как «инструментах» Сталина.

Наиболее одиозным явилось издание книг Резуна «Ледокол», «Аквариум» и др. В научном и нравственном отношении они не выдерживают критики. Специалист не найдет в них новых фактов и суждений. Составившая их основу гитлеровская легенда о «превентивной» войне уже подвергнута анализу в СССР и за рубежом. К сожалению, многие рецензенты не заметили, что под антисталинистской маской Резун и люди, стоящие за его спиной, фактически реабилитируют фашизм, противопоставляют реальной его агрессии предполагаемые, но не доказанные намерения Сталина, вслед за неофашистскими публицистами смешивают чисто политическое с сугубо военным. В справедливой и несправедливой войне армия может и наступать, и обороняться, вести боевые действия в своей стране и за ее пределами. Любой генштаб обязан разрабатывать любые варианты действий, в том числе и превентивные. Еще Клаузевиц писал о «прекрасном использовании предупреждения» как о «преимуществе наступления».

Поражает реакция на книги Резуна некоторых наших ученых. Наука на Западе давно и недвусмысленно отвергла его описи. В Москве же, в ущерб настоящей критике, охотно вер-

¹ См.: Kriegsgefangenen — Военнопленные. Duesseldorf. 1995. S. 20—29.

нулись к давно решенным вопросам. В некоторых опубликованных журналом «Отечественная история» статьях говорится, что эти книги восполняют «информационный вакуум», служат «катализатором исследований». Спорный характер носит сборник «Готовил ли Сталин *наступательную войну* против Гитлера?». Выделив в заглавии эти слова, в своих статьях составители и большинство авторов по существу говорят о войне агрессивной со стороны СССР. В ряде статей эта ложная версия подвергается критике. Но господствует в сборнике антинаучная тенденция.

Вслед за малоизвестными историками «новые» ввели в дело «тяжелую артиллерию». Опубликовали статьи члены академий, хотя и новички в литературе о войне. В статье А. Сахарова «Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг.» (Вопросы истории, 1995, № 7) проводится идея о «небывалом возрастании роли низов общества». Она не согласуется с чем-либо известным о сталинизме, кроме его собственной демагогии. Тем более что автор сообщает и о «безоговорочном контроле» генсека, возрождении им (спустя 15 лет после краха царизма) «авторитарной власти» с ее, как считает автор, «колоссальными внешнеполитическими преимуществами». Не может быть принят и его тезис о том, что «народной» Отечественная война была до 1944 г. Но мог ли измениться ее характер из-за того, что союзные дивизии СССР и Польши в одном из сражений перешли на другую сторону Буга?

Сахаров ставит «кардинальный вопрос», какую войну готовил СССР — «оборонительную или наступательную». Сравнение с 1812 г. не усилило его позиций. Гитлер качественно отличался от Наполеона и других захватчиков. Сам автор пишет: «враг был настолько силен, беспощаден, коварен», что и «логика борьбы», и сложные взаимоотношения с союзниками диктовали СССР разгромить врага на неприятельской территории. Автор утверждает, что такой удар в 1941 г. «спас бы миллионы жизней». Однако при многих преимуществах Красной Армии перед вермахтом она была неспособна нанести такой удар. Кстати, ни Василевский, ни Жуков не считались «мастерами упреждающих ударов».

Мы разделяем мнение Сахарова о «глубоком воздействии на весь характер сопротивления революционно-социалистических народных ценностей, соединенных с традиционным русским (не только русским. — *Авт.*) патриотизмом». Идеи Октября еще жили в народе. Но мы не можем принять понижающую всю статью мысль о мировой революции как цели Сталина в войне. Впрочем, у автора встречаются и прямо противоположные суждения: Сталину присущи были царистские устремления; «вечные национальные интересы» вышли «на первое место». Фактически автор признает, что еще в 30-е гг. не только во внутренней, но и во внешней по-

литике Сталин отказался от революционной романтики, лозунгов и тем более целей! В частично опубликованной в «Новом мире» записи его речи 19 августа 1939 г. и записке И. Майского «О желательных основах будущего мира» 11 января 1944 г. («Источник», 1995, № 4) за псевдореволюционной риторикой четко прослеживается стремление занять позицию третьего радующегося.

Сахаров недооценивает специфику германского фашизма, чья глобальная захватническая программа исключала «союзы» с другими великими державами. К коалиции с СССР США и Великобританию побудили в первую очередь не их общественное мнение и не «сталинское руководство» (Запад «вождю» не верил), а сознание огромной опасности фашизма. Нельзя считать «во многом однотипными» цели гитлеризма и сталинизма, как и представлять СССР чуть ли не главным агрессором. Была ли когда-нибудь его внешняя политика «всемирной»? В статье есть и другие спорные положения. Так, автор пишет, что защищать или обличать сталинскую дипломатию якобы «совершенно бессмысленно». «Мораль здесь ни причем. В политике есть лишь результаты — победы или поражения». Но не возвращает ли нас такая постановка вопроса к первобытному праву: «победителей не судят»? «Умиротворение» лишь частично отражает суть сталинистской дипломатии первой половины 1941 г. Она не «действовала вполне в духе времени, решительно, масштабно, инициативно», как пишет автор. На деле Сталин, его политические и военные советники вели себя крайне нерешительно и противоречиво. Немецкие части пересекли оговоренные ранее границы не только в районе Нарева. Это не было «звонком к столкновению». Сталин сам оттягивал переход Красной Армией советско-польской границы. Пакт СССР и Японии (апрель 1941 г.) не мог стать «первым дипломатическим актом в развязывании второй мировой войны». «Советские аппетиты точно укладывались в геополитические российские приобретения XVIII—XIX веков»; «СССР вернул себе все, что ослабленная Россия утратила» в период гражданской войны, утверждает автор, забывая, что Сталин отказался от Люблинского и Варшавского воеводств, населенных поляками, и сохранил независимость Финляндии.

Как могла одна битва определить и «начало перелома», и переход стратегической инициативы из одних рук в другие? Неверно и политически вредно выделять «упорный характер (лишь. — *Авт.*) славянских народов». Вступление СССР в войну на Дальнем Востоке было, по мнению Сахарова, «грубейшим нарушением» пакта о нейтралитете. Но разве Япония соблюдала этот пакт, оказывая существенную помощь Германии, главному противнику СССР, и воюя с США, его главным союзником? «Холодная война» — не только ответ на по-

беды СССР, но и продолжение традиционной политики Запада. И в 1941—1945 гг. антисоветская линия определенных западных кругов подчас парализовывала антифашистскую коалицию.

Ссылаясь на эту статью А. Сахарова, Ю. Афанасьев в сборнике «Война 1939—1945: два подхода» (1995) также стремится представить, будто бы у Сталина в 1941 г. были вполне определенные и последовательно осуществляемые политика и стратегия. Но это — фактическая идеализация «вождя». Уже в начале 1941 г., тем более после краха его курса 22 июня, на деле были неуверенность и метания из стороны в сторону, неадекватная реакция на быстро меняющуюся обстановку. В целом попытки этого академика сказать свое слово о войне производят не лучшее впечатление. Он сообщает, что Резуну понимание «подлинных целей» Сталина пришло как некое озарение («вдруг открылось»). Самому же автору потребовалось «углубленно изучать» войну с середины 80-х гг. За 11 лет он создал статью «Другая война: история и память». В ней мы нашли лишь пересказ известных нам по западной реакционной литературе предложений В. Резуна, Т. Бушуевой, М. Мельтюхова, А. Сахарова считать сталинизм «народным», пересмотреть дату начала второй мировой войны, принять в кавычки слова «Великая Отечественная», пересмотреть роль СССР в войне и мире, объяснить поражение РККА 1941 г. неведомыми «гораздо более серьезными причинами», выяснить, выиграл СССР войну или проиграл. Как правило, автор воздерживается от каких-либо доказательств. Нам так и не удалось установить, где в этой статье кончается наука и начинается «антикоммунизм».

С тех же позиций написан и другой сборник, изданный РГГУ, — «Советская историография» (1996). В заглавной статье о «феномене советской историографии» Афанасьев тщетно пытается сделать некое глобальное обобщение. Но статья, как и весь сборник, дает весьма неполную и одностороннюю картину. Не нашли должного места в сборнике, например, военная историография, как и одна из ее бесславных страниц — разгромная «конференция» против А. Свечина. Последняя была видной вехой на пути сталинизации общественных наук. Обойдено молчанием Всесоюзное совещание историков 1962 г. Вводная статья задала нигилистический тон всей книге. Она написана под знаком «все советское — плохо». Характерны названия ряда статей: «Наука, не обретшая лица», «Убитая душа науки». Авторы многих статей нередко переходят на простой пересказ прошлого, на историческую библиографию. Обстоятельный анализ того или иного труда или творчества историка подменяют разбором отдельного его суждения.

В ряде статей господствует точка зрения: «основы идеоло-

гизации общественных наук были заложены по инициативе Ленина»; подлинное зло — не сталинизм, а «честолюбивые ревнители ленинизма». На деле же сами авторы многих статей следуют догматически искаженному марксизму-ленинизму. Те же политизированность, категоричность, несостоятельные обобщения. Можно ли отрицать, например, существенные различия в научном уровне разных разделов советской историографии, все ли поголовно советские ученые жадно ловили указания вождей, была ли «полной» изоляция советской историографии от зарубежной в 80-е гг., целесообразно ли изгонять из науки материалистическую историографию? Не сумели преодолеть многие авторы и другую порочную черту того «феномена». Они цитируют только «своих», делают вид, что они *первыми* исследуют данную тему. Проигнорирована, в частности, книга «История и сталинизм» (1991), хотя по содержанию своему она является главным предшественником «Советской историографии». Тем более что некоторые авторы второй во многом просто повторяют первую. Не лучшую традицию воспроизводит А. Логунов, посвящая треть статьи о «кризисе науки» своему «шефу» Афанасьеву, чьи полупублицистические статьи он называет «историографическим феноменом». Этот же автор проявляет старую привычку сводить историческую науку к ее наиболее отсталому в научном отношении участку — истории КПСС.

В. Кулиш в статье о советской историографии минувшей войны руководствуется методологическим авторитетом А. Яковлева, несостоявшегося политика и историка. Не вследствие ли этого автор фактически обошел молчанием сталинизм? В статье представлена, по меньшей мере, двусмысленная трактовка начала советско-германской войны и военно-политических целей СССР. Как о доказанном факте сообщает автор о «подготовке (СССР. — *Авт.*) к наступлению без должного укрепления обороны». Вторым и «воспользовалось германское руководство, опередив Советский Союз в нападении». О намерениях фашистов в Восточной Европе статья молчит. Так принято в этом направлении. Внимание сосредоточено исключительно на военных делах. Цели СССР разделены на «заявленные Советским правительством», совпадающие с интересами народов (разгром фашистского блока, освобождение захваченных территорий СССР, помощь другим народам) и «скрытые», которые будто бы «неожиданно всплыли в конце 80-х годов» — ликвидировать антисоветский санитарный кордон, выйти «на просторы Прибалтики», присоединить Бессарабию и Буковину, укрепить позиции на Балканах, «открыть свободный проход» через Босфор, освободить Южный Сахалин. Явно считая *все* эти намерения несправедливыми, автор заключает: изучение второй группы целей, «по-видимому, внесет серьезные коррективы в определение характера

войны». Напомним, что вся мировая научная историография считает войну со стороны СССР безусловно справедливой. Лишь немногие в РФ (публицистка Е. Боннер и историк А. Сахаров) относят это к периоду с июня 1941 г. по июль 1944 г. Они следуют, в частности, за А. Власовым и другими авторами Манифеста комитета освобождения народов России (ноябрь 1944 г.)¹ или за современными неонацистскими публицистами (П. Карелл, ФРГ).

Обращаясь к предыстории названных претензий СССР, автор вспомнил даже Ивана Грозного, но преднамеренно не коснулся, по меньшей мере, спорных обстоятельств утраты Россией Прибалтики и Бессарабии (в то время оккупированных Германией и Румынией), западных областей Украины и Белоруссии. И главное, можно ли ставить на одну доску труднейшую борьбу со страшным пришельцем и частные намерения (правомерные и имперские), возникавшие в Кремле в 1939—1945 гг.?

В сборниках «Советская историография», «Исторические исследования в России», многих других изданиях постоянно находят место весьма посредственные статьи Мельтюхова о некоторых частных моментах предыстории войны. Мы не считаем необходимым анализировать все известные вариации на заданную тему, отметим лишь то, что их объединяет. Один из проповедников тезиса о «ледоколе», ученик консервативных учителей, автор недостаточно знаком с освещением избранной им темы в отечественной литературе. Так, на деле «роль союзников в войне» в СССР начали исследовать, как и «спорить о наличии» секретного приложения к советско-германскому пакту, о политическом характере войны Германии против СССР, задолго до 1989 г. Ошибочно сводить фактическое многоголосие новейшей литературы о предыстории войны к двум направлениям — официальному и оппозиционному. Это упрощение. Д. Волкогонова и Г. Куманева лишь при самой безудержной фантазии можно отнести к специалистам по этой теме, а В. Резуна — к ученым. Автор взялся рассматривать освещение всей проблемы в литературе СССР—РФ вне связи с соответствующей зарубежной, в первую очередь, с германской историографией. Это чрезвычайно ослабляет его позиции.

Мельтюхов, как правило, лишь *сообщает* различные точки зрения, не высказывая собственного мнения. Такая описательность недопустима в науке. Историография же вообще немыслима без оценок и критики. Автор справедливо замечает слабую изученность темы «Красная армия накануне войны», такую же источниковую основу, осуждает апологетику и сам... впадает в ту же односторонность. Так, он безосно-

¹ См.: *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера. М., 1993. С. 430.

вательно утверждает, что в предвоенных трудах советских теоретиков доминировала «идея внезапного упреждающего удара», ее «полностью разделяли» руководители НКО и ГШ. Ссылка на «мнение В. Суворова и Й. Гоффмана» (ФРГ), уже отвергнутого наукой, не усиливает позиции автора. Вслед за ними он реабилитирует фашизм и обвиняет в агрессивности СССР, закрывает глаза на шоковое состояние советского руководства. Слабо подготовленный в военно-теоретическом отношении критик не сумел оценить освещение советскими историками всего комплекса вопросов, связанных с внезапным нападением на СССР. По утверждению Мельтюхова, некие «положения» Резуна «опираются на серьезную базу исторических фактов» и до сих пор «не поколеблены», а ничтожные по своему содержанию книги Резуна будто бы ставят «научные проблемы», содержат «новую концепцию».

Было бы ошибочным не замечать определенные достижения ряда авторов из «Советской историографии». Таковы новые материалы и мысли в статьях об архивном деле СССР—РФ или статья М. Ферретти (Италия), подлинного «диссидента» в этом сборнике. Касаясь современной отечественной историографии, он с полным основанием недоумевает, почему «на смену обличению сталинизма» пришла «радикальная критика Октябрьской революции, замешанная на ностальгии по царской России»; почему «демократы» стремятся не понять сталинизм, а «вычеркнуть» его из своей памяти; почему они нелепо восхищаются Пиночетом и Столыпиным и наделили Ельцина такой властью, что «открыли путь к авторитарному перерождению политической жизни». Автор пишет о нищих духом идеологах, вновь «претендующих на монопольное владение истиной». Они стремятся «избавиться от личной ответственности», проявляют нетерпимость и «безальтернативность мышления, леденящим образом которого был Сталин». Они вновь возводят телевидение «в ранг агитпропа». Оно «бесконечно убеждает» в правильности «единственного пути — шоковой терапии».

Естественно, деление современной отечественной литературы о сталинизме и второй мировой войне на три направления весьма условно. Есть, в частности, книги, которые не могут быть отнесены ни к одному из названных направлений. Такова, например, «Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина» О. Платонова (1996). Ее основные идеи — это монархизм, православие, великоросский шовинизм, антисемитизм, антизападничество, антисоветизм. По мнению автора, в 1930—1940-е гг. СССР был в центре вселенной. Вторая мировая война была направлена главным образом против СССР и России. При описании внутренней истории страны внимание автора преимущественно сосредоточено на проблемах «Сталин и церковь», «Сталин и евреи».

Глава вторая

СТАЛИНИЗМ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В литературе разных стран и направлений представлены самые различные точки зрения на происхождение второй мировой войны и причастность к этому СССР и его лидера Сталина. Пишут о противостоянии двух систем — капиталистической и социалистической. Но это, по крайней мере, некорректно. Было лишь одно государство (а не «система»), которое претенциозно называлось «социалистическим». Война же возникла внутри капиталистического мира. Место СССР в «мировом концерте» 30-х гг., как и его возможности столкнуть друг с другом своих вероятных противников, нельзя преувеличивать. По аналогии с первой выводят и вторую мировую войну из борьбы империалистических государств за рынки сбыта. Но фашистские инициаторы последней из этих войн далеко не ограничивали свои претензии лишь захватом рынков. Сообщают о «реванше германского империализма». Но он вернул утраченное им в 1918 г. в основном еще до 1 сентября 1939 г. Предлагают версию: «перedel мира между Германией и СССР». Но несправедливо сбрасывать со счетов другие великие державы, так же как и ставить на одну доску Германию и СССР. Даже если будущие историки раскроют какие-то новые документы о соответствующих планах Сталина, его реальные действия нельзя будет сравнить с фактически совершенными Гитлером агрессивными действиями.

Ряд авторов не учитывает принципиальных особенностей второй мировой войны, как и фашистской формы империализма, недооценивает разницу между главными и второстепенными виновниками войны, а также весьма распространенные версии причин войны, которые в значительной степени обусловлены национализмом. Мы имеем в виду утверждения о том, что в возникновении второй мировой войны или нападении на СССР не повинен ни один человек в Германии, в другом варианте — в СССР, в третьем — в США, Англии и Франции. Эти утверждения лишь по форме различны — во всех случаях виновников войны отыскивают в чужих странах. По сути же своей они едины, являясь проявлениями одного и того же одностороннего подхода. Проявления эти в литературе ФРГ, а также других стран Запада в той или иной мере

уже подвергались критике советской историографией. Отечественный же вариант этого стереотипа привлек внимание советских историографов лишь в последние годы.

Вину Гитлера и лиц, стоявших за его спиной, можно считать доказанной, как и ответственность за войну «умиротворителей». Труднее обстоят дела с установлением вины Сталина и его группы. Состояние источников не позволяет теперь утверждать, что при первом же удобном случае он напал бы на Германию; не позволяет, однако, и отбрасывать такое предположение. Одно ясно, что его позиция не была безупречной. Вся его зарубежная деятельность — это, по меньшей мере, утраченная возможность если не предотвратить новую мировую войну, то хотя бы удержать СССР вне ее. Не понимая природы тогдашнего капиталистического мира, недооценивая антимилитаристские тенденции, Сталин проводил сектантскую тактику в мировых освободительных движениях, делал антигуманную ставку на войну между различными блоками государств и преимущества «третьего радующегося». Вступив в сотрудничество с фашистскими государствами, он сам пошел на имперские акции в 1939—1941 гг. Агрессия против СССР имела глубокие империалистические корни, но непосредственно она была спровоцирована неумной политикой Сталина, Молотова и других его политических и военных советников.

Из всех ложных трактовок происхождения войны наиболее одиозная — это легенда о «превентивной» войне. В день нападения на СССР 22 июня 1941 г. Берлин опубликовал различные материалы, призванные оправдать агрессию, в их числе и обращение к народу «фюрера». Так возник немецко-фашистский вариант давно известной легенды об «упреждающем» нападении. Захватчики, как правило, стремятся скрыть свои намерения, обосновывая те или иные поводы. Часто это было обвинение государства-жертвы в том, что оно само собиралось напасть. А вооруженные силы агрессора предпринимают действия, будто бы лишь в военном смысле наступательные, а в политическом — вполне справедливые.

Легенда о «превентивной войне» была подхвачена фашистской пропагандой в военные годы, Кейтелем и другими военными преступниками, немецкой защитой на судебных процессах в Нюрнберге. Уже в первое послевоенное время легенда была воспринята крайне консервативной историографией и неофашистской публицистикой. Некоторые слова и дела Сталина и его группы делают эту версию правдоподобной. В целом, однако, такая оценка роли СССР — это результат идеологизирования. В том и другом необходимо искать источники живучести легенды, хотя сама по себе аргументация фашистов в ее пользу была достаточно примитивной: «агрессивный коммунизм», «славянские орды» угрожают Германии, и она вынуждена обороняться наступаая.

Ни в ФРГ, ни тем более в других странах Запада легенда не смогла завоевать большинства читателей. Неприятие легенды в последующие годы усиливалось. Было показано, что нападение на Советский Союз было ни чем не прикрытой агрессией, летом 1941 г. СССР не собирался нападать на Германию. Различные публикации вскрыли подлинные цели фашистов на Востоке Европы. В 80-е гг. Э. Нольте и его коллеги (ФРГ) вновь пытались оживить легенду в связи с известной дискуссией, в ходе которой они оправдывали преступления фашистов, ссылаясь на «преступления большевиков». В последнее время возник и наиболее изощренный вариант версии — суждение о двух «упреждающих войнах» одновременно со стороны и Германии, и СССР. К чести историографии ФРГ и других стран Запада нужно сказать, что все это вызвало резко отрицательную реакцию. Большинство историков и других обществоведов отвергали попытку оправдать фашизм с помощью ссылок на сталинизм¹. Тем не менее ныне в той или иной форме некоторые историки из РАН легенду приняли. Так, по мнению О. Вишлева, война со стороны Германии против СССР была превентивной «только в том смысле, в каком обосновывал Гитлер ее необходимость перед высшими чинами вермахта в 1940—1941 гг. — как войны против потенциального противника и возможного союзника Великобритании. Ни в каком ином смысле превентивной для Германии она не была»². Но «ни в каком ином смысле» не применяло эту легенду и ведомство Геббельса...

Исследования видного военного историка из ФРГ М. Мессершмидта показали, что дислокация РККА на западной границе не была наступательной. Осуществляя агрессию, Гитлер и его генералы отнюдь не исходили из необходимости «упредить» советское выступление. Больше того, они рассчитывали на быстрый успех. Целями нападения были создание мощного геополитического блока, обеспечение сырья для длительной войны за мировое господство, решение проблемы «жизненного пространства», уничтожение большевизма. Главной целью фашизма было создание в Восточной Европе «Германской Индии»³.

В советской литературе о зарубежной историографии войны, начиная с 50-х гг., легенда об «упреждающем» ударе постоянно привлекала неоправданно высокое внимание. Жилин и другие официальные историки и публицисты учитывали, что эта историографическая конструкция наиболее убога, что она более всего отвечает тому упрощенному пред-

¹ Historiker-Streit. München. 1987; Hitlers Krieg? Köln. 1989; Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1989. H. 4. S. 673—715.

² Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 89.

³ Hitlers Krieg? S. 114—115.

ставлению о зарубежной историографии, которое доминирует среди советских историков. «Разоблачить» ее не составляет никакого труда. Поверхностная критика легенды в отличие от наиболее сложных зарубежных концепций генезиса войны позволяла не касаться запретной для советской историографии темы — внешне-политического курса Сталина. Один из авторов этих строк, на протяжении 60—80-х гг. тщетно убеждал Жилина, что легенда не является ни самой опасной в идейно-политическом отношении, ни самой влиятельной в ФРГ, тем более в других странах; что большинство читателей за рубежом приняли сравнительно объективные точки зрения. В критике легенды необходимо, на наш взгляд, уделять внимание не только конкретной военной ситуации 22 июня 1941 г. на советско-германской границе. Главное заключается в рассмотрении глубинных явлений — той политики, которую проводили правящие классы Германии на протяжении десятилетий.

Известному французскому ученому А. Мишелю кризисная обстановка в Европе накануне второй мировой войны представлялась в виде своеобразного треугольника (Берлин, Лондон—Париж и Москва), каждая из вершин которого пыталась найти выход из кризиса за счет двух других. В какой-то мере это действительно так, хотя едва ли нужно отождествлять агрессоров и государства, которые хотя в той или иной мере и поощряли агрессию, но сами не были агрессорами. В настоящей главе мы рассмотрим суждения Сталина о позициях «вершин» этого треугольника. Преимущественное внимание уделим, однако, третьему участнику «европейского концерта» — СССР. До сих пор это изучено в наименьшей степени.

1. Сталин о фашизме и его «умиротворителях»

1

Научные представления о фашизме вообще и его немецкой разновидности, ставшей впоследствии своего рода классической формой, развивались в течение длительного времени и весьма неравномерно¹. Сказалось изменение самого этого явления в начале как движения, впоследствии как диктатуры, в мирное время и во время войны, существенные различия между его национальными формами; наконец, появление различных аналогичных авторитарных режимов во многих странах. Сильно затрудняли научное исследование идеологические влияния. Суждения Сталина живут еще не

¹ Kershaw J. Das NS-Staat. Reinbeck. 1988; Kühnl R. Der deutsche Faschismus in Quellen und Dokumenten. Köln. 1987; idem. Der Faschismus. Heilbronn. 1988; idem. Faschismustheorien. Heilbronn. 1990; idem. Gefahr von rechts? Heilbronn. 1991.

только в обыденном сознании, но и в литературе, претендующей на научность. Кроме того, его представления о современном ему капиталистическом мире, и это важно подчеркнуть, в большой мере обусловили действия советской дипломатии вплоть до 90-х гг.

При ознакомлении с публикациями Сталина бросается в глаза его крайне недостаточное внимание к явлению, которое на рубеже 30—40-х гг. займет центральное место в мировой истории. В этих публикациях мы не нашли какую-либо характеристику, которая сравнялась бы по уровню обобщения с оценкой, данной XIII пленумом ИККИ в декабре 1933 г.: «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и, в частности, деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс». Как показано в новейших исследованиях, эта характеристика фашизма оказывается недостаточной, она может быть принята лишь в качестве основы. Она опирается главным образом на опыт диктатуры в Италии. Но эта ветвь оказалась периферийной. Характеристика не могла учесть опыт германской — основной — разновидности этого явления. Вторая мировая война, это главное «дело» фашистов, была еще впереди. Старое определение игнорирует или недооценивает геополитический, национальный и другие факторы, сужает сам круг носителей фашизма.

Характерно, что Сталин никогда не цитировал оценку, принятую впоследствии VII Всемирным конгрессом Коминтерна и включенную в программы КПСС и ряда других компартий. Судя по всему, «вождю» никогда не удавалось подняться до понимания нового качества современного ему мира. С одной стороны, капитализм Рузвельта сильно отличался от той схемы, которую догматический ум «вождя» нарисовал себе еще в прошлом веке и которую он разделял до конца жизни. С другой стороны, и реальный империализм Гитлера вышел далеко за пределы того, что могла нарисовать фантазия «вождя». Фашизм был совершенно иной формой империализма. В 1924 г. Сталин видел в нем лишь «боевую организацию буржуазии». Из доклада на XVII съезде ВКП(б) (1934) мы узнаем, что фашистская политика ему «напоминает в основном политику бывшего германского кайзера». Забегая вперед, напомним, что и 6 ноября 1941 г., когда эта политика раскроет себя во всем своем безобразии, «вождь» заявит: «По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме». Обе эти

исторические параллели полностью несостоятельны. Чем они вызваны? Незнанием предмета, в частности, истории Германии, страхом перед самодержавием, навеянным юношескими воспоминаниями? Известно, что оно весьма неблагосклонно относилось к бунтарю из Гори. По сути же проблемы: фашизм многократно превосходил российскую и германскую монархии вместе взятые по степени империализма, шовинизма, антидемократизма.

В том же докладе на XVII съезде в соответствии с представлениями об умирающем капитализме Сталин нашел в фашизме проявление «слабости буржуазии» и «назревания революционного кризиса». Здесь же он высказал мнение о «недолговечности» фашизма. По существу это лило воду на мельницу сторонников усыпляющего тезиса об автоматическом крахе фашизма. Непонимание его особой опасности дорого обошлось народам, в первую очередь советским. Этот просчет проходит красной нитью через все сочинения «вождя». В беседе с Уэллсом Сталин называет фашизм «реакционной силой», которая пытается «сохранить старый мир путем насилия». Но разве любая «реакционная сила» не поступает точно так же? Во время войны он широко применял по отношению к фашистам такие эпитеты, как «крепостники», «черносотенцы», «цепные псы банкиров и плутократов». Это — мало удачные, искажающие суть образы, но не концепции. Крепостники и черносотенцы лишь отдаленно напоминали фашистов. Последние отнюдь не были чьими-либо «псами». НСДАП — это политическая партия, которая особенно во время войны в значительной степени приобрела независимость от тех, кто в свое время призвал ее к власти. Это прослеживалось не только в политической, но и военной, экономической областях.

Непонимание фашизма проявляется также в игнорировании его предыстории. В зарубежной историографии в течение многих лет проходила дискуссия, означал ли фашизм своеобразный «провал» в истории Германии или он имел определенные исторические корни. Большинство ученых пришло к выводу о наличии в германском прошлом двух тенденций. Фашизм ведет свое начало от одной из них, именно: реакционной, милитаристской. Было ли доступно это Сталину или этого наука достигла лишь в наши дни? Нет это было доступно и ему. Имея в виду особенности германского капитализма, Ленин писал: «против этой группы, англо-французской, главным образом, выдвинулась другая группа капиталистов, еще более хищническая, еще более разбойничья — группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты...» В Германии, отмечал он, «гигантская сила капитализма» соединялась с «гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну орга-

низацию государственного капитализма»¹. В то же время в стране сохранили сильное влияние в экономике, идеологии докапиталистические силы; буржуазно-демократические традиции в отличие от США, Англии, Франции здесь были слабыми. В первой мировой войне германские капиталисты не только не реализовали своих захватнических устремлений, но и были вынуждены подписать грабительский Версальский договор. Сталину же не дано было заметить, что эти черты германского империализма таят в себе опасность для всего мира.

Знание предыстории фашизма предотвратило бы ошибочную оценку его как «буржуазно-националистического течения». Именно так думал «вождь» в течение длительного времени. Лишь 6 ноября 1941 г. он скажет: «...Гитлеровцы являются теперь не националистами, а **империалистами** (выделено Сталиным. — *Авт.*). Пока гитлеровцы занимались собиранием немецких земель и воссоединением Рейнской области, Австрии и т. п., их можно было с известным основанием считать националистами». После того, как они «захватили чужие территории... и стали добиваться мирового господства», «гитлеровская партия стала империалистической». Не подгоняет ли «вождь» и эту оценку под те ошибки, которые он допустил в прошлом? Не наивно ли полагать, что патриоты так легко «стали» империалистами? Разве книга «Моя борьба» не показала еще в 20-е гг., кем были они с самого начала? Непонимание этой истины трудно объяснить. Пожалуй, снова мы имеем дело с полуобразованностью. Какая разница, например, между «собираанием немецких земель» и «воссоединением»? Далее. Австрия никогда не входила в состав Германии. Больше того, такое вхождение было запрещено в Версале. Произошел захват независимого государства, но не «воссоединение».

Реваншистские («ревизионистские») требования фашистов были лишь определенным стартом на их пути к мировому господству. Якобсен отмечает тезис о «националистическом» периоде в развитии фашизма: «Несомненно, это — ложь, что нацистская внешняя политика 1933—1939 гг. делилась на периоды ревизии и экспансии (1933—1937, 1938—1939). Напротив, речь идет о том, что до 1937 г. была фаза скрытой подготовки агрессии, с 1938 г. началась фаза открытой экспансии средствами угрозы применения силы и развязывания войны в 1939 г.». Впрочем, позднее Сталин опровергнет по существу свои ложные построения о метаморфозе «патриотов». В речи 9 февраля 1946 г. он приблизится к истине: Германия, Япония и Италия «раньше, чем напасть», «заявили во всеуслышание, что они добиваются распространения фа-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 83; Т. 38. С. 157. Ср.: *Görtemaker M. Deutschland im 19. Jahrhundert. Bonn. 1989. S. 350—390.*

шистского режима во всем мире, порабощения всех свободлюбивых народов».

Признание Сталиным глобального характера завоевательной программы германских фашистов придет поздно. Причем это признание никогда не было полным, последовательным. Фашистские цели мирового господства упоминаются лишь мимоходом, в придаточных предложениях. «Вождь» не видел, что наличие глобальной программы, в первую очередь, и отличает фашизм от предшествующих ему форм империализма. Не захват рынков сбыта и источников сырья было целью агрессоров во второй мировой войне, как и поныне продолжают считать сталинисты по аналогии с ситуацией начала века, а военный захват, политическое подчинение, экономическая эксплуатация всего мира. Победа агрессоров в войне 1914—1918 гг. угрожала захватом части колониальных владений Великобритании или окраинных земель России. Заметим, что Сталин всего за полгода до начала второй мировой войны ограничивал цели фашизма возвращением колоний, потерянных Германией в первой мировой войне. Победа же агрессоров в войне 1939—1945 гг. на самом деле угрожала независимости всех, в первую очередь великих держав. В западной литературе проходила дискуссия по поводу глобальных или региональных (европейских) целей фашистской Германии. А. Хилльгрубер и ряд других ученых своими специальными исследованиями доказали, что Германия преследовала цели мирового господства. Пока не найден единый документ, который отражал бы в целом глобальную программу ее завоеваний. Нельзя, очевидно, отрицать и импровизации в цепи разбойных маршей вермахта. Но имеющиеся документы и сами события подтверждают вывод о реальной угрозе со стороны фашизма для всех народов планеты.

Вполне естественно, что держава, посягнувшая на покорение мира, несет главную ответственность за вторую мировую войну и ее последствия. Ныне большинство историков всех стран считают Германию главным виновником. От существовавшего ранее тезиса о трех «военных очагах» отказались. Италия вскоре из союзника Германии стала ее сателлитом. Япония вела в какой-то мере «автономную войну». Однако ее правящие круги связывали свой успех лишь с ожидаемой победой Германии. Разумеется, не только неограниченные притязания германо-фашистского империализма выдвинули его на первое место среди агрессоров. В фашистском блоке Германия обладала наибольшим экономическим и военным потенциалом, опытом милитаризма. Ее дипломатия, едва ли отличавшаяся большим профессионализмом, тем не менее искусно играла на противоречиях противников. Ее пропаганда во много раз преувеличивала действительную силу вермах-

та в воображении не только обывателей, но и многих государственных деятелей Запада и Востока.

Новых завоевателей не сдерживали никакие нравственные и правовые нормы. Германский фашизм, соединивший в себе крайние черты империализма, милитаризма, расизма, современные военно-технические достижения, имел небывало сильную военную машину. В числе форм управления, к которым широко прибегали фашисты, были концентрационные лагеря. Среди методов экономической эксплуатации — широкое принудительное привлечение иностранной рабочей силы. Во время войны в основном насильственным путем было вывезено около 14 млн. иностранных рабочих. В 1944 г. их число в Германии составляло 6,5 млн.

Представляют интерес цели фашизма в Восточной Европе. В ряде своих выступлений Сталин ошибочно истолковывал их как восстановление власти российских помещиков и капиталистов. Советская пропаганда явно преувеличивала роль в осуществлении оккупации возвратившихся «в обозе захватчиков» — бывших владельцев земли, заводов, домов. Ни о каком восстановлении былой власти фашисты не помышляли. Среди их военно-политических руководителей были разногласия о степени привлечения тех или иных «бывших» из числа местного населения. В принципах же расхождения не было: уничтожить или предотвратить возрождение в этом регионе любой государственности, любого влияния, кроме немецкого. Со всеми русскими, украинцами, белорусами, представителями других народов предполагали поступить следующим образом: уничтожить ту их часть, которая, по мнению оккупантов, была враждебна «Великой Германии» в расовом или политическом отношении. Остальную часть — заставить работать на оккупантов. Речь не шла о поголовном истреблении, как считают и ныне некоторые авторы. Фашисты были достаточно практичны: основная масса населения должна была работать на них.

Сказанное о целях фашистов в СССР основано на многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных историков, на достаточной источниковой базе. Эти цели не только отражены в документах и воспоминаниях. Их осуществление вылилось в реальные дела фашистов. Существуют, однако, и иные версии. «Настоящей причиной» нападения на СССР, по мнению журналиста из «Молодой гвардии», являлась необходимость «основательно проверить себя на прочность». Немцы объявили себя высшей расой, им требовалось убедить в этом самих себя. Единственный достойный их противник — русские. И немцы начали войну. Если б при такой фантазии иметь еще и знание! Дело в том, что в отличие от кануна первой мировой войны перед второй в Германии не было того энтузиазма. Еще меньше его было в июне 1941 г. Действовал

пакт о ненападении. В стране помнили заветы Бисмарка никогда не воевать с этим «достойным противником». Нельзя сбрасывать со счетов и пропаганду КПГ, СДПГ и других антивоенных партий. Пора отказаться от старого стереотипа, воспитанного Геббельсом не только в немцах: «народ и НСДАП едины». Новейшие исследования доказали, однако, что большинство немцев не были уверены в своей мессианской роли, они были скорее политически пассивны¹.

Часть историков на Западе, а сейчас и часть прессы в РФ, объясняют нападение на СССР стремлением фашистов выбить из рук Англии ее «континентальную шпагу». После провала попытки поразить Англию прямым ударом они будто бы прибегли к «стратегии не прямых действий». На самом деле в 1941 г. Англия из возможных своих союзников могла надеяться только на СССР. США не были еще готовы к большой войне. Положение Англии было критическим, и нападение Германии на СССР было спасением для нее. Однако завоевание СССР для Германии — задача, совершенно самостоятельная, стратегическая. Она не зависела от каких-либо тактических соображений. Если иметь в виду лишь «английский аспект» 22 июня 1941 г., то нельзя забывать (этого как раз не учитывал Сталин), что в тот момент Англия была не опасна для Германии, что немедленный захват Англии был невыгоден для Германии. Падет английское правительство и все богатейшее наследие Британской империи попадет в руки Японии, США, СССР. Так не без оснований полагали советники Гитлера, имея в виду, что слабость океанского флота Германии не позволит ей овладеть британскими колониями и доминионами. Ошибочно представлять Восточный поход в виде некоей вспомогательной операции в ходе германско-английского столкновения. По планам фашистского руководства сам «великий марш на Восток» готовился через промежуточные победы.

Нельзя не отметить еще одну версию, получившую широкое распространение на Западе, а в последнее время также проникающую и в отечественную литературу. Речь идет об антисемитском аспекте нападения на СССР. Ряд авторов прямо или косвенно пишут о решающем масонском влиянии, о неведомой «злой воле», которая стремилась направить друг на друга немцев и русских. При этом не приводятся какие-либо подтверждения. На самом деле фашисты уничтожили 6 млн евреев исключительно по расовому признаку, независимо от пола, возраста, мировоззрения, политических взглядов и др. Однако было бы ошибочным считать это «стержнем развязанной Гитлером войны». Ряд историков ставит на одну

¹ См., в частности: Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. Düsseldorf. 1986. S. 317—344; Deutschland 1933—1945. Bonn. 1992. S. 474—487.

доску «окончательное решение еврейского вопроса и создание германской восточной империи». С 50-летним опозданием они попадают на удочку фашистской пропаганды. Она представляла СССР в виде «еврейско-большевистского врага Германии», а «миллионы евреев в Западной России» — «биологическим базисом большевистского режима».

Эти тезисы изначально ложны. Евреи, как и представители любых других наций, разделяли и разделяют самые различные взгляды. В России начала века евреи были среди большевиков, еще больше их было в рядах меньшевиков, были евреи — приверженцы других партий. Октябрьская революция на самом деле выдвинула на руководящие посты сравнительно многих евреев, среди них и ближайших соратников Ленина — Троцкого, Зиновьева, Каменева. Но кто доказал, что эти лица проводили некую «еврейскую» и даже сионистскую политику? Память одного из авторов книги, участника войны, сохранила воспоминания о фашистских листовках, составители которых внушали мысль о «еврейском засилье» в руководстве СССР. Однако к этому времени Сталин и его подручные уничтожили в руководстве почти всех евреев, в еще большем числе — русских, украинцев, белорусов и лиц других национальностей. Пропаганда фашистов была лишена даже внешней основы, тем более что допуск евреев к руководящим постам Сталин резко ограничил. «Евреи Западной России» вопреки фашистской пропаганде и тем, кто ныне следует ей, ни до, ни после войны не представляли некоего политического или экономического монолита, не представляли они и какой-нибудь военной силы. Заметим, что изданная в Израиле в 1981 г. книга А. Абрамовича «В решающей войне» вопреки намерениям автора не смогла показать роль советских евреев в войне. Книга представляет собой простое собрание разрозненных сведений об отдельных участниках войны еврейского происхождения. Попытка выдвинуть на первый план в ряду причин нападения фашистов на СССР особую цель — уничтожение советских евреев, ненаучна, она носит сугубо идеологизированный характер.

Антисоветизм составляет одну из главных целей Восточно-го похода вермахта. Кюнль с полным основанием обращается к предыстории фашистского «антикоммунизма». В свете общей цели капиталистических стран — «уничтожить русскую революцию» автор рассматривает военную интервенцию Германии против революций в Финляндии, прибалтийских государствах и на Украине в 1918—1919 гг. В этой же связи он упоминает о создании антисоветского «санитарного кордона», серии соглашений от Локарно до Мюнхена. «Антикоммунизм» мировой буржуазии, резко усилившийся после Октябрьской революции, был одной из главных основ фашизма-движения и фашизма-диктатуры. На базе «антикоммунизма» и расизма фашистам удалось консолидировать нации, как

правило, без физического уничтожения своих противников. «Антикоммунизм» позволил фашистским государствам объединиться в единый блок и в течение длительного времени вносить раскол в ряды нефашистских государств.

Однако нельзя все сводить к «антикоммунизму». Так, он отнюдь не устранил и даже не ослабил межимпериалистические противоречия. Существовали могучие экономические интересы различных стран независимо от их политических режимов. Сталина еще Уэллс предупреждал от попыток рисовать примитивную картину фашизма. Но и в сознании некоторых современных авторов «антикоммунизм» буквально заслоняет все остальное. Из того факта, что побежденная Германия живет ныне лучше советских победителей, один из них делает вывод: с победой Гитлера он был бы нашим спасителем. П. Карп упрекает этого автора «в полном непонимании того, что если бы Гитлер победил, наш общественный строй был бы, конечно, перекрашен, но отнюдь не изменен, как не были распущены на оккупированных территориях колхозы». «Прибавиться могло лишь национальное угнетение русского народа да уничтожение евреев и цыган». Очень трудно определить, кто из этих двух оппонентов в большей мере лишен здравого смысла и порядочности.

Фашисты не собирались дарить русским строй нынешней ФРГ. Такой строй не получили бы и сами немцы. Лишь война была естественным состоянием «тысячелетней империи». К счастью для немцев, в своих интересах НСДАП не разрушила основных социальных структур, сохранила различные формы собственности. После военного разгрома фашизма и восстановления демократии эта страна сравнительно быстро вернулась в русло цивилизации. Гитлеровцы подготовили разные режимы для немцев и не немцев. Тезис о том, что победа фашистов прибавила бы лишь (?) угнетение и уничтожение, не нуждается в комментариях. Заметим, что это было уготовано не только евреям и цыганам.

Упоминание о сохранении колхозов на некоторых оккупированных территориях в контексте Карпа не имеет отношения к делу, но дает нам повод для некоторых обобщений. Это свидетельствует, что фашисты далеко не всегда следовали догме в ущерб их политическим и экономическим интересам. Приведем и другие примеры. Большую часть арестованных своих немецких противников, в их числе и коммунистов, фашисты не убили. В 1942 г. они отказались от идеологически обусловленного уничтожения советских военнопленных ради использования их труда. Они широко прибегали к услугам коллаборационистов, лишь «добровольных помощников вермахта» из числа не немцев насчитывалось по некоторым данным около миллиона. Еще до войны Гитлер пошел на заключение пакта со Сталиным, вызвав резкую критику со стороны ортодок-

сальных фашистов. «Антикоммунизм» фашистов Якобсен называл лишь «лозунгом».

В связи с опубликованием отечественными издательствами книги Гитлера «Моя борьба» важно заметить, что для освещения целей фашизма в Восточной Европе нужно было бы представить читателю более поздние материалы, показать зрелый фашизм. В момент создания этой книги Гитлер делал лишь первые шаги. Осуществляемые без знания предмета публикации не помогут преодолению оставшихся от сталинской пропаганды стереотипов. До сих пор в СССР пишут о «бесноватом фюрере», но Гитлер и его группа, весьма умно и целенаправленно организуя духовные и материальные силы Германии, сумели создать самую мощную армию, завоевать малой кровью почти всю Европу, нанести чудовищный ущерб Советскому Союзу, поставить под угрозу всю цивилизацию.

Новейшие исследования приводят нас к таким выводам. Фашизм, в первую очередь германский, — это одна из самых аморальных и антигуманных разновидностей авторитаризма XX в. Для него характерны культ «вождя», выступающего от имени народа, активная социалистическая демагогия. Фашизм — это господство высших слоев буржуазии, партийного, штатского и военного чиновничества. Ему свойственны крайнее насилие, обращенное в первую очередь во вне страны, расизм, весьма гибкая социальная политика, довольно устойчивая массовая база. Фашизм — это контрреволюция. Он был ответом наиболее регрессивных сил на Октябрьскую революцию в России, Ноябрьскую в Германии, а также попыткой этих сил выйти из экономического кризиса 1929—1933 гг. В отличие от либеральных и демократических движений фашизм отнюдь не стремился направить общество по пути цивилизации. Его программа завоевания мирового господства любыми средствами угрожала не только прогрессивным движениям, но и всему человечеству. Некоторые акции фашизма могут быть отнесены к модернизации. Но это не меняет его содержания. В условиях деспотического режима непонимание Сталиным сущности фашизма обернулось в конечном счете неисчислимыми жертвами, в первую очередь для советских народов. Также ошибочно оценивал Сталин и политику нефашистских государств.

2

В 1938 г. в Мюнхене было подписано соглашение между Германией, Италией, Англией и Францией о передаче Чехословакией (ЧСР) Германии территорий, частично населенных немцами. ЧСР, связанная с СССР и Францией договорами о взаимной помощи 1935 г., была сильно ослаблена в полити-

ческом, экономическом и оборонном отношениях. Она была брошена на произвол судьбы. Агрессор не замедлил воспользоваться этим. Спустя несколько месяцев, в нарушение собственных же обязательств Германия ввела войска в Прагу и объявила фиктивную независимость Словакии.

Город, в котором было заключено это соглашение, дал имя курсу Англии и Франции, который не только предшествовал, но и способствовал развязыванию второй мировой войны. Такой курс появился на свет в начале 30-х гг. а Азии, когда великие державы сделали возможной японскую агрессию против Китая. Потом последовала аналогичная политика по отношению к агрессии Италии против Абиссинии, Италии и Германии против Испании, Германии против Австрии. В Мюнхенском соглашении ныне во всем мире видят символ предательства великих держав по отношению к малым, попустительства злу вообще. Такую политику называют еще «умиротворением». Едва ли это корректно. Скорее это было провалом умиротворения, поскольку все уступки агрессорам на Западе и на Востоке лишь усиливали их притязания. Их требования становились все более масштабными и наглыми. И, главное, слово «умиротворение» не объясняет стремления правительств Англии и Франции поощрить агрессию.

На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. Сталин показал, что неагрессивные, демократические государства, которые сильнее фашистских государств в экономическом и военном отношении, «отступают, делая агрессорам уступку за уступкой». «Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыгаться, если неагрессивные государства вступят в войну и война примет мировой характер». Нельзя согласиться с этим доводом. Ссылка на опыт первой мировой войны неубедительна. История же второй мировой войны показывает, что наученные опытом первой мировой войны правящие круги крупнейших капиталистических стран не допустили революции. Может быть, наиболее ярко проявилась эта тенденция в Германии. Как свидетельствуют новейшие изыскания историков ФРГ, власти на протяжении всех 12 лет диктатуры ни разу не довели дело до сколько-нибудь серьезных социальных конфликтов, действуя отнюдь не только с помощью кнута. Призрак нового Ноября (1918) постоянно стоял перед их глазами.

«Главной причиной политики невмешательства», в первую очередь правительств Англии и Франции, Сталин видит в их отказе от коллективной безопасности. Однако в конечном счете он сводит этот отказ к их стремлению развязать войну, превратить ее в мировую, дать ее участникам «истощить друг друга», потом продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. Но «вождь» только что утверждал нечто противоположное: англо-французские политики боятся войны...

Категорически звучит и другое также принятое преемниками Сталина его утверждение: «немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом».

Все эти рассуждения «вождя» выдержаны в духе его излюбленных стереотипов: революция через войну, позиция «третьего радующегося», мысль об антисоветском, будто бы всегда главном направлении в политике капиталистов.

Противоречие в трактовке вопроса, стремились ли мюнхенцы к войне, не единственное в суждениях Сталина. Из его оценки их политики непреложно следует вывод, что война с их стороны будет с самого начала несправедливой. Но как согласовать это с суждением Сталина в речи 9 февраля 1946 г. Здесь он утверждал, что вторая мировая война «приняла с самого начала характер войны антифашистской, освободительной». Фактически он реабилитировал «умиротворение». Отметим также вскользь, что на XVIII съезде ВКП(б) он назвал фашистские державы агрессивными. После заключения пакта 23 августа 1939 г. он стал считать такими западные державы, а фашистские — миролюбивыми, хотя характер войны и не изменился. В советской официальной историографии эти противоречия до сих пор не преодолены. Можно ли полагать Англию жертвой агрессии, считать «освободительной» войну с ее стороны уже 3 сентября 1939 г., если она владела огромными колониями и не собиралась их освобождать? Правда, между Мюнхеном и 3 сентября на случай германской агрессии Англия предоставила гарантии Польше. Но наша историография вслед за Сталиным не придает значения этой «дипломатической революции», как называют этот акт многие зарубежные историки. Некоторые наши авторы утверждают, что дух Мюнхена определял политику Запада и во время войны.

Сам по себе мюнхенский курс был крайне противоречив, чего не смог раскрыть Сталин. В этой противоречивости отражалась, очевидно, несовместимость главных мотивов этого курса. Правительства Англии и Франции, а также США и многих других стран понимали, что своеобразным форпостом против революции в Европе сможет стать лишь Германия. Напомним, что по Компьенскому перемирию державы-победительницы обязали Германию оставить свои оккупационные войска в Прибалтике. То есть линия на использование германского милитаризма против СССР ведет свое начало еще с 1918 г. Нельзя забывать и постепенный отказ победительниц от версальских ограничений.

Проявления антисоветских тенденций в политике Англии и Франции многочисленны. Да и в самой истории Мюнхенского соглашения эти тенденции четко прослеживаются. СССР был отстранен от участия в конференции. Это было не

только оскорблением великой державы, тесно связанной с ЧСР, это было губительно и для Чехословакии, и для судеб мира в Европе и во всем мире. В конце августа 1939 г. Чемберлен, тогдашний премьер-министр Великобритании заявил на заседании кабинета: «если Великобритания оставит в покое господина Гитлера в его сфере (Восточной Европе. — *Авт.*), то он оставит в покое нас». Чемберлен был готов предоставить Германии и Италии колонии и концессии. Иными словами, влиятельные круги Запада отводили фашизму функцию «подавления коммунизма» не только внутри Германии.

Однако «антикоммунизм» далеко не исчерпывает всего многообразия самых различных интересов. Существовали мощные межимпериалистические противоречия, которые буквально разрывали на части капиталистический мир 30-х гг. Его капитаны не научились еще (это произойдет позднее!) предотвращать, по крайней мере, смягчать столкновения. Чаше всего эти противоречия подавляли все остальное. Важно, что и в среде ведущих политиков Запада были люди типа не только Н. Чемберлена, но и У. Черчилля. Последний понимал диалектику двух названных факторов. Его сознание не было так догматизировано. Известна его фраза, высказанная после нападения Германии на СССР и в связи с поддержкой Англией Советского Союза. Если завтра Гитлер нападет на преисподнюю, Черчилль будет готов вступить в союз с сатаной. Черчилль понимал, что главным врагом Англии в то время была Германия.

Помимо страха перед демократическими движениями, в противовес которым Чемберлен и его единомышленники стремились усилить фашизм, чем последний искусно пользовался, были и другие факторы. Так, в мюнхенском курсе, несомненно, было что-то от традиционной британской политики «равновесия» на европейском континенте. Правительства Англии на протяжении веков стремились поддерживать второе по силе государство на материке, противопоставляя его первому. Что-то в этом напоминает и известный принцип Римской империи «разделяй и властвуй». Впрочем, Чемберлен, предоставляя Гитлеру свободу рук в Восточной Европе, во многом отступал от этих принципов и очень многим рисковал. Чрезмерное усиление Германии за счет ресурсов этого региона (а на меньшее Гитлер и не согласился бы, чего не понимал Чемберлен) создало бы огромную опасность для Англии. Некоторые наши авторы, увлекаясь критикой «умиротворителей», полагают, что они «отдавали» СССР Германии. Так могли поступить лишь умалишенные. Английскую политику в целом обвинить в этом нельзя.

В мюнхенском курсе было стремление учесть небывало сильные пацифистские настроения миллионов масс населения западных стран. Понятие «пацифист» ошибочно сужать

до определения молодого человека, не желающего служить в армии. Так поступают некоторые философы и публицисты. Понятие «пацифизм» более широко. После первой мировой войны он был заметным политическим фактором. Ее ужасы явились небывалыми в истории человечества и произвели сильнейшее впечатление на граждан государств Западной Европы. В СССР эти события были заслонены революцией и гражданской войной. Правительства западных держав более активно, чем перед первой мировой войной искали путей к мирному разрешению конфликтов. Напомним образование Лиги Наций, различные двусторонние и многосторонние соглашения. Мюнхенское соглашение не было исключением в этом ряду.

Помимо упомянутого циничного расчета, когда в торге великих держав разменной монетой служили народы, были и просто ошибки; «самоиллюзии и глупости» (Дж. Эмерсон, Англия) несведущих в политике людей, волею судеб вознесенных на дипломатический олимп. Таков, например, Чемберлен. Не только цинизм, но и элементарная некомпетентность руководила им. Может быть, наиболее грубой ошибкой мюнхенцев было то, что их обманула фашистская пропаганда. Соглашение в Мюнхене было заключено на неожиданно оптимальных для Гитлера условиях в значительной степени под угрозой германского вторжения в ЧСР. По мнению Г. Вебера (ФРГ), Мюнхен был «великим заблуждением». Во время мюнхенской конференции фашистская дипломатия, пропаганда, вермахт все делали, чтобы убедить Лондон и Париж: германский народ непреклонен в решении судетского вопроса, а его армия непобедима. Мюнхенцы поверили. Германские же генералы признавали позднее, что это был просто большой блеф — вермахт не был готов к настоящей войне. Гитлер предложил войну нервов и вышел победителем. В гораздо больших масштабах такой блеф повторится перед 22 июня 1941 г. К длительной войне с новым, еще более грозным противником германский фашизм снова был не готов. Начальные же успехи подарил ему Сталин.

Англия и Франция не были агрессивными. Победив в первой мировой войне, они стремились сохранить статус-кво. Притязания же «ревизионистских» держав они пытались удовлетворить за чужой счет. Большинство исследователей с полным основанием считают правительства Англии и Франции совиновниками войны. Апологеты в данном случае так же редки, как и авторы, полагающие, что ответственна одна лишь Германия. Отрицание же вины Германии встречается лишь в неофашистской публицистике. Некоторые историки ошибочно ставят в один ряд с великими державами и малые государства. Последних, конечно, нельзя считать статистами, но они отнюдь не были и дирижерами европейского оркестра.

На формирование внешней политики Англии и Франции оказывали влияние также экономические и финансовые затруднения, не преодоленные полностью со времени великой депрессии на рубеже 20—30-х гг. В позициях этих стран на протяжении всех предвоенных лет оставались существенные различия. Они не учитывались или учитывались недостаточно и Сталиным, и его преемниками. Они остаются одним из «белых пятен» и ныне.

Позиция США оценивается по-разному. Некоторые авторы полагают ее безукоризненной, другие считают США ответственными за мюнхенское предательство, а значит и развязывание войны. Все крайности нехороши. Рузвельт, несомненно, был крупнейшим политиком. Задолго до возникновения антифашистской коалиции он понял, что коренные и долговременные интересы западных демократий и СССР, несмотря на идеологические разногласия, совпадают. Рузвельт больше, чем кто-либо на Западе, способствовал объединению этих сил во имя общечеловеческих интересов. Именно он придет позднее к весьма важному выводу: «война России была и войной Америки, которая обязана помочь России любыми способами»¹. Характерно, что Сталин, склонный не замечать каких-либо различий во фракциях буржуазии и ее лидерах, называл Рузвельта «самой сильной фигурой» в современном капиталистическом мире. Имея в виду попустительство агрессорам, он, как правило, выделял «прежде всего Англию и Францию». Высоким пиететом пользовался Рузвельт уже до войны. Однако это не снимает вопроса — имели ли СССР и США возможность предотвратить агрессию, решить задачу, по своим масштабам имевшую поистине всемирный характер. С этим связан и вопрос о роли американской администрации в заблаговременном создании антифашистской коалиции, а, следовательно, и в предотвращении войны.

Среди факторов, определявших позицию западных держав по отношению к СССР, и вообще в проблемах войны и мира, необходимо назвать «сталинские чистки», как часто называют на Западе массовые репрессии. На первый взгляд, это может показаться невероятным, но Сталин в докладе на XVIII съезде и других своих выступлениях весьма полно пересказал западную оценку репрессий, естественно, истолковав ее по-своему. Здесь сообщение о том, что репрессии «поколебали» советский строй, внесли «разложение». Чтобы подтвердить свой смехотворный вывод об укреплении СССР вследствие расстрела М. Тухачевского, И. Якира, И. Уборевича, Сталин сослался на... результаты выборов в Верховный Совет СССР. Приведенные им другие тезисы — о «слабости русской

¹ *Aronsen L., Kitchen M.* The origins of the cold war in comparative perspective. L. 1988. P. 42.

армии», «разложении русской авиации», «беспорядках в Советском Союзе» не удостоены разбора. Он лишь называл их «лживыми», изобретенными, чтобы «подталкивать агрессора против СССР». В действительности все сказанное здесь достаточно адекватно отражало обстановку. На Западе не без оснований сомневались в «способности Советов к военному союзу». Все сказанное Сталиным не было одной лишь «крикливой пропагандой». Реальное ослабление СССР было учтено.

Один из важных аспектов истории мюнхенского курса — как реагировал на него Советский Союз. Значительная часть историков, советских и зарубежных, пришла к выводу: отказ Н. Чемберлена и Э. Даладье от коллективной безопасности, их постоянные поиски контактов и сделок с фашистскими лидерами побудили и Сталина встать на такой же путь. Мюнхенское соглашение 1938 г., явившееся кульминационным пунктом англо-французской политики поощрения агрессоров, не оставляло для СССР иного выбора. По мнению А. Куна (ФРГ), заключая пакт о ненападении с Германией, СССР стремился предотвратить «второй Мюнхен», планируемый на этот раз непосредственно за счет Советского Союза.

Среди актуальных проблем — была ли опасность возникновения на мюнхенской основе единого антисоветского империалистического блока четырех держав, участниц соглашения. Для некоторых из отечественных историков этой проблемы не существует. На наш взгляд, эта проблема вообще не изучена. Она связана с уже отмеченным догматическим подходом к истории внешней политики Запада: все, что бы она ни делала, было направлено против СССР. Но были еще, между прочим, и отношения этих держав друг с другом. Подчас они поглощали все их внимание и силы.

Этот подход проявляется во многих случаях, которые ряд историков стремится напрямую связать с мюнхенским курсом. Так, почему западные державы не применили военную силу в момент итало-германского шантажа по поводу Судетской области, почему они не предприняли военное наступление против Германии в сентябре 1939 г.; почему они не открыли активные и масштабные боевые действия непосредственно против Германии вплоть до 1944 г.? Помимо антисоветского направления их политики целесообразно изучить и чисто военную сторону. Были ли готовы они добиться победы, если не малой кровью, то, по крайней мере, без непомерных потерь? Зачем нужна эта оговорка? Нам известны насмешливые замечания советских журналистов по поводу стремления командования США не открывать «второй фронт», пока не будет пришта пуговица к шинели последнего американского солдата. РККА, привыкшей воевать любой ценой, такая позиция союзников казалась недружелюбной.

Вопрос нельзя сбрасывать со счетов до специального его изучения: что такое полная готовность войск, где кончается разумный и честный расчет по части этой готовности и где начинается нечестность по отношению к союзнику, который ведет войну не только свою, но и твою.

Итак, был ли мюнхенский курс правительств Англии и Франции выражением их циничного расчета или искренних заблуждений? Выдвигая первое соображение в качестве главного, едва ли можно отвергать начисто второе. Сталин же учитывал лишь первое, так поступают и его преемники. Их просчеты в оценке главных и второстепенных виновников второй мировой войны органически связаны друг с другом.

II. Сталинизм и ответственность за войну

Обратимся к третьей вершине «треугольника» Мишеля. Многие авторы в западной, а сейчас и в отечественной литературе склонны возлагать ответственность за вторую мировую войну и на СССР. Некоторые дела и слова Сталина придают этой версии, по крайней мере, правдоподобие. Нельзя разделить мнение о том, что развязывание второй мировой войны и нападение на СССР всецело зависели от агрессора и тех сил, которые активно содействовали ему. В мире были еще Коминтерн, Социнтерн, были, хотя и неорганизованные, десятки и сотни миллионов людей (и в фашистской Германии!), которые не хотели воевать. СССР самой судьбой было предназначено встать в ряды мирового антивоенного движения. Но все ли со стороны СССР, точнее со стороны Сталина, единолично представлявшего тогда страну на международной арене, было сделано, чтобы предотвратить войну? Была ли вообще такая альтернатива или народы должны были пройти через кровавый опыт Ковентри, Бреста, Пирл-Харбора и лишь потом убедиться в необходимости единства?

1

В международной деятельности Сталина остается много неясного. Однако уже сейчас представляется возможным проанализировать с современных позиций давно известные или только ставшие доступными материалы и осветить некоторые проблемы. Вполне естественно при этом оценивать внешнеполитический курс Сталина в свете нового политического мышления. Тем более что среди тех, кто заложил его основу, был Ленин, и это было известно Сталину.

В конце 1920 г., вопреки мнению большей части партии, Ленин отказался от представлений о том, что весь земной шар

находится накануне социалистической революции, и пришел к мысли о мирном существовании СССР и капиталистического мира. Он рассматривал это не просто как временную передышку, а как длительную полосу. Эти идеи получили воплощение, например, в позиции советской делегации на Генуэзской конференции, Рапалльском договоре с Германией, признании Советского Союза многими державами. Сосуществование было органически связано с новой экономической политикой внутри страны. Более того, взаимоотношения, по Ленину, не ограничивались областью политики. Они предполагали торговлю, концессии, конвертируемую валюту и др. Сосуществование и нэп недаром М. Горбачев отнес к числу «фундаментальных законов эпохи»¹. Эта традиция сравнительно длительное время сохранялась. Ее проводниками были Г. Чичерин, М. Литвинов, которые опирались на поддержку Н. Бухарина, А. Рыкова, в военных кругах — М. Тухачевского и др. Они стремились к сотрудничеству со всеми государствами и общественными силами, заинтересованными в сохранении мира. С выходом же на международную арену так называемых «неимущих» держав, главной задачей стало создание системы коллективной безопасности. Среди успехов его политики — заключение договоров о взаимной помощи с Францией и ЧСР, вступление в Лигу Наций.

Недавно опубликованные документы в некоторой степени восстанавливают картину довольно развитого советско-германского военного сотрудничества в 1920—1933 гг. Письма полномочного представителя СССР в Германии Н. Н. Крестинского, в частности, по своему содержанию далеко выходят за сравнительно узкие рамки обмена военными делегациями, представителями на военных маневрах, слушателями учебных заведений, производства различного вооружения (артиллерии, авиации, военно-морского флота, оптики, химического оружия и др.), хотя сами по себе эти вопросы весьма интересны. Полпреда беспокоят общая тенденция в руководстве, стремление свернуть отношения с заграницей. В этом случае пришлось бы «до всего в военном деле доходить своим умом, без возможности догонять и перегонять европейскую военную технику», — подчеркивает автор в письме Сталину 28 декабря 1928 г. Из писем следует, что противники сотрудничества были не только в Германии, но и в СССР, причем за несколько лет до прихода к власти фашистов. Лучшие люди партии еще в те далекие годы понимали определяющее значение для нашей страны международного разделения труда².

¹ Цит. по: Встреча представителей партий и движений, прибывших на празднование 70-летия Великого Октября. Москва, 4—5 ноября 1987 г. М., 1988. С. 16.

² См.: Международная жизнь. 1990. № 6. С. 107—124.

Ознакомление с международной деятельностью Сталина и его группы раскрывает несостоятельность весьма удобного для апологетов стереотипа: отношение капиталистов к СССР исключительно определяется неприемлемостью нового строя. На самом деле, начиная с 1918 г., военная угроза была для России постоянным фактором. Но нельзя сбрасывать со счетов и явно отрицательное влияние, которое оказали на обстановку в мире экстремистские течения в большевизме и, главное, Сталин, его люди, их публичные выступления и практические действия, их стратегия и тактика, их внутренняя политика. Уже на рубеже 20—30-х гг. они дали ленинским принципам собственную трактовку или попросту отбросили их. Правда, во внешней политике они действовали более осмотрительно, очень многое здесь от них не зависело. Во вне страны они не могли сделать некое подобие «великого перелома». Самоуверенность и эгоцентризм Сталина вырастут к концу второй мировой войны. Клянясь в верности Октябрьской революции, на знамени которой были начертаны слова «Мир — народам», Сталин и его приверженцы не отказывались от фразеологии миролюбия. Больше того, во внешней политике СССР ленинская традиция не была полностью сломлена. В этой политике постоянно боролись две тенденции. Не случайно, решения XX и последующих съездов партии, вдохнувшие жизнь в принципы мирного сосуществования, отвергнувшие сталинский тезис о неизбежности войн, не были восприняты как некий переворот.

Сталин и его советники не умели видеть жизнь на планете такой, какой она была на самом деле. Они не понимали мировой цивилизации и перспектив ее развития, места в ней Октябрьской революции. Идея верховенства общечеловеческого над бесчисленным множеством центробежных сил была им чужда, они не чувствовали никакой ответственности перед человечеством. Объявив Страну Советов базой мировой революции, они тем не менее пребывали в отчужденности от мира, создавали в СССР закрытое общество. Сталин и его группа не знали капитализм, тенденций его развития, они объявили, что он находится на краю гибели. Они отрицали его мирные потенции. На словах провозглашая великое международное значение Октября, на деле они грубо недооценивали влияние этой революции на реализацию возможностей капитализма, в том числе и совершенствование его социальной политики. Становясь жертвой собственных догм и пропагандистских штампов, сталинисты выдавали желаемое за действительное, успехи СССР, освободительных движений преувеличивались. Информация, особенно зарубежная, часто препарировалась в соответствии с такими представлениями и теряла объективный характер. Поиск новых путей и связанных с ними инициатив объявлялся еретическим. Не были ре-

ализованы многие альтернативы, возникавшие в предвоенный период.

Сказанное снова не позволяет согласиться с тем, кто отождествляет сталинизм с марксизмом-ленинизмом. Нельзя вывести позицию Сталина в международных делах и из прогрессивных традиций российского революционно-демократического движения. Среди этих традиций в первую очередь — крайняя вражда к крепостному праву и всем его порождениям, «горячая защита просвещения и самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации»¹. Знало это движение и другие традиции: пропаганда «самобытности» пути России, другие проявления национализма и провинциализма². Не они ли и оказали определенное влияние на Сталина?

Внешняя политика авторитарного режима, несомненно, была продолжением внутренней. Они органически связаны. Достаточно напомнить, что отказ от нэпа постепенно, но неуклонно повлек за собой и обесценение принципа сосуществования. В полном соответствии с ложным тезисом об обострении классовой борьбы внутри страны ведущее место заняло положение о непреодолимой враждебности в отношениях стран различных социально-экономических ориентаций и непрерывном усилении борьбы между ними. Репрессиям внутри страны вскоре стало тесно. Начался экспорт террора за рубеж. Напомним о политическом убийстве Троцкого и других политических и общественных деятелей. После войны практику ГУЛАГа переняли лидеры государств, также называвших себя социалистическими.

Сложились вполне определенные принципы международной деятельности. Они, как правило, не афишировались, но так или иначе проявлялись. В первую очередь необходимо назвать перманентную конфронтацию чуть ли не со всей остальной частью человечества, постоянные пропагандистские битвы со всеми инакомыслящими. Сталинизму был свойствен курс на увековечивание раскола мирового социалистического и рабочего движения. Из числа контрагентов СССР по существу исключались многие другие общественные движения — либеральные, консервативные, церковные, фактически все движения, не разделявшие идеологию сталинизма. В соответствии с концепцией главного удара по промежуточным слоям «разбивали» национальную буржуазию в колониях, хотя этот класс, как показал опыт, обладает сильными прогрессивными потенциями. Сталин и его окружение отвергали начисто все российское зарубежье, ошибочно представляя его сплошь контрреволюционным и антипатриотичным. Но во время

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 519.

² Там же. С. 545.

войны значительная часть эмиграции активно выступила не только за Россию, как некий отвлеченный символ, но и за выбор, сделанный ее народами в октябре 1917 г., хотя и отвергала сталинизм. Одной из основ сталинской дипломатии было фактическое отрицание свободы выбора, народам навязывалась «идеальная модель» социального устройства.

Все это неизбежно вызывало милитаризацию международных отношений. Какие бы цели не провозглашались, она тяжелым бременем ложилась на все стороны жизни общества. Одним из главных принципов было неприятие международного права. Можно напомнить отказ от общепринятого требования презумпции невиновности в отношении к миллионам советских военнопленных. Весьма показательно, что в СССР, вплоть до начала 90-х гг. была предана забвению Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН 10 декабря 1948 г. Сталинская дипломатия носила антидемократический характер. Даже самые важные решения принимались чрезвычайно узким кругом лиц, наиболее приближенных к «вождю». Бесконтрольность, произвол во внешних делах приводил подчас к шагам, которые иначе как проявлением шовинизма и гегемонизма нельзя назвать. Таковы единоличные решения напасть на Финляндию, порвать отношения с Югославией.

Редкий труд по истории советского общества, выходящий на Западе, не касается проблемы мировой революции. И это имеет свои основания. Через многие выступления Сталина проходит мысль о мировой революции, о ее взаимоотношениях с Октябрьской революцией. В речи на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 г. «По поводу смерти Ленина» Сталин утверждал, что «Ленин никогда не смотрел на Республику Советов как на самоцель», что она призвана облегчить «победу трудящихся всего мира над капиталом», что такая роль служит и «сохранению самой Республики Советов». Через 10 лет, в докладе на XVII съезде партии, «вождь» утверждал: война «наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой мировой войны». И далее. В случае войны против СССР «многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью Божьей»... вторая мировая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран». На том же съезде Сталин призвал советских людей лучше бороться за победу социализма во всех странах.

Впоследствии прямолинейный тезис о мировой революции будут постепенно заменять конструкциями «капиталистическое окружение», «осажденная крепость». В 1938 г. в кратком курсе истории ВКП(б) на вопрос, может ли советский народ лишь собственными силами уничтожить опасность капиталистической интервенции, был дан ответ: «Не может, так как для уничтожения опасности капиталистической интервенции необходимо уничтожить капиталистическое окружение, а уничтожить капиталистическое окружение возможно лишь в результате победоносной пролетарской революции по крайней мере в нескольких странах». Мысль «не забывать о капиталистическом окружении» была лейтмотивом доклада на XVIII партсъезде. В последнем своем публичном выступлении — речи на XIX съезде партии Сталин применит другой синоним — коммунистические партии, «которые еще не пришли к власти». Получался довольно странный пассаж. Глава государства, с одной стороны, чуть не в каждом своем выступлении призывает к свержению социально-экономической системы и правительств в государствах остальной части света, с другой — приглашает их к мирному сотрудничеству.

Верил ли сам Сталин в то, что он говорил, ставил ли он себе вопрос о том, вред или пользу принесет такая его пропаганда для безопасности СССР и прогрессивного развития всего мира, — сказать пока нельзя. Известно лишь, что нападение на СССР, которое так часто предвещали в 20—30-е гг., действительно произошло, что очень дорогой ценой СССР действительно добьется победы, но попытка осчастливить «ряд стран Европы и Азии» и установить в них родственные режимы провалится. На Западе складывалось впечатление, что строительство социализма в одной стране — лишь «передышка» в борьбе за мировую революцию, что мирные лозунги предназначены лишь для «зарубежной агитации». По мнению Д. Гайера (ФРГ), в представлении Сталина понятия «мощь Советского государства» и «мировая социалистическая революция» сливались. Это давало повод обвинять СССР в шовинизме, агрессивности, стремлении установить мировое господство. В агитационной кампании против КПСС ныне весьма выгодно выдвинуть лозунг мировой революции на первый план. Однако этот лозунг, как и любой другой в руках Сталина, был лишь инструментом, от которого он легко отказывался, если того требовали интересы его диктатуры. Весьма показательны, что Черчилль, этот главный борец против мировой революции на рубеже 30—40-х гг., изменит свое былое представление об этом лозунге, а позднее предложит союз Сталину.

В особом архиве СССР была обнаружена запись (на французском языке) речи Сталина на заседании руководителей

ВКП(б) и Коминтерна 19 августа 1939 г. Вслед за Т. Бушуевой будем условно считать эту запись подлинной. Сталин говорил о двух вариантах исхода войны, которая вот-вот разразится в Западной Европе, — победа или поражение Германии. СССР имел «много шансов остаться в стороне от конфликта», мог и надеяться на свое «выгодное вступление в войну». Обосновывая необходимость пакта с Германией, «вождь» утверждал: «Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон». Диктатура большевистской партии «становится возможной только в результате большой войны». Все это, как и тезис о «советизированных» Германии и Франции, известно по открытым выступлениям Сталина, по меньшей мере, с 1924 г. И нельзя делать из этого сенсации. В речи есть ссылки на мировую революцию. Но Сталин, может быть, отдает дань традиции, выступая перед зарубежными коммунистами? На деле в 1939 г. внутренняя и внешняя политика Сталина резко противоречила идее мировой революции. Сталин же продолжал выступать под чужим флагом. В его речи четко отражены подлинные геополитические национально-государственные интересы СССР, как и обычные имперские тенденции, воспринятые у российских и иных царей. Мы не разделяем утверждения Бушуевой, что речь Сталина «столь откровенно обнажила агрессивность политики СССР». Сталин пытался занять позицию «третьего радующегося». Но кто из политиков всех времен и народов не стремился к этому? Сталин отказался не только от международных революционных задач ВКП(б), но уничтожил и саму партию¹.

С проблемой мировой революции органически связаны итоги деятельности Коммунистического Интернационала. Его история сравнительно полно освещена в трудах Л. Гинцберга, Б. Лейбзона, Ф. Фирсова, К. Ширини и других ученых². Эта история сложна и противоречива, в первую очередь вследствие порочного влияния Сталина и его сторонников в Исполнительном комитете Коминтерна. Нельзя преуменьшать значение Коминтерна и мирового коммунистического движения в целом. Один лишь вклад коммунистов в разгром фашизма выдвигает это движение в ряд важнейших явлений XX в. К сожалению, его широкие возможности содействовать общественному прогрессу не были использованы. Деятельность ста-

¹ См. Новый мир. 1994. № 12. С. 232—233. Авторы ряда новейших публикаций представляют Сталина поборником мировой революции. (Независимая газета. 1995. 10 октября; 1996. 8 мая, 10, 19 октября; Вопросы истории. 1996. № 3. С. 168). Другие считают его «государственником» (Роговин В. З. Сталинизм и неонэп. М., 1995. С. 163; Свободная мысль. 1995. № 5. С. 22; Аргументы и факты. 1996. № 29).

² См., например: Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 12—35; Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994.

линистов не ограничивалась лишь сектантской тактикой. Задачам ее преодоления, как известно, был посвящен один из важнейших трудов Ленина — «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920). После смерти Ленина нарастали некомпетентное вмешательство во внутренние дела зарубежных компартий, навязывание им чуждой, как правило, именно левацкой политической линии, гегемонизм. Начались репрессии против многих деятелей коммунистического движения и даже против целых партий. Догматизм препятствовал созданию Народного фронта. Тем не менее тезис о «катастрофе» Коминтерна несостоятелен. Сталин превратил в свой инструмент большую часть его аппарата. Но Коминтерн — это и зарубежные партии. Они же не все поддались диктату. Вспомним лишь некоторые события предвоенных лет: единые действия коммунистов Австрии, Франции с социалистами, важные решения VII конгресса Коминтерна.

Большой интерес представляет все, что связано с роспуском Коминтерна. Главная мысль советских историков сводилась к следующему. В 1943 г. ИККИ пришел к выводу, что организационная форма объединения рабочих, избранная I конгрессом Коминтерна, отвечавшая потребностям начального периода возрождения коммунистического движения, все больше изживала себя по мере роста этого движения и усложнения его задач в отдельных странах и становилась даже помехой дальнейшего укрепления национальных рабочих партий. На эти обстоятельства указывал еще VII конгресс Коминтерна в 1935 г. В условиях войны требовалось единство действий всех национальных и международных сил, составлявших антифашистскую коалицию, необходимо было устранить все препятствия к развитию сотрудничества различных социально-политических сил внутри антифашистской коалиции. Ю. Браунталь (Австрия) считает, что роспуск Коминтерна был призван «освободить коммунистические партии от неприязни к ним как агентам чужеземной власти».

Принимая в целом такое объяснение роспуска, необходимо сделать некоторые дополнения. Почему к такому решению единодушно пришли люди, представлявшие в ИККИ две противоположные тенденции, — подлинно и псевдореволюционную? Нет ли оснований предположить: последователи Маркса—Ленина в Коминтерне считали, что в сложившихся по вине Сталина невыносимых условиях нормальная деятельность всемирной организации, провозгласившей благородные цели, просто невозможна. Есть сведения, что Г. Димитров вынашивал идею создания резервного руководящего центра за рубежом. На самом деле, можно ли было работать в условиях грубого диктата, постоянного ожидания ареста? Едва ли политическая и теоретическая зрелость компартий, приобретенная ими в 20—30-е гг., оправдывала роспуск Коминтерна. Ис-

тория социалистического, христианско-демократического, либерального и других мировых движений показывает целесообразность координации действий. Другое дело, что роспуск Коминтерна, а значит и ликвидация ИККИ, утратившего способность осуществлять свои функции, были, если не благом, то наименьшим злом по сравнению с существовавшим положением.

А что побудило Сталина и его группу пойти на такой шаг? Оказывается, он высказывался за роспуск еще в апреле 1941 г. Такой ценой он пытался сохранить дружеские отношения с Гитлером. Нападение Германии на СССР помешало этим планам. В 1943 г. к вопросу вернулись, причем главный мотив был прежним — укрепить дружбу, на этот раз с державами — противниками фашистского блока. Беспринципность Сталина вполне очевидна. Но не было ли других мотивов? Вполне можно предположить, что он разделялся с ИККИ, не желая терпеть какое-либо инакомыслие. «Наведя порядок в собственном ЦК», он не мог добиться того же кладбищенского единодушия в ИККИ. Как показывали события после смерти Сталина, его расхождения, например, с лидером итальянских коммунистов П. Тольятти, были куда более серьезными, чем с Н. Хрущевым, ставшим впоследствии наиболее крайним противником Сталина из числа членов тогдашнего руководства ВКП(б). Изменились ли его цели после роспуска Коминтерна? Очевидно, несколько не изменились. Он привык рассматривать ИККИ лишь в качестве простого орудия. Оно отказывается служить — его заменяют.

Коминтерн под сталинской эгидой не сумел воспользоваться ленинскими рекомендациями о компромиссах и блоках, что составляет едва ли не основу любой политики. И коммунисты растеряли своих союзников, должны были, по острому замечанию одного из лидеров КПЧ, вступать в союз с самими собой. На самом деле был на руку одному фашизму тезис Сталина: все, кто правее коммунистов, — фашисты.

Наиболее ярко эта пагубная позиция проявилась в отношении к социалистическому движению. В статье «О международном положении» (1924) «вождь» отождествил социал-демократов, пацифистов и фашистов: «фашизм есть неоформленный политический блок... боевой организации буржуазии и социал-демократии»; фашизм и социал-демократия — «не антиподы, а близнецы». В докладах на съездах ВКП(б), других выступлениях он последовательно проводил мысль о социал-демократах как «агентах капитала в рабочем классе», «социал-фашистах». В другом варианте, социал-демократы «расчистили дорогу фашизму». Подобные ошибки тем более непростительны, что мысль об объединении всех прогрессивных сил никогда не умирала. Чичерин в 1929 г. в письме Сталину «крики о социал-фашизме» назвал нелепым

вздором. Уэллс пытался убедить его в необходимости объединить всех антифашистов, в первую очередь социалистов и коммунистов. Нельзя просто действовать методами старого, не гибкого повстанческого социализма, говорил он. Многие представители технической интеллигенции Запада понимают, в каком состоянии находится мир, превращающийся в кровавое болото. Но подходить к ним «с прямолинейной пропагандой классовой борьбы — бесцельно», полагал Уэллс. «Примитивный антагонизм классовой борьбы может изолировать от социализма как раз те образованные круги, которые нужны для социализма». Актуальны слова писателя: «Не выпячивать антагонизм между двумя мирами, а стремиться сочетать все конструктивные движения, все конструктивные силы, в максимально возможной степени».

Однако Сталин остался глух к этим голосам. Он игнорировал и решения Коминтерна. Даже непосредственно перед войной, когда сама атмосфера над Европой взывала к единству, в докладе на XVIII съезде вновь звучала мысль об агентах буржуазии в рабочем движении. Позиции ряда социал-демократических партий или части их лидеров на самом деле в 20—30-е гг. утратили пролетарский характер. Они стали ориентироваться на либеральную буржуазию. Но приравнивать их к фашистам было грубейшим просчетом. Он повлек за собой тяжелые последствия для всего мира, верно полагают М. Брошат (ФРГ) и другие зарубежные историки. В советской литературе нет единого мнения о позиции Сталина относительно социал-демократии. Некоторые авторы утверждают, что он отказался от «теории социал-фашизма» в 1935 г. Но ее влияние до сих пор прослеживается в ряде изданий, например, «Истории новейшего времени стран Европы и Америки».

Таким же несостоятельным было отношение к пацифизму. Как известно, Ленин, осуждая отход ряда революционеров на позиции пацифизма, либерализма, был очень далек от того, чтобы переносить эту критику на пацифизм вообще. Сталин же категорически отбросил пацифизм. Его отношение не только к социал-демократизму, но и к пацифизму было сформулировано вполне определенно в той же статье «О международном положении». К этому сюжету он обращался постоянно. В 1928 г. в докладе о «Об итогах июльского Пленума ЦК ВКП(б)» он снова громит «империалистический пацифизм» с его Лигой Наций, проповедью «мира», «запрещением» войны, болтовней о «разоружении». Социал-демократия объявляется «главным проводником империалистического пацифизма в рабочем классе». В пацифизме исключались какие-либо гуманистические и демократические начала, его клеймили как «маску империализма», служащую подготовке новых войн. Излюбленным мотивом были «похороны пацифизма», которому, как показало последующее мировое развитие, принад-

лежит будущее: «так называемый пацифизм доживает последние дни, Лига Наций гниет заживо» (1930); пацифизм «влечет жалкое существование», «дышит на ладан» (1934); пацифизм «похоронен в гроб» (1939).

Среди приверженцев пацифизма были многие выдающиеся люди того времени от политиков типа Ф. Рузвельта, Л. Барту, Э. Эррио до писателей-гуманистов Р. Роллана, Т. Манна. Сталин не придавал этому значения. Накануне войны Р. Роллан писал в дневнике об СССР: «Там установился режим абсолютного, бесконтрольного произвола, без тени гарантий самых элементарных свобод... Я подавляю в себе потребность говорить и писать об этом... чтобы бешеные во Франции и во всем мире не воспользовались моими словами как отравленным оружием в самых преступных целях». В этой же связи он подчеркивал: «Я не Сталина защищаю, а СССР — кто бы ни стоял в его главе. Вреднейшая вещь — идолопоклонство по отношению к личностям, будь то И. Сталин, А. Гитлер или Б. Муссолини. Я стою за дело свободных народов, хозяев своей судьбы». Т. Манн писал в дневнике 23 ноября 1941 г.: «Можно было с симпатией принимать новый, в известном смысле коммунистический мир, каким он вырисовывался вначале. Но в руки каких негодяев попало осуществление его дела!» В то же время в своих радиоречах Манн высоко оценивал героизм советского народа в войне. Эти мысли показывают, насколько ошибочно любое осуждение сталинизма квалифицировать как «антикоммунизм». Нельзя согласиться также с теми авторами, которые полагают, что писатели-гуманисты были «одурманены» Сталиным. Они знали ему цену, но их положение было достаточно сложным.

Тенденция к упрощению, нивелированию была всеобщей, как в теоретических опусах, так и делах лидера ВКП(б). В 1927 г. он ставил на одну доску стабилизацию капитализма, рационализацию производства, которые в то время в СССР неизменно называли «частичными, временными», и приход фашизма к власти. Теоретическая и политическая немощь, может быть, наиболее проявились в неспособности увидеть экономическую и иную неоднородность капиталистического общества. Фашизм представляли как орудие всей буржуазии, социал-демократию — слугой буржуазии в целом. Даже в 1939 г. на XVIII съезде Сталин существенно не отличал политику западных держав, которые не были заинтересованы в войне и не собирались нападать на СССР, и государств «оси».

И после окончания войны в представлениях Сталина мало что изменилось. В беседе со Стассеном «вождь» отрицал разницу в экономических системах Гитлера и Рузвельта. По существу он не принял доводы своего собеседника о том, как научились США на уроках 1929—1930 гг. (Стассен умолчал о том, что Рузвельт мог воспринять также у Маркса и Ленина),

как в Америке научились «регулировать капитализм», предотвращать развитие его монополистических и империалистических тенденций, как была обеспечена занятость. Стассен подчеркнул, что рабочие в США гораздо в большей мере пользуются правом голоса, чем «могли думать К. Маркс и Ф. Энгельс». Сталин не понял Рузвельта, хотя большая часть американской нации на рубеже 20—30-х гг. действительно находилась в отчаянии, а «новый курс» президента США, казалось бы, сделал чудо. «Вождь», естественно, ушел от дискуссии со Стассеном.

Своеобразным заключительным аккордом прозвучала речь Сталина на XIX партсъезде. Уже уходя из жизни, он навязывал своим преемникам ложную оценку буржуазии. Она в 1952 г. стала будто бы более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя. От либерализма якобы не осталось и следа. Нет более так называемой свободы личности. Права личности признаются только за тем, у кого есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. «Зная буржуазно-демократических свобод выброшено за борт». Оказывается также, что буржуазия продает теперь права и независимость нации за доллары. «Зная национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт».

В 1927 г. в «Заметках на современные темы» «угроза новой войны вообще, войны против СССР — в особенности» была объявлена Сталиным «реальной и действительной». В том же году в речи «Международное положение и оборона СССР» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), «разоблачая» Зиновьева, он пытается раскрыть «основу и источник неизбежности новой войны». Вина Зиновьева, по Сталину, состояла в том, что он применял другую формулу — о «возможности новой войны». Заметим вскользь, что в этой же речи, «опровергая» Троцкого, «вождь» конструировал ситуацию, когда «враг подойдет на расстояние 80 километров к Кремлю». Как известно, по иронии судьбы, еще более опасная ситуация, правда, без какого-нибудь участия Троцкого, но по вине в первую очередь самого «великого полководца» возникнет в 1941 г. Итак, неизбежность новой войны как альфа и омега чуть ли не всех его построений. На войну он возлагает главную надежду, имея в виду перспективы мировой революции. По-своему реагируя на военную опасность, он выбирает крайне жестокий вариант индустриализации.

История показала несостоятельность представления о том, что только насилие может быть повивальной бабкой общественного прогресса. Революционные по своему значению изменения могут происходить без войн и катастроф. Капиталистическое окружение не было лишь географическим понятием, но оно не было однозначно и абсолютно враждеб-

ным. Отношение различных стран к СССР никогда не было одинаковым и раз навсегда данным. Более половины послеоктябрьских лет советские народы действительно жили при чрезвычайных обстоятельствах. Но нужно выяснить еще причины возникновения таких обстоятельств. Всегда ли адекватно оценивал Сталин сложившиеся условия и находил оптимальные выходы из них. Однако уже сейчас, на наш взгляд, достаточно оснований для вывода: гибель десятков миллионов людей не могут оправдать ни самые сложные ситуации, ни самые благородные цели, провозглашенные искренне или фарисейски.

В 30-е гг. сформировалась определенная система отношений СССР с зарубежными странами. Она не обеспечивала взаимовыгодного сотрудничества и многообразные связи с окружающим миром. В начале же своего существования общество СССР носило открытый характер. ВКП(б) выступала за развитие связей с другими странами, против отгораживания от мира. Это распространялось и на дипломатию. Так, упоминавшейся поездке советской делегации в Геную предшествовали обсуждения вопроса в ЦК и НКВД с привлечением специалистов, дискуссия в прессе. Вскоре вновь сделали дипломатию тайной. Переход общества к закрытой модели не был прогрессивным, не свидетельствовал он и о силе. Слабость экономических и иных связей СССР с зарубежными странами — наследие тех десятилетий. Образ «кремлевского затворника» до сих пор оказывает вредное влияние. По мнению Р. Эшли (США), «отпечаток мрачной фигуры Сталина все еще сохраняется в сознании американцев». О его враждебности к окружающему миру свидетельствуют люди самых различных политических взглядов от коммуниста Ф. Раскольникова до капиталиста А. Хаммера. Насаждался страх перед иностранцами. В каждом из них видели потенциального шпиона и диверсанта. Порой выдвигают тезис о сходстве Сталина с Петром Первым. Но он закрыл для СССР Западную Европу, а Петр открыл ее для России.

Исходя из положения о неизбежности войны, сталинисты пытались превратить страну в неприступную крепость. Сейчас с высоты 90-х гг. видно, что советские народы, идя этим курсом, хотя и непомерной ценой, добились многого; индустриализация создала базу для развитой военной экономики. Последняя вооружила армию. Без вооружения РККА при любых ее духовных ресурсах была бы бессильна против вермахта. Тиранический режим путем хищнической эксплуатации людей и природы добился успехов. При очень низком уровне жизни населения еще в течение нескольких десятилетий удавалось достичь и сохранять ядерный паритет с Западом. Однако страна с каждым десятилетием все больше отходила от столбовой дорожки цивилизации. «Вождь» и его такие же безответствен-

ные полуобразованные преемники превращали великую страну в мировую провинцию.

Уже в 1917—1918 гг. стало ясно, что одна из самых страшных опасностей, что угрожала СССР, это — комчванство. Позднее оно было помножено на некомпетентность, произвол и единовластие. Просчеты были очевидны, но о них вслух никто не мог сказать, а значит исправить. Принцип «учиться у буржуазии» во всех областях общественной жизни был предан забвению. Предупреждения Г. Плеханова, П. Кропоткина, В. Ленина насчет отсталости в развитии России помнил еще Бухарин, но проигнорировал Сталин. За пропагандистской шумихой — «у советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока», за псевдонаучными построениями «экономическая независимость СССР от мировой буржуазии», «опора на собственные силы», односторонними расчетами на будто бы неисчерпаемые богатства страны руководство не заметило, что автаркия неизбежно ведет к застою и оскудению.

Незадачливые адвокаты «вождя» в наши дни утверждают, что он почти магически уничтожал одних своих врагов руками других. Использование противоречий в стане противников революции широко рекламировалось в 30-е гг. В зарубежной литературе это обычно связывают с тезисом о гире. На самом деле в 1925 г. «вождь» сказал, что он бросит «решающую гирю» на военные весы в критический момент столкновения между империалистами и, конечно, выйдет победителем. При этом он упоминал вскользь о мирной политике СССР. Основная же его мысль иная: «Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить последними».

В действительности он добился лишь того, что в течение десятилетий этот тезис успешно используется оппонентами. Так, имея в виду слова о «гире», Хилльгрубер утверждал, что «диктатор» стремился использовать против фашистских «неревизионистские капиталистические державы в качестве послушных исполнителей его воли». Из этого проистекало недоверие «неревизионистов» к СССР. Вопреки безответственным обещаниям, в новой — второй мировой войне — роль «третьего радующегося» играли, увы, другие. Главным образом по вине Сталина Советская страна в момент вступления в войну сразу же попала в положение, исключительно трудное во всех отношениях. На тезис о гире ссылаются и вне связи с желанием подчеркнуть безнравственность политики. Так, Мессершмидт считает: «Трудно предположить, чтобы Сталин в свете своей теории гири один без союзников напал бы на Германию, которая летом 1941 г. была в зените своей славы после ее успехов на Западе».

Применить эту «теорию» Сталину долго не удавалось. Во

внешней военной деятельности для «стратегии не прямых действий» (по определению известного английского военного историка и теоретика Б. Х. Лиддел Гарта), очевидно, не было подходящих условий. Была прямая военная помощь Чан Кайши, прямые военные столкновения на КВЖД, у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, прямая военная помощь республиканской Испании. Лишь после Мюнхенского соглашения наступил его звездный час. Он убирает с поста наркома иностранных дел СССР Литвинова, назначает на эту должность преданнейшего единомышленника Молотова и без каких-либо помех сам выходит на дипломатическую арену, непосредственно руководит международными переговорами, принимает министров и послов, обменивается телеграммами в качестве фактического главы государства. При гласном его участии 23 августа 1939 г. был заключен с Германией пакт о ненападении¹. По воспоминаниям приближенных, «вождь» считал, что, заключив пакт, он «провел Гитлера вокруг пальца». Не имел ли в виду он ту самую «гирию»: не препятствовать войне двух блоков германо-итало-японского и англо-французского, а затем — в соответствующий момент — вступить в войну самому?

Этот мудрый шаг будто бы привел к расколу врагов. Е. Рыбкин с восторгом сообщает, что «несколькими неожиданными ходами советской дипломатии в конце концов удалось добиться невиданной, ПРОСТО НЕВЕРОЯТНОЙ, как казалось еще недавно, ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОБЕДЫ: империалистический мир УДАЛОСЬ РАСКОЛОТЬ... это была величайшая дипломатическая победа первой половины XX века»². Автор видит ее в предотвращении некоего всемирного анти-советского блока. Однако «раскол» этот — межимпериалистические противоречия — возник задолго до 30-х гг. Отстаивают тезис о том, что пакт 23 августа подготовил создание антифашистской коалиции. Но лишь в авторитарном мышлении могла возникнуть эта идея: вступить в соглашение с фашизмом, чтобы объединиться с... антифашистами. Коалиция возникла в 1942 г. в первую очередь вследствие тех же противоречий. Тезис о «блестящей победе нашей дипломатии» накануне войны Павленко с полным основанием назвал «глупостью». Пакт с Германией противоречил основной исторической тенденции. СССР оказался в прогрессивном лагере. Объединение сил США, СССР и других неагрессивных государств произошло с роковым опозданием. В этом была и вина Сталина. Уже сейчас очевидно, что сближение с Германией в целом было ошибочным. Кардинальную задачу XX в. — госу-

¹ Подробнее см.: Коммунист Вооруженных Сил. 1988. № 21.

² Цит. по: Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 51. Ср.: Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. М., 1992. Гл. II. «Сговор диктаторов».

дарства с различным строем должны подняться над разделяющими их противоречиями и совместными усилиями исключить войну из жизни человечества — нельзя решить, сотрудничая с крайне реакционными и агрессивными режимами.

Из всех акций предвоенных лет пакт с Гитлером и связанные с этим пактом последующие действия вызывают наибольшие споры. Они — предмет дискуссий дипломатов, юристов, историков. Вопреки мнению ряда авторов официальная историография до сих пор находится в самом начале изучения многих важных аспектов пакта. Как и в других аналогичных случаях, она была скована трактовкой, завещанной самими творцами этого пакта. В своем выступлении 3 июля 1941 г. Сталин полностью оправдывал пакт, хотя Гитлер, Риббентроп и оказались «извергами и людоедами». Он утверждал, что СССР будто бы не мог отказаться от предложения о «мирном соглашении с соседней державой», что пакт обеспечил «мир в течение полутора годов и возможность подготовки сил для отпора». В этом был «выигрыш» СССР и «проигрыш» Германии. Выгоды последней сбрасывались со счетов. Вследствие же разрыва пакта Германия приобрела только «непродолжительный военный выигрыш». «Вождю» это представлялось «лишь эпизодом». Умалчивая гигантские потери Красной Армии, он говорил о «громадном политическом выигрыше», который будто бы получил СССР. Этот фактор был назван «серьезным и длительным». На деле «серьезное и длительное» отрицательное влияние на ход войны и на последующее развитие страны оказала неспособность Сталина, его военных и политических советников разумно использовать полученную отсрочку, ради которой в основном они заключали пакт. К сожалению, ни авторы 12-томника, ни авторы многочисленных частных трудов о войне за несколько десятилетий ни в чем существенном не дополнили эти суждения.

На первом плане в споре историков всегда был вопрос об оригинале секретного протокола — приложения к пакту. Дело в том, что в августе 1939 г. был опубликован только текст пакта, о существовании же тайного сговора о фактической ликвидации Польши как независимого государства знали немногие. Однако вскоре после 23 августа стали появляться прямые и косвенные подтверждения этого сговора. В 20-е числа сентября газеты СССР опубликовали, в частности, карту-схему разграничения советских и германских войск на территории Польши (части Красной Армии вступили в западные области Украины и Белоруссии 17 сентября)¹. Есть и другие реальные факты. Встречное движение двух армий произошло без каких-либо крупных инцидентов, германские войска

¹ Эту карту-схему переиздали в СССР (Европа в международных отношениях. М., 1979).

были отведены с ранее занятых ими территорий, в том числе и из районов Бреста и Львова. Показательна позиция Германии в момент воссоединения прибалтийских республик и Бессарабии, а также советско-финской войны. В январе 1961 г. В. Гомулка следующим образом объяснил всем известные факты: при заключении пакта «Советское правительство сделало оговорку, что в случае войны между Польшей и Германией Германия не может захватить украинских, белорусских и литовских земель, входивших в состав Польского государства, и что в случае поражения Польши эти земли будут заняты Советской Армией».

Однако спор, по характеру своему сугубо схоластический, продолжался. Западным и советским консервативным историкам суть была известна: между СССР и Германией проводилась граница по рекам Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан. В «сферу влияния» СССР отходили наряду с украинскими и белорусскими землями также собственно польские земли Варшавского и Люблинского воеводств. Вскоре, правда, по дополнительному соглашению сторон линия разграничения была перенесена до Западного Буга. Теперь она стала в основном соответствовать восточным этнографическим границам Польши. Так был положен конец разделу Украины и Белоруссии, осуществленному в 1920 г. по Рижскому договору.

Пакт далеко не сводился к формуле о ненападении. Вопросы о том, был ли письменный протокол (и верна ли найденная его копия) или была устная договоренность, не имели принципиального значения. В отличие от мировой литературы в СССР пакт не был подвергнут научной критике. Именно этим воспользовались антисоциалистические и националистические экстремисты. Если б пакт был своевременно освещен, он не вызвал бы такую политическую волну, обычную задачу исторической науки не пришлось бы решать Съезду народных депутатов СССР. Впрочем, некоторым историкам решение даже такой высокой инстанции, опирающееся на достижения мировой историографии, не мешает по-прежнему отвергать существование секретных приложений.

В трактовке пакта и связанных с ним событий до последнего времени допускают много фактических ошибок. Утверждают, что вступление РККА в западные области Украины и Белоруссии будто бы было неожиданным для немцев, что это вступление не было связано с пактом. На самом деле соглашение 23 августа предусматривало такое вступление. Больше того, после вторжения в западные области Польши Германия стремилась ускорить вступление с востока войск РККА. Вслед за советской пропагандой тех лет ряд авторов пишет о «защите единокровных братьев». «Защита» — от кого? От Польши? Она пала. От Германии? Заняв их, она сама передала эти земли СССР. Утверждают, что советские войска будто бы

вышли на линию Писса—Сан. Но в сентябре 1939 г. они не переходили линию Буга.

Крупным недостатком советской литературы является то обстоятельство, что решение заключить пакт с Германией, как правило, рассматривается вне связи с внешнеполитической деятельностью Сталина в целом. При этом остаются без ответа многие вопросы. Вследствие чего СССР оказался летом 1939 г. в такой изоляции, что заключил пакт даже с фашистской Германией? Какую роль в решении о пакте сыграли застарелые представления об англо-американском противоречии как главном, непонимание специфики фашистской формы империализма, страх перед германской мощью, реальной или вымышленной? Остаются не ясными и другие вопросы, кто к кому пришел — СССР к Германии или наоборот. В свете новых данных наивно звучат старые утверждения о «вынужденном» решении вступить в соглашение с Гитлером — это был договор равноправных партнеров. Односторонни или просто неверны суждения о «зондаже», «ультиматуме» Гитлера. Несомненно, он был чрезвычайно заинтересован в заключении пакта. Его адъютант фон Белов вспоминает, с каким напряжением ждал Гитлер известий из Москвы во время переговоров Риббентропа. Г. Хильгер, сотрудник германского посольства в Москве, свидетельствует: «оба государства шли навстречу друг другу весьма постепенно». Как показал Дашичев, такое движение диктаторов началось сразу же после Мюнхена. Переориентация Сталина произошла в марте, может быть, даже в январе 1939 г.

Предысторию пакта нельзя ограничивать временем от предложения Гитлера о пакте до его подписания. После прихода фашистов к власти и ухудшения по их вине советско-германских отношений Сталин достаточно часто демонстрировал готовность восстановить эти отношения в духе Рапалло. В докладе на XVII съезде ВКП(б) он по существу оспаривал тезис о том, что СССР переменил «ориентацию» вследствие установления фашистского режима в Германии. «...Дело здесь не в фашизме, — подчеркивал «вождь», — хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной». Отметив далее, что «если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами... мы идем на это дело без колебаний», он в очень сдержанных тонах объяснил охлаждение советско-германских отношений приходом к власти «нынешних германских политиков». Так деликатно он назвал правительство Гитлера. По мнению Сталина, в политике Германии произошли лишь «некоторые изменения».

Западная пресса еще в те годы отмечала, что реакция СССР на захват Германией Австрии и Судетской области была сдержанной. Сталин публично не высказывал своего от-

ношения к этим аннексиям, впервые он скажет об этом лишь 10 марта 1939 г. В западной историографии и публицистике доклад на XVIII съезде партии называют «речью о каштанах». В докладе очень резко было сказано, что СССР не будет «загрребать жар» (таскать каштаны из огня) для западных держав. Можно считать это преувеличением. Но нельзя отрицать, что критика Германии в докладе Сталина была приглушена, главный удар часто он наносил по противоположной группировке государств. Он оставил открытым вопрос о направлениях советской политики, возможность для соглашения с Германией. Так и поняли его в Германии, оценив по достоинству. Фон Белов свидетельствует, что Риббентроп и Гитлер с удовлетворением обнаружили в докладе «заинтересованность советского диктатора установить отношения с Германией на дружественной основе». Показательно и другое. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР 28 августа 1939 г., подчеркнул, что «вождь» предвидел ставшее ныне фактом соглашения СССР с Германией.

Естественно, мы не имеем сейчас достаточно источников, чтобы утверждать о германской переориентации СССР. Шла борьба тенденций, но одна из них — прогерманская. Вполне можно допустить и то, что Сталин в эти решающие месяцы 1939 г. вообще не имел никакой концепции, не успев еще освободиться от мюнхенского шока. С одной стороны, он смещает с поста наркома иностранных дел Литвинова, сторонника коллективного отпора агрессии. Политический характер этого смещения был ясен и современникам, например, Рузвельту. В Германии также восприняли это как приглашение к сближению. Но Сталин вступает в открытые переговоры и с западными державами, не прекращая, впрочем, тайных переговоров с Германией. Вторые оказались более плодотворными. Московские переговоры с СССР вели лишенные полномочий второстепенные чиновники из Англии и Франции. В переговорах же с Германией СССР имел дело с всесильным канцлером, который обещал, предоставлял, гарантировал. Можно допустить, что Сталин увидел в пакте с Германией последний свой шанс, не имея ни желания, ни терпения ждать успехов на переговорах с англо-французами. Не случайно, что именно советская сторона прервала с ними переговоры, как только договоренность с немцами состоялась.

Изучая происхождение пакта, не следует ли учесть ряд обстоятельств, которые хотя и стали известными после заключения пакта, несомненно, были изначально изложены в нем. Таково появление в германско-советских официальных документах слова «дружественный». Важно выяснить, почему то, что в истории дипломатии всегда называлось вооруженным нейтралитетом, в отношениях Сталина—Гитлера стало называться «дружбой»? Не нужно ли учесть и сугубо личные мо-

менты, помня о том, какой была роль Сталина и Гитлера в СССР и Германии? Нужно ли отбрасывать с порога соображения о «родстве душ двух диктаторов», англофобию Сталина и Молотова? Без изучения личного момента мы, очевидно, не сможем понять и странное доверие Сталина Гитлеру накануне нападения на СССР.

Был ли у СССР выбор или он был обречен заключить такой пакт? Некоторые авторы, вслед за Сталиным, категорически отрицают наличие выбора. Другие утверждают, что «выбор был невелик» — плыть по течению навстречу судьбе. Никто, однако, специально этим до сих пор не занимался. Были одни декларации. Никем не доказано, что возможности переговоров СССР с Англией, Францией были исчерпаны, что без согласия польского правительства пропустить войска РККА через территорию Польши военная конвенция СССР с этими государствами была исключена. Иными словами: могли СССР заключить военную конвенцию, пренебрегая этим отказом. Именно это и предлагала западная сторона на московских переговорах. Полностью ли использовали советские представители возможность опираться на явное расхождение позиций Англии и Франции? В то же время многие уже имеющиеся факты не укладываются в старые расхожие схемы. Достаточно ли мотивированными были отказ СССР от собственного единственного правильного принципа «мир неделим» и решение искать безопасность только для самого себя, а не для всех? Не без оснований Раскольников обвинял Сталина в том, что тот выжидает и качается как маятник между двумя «осями» (англо-французским и германо-итальянским блоками), хотя «единственная возможность предотвращения войны» заключалась в «скорейшем заключении военного и политического союза с Англией и Францией».

Кем доказано, что в случае отказа СССР от соглашения с Германией та немедленно напала бы на него с союзниками и даже в едином блоке всех капиталистических государств? Заметим вскользь, что тезис о нападении на СССР единого блока заимствован из сталинского же арсенала. Авторы тезиса игнорируют крайнее обострение межимпериалистических противоречий. Новый «крестовый поход» против СССР был маловероятен. В. Сиполс и некоторые другие советские и германские авторы, к сожалению, не замечают противоречий между их суждениями о заключении Советским правительством пакта 23 августа, вызванном будто бы опасностью немедленного нападения Германии, и их же тезисом о том, что «Гитлер не считал себя настолько сильным, чтобы напасть на СССР». Не изучены и другие возможные решения: Москва продолжает официальные переговоры с Лондоном и Парижем, затягивая одновременно тайные контакты с Берлином; заключает «чистый» пакт о ненападении с Германией без

каких-либо дополнительных «дружественных» обязательств, выходящих за рамки нейтралитета, и активизирует переговоры с западными державами о подписании аналогичных соглашений; наконец, СССР отказывается от каких-либо соглашений со всеми державами. И снова повторяем: при всех вариантах политического урегулирования — постоянная боевая готовность РККА!

Длительное время нравственная сторона советско-германских пактов 23 августа и 28 сентября 1939 г. была в СССР вне критики. Мы не разделяем заблуждений ряда авторов, полагающих, что оба договора были выражением оборонительной стратегии. Ошибочно также оценивать пакты в политическом и, отдельно, в нравственном отношении. Поступать так означало бы возвращаться назад к Сталину, полагавшему, что политика может быть безнравственной. Даже он признавал аморальность сговора с Гитлером, делая его тайным. Часть историков, в их числе и авторы этих строк, считали, кое-кто продолжает считать, что сам по себе пакт от 23 августа был безупречен в этическом и юридическом отношениях, нехороши лишь дополнения к нему и пакт от 28 сентября. Утверждают, что ошибки Сталина и Молотова начались лишь после 1 сентября. В действительности же не было пакта без протокола. Именно протокол определял суть пакта. Кстати, он оказался единственной реализованной частью соглашения.

Открыто одиозным был пакт о «дружбе и границе», он дискредитировал СССР в глазах его сторонников, вводил в заблуждение советский народ и армию. Тезис об общей советско-германской границе означал признание германской аннексии Польши. Пакты попирали общечеловеческие принципы. Как было подчеркнуто на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС в 1989 г., «советское государство, предпринимая различные меры для укрепления безопасности страны перед лицом фашистской угрозы, допустило грубейшие нарушения ленинских принципов внешней политики, отвергающей раздел сфер влияния. Мы это решительно осуждаем». В постановлении Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» показано, что секретные протоколы находились «в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран». Советско-германские соглашения 1939 г. на самом деле стоят в одном ряду с Мюнхенским соглашением. Они продолжили «умиротворение». И в Мюнхене, и в Москве великие державы договаривались с агрессором за счет независимости малых держав и в ущерб самим себе. Эмерсон с полным основанием отмечает склонность Сталина к «подражательству в проведении полностью дискредитировавшей себя политики по отношению к Гитлеру». Характерно, что диктатор осудил западные державы: Чехословакию отдали как

«плату». А сам он разве не «платил» Гитлеру за счет Польши? Некоторые авторы утверждают: не было возможности предотвратить нападение Германии на Польшу. Но была возможность не участвовать в разделе Польши. Соглашение от 23 августа — линия по Висле (к счастью, позднее исправленная!) — иначе как «разделом» не назовешь. В этом смысле нельзя не согласиться с Г. Колем и многими в Германии, которые осуждают «позорный пакт» 23 августа.

Решения Съезда народных депутатов СССР, казалось бы, должны были положить конец сталинской фальсификации пактов. Тем не менее этого не произошло. Авторы публикаций в «Военно-историческом журнале» утверждают, что договоры с Германией полностью соответствовали международному праву и нравственным нормам. По мнению В. Прибылова, любое соглашение нужно оценивать в зависимости от того, насколько оно обеспечивает интересы данного государства. Но это же закон джунглей. А как быть с интересами мирового сообщества?

Значение советско-германских договоров нарочито преувеличивается, их влияние трактуется расширительно. Пишут о «зеленом свете», который будто бы был открыт войне. Но ошибочно полагать, что пакт сделал возможной или хотя бы ускорил ее. Опубликованный в западной литературе материал показывает, что нападение на Польшу не позднее 1 сентября было назначено задолго до пакта и независимо от него. Решение было принято после предоставления британских гарантий Польше, которым, помня Мюнхен, Гитлер не придавал значения. Тем более СССР не имел отношения к агрессиям, предшествовавшим мировой войне. В зарубежной литературе подчеркивают не только прямые аннексионистские намерения, но и выгодную политическую конъюнктуру (неслыханный успех Гитлера в Мюнхене, военное отставание западных держав), и предкризисное состояние германской экономики, выход из которого фашистские лидеры видели лишь в войне. Пакт был лишь одним из благоприятных внешних условий. Согласно ему РККА в момент германско-польской войны «стояла с ружьем у ноги». В этом отношении ее позиция ничем не отличалась от позиции Англии, хотя та и обещала Польше помощь. Пакт имел отношение скорее не к генезису войны, а к ее ходу. Так, он явно ослаблял позиции Англии и Франции в их конфронтации с Германией. Но он ничуть не обострил западноевропейских противоречий, породивших войну, к которым СССР не имел отношения. Побудительным мотивом вступления Англии и Франции в войну был не пакт, а нападение Германии на Польшу. Можно допустить, что при отсутствии пакта вступление западных держав в войну было бы еще более вероятным.

Какая сторона могла извлечь и действительно извлекла

больше выгод из пактов? Проблема не изучена, можно высказать лишь несколько общих соображений. Пакт, несомненно, принес большую пользу Германии¹. К сказанному можно добавить опубликованные в ФРГ сведения о советских поставках Германии в 1939—1941 гг. Однако необходимо учитывать, каково место экспорта в германской военной экономике этих лет, какова доля СССР в германском экспорте; соотнести поставки советские Германии, немецкие — СССР. Разумеется, советские поставки, по оценке Ч. Мадайчика (Польша), улучшили экономику Германии, хотя главным ее поставщиком оставалась Юго-Восточная Европа. Не в полной мере учитывают все это, например, М. Геллер и А. Некрич. Не бывает компромиссов без теневых сторон. Однако пакт укреплял и положение СССР. Обострились отношения внутри фашистского блока. Но пакт ослабил и единство антифашистских сил. Этот баланс еще нужно изучать. Пакт улучшил отношения СССР с Японией, в какой-то мере он способствовал заключению аналогичного договора с нашим восточным соседом. Хотя, естественно, нельзя утверждать, что путь к взаимопониманию с ним лежал только через такой пакт.

Положительным было воссоединение с СССР западных областей Украины и Белоруссии. Но был ли пакт лучшим путем к восстановлению исторической справедливости на западных границах СССР? Расширилось стратегическое предполье СССР в возможной войне с Германией. Ограничивалась сфера фашистской агрессии, по крайней мере, в данный момент. Но пакт притупил бдительность Сталина и его советников, что привело к колоссальным потерям. При безответственном руководстве овладение новыми территориями отвлекло внимание, силы и средства от укрепления старой границы. Пакт не спас СССР от нападения, хуже того, он позволил Гитлеру свободно выбирать выгодный для него момент агрессии. Пакт предоставлял СССР время для укрепления обороны. Но то же самое получала и Германия в интересах своей агрессии. И этот баланс нужно изучать. Со времен войны продолжают оперировать тезисом: если бы вермахт начал свой поход не от Бреста, а от Минска (старая граница), то Москва не устояла бы. Целесообразно изучить другую альтернативу: можно ли было вообще не отступать, тем более до Москвы. Разве РККА была обречена на это? Не проще ли было бы укрепить имеющуюся территорию, чем с сомнительным успехом пытаться покрывать грубейшие просчеты за счет присоединения новых территорий?

Не выдерживают критики попытки историков из РАН вдохнуть жизнь в старые версии: «Ход истории полностью оправдал заключение правительством СССР пакта о ненападе-

¹ См.: Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 10.

нии с Германией. Этот пакт сорвал планы и расчеты политиков Англии и Франции. СССР завоевал передышку на 22 месяца для подготовки к неизбежному нападению нацистов» (Г. Севостьянов). «Именно через 39-й год мы пришли к 45-му» (Ю. Поляков)¹. В единой связи с пактом 23 августа пытаются искусственно рассматривать историю от контрреволюционного переворота на рубеже 20—30-х гг. до падения берлинской стены в 1989 г. Эта тенденциозность паразитирует на сталинской фальсификации пакта. До сих пор недостаточная изученность темы используется противниками Союза советских республик и их социалистического выбора. Далеко не одними пактами обусловлено воссоединение с Украиной и Белоруссией их западных областей. Сомнительно напрямую связывать эти договоры и воссоединение с СССР Латвии, Литвы, Эстонии, их современный политический и юридический статус. Отнюдь не сбрасывая со счетов преступления сталинизма против их населения, нужно признать, однако, что их буржуазные правящие круги, осуществляя выход из России в 1918 г. в условиях германской оккупации, не в большей степени учитывали мнение своих народов, чем в 1940 г., выполняя ультиматумы Молотова. Существуют две крайние точки зрения — традиционная и не менее односторонняя — нынешних сепаратистов. Под флагом народности они сбрасывают со счетов столетия совместной жизни народов России—СССР. Сказанное относится и к воссоединению Бессарабии. До сих пор трактовка этих проблем была крайне идеологизирована, предстоит их научное исследование, свободное от политических амбиций.

Однако в свете всего сказанного пакт — явление, по меньшей мере, не однозначное. Как могут ученые прибегать к таким категоричным суждениям: «полностью», «неизбежный»? Какие «расчеты сорвал» пакт? Разве фашистский блок не напал на СССР? Рискованно, если не глупо, выводить напрямую из пакта 1939 г. то победу 1945-го, то поражения 1941-го. Если б не дурные политики, честный пакт о нейтралитете принес бы СССР большую пользу. Грубейшие просчеты дипломатии, как и стратегии, великий народ оплатил великой ценой. Источник победы — не «в 1939 году», а в силе народной.

В заключении СССР пактов с Германией в 1939 г. отразились все основные черты дипломатии Сталина. В известном смысле пакты явились вершиной в ее развитии предвоенных лет. Серьезное охлаждение в отношениях к СССР большинства стран мира, в первую очередь его будущих союзников по военной коалиции, произошло главным образом вследствие

¹ Цит. по: Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 127; Комсомольская правда. 1988. 14 сентября.

односторонней прогерманской ориентации. Если не все, то многие действия СССР на международной арене по существу были подчинены интересам укрепления «дружбы» с Германией. Новый курс оказывал сильное влияние и на внутреннюю политику в целом, в особенности на оборонное строительство. Оно проходило в эти годы под знаком «очищения от шпионов, убийц и вредителей вроде Якира, Тухачевского» (Сталин) со всеми его губительными последствиями, а также преступных заблуждений, связанных с пактами.

3

Утрата возможностей предотвратить вторую мировую войну, особенно нападение фашистского блока на СССР в значительной, может быть, в решающей степени связана с массовыми политическими убийствами, организованными Сталиным и его сообщниками в 30-е гг. История этих репрессий, направленных главным образом против кадровых работников партии, Советов, промышленности, РККА, еще не написана. Некоторые историки занимают объективистские позиции. Для М. Кирияна остается еще вопрос, «были бы меньшими наши потери, окажись в живых, на своих постах расстрелянные маршалы, командармы, комдивы?» Пытаются смягчить тона, скрыть суть дела, называют «всеармейской трагедией» массовое политическое убийство. Вывод о дальновидности Сталина, который будто бы очистил страну от «предательства», пытаются обосновать, ссылаясь на материалы, инспирированные в свое время самим Сталиным.

Среди историков нет единого мнения о числе репрессированных и, в частности, казненных военнослужащих РККА. По данным Института истории СССР АН СССР, в 1937—1938 гг. были убиты свыше 40 тыс. военнослужащих¹, в их числе примерно половина кадровых командиров, до 80 процентов высшего командного состава. Ликвидировали преимущественно тех, кто был умнее и грамотнее, кто выступал за прогрессивные методы боевых действий, скорейшее оснащение армии, авиации и флота новейшей техникой. Некоторые из них хорошо знали вероятного противника — Германию, ее военное строительство, руководство вермахтом, знали это из первых рук, по совместной деятельности с немецкими специалистами в СССР и Германии. Тем или иным способом были изгнаны из армии бывшие офицеры и генералы царской службы, вступившие в РККА в первые годы революции. Им была обязана Красная Армия многими своими победами. Это началось еще

¹ См.: Правда. 1989. 22 июня. По другим данным, таким было число уволенных из РККА.

на рубеже 20—30-х гг. По мнению Ю. Перечнева, руководящие работники с минимальным военным образованием, некоторые вообще его не имеющие, назначенные не по знаниям, а по партийной принадлежности, не выдерживали конкуренции со «спецами». Часто отсутствие знаний сопровождалось открытой враждебностью к «бывшим».

Ряд авторов, например, Раш, пытается стереть различие между двумя школами военных, приравнять Тухачевского к Ворошилову. В действительности борьба двух концепций развития Вооруженных Сил вышла далеко за пределы войск и их штабов. Актуальные вопросы этой борьбы находили отражение в прессе, материалах съездов ВКП(б). Нет сомнений в том, что одной из причин убийства Тухачевского и других маршалов было соперничество Буденного и других «кавалеристов» (так называли сторонников сохранения конницы в качестве главных подвижных войск сухопутных сил, в противоположность бронетанковым войскам). В новой армии не нашлось бы места убежденным носителям консервативных традиций. Ворошилов, в первую очередь, хорошо понимал это. Вне этих соображений едва ли правомерно рассматривать его беззаветное сотрудничество со Сталиным в ликвидации лучших руководителей армии. Полуграмотный и не стремившийся к образованию соучастник многих сталинских преступлений еще в годы гражданской войны, гонитель военных специалистов, разрушитель армии накануне второй мировой войны, несостоявшийся полководец 1941—1945 гг. Как ни странно, миф о «железном наркome» живет и поныне. Отметим, в частности, выдержанную по существу в хвалебном тоне статью Хорева. Не удержался автор статьи и от самых грубых приемов. Так, обещание «бить врага на его территории» Хорев считает выполненным — Красная Армия взяла Берлин. О выжженной врагом советской земле, о десятках миллионов, погибших на длинном пути к «чужой территории», автор не вспоминает.

Какова причина этих злодеяний? Несомненно, это — сталинизм, не только в карательных органах, но и в самой армии, в том числе в ГЛАВПУ РККА¹. По этому поводу Гитлер говорил приближенным: страна не будет убивать своих офицеров, если она собирается воевать. Это — позиция противника. Но страну могли вынудить воевать, сказали бы мы. Вокруг нее то здесь, то там вспыхивали очаги войны, об опасности которой «вождь» так упорно твердил в течение многих лет, а армию обезглавливают. Это граничит или с безумием, или с государственной изменой. Допустим на минуту, что произошла роковая ошибка, Сталина люди типа Ежова,

¹ Политуправление Реввоенсовета Республики, позднее — Главное Политуправление РККА.

Берии, Мехлиса дезинформировали о масштабах «заговора», что нашлись «услужливые дураки», которые перестарались и которые «опаснее врага». Но и в этом случае он был бы главным виновником — есть ошибки, которые равносильны тяжчайшим преступлениям.

Однако в данном случае деспот едва ли заблуждался. Кампания была всесторонне продумана, спланирована, отрепетирована. Он был вдохновителем и теоретиком, организатором и непосредственным руководителем этой кампании, затеянной во имя укрепления его собственной тирании. Бросается в глаза не только безнравственность, но и явная нецелесообразность таких дел. Все это можно объяснить ограниченностью интеллекта Сталина. Очень часто он оказывался не в состоянии охватить в целом явление, его возникновение, развитие, последствия; видел в насилии, если не единственный, то главный метод управления. Напомним давние (1918) конфликты Сталина и его подручных с командирами Красной Армии как раз на почве военной непрофессиональности первых. Уже в то время, хотя и в меньших масштабах, они пытались решить эти проблемы путем расстрелов. В 30-е гг. они были также лично заинтересованы в устранении людей, которые из первых рук знали их «полководческую деятельность» в годы гражданской войны и современную фальсификацию.

Диктатор стремился связать общим кровавым делом свое окружение. Списки лиц, подлежащих уничтожению, подписывали, кроме него, члены Политбюро, убийство одних маршалов осуществлялось руками других. Сам он, как правило, оставался «чистым». Подобные меры не были безуспешными. Кое-кто из них до сих пор верит в непорочность «вождя». Это обстоятельство несколько не преуменьшает ответственности других лиц, в первую очередь наркома обороны. Он принимал непосредственное участие в арестах. Он вызывал тех или иных военачальников на совещания, предлагая им ехать в Москву непременно поездом. Так были арестованы, будучи оторванными от своих войск, Уборевич, Якир. Других из центрального аппарата нарком отправлял к новому месту службы. Так поступили с Тухачевским. Егоров был вызван в Москву и через некоторое время бесследно исчез.

На промышленность, в первую очередь, оборонную обрушились не менее чудовищные репрессии, чем на армию. Были подвергнуты преследованиям сотни тысяч работников. В решающие предвоенные годы (1937—1941) сильно замедлилось развитие экономики в целом, наметилось отставание в производстве важных видов боевой техники. По вине Сталина и его советников, в частности Берии, была остановлена разработка ракет среднего и дальнего радиуса действия. С большим опозданием началась работа над созданием атомной бомбы.

Воздействие ударов, нанесенных по обороне, еще не изу-

чено. Сейчас можно высказать лишь некоторые соображения. С утратой своих лучших полководцев, способных мыслить самостоятельно, армия потеряла нечто большее, чем принято думать. Всепослушание воцарилось вокруг Сталина в решающие месяцы перед нападением на СССР. Маршалы и генералы уподобились новобранцам, сатрапы убрали достойных, а оставшимся показали, что их ожидает в случае, если они вспомнят о своем гражданском долге и достоинстве. Что могли знать о новых должностных обязанностях, о военной политике и стратегии огромного государства вновь назначенные на высшие военные посты Тимошенко и Жуков с их ничтожным общим образованием? Вознесенные на военный олимп волей Сталина, не имея необходимого «веса» и в высшем руководстве, они слепо верили каждому слову «вождя», даже тогда, когда его решения грубо противоречили действительности. Итак, сверху донизу: лейтенанты повели батальоны, капитаны — полки. Лукавит Филатов, утверждая, что не репрессии, а переход от милиционной системы к кадровой вызвал резкий рост армии и нехватку командиров.

Репрессии крайне отрицательно повлияли на подготовку обороны и ведение самой войны. «Если бы не разгром военных кадров, — утверждал А. Горбатов, — мы немца не то что до Волги, до Днепра бы не допустили». «Без тридцать седьмого года, — по мнению А. Василевского, — возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году». Расчет здесь весьма прост. Хорошего командира, полководца особенно, нельзя подготовить за несколько лет. К. Ворошилов, С. Буденный, С. Тимошенко, Г. Кулик быстро проявили свою неспособность. То же произошло с частью новых выдвиженцев. Победители вермахта пришли в Берлин через поражения 1941—1942 гг.

Симонов писал: к началу войны «армия оказалась не только в самом трудном периоде незаконченного перевооружения, но и в не менее трудном периоде незаконченного восстановления моральных ценностей». Репрессии неизбежно усиливали в армии атмосферу недоверия, а среди командиров — привычку чутко прислушиваться к мнению начальства, лакировку, безгласность. Они сковывали инициативу, без которой немислимы ни боеспособная армия, ни успешные действия. К концу 30-х гг. в РККА сильно упала дисциплина, резко снизился уровень демократии, прекратились дискуссии в области военной науки. Усиливалась ненадежность собственного положения командиров. Наметился их определенный открьив от красноармейцев. Необходимо напомнить также включение в воинские уставы весьма жестоких положений, согласно которым командир должен был применять для восстановления порядка «силу и оружие». Армии лишь в определенной степени удалось восполнить эти утраты. Они, однако, не могли не ска-

заться резко отрицательно на ее состоянии, особенно в первые месяцы войны.

Военными историками не изучено, в какой степени повлияли на Вооруженные Силы бюрократизация, дегуманизация, деинтеллектуализация, свойственные сталинизму. Нет вразумительного ответа и на вопрос о том, был ли у Сталина и его советников вообще какой-либо конструктивный план военного строительства, развития Вооруженных Сил, армейских и флотских партийных организаций. Не ясно также, что из серьезного военно-теоретического наследия репрессированных было принято Сталиным, Ворошиловым и другими из окружения «вождя». Были ли они вообще вооружены тем, что называется военной доктриной. Прав Э. Топич (ФРГ), полагающий, что предвоенная стратегия СССР автоматически и бездумно переносила тезис о «превосходстве социалистической системы перед капиталистической» на военное дело¹. На основе комчанства возникли лозунги «вести военные действия на территории врага», «ответить тройным ударом на удар поджигательной войны», ставка на революционный взрыв в тылу агрессора вследствие крайней слабости и скорого краха капитализма, на «легкую победу малой кровью».

После уничтожения подлинных полководцев и военных теоретиков и объявления «враждебным» их творческого наследия на месте бывшей доктрины Красной Армии, созданной М. Фрунзе, М. Тухачевским и другими известными деятелями, очевидно, остались лишь некие обрывки знаний и псевдонаучные суждения дилетантов от военного дела. По существу эти положения сомкнулись с весьма примитивной пропагандой. Приведем цитату из передовой «Правды» (1938. 3 июля) «Героические женщины героического народа»: «На всесоюзном совещании жен командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии бывшая батрачка, жена летчика и сама летчица П. Осипенко говорила: «В будущей войне, если на нас нападут, если нам придется столкнуться с противником, господство в воздухе будет за нами. Мы будем бить врага на его территории, как бы он ни был многочислен, где бы ни появлялся и откуда бы он ни наступал! И если потребует страна, если потребует партия и правительство, наши женщины вместе с мужьями, вместе со всей Рабоче-Крестьянской Красной Армией, под руководством нашего славного, любимого руководителя первого маршала Клим Ворошилова дадут должный отпор».

В борьбе двух направлений военно-теоретической мысли прогрессивное направление было сильно подорвано. Возобладало экстенсивное военное строительство, хотя передовые военная, военно-техническая мысль и практика не были пол-

¹ *Topitsch E. Stalins Krieg. München. 1985. S. 79.*

ностью подавлены. Это обстоятельство сыграет большую роль в последующем развитии событий. Суть противоборства идей и их носителей чутко выявилась еще на XVII съезде ВКП(б) в критической речи Тухачевского и хвастливой — Ворошилова. «Необходимо... раз и навсегда покончить с вредительскими «теориями» о замене лошади машиной, об «отмирании» лошади... красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооруженной силой и может решать задачи на всех боевых фронтах».

Однако уже в будущем 1935 г. выработанная в Красной Армии вопреки мнению лиц, догматически оценивающих опыт прошлых лет, теория глубокой наступательной операции выдержит испытание на крупных маневрах Киевского военного округа. Они подтверждают вывод о гигантских возможностях танковых войск. 6 мая 1937 г. Тухачевский писал в «Красной звезде»: «Нам пришлось столкнуться с теорией «особенной» маневренности Красной Армии — теорией, основанной не на изучении и учете нового вооружения как в руках наших возможных врагов, так и в руках советского бойца, а на одних лишь уроках гражданской войны, на взглядах, более навеянных героикой гражданской войны, чем обоснованным ростом могущества, культуры, ростом крупной индустрии социалистического государства, а также ростом вооруженных армий наших возможных противников из капиталистического лагеря». Напомним, как безошибочно определил Тухачевский главное — антисоветское направление агрессии; подготовку Германией «могучей армии вторжения», основу которой составят «воздушные и быстроподвижные силы»; намерение путем «внезапных, молниеносных ударов» перенести военные действия на территорию противника¹.

Недавно опубликованы материалы совещания руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. Они показывают, что военное знание в стране, по крайней мере, на уровне теории достаточно полно учитывало важнейшие особенности современной войны, например, роль авиации и танков. В СССР заметили, что вермахт не оставляет своим противникам времени для развертывания их армий. Сошлемся, в частности, на доклад Г. Жукова «Характер современной наступательной операции», написанный И. Баграмяном (будущим маршалом), и доклад И. Тюленева «Характер современной оборонительной операции». Но это знание не было востребовано. Торжествовали ограниченность политических вождей и животный страх вождей военных².

Важно подчеркнуть, что ни Сталин, ни его советники не

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 162—163 и др.

² Русский архив: Великая Отечественная война. М., 1993. Т. 12. С. 129—151, 209—223.

замечали, что лозунги, призванные служить заменой отсутствующей военной доктрины, не были обеспечены в военном отношении ни количественно, ни качественно. Было ли это заблуждение или блеф, предстоит еще изучить. Сейчас же можно с уверенностью сказать, что производство многих видов вооружения, известных перед войной, отставало или вообще не было организовано. Таковы дальние бомбардировщики, авиадесантная техника, ракетные системы большой дальности. Преобладание отсталых тенденций в военном строительстве на рубеже 30—40-х гг. не было случайным. В этом отражались коренные черты сталинизма.

Современные западные специалисты по военной истории видят в репрессиях провал развития Красной Армии, резкое снижение уровня обучения, военно-теоретической работы, замедление роста военной техники. По мнению Й. Хоффмана (ФРГ) во все более осложнявшейся внешнеполитической ситуации РККА была до основания сотрясена сталинскими чистками. Это было «болезненным проявлением», «формой коллективного сумасшествия». Он отвергает миф о советских маршалах-шпионах, допускает стремление укрепить тиранию с помощью этих убийств. Как считает Хоффман, в целом Красная Армия в 1935—1936 гг. «во всех отношениях представляла собой современные вооруженные силы». По мнению бывшего германского военного атташе в Москве Э. Кестринга, Красная Армия была лучшим и наиболее солидным среди государственных учреждений СССР. Другие авторы показывают, что Гитлер и его советники делали ставку на ослабление Красной Армии вследствие репрессий. По данным фон Белова, накануне операции «Барбаросса» «фюрер» говорил о Красной Армии как об армии без руководителей; по данным историка П. Гостони (Швейцария), Гитлер 9 января 1941 г. считал, что в этой армии не выросло еще новое поколение командиров. Отдельные историки полагают, что последствия репрессий чувствовались во время нападения 22 июня 1941 г. Р. Лоренц (ФРГ) считает, что до 22 июня 1941 г. Красная Армия успела пополнить командный состав. Это далеко не означает, однако, что к тому времени удалось преодолеть пагубное влияние репрессий 30-х гг. Оно прослеживается в развитии Вооруженных Сил СССР даже в последующие десятилетия¹.

Итак, главный виновник второй мировой войны и антисоветской агрессии — германо-фашистский империализм и его союзники. Западные державы способствовали агрессии. Это — выводы подавляющего большинства представителей мировой историографии. При этом в СССР—РФ сохраняется ложное

¹ Анализ этих суждений см.: Мерцалов А. Н. Великая Отечественная война... С. 204, 235.

представление о безупречности сталинской дипломатии¹... Едва ли кто из подлинных ученых обвиняет Сталина в развязывании мировой войны, о чем шумят местные консервативные витии. Но можно считать доказанным, что Сталин далеко не все сделал, чтобы предотвратить ее, как и новую антисоветскую интервенцию. Есть серьезные сомнения в том, хотел ли он вообще предотвратить войну. Многие его действия или отсутствие действий, вполне оправданных национальными интересами СССР, служили поощрению агрессора. Убийства командиров Красной Армии, авантюра в Финляндии, тактика «не дать повода» и другие акции подтолкнули Гитлера к нападению на СССР, агрессор воспользовался благоприятным для него поведением Сталина.

Сталин представлял СССР в виде одинокого «утеса» среди милитаристского океана. Он не понимал, что такая позиция обрекла страну на политическую изоляцию, в которой она оказалась к началу войны. Значит, дело не только в том, что агрессия застала СССР врасплох. Некоторые авторы напоминают об антифашистской коалиции. Но ее активные действия начались лишь летом 1944 г. Сталин и его преемники обычно сводят все к антисоветизму мировой буржуазии. Но она никогда не была единой. Возникновение, хотя и с роковым опозданием, коалиции подтверждает это. Внешнеполитический просчет Сталина вынудил СССР нести на себе особый груз. «СССР должен был нести главную тяжесть войны», — считают авторы т. 6 упоминавшегося 10-томника (ФРГ). Это проявилось и в «степени напряжения сил, разрушенных внутри страны, и жертвах среди населения». На самом деле, на Восточный фронт вермахта пришлось, по некоторым данным, свыше 70 процентов его безвозвратных потерь. В СССР с полным основанием гордятся этим. Но было бы неверно видеть только одну сторону. Налицо и неравномерное, явно несправедливое распределение среди союзников общей ноши. СССР от начала до конца вел войну в крайне невыгодных условиях. Не только Гитлер, но и Рузвельт, и Черчилль выбирали удобные для них сроки и формы действий.

¹ Эта точка зрения подвергнута критике в кн.: *Загладин Н. В. История успехов и неудач советской дипломатии*. М., 1990.

Глава третья

СТАЛИНИЗМ В ВОЙНЕ

Порочность сталинизма резко проявилась еще накануне и в первое время после нападения на СССР, когда назревал и стал явью провал его дипломатии и стратегии. Лишенный грамотного и твердого военно-политического управления, изолированный на международной арене, с разгромленной армией — таким предстал СССР перед миром. Этому посвящен первый раздел главы. Во втором разделе освящаются основные черты сталинского руководства войной. Третий раздел — «Сталинизм и цена победы». Официальная историография именно эти три момента наиболее тщательно обходила молчанием. По истечении пяти с лишним десятилетий нет специальных исследований о свойственном сталинизму способе ведения войны. Событиям 22 июня 1941 г. посвящены многие работы, но они не исчерпывают проблемы, тем более что на освещение событий по-прежнему продолжает оказывать сильное влияние сталинистская и неофашистская пропаганда. Можно с полной определенностью сказать, что в трактовке проблем, составляющих содержание данной главы, официальная историография сделала шаг назад от позиций XX съезда КПСС. Напомним их: «единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны», просчет в подготовке обороны и оценке намерений противника породили «величайшую опасность для судеб нашей Родины»¹.

I. 1941 год: провал сталинистской дипломатии и стратегии

1

Во всех выступлениях Сталина, начиная с речи 3 июля 1941 г., прослеживается особая забота замаскировать провал его дипломатии и стратегии. Не совсем доверяя Минцу, Пономареву, Пospelову и другим придворным историкам, часто он сам диктовал свою трактовку весьма деликатного для него

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145—146; № 4. С. 143—144.

вопроса, от решения которого зависело объяснение гибели десятков миллионов соотечественников.

Сталин оставил своим наследникам весьма слабую схему доводов, призванных скрыть ответственность за события 1941 г. и их последствия. Среди них — нарочитое подчеркивание «вероломства фашистов»; двусмысленное утверждение о внезапности нападения без указания его сути и виновников, ложные тезисы о военно-техническом превосходстве вермахта над Красной Армией в момент нападения, об использовании вермахтом уже 22 июня всего военно-экономического потенциала завоеванных стран; внешне правдоподобные положения об отмотилизованности вермахта и овладении им опытом современной войны; быстром поражении Франции и отсутствии второго фронта; фарисейские тезисы о «самоуспокоенности», «благодушии» народа и «недисциплинированных красноармейцах и командирах», «перепуганных интеллигентах», «некомпетентности и измене генералов»; жалкие попытки создать некие конструкции о нациях «миролюбивых и агрессивных», о контрастности как панацеи чуть ли не от всех военных бед и др.

Обратимся в первую очередь к вопросу о так называемом поводе, который Сталин запретил давать противнику (а РККА оказалась неотмотилизованной). Такое тенденциозное смешение разных вещей начал еще Сталин. Это прослеживается и в новейших работах. Так, в статье Вишлева не разграничены четко понятия: стремление оттянуть войну Германии против СССР и неприведение в боевую готовность войск; передислокация крупных сил и непосредственная боевая готовность приграничных армий. Ущербная тактика «не дать повода» имела в своей основе наивные надежды на пакт 23 августа. Эта позиция недостойна независимого государства. Она была ложной и опасной изначально, а не стала такой лишь после какого-то «предела» (начало июня 1941 г.), как с большим опозданием уже в своих мемуарах полагал Василевский. Властитель и его группа должны были знать, что Германия нападет при первом же случае, который она сочтет удобным, не из-за какого-то «повода», а ради куда более основательных целей, которые она себе давно поставила в Восточной Европе и объявила об этом миру. Эта истина была понятна, например, Рузвельту уже в момент заключения пакта 23 августа. Доступный любому школьнику учебник свидетельствовал, что первая мировая война, например, возникла не из-за убийства австрийского эрцгерцога в Сараеве. Гибель немецких летчиков, чей самолет-нарушитель сбили бы в глубине советской территории, также не могла стать причиной нападения на СССР, о чем беспокоился Сталин. Эта гибель не была бы даже замечена Гитлером, завершавшим подготовку нападения.

Всем было известно, что фашисты нужны им поводы

конструировали сами. Уже в 1938—1941 гг. они многократно демонстрировали свое полное пренебрежение любыми правовыми и нравственными нормами. Достаточно вспомнить их версии нападения на Польшу и другие страны. Сочинили они ложь и об упреждающем характере Восточного похода. С другой стороны, если была опасность нападения, что могло изменить появление повода? Многое в образе мыслей и действий Сталина и его группы схема «не дать повода» не может объяснить. В первую очередь, на память приходит разрушение укрепленных районов (УР), возведенных в свое время вдоль старой западной границы. Из воспоминаний генералов вермахта известно, как сильно опасались они особо упорного сопротивления советских войск на этой так называемой «линии Сталина». Однако в июне 1941 г. ее уже не было. «Трудно себе представить большую глупость в государственной военной политике», — полагает генерал Х. Мамсуров, имея в виду разрушение УР, в условиях, когда оборона новой границы не была еще создана. Историкам предстоит еще исследовать, чем можно объяснить это безумное решение — беззаботностью, желанием убедить Германию в лояльности, нелепым требованием догматиков из НКО и ГЛАВПУ «все ради наступления»¹.

Многие акции «вождя» и исполнителей его приказов могут быть определены простым словом «перестарались». В дипломатии они пошли на включение понятия «дружба» в название договора 28 сентября, допустили безответственные заявления об агрессивности Англии и Франции и миролюбии Германии, автоматически разрывали отношения со всеми государствами, которые захватывала Германия. Неумеренные комплименты в адрес фашистов, поздравления Гитлера, дифирамбы в честь «дружбы народов Германии и Советского Союза, скрепленной кровью», обещания совместно с Германией «ответить англо-французским поджигателям войны». Ряд их заявлений и действий нанесли вред отношениям СССР с Польшей. В докладе народного комиссара иностранных дел Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. была дана совершенно несостоятельная оценка Польского государства как «уродливого детища Версальского договора». Насколько безнравственным и безрассудным политиком нужно было быть, чтобы, зная о предстоящей агрессии, уничтожать тысячи польских офицеров, этих самых естественных союзников СССР. А изъятие из средств массовой информации понятия «фашизм»? А прекращение антифашистской пропаганды и даже запрещение книг, кинофильмов, песен, в которых был хотя бы намек на критику даже кайзеровской Германии?

¹ Подробнее см.: Звезда. 1990. № 4. С. 204; Военно-исторический журнал. 1988. № 9; 1990. № 5. С. 55; № 6. С. 58; № 12. С. 68.

Заключительным аккордом в этой военно-политической какофонии 1939—1941 гг. было известное заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., в котором его авторы хотели убедить себя, а заодно и весь мир, что Германия верна пакту и не собирается нападать. По существу же они признавались в своей слабости. Гитлер не удостоил Сталина ответом. Не прошло и предложение Молотова о новом его визите в Берлин. Все свидетельствовало о том, что плод созрел. Гитлер торжествовал. Восточная Европа — главная цель его жизни — лежала у ног завоевателя. Внезапность его первого и решающего удара обеспечивал сам противник. Знала ли что-нибудь подобное военная история? Итоги такой тактики были плачевны. Старания угодить фашистским лидерам скомпрометировали правительство СССР, дезориентировали советский народ и его друзей за рубежом, притупили его бдительность. У населения и армии складывалось впечатление, что их руководитель сумеет предотвратить войну, которую он в течение десятилетий провозглашал неизбежной. Все это лишь поощряло Гитлера и лиц, стоявших за его спиной, напасть как можно скорее.

Сталинские доводы ныне пытаются развить его преемники. По их мнению, Сталин не развернул силы на западной границе потому, что СССР будто бы уступал в военном могуществе Германии. Допустим, что он действительно уступал. Но разве это не побуждало бы именно к заблаговременному развертыванию сил и созданию прочной обороны, которая, согласно азам военной теории, и смогла бы компенсировать сравнительную слабость? Утверждают, если б РККА перешагнула границу, то против СССР пошел бы весь мир. Но развернуть не значит перешагнуть. Далее, будто бы лидеров СССР беспокоила неподготовленность армии. Но был ли в истории случай, когда армия имела стопроцентную подготовку? Можно ли было уповать на обеспечение полной подготовки в течение совершенно негарантированных нескольких мирных лет и отказаться от немедленного приведения пограничных округов в состояние удовлетворительной готовности? Да, чрезвычайно остро стояла кадровая проблема, РККА не завершила реорганизацию. Но святым правилом любой армии была и остается постоянная боевая готовность, какие бы реорганизации она не переживала.

В 1945 г. в оправдание неготовности РККА и вызванных этим жестоких неудач Сталин выдвинул псевдонаучный тезис, согласно которому некие «агрессивные нации» закономерно лучше подготовлены к войне, чем «миролюбивые нации», и поэтому последние обречены на поражение. Так без труда можно реабилитировать незадачливых правителей, стоит лишь объявить их «миролюбивыми». Этот тезис носит сугубо националистический характер. Такое деление наций — ложно. Как может человек, называющий себя ученым, проводить некую

роковую грань между русскими, американцами, англичанами, с одной стороны, и немцами, японцами — с другой? «Агрессивными» могут быть только партии, государства, фракции, классы, но не нации в целом.

Сталин в равной степени оправдывает позор 22 июня и 7 декабря, хотя он был информирован, что в США отнеслись к своему поражению в Пирл-Харборе совершенно иначе. Павленко с полным основанием сравнивает реакцию правящих кругов и общественности на аналогичные события 22 июня и 7 декабря 1941 г. В США была немедленно создана комиссия по расследованию ответственности за поражение от президента США до местного командования. В СССР же (и РФ!) аналогичный вопрос до сих пор остается открытым. Больше того, не прекращается открытая реабилитация. Как перепев тезиса о «миролюбивых нациях» нужно рассматривать фарисейские суждения ряда историков: мы народ миролюбивый, «вождь» заботился о народном благе, и это будто бы исключало большие военные расходы. Но эти авторы умалчивают о том, что сводило на нет усилия народа, о десятках миллионов уничтоженных или брошенных в лагерь. Эти историки обходят молчанием губительное вмешательство бездарных высших чиновников в дела профессионалов, самоуспокоенность, головоунытие в организации обороны. В условиях жестокой гонки вооружений двух-трех лет такого зазнайства было достаточно, чтобы серьезно отстать.

Утверждение о военно-техническом превосходстве вермахта над Красной Армией в момент нападения из всех упомянутых версий получило, очевидно, наибольшее распространение. Здесь сказывается влияние и фашистской пропаганды, ее ложных суждений о «непревзойденной силе германского оружия», о Красной Армии как «колоссе на глиняных ногах». Игрет роль память миллионов фронтовиков, сохранившая верные сведения о таком превосходстве, возникшем, однако, позднее, после того, как они оставили противнику большую часть вооружений и стали делить винтовку на двоих. Именно тогда появилась самолето- и танкобоязнь. Влияют и рассуждения «вождя» 6 ноября 1941 г. о «недостатке у нас танков и отчасти авиации». Заметьте, что в данный момент 1941 г. он почти не лгал. Тогда действительно был, мягко выражаясь, этот «недостаток». Но Сталин скрыл главное: куда делась наша техника. Читатель вправе спросить, как могло получиться, что ученые десятки лет пишут свои труды под влиянием мифов да еще военных лет. Но эти историки не привыкли исследовать то, о чем уже сказали «вождь» или «инстанции». Больше того, они предпримут все, чтобы, по крайней мере, придать тому или иному «ответственному изречению» видимость правды. Так, пытаясь обосновать тезис о военно-техническом превосходстве вермахта в момент нападения на СССР,

официальные историки прибегли к фальсификации. Г. Куманев и его соавторы, например, приводят число всех немецких танков и самолетов, имевшихся на Восточном фронте, а со стороны РККА — только число машин новейших образцов¹. Многие военные историки сбрасывают со счетов важные обстоятельства. С января 1939 г. до начала войны промышленность СССР поставила около 18 тыс. боевых самолетов, свыше 7 тыс. танков. Эти же авторы упоминают лишь свыше 2700 самолетов и 1861 танк. Но техника не новейших образцов, и это показала война, могла быть успешно использована в деле.

Мы говорим о подлоге с полным основанием. Дело в том, что по оценке высококвалифицированных специалистов — авторов т. 1 многотомного издания об операциях Советских Вооруженных Сил, увидевшего свет еще в 1958 г., СССР «в технико-экономическом отношении был достаточно подготовлен к отражению фашистской агрессии»; по количеству танков в приграничных округах он превосходил противника в 4,9 раза, по артиллерии — в 1,1 раза, ВВС — в 1,9 раза; 22 процента от общего числа были самолеты новых конструкций (1174 штуки). Причина катастрофы была в другом: «Войска не были приведены в боевую готовность», все предлагаемые меры «категорически отвергались». Следовательно, в официальной историографии произошел сознательный отказ от уже достигнутых научных трактовок. Причем, пересмотр был осуществлен весьма примитивно.

Это вызвало в последние годы резкую отповедь. Характерно, что критические статьи принадлежат перу невоенных историков. Так, В. Шлыков показал, что советская сторона к 22 июня 1941 г. имела больше танков, чем фашистская, что советское танкостроение обладало более сильными производственными мощностями, чем германское. Автор обнажил несостоятельность тезиса о наличии у немцев большого числа танков новейших конструкций, утверждения ряда военных историков о «безнадежной устарелости» большинства советских танков. Эти танки, по мнению Шлыкова, были по своим боевым качествам выше большинства немецких. Автор вскрывает всю глубину просчетов Сталина и его советников в оценке противника, в частности, его танкового парка накануне войны, неосведомленности о военно-экономических возможностях других держав; «весь трагизм развала» танковых войск в предвоенные годы. Спешно опубликованная «Военно-историческим журналом» в пику Шлыкову статья В. Крикунова не выдерживает критики. Автор уходит от главного — соотношения количественных и качественных характеристик танковых сил

¹ См., например: Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 49—50; История СССР. 1991. № 2. С. 5.

Красной Армии и вермахта от Аккермана до Печенги 22 июня 1941 г. Впрочем, в последующих своих публикациях журнал показывает, что в РККА в момент нападения танков и самолетов даже новых типов было больше, чем в вермахте.

В статье другого автора — В. Мариничева, также не относящегося к официальной историографии, исследовано соотношение воздушных сил Восточного фронта вермахта и западных округов Красной Армии. Он показал количественное и качественное превосходство советской авиации при отсутствии квалифицированного руководства. Последнее и привело, по мнению Мариничева, к громадным потерям уже в первый же день войны, что, в свою очередь, повлекло за собой поражение армии. Официальные историки не заставили себя ждать и в этом случае. Они признали наличие в СССР на 1 июня 1941 г. 15 990 боевых самолетов, объявив их, однако, в большинстве своем «устаревшими». Так же поступал и Сталин 6 ноября 1941 г. Но они заявляют, что и новейшие советские самолеты во многом уступали немецким. «Красная звезда» 29 января 1991 г., ссылаясь на специалистов, указывая все основные боевые характеристики самолетов СССР и Германии, убедительно доказала, однако, что первые не уступали вторым.

Имеются все основания утверждать, что к началу войны советская промышленность обеспечила по меньшей мере примерный паритет, хотя в целом вопрос о соотношении военно-технических средств на Восточном фронте в начале и ходе войны подлежит еще изучению. Нужны тщательный сравнительный анализ, по-видимому, выработка понятия «условного танка», «условного самолета». Необходимо также проанализировать, как хвастливый тон при оценке советских военно-технических достижений, например, в докладе на XVIII съезде, сменился в последующих работах Сталина и его преемников противоположными тонами.

По современным германским данным, вооружение, броневая защита, проходимость вообще всех немецких танков 1941 г. не удовлетворяли требованиям, которые были предъявлены к ним на Востоке. В т. 4 10-томника «Германская империя и вторая мировая война» было показано, что техника этого фронта отнюдь не была сплошь первоклассной. «...Решение напасть на СССР не было обеспечено соответствующими энергичными мерами в области вооружения. Его производство не было соотнесено с потенциалом противника, поскольку немецкое руководство исходило из того, что сможет уничтожить военный потенциал Советского Союза в течение нескольких недель имеющимися средствами... 22 июня 1941 г. дивизии вермахта с лучшим оснащением были сосредоточены лишь вокруг танковых групп, в то время как в брешах и на флангах в большинстве использовались дивизии

маломощные и малоподвижные. В целом восточная армия вермахта производила впечатление лоскутного одеяла. Это не соответствует представленному в послевоенной литературе суждению о том, что Гитлер с помощью гибкой экономики скоротечной войны и ограбления оккупированных территорий смог мобилизовать против СССР мощную однородно оснащенную армию».

Не выдерживают критики традиционные суждения об овладении опытом современных войн двумя противниками к 22 июня 1941 г. Нельзя категорически утверждать о преимуществах немцев. Вопрос этот советскими учеными по меньшей мере не изучен. Германскими же специалистами доказано, что, нападая на СССР, вермахт абсолютизировал опыт походов 1939—1941 гг., переоценил свои силы. Это явилось одной из главных причин краха плана скоротечной войны и вслед за этим неизбежно — всей агрессивной программы в целом. Да, походы вермахта против изолированных, часто деморализованных, сравнительно слабых противников, обладавших малой территорией, исключавшей возможность для какого-либо маневра, были сравнительно успешны. Но самого по себе боевого опыта еще мало. В Восточном походе вермахта его преимущества были сведены к нулю грубыми просчетами стратегического руководства в оценке именно этого опыта. Ложные выводы в конечном счете привели к провалу. Тезис о превосходных немецких дивизиях рожден в ведомстве Геббельса. Он был принят Сталиным, чтобы объяснить отступление РККА, стократ повторен теми, кому удалось спастись от немецких «котлов». Но он не соответствовал действительности. Вермахт стал сильнее РККА, лишь получив из рук ее руководства фактор внезапности. Мысль об абсолютном превосходстве вермахта принята как аксиома не только историографией, но и обыденным сознанием.

Что касается РККА, то она, дезорганизованная своим руководством, действительно не смогла воспользоваться опытом не только современной, но и всех войн прошлого, который учит в первую очередь постоянной боевой готовности, независимо от намерений и образа действия в данный момент. Из опыта войн XX в. вытекали выводы: стратегическая внезапность становится скорее правилом, чем исключением; она таит в себе тем большую опасность, чем больше совершенствуются орудия уничтожения. Неспособность и нежелание Сталина и его советников использовать свой и чужой опыт действительно способствовали поражениям Красной Армии. Но это никак не зависело от неких внешних обстоятельств. Эти люди мыслили категориями первой мировой войны и гражданской войны. Они, в частности, были уверены, что Германия надолго завяжет на французской линии Мажино. И на Западе были подобные люди. Но это нисколько не оп-

равдывает сталинистских догматиков. И за рубежом, и в СССР были военные мыслители, которые прекрасно понимали, что новая техника (авиация, танки и др.) неизбежно повлечет за собой революцию в военном деле.

Губительным для изучения и применения опыта было такое обстоятельство. Все достижения прогрессивных военных деятелей после их ареста в СССР объявлялись «враждебными». Рассмотрим это на примере партизанского движения, которое, как известно, играло важную роль в войне 1939—1945 гг. Этот вопрос обсуждался и в зарубежной историографии. Готовили в СССР это движение заранее или оно возникло спонтанно, лишь в ответ на вторжение в условиях отхода своей армии? Т. Дюпуа (США) утверждает, что до июня 1941 г. Красная Армия не имела плана партизанской борьбы. По утверждению же Г. Краусника (ФРГ), наоборот, «в СССР были хорошо подготовлены» к ней: «Русская военная история и русская специальная военная литература отводили важную роль подрывным методам ведения войны». В действительности к 22 июня не было ни плана партизанской войны, ни специалистов. Основная масса ее участников первоначально не умела даже владеть оружием. Патриотам в тылу врага пришлось начинать почти на голом месте. Краусник прав лишь отчасти.

Широкие возможности народных войн отмечал еще Жомини. Это подтвердила и гражданская война в СССР. Над идеей «малой войны» работал Фрунзе. В 1922—1935 гг. в РККА систематически велась подготовка таких действий на случай вторжения. Командирам Красной Армии было чуждо получившее впоследствии распространение жестокое и бессмысленное правило: «последнюю пулю — для себя». Они не боялись оказаться в тылу врага. При невозможности пробиться к главным силам их ориентировали на партизанские действия. Готовили специальные кадры руководителей, минеров, разведчиков. Формировали отряды и диверсионные группы, создавали склады оружия и припасов, базы и пункты связи. Были разработаны планы крупных партизанских операций.

Вместе с разгромом руководства РККА в 1937—1939 гг. была сведена к нулю и вся работа по подготовке партизанских действий. Она была объявлена «вражеской», поскольку проводилась под руководством И. Уборевича, И. Якира, В. Блюхера и других. Эта позиция вершителей судеб армии была непосредственно связана также с привлекательными тезисами о войне на чужой территории, о неизбежности революции в тылу империалистических агрессоров в поддержку Красной Армии. Как сообщил Семиряга, Берия вообще отрицал возможность партизанского движения в современной войне. По данным одного из организаторов движения И. Старинова, в 30-е гг. от репрессий погибло в десятки раз больше команди-

ров и других партизанских специалистов, чем за всю Великую Отечественную войну. Из многих тысяч уцелели единицы. Это имело резко отрицательные последствия. Некомпетентное руководство движением, явная недооценка его со стороны Сталина, бесплановая переброска на оккупированную территорию недостаточно подготовленных и слабо вооруженных отрядов и диверсионных групп подчас даже без средств связи — все это привело к бессмысленной гибели многих партизан и подпольщиков, снизило эффективность их действий. В первый год войны на оккупированную территорию Украины было переброшено около 3500 отрядов и групп. К июню 1942 г. украинский штаб партизанского движения знал лишь о 22 действующих отрядах. В Белоруссии к 1 января 1942 г. из переброшенных 427 отрядов осталось не более 25.

Приведем также краткие сведения о другой упущенной по вине руководителей возможности использовать опыт современной войны. Известны достижения советской военной теории и практики в строительстве танковых войск до середины 30-х гг. Однако идея об ускоренном формировании танковых соединений, в том числе и за счет сокращения кавалерии, была квалифицирована как вредительство. Был нанесен труднопоправимый удар по бронетанковым силам. Мемуаристы, в частности Василевский, свидетельствовали, что пришедшие к руководству армией люди не сумели воспользоваться не только опытом войны в Испании, в которой принимали участие советские офицеры. Вследствие ошибочной оценки этого опыта, имевшиеся в РККА сильные и хорошо сколоченные механизированные корпуса были расформированы, созданы танковые бригады. Просчет стали исправлять лишь перед самым началом войны. Однако вновь создаваемые корпуса были слишком громоздкими и неповоротливыми. В каждом из них было свыше 1000 танков. Даже в конце войны танковые армии РККА насчитывали не более 600—700 танков. К началу войны большинство мехкорпусов находилось в стадии формирования. Особенно остро встал вопрос об овладении опытом во время советско-финской войны, вскрывшей непонимание руководителями всех рангов новых требований, предъявляемых армии. Высокими инстанциями были приняты решения, осуществлен ряд мер, но все это оказалось недостаточным. Как в заколдованном круге вновь и вновь вставала во весь рост проблема кадров, уничтоженных несколько лет тому назад.

Имеют распространение также старые тезисы о том, что в Восточном походе вермахт будто бы использовал экономику чуть ли не «всей Европы», что экономический потенциал Германии превосходил советский в 2—2,5 раза. «Мощный потенциал почти всей капиталистической Европы, — по мнению Анфилова, — нацисты поставили затем на службу подготовке

войны против СССР. Поэтому утверждения, что вермахт в июне 1941 г. лишь в незначительной степени использовал некоторые ресурсы этих стран, просто ошибочно. По этому поводу и в нашей, и в зарубежной печати уже не раз приводились красноречивые данные»¹. Автор исходит не из того, что было на самом деле, а из того, что, по его мнению, могло быть. Но если бы даже Германия преследовала цель «поставить на службу мощный потенциал», она не успела бы этого сделать. Она захватила его в июне 1940—апреле 1941 гг. Ее руководство было убеждено, что вермахт имеющимися силами разгромит РККА. Анфилов действительно много раз публикует свой тезис, ссылаясь лишь на книгу Б. Мюллер-Гиллебранда, изданную еще в 50-е гг. В ней есть некоторые сведения об использовании вермахтом захваченной техники. Но этот факт явно недостаточен для того, чтобы подтвердить вывод автора. В новейшем т. 6 упоминавшегося 10-томника читаем: вся трофейная техника, за исключением части французского автотранспорта и чешских танков, была использована вермахтом в учебных, охранных и иных целях вне Восточного фронта.

Анфилов и другие военные историки приводят общее число автомобилей в приграничных округах и армии нашей страны: 120 тыс. и 600 тыс. Но они умалчивают, что в СССР на 22 июня было свыше 900 тыс. автомобилей, что эта техника в нужное время не оказалась в надлежащем месте (элементарное требование военной теории!); что, по оценке специалистов из ФРГ, французские и другие трофейные автомобили, которые вермахт использовал в походе, были непригодны «для дорог на Востоке»; что Восточный фронт вермахта был моторизован лишь на 25 процентов и немцам «очень часто приходилось прибегать к конной тяге»; что в июне 1941 г. Восточный фронт вермахта имел 625 тыс. лошадей; что вследствие крайней недооценки сил Красной Армии Германия в 1940 г. даже снизила собственное военное производство, лишь незначительно подняв его в 1941 г. (105 пунктов против 100 в 1938 г.) Недооценка фашистским руководством обороноспособности СССР стала предметом специальных исследований ряда германских историков. Такова работа Хилльгрубера о «квазиоптимистической оценке» СССР немецкими военными. В СССР же эта проблема не изучалась.

Отдельные авторы из «Военно-исторического журнала» тезису «Германия к началу войны лишь в незначительной степени использовала ресурсы поработенных стран» противопоставляют контртезис: «Соотношение производства угля и стали было в пользу Германии». Но речь же должна идти не

¹ Цит. по: Вождь, хозяин, диктатор. М., 1990. С. 346—347.

о возможностях, а о фактическом применении готовых средств 22 июня 1941 г. Армии воюют оружием, а не тоннами топлива и проката. Нельзя смешивать мощности базовых отраслей экономики стран, захваченных Германией, с непосредственно привлеченной вермахтом уже 22 июня 1941 г. той или иной трофейной техникой. Лишь в 1942—1944 гг. эти усилия позволяют Германии умножить военно-экономические ресурсы. В СССР изданы бесчисленные повторяющие друг друга работы по военной экономике. Но использование Германией потенциала других стран в Восточном походе до сих пор не изучено. Оценка этого использования некритически заимствована из доклада Сталина 6 ноября 1941 г. Она не опирается на какое-нибудь серьезное исследование и смыкается с фашистскими мифами о «непревзойденной силе германского оружия», о «крестовом походе всей Европы против большевизма». В действительности вермахт в июне 1941 г. лишь в незначительной мере использовал некоторые ресурсы этих стран. Впрочем, позиция наших оппонентов меняется. Активный защитник тезисов о военно-техническом превосходстве вермахта и походе «всей Европы» Анфилов в последних своих работах пришел к выводу о том, что подготовка РККА к отпору агрессии была неудовлетворительной, что самостоятельность командиров была скована вследствие «прежде всего грубейших просчетов и преступных действий» Сталина¹.

Как показали авторы т. 6 10-томника, Гитлер лишь на рубеже 1941—1942 гг. «понял, что его собственный военный потенциал израсходован»; «перед вермахтом вставала задача использовать ресурсы того противника, который нанес первые серьезные ответные удары по армии Гитлера», «до сих пор существовавшая идеологически обусловленная имперская стратегия все более уступала место ведению войны в целях простого выживания». Г. Амброзиус и В. Хуббард (ФРГ) полагают, что «полный охват и эффективное использование всех ресурсов было осуществлено лишь во второй фазе войны, начиная с 1942 г., когда стратегия скоротечных войн уже не функционировала, и экономика должна была быть перестроена на длительную войну». Когда же Германия привлекла большую часть ресурсов, она тем не менее стала безнадежно отставать в военно-экономическом отношении от СССР. Она никогда не смогла «абсолютно все подчинить войне», как утверждают некоторые историки. Сказались особенности ее экономики, действия патриотов-антифашистов, опасение властей за свой тыл, в первую очередь страх перед рабочим классом. Этот страх объясняет, в частности, то, что уровень жизни немцев выше, чем в других воевавших государствах, в

¹ См.: Вождь. Хозяин. Диктатор. С. 359.

том числе за счет эксплуатации населения захваченных стран и территорий.

Ряд суждений связан с внешнеполитическими обстоятельствами. Не может быть принята в качестве «извинительной» ссылка на возможную реакцию западных держав в случае заблаговременной мобилизации в СССР. Допустим, что это вызвало бы очередную волну антисоветизма. Но верх очень скоро взяли бы долговременные интересы этих держав. В 1939 г. без помощи СССР они были уже не в состоянии выстоять против фашизма. Пишут о надежде Сталина и его группы на то, что Германия, боясь войны на два фронта, не нападет на СССР, пока не разгромит Англию. Но эти стратеги и здесь не заметили принципиально новой ситуации. В отличие от 1914—1918 гг. в 1941 г. Англия была почти безопасна для Германии: второй фронт был надолго исключен. Главную ставку фашисты делали на серию скоротечных войн, чего также и в СССР не поняли. В этом свете несостоятелен и расчет на недостаток нефти, вследствие чего Германия будто бы нападет сначала на Ближний и Средний Восток.

Поляков и некоторые другие историки объясняют поражение 1941 г. слишком быстрой победой Гитлера на Западе. Надежду на затяжной характер войны отмечают и некоторые мемуаристы. Но как можно сетовать на быстрое поражение Франции в 1940 г. или отсутствие второго фронта в Европе? С какой стати оборона государства должна была зависеть от чьей-то стойкости или милости? Настоящий политик сумеет учесть всю совокупность внешних факторов, но не поставит жизнь страны в зависимость от неконтролируемых обстоятельств. Сталин в докладе о XXV годовщине Октября и в других выступлениях прямо выводил поражение РККА из отсутствия второго фронта. Этот тезис повторяет Ржешевский. Все это не может быть принято всерьез. Пассивность западных держав была сопутствующим фактом, но отнюдь не причиной поражений РККА. Напомним, что Красная Армия по существу без помощи союзников сорвала план скоротечной войны — основу всей завоевательной программы германского фашизма. Главным образом собственными силами она летом 1943 г. завершила борьбу за перелом в ходе второй мировой войны. Упреки Сталина Западу вызывают смешанные чувства. Да, СССР делал дело всего человечества. Но во главе этой страны стояли люди, недавно еще вступившие в сделку с фашизмом и объявившие западные страны «агрессорами». Да и сам Запад был достаточно далек от понимания общечеловеческих ценностей. Он руководствовался собственными интересами. Сопротивление же РККА обеспечивало ему время для вполне достаточной подготовки своих вооруженных сил к схватке с фашизмом.

В ряде выступлений Сталин позволил себе вскользь упо-

мянуть о неких «ошибках», приведших к поражениям. Но эти жалкие намеки на признания нельзя принимать за чистую монету. Так, в речи после Парада Победы 24 июня 1945 г. «вождь», в частности, весьма туманно заявил: «У нашего правительства было немало ошибок...» Этой фарисейской констатацией вопрос был закрыт, по крайней мере, до смерти Сталина. Характерно, что ничего конкретного об «ошибках» не говорилось, что собственные «ошибки» он легко разделил с правительством; он признавал лишь одну, по существу ложную альтернативу: или Сталин у власти, или капитуляция. Нарочитое выделение им русского народа носило шовинистический характер, мысль о «терпении» русских лицемерна. Он прекрасно понимал, какими методами достигалось такое смирение. Говоря о том, что у «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза... руководящей силы Советского Союза» будто бы существовала в 1941 г. свобода выбирать «другое правительство», «вождь» грубо фальшивил. Все узловые посты в государстве, Вооруженных Силах, карательных органах были заняты послушными исполнителями его воли. Лукавил он и относительно «мира с Германией и покоя», которые будто бы могло обеспечить «другое правительство». Он знал о провале собственных попыток заключить такой мир. Мир с гитлеровским руководством был исключен. В данном случае оно было верно принципу «все или ничего». Нечто подобное Сталин продолжил в речи 9 февраля 1946 г. Его фраза «победителей можно и нужно судить» звучит в высшей мере лицемерно. Он прекрасно знал, что его власть была вне какого-либо «суда».

Пытаясь выдать нужду за добродетель, Сталин представлял вынужденный отход РККА 1941—1942 гг. в виде заранее спланированного отхода в целях «заманивания» противника. В отличие от честного и открытого термина 1812 г. — «отступление» он назвал этот отход некоей «активной обороной». Ее элементы, естественно, были, но какой фантазией нужно было обладать, чтобы перемещение РККА от Бреста к Москве назвать обороной? С термином «активная (иначе — «наступательная») оборона», введенным и обоснованным впервые Жомини, манипуляции Сталина не имели ничего общего.

В речи 9 февраля 1946 г. «вождь» также оставил открытым вопрос о причинах поражений. Некоторые его общие фразы в равной мере могут быть отнесены к войнам и Ю. Цезаря, и А. Гитлера. Война обнажила факты, безжалостно сорвала покровы с лиц, государств, правительств, партий, пишет он, в частности. Касаясь экзамена советскому строю, он также оставался весьма далек от конкретного анализа, ограничиваясь совершенно пустыми декларациями, например, о нашей полной победе как «главном итоге войны», о победе общественного и государственного строя и Красной Армии. Он вновь и

вновь восхвалял «советский метод» индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства как «в высшей степени прогрессивный метод». При этом «вождь» умолчал, во что обошелся этот метод. Вновь ударив по «махинациям троцкистов и правых», Сталин, естественно, отказался от рассмотрения каких-либо альтернатив своему «методу».

Многие историки механически восприняли все доводы и приемы диктатора. Новым было лишь то, что под влиянием XX съезда КПСС была расширена трактовка субъективных причин. Наряду со списком «изменников» (Павлов, Власов и другие генералы) был составлен список просто ответственных за поражение (Сталин, Берия, Ворошилов, Мехлис и другие). Деление причин поражений на объективные и субъективные было представлено в работах Сталина. Историки периода застоя лишь выдвинули такое деление на первый план, в тех же целях реабилитации. Однако при внимательном рассмотрении все причины восходят к просчетам правителя и его советников. СССР к весне 1941 г. имел возможности достойно встретить агрессора и победить его меньшей кровью и в более краткий срок. При фактическом бездействии официальных историков сохранились с военной поры возникшие при участии тогдашних руководителей мифы о «предательстве» первого командования Западного фронта, «измене» 2-й ударной армии. Эти толкования, как и появившаяся еще в 30-е гг. общая формула «враги народа», были удобны для оправдания массовых репрессий против военных кадров и грубых просчетов в оценке противника и его намерений в 1941 и 1942 гг. В этом направлении работала пропаганда. Широко известна инспирированная пьеса А. Корнейчука «Фронт». В ней проигрывают сражения «глупые генералы», но не верховный Главнокомандующий.

Новый тезис «история отвела мало времени» также имеет старые основы. Пропаганда стремилась доказать, что в 1917 г. мы все начали с абсолютного нуля, и вообще вышли в люди лишь благодаря Сталину. И ныне Е. Джугашвили утверждает, что его дед, «спаситель от еврейского и германского фашизмов», принял Россию с сохой, а оставил с ядерной бомбой. В тех же целях реабилитации ряд авторов принижает исходный уровень военной промышленности, бросает тень на ее достижения к 22 июня 1941 г., пишет об общей экономической отсталости СССР. Этот тезис Жукова уже был подвергнут критике Самсоновым. Упоминавшаяся книга о советском тыле объясняет поражение Красной Армии 1941 г. «общим экономическим отставанием» СССР от Германии и пресловутыми «короткими сроками». Подчеркивая краткость времени между 1917 и 1941 гг., эти авторы фактически исключают какие-либо другие варианты развития, исходят из обычного для них представления: все, свершенное под «мудрым руководством»,

единственно безошибочно и целесообразно. Но учеными уже доказано, что СССР к началу войны далеко не использовал своих военно-экономических возможностей. Он мог добиться результатов несравненно больших, более качественных, при несравненно меньших затратах, если бы не порочная система.

Тезис об ответственности истории лжив и бесплоден — с его помощью не извлечешь уроков, зато можно оправдать все, что угодно. По поводу возможностей СССР добавим, что всего за один год — к концу 1942 г. его оборонное производство догнало германское, хотя и находилось в несравненно более тяжелых, чем до войны, условиях, а в 1943 г. перегнало его и по количеству, и по качеству. Фаталистические тенденции проявляются и в трактовке других проблем. Утверждают, например, что и невзгоды, и лишения советским людям были предписаны той же историей.

Ради оправдания сталинского руководства войной современные историки и публицисты выдвинули несколько версий, которых мы не встретили в работах «вождя». Ссылаются на «народ», его «черты», что так же безопасно, как ссылаться на «историю»; прибегают к старому образу русского богатыря, который проспал 30 лет и 3 года и проснулся лишь тогда, когда немцы дошли до Волги и Эльбруса. Это лишь затушевывает суть дела. Кое-кто мобилизует старые хитроумные версии: «хороший царь и плохие бояре», «не вспоминать плохого о мертвых». Известную латинскую пословицу нельзя относить к политикам и ученым. Они умирают лишь тогда, когда умрут их дела, их идеи, их преемники. Старым традициям в изложении проблемы следовал в 1989—1991 гг. «Военно-исторический журнал». Он публиковал лишь частные сведения о нападении 22 июня, об УР, о «юнкерсе», прилетевшем незванным в Москву в мае 1941 г.

2

В понятие «внезапность» относительно событий 22 июня разные авторы вкладывают самый различный смысл. Это легко объяснить. Понятие было извращено еще Сталиным. Он прилагал небезуспешные старания внушить народу мысль о неожиданном для СССР нападении. Применяя понятие «внезапность» в буквальном смысле, оправдывая свои грубейшие просчеты, он лгал. На самом деле эта неожиданность ожидалась. Никто в мире из тех, кто мало-мальски интересовался политикой, не мог исключить возможность агрессии.

Не только об общих политических целях Гитлера в Восточной Европе, но и непосредственных намерениях вермахта знали очень многие — от Сталина до миллионов граждан западного приграничья. Другое дело, что этому не разрешалось

верить, высказывания об этом карались как «контрреволюционные выступления», хотя такая тенденция не была всеобщей. Один из авторов этих строк вместе с другими курсантами Брянского военно-политического училища не принимал всерьез 21 июня 1941 г. доклад о международном положении лектора ЦК партии. Кто-то из наших неглупых командиров внушил, что на самом деле война вот-вот разразится, а отрицают это в пропаганде лишь из неких соображений высокой политики. Мимо лагеря курсантов чуть ли по самой его территории шли на Запад эшелоны с красноармейцами. В открытые двери теплушек мы бросали им папиросы и газеты. Но, увы, курсанты не руководили обороной страны...

Ошибочно сводить сугубо военный фактор неожиданного удара к вопросу, знали или не знали. В этом случае исследователь остался бы на уровне обыденного сознания. История войн знает случаи, а нападение на СССР еще раз ярко подтвердило это, что наличие информации о нападении не исключает внезапности. Как прямолинейное отрицание тезиса Сталина ныне возникло другое спорное мнение: внезапности не было, если о нападении знали, к его отпору готовились. Это верно лишь отчасти. Да, СССР готовил оборону, но она не была завершена, войска не были приведены в боевую готовность. Это и создало условия для внезапного удара.

Отдельные авторы нарочито подчеркивают вероломный и внезапный характер нападения: как будто от фашистов можно было ожидать объявления войны! По мнению одних, советские руководители будто бы не заблуждались, что войны с Германией не избежать, но они сомневались, «посмеет ли Гитлер развязать войну». По мнению других, «Сталин твердо верил, что ему удастся предотвратить бедствие» (Симонов). Он «очень хотел отодвинуть войну... уделял военным вопросам львиную долю своего рабочего времени» (Волкогонов). При этом, как правило, избегают четкого определения внезапности, как и оценки поведения диктатора, его запоздалых и половинчатых мер. Применяется фигура умолчания и относительно проблемы внезапности в целом. Ряд авторов почему-то называют внезапность «пресловутой».

Заслуживает внимание точка зрения В. Клевцова: нападение на СССР может быть признано внезапным только в тактическом и оперативном плане, так как советские войска не были своевременно приведены в боевую готовность. В стратегическом отношении внезапности не было, поскольку высшее руководство знало о готовящемся нападении, но не приняло энергичных, квалифицированных ответных мер. Выделив неготовность войск и бездеятельность командования как суть внезапности, автор, к сожалению, не освободился еще от тезиса: «руководство знало, значит, внезапности не было». Автор ограничивает внезапность лишь тактико-опера-

тивной сферой, хотя командования округов также знали о нападении. Ржешевский пишет лишь о «морально-психологической внезапности». Авторы же т. 6 десяти томника считают, что внезапность нападения вермахта на СССР носила «политико-стратегический характер». Такие ограничения, на наш взгляд, неправомерны. Внезапность была всеобщей. Она поразила всю армию и население, от рядового красноармейца и рабочего, до «вождя» и его наркомов. Под ее знаком проходили не только отдельные бои, но война в целом, вся жизнь народа.

Пытаясь ответить на вопрос о том, в чем заключалась внезапность, мы должны решительно подчеркнуть, что во всех войнах прошлого фактор внезапности возникал вследствие не только вероломства «коварного» агрессора, но и безответственности руководства государства (армии), ставшего жертвой агрессии. По мнению Павленко, в июне 1941 г. внезапность по-своему создавали обе противоборствующие стороны: «Немецкое командование... тщательно маскировало свои подготовительные мероприятия и осуществляло широкую дезинформацию (об объявлении войны, естественно, не могло идти и речи. — *Авт.*). В то же время советское стратегическое руководство игнорировало любые тревожные сигналы от дипломатов, разведчиков, пограничников». В этом свете представляются совершенно беспомощными суждения некоторых историков о том, что «вероломное... мягко говоря, неджентльменское поведение и обеспечило агрессору внезапность» (Анфилов). Тем более что для теоретически подготовленного историка этот вопрос никакой сложности не представляет. Так, Жомини сообщает о том, как в 1812 г. под Тарутином Мюрат был внезапно атакован и разбит Кутузовым и как Мюрат впоследствии пытается оправдываться. По мнению же Жомини, Мюрат дал застать себя врасплох лишь по своей непростительной оплошности.

Рассуждения о неотмобилизованности РККА, некомплекте частей и соединений, незавершенности реорганизации и перевооружения армии, разрыве между планами перестройки Вооруженных Сил и существовавшими тогда экономическими возможностями и многими другими реальными характеристиками обороны страны в мае—июне 1941 г., несомненно, должны быть учтены. Эта проблема должна быть исследована. Но есть опасность, что эти рассуждения без труда могут быть сведены к известному тезису «история отвела мало времени».

Представляется более верным исторически и более продуктивным с точки зрения изучения уроков прошлого в первую очередь выделить другой вопрос: могла ли РККА имеющимися в ее распоряжении по состоянию примерно на начало мая 1941 г. силами и средствами, действуя энергично, подготовить оборону против нападения 22 июня, по крайней мере, — при-

крытие мобилизации? Мы отвечаем на этот вопрос без всяких сомнений утвердительно. Напомним, что по существующим тогда в вермахте нормам, нападающая сторона должна была превосходить обороняющуюся не менее, чем в три раза. В действительности 22 июня 1941 г. было далеко не так. Силы были примерно равными. По боевой же технике Восточный фронт вермахта уступал войскам западных приграничных округов СССР в полтора-два раза. Значит, дело было в другом — в неготовности войск. Именно на нее делали главную ставку фашистские лидеры. Мощный первый удар по неподготовленным к немедленным ответным действиям войскам очередной жертвы. В этом — суть стратегии вермахта. И в этом же одновременно суть поражений РККА. Если б 22 июня началась война двух изготовившихся к бою противников, а не произошло избиение спящих, безоружных, не защищенных даже легкими укреплениями людей, советские войска первого стратегического эшелона наличными силами и средствами удержали бы оборону, обеспечили бы время и нормальные условия для всеобщей мобилизации, подготовки и ввода в дело резервов.

Дислокация советских войск не отвечала ни наступательным, ни оборонительным задачам. Оборона была оборудована в инженерном отношении неудовлетворительно. Армия встретила войну, находясь в казармах или лагерных палатках. Это был лучший способ погубить войска или сдать их в плен. Значительная часть артиллерии была на учебных полигонах и в бою не смогла принять участия. Часть техники была неисправна, часть моторов — без горючего. Большая часть самолетов не успела подняться в воздух. То есть грозное оружие было превращено в мишени. В воскресенье собирались провести обычный день отдыха. Даже для того, чтобы хорошо тренированный одиночный стрелок, покинув казарму, занял боевую позицию, нужны минуты или часы. Речь же шла о почти 3-х млн. человек, о весьма сложном военном механизме. Нужно было переместить на сотни километров сотни тысяч красноармейцев, огромную технику. Для этого требовалось по меньшей мере, несколько недель. Неожиданными оказались удары авиации и диверсии против узлов связи. Часть соединений, шедших к границам, была уничтожена в походных колоннах. Но армия без управления (а оно немислимо без связи) превращается в простую толпу. Героизм одиночек, подразделений, частей, соединений и даже объединений, который отнюдь не прошел даром — он подготовил будущий перелом в ходе войны — не смог, однако, в первые месяцы преодолеть господствовавшую тогда тенденцию.

Итак, неготовность советских войск — вот что заметит вначале любой объективный наблюдатель, если он захочет понять суть внезапности. Но неготовность — лишь следствие

более глубокой причины. Сложившиеся к тому времени в СССР авторитарный режим, некомпетентность, произвол оказали пагубное воздействие на все военно-политическое руководство. Накануне нападения и после него руководство, в том числе и командование РККА, находилось в состоянии шока. В его основе лежала неспособность Сталина и его советников оценить объективную обстановку в стране и в мире в целом, вероятного противника, его силы и намерения. Ни о какой «трезвой оценке внутри- и внешнеполитического положения СССР» (Вишлев) не может быть и речи. Шокосвое состояние руководства проявилось, в частности, в шатаниях от «умиротворения» Гитлера до сокращения экономических поставок в Германию, демонстративной переброски больших масс войск на Запад, призыва запасных, затем снова — к пресмыкательству перед Гитлером. Сталин не владел ситуацией, не понимал ее. Фашизм немыслим без войны, его не могли обуздать неуклюжие маневры, над которыми в Берлине смеялись. Нужна была мощная и решительная антифашистская коалиция, создание которой было сорвано не без участия Сталина. Но в этой критической обстановке единственно возможные меры — приведение войск в готовность к отпору агрессии Сталин блокировал.

После того, как удалось «очистить армию от врагов народа», в ней фактически не осталось людей, способных противостоять злой и неумной воле «вождя». Остались убогие маршалы и генералы, способные лишь получать и передавать подчиненным приказы. Аналогичная ситуация в Германии представляется нам лишь слабой тенью. Вермахт до конца войны оставался реальной политической силой, с которой был вынужден считаться «фюрер». Не случайно тот завидовал, с какой легкостью Сталин расправляется со своими генералами. К выводам о такой роли «вождя» приходят и зарубежные ученые. Бонвеч считает: «В том, что немцам удалось внезапное нападение, виновато советское руководство, оно было парализовано упрямством Сталина, в этом прослеживается типичное проявление сталинизма».

Бесправие НКО и Генерального штаба в предвоенное время характеризует Павленко. Они не только не имели права давать разрешения округам приводить войска в боевую готовность, но даже усиливать те или иные опасные направления. Например, Тимошенко после неоднократных просьб разрешил Киевскому военному округу передвинуть некоторые соединения. Через несколько часов Берия уже докладывал об этом. Сталин сейчас же позвонил наркому и пообещал сурово наказать «за провокацию». Некомпетентное вмешательство, подавление инициативы прикрывалось словами об идейно-политическом единстве, беспредельной преданности «вождю» и пр.

Вермахту удалось ввести в заблуждение советских руководителей относительно направления своего главного удара и своего 6—8-кратного превосходства на этом направлении. Это произошло вследствие отказа от первоначальных верных представлений Генерального штаба о том, что именно на Западном направлении будет нанесен такой удар. Значительная часть советских войск была сосредоточена на южном фланге. Эта точка зрения безраздельно господствовала в советской литературе, пока не был опубликован в январе 1992 г. один из документов Генерального штаба, касающийся наступательного варианта действий РККА против вермахта. Еще раньше сведения об этом документе определенная группа авторов в СССР и за рубежом пыталась представить как сенсацию. Имеется в виду проект доклада С. Тимошенко и Г. Жукова (без их подписи), составленный А. Василевским и Н. Ватутиным и датированный 15 мая 1941 г. Документ был адресован И. Сталину. Неизвестно, однако, читал ли он его и разделял ли он мнение авторов. Проект опирался на более ранние разработки Генерального штаба, в частности, на «Основы стратегического развертывания РККА», одним из соавторов которых был Б. Шапошников (1938). Авторы проекта 15 мая 1941 г. исходили из того, что Германия завершает подготовку нападения на СССР, стремясь «ПРЕДУПРЕДИТЬ нас в развертывании и нанести внезапный удар». Вопреки оценке Шапошникова авторы полагали, что главные силы Германии сосредоточены южнее Бреста. В этой связи Василевский и Ватутин считали необходимым «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию». «Стратегической целью действий войск Красной Армии» авторы поставили «разгром главных сил немецкой армии». Согласно проекту главный удар наносился силами Юго-Западного фронта в направлении: Краков, Катовице. Одна из целей была отрезать Германию от южных союзников¹.

С точки зрения политической этот документ едва ли приносит что-либо существенно новое. О намерениях Красной Армии вести наступательные действия в СССР в 30-е — начале 40-х гг. говорили постоянно и громко. Снова подчеркнул это Сталин в речи перед выпускниками академий РККА 5 мая 1941 г. Больше того, он даже пытался «бить врага» в 1939—1940-е гг. в поверженной Польше и малой Финляндии... На доклад ссылаются В. Резун, бывший майор Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба, издавший на Западе книгу «Ледокол» под псевдонимом «В. Суворов», и его последователи в СССР. Сбрасывая со счетов агрессивность гитлеризма, они пытаются представить его Восточный

¹ См.: Комсомольская правда. 1992. 4 января; Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 11.

поход в виде превентивной меры¹. Но, определяя политический характер войны, наука обращается не к способам действий, а к целям воюющих сторон. Эта проблема была разработана Жомини еще в начале прошлого века. Он показал, что наступательная в чисто военном отношении операция отнюдь не всегда равносильна захватнической войне. Нельзя смешивать наступательное с агрессивным. Дело не в том, кто кого «упредил», кто выстрелил первым, кто на кого «напал», чьи войска на чьей территории, кто наступает. В 1944—1945 гг. США «напали» на Германию, а СССР — на Японию. Однако их никто не считает агрессорами, и не потому что они стали победителями. Напомним, что военная теория рассматривает упреждение в действиях противника как частный случай инициативы на войне. «Значение инициативы и ранней готовности к открытию войны» в прошлом веке исследовал, в частности, известный русский ученый Г. Леер. «Тот, кто выжидает, уже разбит заранее» (Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1888. С. 196). В 1941 г. Гитлер сохранял инициативу, Сталин безнадежно опоздал с нанесением упреждающего удара» (В. Белецкий).

В чисто военном отношении новый документ также не представляет большого значения. Вполне нормально, что в генеральном штабе той или иной страны разрабатываются различные варианты боевых действий на случай возникновения войны. Эти варианты далеко не всегда обусловлены исключительно политическими целями государства. В случае с советским Генштабом дело не в том, что он разрабатывал наступательные операции. Очень плохо то, что те или иные оптимальные варианты действий стали разрабатываться слишком поздно и в таком узком кругу, что к их осуществлению исполнители этих планов 22 июня оказались совершенно не готовы.

Опубликование докладов едва ли повлияет на трактовку не только генезиса войны, но и поражений советских войск в 1941 г. Опираясь на доклад, Б. Петров делает вывод, что основная масса войск была сосредоточена на Южном фланге не вследствие просчета в оценке направления предполагаемого главного удара противника, а в соответствии с тогдашней стратегией руководства СССР — разгромить врага на его территории. По данным автора, на «львовском выступе» было сосредоточено 4200 танков, в том числе подавляющее большинство имевшихся в западных округах новейших танков². Но на самом деле главные силы вермахта разве не были сосредоточены в центре, а главные силы РККА — на юге. Независимо от способа предстоящих боевых действий, разве командова-

¹ Подробнее см. нашу статью // Свободная мысль. 1993. № 6.

² См.: Ветеран. 1990. 8 ноября; Военно-исторический журнал. 1991. № 12.

ние РККА не просчиталось в оценке направления главного удара, разве не на минском направлении ее фронт был смят немедленно, а на киевском лишь позднее? Публикация нового документа лишь усиливает мнение о шоке, в состоянии которого пребывало советское руководство в 1941 г., о борьбе внутри этого руководства самых различных тенденций — реалистической (весьма слабой), авантюристической и оппортунистической (возобладавших в конечном счете).

Шок советского военно-политического руководства проявлялся в том, что не были предприняты необходимые меры накануне агрессии. В еще большей степени Сталин и его советники проявили растерянность после нападения. Напомним о бессмысленном требовании их директивы № 2 от 22 июня 1941 г. не переходить границы. Красная Армия откатывалась почти по всему фронту, вермахт успешно наступал, а в Москве по-прежнему беспокоились, как бы «не дать повода». Только около полуночи штабы округов получили распоряжение о немедленном приведении войск в боевую готовность, но и этот документ предупреждал «не поддаваться на провокацию». В то же время из центра шли и совершенно противоположные указания. 22 июня 1941 г. в 21 час 15 минут нарком обороны подписал новую нелепую директиву № 3 о переходе в решительное контрнаступление с целью разгрома противника на его территории. Для атмосферы, свойственной руководству, характерно следующее. Если верить Жукову, он поставил подпись под этой директивой против своего желания, не зная состояния дел на фронтах. Ему сообщили, что «дело это решенное». Директива лишь увеличила безрассудные жертвы. Контрнаступления не состоялось. К исходу 24 июня войска отступили на 50—100 км.

Вывод о шоке военно-политического руководства подтверждается тем порядком принятия решений — Генеральный штаб, НКО, Сталин, — который был установлен «вождем». Приказы опаздывали на 7—8 часов. За это время немецкие танки проходили новые 40—50 км, ситуация на фронте менялась, приказы безнадежно устаревали. Недопустимость такого разрыва была понятна военным теоретикам и практикам еще в XIX в. Сталину и его группе, чтобы понять это, понадобился собственный кровавый опыт. По данным А. Хрулева, в течение двух и более месяцев войска, отходившие от границы, не имели ни одного указания относительно их следующих оборонительных рубежей. Если бы заранее были укреплены рубежи на реках Припять, Березина, Западная Двина вплоть до Днепра, то никогда бы пришелец не проник столь глубоко.

Сведения о поведении самого «вождя» в первые дни войны противоречивы. Полагаем более обоснованными суждения Исакова. Адмирал пишет о Сталине, близком к прострации. Другие свидетели отмечают нервное потрясение и даже обыч-

ный запой. Гибла армия, а «великий полководец» отсиживался на даче в Кунцеве. Вся Ставка, по воспоминаниям Хрулева, в течение первых недель не могла выйти из паралича. По свидетельству Жукова, после катастрофы Западного фронта и оставления Минска Сталин оказался в крайне подавленном состоянии. В Кунцеве он находился до тех пор, пока к нему не приехала делегация членов Политбюро во главе с Калинин. Есть основание предполагать, что Сталин преднамеренно ждал, чтобы его попросили возвратиться в Кремль.

Эту мысль пытаются оспорить. Так, журналист газеты «Советский патриот» приводит некоторые сведения, не давая, однако, им никакой оценки. Будто бы Сталин после 22 июня 1941 г. работал напряженно: принимал наркомов, военных деятелей, секретарей обкомов. Уже на следующий день он подписал два постановления: «О Ставке Главного Командования Вооруженных Сил СССР» и «О вводе в действие мобилизационного плана по боеприпасам», 24 июня — постановление «О создании Совета по эвакуации», 27 июня — сразу три постановления. 3 июля Сталин выступил по радио. Автор явно упустил случай объяснить, почему Сталин не сделал этого 22 июня. Ссылаются на тетрадь учета посетителей Сталина в Кремле 21—28 июня 1941 г. Но эта «тетрадь», которую вел секретарь, не представляется безупречным источником. В ней отсутствуют записи 29 июня — 1 июля. И, главное, многие решения, принятые в «кунцевскую неделю», по своей непригодности или были не выполнены, или просто отменены. Таково Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. о председателе Ставки Тимошенко. Уже 10 июля Ставку возглавил сам Сталин. «Вождь» явно не мог найти своего места в системе руководства, и в этом также проявляется внезапность нападения. Решение о составе Совета по эвакуации, принятое 24 июня, было существенно изменено уже 16 июля. Яркие иллюстрации беспомощности Сталина, его окружения накануне и в начале войны представлены в воспоминаниях Л. Сандалова, Н. Воронова, В. Молотова, К. Москаленко, К. Рокоссовского. Красноречива серия приказов, вышедших из-под пера Сталина, Тимошенко, Жукова и других его советников в первые месяцы войны, в том числе и широко известный приказ № 270.

Наконец, нельзя игнорировать весьма авторитетный в этом отношении источник — воспоминания Микояна. Они опубликованы в 1988 г. и, насколько известно, никем до сих пор под сомнение не поставлены. Автор сообщает, что Сталин 22 июня «упорно отказывался» выступить по радио, несмотря на «наши» (членов Политбюро) уговоры, что выступление Молотова, а не Сталина, «было ошибкой». Находясь «на ближней даче», «Сталин был в таком подавленном состоянии, что не знал, что сказать народу», которому обещал мир, а если и

войну, то на территории противника. 29 июня И. Сталин, В. Молотов, Г. Маленков, Л. Берия, А. Микоян приехали в НКО в связи с потерей связи с Западным фронтом. «Около получаса поговорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся...». При выходе из НКО он сказал: «Ленин оставил нам великое наследие, мы — его наследники — все это...» Многообразие показывает, что в этот момент у «вождя» иссяк запас литературных слов. Он считал все «безвозвратно потерянным». Попытки Микояна смягчить: «Сталин был очень удручен», был «в состоянии аффекта» — не меняют дела. 30 июня В. Молотов, Г. Маленков, К. Ворошилов, Л. Берия, Н. Вознесенский, А. Микоян пришли к выводу о необходимости учреждения Государственного Комитета Обороны во главе со Сталиным. «Решили поехать к нему. Он был на ближней даче. Молотов, правда, сказал, что Сталин «ничем не интересуется, потерял инициативу, находится в плохом состоянии». Сталин задал им «странный вопрос: зачем пришли?» «Вид у него был какой-то странный». Этот эпизод помимо прочего лишний раз подтверждает, что кризис военно-политического руководства начался еще до нападения. Располагая достоверными сведениями об агрессии, эти лица лишь к концу девятого дня войны создали руководящий центр и распределили между собой обязанности в соответствии с основными задачами военного времени, как будто этого нельзя было сделать задолго до 22 июня.

Аналогичным было состояние «вождя» осенью 1941 г. в ходе Московской и Ленинградской битв. По оценке Жукова, «Сталин выглядел как никогда растерянным». Предлагая Жукову заменить Ворошилова, Сталин был уверен в скором падении Ленинграда. Об этом свидетельствует и Кузнецов, которому Сталин приказал подготовить уничтожение Балтийского флота. То же самое состояние «вождя» запомнилось И. Коневу. 4 октября 1941 г. как командующий Западным фронтом он попросил у Сталина разрешения отвести ослабленные войска на один из тыловых рубежей и услышал от председателя ГКО нечто неожиданное. В истерическом тоне, избегая ответа по существу, тот произнес о себе, как о третьем лице: «Товарищ Сталин не председатель, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам...»

Проявлением той же крайней растерянности было решение просить Гитлера о мире. Вопрос этот фигурировал еще на процессе Берии в 1953 г. Ему предъявили обвинение в том, что он вел переговоры с немцами, когда они находились под Москвой. От Жукова Павленко удалось узнать, что Берия действовал по поручению самого Сталина. На наш взгляд, в самом решении добиваться перемирия нельзя видеть нечто

постыдное. Мир ради сохранения жизни народа — в цивилизованном обществе дело вполне нормальное. Но дело в том, что правитель вновь не мог оценить адекватно реальную ситуацию. Напрасно он вспоминал Брестский мир. Гитлер — это не Вильгельм II, над которым в 1918 г. нависла смертельная угроза с Запада; с натурой азартного игрока осенью 1941 г. «фюрер» чувствовал себя господином мира. Предложение СССР лишь усиливало крайнюю самоуверенность «фюрера» и подрывало позиции тех германских политиков и генералов, которые полагали, что после Смоленска Германия уже не сможет достичь своих целей военными средствами. Они предлагали вступить в мирные переговоры со Сталиным. Развитие пошло, однако, по иному пути. Второй Брестский мир, на этот раз в сталинском варианте, не состоялся.

Говоря о довольно длительном состоянии шока, в котором пребывало советское руководство, нельзя забывать о принятом в октябре 1941 г. решении сдать Москву, плане уничтожения ее важнейших объектов, фактическом начале осуществления этих планов. Пишут как о подвиге: Сталин остался в Москве и в октябре, и ноябре 1941 г. Напомним, что решение о его выезде в Куйбышев было принято, и он был готов покинуть Москву в любой момент, но и оставаясь в ней, он отнюдь не рисковал своей жизнью.

Вполне естественно встает вопрос, кто виноват в том, что противник напал внезапно и широко использовал это в своих интересах. С 1941 г. в литературе прослеживается стремление возложить всю ответственность на германский фашизм. Но внезапность немыслима без просчетов защищающейся стороны. Крах своей веры в фашизм и Гитлера Сталин долго не признавал. Лишь в обращении к народу 9 мая 1945 г. он заявит: «Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово». Воспользуемся этой метафорой. Умный скотовод никогда не сетует на волка — он знает его «повадки». Он делает крепкую ограду для скота, нанимает надежных пастухов, заводит собак, организует отстрелы хищников. Если б верховный пастырь советского народа поступил так, РККА не пустила бы зверей на территорию СССР, и не пришлось бы считать потери среди мирного населения и колоссальные разрушения.

Имея в виду обороняющуюся сторону, главным виновником внезапности необходимо считать Сталина. Обладая исключительной властью, он не только не разрешил военным выполнять элементарные требования уставов, но и категорически запретил это делать, установив над Вооруженными Силами мелочный контроль в первую очередь с помощью Берии и Мехлиса. Нельзя согласиться с мнением Симонова об «ответственности общества, нашей собственной ответственнос-

ти». Она не может быть безликой; когда виноваты все, виноватых нет! Главную вину в преступных просчетах несут также Молотов и близкие советники «вождя».

Ответственность за внезапность сильно отягощается одним обстоятельством. Проблема первого удара стара, как сами войны, как литература о них. По мнению Жомини, после изобретения огнестрельного оружия производить внезапное нападение стало весьма затруднительно. Оно бывает возможным лишь в том случае, если армия забудет основные требования полевой службы, и ей самой придется выполнять роль передовых постов. Меры против внезапного нападения, подчеркивает историк, имеются в уставах всех армий (написано в 1837 г.). Их только надо в точности исполнять. «Кому нужен полководец, усыпляющий бдительность своей армии», — восклицал сам Сталин¹. Эта мысль в 30-е гг. была отражена в советских армейских уставах, получила разработку в трудах ученых, в том числе и на опыте вермахта 1939—1941 гг., и даже на опыте самой Красной Армии, например, в боях у Хасана.

Военные классики считали внезапное нападение мало вероятным. У них явно не хватало фантазии предвидеть ситуацию, которую создали, главным образом, Сталин и его помощники — Молотов, Тимошенко, Жуков. «...Трудно предположить, — писал Жомини, — чтобы армия, расположенная в виду неприятеля... исполняла свой долг столь плохо, что позволила бы противнику напасть на себя врасплох». По Клаузевицу, внезапное нападение удастся лишь при особых обстоятельствах; «внезапность редко удастся в совершенной степени»; «в тактике внезапность гораздо более обычное явление», чем в стратегии; «война не возникает внезапно, подготовка ее не может быть делом одного мгновения», «каждый из двух противников может судить о другом на основании того, что делает». Победа с использованием фактора внезапности была чем-то неполноценным. По мнению Наполеона, Лейтенское сражение показало военные дарования Фридриха II. Однако он «обязан победой внезапности, и поэтому победа эта принадлежит к разряду случайностей».

Сохранили свою свежесть мысли классиков о мерах по предотвращению внезапности. Это подтверждают события не только под Брестом—Белостоком (1941), но и на Северном Кавказе (1995—1996). Эти меры — постоянная боевая готовность. «Наступающая армия, — писал Жомини, — вступая в страну с намерением покорить ее или даже только временно ее оккупировать, всегда благоразумно заготовит себе, как бы велики не были перед тем ее успехи, хорошую оборонительную линию, чтобы воспользоваться ею в случае перемены

¹ Цит. по: *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1935. С. 609.

счастья и полного изменения обстановки». Наступая, — повторяет автор, — «думают и о возможности вынужденного перехода к обороне». В развитие этих мыслей Клаузевиц предупреждал: «Полководец ни на минуту не должен спускать глаз с противника, иначе он рискует попасть под удары боевого меча, имея в руках только франтовскую шпагу»; «даже при самых благоприятных условиях и при величайшем моральном и физическом превосходстве» нельзя «упускать из виду возможность крупной неудачи»; «общим правилом современного военного искусства» является способность любой части войск в любой момент вести «самостоятельный бой». И даже для XIX в. эти мыслители не открывали нечто новое. Известно, что еще во второй Пунической войне, не только римляне, но и карфагеняне ежедневно окапывали свои лагерь. Военная история не оставляет без ответа и вопрос об ответственности генералов за проявленную беспечность. Уже в XIX в. наука считала, что «генерал, застигнутый врасплох, есть уже генерал опозоренный». Справедливо и целесообразно ли, что первые лица, «подарившие» противнику в 1941 г. фактор внезапности, не только не были наказаны, но и возвеличены?

Один из деятелей партии В. Трофимов в написанной им книге «Контуры грядущей войны» подчеркивал: «Новейшие средства войны создали могущественное оружие для нападения на суше и в воздухе, причем мощность этого оружия усиливается во сто крат в условиях внезапности. Необходимо, кстати, отметить, что у нас все признают, как вывод из современной обстановки, как нечто совершенно бесспорное, что фашисты нападут на Советский Союз неожиданно, внезапно, но из этого признания далеко не все делают надлежащие выводы. Очень многие относятся к истине, содержащейся в этом выводе, с пагубным добродушием, будучи почему-то убеждены, что истина эта будет иметь практическое значение в первую очередь в отношении каких-то других государств, а не Советского Союза; эти странные люди не хотят верить, что, может быть, в первую очередь им именно придется проснуться однажды от грохота взрывов авиабомб противника». В 1937 г. автор направил рукопись «вождю», и вскоре был расстрелян. Сам Сталин постоянно призывал армию и народ быть готовыми «ко всяким неожиданностям», в частности в речи 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий. «Самоуспокоенность», в которой он, начиная с 3 июля 1941 г., начнет обвинять народ, в первую очередь была присуща ему самому. «...Власть прозевала». Так записал в своем дневнике В. Вернадский 23 июня 1941 г., имея в виду, что Сталин еще в 1930 г. стал диктатором.

Знала ли Москва о готовящемся нападении? На основании многочисленных источников ныне можно дать вполне опре-

деленно утвердительный ответ. Попытки оправдать Сталина тщетны. Объективные сведения поступали из самых разных источников — от президентов до перебежчиков, этих подлинных героев еще не начавшейся войны. Однако мышление Сталина было не в состоянии сделать верные выводы из многообразной, обширной, часто противоречивой информации. Как могло не насторожить правителя, например, то обстоятельство (это с полным основанием подчеркивается многими зарубежными учеными), что немецкая сторона чрезвычайно легко соглашалась с советскими представителями при обсуждении территориальных вопросов на переговорах в августе—сентябре 1939 г. В мировой дипломатической практике это было совершенно необычным. Германская дипломатия казалась равнодушной и по отношению к акциям СССР в Финляндии, Румынии, хотя присоединение Северной Буковины не было предусмотрено советско-германскими соглашениями. Эту позицию нельзя было понять вне связи с намерениями фашистов против СССР. В Кремле не сумели правильно оценить итоги берлинских советско-германских переговоров в ноябре 1940 г., в ходе которых Гитлер продемонстрировал поистине царскую щедрость, предложив СССР огромную часть богатейшего «наследства британского покойника». Были далеко идущие цели: отвлечь внимание СССР от его западных границ, повернуть его лицом к югу, теплым морям. Это чрезвычайно облегчило бы осуществление целей Германии в Восточной Европе.

Репрессии нанесли советской разведке тяжелый урон (по некоторым данным семь предшественников Ф. Голикова на посту начальника ГРУ было «ликвидировано», один арестован), но она выполнила свой долг. Л. Треппер из Парижа, Р. Зорге из Токио, Х. Шульце-Бойзен из Берлина, Г. Кегель из немецкого посольства в Москве и многие другие разведчики своевременно сообщили весьма полные сведения о планах фашистов. Имелось по меньшей мере полгода для приведения в боевую готовность весьма сильной армии. Те же самые данные Сталин получал от советских послов в Берлине, Лондоне, Вашингтоне; от Черчилля, Рузвельта, Мао Цзедуна, даже от германского посла в Москве Ф. Шуленбурга — более 50 предупреждений. Может быть, наиболее убедительные сведения представлены в материалах Шуленбурга, опубликованных в «Вестнике МИД СССР» (1990, № 20) и «Новом времени» (1991, № 8). Впрочем, диктатор и посла назвал дезинформатором. Несколько иначе он реагировал на сообщение югославского дипломата о сроках возможного нападения на СССР: «Мы готовы, если угодно — пусть придут». В апреле—мае вести о предстоящей агрессии поступали из всех союзных с Германией стран. В августе 1942 г. во время визита в Москву Черчилль напомнил Сталину о своей телеграмме в апреле

1941 г. Ему не нужно было никаких предупреждений, возразил тот. Он знал, что война начнется, но думал, что удастся выиграть еще месяцев шесть.

До начала же войны «великий стратег» говорил иное. 17 июня 1941 г. НКВД передал: «Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает... все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». Резолюция Сталина: «Товарищу Меркулову. Может послать ваш «источник» из штаба герм[анской] авиации к... матери.

Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.»

Что может быть страшнее предвзятого мнения, да еще в военном деле? Упрямое следование раз навсегда усвоенной догме — в этом проявилось одно из свойств сталинизма. Может быть, наиболее ярко вся абсурдность обстановки, сложившейся в советском руководстве накануне войны, характеризует следующая докладная записка Берии 21 июня 1941 г. «...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра...

Начальник разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф. Голиков жалуется на Деканозова и своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет!..»¹

Некоторые авторы приходят в неумный восторг: «Никогда ни одному государству не приходилось выполнять столь сложную задачу». Но не один из глав государств никогда не совершал вызвавших эту «задачу» просчетов, настолько близких к измене или безумию. Отнюдь не преуменьшая профессионализм вермахта, в частности, его искусство дезинформации, мы перефразируем слова одного немецкого мемуариста: «Не Гитлер выиграл, а Сталин проиграл». Необходимо, например, отдать должное германскому генеральному штабу, организовавшему утечку информации, которая ввела в заблуждение французское руководство относительно направления главного удара вермахта в мае 1940 г. («план Манштейна»). Были и другие успешные операции. Главное же дезинформационное предприятие немцев на Востоке едва ли можно поставить в этот ряд.

Попытка вермахта замаскировать подготовку Восточного похода в СССР—РФ не изучены. К теме обратились зарубеж-

¹ См.: Красная звезда. 1991. 2 февраля.

ные историки. Так, в главе В. Ветте (ФРГ) книги «Операция Барбаросса» показана особая роль пропаганды в подготовке нападения на СССР. Она должна была сделать так, чтобы советские руководители пребывали в неведении относительно решения Гитлера и конкретных действий вермахта. По мнению Й. Дюльфера (ФРГ), «недостаточно полная оценка возможных намерений и мероприятий» вермахта со стороны его вероятных противников «оказалась исторически чрезвычайно действенной в развязывании и ведении им второй мировой войны». Наконец, Б. Уэлей (США), изучивший около 70 германских мероприятий по дезинформации РККА, пришел к выводу, что советская разведка располагала вполне достаточными данными и об этой дезинформации, и об истинных намерениях противника¹.

Следовательно, если в конечном счете немцы преуспели, то это не их заслуга, а Сталина и его окружения. На самом деле, ложь Гитлера в его ответе на письмо Сталина была так примитивна. «Фюрер» уверял «вождя» в том, что немецкие войска, изготовившиеся напасть на СССР, «отдыхают» близ границ дружественной державы перед началом операции «Морской лев» (вторжения в Англию) в зоне, недостижимой для английской авиации. Но эта схема не объясняла многочисленные факты. Почему так много войск «отдыхают» так далеко от объекта своей операции, почему их дислокация от Финляндии до Румынии совпадает с вероятным намерением напасть на СССР, зачем им техника и боеприпасы, почему снаряды выложены на грунт и т. п. Ответ Гитлера мог ввести в заблуждение лишь глупца или того, кто хотел быть обманутым.

Официальная историография на протяжении десятилетий скрывала ответственность командования РККА, военных округов, армий и других объединений и соединений за внезапность. Считалось, что это уронит престиж армии. Но престиж во сто крат больше страдает от лжи и полуправды. На самом деле армия не причастна к преступным просчетам руководства. Она сама в большей своей части стала его жертвой. В литературе была показана несостоятельность попыток немецких генералов-мемуаристов возложить всю ответственность на одного Гитлера. Аналогичная попытка относительно Сталина также неуместна. Должна быть проверена созданная не без участия самих наших мемуаристов версия: во всех просчетах повинны лишь Сталин, Молотов, Ворошилов, Берия, Мехлис. Руководители же НКО, Генерального штаба причастны лишь к победам. Необходимо учитывать, что в 12-томнике о войне ряд важных вопросов изложен в духе воспоминаний Жукова и Василевского, наиболее приближенных к Сталину военных

¹ См.: Аргументы и факты. 1898. № 4. С. 3.

деятелей. Подчас по поводу их действий мы судим по их же собственным оценкам. В связи с реабилитацией сталинизма в 1964—1985 гг. стандартные замечания об ответственности Сталина, а также Тимошенко и Жукова за неверную оценку сроков вероятной агрессии разрешалось оставить лишь в учебнике по истории КПСС под редакцией Пономарева и в немногих изданиях. Выделение среди военных руководителей в первую очередь этих двух фамилий было правильным. Но нельзя лишь этим ограничиваться.

Известно, что все военные, особенно после репрессий 1937—1938 гг., испытывали страх перед Сталиным и его ставленниками в армии. Еще древние говорили, что сказать правду сатрапу — высшая доблесть. Можно ли обвинять человека в том, что он не сумел стать героем? Однако в данном случае на карту было поставлено существование народа, страны, и мы не можем разделить такую мысль: «Трудно винить наркомов, Главный военный совет, когда уже сложился статус «непогрешимого и мудрого вождя». Любое принципиальное несогласие с той или иной концепцией, точкой зрения могло быть расценено как «непонимание», «противопоставление», «политическая незрелость» со всеми вытекающими отсюда последствиями» (Волгогонов)¹. На самом деле, от того, как поведут себя нарком или даже наркомы, зависела их жизнь. Но все это лишь объясняет их конформизм, характеризует их нравственность, но ни в коей мере не оправдывает их. Все эти люди не могли не знать, что представлял собой фашизм и чем он грозил СССР. В этом свете представляется, по меньшей мере, жалким поведение, в частности, Тимошенко и Жукова. Они располагали неопровержимыми данными о масштабах опасности и фактической незащищенности западной границы, но ограничивались робкими докладами тирану. Представляется слабой аргументация самих приближенных. Жуков, например, ссылается на свою веру в непогрешимость Сталина. Но разве не было еще до 22 июня превеликого конфуза с «военным и политическим гением» Сталина, в частности, во время советско-финской войны?

Опыт Военно-Морского Флота (ВМФ) и некоторой части сухопутных сил показывает, что и в тех же жестоких условиях можно было быть во всеоружии. Многие обстоятельства едва ли могут быть отнесены к компетенции лишь Сталина и Берия, Тимошенко и Жукова. Показательны итоги опроса участников событий, проведенного Генеральным штабом в конце 40-х—первой половины 50-х гг. Большинство руководителей войск не было информировано, например, о наличии плана обороны границы, развертывании войск до начала военных действий. Весьма трудно объяснить также, почему

¹ Цит. по: Уроки дает история. М., 1989. С. 289.

нахождение большей части артиллерии в учебных центрах не было «поводом», а если бы они занимали оборонительные позиции, то возник бы «повод»¹.

Возможности, не использованные командирами разных уровней, а значит и их ответственность, остаются в целом не изученными. Но эти проблемы нельзя игнорировать. Рокоссовский показывает, что намерения противника перед 22 июня 1941 г. ложно оценивали не только Сталин, но и руководители НКО, Генерального штаба, ряда военных округов. Я несу свою долю ответственности за то, что лично не доложил Сталину известную мне информацию о готовящемся нападении на СССР, подчеркивал Исаков. Такой пример приводил и маршал авиации А. Силантьев. 19 июня 1941 г. по поручению командующего ВВС Западного особого военного округа командир 43-й истребительной авиационной дивизии Г. Захаров облетел вдоль границы и пришел к неопровержимому выводу: немцы готовят наступление. Павлов осудил этот поступок. Никто из них нужных мер не принял. Сталинизм как идеология, образ мышления и действий успел к этому времени поразить не только высшее руководство. Характерно, что масштабы катастрофы 22 июня в первое время не представляли не только в Москве, но и в Киеве, Минске, Ленинграде. В донесениях фронтов преобладали сведения о героизме и заверения о том, что противник будет разгромлен².

Несет ответственность и руководство ГРУ, в первую очередь Голиков, тем более что этот орган Генерального штаба располагал достоверными сведениями о подлинных намерениях вермахта. Характерно, что ряд работников разведки, рискуя своей жизнью, осмелился пойти против воли начальства, активно выступил против его безответственной позиции. Назовем в первую очередь начальника ГРУ И. Проскурова, расстрелянного по приказу Л. Берии осенью 1941 г., а также В. Новобранца, чудом избежавшего репрессий. Новобранец проанализировал удобную «хозяину» схему расположения германских войск вдоль границы и пришел к выводу, что она лжива. В декабре 1940 г. в нарушение инструкций он отправил в войска, до командиров корпусов включительно, сводку № 8. Она отражала реальную обстановку — Германия готовила нападение на СССР. Однако назначенный в 1940 г. руководитель разведки Голиков дезавуировал этот документ. Новобранец был отстранен от должности. Принципы работы ГРУ были достойны театра абсурда. Докладывая генсеку подлинные сведения, начальник ГРУ здесь же называл их «дезинформацией». Что им руководило? Страх, угодливость, соображения карьеры?

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 61—69.

² См.: Знамя. 1988. № 5. С. 75; Ветеран. 1989. № 25. С. 10.

Если бы Красная Армия с имеющимися силами и средствами была заблаговременно приведена в непосредственную боевую готовность, война с самого начала приобрела бы совсем иной ход. Вот вполне реальные факты. Держали оборону в течение недели в районе Измаила, Перемышля, в течение месяца — в Бресте. На северном участке фронта противник начал наступление лишь в самом конце июля. Советские войска получили возможность провести перегруппировку и организованно вступить в бой. Противник был остановлен на границе, ему так никогда и не удалось захватить Мурманск.

О значении и последствиях внезапности есть разумные суждения. Говорят о том, что эти просчеты «обернулись для СССР гигантскими трудностями в 1941 г.» (Поляков). Можно ли последствия такого нападения свести лишь к «трудностям», хотя и «гигантским», ограничить их лишь полугодием? Некоторые авторы обходят этот вопрос молчанием. «Вероломное нападение Германии, — читаем в передовой статье «Военно-исторического журнала», — потребовало коренной перестройки советской экономики, которая была проведена в исключительно сжатые сроки, носила организованный характер и отличалась высокой эффективностью». Другие наивно утверждают, что внезапность сорвала планы укрепления границы. И в этом случае авторы следуют сталинской манере. В речи 9 февраля 1946 г. все провалы в дипломатии и оборонном строительстве, руководстве войной обойдены молчанием. «Вождь» лишь мимоходом пеняет на эвакуацию промышленности, которая «затормозила дело разворота военного производства». Но разве эвакуация не была прямым следствием его грубейших просчетов?

До сих пор многие историки скрывают, что внезапность всегда была подарком противнику. Однако в 1941 г. противник не только захватил инициативу. Он уничтожил в течение нескольких месяцев до 90 процентов войск западных округов, то есть основу кадровой армии. Первыми жертвами внезапности стали миллионы павших на поле боя, оказавшихся в плену. Впрочем, плен также, как правило, означал смерть. Резко изменилось соотношение сил. В отличие от 1812 г. в стране не нашлось полководца, который сумел бы с малыми потерями отвести и спасти армию от разгрома. Не поддающиеся учету усилия народа, затраченные на оборону, во многом были сведены к нулю. Фашисты продолжили осуществление доктрины скоротечных войн. Фактически им передали ключи от осажденной крепости, впустили в страну. С этим непосредственно связаны гигантские потери мирного населения СССР (по нашим подсчетам — около 13 млн.). Страшный каток военных действий два, иногда четыре раза прошел по территории страны. Фашисты начали претворение плана «Ост». Мессершмидт и другие ведущие специалисты

квалифицируют поход вермахта против СССР как «войну нового качества», имея в виду ее мировоззренческий характер, использование противоправных способов и форм ведения военных действий и военной оккупации. Автор подчеркивает, что в этом повинны не только Гитлер и другие фашистские лидеры, но и германские генералы, «они знали, на что шли»¹.

Одним из результатов внезапного удара была утрата массы вооружения, боеприпасов. По данным Моисеева, в 1941 г. РККА утратила почти все танки — 20,5 тыс. из 22,6 тыс. Потери к концу 1941 г. в действующей армии в процентном отношении к имевшимся в начале войны составили в стрелковом вооружении — 67, а танках — 91, орудиях и минометах — 90, в боевых самолетах — 90. Во второй половине 1941 г. промышленность смогла восполнить эту потерю в стрелковом вооружении лишь на 30 процентов, в танках — на 27, орудиях и минометах — на 58, самолетах — на 55.

Имеются сведения, конкретизирующие эти обобщения за 1941 г. До середины июля, то есть за первые три недели войны, противник захватил 6,5 тыс. танков, 7 тыс. орудий и минометов, огромное количество горючего и боеприпасов. Только в первый день войны было утрачено около 1200 самолетов, в том числе на Западном фронте 738. Значительная часть вооружения, например, пушек-гаубиц, чьи боевые качества были высоко оценены немецкими специалистами, по приказу Гитлера были приняты на вооружение вермахтом. Военно-техническое превосходство Германии, подчеркнем еще раз, возникло лишь после этих утрат. Дело дошло до того, что по распоряжению Ворошилова, командовавшего Ленинградским фронтом, в городе начали производить пики, кинжалы, сабли. Это распоряжение вскоре было отменено Сталиным.

Одним из непосредственных последствий внезапности и отхода Красной Армии были гигантские экономические потери СССР. Об этом создают некоторое представление следующие данные. Стали в 1940 г. выплавлялось 18,3 млн. т, в 1941 — 17,9, в 1942 — 8,1, а в 1945 г. 12,3 млн. Автомобилей производилось в предвоенный год 145,4 тыс., в 1942 — 35,0, а в 1945 — 74,7 тыс. Во время войны было разрушено 1710 городов и поселков, свыше 6 млн. зданий, 31 850 промышленных предприятий. Выведены из строя заводы, которые выплавляли до войны около 60% стали². Вследствие утраты большей части промышленности в европейской части СССР результаты индустриализации были использованы в войне далеко не полностью. В эти годы электроэнергия страна

¹ Hitlers Krieg? S. 114—118.

² См.: Госкомстат СССР. М., 1990; Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 15—16.

производила лишь на уровне 1937 г., добывала угля, нефти, выплавляла стали, чугуна на уровне примерно 1933—1935 гг. Просчет в оценке намерений противника отбросил экономику страны назад. Здесь и нужно искать то историческое время, которого будто бы не хватило. Нужны ли были сверхтемпы для проведения индустриализации «любой ценой», которые обычно сталинисты оправдывают интересами обороны?

Официальная историография сосредоточивает внимание на успешном перебазировании производительных сил, игнорируя теневые стороны. Однако удалось перевезти очень небольшую часть предприятий, эвакуация обошлась обществу очень дорого. Она была настоящим бедствием миллионов людей, вызванным исключительно внезапностью нападения и отступлением РККА.

Наконец, внезапность позволила агрессорам реализовать старый принцип милитаристов «война кормит войну». Именно на это рассчитывали фашисты. За счет реквизиции в СССР вермахт в 1941 г. удовлетворял свои потребности в муке на 86%, мясе — 68, картофеле — 100, жирах — 50, сахаре — 40, кормах на 50%. Для нужд вермахта и империи изымалось:

годы	зерно, т	мясо, т	жиры, т
1941—1942	1 641 044	261 702	126 273
1942—1943	2 570 000	259 000	249 000
1943—1944	1 850 000	148 000	350 000

Результатом, главным образом, внезапности было голодание основной массы советских людей на протяжении всех военных и первых послевоенных лет. Официальная историография скрывает этот факт с помощью незамысловатых приемов вроде тезиса о «добровольных лишениях» колхозников. По мнению В. Москоффа (Англия), автора книги «Горький хлеб. Продовольственное снабжение в СССР во время второй мировой войны», большинство советских граждан жили в это время «на грани жизни и смерти». Этот ученый с полным основанием полагает, что прямые и более отдаленные последствия такого полуголодного существования еще не изучены. «Советские руководители во время войны пришли к выводу, — считает автор предисловия к этой книге Дж. Хазард, — что население (в другом варианте: «дисциплинированный народ». — *Авт.*) может вынести любые невзгоды¹.

Патриотический порыв в СССР, который получил широкое освещение в литературе, был лишь одной стороной ситуа-

¹ *Maskoff W.* The Bread of Affliction. Cambridge. 1990. P. 234—235, XIII.

ции, сложившейся под влиянием агрессии и поражений РККА. Характерны в этом отношении недавно введенные в научный оборот документы из секретных архивных фондов. В эти месяцы, особенно в октябре 1941 г. даже в Москве участились проявления антисоветизма и антисемитизма, растерянность руководства и обывателей, панические настроения. Показательно, что некоторые современные заблуждения живо перекликаются с высказываниями лета—осени 1941 г.: «Гитлер русским ничего не сделает, только будет бить евреев»; «для меня все равно, что Гитлер, что Советская власть»; «скоро всех коммунистов перевешают, Советской власти будет конец». Была распространена ложная оценка фашизма и его целей в Восточной Европе: «Война идет между нашим и немецким правительством, а народ с обеих сторон воюет по принуждению»; «в Москве надо поступить так же, как поступили во Франции, открыть ворота и впустить немцев. Правительству будет плохо, пусть оно и спасается»; «немцы не так жестоки, как говорят об этом». Документы отражают также слухи об «измене» Тимошенко, Павлова, даже самого Сталина. Тезис о Павлове мог быть инспирирован Сталиным. Нелзя считать источником многих из приведенных суждений лишь фашистскую пропаганду. Сами военные события приводили людей по меньшей мере к антиправительственным выводам. Память одного из авторов этих строк сохранила гневные слова молодой учительницы из г. Новохоперска, где формировался 1110-й полк 329-й стрелковой дивизии: «Где ваши обещания воевать на чужой территории, немцы вот-вот возьмут Воронеж?»

Последствия нападения не ограничиваются 1941 г., как пытаются представить. Такое начало войны лихорадило народ вплоть до мая 1945 г. Необходимо в принципе отвергнуть тезис приказа НКО от 23 февраля 1942 г. о том, что «момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью», что судьба войны теперь будет решаться «постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии». По Сталину, «стоило исчезнуть в арсенале немцев моменту внезапности, чтобы немецко-фашистская армия оказалась перед катастрофой» (ситуацию «перед катастрофой» он без особого труда обнаружит и после Курской битвы). Заметим вскользь, что из числа этих «постоянных факторов» войны доморощенный стратег вычеркнул пространство и время, хотя их признание является аксиомой военной науки. Чем это объяснить? Может быть, тем, что времени до и в период войны Сталину постоянно и остро не хватало, а огромное пространство страны много раз решительно компенсировало грубейшие просчеты «вождя».

Кстати, «момент» внезапности — не частный ли случай фактора времени? Не время ли и пространство уступил Сталин Гитлеру 22 июня?

Тенденциозная оценка не была случайной. В приказе НКО 1 мая она повторяется: «после временного отхода, вызванного вероломным нападением немецких империалистов, Красная Армия добилась перелома в ходе войны и перешла от активной обороны к усиленному наступлению на вражеские войска». Итак, речь пошла даже о «переломе». Во всех этих построениях верно лишь то, что в 1941 г. РККА окончательно сорвала план скоротечного похода, тем самым предприняла и конечное поражение Германии. Но фактор внезапности отнюдь не был исчерпан, хотя Сталин и пытался отнести его к «второстепенным», «привходящим». К сожалению, эта мысль и 50 лет спустя остается не ясной многим военным историкам. В. Золотарев почти буквально повторяет текст приказа Сталина: «Действие фактора внезапности сошло на нет, и во всю силу развернулись постоянно действующие факторы войны, ситуация на советско-германском фронте резко изменилась»¹.

Пагубные последствия внезапного нападения оказали влияние на руководство войной в целом. В первую очередь необходимо отметить, что главный источник внезапности — неадекватная оценка противника — не исчезал вплоть до Берлинской операции 1945 г. Особенно ярко проявилось это во второй половине 1941 г. Но первая половина 1942 г. в основном прошла под знаком того же авантюризма, того же незнания противника. Несостоятельность решения Сталина наступать по всему фронту становится особенно очевидной в свете только что приведенных данных о потерях РККА в 1941 г. Неожиданно для Ставки противник осуществил наступление не на Западном направлении, где она сосредоточила резервы, а на Юго-Западном, и Красная Армия вновь отступила, теперь уже до Волги и Кавказа. Весьма показательно, что этому просчету, как и год назад, снова значительно способствовала дезинформация, организованная противником (план «Кремль»).

Предстоит еще изучить, как порожденная сталинизмом внезапность в свою очередь повлияла на обострение наиболее худших его черт. Однако уже сейчас есть основания утверждать, что после потери кадровых соединений летом 1941 г. профессиональный уровень РККА вновь резко упал, как это уже было после репрессий 1937—1938 гг. Крайняя нужда заставила, в частности, резко снизить требования, предъявляемые к подготовке командного состава. Военные академии и училища фактически были заменены краткосрочными курса-

¹ Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 8.

ми, вступительные экзамены по существу отменялись. Упало качество руководства в целом от Верховного Главнокомандующего до командира отделения. Цена, которую заплатила армия за формирование новой полководческой школы в 1941—1945 гг., была чрезвычайно высока. С самого начала войны усилились не только непрофессиональность, но также бюрократизация, жестокость и другие черты сталинистской системы управления.

«Победоносная сталинская стратегия», — писал Минц в «Известиях» 22 февраля 1946 г. Однако ни победный результат, ни высокие эпитеты не могут заслонить от исследователя вопрос о том, во что обошелся этот результат. Внезапность во многом определила огромную цену, которую заплатили за победу. Страшный шлейф внезапного нападения тянется через все послевоенные десятилетия. В долгосрочном плане пагубные последствия внезапности и вызванных ею жертв и материальных потерь необходимо исследовать специально. Но уже сейчас можно сказать, что нет ни одной области общественной жизни страны, в которой не просматриваются следы той страшной катастрофы. Сошлемся, в частности, на «синдром 1941 года», под влиянием которого в СССР (и не только в СССР!) в послевоенные десятилетия развивались военная теория и практика. Происходило постоянное наращивание количества танков и другого тяжелого оружия. При истощенной экономике страна содержала 4-миллионную армию (на 10 000 населения в СССР — 138 военнослужащих, в США — 83, в ФРГ — 63). Это явно превышало не только наши возможности, но и пределы разумной достаточности¹.

Внезапность была в определенной степени нейтрализована исключительными духовными силами народа и армии. Вопреки все новым и новым просчетам высшего руководства их ожесточенное сопротивление спасло страну. Особую роль в 1941—1942 гг. сыграли геополитический фактор СССР, в частности, огромная территория, развитая экономика. В последующие годы увеличилось влияние на ход войны западных союзников, антифашистских движений народов. Из поля зрения наших военных историков до сих пор выпадает очень важный вопрос: почему ряд ведущих политиков и генералов Германии в сентябре—октябре 1941 г. перестали считать возможным решить «восточноевропейскую проблему» военными средствами; почему японское руководство примерно в это же время отдает предпочтение южному направлению экспансии? В общих статьях о войне Куманева и Ржешевского² все дело сводится к отдельным эпизодам. Главную же тенденцию они

¹ Подробнее см.: Новое время. 1991. № 3. С. 12—14.

² См.: История СССР. 1991. № 2; Великая Отечественная война 1941—1945. М., 1990. С. 8—25.

обходят молчанием. Даже Смоленское сражение не упоминается или упоминается вскользь. По подсчетам А. Хорькова, в первые пять месяцев войны было осуществлено 20 фронтовых контрударов и несколько операций¹. Вследствие внезапного нападения изнемогала под тяжестью войны советская сторона. Однако и фашистские войска при авантюризме своего руководства не сумели полностью воспользоваться чрезвычайно благоприятными для них обстоятельствами. Напомним, что на московском направлении существенно ослабленный вермахт остановил свое наступление независимо от контрнаступления РККА, за несколько дней до его начала в декабре 1941 г. Авторы т. 6 делают вывод о том, что на рубеже 1941—1942 гг. Германия стала испытывать чрезвычайное напряжение сил. Ход войны вышел из-под ее контроля.

Итак, сфабрикованные Сталиным и его преемниками причины поражения РККА в 1941—1942 гг. несостоятельны. На деле все сводится к просчетам, бездеятельности, халатности в первую очередь Сталина, Молотова и других членов Политбюро ЦК ВКП(б), военных руководителей от Тимошенко и Жукова до командующих пограничными военными округами, по меньшей мере. Внезапность нападения на самом деле была главной, если не единственной причиной поражения. Она выражалась в том, что до и после 22 июня 1941 г. военно-политическое руководство СССР было парализовано, а Вооруженные Силы не были приведены в боевую готовность. Главным содержанием первого полугодия войны не были «трагедия и героизм», как пишут сейчас некоторые военные историки². Сочетание этих двух слов логически не строго и не несет информации. Такое было и в войнах Рима с Карфагеном. Это — время поражений РККА. Однако благодаря неимоверным усилиям большинства народа противник был остановлен, на фронте установилось относительное равновесие. Провал скоротечной войны предрешал общее поражение вермахта.

II. Основные черты сталинистского руководства

Представляя в настоящем разделе результаты первых попыток исследовать сталинистское руководство войной, авторы отдают себе отчет в том, что ныне эту проблему можно осветить лишь в основных чертах. Нет всех источников, не осуществлены еще необходимые исследования как конкретно-исторические, так и общесоциологические. Авторы вынуждены сосредоточить внимание главным образом на проявлениях этих черт в верхних этажах руководства. В какой

¹ См.: Красная звезда. 1990. 22 июня.

² Там же.

степени сталинизм порастил руководство в целом, как взаимодействовали реакционная и прогрессивная тенденции в руководстве войной, многие другие важные стороны проблемы составят предмет дальнейших исследований. Однако откладывать начало работы до лучших времен неразумно. Уже сегодня появились многие факты, которые не объясняет старая схема. Показать ее несостоятельность, в определенной мере способствовать формированию научной концепции можно и должно уже сейчас.

Среди основных черт сталинистского руководства войной мы выделяем некомпетентность (и авантюризм), антидемократизм (особенно: бюрократизм, правовой нигилизм), безнравственность (жестокость)¹. Все они органически связаны друг с другом, неизменно сопровождали друг друга. Может быть, наиболее ярко это иллюстрирует известный приказ Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. В нем проявился бюрократизм режима. Суть приказа в ограничении прав командиров всех степеней, крайней централизации военного руководства, что так свойственно бюрократизму. Но он и безнравствен, в нем попытка Сталина найти козла отпущения. Он крайне жесток. Наконец, в приказе, как в зеркале, отражается непрофессионализм Сталина и его советников. Современная война немислима без инициативы всех командиров. Но именно ее и стремился уничтожить автор приказа. Только что описанное поведение Сталина в 1941—1942 гг. вытекает в первую очередь из его некомпетентности. Усиление произвола и жестокости, политического и экономического гнета объективно или субъективно было призвано возместить эту некомпетентность. Полемизируя с Е. Вучетичем, К. Симонов верно подчеркивал, что отход Красной Армии до Волги и Кавказа нельзя объяснить лишь «случаями нераспорядительности, растерянности, а порой даже паники». Дело «в более грозных исторических причинах» — сталинизме. В известной фразе тех лет «война все спишет...» сосредоточились, как в капле воды, дилетантство, бюрократизм, безнравственность, эти родовые признаки сталинской системы.

Изучить сталинистское руководство войной можно, лишь руководствуясь требованиями классической военной теории. В первую очередь мы имеем в виду отношение к военному делу как науке. Один из русских последователей Жомини полковник Астафьев писал в середине прошлого века: «Военное искусство есть главное условие победы, оно достигается образованием вождей и войск». В российской литературе считалось общепринятым: «Военное искусство состоит в том, чтобы, располагая более слабой армией, чем у противника, всегда иметь больше сил, чем у него на пункте, где его ата-

¹ Ср.: Наше Отечество. М., 1991. Т. 2. С. 408.

куют или он атакует нас» (Н. Кудрявцев); «решительные результаты с минимумом пролитой крови» (Ж. Леваль). Эти и многие другие положения, разработанные в мировой науке, оказались в 30—90-е гг. неприемлемыми для отечественных правителей и послушных им историков. Нынешняя официальная концепция второй мировой войны — это лишь калька с мифа о Жукове. В ее основе лежат другие принципы — искусство побеждать любой ценой, *великим* законы войны не писаны. Приведем некоторые суждения военных классиков, касающиеся нашей проблемы.

Жомини исходил из того, что «превосходство в искусстве полководцев бесспорно является одним из надежнейших залогов победы». «Во все времена и у всех народов победа сопровождала чаще войска, искусно предводимые, нежели многочисленные» (Л. Дюра-Ласаль). В трудах классиков мы находим исчерпывающий ответ на вопрос, как формируются полководцы. «Усилия научного порядка и опыт, — считал эрц-герцог Карл Австрийский, — создают полководца; но не исключительно личный опыт... а также и обогащение своего знания чужим опытом... Столь распространенная в наше время фраза, что великие полководцы таковыми рождаются и не нуждаются в каком бы то ни было образовании, является одним из грубейших заблуждений современности, одним из односторонних общих мест, опираясь на которые, наглые или ленивые и малодушные хотят избавиться от тяжелых усилий на пути к совершенству». И далее: «Гений рождается, но великий человек должен быть подготовлен; гений есть зачаток, но не завершение. Часто в военной истории «образованные вожди армий... побеждали необработанных гениев».

В разных работах Жомини отводил уму и теоретической подготовке полководца то «первое, второе, то лишь третье место», после «твердого и спокойного характера и хладнокровия». Но и в третьем случае он подчеркивал: «Твердый характер есть главнейшее из всех качеств» главнокомандующего, однако лишь соединение этого свойства со знанием теории «образуют великого полководца». Наиболее удачным для полководца было бы сочетание ума и природного лидерства. Жомини явно следует Фридриху II: «интеллект обязателен для генерала». Ученый писал также о «сообразительности генералов» как условии победы, умении «облегчить выполнение своих приказов ясным их изложением». Автор называет это «первостепенным качеством генерала». Отдаваемые подчиненным командирам распоряжения представляют «наилучший материал для биографии» генерала. По Клаузевицу, «история не указывает ни одного выдающегося великого полководца или главнокомандующего, который бы отличался ограниченным умом». Мысль об уме и общей культуре военных специалистов прочно укоренилась в отечественной исто-

риографии XIX в. И. Бурцов считал, что «для полного образования полковника не довольно даже одних военных знаний». «Все политические», «все нравственные науки» должны составить «общую пространную теорию, управляющую действиями истинных полководцев» (1819). Д. Милютин в статье о Суворове писал: «только тот полководец может назваться истинно великим, который соединяет в себе искусство владеть себе подобными и вообще нравственную сторону военных соображений с знанием дела и искусным употреблением материальной силы». И далее. «Все великие полководцы именно отличались искусством владеть людьми и привязывать их к себе» (1839). Астафьев полагал, что офицер «должен быть универсально образованным человеком» (1856).

В наши дни важно сказать о «блестящих врожденцах, полных силы и энергии», которые считают, что им «незачем ломать себе голову над кучей диссертаций» (Леваль). Еще Наполеон отрицал, будто бы гений постоянно подсказывал ему, что он должен делать. Причина в другом: «Я всегда работаю»; чтобы стать хорошим генералом, «надо не только иметь большой талант, но также большие знания». Многие офицеры становились и становятся генералами по знатности рода, при Сталине и после него — по преданности «первому лицу» и другим обстоятельствам, не имеющим отношения к их квалификации. По мнению эрц-герцога Карла, «не всегда можно назвать полководцем генерала, возглавляющего армию. Большинство лиц, командующих армиями, не имеет ни малейшего представления о стратегии, и знакомо только с тактикой. Они не способны охватить крупную операцию в целом». «...Имеется масса случаев, — писал Клаузевиц, — когда люди, умственный кругозор которых не расширялся соответственно их продвижению по иерархической лестнице, оказывались весьма посредственными на высоких постах, хотя они и проявляли выдающиеся отличия на низших должностях».

Горьков в своей слабой книге о Ставке не устает восторгаться Жуковым, «полководцем и стратегом от Бога, не имевшим никаких военных дипломов, но сыгравшим тем не менее выдающуюся роль в достижении великой Победы». Жуков не окончил даже училища, но у него «великолепная военная подготовка», «огромное военное наследие»... «во всем мире он считается крупнейшим специалистом по вопросам тактики и стратегии». Победили «выходцы из самых бедных слоев населения, имевшие начальное образование». Впрочем, Горьков вскоре сам себя опровергнет. Оказывается, «вчерашним командирам дивизий», занявшим высокие посты, не хватало знания стратегии. Сталин и многие его маршалы не сумели воспользоваться опытом истории. Как показал А. Свечин, не все маршалы Наполеона имели достаточное общее образование. В ходе сражений они получили «превосходную тактичес-

кую подготовку», приобрели способность организовать работу 20—30 тыс. солдат, чтобы достичь «указанных Наполеоном целей». Но при самостоятельном руководстве операциями «они представляли как бы людей, бродящих в потемках». Невладение теорией «рано или поздно отомстит за себя». Жомини говорил об «ошибках, какие совершали самые знаменитые генералы из солдат всякий раз, когда им поручалось ведение всей кампании и когда к их доблести не добавлялось образование». Наполеон вспоминал о маршале Мюрате: «без меня он ничего не значил». Этот опыт наполеоновских маршалов не повторил ли Жуков с его весьма спорной Берлинской операцией, неудачной последующей карьерой? Правы ли те авторы, которые во всех его бедах винят Сталина, Берию, Хрущева?

Мы особо подчеркнем, что в российской историографии XIX в. постоянно звучала мысль о полководце «как идеале в нравственном и умственном отношениях». Он призван «заботиться об армии как о самом себе, ощущать на самом себе малейшие страдания последнего атома его армии» (полковник Астафьев). Этому диссонируют появившиеся в последнее время в литературе РФ странные утверждения, будто бы «у военных и политических руководителей есть своя мораль, отличная от общечеловеческой. Их цель всегда оправдывает средства ее достижения» (Горьков). Эта иезуитская формула по существу объявляет правомерными любые преступления. Она грубо противоречит прогрессивной традиции военной теории. «Лишь тот велик, кто справедлив», — писал Дюраласаль. И далее. «Нравственные качества главнокомандующих суть следующие: бескорыстие, человеколюбие, чистота нравов, скромность, вежливость и благородство; без этих добродетелей слава их была бы несовершенна». Главнокомандующий никогда не должен «простираť алчных рук на казну государственную». Еще одно обязательное качество полководца также игнорируется мифотворцами. Он должен обладать властью на театре войны. А. Суворов требовал «полной мочи избранному полководцу», и Павел I, напутствуя его в поход против наполеоновской армии, писал: «распоряжайтесь сими войсками к пользе общей». В другом рескрипте императора Суворову говорится «об оружии, вам подвластном». Полностью принимая этот принцип, генерал-адъютант российского императора Жомини в записке от 15 июня 1828 г. откровенно высказал свое мнение о том, чтобы Николай I не стеснял своим присутствием на фронте главнокомандующего, чтобы сражением руководил «самостоятельный начальник». В другом случае он подчеркивал, что полководец должен «иметь полную свободу действий по своему благоусмотрению». Вслед за Жомини Милютин уже Александру II (который «рвался к командованию», присвоил

себе звание генерал-фельдмаршала) доказывал, что простое его присутствие на передовых позициях войскам «неуместно», «теснит главнокомандующего».

С вопросом о власти полководца связаны мысли Наполеона о «единстве в командовании (единстве военной мысли во главе армии)» как «условии первостепенной важности на войне, самом основном требовании войны», «на одном театре должна быть лишь одна армия», «на войне только обстоятельства (т. е. обстановка) повелевают». Поэтому «сверху должно даваться только общее направление, только ставиться цели, средства же к их достижению должны предоставлены свободному выбору исполнителей, иначе успех немыслим». В трудах Жомини эта мысль нашла свое развитие: «Полководец, имеющий полную свободу действий, всегда будет обладать большими преимуществами в борьбе против полководца, которого гений и руки связаны верховным советом, находящимся за 200 лье от театра войны»; разрабатываемая правительством «инструкция для генерального штаба» «не должна налагать на главнокомандующего неразрывных цепей. Главнокомандующий всегда должен иметь власть располагать свои войска в соответствии со своими намерениями и с масштабами предполагаемых им действий». Автор полагает, что военный совет при главе государства должен определить лишь цель кампании, наступательный или оборонительный характер операций, необходимые материальные средства, резервы и ополчение на случай неприятельского вторжения.

Вслед за Жомини Милютин считал, что главноком — это «неограниченный начальник в армии», «ему предоставлена полная свобода в составлении плана действий». Разработанное этим реформатором положение 1868 г. предоставляло главноком «власть распоряжаться в направлении военных действий по своему непосредственному усмотрению». Положение 1876 г. еще более усиливало права главнокома. К этой теме обращался и Тухачевский. Во время гражданской войны (1921) в одной из своих статей он писал: «Вмешательство политики в дела стратегии чрезвычайно большое зло. Для успеха военных операций главнокомандующему должна быть предоставлена полная мощь. Политика должна ему безусловно доверять... Назначение военспецов, связанных по рукам и ногам, пользы не приносит. Ревсоветы, это бельмо на глазу нашей стратегии, сами себя изживают в доказательство тому, что существование их противоречит сути дела.

Выгоднее всего достигается гармония между политикой и стратегией, когда руководство ими принадлежит одному лицу.

У нас роль этого лица должен играть *Совет обороны*.

При Сталине по существу была не просто восстановлена

практика XVIII в., когда полководцы испрашивали разрешения монарха по всем важным вопросам ведения войны. Эта практика была доведена до абсурда. Жуков и другие советские генералы лишь с очень большими оговорками могут быть названы полководцами. Вся полнота власти — государственной, партийной, военной — постоянно находилась в руках диктатора. «Маршал Сталин, — говорил Жуков 7 июня 1945 г., отвечая на соответствующий вопрос иностранных корреспондентов, — лично руководил участками борьбы Красной Армии против немецкой армии, в том числе детально руководил и теми большими операциями, которые мною проводились» (как можно одному чем-то «руководить», а другому — то же самое «проводить»?). Командующие были бесправны. Так, они были обязаны один и даже несколько раз в день докладывать Сталину об обстановке. Показателен случай с Коневым, командовавшим тогда Западным фронтом. Из-за нарушения связи он не мог доложить Сталину. Но не мог он и самостоятельно отвести войска. И свыше 600 тыс. красноармейцев попало под Вязьмой в окружение. Еще во время первой мировой войны отмечали, что с появлением телеграфа и телефона «война стала войной народов и техники», личность «уже не может иметь того обаяния», «появление Наполеона невозможно». В 1939—1945 гг. в СССР помимо новейших средств связи действовал другой, куда более мощный фактор — автократия. Полководцем, облеченным властью на театре войны, мог быть лишь Сталин. Новый же Наполеон как гениальный стратег в этих условиях действительно появиться не мог.

Классики военной теории и историографии придавали большое значение выбору главноверха. «В руках полководца, — подчеркивал эрц-герцог Карл, — находится спасение или гибель отечества. Он часто должен принимать решения, от которых зависит судьба миллионов людей». Жомини считал, что выбор полководца «заслуживает всяческой заботы мудрого правительства». «Самое главное, — писал автор, — состоит в том, чтобы выбрать главнокомандующего, который был бы одновременно сведущ и в политике, и в военном искусстве». «Если искусство главнокомандующего, — считал Жомини, — есть одно из главнейших средств для достижения победы, то легко понять, что выбор главнокомандующего является одним из самых сложных вопросов науки управления и одной из важнейших частей военной политики государства.

К несчастью, этот выбор подвержен столь многим мелочным страстям, что случайность, старшинство, фаворитизм, партийная интрига, соперничество влияют на назначение главнокомандующего не меньше, чем интересы общества и справедливость». Заметим вскользь, что в СССР—РФ проблемы выбора «верховных» никогда не существовало и не суще-

ствует. «Первое лицо», качества которого никогда сомнению не подлежали, автоматически назначало себя на эту должность. «Когда сам государь чувствует в себе способности и гений Фридриха, Петра Великого или Наполеона, — продолжает Жомини, — он не должен передавать руководство армиями своим генералам». «При равных достоинствах и удаче монарх-полководец всегда имеет преимущества над полководцем, который не является одновременно и главой государства». Монарх «располагает всеми средствами государства», «властью награждать, миловать и наказывать». Но если он не имеет военного дарования, да еще обладает слабым характером, легко поддается влияниям, его присутствие в армии «лишь откроет арену для всякого рода интриг». Командующий под его руководством генерал будет стеснен. Жомини допускает (на опыте Пруссии 1813 г.) возможность назначения во главе действующей армии своеобразного триумvirата из трех генералов. «Недостаток военного образования государя», что «слишком часто имеет место», «необходимо заменить мудрыми и предусмотрительными учреждениями, во главе которых, безусловно, надо поставить хорошую систему генерального штаба, хорошую систему пополнения, комплектования армии и национальных резервов». Жомини допускал, что командующим будет «опытный человек, одаренный большим характером и испытанной энергией». Тогда должность начальника штаба необходимо «доверять хорошему стратегу». «Объединение двух людей, одаренных этими различными качествами, может при отсутствии первоклассного полководца обеспечить вождение армии и самые блестящие успехи».

На основе этих мыслей Жомини Свечин (1926) выдвинул концепцию «интегрального полководца». «При современных условиях усложнившегося руководства войной, — писал он, — трудно мыслить совмещение в одном лице требуемой политической, экономической и стратегической компетенции». Даже при монархии полководец — это коллектив. В 1870 г. таким был триумvirат: монарх Вильгельм I, политик Бисмарк, стратег Мольтке. По нашему мнению, эту концепцию в принципе подтвердили сверхцентрализация и другой отрицательный опыт Великой Отечественной войны. «Войну ведет, — продолжает Свечин, — верховная власть государства; слишком важны и ответственны решения, которые должно принимать руководство войной, чтобы было можно доверить его какому-либо агенту исполнительной власти». «Стратег-главнокомандующий представляет лишь часть руководства войной; очень важные решения принимаются иногда помимо него, иногда вопреки ему». «Командующий в современных условиях войны должен опираться на целый коллектив отборных помощников». Свечин имеет в виду генеральный штаб.

Вопрос о некомпетентности Сталина и его окружения, так резко проявившейся во время войны, нельзя рассматривать вне предыстории. Эта некомпетентность — результат общего упадка культуры при сталинизме. Тезис А. Денисова о «деградации духовной культуры родом из Октября» не может быть принят. Эта деградация придет позднее — с контрреволюционным переворотом. Революцию же возглавляли в первую очередь высокообразованные интеллигенты. Недоучки типа Сталина, Кагановича, Ворошилова захватят первые роли на рубеже 20—30-х гг. Пренебрежение к интеллигентам, умственному труду, знанию, профессионализму будет обязательной составной частью сталинской «генеральной линии»¹. Репрессии против «бывших» означали одновременно изъятие из общественной жизни наиболее образованной части населения. Резко изменится состав высших эшелонов власти. Станет типичным «руководитель широкого профиля» — «специалист» одновременно по музыке и истории, тяжелой промышленности, транспорту и военной технике. Будет повседневым замещение должностей ученых и дипломатов несостоявшимися партийными, советскими и комсомольскими работниками. Такими же кадрами постоянно пополнялись политаппарат РККА, карательные органы. «Главный советский дипломат» Молотов в опубликованных недавно воспоминаниях не скрывает своей профессиональной неподготовленности. Поспешная подготовка выдвиженцев лишь отчасти возмещала убыль. Новые специалисты, как правило, получали высшее образование, не имея среднего.

Сталин и его окружение формировали совершенно новый слой общества, ему был свойствен воинствующий дилетантизм. Советским сановникам было чуждо требование Ленина: «Надо же научиться ценить науку, отвергать коммунистическое чванство дилетантов и бюрократов, надо же научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою же практику»². Все сказанное помогает понять, с какой легкостью Сталин и его люди шли, в частности, на уничтожение десятков тысяч военных специалистов. Их примитивное мышление не позволяло понять, что современного специалиста нельзя подготовить мгновенно даже «по приказу». «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой», — утверждали авторы популярной песни.

Корни низкой компетентности военно-политического руководства были ясны Вернадскому. В своем дневнике ученый писал 16 октября 1941 г.: «Резкое изменение настроений

¹ См.: История ВКП(б). Краткий курс. М., 1945. С. 127.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 340, 344.

о войне. Ясно для всех проявляется слабость вождей нашей армии и реально считаются с возможностью взятия Москвы и разгрома...» 2 ноября 1941 г.: «Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных». Он сильно понизился в последние годы — арестованы, сосланы, казнены «лучшие люди партии, делавшие революцию, и лучшие люди страны». И далее. «Это оказалось очень ярко уже в первых столкновениях — в финляндской войне и сейчас сказывается катастрофически»¹.

Сталин, его военные и политические советники с их догматическим мышлением перенесли из времен своей молодости, выражаясь словами Ленина, «старую партизанщину». Большинство делегатов VIII съезда РКП(б) в 1919 г. осудило методы так называемой оппозиции. Ленин, обращаясь к Ворошилову, говорил: «...может быть, нам не пришлось бы отдавать эти 60 000, если бы там (на Царицынском фронте. — *Авт.*) были специалисты, если бы была регулярная армия...»² Такая параллель не покажется преувеличением, если вспомнить, что Сталин, его приближенные и в 1941 г. пытались обойтись без науки, что кадровую армию в 1941 г. они почти целиком оставили на поле боя или сдали в плен, что новая регулярная армия создавалась в ходе войны и «партизанский» стиль характеризовал далеко не одни лишь ополченческие дивизии Красной Армии.

Как и во многих других случаях, сыграла роль инспирированная самим же Сталиным пропаганда. Судя по всему, он вскоре сам поверил, что во время гражданской войны и иностранной военной интервенции «непосредственно руководил массами и организация победы находилась в руках величайшего пролетарского полководца и стратега революции товарища Сталина». Разумеется, Сталин имел определенное отношение к военному делу. Но его путь в должности члена военных советов фронтов, мягко выражаясь, не был ровным. Достаточно напомнить громкие конфликты на Южном и Юго-Западном фронтах. Показательно и то, что причину этих конфликтов составляло именно его комчванство и пренебрежение к военной профессии. Можно предположить, что непомерное тщеславие объясняло известный его интерес к военному делу в последующие годы. При абсолютной власти и самомнении он без труда поверил и, главное, убедил других в своих безграничных знаниях и способностях. Военное дело не было единственной областью, в которой Сталин чувствовал себя в родной стихии. Его немощные опусы в политичес-

¹ Цит. по: Литературная газета. 1988. 1 марта.

² Цит по: Ленинский сборник. Т. 37. С. 138, 139.

кой экономии, языкознании, литературоведении, киноискусстве, философии, попытки поучать специалистов из других областей науки и техники заставляют полагать, что в целом знания Сталина не были основаны на современном образовании.

Некомпетентность как признак сталинизма ярко проявлялась в области военной техники, тем более что ее результаты сказались весьма быстро. Напомним, например, что состоявшее почти целиком из полуобразованных людей Политбюро по сложившейся при Сталине практике решало судьбы новейших образцов вооружения. По свидетельству Ванникова, в соответствии с двадцатилетней давности личными впечатлениями Сталина было принято бездарное решение о производстве безнадежно устаревшей пушки, как и неудачных дисков финских пистолетов-пулеметов, хотя специалисты возражали против этого. Примерно такое же мнение разделяет другой руководитель оборонной индустрии В. Новиков. Показательна позиция Сталина в военно-морском строительстве. Он не понимал целесообразности подводных лодок, торпедных катеров, эсминцев, морской авиации. Они обеспечивали надежную защиту наших морей, их строительство было под силу нашей экономике. Сталин же делал упор на корабли большого водоизмещения — крейсера и линкоры. Здесь, несомненно, проявлялась свойственная его авторитаризму гигантомания, но отнюдь не здравый смысл.

Некомпетентность Сталина в сочетании с репрессиями нанесла не только прямой, но и косвенный ущерб. На много лет было задержано, например, внедрение ряда научно-технических достижений, поскольку к ним имели то или иное отношение деятели, объявленные «врагами». Такая судьба постигла систему ПВО, ракетное вооружение. Некомпетентность проявилась также в том, что «полководцы хозяйственного фронта» (так называет апологетическая литература ряд членов Политбюро) имели самое отдаленное представление о предмете своего кураторства. Среди них наиболее одиозно выглядит Берия, ничего не понимавший в науке, но «руководивший» созданием ядерного оружия. Сам Сталин уже во время войны вопреки возражениям Шахурина заставил снять фронтовой бомбардировщик ТУ-2 с производства на единственном заводе, где тот изготовлялся. Ванников высказал удивление, как в этих условиях удавалось производить первоклассную технику. Представляется, что, как и на поле боя, это удавалось лишь огромной ценой. Напомним, с каким трудом преодолевали бесчисленные бюрократические барьеры прославленные впоследствии танк Т-34, штурмовики ИЛ-2, «Катюши». Нельзя забывать и невнимание властей к ракетному и ядерному оружию, инфракрасному оборудованию, кумулятивным снарядам.

Пороки руководства официальная историография длительное время пыталась скрыть за высокопарными рассуждениями о великой победе, роли СССР в разгроме фашизма. Исследование было искусственно подменено несколькими мифами. Главный из них — тезис о Сталине как «великом стратеге». Доводы в его пользу и поныне весьма примитивны. Ссылаются на его посты — председателя ГКО и Верховного Главнокомандующего. Но разве роль любых должностных лиц не бывает разной: ничтожной и громадной, отрицательной и положительной? Недавно в прессе промелькнула мысль: Сталин «фигура колоссальная», о нем могут судить лишь колоссы. Естественно, П. Проскурин, автор этой фразы, волен решать, писать ли ему о Сталине. Но следует ли призывать прекратить критику сталинизма в ожидании новых Толстых и Достоевских? Общество, в такой мере пострадавшее от сталинизма, не может, естественно, довольствоваться различными ложными представлениями, каких бы «фигур» они не касались.

Некоторые авторы в подтверждение мифа о «великом стратеге» используют пропагандистские стереотипы военных лет. Таков реально существовавший призыв «За Родину, за Сталина!» Но может ли он вообще служить в качестве довода? С точки зрения научной и идейно-политической этот призыв весьма уязвим. Вспомним аналогичные патриархальные девизы «За веру, царя и отечество!», «За фюрера, народ и отечество!», относящиеся совершенно к другим социально-политическим режимам и другим войнам. Эти девизы не определялись достоинствами самодержца. Пишут о том, что «народ верил в Сталина». Но даже самая сильная и искренняя вера никогда не может стать научным аргументом. Кроме того, кто исследовал, какая часть фронтовиков, защищавших Родину, думала о Сталине, был ли этот призыв подлинно народным. Не принимал ли кое-кто из фронтовиков за действительного Сталина его крайне искаженный автопортрет? Р. Казакова называет этот сугубо официальный лозунг «солдатским». Представляются верными другие суждения. Характерно описание совершенно неподготовленного боя 350-й стрелковой дивизии в декабре 1941 г. в районе Селижарова: «Винтовки не стреляли (с них не была снята заводская смазка. — *Авт.*), а немцы вели плотный огонь из пулеметов. Крики, мат, проклятия... Командир дивизии был глуп и упрям, гнал батальон за батальоном... Вот так обстояло с лозунгом «За Родину, за Сталина». «Спросите у тех, кто поднимался из окопов, — пишет участница войны Т. Пилипенко, — что они кричали (уж точно — не здравницы вождю. А некоторые слова и писать неудобно)».

В литературе встречаются близкие к былой пропаганде рассуждения Стаднюка (о «гениальном уме» Сталина), Гро-

мыко (о его «сильном интеллекте»). Они во многом обусловлены кругозором самих авторов. Противоположную точку зрения разделял Хрущев: Сталин управлял войной по глобусу. Это не верно, если принимать фразу в буквальном смысле. Но недалеко от истины, если вспомнить, какой ценой была достигнута победа. Крупнейшие советские специалисты по истории войны Павленко и Самсонов, адмирал Кузнецов отвергали тезис о «великом полководце». Волкогонов, как правило, лавировал. В интервью «Комсомольской правде» (1991. 22 июня) он скрыл свое мнение за рассуждениями о «полноте власти», которой обладал Сталин, и отсутствии таковой у Жукова, об «удобной позиции» Сталина: принимать или отвергать чужие проекты, присваивать себе удачи, провалы списывать на подчиненных. Тем не менее автор принимает версию, представленную в «Воспоминаниях и размышлениях» Жукова: после Сталинграда Сталин «стал неплохо разбираться в стратегии», оставаясь профаном в оперативном искусстве и тактике. Альтернатива Волкогонова — кто был бы лучшим «верховным» — все сильный Сталин или лишенный прав Жуков — некорректна. Почему выбор так ограничен: Сталин и Жуков? И главное. История знает случаи, когда наиболее авторитетные лица в государстве (Ленин в 1918—1922, Рузвельт в 1941—1945 гг.), сохраняя за собой общее руководство, не вмешивались, однако, непосредственно в управление военными действиями, предоставляя необходимые права военным.

Никто в СССР накануне или в начале войны не обсуждал вопрос о военном руководстве. Сталин фактически сам назначил себя «верховным». Это объяснялось его характером и исключительным местом в иерархии. Не было речи о целесообразности. Были реальности: его всевластие и его убеждение в собственной незаменимости. «Военным я стал в силу необходимости», — скажет Сталин впоследствии Стассену. Эту мысль повторяет от своего имени Волкогонов. Но был ли Сталин «военным» вообще, была ли такая «необходимость»? Эта фраза подтверждает иное: беспредельное тщеславие Сталина. Он начал с присвоения своего имени Царицыну и многим другим городам, кончил присвоением себе звание генералиссимуса. Он пренебрег даже тем, что среди ста лиц, носивших это звание, было немало одиозных или опереточных фигур. Сталин был сильно равнодушен к подобной мишуре. Все это лишь объясняет, почему он назвал себя полководцем, но не отвечает на вопрос, был ли он полководцем.

Нельзя отрицать участие Сталина в разгроме агрессоров, его незаурядные организаторские способности, громадное влияние на самых различных людей, без чего немыслим руководитель такого масштаба. Но кто изучал его реальный личный вклад в обеспечение победы, в развитие военного дела, военной теории? Под влиянием пропаганды тех лет кое-кто

до сих пор утверждает, что «Сталин осуществил индустриализацию». Но почему один Сталин, и ценой каких материальных затрат и даже людских жертв? Понятие «великая победа» отнюдь не обязательно предопределяет наличие «великих полководцев». Победа СССР в 1945 г. была поистине великой, но лишь вследствие ее всемирно-исторического значения и подвига его народов. Но «великих полководцев», тем более одного «великого полководца» не было. Потому что ни в одной стране, участвовавшей во второй мировой войне, кроме СССР, народ и армия не были поставлены своими лидерами в такие жестокие условия.

Сталин по профессиональным и личным качествам не был и не мог быть полководцем, тем более великим. Он не обладал общей и специальной культурой, необходимой крупному военному руководителю¹. Он не имел глубокого ума, умения и желания постоянно учиться, что было особенно важно в 30—40-е гг., когда военное дело бурно развивалось. Он не отличался принципиальностью и порядочностью. К нему относились со страхом, но не с доверием. Чтобы назваться «великим», нужно, по крайней мере, превзойти противника. В чем же Сталин превзошел его? Год с лишним бездарных провалов и жестоких поражений. Затем два с половиной года по-прежнему кровопролитных операций, имевших результатом скорее вытеснение, но не уничтожение или пленение противника. Что можно записать в актив Сталина, если даже допустить, что все победы советских войск были плодами его «военного гения»? Катастрофу вермахта на Волге? Наибольшее достижение советских войск — операцию «Багратион»? Но нечто подобное было в 1941 г. и в активе немцев.

Дело стратега — победить в войне. Но ни один из них не заслужил еще славы, если цена победы была непомерна. Недаром ставшие нарицательными слова «пиррова победа» пережили тысячелетия. Сохранить максимум жизней не только своих, но и противника — это не только нравственная задача. Люди — главное достояние нации. Это было недоступно пониманию Сталина. Полные сведения о безвозвратных потерях Красной Армии до сих пор не известны. На их фальсификации, в частности, держалась ложная слава.

С негибким умом Сталина несовместимо реформаторство, без чего немыслим полководец. У него не хватало умения и желания постоянно изучать противника. Как верно свидетельствовал Воронов, Сталин не мог правильно оценить масштабы войны, резервы противника и поэтому постоянно предсказывал скорое поражение противника. На формирование Сталина как военного руководителя оказал сильное влияние его собственный опыт 30-х гг. Так, принцип «любой ценой»,

¹ Подробнее см.: Ленин В. И. Об авторитете руководителя. М., 1989.

составивший одну из основ его военного руководства, провозглашен был им задолго до войны и сохранил влияние до сих пор¹. Характерно, что принципы «отстаивать каждую пядь советской земли», «драться до последней капли крови» были сформулированы уже в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) 29 июня 1941 г. Это неумное требование, повлекшее миллионные жертвы, также проистекало из предшествующего опыта и склада ума Сталина, в частности, из повышенного внимания к деталям, важного для управляющего домами, но не главнокомандующего. Отсюда — приказы об отвоевании деревушек, высоток, запрете тактических и оперативных отступлений, стремление всегда и везде наступать во что бы то ни стало. Сталину, как и Гитлеру, были свойственны пренебрежение к противнику, преувеличение возможностей своих армий, подавление инициативы подчиненных. Это обстоятельство отражено в воспоминаниях Г. Гудериана и других генералов вермахта. Среди сходных принципов руководства войной они отмечают «ни шагу назад».

Некоторые ветераны, познавшие военное дело лишь на опыте 1941—1945 гг., продолжают считать эти принципы единственно приемлемыми: «война есть война». Они не могут понять, что такой способ воевать был порожден чрезвычайными условиями, возникшими вследствие внезапного нападения, общей некомпетентности руководства. Сталину удавалось придавать системе респектабельный вид, особенно в глазах подчиненных, замороженных его блеском и страхом перед ним. «Умным и хитрым» считал его и Гитлер. По свидетельству Исакова, не зная предмета, Сталин мог спровоцировать столкновение мнений с тем, чтобы потом принять решение в соответствии с одним из них. Нередко руководствовался он своими догмами или соображениями престижа. Ряд мемуаристов отмечает его стремление «ознаменовать победами» тот или иной из праздников. Нужно ли говорить, как далеки такие решения от военной науки и какие потери они влекли за собой?

Разумеется, нельзя полагать, что ему был совершенно чужд здравый смысл, что в его действиях догма всегда побеждала холодный расчет. Так, он в ходе войны вопреки своим застарелым симпатиям заставил себя «расстаться» с безграмотными кавалеристами Ворошиловым и Буденным. Они были сняты с первых постов, хотя и поставлены на вторые. Сталин не только в пропагандистских своих выступлениях и приказах военных лет произносил подчас слова против дилетантства. 27 мая 1942 г. в записке С. Тимошенко, Н. Хрущеву, И. Баграмяну он писал: «Не пора ли вам научиться воевать малой

¹ Сталин И. Соч. Т. 11. С. 248—249.; Воронов Н. И. На службе военной. М., 1963. С. 179—180.

кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением». Но в целом это осталось благим пожеланием. К концу войны положение улучшится, но далеко не кардинальным образом.

В годы реабилитации сталинизма возникли различные варианты тезиса о «перестройке» Сталина. Пишут о «трагизме» лишь 30-х и послевоенных лет, то есть полагают, что Сталин «исправился» во время войны; стал больше считаться со специалистами после Сталинграда или Курска. Естественно, нельзя отрицать, что поражения 1941—1942 гг. в какой-то мере изменили его поведение. Но недопустимо впадать в неоправданный восторг. Сталинская некомпетентность (как, впрочем, и некомпетентность многих его советников), деспотический произвол, безрассудные вторжения в дела военных отнюдь не исчезли¹. Обучение собственного генералиссимуса обошлось РККА чрезвычайно дорого, прилежным учеником он никогда не был. Судя по всему, в 1941—1945 годы на месте Сталина не худшие решения принял бы и организовал их осуществление любой из 10—15 советских военачальников.

В чем конкретно проявилась некомпетентность сталинского руководства военными действиями после прекращения летне-осеннего (1941 г.) наступления вермахта? Во-первых, в продолжении необеспеченного контрнаступления на Западном направлении. Достижения были весьма скромны. Как показали военные историки еще в 1958 г., «выполнить основную задачу... окружить и уничтожить главные силы группы армий «Центр» войска фронта не смогли»². В этих действиях можно встретить и бездарную тактику прямого штурма высот и населенных пунктов, «проталкивание» частей, соединений и даже объединений через бреши в германском фронте, которые казались слабо защищенными. Это кончалось печально. Вновь авантюристическая недооценка противника, связанные с нею бестолковые попытки явно недостаточными силами и средствами добиться успехов и как следствие этого — новые «котлы» и гибель целых армий.

Не известны планы РККА на 1942 г. и ее операции на многих направлениях. Не ясен, например, выбор места и времени этих операций. Складывается представление, что кто-то из наиболее активных руководителей фронтов и направлений сумел убедить Сталина, и войска пошли в наступление... Известно, что к началу зимней кампании 1941/42 гг. Ставка имела в резерве 11 армий. Она рассчитывала закончить войну уже к весне 1942 г., что оказалось совершенно нереальным. По мнению Жукова, а также ряда историков и мемуаристов,

¹ См., например: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 342—351; Коммунист. 1988. № 14. С. 89, 91.

² Цит. по: Операции Советских Вооруженных Сил. С. 459.

резервы необходимо было использовать преимущественно на Западном направлении. Фактически они были распылены. Волховскому фронту было передано две армии, Северо-Западному — две, Западному — три, Брянскому — одна, Юго-Западному — одна. По Жукову, в соответствии с «младенческими» представлениями Сталина стали наступать везде. Ставя РККА явно недостижимые цели, никчемный стратег и его советники не добились успеха. Снова были погублены силы и средства.

Некомпетентность нашла свое проявление не только в очевидных просчетах, например, ложной оценке летних (1942) планов противника и новых поражениях теперь уже на южном фланге, но и в недостаточно высоком качестве проведения в целом успешных операций. Как иначе объяснить громадные потери советских войск в Курской битве? Почему РККА потеряла свыше миллиона человек при освобождении зарубежных стран Центральной и Юго-Восточной Европы? Не потому ли, что Сталин и его новые советники А. Антонов и С. Штеменко (Жуков и Василевский были отправлены командующими фронтами) по-прежнему предпочитали внешне эффективные, но мало эффективные методы прямого штурма, по сути лобовые атаки против таких городов-крепостей, как Будапешт, Бреслау, Кенигсберг. Почему только в боях за освобождение Польши погибли свыше 600 тыс. человек? Не потому ли, в частности, что советские войска «невзирая на погоду», а главное досрочно предприняли наступление на Висле с целью поддержать западных союзников? Нужна была эта сверхпомощь в январе 1945 г.? Действительно ли Черчилль просил Сталина о немедленном наступлении советских войск? Опубликованный текст его телеграмм содержит просьбу лишь информировать о намерениях СССР¹.

Некомпетентность, равнодушие к человеческой жизни ярко проявились в операции по захвату Берлина. Советская сторона обладала подавляющим превосходством в силах и средствах, она выбирала время и способы действий. И тем не менее она потеряла только убитыми около 100 тыс. человек. Нельзя не согласиться в принципе с мнением А. Горбатова, высказанным в беседе с А. Твардовским: «...С военной точки зрения Берлин не надо было штурмовать. Конечно, были и политические соображения, соперничество с союзниками, да и торопились салютовать»². Можно допустить также, что Сталин и его советники, избирая способы овладения столицей фашистской империи, лобовой удар или охват, были загипнотизированы собственной пропагандой. Как известно, она ориентировала Красную Армию добить фашистского зверя в

¹ Ср.: Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 29.

² Цит. по: Литературная газета. 1988. 22 июня.

его собственной берлоге. Но это может лишь объяснить, но не оправдать их действия.

Опасения Сталина по поводу верности союзников не были оправданы. Ф. Рузвельт — Д. Эйзенхауэр, У. Черчилль — Б. Монтгомери лучше И. Сталина — Г. Жукова понимали, что значит брать Берлин, и предоставили это сделать Красной Армии, чтобы потом согласно договоренности войти в Берлин без боя. Это, в частности, подтверждает Черчилль. Действовали весьма сомнительные сугубо престижные соображения Сталина. Кто первым войдет в Берлин: западные союзники или РККА, и даже — Жуков, Конев или Рокоссовский. Может быть, бессмысленное и преступное (стотысячные жертвы!) соревнование с англо-американцами объяснялось принципом: где стала нога солдата, там и пройдет послевоенная граница. Но в этом случае «вождь» мыслил категориями XVI—XVII вв. Разве союзники не прекратили сепаратные переговоры с немцами по требованию СССР? Разве они не освободили занятые ими с боями территории Чехословакии и советской зоны оккупации Германии? Однако, возразят нам, Сталин принимал решение о штурме Берлина до этих событий, не знал, как они будут развиваться. Но это отнюдь не принуждало его к лобовому удару по громадному городу. Был другой вариант, только что опробованный самой Красной Армией. В январе 1945 г. танковые войска того же 1-го Белорусского фронта не стали штурмовать город-крепость Познань, обошли ее, оставив на попечение дивизиям второго эшелона. В случае с Берлином советские войска могли не просто обойти его, но и отрезать от остальной части страны. Город был бы обречен на капитуляцию. Одновременно он был бы изолирован и от союзников.

Мемуарист Жуков критиковал «ошибки» Сталина, допущенные им в планировании и руководстве Берлинской операцией¹. Говорил он и об «оплошностях» командования 1-го Белорусского фронта. «Оплошности» и такие громадные потери? Историками не проанализированы еще подлинная эффективность прославленной артиллерийской, авиационной, «прожекторной» подготовки 16 апреля 1945 г. Не встретились ли советские армии с теми немецкими войсками, для которых она была предназначена, на Зееловских высотах? Ожесточенное сопротивление вермахта на этой линии оказалось неожиданным для Жукова. Он ввел в дело крупные танковые объединения не только в районе названных высот, но и в самом городе. Это противоречило требованиям военной науки, известных приказов Ставки и конкретной обстановки. Танковые войска должны были понести и на самом деле понести

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 287. Ср.: Коммунист. 1988. № 14. С. 89—91.

огромные потери. Почему, далее, 1-й Белорусский фронт «сэкономил» к концу Берлинской операции огромное количество артиллерийских боеприпасов, понеся такие жертвы? Об этой «экономии» с некоей профессиональной гордостью сообщил бывший заместитель командующего фронтом по тылу генерал Н. Антипенко на Всесоюзной конференции в 1985 г. На наши замечания по поводу освещения Берлинской операции никто из военных специалистов после 1988 г. не откликнулся. Лишь Е. Долматовский отметил «бойкие писания иных новоявленных историков и стратегов». К сожалению, разобратся в существе дела поэт не сумел или не захотел.

В беседе с Павленко Жуков высказал мысль о том, что Сталин не прислушивался к своим советникам даже и на заключительных этапах войны. Маршал развил это в письме писателю В. Соколову: «Особо отрицательной стороной Сталина на протяжении всей войны было то, что, плохо зная практическую сторону подготовки операции фронта, армии и войск, он ставил совершенно не реальные сроки начала операции». Вследствие плохой подготовки войска несли неоправданные потери, а операции, не достигнув цели, «затухали»¹. По свидетельству того же Жукова, в 1944—1945 гг. участились случаи прямого вмешательства Сталина в руководство войсками, минуя Генеральный штаб, ради утверждения собственной славы «великого полководца». Повысился ли уровень руководства? Опубликование в 1990 г. «Военно-историческим журналом» данных Моисеева о распределении потерь по периодам войны и другие факты с новой силой побуждают историков произвести подлинно научную проверку декларированного ранее положения о войне малой кровью после Сталинграда.

Некоторые авторы ссылаются на западные авторитеты, в частности — на Черчилля. Очень высокого мнения о Сталине был бывший посол в Москве Дж. Дэвис. Но лидеры США и Англии военных лет относили свои высокие отзывы скорее к советскому народу и Красной Армии, чем к Сталину. Известны, однако, и другие суждения Черчилля, обращенные к своим единомышленникам, когда он уже не был связан соображениями дипломатии. «Многие годы Сталин был диктатором России, — говорил Черчилль 9 октября 1954 г. на конференции консерваторов в Блэкпуле, — и чем больше я изучаю его карьеру, тем больше поражаюсь его ужасным ошибкам и полной безжалостностью по отношению к людям (очевидно, руководителям. — *Авт.*) и массам, с которыми он имел дело»². В своих воспоминаниях Черчилль писал, что Сталин «делал все возможное, чтобы лояльно и дружески сотрудничать с

¹ Цит. по: Маршал Жуков. М., 1988. С. 219.

² Churchill W. S. His complete speeches. N.-Y. 1974. Vol. VIII. P. 85—98.

Гитлером, в то время собирая всю возможную силу на неизмеримых просторах России». Но в целом о нем как о стратеге Черчилль отзывался отрицательно: «поскольку дело касается стратегии, политики, дальновидности и компетентности, Сталин со своими комиссарами оказались самыми бездарными «сапожниками» второй мировой войны». Подобная точка зрения высказана и американскими политиками и дипломатами. Они знали, что руки Сталина в крови миллионов невинных своих сограждан, но закрывали на это глаза. Их интересовали советские дивизии, уничтожавшие общего врага и экономившие американскую кровь.

В целом в зарубежной литературе преобладает негативная оценка роли Сталина как руководителя. Многие историки различных направлений касаются той или иной стороны его деятельности. Складывается впечатление, что давно известные на Западе преступления Сталина и его сообщников, как и неприязнь к тому, что они называют социализмом, заслоняют от исследователей общий вопрос о месте сталинизма. В книге Г. Шредера (ФРГ) «История и структура Советских Вооруженных Сил» в перечне «способных организаторов военного строительства» и полководцев СССР нет фамилии Сталина. Автор другой работы — «Сталин и сталинизм» М. Гайер (ФРГ), касаясь победы СССР, упоминает героизм народа, но обходит молчанием роль Сталина. Известный английский специалист А. Ситон и его соавтор в недавней книге (1986) «Советская Армия с 1918 г. до наших дней» дают в целом отрицательную оценку сталинистскому руководству войной.

Вопрос о некомпетентности Сталина (в последние годы — Жукова) по существу стал одним из центральных в дискуссии историков. Защитники тезиса о «великом полководце» ожесточенно отвергают любую критику. Эта тенденция как в капле воды отражена в пространной рецензии¹ главного редактора т. 6 12-томника Г. Хорошилова на труды Г. Ключарева о сражении оперативной группы Г. Ф. Захарова 14—19 декабря 1942 г. в междуречье Аксай-Мышкова с превосходящими силами противника, пытавшегося вызволить окруженную в Сталинграде армию Паулюса. Ключарев, писатель и чудом выживший участник сражения, ставит весьма важные вопросы: был ли Сталин полководцем; было ли правомерным его преимущественное внимание к «котлу» в ущерб операции «Сатурн» (наступление на Ростов, которое сделало бы невозможным и деблокирование армии Паулюса); кто ответствен за образование в решающий момент битвы громадной брешы во внешнем фронте, которой воспользовался Манштейн, иными словами, вследствие чьей некомпетентности или халатности РККА снова принесла в жертву около 10 тыс. человек; какова

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 66—71. Ср.: 1969. № 5.

роль в срыве деблокирования группы Захарова и 2-й гвардейской армии (Малиновский); насколько отражает подлинную Сталинградскую битву принятая многими историками сталинская концепция битвы; когда она закончилась, после ликвидации «котла» или после провала деблокирования. Широко известны искажения истории битвы в угоду Сталину, позднее — Хрущеву, Еременко, Чуйкову. Несомненно, было подобное и в бытность министром Малиновского. В повести (и кино) Ю. Бондарева «Горячий снег», например, 2-я гвардейская армия полностью заслонила группу Захарова, более того, люди из группы представлены в ложном свете¹. В недавно опубликованных мемуарах Хрущев лишь упоминает, что на опасное направление послали Захарова и немедленно переходит к описанию действий 2-й гвардейской армии².

Большинство упомянутых вопросов рецензент Хорошилов оставляет без ответа, а труды Ключарева³ отвергает, исходя из «непогрешимости великого полководца». По мнению рецензента, в сентябре 1942 г. произошла будто бы «глубокая перестройка» Сталина — он стал советоваться с генералами. Но достаточно ли этого для подлинной перестройки? Стали ли его решения более умными? Изменилась ли цена войны? По поводу бреши по р. Аксаю, рецензент утверждает, будто бы было сделано все возможное, чтобы ее закрыть. Может быть, это и верно, если считать приоритетным штурм «котла». Именно для этой цели Сталин и передал 2-ю гвардейскую армию в распоряжение Донского фронта вместо того, чтобы непосредственно направить ее на рубеж Аксая. О том, насколько верны были приоритеты, рецензент молчит. Если в т. 6 12-томника заслуги группы Захарова и 2-й гвардейской армии были показаны нечетко и даже противоречиво (первая «спасла положение», вторая вела «решающие бои»), то рецензент нарочито называет сражение лишь «эпизодом у хутора Верхне-Кумского», хотя оно вместе с последующими действиями 2-й гвардейской армии предотвратило вероятные прорыв внутреннего фронта и очень опасное для 2-й гвардейской армии столкновение ее походных колонн с боевыми порядками противника. Сражение было значительным и своей протяженностью во времени (6 дней) и пространстве (1000 км²). Рецензент неизменно тенденциозен. Так, именем 51-й армии он называет лишь ее остатки (группу Захарова). Противник обладал на Аксае многократным превосходством (в танках — в 6 раз), а генерал Захаров просил (не приказывал!) красноармейцев продержаться хотя бы несколько дней.

¹ См. рец. Самсонова А. М. // История СССР. 1973. № 4. С. 196—202.

² См.: Вопросы истории. 1991. № 1. С. 76.

³ Ключарев Г. В. Стальное пламя. М., 1987; Вопросы истории. 1989. № 12. С. 54—67; Литературная газета. 1989. 8 марта; 1991. 27 марта.

После появления в свет рецензии Хорошилова невоенный журнал «Новая и новейшая история» (1991. № 6) издал ранее изъятые цензурой отрывки воспоминаний главного маршала Воронова. Они свидетельствуют о «нерешительности Сталина». Когда «наши главные силы продолжали наступление на юг (Ростов) после их успешного прорыва под Сталинградом, тогда Верховный хотел ограничиться лишь уничтожением окруженной группировки Паулюса». Иными словами, попытка Хорошилова «закрыть» тему приобретает еще более жалкий вид. Названная проблема приоритетов оказывается еще более актуальной. Уже сейчас становится еще более сомнительным представление о будто бы безупречных действиях Сталина после того, как он назначил Жукова своим заместителем.

Второй миф — о сталинской полководческой школе также имеет агитационное происхождение. На наш взгляд, о существовании в СССР единой школы полководцев говорить нельзя. Водораздел между профессионализмом и некомпетентностью, добром и злом прошел и через эту ячейку общества. Не могут быть сведены в одну «школу» необразованные Буденный и Ворошилов с Василевским и Ватутиным. Полководцы новой формации также не были едины. Жуков и Рокоссовский весьма по-разному относились к средствам достижения цели операции, да и войны в целом.

Засилье сталинизма не могло не повлиять и действительно повлияло на профессиональный уровень руководства не только армии в целом, но и фронтов и других объединений, соединений, частей. Здесь уместна определенная историческая и историографическая параллель. Известно, что под влиянием мемуарных произведений бывших лидеров вермахта и историографии ФРГ первых послевоенных лет превалировала точка зрения: «плохой Гитлер — хорошие генералы». Оценка военной квалификации и нравственности главнокомандующего Гитлера и генералов долгое время служила своеобразным водоразделом между научными и апологетическими направлениями западногерманской литературы о войне. Победила объективная точка зрения: большинство генералов отдали свой опыт и свои знания фашизму, просчеты Гитлера были и их просчетами. Так, вопреки тезису о дилетантизме онтого Гитлера и высоком профессионализме генералов В. Дайст (ФРГ) верно считает, что «оперативное планирование вермахта полностью соответствовало ошибочным расчетам Гитлера», что и в «военном руководстве место профессионального осмысления заняли догмы веры», что идеологически обусловленный авантюризм был общим пороком и Гитлера, и его генералов¹.

По свидетельству Федосеева, при редактировании собственной биографии «вождь» оставил слова: «Большой заслугой

¹ Das Deutsche Reich und Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1979. Bd. I. S. 529, 437.

товарища Сталина перед Родиной следует считать тот факт, что он сумел во время Отечественной войны подобрать, воспитать и выдвинуть на ответственные посты *новые* руководящие военные кадры, вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны с Германией и ее союзниками». Сталин понимал, по мнению Федосеева, что разгром бывшего военного руководства в 1937—1938 гг. будут помнить, и настаивал, что вот «он подобрал, воспитал и создал новые руководящие военные кадры». Федосеев, однако, обходит молчанием вопросы: какова истинная роль Сталина в «воспитании» полководцев, прилично ли писать о своих «заслугах», искренне ли Сталин оценивал роль полководцев.

Крайняя нужда заставила Сталина несколько умерить свой произвол в кадровой политике. Но его «заслуга» — лишь в том, что он стал терпеть в руководстве и компетентных людей. Выдвинулись Василевский, Жуков, Конев, Рокоссовский, другие маршалы, генералы и офицеры — те, кто командовал фронтами и армиями, корпусами, дивизиями и полками, ротами и взводами. Однако эта положительная тенденция не была единственной, как было принято писать. Официальная историография лишь скороговоркой упоминала отдельных отставших от времени полководцев. Аналогичное стремление прослеживается и в западной литературе о войне. В этом смысле любопытны и записи последних дней существования фашистской империи в дневнике Геббельса: «Передо мной книга о Генеральном штабе (Красной Армии. — *Авт.*) с описанием жизни и портретами советских генералов и маршалов. При чтении этой книги легко обнаружить среди прочего то, что мы в прошлом упустили. Эти маршалы и генералы чрезвычайно молоды, почти не старше 50 лет. Они имеют за плечами богатый опыт политико-революционной деятельности, убежденные большевики, исключительно энергичные люди.

В большинстве своем — это сыновья рабочих, сапожников, мелких крестьян». Сравнивая их с немецко-фашистскими фельдмаршалами и генералами, Геббельс пришел к выводу о превосходстве советского генералитета.

Принимая в целом этот вывод, мы не можем закрывать глаза на другие обстоятельства. В советском генералитете вследствие репрессий действительно преобладали молодые. Но среди этих «выскачок поневоле» оказалось немало таких, которые не выдержали испытания и властью, и войной. Далеко не все молодые в руководстве РККА стали крупными специалистами. Некоторые из них держались на поверхности в основном благодаря преданности «вождю». Таков, например, карьерист Штеменко, не сумевший скрыть этих чувств даже в своих воспоминаниях. Другим долго удавалось маскировать свое ничтожество с помощью умных заместителей или

начальников штабов. Среди военных руководителей сохраняли сильные позиции крайне консервативные и негодные для дела в новых условиях люди. По мнению П. Григоренко, Ворошилов, Буденный, Кулик «не имели своего лица». По мнению Павленко, они не обладали военными знаниями, необходимыми нормальному батальонному командиру, но всем им Сталин присвоил звания маршалов. Впрочем, Сталин присваивал звания маршалов и лицам, совершенно далеким от военного дела (Л. Берия, Н. Булганин). Начальник Главного артиллерийского управления РККА Кулик нанес армии большой ущерб еще в предвоенные годы. Это продолжалось и во время войны, когда он исполнял другие поручения «вождя». Характерно, что сам Сталин после сдачи Ростова и Крыма поставил вопрос: помогал Кулик или мешал командованию фронта в качестве представителя Ставки.

Так называемое дело Кулика — это обычный для Сталина поиск козла отпущения. Имевшимися силами удержать Керчь в 1942 г. было невозможно. Кулика же обвиняли чуть ли не в преднамеренной сдаче города. Его судьба закончилась трагически. Но об этом — особый разговор. Возвращаясь к большой группе руководителей РККА, ставших выдвинутыми в годы гражданской войны, но остановившихся в своем профессиональном развитии, нужно сказать, что в этом не только их беда, но и вина. Такой вывод подтверждают и опубликованные недавно личные документы Кулика, в частности, написанная им в качестве представителя Ставки 30 января 1942 г. объяснительная записка, адресованная Сталину. Она раскрывает очень узкий кругозор автора, его неспособность выделить главное в сложившейся в районе Керчи обстановке. Наконец, язык записи показывает низкий уровень логического мышления и общей грамотности маршала¹. Многим лицам в Красной Армии, выдвинутым часто неожиданно для них самих на непомерно высокие должности в годы гражданской войны или на рубеже 30—40-х гг., не хватало способности критически оценивать свое служебное несоответствие и прибегнуть к самому интенсивному самоусовершенствованию. Значительная их часть вскоре превратилась в тупых вельмож.

Среди советских военных руководителей своей интеллигентностью отличалась сравнительно небольшая группа лиц. Их список обычно открывает Рокоссовский. Его часто ставят в один ряд с Жуковым по их вкладу в победу. Мемуаристы противопоставляют при этом воспитанность Рокоссовского грубости Жукова. Многие подчеркивают его порядочность и человечность, простоту и близость к людям, приводят при

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 107; 1990. № 10. С. 208; Правда. 1991. 10 августа.

этом его девиз «больше огня — меньше солдат погибнет». С его участием было принято решение нанести упреждающий удар артиллерии на Курской дуге, решение о преднамеренной обороне под Курском. Об этом же свидетельствуют его обращения к противнику о капитуляции в районах Сталинграда, Данцига, Гдыни. С его творчеством связана операция «Багратион», по оценке многих специалистов — лучшая по замыслу и осуществлению операция второй мировой войны. Высокая компетентность сочеталась в нем с принципиальностью.

Заметим при этом, что добрые слова о Рокоссовском находят место на страницах печати без всякой помпезности, без организации «фондов» и других изощрений. В памяти одного из авторов этих строк сохранились события осени 1944 г. на Висле. Ему очень близки мысли начальника тыла 1-го Белорусского фронта Н. Антипенко. Многие офицеры и генералы, писал генерал в 1964 г., «были немало опечалены» заменой на посту командующего Рокоссовского Жуковым. «Имя К. К. Рокоссовского на фронте было самым любимым и близким. Его никто не боялся... Но его приказ, просьбы к подчиненным обладали какой-то особой магической силой и всегда хотелось выполнить их безоговорочно».

Свидетельствует сын главного маршала артиллерии Воронова: «Особые доверительные отношения сложились у отца с обаятельнейшим Рокоссовским. Все человеческие качества Константина Константиновича были превосходны... Уважая других наших полководцев, именно Рокоссовского Воронов считал талантливейшим стратегом Советской Армии. Все его операции замечательно искусны и красивы. Он, как никто, умел найти уязвимые места в обороне противника, ввести его в заблуждение относительно направления главного удара, достичь успеха с минимальными потерями». Человеческие качества Рокоссовского хорошо характеризует эпизод, рассказанный Гареевым. Во время посещения запасного командного пункта Белорусского военного округа маршал споткнулся о телефонный провод и упал. Автор замечает, что было бы, если б такое случилось с Жуковым. Рокоссовский же поднялся и спокойно сказал, что на фронте в подобных местах провод закапывали. Рядом с Рокоссовским наиболее часто упоминают А. Антонова, И. Баграмяна, А. Василевского, Н. Ватутина, Л. Говорова, Н. Кузнецова, К. Мерецкова, И. Черняховского, Б. Шапошникова¹.

Наиболее многочисленна другая группа военачальников, типичным представителем которой был Жуков. Его военно-политический портрет в советской литературе искажен². Были

¹ См.: Независимое военное обозрение. 1996. 26 декабря; Советская Россия. 1996. 19 декабря.

² См. нашу кн. Иной Жуков. М., 1996.

симпатии или антипатии влиятельных впоследствии лиц, знавших его по совместной службе; собственные его суждения о своих действиях (главная книга о Жукове написана Жуковым!), ореол мученика; преувеличение роли Жукова в аресте Берии; весьма активное участие в создании биографии Жукова его родственников; сталинистская традиция в историографии и пропаганде — великая победа не может быть без «великого полководца», явный политический заказ. Недаром правители установили памятники, учредили орден и медаль Жукова. Методика сочинителей мифа о «великом полководце Жукове» весьма проста. Все негативное в деятельности маршала — от его ответственности за 1941 г. до грубых просчетов под Берлином — обходят молчанием, общие же достижения РККА приписывают одному Жукову («выиграл войну» и т. п.)

Научная историография роли Жукова, как и других советских и зарубежных полководцев 1939—1945 гг., еще не касалась. Источники неполны и односторонни. Это не мешает, однако, многим авторам делать Жукова «единственным», «наиболее выдающимся полководцем, не знавшим поражения», творцом побед под Ельней, Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Курском и др. Но эффективную роль в этих победах сыграли десятки других полководцев. По мнению Басова, многие идеи, осуществленные в ходе войны, были плодом ума Василевского, Антонова, в целом Генерального штаба, Жуков лишь претворял эти идеи. Вопрос о «первенстве» никем не изучался. Эти победы в СССР с точки зрения военного искусства также не исследованы. В первую очередь — какой ценой они достигнуты? Некоторые авторы свои симпатии стремятся выдать за мнения целых литератур. Так, Карпов пишет: «В мемуарах фашистские генералы единодушны в оценке Жукова как самой яркой личности второй мировой войны». Возникают сомнения, известны ли автору книги имена этих генералов. Другие идут еще дальше — выдают свое субъективное представление за «мнение народа», «народную память».

Поистине эти люди не знают меры ни в поношении, ни в славословии: «Где Жуков — там победа» (не прямая ли это калька с девиза «Где Сталин — там победа»? По утверждению Раша Жуков — «величайший из военных авторитетов всех времен», «партийный тип большевика и народного заступника», «укротитель Сталина», «избавитель от газовых камер и от бериевского понимания марксизма», «спаситель» Хрущева от Берии, «гений», «натура мирового калибра, бесспорно величайший художник земли и самая блестящая фигура истории русской». Даже жестокость Жукова, известная многим участникам войны, воспринимается как благо. Такие люди, как Раш, полагают, что народ не проживет без кумиров. Но этот народ достаточно натерпелся от поспешных решений, дурной

пропаганды и произвола. Слишком обесценены звания «народный» и «национальный», так часто явления заурядные преподносились как выдающиеся.

Известно, что Жуков в 1941—1945 гг. был ближе к «вождю», чем другие военные. Именно с Жуковым, если верить ему самому, Сталин больше советовался и считался. Но не наивно ли возлагать на Жукова победы, а на Сталина — поражения? Путь к победе шел через крах дипломатии и стратегии в июне 1941 г. и его роковые последствия. Все это связано и с Жуковым.

При всех, несомненно, выдающихся качествах Жукова многие черты его характера отнюдь не благоприятствовали успеху дела. Некоторых приводит в восторг то обстоятельство, что Жукову не удалось «пройти академий». Нужно ли доказывать, однако, что одних природных способностей недостаточно для того, чтобы руководить военными действиями таких масштабов, да еще при полуграмотном Верховном? Не только Сталину, но и Жукову были свойственны порочный принцип «любой ценой», грубость и самодурство. Это долго скрывали. Однако воспоминания Рокоссовского и других военных сейчас опубликованы. Они проливают немало света. Известны угрозы Молотова расстрелять Жукова, но известны и аналогичные дела самого Жукова. Что касается заместителя Верховного Главнокомандующего, то уже сейчас можно сказать, что он должен принять на себя ответственность не только за победу Красной Армии, но и за ее поражения, и за цену победы. Подпись Жукова рядом с подписями Сталина и других его приближенных стоит под различными профессионально безграмотными и даже явно противоправными документами; например, под приказом № 270. Весьма показательно, что согласно новейшим данным, уже в то время против системы произвола и безграмотности выступали многие видные военные деятели. Сошлемся на донесение командующего 43-й армией К. Голубева — Сталину от 8 ноября 1941 г.

На счет Жукова необходимо отнести многое: от неспособности противостоять безумному стремлению Сталина «не дать повода» до наступления на Висле без достаточной подготовки. В январе—апреле 1942 г. в соответствии с общими планами Ставки по приказу Жукова осуществлялась попытка освободить Вязьму. Историки ее еще не изучили. Очень симптоматично, что суждения о ней самого маршала весьма противоречивы. После войны на встрече с историками на вопрос о судьбе М. Ефремова и П. Белова он ответил: «Там, собственно говоря, и операции никакой не было. Прорвались. Ефремова отсекли, Белова отсекли. Они остались в тылу...» На самом деле в январе—апреле 1942 г. под общим командованием Жукова была предпринята Ржевско-Вяземская наступательная операция войск Калининского и Западных фронтов.

Ее цель — разгром главных сил группы армий «Центр». Маршал явно кривил душой — он не хотел говорить правды. Не только Сталин, но и Жуков недооценили противника в этом направлении. Сколько советских дивизий погублено под Ржевом, неизвестно. Об этом можно только догадываться, в частности, по легендам тех лет. На события же под Вязьмой в последнее время пролит некоторый свет.

Ставший доступным обзор операции 33-й и 43-й армий на Вяземском направлении (доклад полковника Генерального штаба К. Васильченко) — не просто одна из многочисленных иллюстраций к начальному периоду Отечественной войны. Этот документ показывает, что порочными были поведение, образ действий не только одного Верховного. Это было свойственно и Жукову. Силы и средства, выделенные для освобождения Вязьмы, были крайне недостаточны; взаимодействие 33-й армии (командующий — Ефремов) и других войск, причастных к операции, организовано плохо; 113, 160, 329, 338-я стрелковые дивизии 33-й армии были брошены без должного прикрытия и обеспечения. Объединившая эти дивизии армейская группа во главе в Ефремовым, выполнявшая сомнительный приказ Жукова, погибла в неравном сражении. «Военно-исторический журнал» занял в этом вопросе весьма странную позицию. Давно пора опубликовать вместе с Центральным архивом Министерства обороны (ЦАМО) доклад Васильченко и другие важные материалы. Журнал же просит жителей района Вязьмы и ветеранов прислать некие «архивные документы». Но разве «архивные документы» хранятся у местного населения?

В одной разгромной газетной заметке упомянутый обзор назван «документом некоего полковника Васильченко»¹. В действительности вполне реальное лицо, Васильченко, по поручению западного направления оперативного управления подготовил обзор, входивший в серию «Материалы по изучению опыта операции». Этот доклад 27 июня 1942 г. получил очень высокую оценку генерала Генштаба И. Рыжкова, который назвал его «большой, серьезной работой». Мы беседовали с Рыжковым в ноябре 1991 г., незадолго до его кончины. Документ одобрил и военный комиссар Генштаба. Рыжков предписал хранить документ в делах направления — «он еще понадобится». Обзор заканчивается выводами: руководство Западным фронтом исходило из «неправильной оценки противника и его боеспособности», «оперативный замысел операции... не соответствовал наличию силы и средств»; «Западный фронт погнался преждевременно за большими целями», действуя «растопыренными пальцами»; не было «тесного взаимодействия между армиями; фронт «не

¹ См.: Сын Отечества. 1991. № 15. С. 10.

создал мощной группировки» для действий на решающем направлении, «силы и средства были равномерно распределены по всему огромному фронту»; «громкие приказы» командующего фронтом не отражали положения дел и оставались «ненужной бумагой»; авиация, танки, артиллерия фронта использовались не рационально; взаимодействия родов войск не было организовано; «западная группировка 33-й армии честно и доблестно дралась до конца своего существования, при недостатке в боеприпасах и продовольствии, в течение 2,5 месяца действуя в полном отрыве от своих войск, она наносила большой урон противнику и сковывала крупные его силы». Естественно, нельзя считать, что этот документ завершит дискуссию вокруг четырех дивизий 33-й армии. Но его опубликование положит начало научному исследованию проблемы¹.

Итак, никакие мифы не могут снять проблему профессионализма РККА 1941—1945 гг. Находясь на самой начальной стадии ее исследования, мы не можем дать полного ответа. Вполне определенно можно, однако, сказать, что Сталин не был ни «великим полководцем», ни «полководцем» вообще. При отсутствии элементарной военной подготовки и опыта управления большими массами войск он не мог быть ни тем, ни другим. Он был незаурядным администратором, искусным демагогом и интриганом, он был узурпатором. Вторгаясь во все сферы государственного руководства, ни одной из них он не владел в совершенстве. Объединение в одном лице всех мыслимых властей (как в библейском мифе: бог-отец, бог-сын...) не было обусловлено некими объективными обстоятельствами — был «великий Сталин»... При общем чрезвычайно невыгодном для РККА соотношении людских и материальных потерь вообще нельзя говорить о каком-то одном полководце, выигравшем войну в целом («первом маршале»). Можно говорить лишь о наиболее выдающихся операциях и маршалах, их осуществивших.

2

Некомпетентность Сталина и большинства приближенных к нему оказывала особо пагубное воздействие при неограниченной его власти, при подавлении в РККА на рубеже 20—30-х гг. и в последующее время ростков демократизма, обусловленного революционным ее происхождением. С антидемократизацией армии расцвел бюрократизм, другая ро-

¹ См.: ЦАМО. Фонд 8. Опись 11627. Дело 1509. Коробка 9832. МО. Оперативное Управление Генерального штаба Красной Армии. Материалы по изучению опыта операций. Описание операций 33-й и 43-й армий на вяземском направлении.

довая черта сталинизма¹. Военный бюрократизм, как известно, отличается наибольшей глубиной и порочностью. Сама система единоначалия, необходимая армии, особенно в условиях войны, при определенных обстоятельствах способствует, независимо от субъективных намерений того или иного командира, становлению бюрократии. Проблема «органического сочетания демократии с единоначалием»², которая вновь стала злободневной, начиная с 1918 г., периодически объявляется то актуальной, то полностью решенной. Но решали ее, как правило, с сугубо догматических позиций, не умея соединить эти противоположности. Исходили фактически из полной несовместимости народовластия (воли коллектива военнослужащих, воле каждого из них) и единовластия (воли командира). На самом деле при низкой общей культуре, особенно правовой и этической, эти вещи исключают друг друга, но если изменить условия, они будут гармонично взаимодействовать. Исследование антидемократизации армии Сталиным затруднено не только слабой разработкой связанных с этой темой важнейших теоретических вопросов. Отсутствуют и многие необходимые для этого источники. Тем не менее серьезные материалы свидетельствуют, что выход из критической ситуации, в которой оказалась армия по вине ее руководства накануне и в начале войны, Сталин и его группа видели в первую очередь в изгнании каких-либо демократических начал.

Напомним, что возникновение бюрократизма возможно, когда интерес личный или интерес касты объявляется государственным, общественным. «Государственная цель превращается в его (бюрократа. — *Авт.*) личную цель, в погоню за чинами, в делание карьеры»³. Бюрократия — это особая замкнутая корпорация, государство в государстве. Бюрократ — враг всяких перемен, он консервативен и догматичен по своей природе. Ему ненавистна гласность. Секретность — одно из главных условий существования бюрократизма. Бюрократ убежден в своей незаменимости, непогрешимости, своим монопольным праве представлять интересы государства. Бюрократизм — изначальное свойство всех так называемых «сильных» государств, всех авторитарных систем. Не было случайным то, что сталинизм воспринял традиции бюрократизма царской России, хотя он и устранил из аппарата большинство бывших чиновников. Сталинская номенклатура во многом оставила царских чиновников далеко позади. Бюрократия вообще и военная в особенности не только консерва-

¹ См.: Макаренко В. П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону. 1989.

² См.: Красная звезда. 1988. 18 ноября.

³ Подробнее см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 272, 273; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 260; Т. 45. С. 15.

тивна, но и агрессивна. Она стремится подчинить все своему контролю. Напомним уже известный читателю факт — попытку бюрократов от историографии монополизировать освещение истории второй мировой войны.

Советские историки не смогли изучить руководство войной. Многочисленные диссертации и монографии, например, по истории власти в СССР в 1941—1945 гг., теоретически и практически бесплодны. И дело не только в профессиональной слабости историков. Роль органов власти, как, впрочем, и роль ВКП(б), во время войны была сильно принижена. Но признавать это, естественно, было запрещено. Знание было заменено различными мифами. Это — тезис о Сталине как борце против бюрократизма. Известно, однако, что именно в 1924—1953 гг. чиновничий аппарат в стране вырос во много раз, что он стал главной социальной опорой сталинизма. Ряд авторов утверждали даже, что вообще никакого бюрократизма не было; не было узурпации власти и самодержавия Сталина; что нормально функционировали коллективные органы ГКО и Ставка; что прообразом ГКО был Совет Рабочей и Крестьянской обороны, возглавляемый в свое время Лениным. Н. Комаров пишет о «дальновидных и своевременных решениях» ГКО. Деятельность этого органа будто бы «в основном соответствовала характеру вооруженной борьбы», хотя вследствие его «ошибок» государство и «понесло огромные людские и материальные потери»¹.

Ленинская концепция оборонного строительства в СССР, принципы армии нового типа были демократическими. Идеи защиты революции, всеобщей воинской обязанности, принадлежность командиров и красноармейцев к одним и тем же классам объективно создавали возможности для развития вооруженных сил на демократических началах. На самом деле по сравнению с дореволюционным резко изменились взаимоотношения между командирами и подчиненными. Законы и воинские уставы защищали права красноармейцев и командиров. Например, в самый разгар гражданской войны, 4 января 1919 г., СНК принял декрет. Согласно ему освобождались от воинской службы лица, для которых это было несовместимо с их религиозными убеждениями. Все попытки отменить это положение вплоть до 1939 г. отменялись Верховным Судом СССР. Характерно, что для государств — членов ООН введение альтернативной службы стало обязательным лишь в 1989 г.

Однако демократические идеи постепенно предавались забвению. А на рубеже 30—40-х гг. под предлогом борьбы за укрепление воинской дисциплины были просто отброшены.

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 21; Красная звезда. 1988. 3 февраля.

Это было непосредственной реакцией Сталина и его клики на ту обстановку, которая возникла в армии вследствие ими же организованных репрессий, реакцией на жестокие поражения в войне с Финляндией. Именно о низкой дисциплине вспоминали Жуков и другие мемуаристы. К сожалению, они не связывали это с антидемократической волной, захлестнувшей армию. Тем не менее меры 1937 и последующих годов должны рассматриваться в связи с развитием сталинизма в целом. Ленинские принципы «самодержавия народа», «демократической диктатуры» не просто стали для Сталина «как-то сразу неактуальными, даже наивными», как полагают некоторые авторы. Они были опасны для сталинской деспотии и потому принципиально неприемлемыми.

На рубеже 30—40-х гг. начался новый период в истории РККА. В памяти всех служивших в то время не без оснований встает в первую очередь дисциплинарный устав, введенный приказом НКО № 356 от 12 октября 1940 г.¹ Старый устав освобождал военнослужащего от обязанности выполнять явно преступные приказы. Заметим, что в зарубежной юстиции нет единого мнения об этом. Часть юристов — за безусловное выполнение любого приказа, за его выполнение отвечает лишь отдавший приказ. Но есть и доктрина «разумных ружей»: солдат должен думать о соответствии приказа конституции. Различные мнения высказываются и в нашей прессе. Для А. Плутника, например, проблемы нет. В «нормальных условиях» приказ командира — «закон для подчиненных». Заметим, что эта фраза, бытующая в армии, может быть образом, символом, но не больше. В юридическом отношении она некорректна. Однако в условиях «ненормальных», такими, по Плутнику, они становятся, если «армию бросают против собственного народа, против демократии», — приказ не должен выполняться. Увы, в жизни все много сложнее. Как определить, кто в данном случае представляет народ и демократию, а кто — их врагов? Запретить же использование войск против, так сказать, «внутренних врагов» ни одна из демократий еще не решилась.

Согласно уставу 1940 г. красноармеец должен был выполнять любой приказ. Больше того, командир был обязан применить силу и оружие при невыполнении подчиненным его приказа. В основе нового устава лежала старая, как мир, идея слабых и ограниченных. Бездумное повиновение начальству покорной массы — это принцип Фридриха II и Николая I. Не случайно, он был отвергнут в основном еще Февральской революцией. Сталин со свойственным ему упрощенством вернулся к принципам своих предшественников. Было объявлено, что в РККА не может быть незаконных приказов. В

¹ См.: Коммунист. 1991. № 9. С. 59.

действительности, однако, такие приказы отнюдь не были исключены, как и не был создан механизм их предотвращения. Но буквально через несколько месяцев не какие-либо рядовые, а высшие руководители РККА Тимошенко и Жуков оказались перед страшной дилеммой: выполнять или не выполнять явно преступный приказ Сталина. События 22 июня 1941 г. оценили и самих этих деятелей, и морально-юридические нормы, которыми они руководствовались.

Вопрос об ответственности военных за выполнение преступных приказов, явно невыполнимых задач в современных условиях, особенно после использования армии во внутривнутриполитических целях, даже в интересах борьбы между фракциями власти, стал весьма актуальным. Но военные историки остаются безучастными. Вскользь коснулся проблемы Павленко в книге «Была война» (1994). К сожалению, он свел ее к ошибочному утверждению, что советских командиров всегда наказывали, а политработники выходили сухими из воды. Автор обошел молчанием главное. Остались безнаказанными виновники гигантских людских и материальных потерь — политики и генералы.

Устав 1940 г. сыграл злую шутку с самой военной элитой. Беспрекословно выполняя все приказы диктатора, многие военачальники много раз оказывались соучастниками его преступлений. Причем, на их месте было бы наивно ссылаться на «приказ начальника». Маршалы — не новобранцы. Тезис германских военных преступников «плохой фюрер — хорошие генералы» не спас их в Нюрнберге. Тогда жрецы Фемиды и Клио не ставили вопрос о вине генералов из числа победителей. Лишь позднее комиссия международного права при ООН укажет, что исполнение приказа правительства или начальника не освобождает от ответственности, если фактически был сознательный выбор. И далее. «Мнение о возложении ответственности за совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, несмотря на наличие приказа, который в таком случае не может не носить преступного характера, и, следовательно, является не только необязательным, но даже невозможным для исполнения с точки зрения права, становится в настоящее время преобладающим»¹. Распространяя мнение нынешних экспертов на те годы, мы не нарушаем требования историзма. Еще Наполеон оставлял за командующими право не выполнять приказ политиков, который привел бы армии к гибели. Гареев называл наиболее приближенных к Сталину военных деятелей продолжателями дела М. Драгомирова и Д. Милютина. Однако эти генералы были прогрессивными

¹ Цит. по: Нюрнбергский процесс. Право против войны и фашизма. М., 1995. С. 114.

теоретиками и практиками. Выдающийся реформатор Милютин осуждал «систему террора» в российской армии, когда «все, не исключая старых заслуженных генералов, безропотно покорялись произволу старшего начальства». Он многое сделал, чтобы «наступили требования законности и гуманности в служебных отношениях».

Предприняты первые попытки изучить проблему ответственности на опыте войны в Афганистане. А. Ляховский в книге «Трагедия и доблесть Афгана» (1995) стремится «вскрыть глубинные причины роковых просчетов высшего советского руководства, вследствие которых армия оказалась заложником «афганской войны», и не ее вина, что эта акция не принесла Советскому Союзу славу». Менее четко показывает автор вину военных лидеров. По его словам, Н. Огарков, С. Ахромеев, В. Варенников заявили Д. Устинову, что в Афганистане «военным путем задачи решить нельзя». Но их «возражения против ввода войск» были высказаны «деликатно и двусмысленно. Инакомыслие в ту пору каралось строго». И далее. Устинов «резко осадил» Огаркова. Та же, по меньшей мере, соглашательская позиция была занята большинством генералитета во время бесславных операций по «восстановлению конституционного порядка» в Москве и Чечне (1993 и 1994—1996)¹.

Превращение любого приказа командира в «закон для подчиненного» был наиболее ярким, но не единственным звеном в общем ряду мер, предпринятых в армии Сталиным и его креатурой. К началу войны в Вооруженных Силах сложилась почти неограниченная власть начальников при минимуме прав у подчиненных. Введение без какого-либо правового обоснования системы управления зачастую превращалось в диктаторскую власть одного лица, произвол. Превышение начальником прав, принуждение брали верх над убеждением. Правозащитные органы были лишены своей надлежащей роли и превратились в бесправный придаток начальников и политорганов, при сплошной правовой безграмотности военнослужащих. В военные годы эти тенденции лишь усилились. Нынешнее неблагополучное положение в Вооруженных Силах уходит своими корнями в те годы. Как сообщал журнал «Коммунист Вооруженных Сил СССР» в 1990 г., ежегодно командирами частей издается от 6 до 7 тыс. незаконных приказов.

Социальная незащищенность военнослужащих и членов их семей едва ли осознавалась ими. По некоторым наблюдениям, это пришло лишь в последние годы. Армейское руководство беззастенчиво эксплуатировало уставное положение об

¹ См. также: Sowjetische Geheimdokumente Zum Afganistan krieg (1978—1991). Zürich. 1995.

обязанности красноармейцев и командиров стойко переносить все тяготы и лишения военной службы, что еще больше обострилось в военные и послевоенные годы. На самом деле офицеры не имели права поменять профессию, изменить место службы. Военнослужащие лишались компенсации в случае увечья или травмы, часто не могут обжаловать в суде неправомерные действия воинских должностных лиц. Они лишаются права на выходные дни, нормированный рабочий день, военнослужащие срочной службы лишены права на отпуск. Во время войны это бесправие выльется, в частности, в пренебрежение к полевому быту солдат и офицеров. В 1941—1942 гг. в армии было, очевидно, всеобщим саркастическое отношение к тому, что немцы устраивали себе выходные дни и праздники и на переднем крае жили в домах или благоустроенных землянках. С течением времени и РККА в какой-то мере переняла это. Однако в принципе отношение к человеку и его нуждам едва ли изменилось.

Одним из результатов антидемократизации армии было определенное отчуждение между генералами и офицерами, с одной стороны, между ними и солдатами, — с другой. «Некоторые наши офицеры далеки от своих подчиненных»; возникает «стена между офицером и солдатом», констатировала в наше время «Красная звезда». Это началось в прошлые годы. Барьеры между командирами и красноармейцами воздвигали «охота на ведьм» в армии, главным образом против командиров, подрыв их авторитета в целом, вселение в их души страха, резкое ужесточение требовательности, предоставление начальникам чрезвычайных прав. Во время войны эта крайность приобрела уродливые формы. В большой мере приказы № 270 и № 227 были подготовлены дисциплинарным уставом 1940 г. Все это отнюдь не способствовало демократическому единению начальников и подчиненных. Сыграли свою роль воссоздание в армии должностей денщиков (ординарцев) при офицерах от командира роты и выше, офицерские дополнительные продовольственные пайки, как бы незначительны ни были они. Впоследствии эти пайки перерастут в питание отдельно для солдат и отдельно для офицеров, отдельные залы для начальства.

Все упомянутое шло в одном ряду с распространением барства и лакейства. Надо признать, рабы уже те, кто обращается к начальству на «Вы», тогда как он говорит им «ты». Вместе с суеверным почтением к государству росло чинопочитание. Возникла своеобразная философия «тот прав, у кого больше прав». Возродилась известная исстари мораль группового эгоизма, ложно понятой чести мундира, сокрытия должностных преступлений, унижение человеческого достоинства подчиненных, грубость. Возродился культ казармы и муштры. Попытки нынешних руководителей Вооруженных Сил пре-

одолеть эти пороки носят половинчатый характер. С другой стороны, призывы военной прессы учиться демократии у Петра I и иерархов православной церкви, по меньшей мере, несерьезны.

Может быть, наиболее ярко антидемократические тенденции в армии проявляются в протекциях и привилегиях. Первые отнимают у многих офицеров перспективы служебного роста. В наиболее грубой форме практика протекций проявилась в случае с В. Сталиным, сыном «вождя», явившемся средоточием многих пороков сталинизма. Привилегии необходимо разделить на две категории — предоставляемые на основании официальных приказов, инструкций и приобретаемые вследствие служебных злоупотреблений. В соответствии с рангом того или иного лица ему полагались определенные блага от дачи до места на кладбище. Известно, что Ворошилов, Буденный и другие «народные маршалы» владели настоящими загородными дворцами. По свидетельству Григоренко, Булганина и на фронте сопровождали «передвижной дворец и полевой гарем». С годами система привилегий совершенствовалась. Так, было строго расписано, каким чиновникам были положены легковые автомобили «ЗИЛ», «Чайка» или «Волга». Из привилегий, захваченных или мошеннически полученных, отметим незаконное дачное строительство. Еще в 1937 г. приказом № 64 НКО объявил строгий выговор командующему Черноморским флотом флагману флота 2 ранга И. Кожанову и начальнику инженерного управления РККА комкору Н. Петину — «за незаконную постройку дачи личного пользования»¹.

Эта традиция жива и поныне. Пресса отмечала, как высшие военные руководители построили себе под Москвой дачи стоимостью, в десятки раз превышающей разрешенную. В то же время 280 тыс. семей военнослужащих нуждались в улучшении жилищных условий. К таким же льготам необходимо отнести использование в личных целях труда подчиненных, служебного транспорта. Важно напомнить о Декрете СНК РСФСР от 7 декабря 1918 г., предусматривавшем одинаковые похороны для всех граждан. Деление на разряды как мест погребения, так и похорон уничтожалось. В 30-е гг. похороны также стали составной частью сталинской «табели о рангах». Безнравственность ряда постановлений высшего руководства с новой силой проявится в конце войны в присвоении различных трофейных и нетрофейных ценностей.

Своя «номенклатура» сложилась и в армии. Дело не ограничивалось тем, что она имела свои сановные интересы и кастовые привилегии. Начиная с 30-х гг., она была вне кри-

¹ См.: Звезда. 1990. № 6. С. 199—200; № 7. С. 202, 206; Красная звезда. 1990. 14 июня.

тики. На любые замечания даже в адрес отдельных представителей касты она реагировала крайне болезненно. Это ловко квалифицировалось как опорочение армии, недостаток патриотизма, даже содействие империализму. Августовский (1991) государственный переворот в СССР с участием военных руководителей вновь со всей силой ставит вопрос о месте военных в демократическом государстве, их роли в смене государственного руководства. В этом свете представляют интерес некоторые события послевоенной истории, истоки которых необходимо искать в развитии армии предвоенных и военных лет. Военная, как и любая иная бюрократия, обладает относительной самостоятельностью. При жизни Сталина при его абсолютной власти, систематическом перемещении и селекции чиновников, в полном смысле этого слова их прореживания, упомянутая самостоятельность не проявлялась. Фактическая замена большинства кадров в стране в 1937—1938 гг. сравнительно хорошо известна. Приведем пример их перемещения. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 января 1940 г. свыше десяти высших руководителей армии были передвинуты с одной должности на другую¹. Сталин крепко держал в руках свою главную опору — бюрократию. В свете этого едва ли можно утверждать о наличии в СССР «властвующего бюрократического класса», как утверждают некоторые авторы². Другое дело после Сталина.

В критической ситуации 1953 г. руководители партии и государства были вынуждены прибегнуть к помощи Жукова и других военных лидеров для изоляции Берии. Военные, несомненно, сыграли положительную роль в этой акции, хотя их роль и нельзя преувеличивать. Утверждение одного из современных крайне консервативных генералов о том, что «Жуков спас Хрущева», не может быть принято. Против Берии выступало большинство военных руководителей. Выбор между Берией (1953), Молотовым и другими (в последующие годы), с одной стороны, Хрущевым и его единомышленниками в ЦК КПСС — с другой, повторили бы очень многие военнослужащие. Речь шла о спасении не одного лишь Хрущева, решалась судьба народа, страны.

В статье Карпова в «Правде» 17 августа 1991 г. «Тайная расправа над маршалом Жуковым» сделана попытка осветить другое, тесно связанное с первым событие — отстранение Жукова от должности министра обороны СССР на октябрьском (1957) пленуме ЦК КПСС. Автор подробно описывает, как перед этим Жукова отправили вграничную командировку, чрезмерно подробно — о создании Жуковым некоей школы

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 197—198.

² См.: Вопросы философии. 1989. № 1. С. 28.

диверсантов. Имея к школе какое-то отношение, Карпов мог бы посвятить этому особую статью. Автор с полным основанием сообщил об укреплении дисциплины в армии в бытность Жукова министром обороны СССР, умолчав, однако, что методы «укрепления» были прежними — сталинистскими и сохраняли они свою эффективность весьма недолго. Жуков ничего нового не внес, а жестокость уже не давала былых результатов. Автор приводит, по всей видимости, справедливые претензии Жукова к политическому аппарату армии и флота, но не объясняет, как министр пытался его перестроить, что из этого вышло. Автор сообщает о том, как многие ораторы на пленуме приводили примеры несправедливого отношения к ним со стороны Жукова (унижения, грубости, оскорбления), но пытается объяснить это «обидой» и «мстительностью» самих пострадавших. Справедливо отмечает Карпов, что Жуков приказал Музею Советской Армии купить и выставить картину с его изображением, по существу списанную с известной иконы «Георгий Победоносец». Но автор оправдывает это, ссылаясь на то, что тогда везде висели «миллионы портретов вождей». К сожалению, о главном обвинении, предъявленном Жукову, о бонапартизме автор говорит лишь сороговоркой.

А дело было, на наш взгляд, именно в этом. Оставляя в стороне вопрос об этике «тайной расправы» Хрущева и других руководителей КПСС над Жуковым, необходимо сказать следующее. На предыдущем пленуме ЦК в острый момент борьбы его большинства с группой Молотова, Маленкова, Кагановича Жуков действительно осудил попытки повернуть вспять партию и страну, подчеркнул преданность армии идеям XX съезда и одновременно — готовность бороться против любой оппозиционной группировки в партии. Маршал выразил решимость в случае необходимости обратиться непосредственно к народу и армии. Позднее в разговоре с военным историком Кулишом Жуков заметит: он не предполагал, что этим его словам можно будет придать бонапартистский смысл. Но, учитывая ярко выраженное авторитарное мышление маршала, его опыт работы с «вождем», учитывая, что армию в это время лихорадило от методов Жукова, никак иначе и нельзя было понять его слова. Суждения некоторых авторов, что Жукова с его славой «боялись» Сталин, Хрущев, Брежнев, не раскрывают всей картины. По поводу известного обращения, подписанного в числе прочих и генералами В. Варенниковым и Б. Громовым, на последнем — июльском пленуме ЦК КПСС 1991 г. (за три недели до путча!) говорилось: «Всякое цивилизованное общество с законными опасениями воспринимает любую политизацию военных»; до подписания такого радикального обращения эти генералы должны были уйти в отставку. Жуков же шел

далее — он обещал обратиться к народу и армии, минуя правительство¹.

Однако вернемся к войне. Каким представляется ныне высший эшелон власти в 1941—1945 гг.? К началу войны не было Ставки, Генеральный штаб нормально не функционировал. Он, по выражению Василевского, был «расташен» Сталиным. В 1937—1942 гг. штаб возглавляли А. Егоров, Б. Шапошников, К. Мерецков, Г. Жуков, снова Шапошников, за ним А. Василевский. В этих условиях от него нельзя было ждать нормальной работы. В ведущем управлении штаба — оперативном — только в 1940—1942 гг. начальники менялись десять раз. Интересен рассказ преданного Сталину Штеменко о его назначении на должность начальника этого управления — многочисленные предшественники Штеменко удерживались на этом посту лишь до первого доклада Верховному. Как свидетельствует Жуков, Сталин вообще недооценивал роль Генерального штаба в войне. Подробно эту мысль маршал развивает в письме Соколову. С началом военных действий в стране были учреждены наряду со старыми новые органы власти как правило, наделяемые чрезвычайными правами. Это — ГКО с его разветвленными структурами, местными ГКО в более, чем 60 городах, с различными комиссиями, штабами, уполномоченными и т. д.² Это — Ставка с ее представителями на фронтах. 23 июня 1941 г. при ней был институт «постоянных советников». В их числе были Г. Кулик, Б. Шапошников, К. Мерецков, П. Жигарев, Н. Ватутин, Н. Воронов, А. Микоян, Л. Каганович, Л. Берия, Н. Вознесенский, А. Жданов, Г. Маленков, Л. Мехлис.

Возникли новые наркоматы. Во многих партийных комитетах были введены должности секретарей, ведающих отраслями народного хозяйства, и созданы многочисленные новые отраслевые отделы, например, по авиапромышленности. Вместе с этим усилилась и без того существовавшая чересполосица в правах и обязанностях различных учреждений, бестолковое дублирование. К уже имевшемуся аппарату на местах прибавлялись различные представители и уполномоченные и «особо уполномоченные» ГКО. Расширился институт партторгов на крупных предприятиях. Вся эта во многом показная коллегияльность объективно была призвана, в частности, замаскировать самодержавие Сталина.

В новейших трудах нет единого мнения о том, как действовал механизм управления в 1941—1945 гг. Морозов осуждает «экстремистские суждения» Павленко и Кулиша, которые

¹ Цит. по: Правда. 1991. 30 июля.

² См.: Комаров Н. Я. Государственный Комитет Обороны постановляет... Документы. Воспоминания. Комментарии. М., 1990; Василевский А. М. Указ. соч. С. 137—139, 157; Симонов К. М. Указ соч. С. 446; Маршал Жуков. С. 217—218.

в своих публикациях и устных выступлениях пытаются внушить читателям и слушателям мысль о том, что, якобы, никакой Ставки, никакого ГКО фактически и не было, а было лишь одно лицо, которое самочинно захватило в свои руки всю политическую и военную власть и занималось в годы войны лишь тем, что «допускало ошибки». Заметим, что по традиции ИВИ критик упрощает позицию историков¹. Другие авторы пишут о некоем безликом «советском политическом руководстве», заседаниях Политбюро ЦК и Ставки, принимавших коллективные решения. Но видимость нельзя выдавать за действительность. Даже в предельно экстремальной ситуации, например, перед 23 августа 1939 г., 22 июня 1941 г., Сталин принимал единодержавные решения вопреки здравому смыслу. Как показывают новейшие публикации, названных заседаний почти не было, были встречи в кабинете Верховного и тех лиц, которых он в данный момент вызывал. Решал же все неизменно сам Сталин. Без него, подчеркивает Кузнецов, ничего не решалось. Сталин не считался ни с кем и ни с чем, повторяет другой автор. «Достаточно Сталину было сказать «нет», как это «нет» в мгновение становилось законом» (С. Королев). «Немедленно прекратить производство таких-то самолетов! — приказывал Сталин. — И прекращали» (Шахурин). «Маршал Сталин, — говорил Жуков 7 июня 1945 г., отвечая на соответствующий вопрос иностранных корреспондентов, — лично руководил участками борьбы Красной Армии против немецкой армии, в том числе он детально руководил и теми большими операциями, которые мною проводились» (как можно одному чем-то «руководить», а другому — то же самое «проводить»?).

Опираясь на свидетельства Жукова и Василевского, Павленко показал практическое слияние двух высших государственных учреждений ГКО и Ставки. Приходя к Сталину, люди не знали, ругали их в ГКО или Ставке, Сталин был тем и другим. «Его слово, — по мнению Жукова, — было окончательным и обжалованию не подлежало». Василевский рассказал, что за 30 месяцев его деятельности в качестве начальника Генштаба и члена Ставки полностью она ни разу не собиралась. Сталин во многом следовал монархической модели Главного Командования. Любопытны свидетельства Исакова. Совещания у Сталина он делит на два вида. «Вождь» выслушивает всех приглашенных, «вылавливает» из их выступлений то, что ему казалось существенным, отмечает крайности и подводит итоги. Другие совещания проходили при наличии у Сталина готового решения. Участники понимали это и высту-

¹ Один из авторов также разделял апологетическую точку зрения на управление войной и на его освещение в СССР (*Мерцалов А. Н.* Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978. С. 134.).

пали соответственно. В постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» было подчеркнуто, что военачальники взяли в свои руки определенные участки руководства¹. Естественно, определенными участками они руководили. Но в «своих руках» постоянно держал руководство лишь Сталин. Некоторые авторы, имея в виду тесное сотрудничество Сталина с Жуковым и Василевским, полагают возможным говорить о существовании у власти «дуумвирата» и «триумвирата». Но роли Сталина и любого из его советников совершенно несопоставимы. Триумvirат же предполагает власть лиц, чей политический вес примерно одинаков.

Итак, ГКО, Ставкой, Политбюро, СНК, НКО был Сталин. Это позволяло ему многие вопросы решать достаточно оперативно. Казалось бы, это — довод в пользу тезиса о том, что в те годы именно такой режим и был нужен. Ряд авторов не мыслит твердой и эффективной власти без тирании. Они объясняют сверхцентрализм и сверхжестокость условиями предвоенных и военных лет, спецификой страны, ее народов, особенностями ее прошлого. Они не понимают, что именно в годы войны такой механизм управления нанес наибольший урон, что преступления Сталина и его подручных ничем нельзя оправдать. Он занимал непомерно большое число должностей и ни с одной из них не справлялся. В мемуарах Воронова, Новикова показано, как Сталин и вместе с тем члены Ставки и ГКО постоянно «отвлекались на мелочи», «без конца обсуждали», например, форму штыка пехотной винтовки. Сталин ввел ежедневные личные доклады многих наркомов. Собственно, такая практика сложилась еще до войны. ЦК ВКП(б) и СНК решали вопросы о запасах горючего на новых самолетах, о «маскирующей окраске самолетов и аэродромных сооружений»².

Тезис о наделении Главнокомандующего — высшего военного специалиста — во время войны всей полнотой власти как условия успешного руководства всегда имел своих сторонников. После второй мировой войны эта мысль принята многими германскими мемуаристами. Правда, она служила оправданию германского генерального штаба, будто бы полностью лишенного Гитлером политического и иного влияния. Гитлер же, облаченный большими правами, не был военным специалистом. Ни Суворов, ни Кутузов не ездили в Петербург согласовывать военные решения, от которых подчас зависела судьба не только внешнеполитических планов российского престола, но и самой России. Но эти люди были специалистами самого высокого класса. Во всяком случае, сосредото-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, Пленумов ЦК. М., 1956. Т. 7. С. 17, 208.

² Новиков В. Н. Накануне и в дни испытаний. М., 1988. С. 45, 255; Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 205—208.

ние власти в руках одного лица не должно переходить разумных пределов. Не любая централизация оправдана. Сталинская сверхжесткая, часто неразумная централизация сковывала деятельность армии, экономики.

К проявлению бюрократизма в сталинском руководстве войной необходимо отнести учреждение в первые военные дни не только не нужных, но и вредных промежуточных звеньев в виде Западного, Северо-Западного и Юго-Западного направлений, как надстроек над фронтами. Это было еще оправдано, если бы во главе их были поставлены квалифицированные и обладающие определенной самостоятельностью военачальники. Но ни того, ни другого не было. Во главе направлений Сталин поставил уже обнаруживших свою бездарность Буденного, Ворошилова, Тимошенко. Такой же была и система представителей Ставки на фронтах. Сторонники этой надстройки ссылаются на недостаток в армии квалифицированных специалистов высшего звена. Но добрую половину представителей Ставки составляли лица, еще менее подготовленные к руководству большими массами войск в современной войне. Некоторых из них, например, самодура Мехлиса, близко нельзя подпускать к руководству. Об этом свидетельствуют многие мемуаристы, в частности Василевский, Кузнецов, Мерецков. Хрущев в своих воспоминаниях показывает, как неловко себя чувствовал субъективно честный О. Городовиков, сознавая, что его приезд в качестве представителя Ставки ничего «не давал фронту». Бывший член военного совета фронта пишет: «...У нас целая свадьба была этих, наехавших из Ставки, а потом их как метлой смело. Считали, что немцы захватят Сталинград, а мы были оставлены там козлами отпущения»¹.

Наверное, еще хуже, когда представители Ставки проверяли дела войск, фактически дезорганизуя их деятельность. Такие «проверки», руководимые, в частности, Мехлисом, часто заканчивались настоящим погромом. Подчас за порочные действия Мехлиса Сталин возлагал ответственность на того или иного командующего фронтом. Так было в случае с Д. Козловым, отстраненным от руководства Крымским фронтом. Не была безукоризненной и практика тех уполномоченных Ставки, которых относят к числу квалифицированных полководцев. Военные историки еще изучат, какой вред был нанесен РККА постоянным отвлечением от своих прямых обязанностей Жукова, Василевского, Воронова и других военачальников, которых Сталин по существу превратил в начальников неких команд, тушивших пожары от Ставрополя до Мурманска. Не ясно пока, как велик вред, нанесенный и тем, что представители Ставки, как правило, не отличавшиеся

¹ Цит. по: Вопросы истории. 1991. № 1. С. 77, 80.

деликатностью, подменяли, по меньшей мере, отвлекали от дела способных командующих. Это понимали, против этого даже открыто протестовали уже в то время. Напомним лишь конфликт Рокоссовского и Жукова в Сталинграде, после которого Жуков благоразумно покинул штаб фронта. Ответственность Сталина за такую порочную систему удваивается потому, что практика посылки «особоуполномоченных» фактически провалилась еще во время гражданской войны. 15 июня 1919 г. она была резко ограничена решением ЦК РКП(б). Ограничены были и права этих представителей на местах.

Бюрократия немыслима без гипертрофированного внимания к организации контроля сверху вниз, информации снизу вверх. Под чьим только контролем не приходилось действовать на фронте командиру Красной Армии. Это и военные советы, политические управления и отделы, военные комиссары, позднее — заместители командиров по политической части, подчинявшиеся командиру, но сохранившие непосредственное подчинение и политическому отделу. Это представители Ставки и Генерального штаба, это контрразведка «Смерть шпионам» («Смерш»), орган ведомства Берии в армии. Это и военная юстиция, и орган государственного контроля — по части хозяйственной. Подчас доходило до абсурда. «Специалист по внутренним делам» мог возглавить военно-морской флот, а наркомречфлот — «внутренние дела». Мемуаристы воспроизводят случаи вмешательства Берии в оперативное руководство. Другой чертой сталинского руководства было постоянное совмещение должностей и обязанностей. Начиналось, конечно, с того, что сам Сталин был в трех лицах — государственным, партийном, военном. Уже упоминалось нечто подобное в связи с членами Политбюро. В двух местах — СНК СССР и РСФСР во время войны работал А. Косыгин. Мехлис с 21 июня 1941 г. был одновременно и наркомом госконтроля, и начальником ГЛАВПУ. Мерецков — заместителем наркома обороны и командующим фронтом. Тимошенко — наркомом обороны и командующим фронтом.

Крайне антидемократическими были принципы подбора кадров. Как правило, брали верх соображения, связанные с социальным происхождением, революционными заслугами, «классовым чутьем», преданностью «делу Сталина», умением бездумно выполнять любые приказы, личные связи, родство и т. п. Профессиональные качества учитывались далеко не всегда. Чем иначе объяснить длительное пребывание в числе ближайших советников Сталина многих, по словам Новикова, «крайне ограниченных» лиц¹. Сам Сталин говорил о неком-

¹ Новиков В. Н. Указ. соч. С. 77—78.

петентности некоторых военных деятелей. Но какие-то обстоятельства удерживали их на своих постах. Подбор кадров часто напоминал известную манеру парижских красавиц. Стремясь подчеркнуть свои достоинства, они выходили в свет с компаньонками, не отличавшимися красотой. Иными словами, подчиненные не должны быть умнее, талантливее, способнее начальника. По мнению Жукова, порочные принципы поручили широкое распространение. «Многие подходили и еще подходят к делу подбора кадров с субъективных позиций, преследуя цель расстановки их с точки зрения выгоды своей персоны, а не общегосударственных интересов»¹.

Нельзя представлять так, что названная тенденция была единственной, что полностью был изгнан из кадровой политики здравый смысл. Так, в постановлении Политбюро «О выдвижении начальствующего состава РККА» 25 марта 1940 г. предъявлялись такие требования к намечаемым на высшие посты командирам, политическим и штабным работникам. «Они должны быть людьми способными, проявившими командирскую волю, сметку и умение». Однако на деле таким верным принципам следовали далеко не всегда и не везде. Нельзя переоценивать и кадровую политику накануне войны, называть ее «особой», ориентированной на привлечение компетентных людей, как считают некоторые авторы. Кого могли подобрать себе Ворошилов и Тимошенко, руководившие армией? Называют Жукова и Рокоссовского, ставя их в один ряд с Вознесенским и Косыгиным. Но только ли они определяли развитие армии в военные, да и послевоенные годы?

Бюрократические процессы в Вооруженных Силах нельзя рассматривать вне упоминавшегося уже огосударствления руководства ВКП(б). Неверно поэтому суждение о деятельности политического аппарата РККА в рамках однопартийности. Они действовали в условиях авторитарного режима, став одним из его орудий. Право выступать от имени партии узурпировали Сталин и его группа, после его смерти — несколько сот высших чиновников. Подавляющее же большинство членов партии стали статистами. Они были лишены каких-либо возможностей влиять на ее курс. Следуя пропагандистской традиции, многие историки и мемуаристы и ныне прикрывают самодержавие и олигархию избитой фразой «партия и правительство». Г. Морехина в книге «Партийное строительство в период Великой Отечественной войны Советского Союза» (1986) и автор хвалебной рецензии на эту книгу Н. Шишов утверждают, что созданная в годы войны система руководства не подменяла и не ослабляла ведущей роли партии. В брошюре В. Папина об организационно-партийной ра-

¹ Маршал Жуков. С. 208.

боте в годы войны (1990) говорится, что работа партии будто бы «наилучшим образом способствовала решению оборонных задач». По утверждению же В. Быкова, Сталин стал пленником собственной партии. Волкогонов призывает освободить армию от «партийного диктата»¹.

Однако был ли такой «диктат»? Начиная с рубежа 20—30-х гг., речь может идти о «диктате» Сталина или его преемников. Даже ГЛАВПУ, юридически — центральный орган партии и армии, был далеко не всесилен. Министры обороны, почти всегда были одновременно и членами (кандидатами в члены) Политбюро ЦК КПСС. Они далеко не всегда считались с ГЛАВПУ. Его называли военным отделом ЦК, но фактически он находился в подчинении министра. Эта ситуация повторялась сверху донизу во всей армейской иерархии. Естественно, были и исключения. При несовершенстве системы управления многое зависело от личных качеств командующего (командира) и члена военного совета (комиссара или заместителя по политчасти). Авторитет второго подчас определялся его местом в партийной верхушке. Нельзя ставить на одну доску, например, равных по должностям членов военных советов фронтов Хрущева и Телегина. Первый, в отличие от второго, в случае необходимости мог обратиться непосредственно к Сталину.

Место армейского и флотского политического аппарата нельзя рассматривать вне связи с общими процессами, происходившими в партии во время войны. Напомним, что в 1941—1945 гг. был лишь один пленум ЦК — в 1944 г. Намеченный на октябрь 1941 г. пленум был отменен единолично Сталиным, хотя члены ЦК уже собрались в Москве. Решения оргбюро оформлялись путем опроса его членов, в полном составе оно фактически не собиралось. Члены Политбюро, секретари ЦК, не говоря уже об остальных членах ЦК, стали послушными исполнителями воли «вождя». Бюрократизация и централизация резко усилились еще накануне войны. В 1938 г. был введен институт назначаемых партийных организаторов центрального и других комитетов. Во время войны он получил широкое развитие. Участилось назначение секретарей вышестоящими комитетами вместо их выборов, определенных уставом. Небывалую власть над исполнительными органами партии получил ее аппарат. Приобрело исключительное влияние управление кадров ЦК (Маленков), его отделы (свыше 40) подбирали руководителей во всех областях жизни страны. Получили распространение другие чрезвычайные органы — политические отделы в Вооруженных Силах, на транспорте, в сельском хозяйстве, партийные штабы на строительстве. Это снижало ответственность и

¹ См.: Вопросы истории. 1987. № 5. С. 147.

авторитет руководителей. Возникла практика совместных постановлений партийных и советских органов. Это вело не только к дублированию партийными комитетами государственных и хозяйственных органов, но и фактическому сращиванию их. Были случаи прямой отмены комитетами решений советов. Сверхконцентрация власти препятствовала принятию своевременных и компетентных решений, тем более что свыше 60 процентов членов партии были малограмотными. Часто они выдвигались на руководящую работу. В Свердловской области, например, они составляли свыше трети всей номенклатуры обкома. Такие люди были не в состоянии вычленивать из всего круга задач главное. Они сковывали инициативу специалистов. Приводят пример, как Омский обком ВКП(б) выносил решения о разгрузке отдельной баржи, перемещении нескольких станков¹.

Историка не могут обмануть некоторые внешне демократические мероприятия. Так, в январе 1943 г. ЦК принял постановление «Об отчетах и выборах партийных органов в первичных парторганизациях». Антидемократическую основу режима такие меры отнюдь не могли поколебать. Скорее всего они были лишь мимикрией. В наши дни трудно объяснить позицию тех исследователей, которые считают «во многом оправданными» централизацию партии, беспредельное расширение ее чрезвычайных органов, отказ от уставных норм. Авторитаризм нельзя оправдать никакими экстремальными условиями. Нельзя принять тезис о том, что партия была «встроена» в командную систему, составляла ее «ядро». Это верно лишь относительно членов партии — руководителей учреждений, предприятий, организаций. Но это нельзя отнести к миллионам рядовых членов партии, в большинстве своем — лучших производственников, лучших военнослужащих. «Коммунисты, вперед!» — этот призыв звучал в годы войны на самых трудных участках боя. «Он был сильнее приказа», — пишет «Правда» 13 октября 1989 г. Эти слова стали настолько привычными со времен войны, что над их смыслом мало кто задумывается. Тем не менее они не точны или просто ошибочны. Свои передовые позиции в боевом строю армейские коммунисты заняли с первых дней войны и не покидали их до последнего часа. Коммунистов не надо было постоянно «призывать», как утверждает пресса. Их авангардная роль на фронте была делом обычным и потому, что в партию шли, в партию принимали лишь тех, кто на деле уже был впереди. Авторитет коммунистов был небывало высоким — не случайно в 1941—1945 гг. в партию вступили 5 319 297 человек. Ряды ВКП(б) возрастали, начиная с первых, самых тяжелых месяцев.

¹ См.: Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 40.

Весьма показательно, что оккупанты расстреливали за одну только приверженность к мировоззрению не православных, католиков, мусульман, не либералов и консерваторов, а коммунистов. И не только из-за их преданности идее — они были организаторами борьбы против фашизма. Одной из главных причин поражения агрессоров явилось то обстоятельство, что им не удалось вбить клин между населением и членами партии. Это постоянно привлекает внимание многих зарубежных ученых. Известный французский историк и военный деятель Ф. Гамбьез отметил «надежное патриотическое воспитание солдат Красной Армии, любовь советских людей к своей многострадальной земле, высокий боевой дух масс». Его соотечественник Мишель считает, что источником боеспособности Красной Армии «были любовь к своей земле и преданность своей политической системе»; «коммунистическая партия полностью слилась с русской нацией, чтобы руководить ею и вести ее в бой». «Патриотизм русских, а также других народов, с железной энергией, сконцентрированной коммунистической партией на военных усилиях... вызвал чудо», — пишет Гостони (Швейцария). Заметим, что Мишель и Гостони применяют слово «партия» также недостаточно строго, пренебрегая тем фактом, что не все в партии олицетворяли провозглашенную ею идею.

Тем не менее все сказанное здесь не позволяет сделать вывод о «партийной армии». На самом деле, Мехлису принадлежат слова: «Центральный Комитет поставил перед Политуправлением задачу большевизировать партийно-политический аппарат и всю Красную Армию»¹. Была расхожая мысль о том, что политотделы призваны обеспечить повседневное безраздельное влияние на всю жизнь и деятельность Вооруженных Сил. Но едва ли они когда-либо добились этого. Красная Армия вступила в войну под лозунгами, которые вслед за сталинской пропагандой современные «антикоммунисты» называют «большевистскими». Но этого недостаточно, чтобы приравнивать РККА к вооруженным партийным формированиям германских или итальянских фашистов. К такой аналогии больше подходят войска НКВД, но не армия. Тем более что и в фашистских государствах в споре о приоритете партийных или профессиональных войск победили вторые. Им было отдано предпочтение. РККА после 1937—1938 гг. в условиях огосударствления партийной верхушки стала инструментом самовластья, но не партии. Обстановка несколько изменилась со смертью Сталина. На октябрьском пленуме ЦК КПСС (1957) говорилось, что Вооруженные Силы должны быть «в руках партии», но не одного лица (Жукова). Но здесь также подразумевалась не партия, а генсек или, в лучшем слу-

¹ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 192—193.

чае, помимо него несколько партийных лидеров. В минувшей войне РККА воевала под знаменем Советского государства, которое большинство населения страны и большинство российского зарубежья с полным основанием отождествляло с Родиной.

Политический аппарат — узловой момент темы «партия и вооруженные силы». В официальной историографии он освещен крайне скупо. Имеющиеся работы выдержаны в апологетическом стиле. Большинство источников ученым недоступно. Писатели и в данном случае обогнали историков, если не в освещении, то, по крайней мере, в смелых попытках нетрадиционно подойти к теме. При первом же ознакомлении с этим сюжетом выявляются такие вопросы. Было ли оправдано введение в РККА этого аппарата в 1918—1919 гг.; почему вопреки духу и букве Программы РКП(б) 1919 г. эти чрезвычайные органы сохранились и после окончания гражданской войны, после воспитания и обучения нового командирского корпуса. Не стали ли они бюрократической надстройкой, обычной для режима; какова их роль в репрессиях против армии и флота; как объяснить чехарду с неоднократными отменой и восстановлением института военных комиссаров перед и во время войны; какими были функции политического аппарата в 1941—1945 гг.; почему и после упразднения института комиссаров этот аппарат остался вплоть до рубежа 80—90-х гг. в определенной мере не зависимым от командиров, что ослабляло единоначалие и ответственность командиров за состояние армии; почему армейские партийные организации остались в наибольшей мере огосударствленной частью партии?

Н. Кирсанов, Н. Павленко и другие авторы выводят идею политического аппарата РККА из известных ленинских суждений о революционной армии, классовом принципе ее построения. Из опыта революции 1905 г. в России, зарубежных революций большевики сделали верный вывод о том, что в эпоху гражданской войны «идеалом партии пролетариата является воюющая партия»¹. Если не технически, то идейно, они были готовы принять и военный вызов своих оппонентов. Но неверно утверждать, что классовый принцип неизбежно вел к вооруженной борьбе, к устранению старых кадров. Даже сталинские репрессии были направлены далеко не только против бывших офицеров царской службы. Классовая сущность армии (всего общества) и привлечение буржуазных специалистов всех профилей отнюдь не были несовместимы изначально. И подозрительность не была присуща большевикам органически, хотя среди них были экстремистские элементы, целые группы, которым были свойственны не только

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 8, 9.

подозрительность, но и враждебное отношение к военспецам и вообще к «классово чуждым». Однако это не снимает главной научной проблемы: была ли необходимость партии превращать свои действующие в армии демократические органы в административные и военно-политические.

Институт военных комиссаров РККА на самом деле изначально был своеобразной бюрократической надстройкой (контроль, администрирование, репрессии). К партии, как организации демократической, этот институт можно было относить лишь с большими оговорками. Это был сугубо государственный чрезвычайный орган революции. Без подобных органов не обходилась ни одна из великих революций. Впрочем, такая ссылка едва ли убедительна для наших оппонентов. Они настолько гибки, что при политической необходимости вполне почтительны, например, к французской революции с ее террором и ее комиссарами, гневно осуждая при этом использование такого же опыта большевиками. Последнее имеет свою предысторию. Боясь царистских тенденций в офицерстве, Временное правительство 1 марта 1917 г. узаконило стихийно возникшие солдатские комитеты, в армии стало двоевластие. В силу известных обстоятельств Временному правительству не удалось опереться на поддержанные им армейские демократические институты. В годы гражданской войны и иностранной интервенции, в условиях политического и хозяйственного развала страны, произвола и безвластия, резкого падения дисциплины в армии, близкой к полному разложению, военные комиссары стали особенно необходимы. Большинство русских офицеров приняли Октябрьскую революцию, хотя измена некоторых из них также была реальным фактом. Но дело далеко не только в этом. Свою ненависть к царизму, к Временному правительству солдаты часто переносили на офицеров и генералов. Авторитет последних падал и вследствие поражений царских войск в германской войне, небывалых лишений и жертв в первую очередь среди солдат. Сугубо классовое или сословное недоверие нижних чинов к офицерам и генералам существовало задолго до революций 1905—1917 гг. Все это — отнюдь не «большевистский миф».

Комиссары были нужны и в тех частях, которые возглавляли вчерашние унтер-офицеры. Эти командиры были преданы революции, но легко впадали в партизанщину, не имея элементарного образования. Военный комиссар, образ которого был написан Д. Фурмановым, удачно восполнял недостатки такого командира — политическую безграмотность, своеволие, бахвальство, подозрительность к военспецам. Сказанное не отменяет новейшие исследования, показавшие, что образ подлинного В. Чапаева не соответствовал ни фурмановскому герою, ни тем более малодостойным анекдотам послед-

них десятилетий. РККА нужны были специальные работники и для решения кардинальных задач в областях идейно-политической, общекультурной. Судя по всему, последовательное осмысление всей этой проблемы уточнит лишь масштабы, формы деятельности политорганов, но не общую этих целесообразность в те годы. Подводя итоги деятельности политических органов Красной Армии в годы гражданской войны М. Фрунзе подчеркивал: «Кто вносил элементы порядка и дисциплины в ряды создававшихся под гром пушечных выстрелов наших молодых красных полков? Кто в часы неудач и поражений поддерживал мужество и бодрость бойцов и вливал новую энергию в их пошатнувшиеся ряды? Кто налаживал тыл армии, насаждал там Советскую власть и создавал советский порядок, обеспечивая этим быстрое и успешное продвижение наших армий вперед? Кто своей настойчивой и упорной работой разлагал ряды врага, расстраивал его тыл и тем подготавливал грядущие успехи?» Как видит читатель, функции политорганов были много шире голого контролирования бывших царских офицеров.

Официальная историография обходит молчанием противоречивый характер института военных комиссаров, политических отделов РККА, как и попытки реформировать их и даже отказаться от них полностью, как меры чрезвычайной, а потому и временной. В течение десятилетий руководители ГЛАВПУ от Я. Гамарника и А. Булина до А. Епишева и Д. Волкогонова не сумели привести сколько-нибудь убедительного довода, чтобы оправдать существование военного политаппарата. Обратимся к официальному Военно-энциклопедическому словарю (1983): военный комиссар — должностное лицо, облеченное правительством и правящей партией особыми полномочиями. Его главной задачей было проведение в вооруженных силах политики партии и правительства... Но разве не такие же точно задачи выполнял в армии командир? Политаппарат, по идее, должен был обеспечить демократический характер РККА. Но он привел к фактическому окостенению единственного подобного института в армии — партийных организаций. С введением политотделов в армии ликвидировались и партийные комитеты. По инициативе Фрунзе в соответствии с духом и буквой Программы ВКП(б) после окончания войны эти органы стали сокращать. Были введены должности командиров-комиссаров, помощников командиров по политчасти. Но эти меры были половинчатые. С контрреволюционным же переворотом Сталина перестройка политаппарата натолкнулась на мощное бюрократическое препятствие. Критика пороков политаппарата была слабой. Напомним, что в 1939 г. против политотделов в армии выступал Раскольников.

В 1937—1942 гг. Сталин дважды восстанавливал и дважды

упразднял институт военных комиссаров¹. На наш взгляд, это объясняется главным образом произволом «вождя», его неспособностью к вполне назревшим решительным реформам, его колебаниями между трезвым расчетом и догмой. Но дело и в другом. Сохранение во время гражданской войны и даже чрезмерное усиление всех атрибутов чрезвычайного положения было основной тенденцией режима в целом. Официальные историки объясняют эти постоянные перестройки полит-аппарата «резким обострением международной обстановки и усложнением задач командиров из запаса, не имевших опыта партийно-политической работы». Но зачем командирам такой «опыт»? И были ли нужны комиссарские prerogatives для насаждения такого «опыта»? Не было ли «обострение» внутри страны и армии еще более резким, чем вне СССР? И далее. В момент, когда Сталин вновь отменит институт комиссаров (1940), разве международная обстановка была лучшей?

Политотделы и комиссары сыграли определенную положительную роль в межвоенное время. В целом же их первоначальные функции были грубо искажены Сталиным, особенно его подручными в армии. Но уже сейчас можно сказать, что эта роль весьма значительна. Не случайно с началом «большой чистки» РККА в 1937 г. институт военных комиссаров был вновь восстановлен в полной мере. В одном из документов ГЛАВПУ прямо говорилось: «Мы обязуемся сами стать активными добровольцами НКВД по разоблачению врагов народа». Как показывают воспоминания ряда военных деятелей (например, П. Григоренко, С. Мартыанова) и другие источники, политорганы часто были инициаторами «чисток». Исключение из партии того или иного военнослужащего, как правило, влекло за собой увольнение из армии, ГУЛАГ или смертный приговор.

Положение, изданное в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г., предписывало военным комиссарам координировать свои действия с органами контрразведки — особыми отделами НКВД. Военные комиссары были обязаны «своевременно сигнализировать» Верховному Командованию и правительству о командирах и политработниках, порочащих своим недостойным поведением честь РККА. Подчас это требование доводилось до абсурда. Яркий пример приводит Хрущев. По личному распоряжению Сталина, который не доверял Малиновскому, Хрущев, как член военного совета фронта, был обязан в буквальном смысле слова не сводить глаз с этого генерала, который, впрочем, заслужил самую высокую характеристику самого Хрущева. Говоря о сотрудничестве этих двух институтов деспотии, следует отметить, что они не были равноправными. Офицеры НКВД

¹ См.: Вопросы истории КПСС. 1989. № 6. С. 23.

в армии были полностью независимы. Политаппарат же постоянно находился под самым строгим и жестким контролем НКВД. За первые 20 лет существования ГЛАВПУ лишь немногие из его начальников умерли своей смертью, остальные были уничтожены НКВД. В предвоенные годы, по далеко не полным данным, были репрессированы 20 членов военных советов, 20 начальников политуправлений, 14 комиссаров корпусов, 65 комиссаров дивизий, 92 комиссара полков. Характерно, что Епишев, дольше всех возглавлявший ГЛАВПУ, до того был заместителем министра госбезопасности¹.

По мнению официальных историков, в 1941—1942 гг. военные комиссары «оказывали всестороннюю помощь командирам в военном и политическом руководстве войсками, мобилизации личного состава на разгром врага». Неясно, однако, зачем понадобилось ограничивать права командиров, чтобы «помочь». По Н. Шапалину, восстановление института комиссаров в июле 1941 г. «было обусловлено не каким-то недоверием к командному составу, а конкретно сложившейся обстановкой, усложнением руководства войсками. К осени 1942 г. наши вооруженные силы всесторонне окрепли и полностью поняли причины введения военных комиссаров». Но почему Сталин отменил институт накануне войны, то есть незадолго до подлинного «усложнения руководства войсками». Тезисы о том, что командиры «доверяли» и что армия к октябрю 1942 г. «всесторонне окрепла», по меньшей мере спорны. Утверждение же о том, что Вооруженные Силы «полностью поняли», зачем нужны комиссары, просто смехотворно².

Нельзя разделить и внешне противоположные, но по существу такие же односторонние трактовки ряда ученых и писателей. Книга «Наше Отечество» представляет дело так: «На те почти 15 месяцев, пока существовал институт военных комиссаров, приходится самые тяжелые поражения Красной Армии, ее самые большие потери. Именно за это время противник достиг наивысших успехов на советско-германском фронте». Автор явно преувеличивает общую роль комиссаров и преуменьшает вину «вождя». По времени события в целом совпадают. Но институт комиссаров был восстановлен в июле 1941 г., после того как уже началась роковая серия поражений. Глубокие причины последних были заложены еще раньше, в условиях единоначалия. Впрочем, в другой работе автор пишет нечто иное: институт комиссаров не «дал серьезных положительных результатов». Но это также не объясняет многого. Как можно, например, связывать два решения Сталина, принятые почти одновременно? По крайней мере,

¹ См.: Вопросы истории. 1991. № 1. С. 83; Советская Россия. 1989. 15 декабря.

² См.: Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 15.

между июлем (приказ № 227) и октябрем 1942 г. на фронте едва ли произошло что-то существенное. Но если первый приказ резко усиливал в армии бюрократизацию, то второй — несколько ослаблял ее. С другой стороны, можно ли утверждать, что отмена института комиссаров резко изменила обстановку в вооруженных силах?

В октябре 1942 г. не восстанавливались отделы пропаганды, как было до июля 1941 г., — сохранялись политотделы с их исключительными правами. Их сеть к этому времени была даже расширена. Они были введены даже в некоторых полках, например, гвардейских, минометных, вследствие особой важности реактивной артиллерии. Политические управления и отделы фактически сохраняли большую самостоятельность. Заместители по политчасти подчинялись своим командирам, но обладали правом прямого доклада и политотделам. Огромную силу сохраняла инерция. Командир, за редким исключением — сам член ВКП(б), не мог не прислушиваться к мнению политработников. Показательно, что вплоть до окончания войны за те или иные недостатки в батальоне (дивизионе, полку) его командир получал взыскание, как правило, одновременно со своим заместителем по политической части. На наш взгляд, в частях, руководимых умными и честными командирами и комиссарами (заместителями по политчасти), отмена института комиссаров едва ли привела к каким-либо существенным переменам. Весьма важно, что эта реформа ничего не изменяла в верхних эшелонах руководства — ГЛАВПУ, военных советов фронтов, армий. Они например, сохраняли свое влияние на деятельность военной юстиции, что противоречило демократическим принципам.

Критика политаппарата по методам и форме подчас близка к неонацистской. Она свойственна, например, ряду выступлений Астафьева. Убедив себя в том, что он познал так называемую «солдатскую правду», этот писатель утверждает, что коммунисты на войне «спасали свою шкуру за счет солдат», «устраивали геноцид», их «всегда ненавидели, презирали, боялись»; политотделы «барствовали на фронте — не способные ни к чему, разнежившиеся, в словах утопии, в самовластии, в уверенности, что могут всем распоряжаться». По Астафьеву, всяческие порицания заслуживали и все командиры — от ротного и выше, и уж во всяком случае все генералы. Дело в том, что они не были вместе с солдатом Астафьевым «на передке», не ходили с ним в атаку. Позиция писателя ложна с начала до конца. В артиллерии, например, а это большая часть армии, командиры дивизионов, батарей, офицеры разведки, связи, как правило, находились много ближе к переднему краю, чем большинство рядовых. Упускает Астафьев и многие другие обстоятельства. Офицеры подразделений снабжения, в

просторечии «тыловики» очень часто испытывали большую опасность, чем люди переднего края, например, на переправах от Волги до Одера.

На фронте приходилось довольно часто встречаться со своеобразным эгоцентризмом. Летчики, танкисты снисходительно смотрели на всех, кто не летает на самолетах и не ездит на танках, артиллерийские разведчики — на оружейные расчеты (последние, как правило, были в «тылу»). Краснофлотцы до войны, во время и после нее смотрели свысока на «пехоту». Ходил анекдот, смысл которого сводился к тому, что «морской кок выше сухопутного полковника». Но никто не пытался в то время превращать эти в целом безобидные гусарские предрассудки в какую-то теорию. Кроме того, они были свойственны молодым. В последнюю войну большинство фронтовиков в атаку не ходили, то есть обходились без этого средневекового способа боевых операций. В идеале авиационное, артиллерийское, ракетное наступление должно было подготовить несравненно более легкий захват стрелковыми частями позиций противника. В 1945 г. командование РККА уже было в состоянии обеспечить именно такие условия. Этим и должны были заниматься подлинники «отцы-командиры». По Астафьеву, Конев должен был идти в атаку рядом с солдатом, «как Ванька-взводный с засаленным пюзом». Писателю, которому не дает покоя военная теория, нет дела до того, как в таком случае маршал будет выполнять свои обязанности командующего.

Можно допустить, что Астафьеву на фронте пришлось столкнуться с политотдельцем — развратником, трусом, объедавшимся за счет солдат. В памяти встает подобный случай из истории Сталинградской битвы: командир и комиссар дивизиона погрязли в пьяных оргиях. Роль комиссара, очевидно, была наиболее неприглядной. Расхищение продовольствия он объяснял солдатам на политинформациях «трудностями военного времени»¹. Но обобщения писателя несостоятельны. Память хранит и совсем другое — имена сотен коммунистов, честно делавших победу. Статья Астафьева в «Родине» (1991, № 6—7) претендует на исследование. Его безответственные суждения, поэтому, нельзя оправдать писательским правом на вымысел. При нынешнем уровне знаний о политаппарате РККА вообще рано высказывать нечто окончательное.

Сравнительно лучше мы информированы о некоторых высших политработниках. Резко отрицательные отзывы о бывшем начальнике ГЛАВПУ Мехлисе содержат воспоминания многочисленных военных и политических деятелей: Мех-

¹ См. также: *Иноземцев Н. Н.* Цена победы в той самой войне. М., 1995. С. 212.

лис как сотрудник секретариата Сталина, Мехлис во время массовых репрессий 1937—1938 гг., преступное вмешательство Мехлиса в дела военных специалистов. По мнению Хрущева, в частности, при разборах операций обычно докладывал больше Мехлис, чем командующий. Он сковывал инициативу командующего. Неопубликованные воспоминания участника войны Будрина «В боях за Дон» содержат описание одного эпизода. Будрин доложил командиру бригады о том, что вверенный ему батальон занял населенный пункт. Вмешавшись в разговор, Мехлис обвинил Будрина во лжи и отдал приказание нанести по этому пункту залп реактивной артиллерии. Батальон понес большие потери, противник выбил из села остатки этого подразделения.

Одним из крупных политработников был Е. Щаденко. Его высшая должность — заместитель наркома обороны. Образование — двухклассная церковно-приходская школа. Судя по опубликованным его стихам, письмам к Сталину и Ворошилову, он так и не сумел сколько-нибудь существенно устранить пробелы в своем образовании, хотя и пытался это сделать. Едва ли он обладал большим умом и скромностью. В его бумагах обнаружена написанная кем-то в безудержно-хвалебном тоне биография Щаденко, завизированная им: «согласен». Через всю свою жизнь командарм пронес уверенность в том, что он был «подлинным революционером». Во многом, однако, он напоминал шолоховского Макара Нагульного. Ему принадлежит призыв к «орабочиванию конницы». Будучи помощником начальника академии имени М. Фрунзе по политчасти, Щаденко усмотрел в действиях Тухачевского «тенденцию технически-механического уклона и недооценку, игнорирование политических элементов». В 1943 г. он обратился к Сталину с предложением «создать 2—3 армии, действующие по тылам», «поставить их на лыжи». К «революционности» Щаденко, очевидно, следует отнести его преданность Сталину, Ворошилову, которую он не устал подтверждать. Может быть, наиболее ярко это проявилось во время массовых «чисток». Люди типа Щаденко активно противились привлечению специалистов. В последние годы опубликованы отрицательные отзывы о бывших военных политработниках Н. Булганине, Л. Брежнев, А. Щербакове как о недалеких и непорядочных людях¹.

Быков и ряд других авторов полагают, что помимо «безоглядной требовательности, нередко доходящей до слепой жестокости», «немаловажной обязанностью» политработников была «работа с массами», а также хранение («пуше глаза»?) партийной документации. Эта концепция также слишком эмоциональна, чтобы отразить реальную жизнь. Жестокость

¹ См.: Красная звезда. 1991. 16 ноября.

была свойственна отнюдь не политаппарату и не комиссарам, главным образом. Она сопровождала режим Сталина и руководство им войной в особенности. Жестокое руководство осуществлялось в первую очередь через командиров. Быков прав, вспоминая «примитивные, импровизированные на ходу беседы и политинформации», рассчитанные, по опыту гражданской войны, на «полуграмотных красноармейцев», хотя бойцы 1941—1945 гг. были уже не те. Но зачем представлять эту тенденцию в виде господствующей и даже единственной? Можно ли сводить всю «работу с массами» к «агитации солдат бесстрашно отдать жизнь за Родину»? Да, такая агитация была в «Красной звезде», фронтовых газетах, даже в военной продукции многих тогдашних поэтов и прозаиков. К сожалению, Быкову не дано понять, что сам по себе призыв «умереть за Родину» в отрыве от задач РККА по уничтожению, пленению, изгнанию захватчиков носит не только нелепый, но и вредный характер. Разве задача была в том, чтобы «умереть» самому?

Среди политработников было немало некомпетентных чиновников, подменяющих живое дело, заботу о людях демагогией, не знающих порой, чем заняться. Повинны в этом далеко не всегда личные качества этих людей. Играло роль и другое. В ЦК ВКП(б) и ГЛАВПУ исходили из того, что комиссаром мог стать и не владеющий военной профессией. Но чисто профессиональную подготовку нельзя оторвать от идейного воспитания солдат и офицеров. Наличие комиссаров или заместителей по политчасти позволяло нерадивым командирам уклоняться от идейного воспитания, а слабая военная квалификация многих политработников в какой-то мере приводила к отрыву друг от друга обучение и воспитание. Нельзя представлять, что «преданность Сталину» воспитывали только политработники. В тех условиях и командиры едва ли могли отойти от этой «сверхзадачи».

Среди командиров со времен войны сохранилось и, очевидно, усилилась своеобразная иждивенческая психология. В наши дни ее выразил командир Таманской гвардейской мотострелковой дивизии В. Марченков. Свое несогласие с «деполитизацией» (выражение явно неудачно: армия — инструмент политики, нет армии вне политики), точнее с «ликвидацией корпуса политработников» генерал пытался обосновать, ссылаясь на физическую и духовную слабость многих призывников. «Работать с ними нелегко. И если сочетать нам, командирам, воспитательные и политические функции с командирскими, то мы просто не успеем осуществить главную задачу — укрепление боевой готовности и боевой подготовки». Вызывает, по меньшей мере, недоумение, как удалось автору отделить «командирские функции» от «воспитательных и политических». Из дальнейших его сужде-

ний следует, что и заботиться об устранении многих нарушений военной дисциплины он позволял политработникам. В этой связи им же он рекомендует познать обычаи и культуру народов Закавказья и Средней Азии, чьи сыны составляют около половины солдат. По существу то же мнение выразил в 1996 г. А. Лебедь: «...У солдат в Чечне нет никакой идеологии... Комиссаров нет... поддержать боевой дух некому». Не отражает ли эта позиция плачевный итог сталинской политики в области управления Вооруженными Силами?

Политработнику, на самом деле, не было места в боевом расчете. Один из авторов книги — во время боев в Сталинграде помощник начальника политотдела 92-го гвардейского минометного полка среди комсомольцев¹ долгое время был нежеланным гостем на огневой позиции одной батареи. Там действительно не должно было быть ни одного человека, кто не выполнял конкретную работу в производстве залпа: переместить реактивные установки, уже снаряженные ракетами, в определенный пункт, навести на цель, сделать залп, увести установки в укрытие. В то время за каждой боевой машиной, особенно в первые минуты после залпа, буквально охотились германские авиация, артиллерия. Как выяснилось позднее, командир этой батареи был суверен. По его приметам, лишний человек на батарее приносит ей неудачу. Так или иначе, не имея конкретного места в бою, не обладая удовлетворительной артиллерийской подготовкой, политработнику лишь при исключительных душевных и других общечеловеческих качествах удавалось сохранять авторитет среди огневиков, разведчиков, связистов. Но удавалось это далеко не каждому. Не отсюда ли, по меньшей мере, снисходительность к политработникам и армейская вариация некрасовского вопроса «кому живется весело, вольготно на Руси»? Не в этом ли источник разговоров, подобных суждению Кулика об одном командаре: «Он представлял из себя раскисшего политрука, много говорящего, но никто его не слушал»? Характерно, что представление о некоей второстепенности своей работы возникло и в сознании самих политработников. Начальник политотдела 92-го полка говорил, например, что политработников нужно награждать только «обслуживающими» орденами.

В литературе о войне имеет хождение очень веский, хотя и косвенный довод. Читали ли вы, чтобы политработника-фронтовика награждали, по крайней мере, высоким орденом (хотя бы орденом Красного Знамени) за его штатную работу? Пример — воспоминания Брежнева. Чтобы продемонстрировать его мужество, авторы подписанной его именем брошюры несколько раз показывали полковника на «Малой земле». Его

¹ Подробнее см.: В годы войны. М., 1985. С. 69—84.

«заставили» выполнять *чужие* обязанности, в частности, пулеметчика. Другой политработник замещает выбывшего из строя командира, чтобы наверняка предстать стопроцентным героем. Чтобы наградить политработника за действительно его добросовестную работу на фронте, в его наградные листы, как правило, вписывали что-либо «безусловно героическое». Будничного дела было мало.

Из четырех лет фронтовой политработы на память приходит в первую очередь зловещая октябрьская (1942) ночь в Сталинграде, когда по поручению командира полка с «самыми лучшими из всего полка» комсомольцами мы «доставили» 10 лодок на случай переправы гвардейцев-минометчиков на спасительный левый берег. Почему-то запомнился другой эпизод, так же имеющий очень отдаленное отношение к политработе. Я уже заместитель по политчасти командира дивизиона. Мы на марше. Прекрасная летняя ночь 30 июля 1944 г. на шоссе Люблин — Варшава. Перед разбитым мостом колонна остановилась и только тогда выяснилось, что командир дивизиона мертвецки пьян. Командир головной батареи (как раз тот, который в Сталинграде был суеверным) под разными предлогами отказывался принимать командование дивизионом. Его можно было понять: единственный путь в обход моста — через лес, который на карте обозначен как заболоченный, маршрут не был разведан. Отход противника в этом районе нужно было еще установить. К счастью, в моем вынужденном командирстве все обошлось благополучно. Дивизион своевременно прибыл в назначенный район.

Неопределенность служебных обязанностей в бою подтверждается и другими многочисленными фактами. А Скрыльник, автор книги «Генерал армии А. А. Епишев» (1989) описывает деятельность члена военного совета. Вот он заботится о том, чтобы саперы разминировали Киев к «9.00 седьмого ноября» (автор не подумал, что установление каких-либо сроков саперам в высшей степени абсурдно...). Вот он «своими глазами увидел, насколько совершеннее стала противотанковая артиллерия»; выполнил обязанности офицера штаба — принял приказ командующего фронтом и передал его командарму. Основная мысль автора: генерал Епишев — «только на линии огня». Но и она не проливает свет на функции члена военного совета.

В зарубежной историографии превалировала нигилистическая трактовка роли комиссаров РККА. Ближе к истине, очевидно, П. Карелл (ФРГ), полагающий, что в большинстве случаев они были «душой сопротивления», «побуждали войска к борьбе всеми средствами, но, как правило, не щадили при этом и своей жизни». Автор верно отмечает более высокий общеобразовательный уровень комиссаров по сравнению с «уровнем среднего красного офицера». Но с утверждением

автора о том, что «они были также очень хорошо образованы в военном отношении», едва ли можно согласиться. На 1 мая 1941 г. 50 процентов политсовета имели знания в объеме лишь полковой школы, то есть на уровне сержантов. Хотя во время войны с Финляндией, по признанию Мехлиса, «политработники на деле убедились, что без военных знаний они не могут быть полноценными руководителями»¹.

Карелл с полным основанием отмечает важную роль военных комиссаров в ограничении произвола командиров-самодуров. Приходит на память ночная остановка гвардейского дивизиона перед взятием Франкфурта-на-Одере в конце января 1945 г. Единственные ворота в обширный фольварк надежно охранялись. Проезжавший мимо командир одного из корпусов 1-й гвардейской танковой армии дал волю безудержным эмоциям: почему перед его машиной не открыли немедленно ворот, потребовали документы. Часовой и дежурный офицер действовали правильно, они выдержали грубый натиск генерала-южанина. Но жизнь командира дивизиона повисла на волоске. Он был отстранен от должности и «приговорен» генералом к расстрелу «за беспорядок в дивизионе на переднем крае». Лишь дипломатическое вмешательство заместителя командира корпуса по политической части спасло майора С. Плющева от грозившего ему убийства.

Антидемократическим, в целом, политаппарат армии и флота оставался и после войны. Неблаговидную роль сыграл он, в частности, в широко на шумевших решениях относительно Героя Советского Союза А. Маринеско и Героя Советского Союза главного маршала авиации С. Варенцова. И после войны ГЛАВПУ много хранил все консервативные основы своей корпорации. Между тем даже не самым дальновидным людям ложное положение политаппарата в Вооруженных Силах было очевидным. При обсуждении в ЦК КПСС вопроса о министре обороны Жукове в октябре 1957 г. маршал фактически выступил против «штатных платных политработников», но, учитывая настроение руководства государством, он пытался компенсировать радикальность своего суждения ссылкой на политическую опытность командиров, которые должны быть, по его мнению, «также и партийными руководителями... и вести партийную работу». На пленуме ЦК, однако, Жуков отказался и от этого внешне компромиссного, но в целом несостоятельного предложения. Подчинить партийную организацию командиру не только по существу, как это часто бывало, но и формально, означало бы ликвидировать единственную общественную организацию в армии, а следовательно, и какое-либо демократическое начало в ней. В своем выступлении Жуков заявил, что он «слишком переоце-

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 194; Смена. 1989. № 13. С. 25.

нил роль командира-единоначальника и недооценил значение политоргана, который должен нести главную тяжесть за политическое воспитание Вооруженных Сил». В этом случае маршал впал в противоположную крайность. На самом деле, могли ли быть «боевые командиры также и партийными руководителями» при сохранении «ведущей роли в армии партийной организации»? Маршал пытался решить эту проблему волюнтаристски, властью министра обороны, что еще более усилило негативное отношение к реформам в армии со стороны консервативной части ЦК КПСС. В 1955 г. было сокращено большое число политотделов. Но уже в 1957—1958 гг. в армии и на флоте восстановлены 84 и создано вновь 150 политорганов. Но этот факт свидетельствует лишь о том, что в ЦК КПСС и в это время доминировала старая линия¹.

Раздававшиеся на рубеже 1990—1991 гг. призывы сохранить политаппарат, поскольку он составляет лишь менее двух процентов численности личного состава и около восьми процентов офицерского состава, полностью не состоятельны. Их авторы отходят от сути дела — зачем нужен этот аппарат. Таков же довод: выпускник военно-политической академии при необходимости может заменить командира полка. В наши дни многие командиры сумеют обойтись без комиссаров, заместителей и помощников по политчасти. С другой стороны, и ныне большинство командиров не сможет обойтись без консультаций политологов, социологов, психологов, историков. Не имея начальственных прав и погон, они могли бы входить в штат воинской части.

Итак, вследствие засилья авторитаризма ни до, ни во время войны в СССР не удалось создать такой системы руководства Вооруженными Силами, которая органически сочетала бы в себе единоначалие, без которого невозможна любая армия, с элементарными требованиями гуманизма, правами гражданина, личности, без чего немыслимо существование любого цивилизованного общества. Ни институт военных комиссаров, ни принцип единоначалия в сталинистском варианте не могли избавить военный организм от многих пороков, в том числе произвола начальников, правонарушений. Существование влиятельного политаппарата искусственно разделяло учебный и воспитательный процесс и снижало ответственность командиров.

Политорганы, подчинившие и даже поглотившие партийные комитеты и организации, действовали в основном методами администрирования. Так, впервые отчитывались они о своей работе перед партийными конференциями (это еще да-

¹ См.: Из стенографического отчета октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС // Гласность. 1991. 3, 10, 17 октября; Советская Россия. 1989. 15 декабря.

леко не означало — перед партийцами!) лишь в 1989 г. На протяжении десятилетий в армии и на флоте не было равной ответственности коммунистов. Командиры и их заместители по политчасти отчитывались перед вышестоящими органами, а не первичной организацией. Таким образом, дело не только в существовании освобожденного и независимого от командира политаппарата. Сами по себе эти парторганизации отличались приказным стилем, нетерпимостью к инакомыслию. Все отрицательные традиции партии были помножены здесь на военную бюрократию. Временно учрежденные, но законсервированные Сталиным и его кликой, политорганы были несовместимы с демократическим обществом. Они стали одиозными задолго до отмены статьи 6 Конституции СССР.

3

Характерной чертой сталинистского руководства войной была также безнравственность, жестокость, что органически связано с сущностью самого деспотического режима. Многие склонны оправдывать первобытно-кровавый способ войны, примененный Сталиным, и не выделять его из общего ряда преступлений. Но разве смерть во многих отношениях не одинакова, произошла ли она на поле боя, от пули надсмотрщика, от голода, организованного строителями псевдосоциализма или дикого капитализма? Все преступления сталинизма — от ГУЛАГа до принудительного труда за его пределами, продолжались и в годы войны. Примитивные методы ведения войны неизбежно вытекали из предшествующего развития. Вследствие катастрофы 1941 г. жестокость еще более усилилась. Никому еще не удалось доказать, что мера жестокости не была безумно превышена Сталиным и его политическими и военными сановниками в первые же дни войны. Порочное руководство войной было главным преступлением сталинизма.

Не без воздействия психологии военных лет до сих пор сохранилось мнение, что война беспощадна по своей природе, и разговаривать о жестокости все равно, что толочь воду в ступе. Бесспорно, любая война является злом, но его размеры и вредные последствия можно ограничить. Этот вопрос нашел свое отражение уже в военно-теоретической литературе XIX в. Клаузевиц, полемизируя с «филантропами», обосновал тезис о «применении физического насилия во всем его объеме». «Тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает». И далее. «Введение принципа ограниченности и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд». Вступая в противоречие с самим

собой, теоретик упоминает, что «войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов...». Первые «не убивают пленных, не разоряют сел и городов». Но вскоре автор вновь возвращается к своему главному тезису: «война является актом насилия и применению его нет предела».

Противоположную точку зрения разделял Жomini. Сторонник самых решительных действий во время войны, он тем не менее ратовал за правовые отношения между государствами, против гонки вооружений («ужасного соревнования»), огромных по численности армий, за постоянное снижение уровня военного противостояния, профессионализацию армии, военные действия малой кровью, исключение «войны на истребление... из кодекса международных отношений». «Я как военный человек предпочитаю лояльную рыцарскую войну организованному убийству», — подчеркивает автор. И далее. Военные действия не должны «выходить за рамки международного права», войне должны быть поставлены «справедливые пределы». Эти идеи нашли свое воплощение в ряде международных соглашений, в частности, в Женевских конвенциях Красного Креста. Они были грубо нарушены во время второй мировой войны. Однако гуманистические идеи, несомненно, завоевывают все большее число своих приверженцев.

Сталинизм воспринял линию Клаузевица. Иным его руководство не могло быть в мирное время. Вполне естественно, что оно было таким во время войны. Необходимо, однако, сделать серьезную оговорку. Эта черта проявлялась главным образом по отношению к собственному населению и армии. По отношению же к противникам и союзникам Сталин и его группа, как правило, соблюдали общепринятые законы и обычаи войны, обязательства¹. Сошлемся, в частности, на постановление Совета Народных Комиссаров от 1 июля 1941 г. СНК запрещал «жестокое обращение» с военнопленными. Пленным сохранялись их личные вещи от обмундирования до орденов и медалей. Всем раненым и больным оказывалась необходимая врачебная помощь. Обеспечивалось продовольственное и иное снабжение в соответствии с общепринятыми нормами.

Характерно, что названный документ был в 1965 г. опубликован профессором, бывшим военнопленным Якобсенom в книге «Государство СС». Составитель противопоставил отношение к германским пленным в СССР и к советским — в Германии. В беседе с нами Якобсен, приведя некоторые примеры гуманного отношения к немецким пленным со стороны русского и украинского населения, подчеркивал, насколько

¹ Ср.: Вопросы истории. 1996. № 11—12. С. 147.

принципиально другой была бы судьба пленных «при ином исходе войны». По мнению бывшего пленного Г. Айнзиделя, впоследствии также ставшего историком, известному принципу — снабжение пленных не должно быть ниже снабжения тыловых войск армии, их пленившей, — СССР, как правило, следовал. Другое дело, что само по себе снабжение тыловых частей Красной Армии было недостаточным. Против немецких пленных были совершены преступные акции лишь со стороны отдельных недисциплинированных красноармейцев и командиров. На фронте не легко было сдерживать их ярость после увиденного ими в Освенциме и Майданеке. Играли роль и общая обстановка жестокости, а также ложные националистические ноты в пропаганде Эренбурга и других советских публицистов. Не раз сбивался в своих выступлениях и сам Сталин, называя фашистов немцами. Но не все немцы — фашисты, не все пришельцы — немцы. Тем не менее с начала и до конца войны сохранялась принципиальная разница. Фашистское руководство осуществляло государственно организованное умерщвление миллионов советских пленных, мирных жителей городов и деревень. СССР же обвинить в этом нельзя.

Говорят, что жестокость одного диктатора — это реакция на действия другого. В ходе развернувшейся в ФРГ в 80-е гг. дискуссии были показаны несостоятельность попыток крайних консерваторов и общую жестокость фашистов, и их Восточный поход представить в качестве ответа на действия коммунистов. Сталинистское руководство знало о линии будущего поведения возможных оккупантов на советской земле еще задолго до 22 июня 1941 г. И тем не менее преступления сталинизма против собственного народа в принципе не связаны с планами и действиями фашистов. Эти преступления не могут смягчить и фашистские злодеяния, хотя пропаганда обеих сторон и использовала такой прием весьма широко. Жестокость сталинистского руководства нельзя, разумеется, рассматривать в отрыве от нападения фашистов, стремления режима возместить свои просчеты в оценке противника.

Жестокость как черта руководства прослеживается уже в самых первых документах военных лет, в частности речи Сталина 3 июля. Народ и армию ориентировали на «беспощадную борьбу с врагом», «всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами», на уничтожение шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов. Сталинизм мог реагировать на созданную им же самим экстремальную ситуацию и действительно реагировал лишь новыми ужесточениями во всех областях общественной жизни. Это грубо противоречило тому глубоко гуманистическому учению, которое было официально принято режимом. Для этого учения не были безразличными средства и жертвы, ценой которых достигались самые благо-

родные цели. Но дело не только в нравственной стороне. Советские ученые еще до 22 июня 1941 г. доказали, что в современной войне жестокость не принесет желаемого результата.

Один из них — А. Снесарев писал: «Современное боевое поле усеяно огнем. К выдающемуся качественно и количественно огню теперь присоединяется еще небесный. Людские нервы должны сокрушаться в невероятной степени... Каким путем... поднять воина на современном боевом поле? Конечно, ему можно пригрозить наказанием до смерти включительно и практически осуществить эту меру... Но много не надо углубляться в природу явления, чтобы понять, что этот паллиатив, как он внешне ни грозен, будет недостаточен и никогда не дойдет до своих практических реальных пределов, не говоря уже про его пошлую природу и про его развращающее влияние...» Полупарализованный, находясь в концлагере, военный теоретик предупреждал о страшных физических и моральных последствиях жестокого руководства будущими военными действиями. Заметим, что как раз с именем Снесарева связан в первую очередь успех РККА под Царицыном.

Однако военно-политическое руководство в СССР развивалось в основном вне новейших научных достижений, общечеловеческих ценностей и международного права. Оно было определено в очень большой степени Сталиным и его группой. Грубость, рукоприкладство, другие поправки человеческого достоинства получали все большее распространение среди партийных и военных функционеров еще в мирное время. Это находило отражение даже в опубликованных стенограммах съездов, пленумов ЦК, например, в стенограмме XVI съезда ВКП(б), где оскорбление чередовалось со словословием¹.

Нельзя не учитывать характер Сталина, его моральный облик, его воспитание. В воспоминаниях Симонова прозвучала неверная нота: «велик и страшен», хотя писатель и был «готов спорить» с историками, которые стремятся «пригладить ответственность Сталина за поражение армии». Многочисленные факты, характеризующие не только некомпетентность, но и безнравственность, опровергают тезис о «величии». Поклонники Сталина в его стоптанных штиблетах с умилением находят «скромность» (до сих пор такое относилось к неряшливости). Но им едва ли удастся вычеркнуть из памяти народной его пьяные оргии, многочисленные дачи-дворцы, машины, прислугу, должности и зарплаты. Апологеты забыли, что 3 июля сам «вождь» назвал ВКП(б) «партией Ленина—Сталина». Мемуаристы застойных лет фабриковали

¹ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1931.

«чуткость, добродушие, юмор Сталина». Ему, комедианту по натуре, удавалось представить себя даже «другом детей». В упомянутой книге о советском тыле сочинена идиллическая картинка работы руководителей военной экономики в кабинете Сталина, двери которого были всегда гостеприимно для них распахнуты. На самом деле многие из тех, кому приходилось встречаться с ним, показывают, что при сильной воле и целеустремленности Сталин был капризен, вспыльчив, груб, лицемерен, подозрителен, жесток, мстителен, его действия были непредсказуемы. Очевидцы вспоминают, как в ответ на честный, но неприятный властителю доклад Василевского, Сталин обвинил его в том, что он будто бы служит Англии или Германии в качестве шпиона. Всевластный самодур, перепутав одноименные деревню и город, приказал Жукову оставить руководство фронтом и лично отвоевать оставленную вчера деревушку.

По мнению Василевского, Сталин был «беспоощаден». Маршал видел его в «исступлении». По воспоминаниям Исакова, Сталин абсолютно не выносил критики. Командующий ВВС П. Рычагов сказал ему правду о подлинных причинах аварий в авиации. Через неделю он был схвачен и уничтожен. Сталин подавлял всех окружающих. Ни о какой нормальной работе коллектива руководителей, естественно, не могло быть и речи. Грубость Сталина была осуждена еще в известном письме Ленина съезду. Даже в сочинения Сталина вошли его выражения типа «свиное рыло» применительно к «врагам народа» или деятелям иностранных государств¹.

Весьма показательны слова В. Пронина. При назначении его председателем Моссовета Сталин предупреждал: «Лучше уничтожить двух-трех безответственных работников, чем подвергнуть лишениям миллионы советских людей». Вспоминая эту угрозу, Пронин, к сожалению, не понял, что Сталин фактически широко прибегал и к первому, и ко второму. Рокоссовский вспоминает, как нечто из ряда вон выходящее, случай цивилизованного обращения к нему Сталина. О Сталине пишет бывший председатель Госплана СССР Н. Байбаков: «Первый раз я увиделся с ним с глазу на глаз в июле 1942 г., когда гитлеровцы начали наступление на Кавказ. Меня назначили уполномоченным Государственного Комитета Оборона по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих заводов в этом регионе. Сталин сказал: «Имейте в виду — если вы оставите врагу хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем». И после паузы добавил: «Если немцы не захватят этих районов, а вы уничтожите промыслы и оставите нас без нефти, мы вас тоже расстреляем». Это не было шуткой, подчеркивает автор. Он никогда не замечал юмора у Сталина. По

¹ См., например: *Сталин И.* Соч. Т. 13. С. 305.

свидетельству Хрущева и других приближенных, Сталин часто впадал в состояние бешенства. Многие подтверждают метод Сталина стравливать друг с другом своих советников. Это — известный прием восточных сатрапов. Сталин всегда поощрял слухи об измене.

А. Гарримана, бывшего во время войны послом США в Москве, в 1947 г. попросили оценить Сталина как «величайшего тирана современности». Оказалось, что эта черта Гарримана ничуть не интересовала. Достаточно цинично он вычленил из всего комплекса обстоятельств лишь единственное. Сталин стоял во главе страны, существование которой было важным для безопасности США. Красная Армия «разобьет силы Гитлера и нам (США. — *Авт.*) не придется самим выполнять эту грязную работу. Рузвельт не хотел допустить, чтобы войска США снова, как в первой мировой войне, подверглись кровопусканию». Гарриман хорошо знал безнравственный и противоречивый характер режима Сталина, но посол делал с ним «важный бизнес».

Окружение было под стать Сталину. Разговоры Молотова, Жданова, Кагановича с подчиненными в годы войны сопровождались постоянными угрозами казни. По мнению Л. Орловского, стиль руководства Кагановича представлял собой «сплошное хамство. Каганович только криком брал, угрозами, постоянно оскорблял подчиненных». Подобные методы осваивали лица рангом ниже. Без грубости не обходился даже А. Туполев. Сотрудники принимали его ругательства в виде «самой высокой оценки». Нравственный облик многих военных деятелей не отличался от сталинского. Источники по этому сюжету пока бедны, но их нельзя игнорировать. Таковы отзывы о некоторых маршалах и генералах. По воспоминаниям Воронова, маршал Кулик был малоорганизован, много мнил о себе, считал свои действия непогрешимыми. «Часто было трудно понять, что он думает, чего хочет и добивается. Лучшим методом работы он считал держать в страхе своих подчиненных». Как пишет Василевский, Еременко был нечестным человеком, трусом и подхалимом, «умел выкручиваться». По многим источникам известно, что Штеменко был «человеком Берия». О «хамстве» Чуйкова сообщает Григоренко. Впрочем, свидетелями его произвола были многие участники Сталинградской битвы. Тот же Григоренко, описывая самодурство И. Апанасенко, пытается смягчить свои оценки рассказом о заслугах командарма. Медведев же сообщил о весьма характерном эпизоде. На глазах у Апанасенко (сидевшего в тени дерева) во время марш-броска умерли от теплового удара несколько курсантов. Вспыльчивость, стремление перекладывать свою вину на подчиненных были и у Конева. Видный деятель советской военной авиации Г. Байдуков, выступая на советско-американской научной конференции в 1985 г., отме-

чал грубость и жестокость ряда советских командующих. Он говорил, что бывший его начальником в конце войны Конев «расстреливал его (Байдукова) дважды в день». Убедительно звучат слова Хрущева. Имея в виду грубость генерала Захарова, он пишет: унижающий достоинство другого не может быть «хорошим военнослужащим». Это несовместимо с воинской честью.

Наиболее часто обвиняют в жестокости Жукова. И это не случайно. Из военных к Сталину он был ближе всех и не мог не воспринять соответствующего образа мыслей и действий. Складывается впечатление, что кампания, организованная «в защиту великого маршала» лишь увеличивает число свидетельств того, как часто переходил Жуков границы разумного военного риска и нравственности. Многие из знавших Жукова на фронте в первую очередь вспоминают тот неопиcуемый страх, который нагонял он на всех — от генерала до красноармейца. Один из его охранников утверждает, что Жуков прибегал к самым жестоким мерам лишь к тем из подчиненных, которых он считал «занимающими не свое место». Но кто знает, насколько верно судил Жуков о служебном соответствии того или иного наказанного им? Более непосредственна дочь маршала. По ее оценке, Жуков «был крут».

Очень важно для оценки того или другого деятеля знать его исторического героя. У Жукова таким героем, несомненно, был Сталин. Таким он оставался для него до конца его жизни, то есть даже в те годы, когда очень многие уже получили сравнительно объективное представление о генералиссимусе. Объясняя победу под Москвой, Жуков утверждает: «Своей жесткой требовательностью (в другой редакции: «жестокостью». — *Авт.*) он добивался, можно сказать, почти невозможного». Показательно, что Жуков назвал именно жестокость как «фактор победы». «Под суд, расстрелять!» было излюбленным приемом не только Сталина, но и Жукова. По свидетельству майора КГБ в отставке А. Рыбина, служившего в охране Сталина, Жуков «человек жесткий, а в деле беспощадный». Его отношения со Сталиным были «демократическими, сложными и загадочными». О «демократичности», как и об отношениях его со Сталиным в целом, судить сейчас, пожалуй, невозможно. Но об общем отношении Жукова к людям свидетельств достаточно.

Среди них большое место занимают материалы, относящиеся к Московской битве. Они характеризуют самые различные стороны деятельности полководца. Один из порученцев командующего сообщает, как по приказу Жукова его охрана «ликвидировала» очередь из пистолета-пулемета электросвет в жилом помещении, не выключенный по чьей-то неряшливости во время воздушной тревоги. Почти наверняка одновременно с этим были «ликвидированы» и чьи-то

жизни... Известна угроза Жукова Панфилову. Он, Жуков, «арестует и расстреляет» генерала, если его дивизия посмеет сдать населенный пункт. Очень красноречив документ, подписанный командованием Западного фронта Жуковым, Булганиным, Соколовским 12 октября 1941 г.

«КОМАНДАРМУ 49

копия: т. СТАЛИНУ.

1. Немедленно дать объяснение, на каком основании вы бросили Калугу без разрешения Ставки и Военсовета фронта и со штабом сами уехали в Таруса.

2. Переходом в контрнаступление восстановить положение. В противном случае за самовольный отход от гор. Калуга не только командование частей, но и вы будете расстреляны.

3. Стык с 43 армией в район Прудки, Барановка направляется 9 тбр.»¹.

Характерна запись переговоров Жукова и Булганина с Рокоссовским и Лобачевым (командующий и член военного совета 16-й армии) 21 ноября 1941 г.: «Нам некогда языком болтать... Военный совет фронта персонально тов. Рокоссовского и тов. Лобачева предупреждает и обязывает — под страхом ареста и предания суду Военного Трибунала за район Клин и район Истра, и если район Клин и район Истры будет сдан врагу — Вы будете арестованы и преданы суду немедленно» (орфография сохранена)².

В предписании «Всем командирам дивизий и бригад 16 армии Военному Совету 16 А т. Рокоссовскому, Лобачеву» (орфография сохранена) 24 ноября 1941 г. Жуков и Булганин требовали «трусов и дезертиров, оставляющих поле боя, расстреливать на месте»³. Такая формулировка не выдерживает никакой критики: кому дано право судить о том или ином военнотрусов как о «трусе и дезертире» (то есть в данном случае — приговаривать его к смерти), что значит «оставлять поле боя»?

Как осуществлялись эти приказы практически, показывает такой эпизод. Вместе с командиром батареи противотанковых пушек Петром Максимовым 6 декабря 1941 г. недалеко от г. Рузы один из авторов этих строк (военный комиссар батареи) оказался невольным свидетелем того, как командир 329-й стрелковой дивизии расстрелял («адъютант, маузер!») командира батальона майора Серебрякова. Последний, по словам

¹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 67 (орфография документа сохранена). См. также: *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С. 55; Красная звезда. 1988. 21 мая.

² Там же. Д. 1026. Л. 9—13.

³ Там же. Л. 21—22.

этого самозванного экзекутора, «болтался в тылу, когда его батальон атакует». На самом деле «атаки» не было, противник, подвергнув подразделения минометному обстрелу, отошел. Майор был в боевых порядках своего батальона. Нет ли прямой связи между жестокостью тех лет и самочинным убийством командирами-самодурами семи солдат в 1957 г. (эти сведения были сообщены на пленуме ЦК при обсуждении вопроса о Жукове), а также проявлениями садизма в современной армии?

Соответствуют господствовавшей вокруг Сталина морали и многие другие поступки Жукова. Так, он перекладывает свои собственные просчеты на подчиненных (например, на П. Белова), возвеличивает собственную персону. По свидетельству А. Рыбина, известный снимок, на котором Жуков запечатлен в центре среди маршалов и генералов, сделан по приказанию Жукова. Он воспользовался тем, что Сталин был приглашен к телефону. Увидев этот снимок на другой день в «Правде», Сталин сильно рассердился. Общеизвестна грубость Жукова. Люди из его охраны сообщают, что слышали непотребные слова в его телефонных разговорах с «самим» Сталиным. Нас с данным случае меньше интересует правдивость слов о «сместности нашего хозяина», чем общий уровень культуры людей этого круга. Как сообщает М. Мильштейн, служивший в штабе Жукова в Перхушкове, дом Жукова был окружен несколькими цепями охраны, он «нагонял» на своих подчиненных неописуемый страх. Бывший переводчик из штаба армии, входившей в состав 1-го Белорусского фронта Е. Ржевская вспоминает о Жукове: «И тогда, а в большей степени после войны, я не раз слышала о том, что он был жесток, крут, не берег людей...» Упоминавшийся Байдуков не мог подобрать относительно Жукова дипломатических выражений. Он называл его «зверюгой».

Ныне есть все основания утверждать, что, дойдя до заместителя Сталина, Жуков не мог остаться нравственно чистым, что нелепо изображать его святым. Противоправные документы он подписывал и после войны, например (1956), — о применении советских танков в Венгрии. Грубость и резкость у Жукова сохранились в бытность его министром. Нужно с удовлетворением подчеркнуть, однако, что порочные нравы, насаждавшиеся Сталиным в армии еще со времен гражданской войны, не стали всеобщими.

Как и в других случаях, при оценке жестокости руководства в историографии наметились две крайности: традиционная — апологетическая и новая — нигилистическая. Пытаются представить жестокость вынужденным шагом Сталина, ссылаются на «специфику» русского и других народов СССР, стремятся преуменьшить масштабы и результаты жестокости. Н. Андреевой удалось найти фронтовика, который вообще

якобы «не сталкивался с репрессиями». И. Стаднюк восхваляет «жестокый и справедливый закон» военного времени. Л. Млечин стремится смягчить вину Кагановича и Сталина, рассуждая об ответственности миллионов. Намерение оправдать Сталина прослеживается в работах Бережкова. Ржешевский лишь вскользь сообщает о репрессиях. Так поступают и люди из числа министров, охранников Сталина. Некоторые историки полагают, что он был «противоречив», забывая при этом, что, примерно последние 30 лет своей жизни он исключительно последовательно проводил курс на захват и упрочение личной власти, пренебрегая при этом любыми нормами морали и права, ни во что не ставя интересы советского народа и мирового сообщества. Ряд историков вольно или невольно ограничивают масштабы сталинских политических убийств. По Волкогонову, сталинские репрессии будто бы лишь «накатывались» волнами (1929—1933, 1937—1938, конец 40-х гг.); война будто бы несколько ослабила «хватку» сталинизма.

Тема ГУЛАГа, репрессивной политики режима в целом не изучена. Вышли в свет сравнительно немногочисленные частные работы, в большинстве своем полумемуарного характера. Среди конкретно-исторических исследований мы выделяем книгу О. Хлевнюка. Лучшая из известных нам историографических работ принадлежит перу Э. Бэкона (Англия)¹. По данным А. Краюшкина (начальника архивного управления министерства безопасности РФ) в 1917—1990 гг. по обвинению в государственных преступлениях осуждено 3 853 900 человек, из них приговорено к расстрелу 837 995. Но репрессированных по политическим, национальным, религиозным мотивам, вообще — пострадавших от произвола «гораздо больше», «во много раз больше»².

Политические убийства не прекращались и во время войны. Не случайно, ученые, специально изучавшие дело, пришли к выводу о «сталинских репрессиях 30—40-х — начала 50-х гг.». В годы войны они изменились в какой-то мере по форме, но не уступали предвоенным по масштабам, жестокости, бессмысленности. Историки, разделяющие мысль об изменениях к лучшему сталинского режима в военные годы, могут сослаться и на такие авторитеты, как Д. Устинов, Н. Хрущев. По мнению последнего, Сталина, «видимо, во время войны сама жизнь вынудила сдерживать свой гнев, нацеленный на аресты и уничтожение людей». Автор имел в виду, по всей вероятности, репрессии против командующих фронтами. В целом же сохранилось все обычное для сталинизма. Вспомним

¹ Хлевнюк О. В. 1937: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Бэкон Э. Историография ГУЛАГа (доклад на конференции РАН в Москве, в апреле 1993 г.).

² Цит. по: Российская газета. 1993. 17 апреля.

арест в начале войны К. Мерецкова, Б. Ванникова, Я. Смушкевича, Г. Штерна, П. Рычагова и других крупных деятелей Вооруженных Сил и оборонной промышленности. Это осуществлялось исключительно с ведома Сталина. По злой иронии судьбы Ванников, например, по заданию самого Сталина, сидя в камере, писал соображения о развитии вооружения. Части узников удалось спастись, большинство же было казнено. Большая группа была убита 28 октября 1941 г., в самые горячие дни Московской битвы.

Одной из первых репрессий военных лет было «дело» Д. Павлова и других руководителей Западного фронта. Нельзя принять позицию Стаднюка в его переписке с Самсоновым. Во всех изданиях романа «Война» судьба Павлова и его соратников освещается односторонне. В своем «открытом письме» 1987 г., уже не связанный спецификой жанра и политической конъюнктурой 1975 г., когда увидело свет первое издание его романа, автор, как и прежде, обошел молчанием нравственную сторону вопроса, отвечая лишь, что генералы, возглавляемые Западный фронт, «могли бы принести немало пользы». Но писатель мог бы отметить, что главную ответственность за инкриминированные Павлову и его соратникам действия несут Сталин, Тимошенко, Жуков и другие руководители Красной Армии, что расстрел Павлова служил им оправданием в глазах общественного мнения и отнюдь не улучшал морального климата в армии. Приведенный в письме «диалог Сталина и Шапошникова» отнюдь не позволяет понять «позицию автора романа», но подтверждает обеспокоенность Сталина по поводу мнения военных специалистов о судьбе Павлова. Автор письма без объяснений отмечает неподготовленность Павлова к выполнению обязанностей командующего. Но генерал был назначен на эту должность вследствие того, что большинство военных кадров высшего звена было истреблено. Крайне противоречиво оценивает Стаднюк Мехлиса, сыгравшего особо одиозную роль.

Подобные репрессии не прекращались и в последующие военные годы. Так, по данным Хрущева, в 1942 г. расстреляли одного генерала «ни за что». 29 апреля 1943 г. Абакумов лично арестовал «как троцкиста» начальника оперативного отдела ВВС Сибирского военного округа генерала Б. Теплинского. Во время войны никаких принципиальных изменений не произошло и в ГУЛАГе. Характерно, что в августе 1941 г. согласно распоряжению Сталина для усиления охраны ГУЛАГа было дополнительно выделено несколько полков.

Никто из историков или мемуаристов не зафиксировал какие-либо «улучшения» противоправной системы принудительного труда политических и уголовных заключенных, спецпереселенцев, трудармейцев, военнопленных. Она была создана еще в предвоенные годы. Через нее прошли миллио-

ны крестьян, рабочих, интеллигентов, советских и партийных работников, священнослужителей, людей различных национальностей. В начале 30-х гг. была развернута огромная сеть исправительно-трудовых лагерей. К концу 30-х гг. система ГУЛАГа расширилась. Это совпало с расширением промышленного строительства и ростом потребности в сырье. Труд заключенных занимал важное место в промышленных планах второй и третьей пятилеток. Как показали Медведев и другие исследователи, на долю ГУЛАГа приходилась значительная часть вывозки древесины, добычи золота, медной руды, олова, угля, а позднее и урановой руды. ГУЛАГ осуществлял строительство каналов, железных дорог, промышленных предприятий в отдаленных районах. Заключенные строили почти все первые объекты атомной промышленности. Во время войны многие предприятия ГУЛАГа были перенацелены на выполнение заданий фронта. Только выпуском боеприпасов стали заниматься 35 промышленных колоний. За три года войны заключенные изготовили более 70 млн. единиц боеприпасов на сумму 1250 млн. рублей.

Одним из первых осудил эту систему Раскольников. Он писал Сталину: «Под видом борьбы «с текучестью рабочей силы», вы отменили свободу труда, закатали советских рабочих и прикрепили их к фабрикам и заводам. Вы разрушили хозяйственный механизм страны, дезорганизовали промышленность и транспорт». И далее. «Сделав невозможной нормальную работу, вы под видом борьбы с «прогулами» и «опозданиями» трудящихся заставляете их работать бичами и скорпионами жестких антипролетарских декретов. Ваши бесчеловечные репрессии делают нестерпимой жизнь советских трудящихся, которых за малейшую провинность с волчьим паспортом увольняют с работы и выгоняют с квартиры».

В недавно опубликованных многочисленных воспоминаниях людей, прошедших лагеря и спецпоселения, отражена сплошная картина полуголодного существования, бесконечных унижений, болезней и гибели. Особенно высокой была смертность на рудниках Колымы, лесоповале, урановых рудниках. Очень многие скончались от голода и болезней в 1941—1942 гг., когда снабжение продовольствием резко сократилось, а рабочий день резко увеличился. Всего за годы войны ГУЛАГ, по официальным данным, потерял более 620 тыс. человек. В книге же «Смертная казнь: За и против» (1989) общее число незаконно расстрелянных и замученных во время принудительного труда оценивается как «около 20 млн.», причем авторы не считают это число полным. Определенная часть контингента ГУЛАГа была призвана в Вооруженные Силы. За первые три года войны получили возможность воевать с фашистами 975 тыс. бывших заключенных. Едва ли в этом нашла свое выражение какая-то прогрессивная

эволюция в представлениях Сталина и его приближенных. Речь шла о том, чтобы избавиться от эвакуации заключенных из районов, которым угрожала оккупация, а также о пополнении действующей армии. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. освобождались осужденные за самовольный уход с предприятий, прогулы и опоздания на работу, мелкие кражи и хулиганство. По указу 24 ноября освобождались бывшие военнослужащие, осужденные за несвоевременную явку в часть и незначительные должностные преступления, а также имевшие остаток срока наказания до трех лет, кроме осужденных за контрреволюционные преступления.

Точное число заключенных пока неизвестно. Разные источники неодинаково отвечают на этот вопрос. По данным историков ФРГ, в 1941 г. было 10,6 млн. заключенных, в 1942—1945 гг. — 12 млн. По данным «Красной звезды», в 1941 г. было 2,3 млн. заключенных. Поток заключенных не иссякал во время войны. Появилась новая категория «зеков», так называемые «указники» или «трудовики». Согласно указам еще предвоенных лет подверглись заключению сроком до 5 лет лица, которых администрация предприятий и учреждений обвиняла в опозданиях или прогулах. В их число нередко попадали и несовершеннолетние. Один из тогдашних председателей военного трибунала вспоминает, что дела на «дезертиров» с оборонных предприятий приносили «целыми вязанками». Многие из этих «преступлений» заключались в том, что мальчишка с голодухи решался съездить на день-два в деревню к маме...

Высокое социальное сознание основной массы населения не было мифом. Не говоря о нравственной, политической, правовой сторонах, — было ли экономически оправданным усиливать принуждение в народном хозяйстве? Тем не менее к началу войны и во время ее принудительный труд не ограничивался лишь рамками ГУЛАГа. Труд огромной части населения фактически носил такой же характер. Колхозник не имел права покинуть свой колхоз, рабочий — свой завод, служащий — свое учреждение. Этой цели служили законы, система паспортов, прописки, трудовых книжек и др.

Во время войны были сфабрикованы новые типы «врагов» или подозреваемых — пропавшие без вести, вышедшие из окружения и плена, жившие на оккупированных территориях, лица, которые имели родственников на этих территориях. В связи с освобождением последних у режима появились новые «заботы». Недавно стала известна директива военного совета Южного фронта от 11 октября 1943 г. Она требовала проверить все новое пополнение, «изъять из дивизий всех политически сомнительных людей», направить их в спецлагерь НКВД. Остальных — в свои части или в штрафные батальоны.

Очевидно, есть основания говорить о том, что «старые враги народа», например, лишенцы, то есть лишенные до 1936 г. избирательных прав, отошли на второй план, им разрешили отдавать свои жизни за Родину беспрепятственно. Среди новых подозреваемых в армии особое место в 1944—1945 гг. заняли так называемые «западники». Как показывают авторы воспоминаний, в частности, Григоренко, Хрушев, предметом особого внимания СМЕРШа стали призванные в армию жители Бессарабии, западных областей Украины, Прибалтики. Во время войны изменился «состав политических преступлений». 5—10 лет заключения можно было получить за признание тех или иных на самом деле превосходных свойств оружия противника, использование для курения немецких листовок, за соответствующую реакцию солдата в окопе на письмо сестры о голодной и холодной жизни в деревне.

Одной из самых крупных репрессий, совершенных в военные годы, была массовая депортация народов. Сама по себе депортация не была для режима чем-то новым. Насильственные переселения больших масс населения начались еще на рубеже 20—30-х гг. в связи с раскулачиванием. Выселение казачков в некоторых районах Северного Кавказа было осуществлено еще раньше. Речь шла, однако, о решении классовых, но не национальных проблем (мнимых или действительных). Выселялась наиболее зажиточная часть населения, в большинстве своем это были русские, украинцы. Переселение целых народов также началось еще до войны. Первыми объектами такой национальной политики стала двухсоттысячная (по другим данным — 180 тыс.) корейская община, которая проживала на Дальнем Востоке. Осенью 1937 г. она была насильственно перевезена в Среднюю Азию и Казахстан. Поводом послужило обвинение в шпионаже в пользу Японии. Эта версия абсурдна. Корея была ее колонией, корейцы видели в японцах своих работодателей. Переселенным корейцам не разрешали служить в армии, даже в годы Отечественной войны. Они были лишены права передвижения. Почти одновременно с ними были высланы в Среднюю Азию курды из Закавказья. После воссоединения с СССР Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии такую судьбу разделили сотни тысяч поляков, евреев, украинцев, белорусов, молдаван. Они были переселены в Поволжье, Сибирь, на север Коми АССР, Казахстан. После воссоединения прибалтийских республик несколько десятков тысяч латышей, литовцев, эстонцев было репрессировано и также выслано в восточные районы страны. Накануне войны с Финляндией были высланы несколько тысяч лиц финской национальности.

С началом Отечественной войны пошла новая волна переселений. На сей раз целым народам было объявлено о «коллективном наказании». В Указе Президиума Верховного Со-

вета СССР от 28 августа 1941 г. о ликвидации АССР немцев Поволжья говорилось: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья». 1,5 млн. немцев, проживающих в республике и других регионах СССР, были депортированы в Киргизию, Казахстан, Сибирь. По некоторым данным, половина их погибла. Известно, что немецкие меньшинства во многих странах Европы были использованы фашистами в их завоевательных походах. Аналогичные планы их разведка имела и в СССР. Однако здесь расчеты в целом подорвались. В СССР сторонников фашизма среди немцев было не больше, чем среди русских или украинцев. Официальное утверждение было ложным. Подавляющее большинство немцев Поволжья вполне лояльно относилось к СССР и было готово защищать его от агрессора. Отождествление немцев и фашистов было ошибочным теоретически, вредным политически. Варварский призыв «Убей немца!» и повальная депортация немцев были явлениями одного порядка.

Весьма характерно, что подобная антинемецкая истерия была организована российскими шовинистами и во время первой мировой войны. Возник проект насильственного выкупа земель у иностранных подданных. По-существу, лишь Октябрь отвел эту угрозу от немецких крестьян. В 1918 г. была образована Автономная область немцев Поволжья. Антигерманская кампания не была однозначной. При царском дворе на самом деле были пронемецкие группировки, и в России действовали германские шпионы. Некоторые тогдашние меры нельзя не признать разумными. В 1914 г. Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Известно, что разумное заимствование Петром I всего передового в тогдашнем мире подчас сопровождалось примитивным и не нужным подражанием. Ни тогдашние, ни нынешние интеллигенты не могут произнести без передышки слово «Санкт-Петербург».

Согласно указу от 28 августа 1941 г. большинство советских немцев было направлено в трудовые лагеря. В 1941 г. были отозваны лица немецкой национальности и из фронтовых войск. Вспоминает Э. Айрих, работавший на строительстве завода по производству алюминия в г. Краснотурьинске: «Трудармейцы находились в системе ГУЛАГа НКВД. И потому на нас распространялись все законы лагерей. Жили мы в бараках, огороженных колючей проволокой, и с часовыми на вышках. Местное начальство относилось к нам как к дармовой рабочей силе. Часто приходилось слышать, что мы должны искупить вину трудом».

В 1944 г. были совершены новые преступления. Так же,

как с советскими немцами, только уже в условиях четко обозначившейся победы, когда у властей было время и условия для того, чтобы во всем разобраться, поступили с целой группой народов. Они были поголовно обвинены в пособничестве врагу. Снова в вагонах для скота в далекую Сибирь, на Урал, в Казахстан и Среднюю Азию были вывезены мужчины и женщины, старики и дети — балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, крымские татары, месхетинцы, чеченцы, из причерноморских районов армяне, болгары и греки; ногайцы были лишены своей автономии. Репрессии на этнической основе продолжались, хотя и не в таких масштабах также и в послевоенное время. Число депортированных мусульман, по некоторым данным, составило примерно 3 млн.

В литературе нет единого мнения о мотивах этих акций. Некоторые авторы полагают, что Берия пытался подтвердить таким образом свою преданность «вождю». Другие вспоминают представления Сталина о единой нации и стремление уничтожить малые народы. Полагают, что у Сталина была разработана долгосрочная программа переселения народов в целях создания однородных национальных образований, чтобы ими легче было управлять. Ныне нет данных, чтобы принять или отвергнуть эти доводы. Можно более определенно сказать, что все или почти все переселения связаны с угрозой войны или войной. Официальное объяснение согласуется с известными тезисами об усилении классовой борьбы и «врагах народа», шпиономанией. Но в данном случае речь может идти лишь о болезненно гипертрофированных соображениях безопасности. Тезис о «народах-предателях» грубо тенденциозен. Он основан или на ложных обобщениях или на фабрикации фактов. Действительно, были случаи уклонения от воинской службы, перехода на сторону врага, бандитизма и пр. Но они не могли служить основанием для коллективной ответственности, тем более что эти народы не были неким исключением среди национальностей СССР.

Ряд историков и публицистов пытается выделить страдания лишь собственного народа. Например, не отрицая наличия антисемитизма в СССР при Сталине и Брежневе, нельзя согласиться с тезисом «годы сталинизма и брежневщины, фашистский геноцид» нанесли непоправимый ущерб еврейскому народу. Беззаконие и произвол в 30—80-е гг. не обошли ни одну республику, ни один народ. Антисемитизм плох, но он не может быть поставлен на одну доску с описанными этническими преступлениями. Нельзя отождествлять сталинский антисемитизм с гитлеровским геноцидом по отношению к евреям и цыганам. И дело не том, что Гитлер преследовал «чужие» народы, а Сталин — «свои». В СССР вообще геноцида как такового не было, тем более относительно евреев.

Реабилитация репрессированных народов, к сожалению, и

поныне проходит непоследовательно, собственно, как и десталинизация в целом. Так, в апреле 1956 г. крымские татары перестали считаться «спецпереселенцами». В сентябре 1967 г. с них было снято обвинение в поголовном предательстве. Но проблема возвращения на земли предков до сих пор полностью не решена. Указ от 28 августа 1941 г., бросавший тень на советских немцев, был отменен, и то лишь частично, только в 1964 г. До сих пор не восстановлена их автономия. Вызванный этим их выезд в ФРГ наносит экономический и моральный ущерб стране. Эта непоследовательность в ряду других факторов усилила позиции сепаратистов, стремившихся ликвидировать СССР, не служит она и консолидации РФ.

Ничто так не способствовало уничтожению наиболее активной части населения, как порочный в профессиональном и нравственном отношении метод руководства войной. На его формирование оказал особое влияние одиозный приказ № 270 Ставки от 16 августа 1941 г. Определенная часть военных историков пытается представить приказ в розовом свете. Л. Ивашов и А. Емелин «с точки зрения морали» отводят этому приказу «положительную роль», поскольку он содержит «справедливое требование» выполнять воинский долг. Защищая искаженную приказом № 270 трактовку плена, критикуют редакцию «Известий» и академика Самсонова журналист В. Филатов и юрист И. Шеховцев. Однако на самом деле приказ № 270 приобрел дурную славу именно тем, что его авторы стремились осуществить «справедливые требования» безнравственными и противоправными средствами. Как раз «с точки зрения морали» приказ и оказал самое пагубное воздействие на РККА.

В статье, сопровождающей публикацию текста приказа, Военно-исторический журнал (1988, № 9) называет его «старым, но грозным оружием». Авторы голословно отвергают, как необоснованные, данные науки о числе красноармейцев, оказавшихся в плену. Вопреки истине утверждают они, что «уже в сентябре количество сдавшихся в плен резко пошло на убыль». Такими методами они пытаются доказать эффективность приказа № 270. В статье шизофреническим термином «нематросовы» фактически названа та часть армии, которая не покончила самоубийством. Именно для нее будто бы «и пишутся такие приказы, как № 270». Авторы игнорируют, что миллионы людей нельзя клеймить как «злостных дезертиров и предателей». Не отрицая фактов преднамеренного перехода на сторону врага ряда военнослужащих РККА (число их еще не установлено), необходимо решительно подчеркнуть, что подавляющее большинство людей оказалось в плену по вине высшего военно-политического руководства. Судьба кадровой армии в 1941 г. еще раз подтвердила вывод о полной безответственности сталинского режима перед гражданами СССР.

Именно Сталин, Тимошенко, Жуков и другие приближенные «вождя» позволили противнику создавать многочисленные «котлы» от Белоруссии до Венгрии в 1941—1945 гг.

В сопроводительной статье по существу воспроизведена точка зрения Сталина. По иронии судьбы тезис о добровольном переходе миллионов красноармейцев на сторону вермахта (при небольших модификациях) разделили и Сталин, и Гитлер с их последователями. Слухи об «измене», распространявшиеся еще в военные годы, были выгодны Сталину и его группе. Таким путем они пытались снять с себя тяжелую вину. Это не ограничивалось лишь первыми неделями войны. Так же объясняли гибель 2-й ударной армии (1942). В этом обвинили Власова, который очень кстати был в это время уже в плену. В действительности он принял армию, уже находившуюся в катастрофическом положении. Тезис о сдаче миллионов отвергают представители зарубежной научной историографии. Б. Бонвеч, например, полагает, что факт пленения вермахтом свыше 5 млн. вовсе не свидетельствует о «готовности» большей части населения СССР выступить на стороне противника. Генерал-фельдмаршал В. Лееб, подчеркивая «тяжелый характер боевых действий и упорство русских», приводил удивившие его сведения из донесения 18-й армии за 4 августа 1941 г.: «40 пленных и 500 убитых русских». М. Бухсвайлер в книге об Украине накануне и в начале войны подчеркивает необоснованный характер «огульных обвинений», предъявленных сталинским режимом к бывшим военнопленным.

Автор весьма содержательного труда о партизанском движении в Белоруссии В. Виленхик подчеркивает очень малое число коллаборационистов, которых удалось завербовать оккупантам. Отмечая, что в РОА было лишь около 50 тыс. человек, Бонвеч и другие ученые показывают «ничтожную военную и политическую ценность» этой армии, пишут о ней как о «пропагандистском вымысле» фашистов, «мыльном пузыре». Не принесли ей славы ни старые неофашисты, ни новые «демократические» ее апологеты. В целом изменнический характер РОА не подлежит сомнению. Тезис крайних реакционеров о Власове как о «патриоте» ложен. Будучи хорошо информированным о фашизме, его целях в Восточной Европе, генерал не мог не понимать, что идея освобождения СССР от сталинизма в союзе с фашистами несостоятельна. По данным Якобсена, даже многие рядовые «власовцы», с горечью отмечали: мы знаем, против кого мы воюем, но не знаем, за что... И тем не менее при изучении коллаборационизма необходимо учитывать, что РОА и подобные ей казачий корпус, национальные легионы могли быть созданы фашистами не без влияния сталинизма. В какой-то мере их появление было реакцией в первую очередь на общую жестокость по отношению

к оказавшимся в плену, к их родственникам, на жестокие репрессии по отношению к командирам, чьи подразделения, части, соединения потерпели неудачу, реакцией в целом на сталинизм¹.

Труд в хозяйстве Германии, служба в качестве «добровольных помощников» в вермахте была для пленных единственной альтернативой смерти. Не сосчитанная пока историками часть этих людей, несомненно, шла на это, чтобы при первой же возможности вернуться домой или вступить в ряды антифашистского Сопротивления. Можно предположить, что эта часть — большинство. Будем помнить также, что эти люди были духовно подорваны страшными поражениями 1941—1942 гг., отказом от них Сталина, а с ним кое-кто отождествлял Отечество. Можно ли обвинять в таком заблуждении этих часто полуграмотных людей, если и поныне многие ученые не могут разграничить сталинизм, социализм, народ?

Пленение миллионов красноармейцев было крайне неожиданным для Сталина и его советников. Их наступательная стратегия предполагала пленение противника. Однако свое отношение к пленным они сформировали весьма быстро. Уже 16 июля 1941 г. в специальном постановлении ГКО было определено, как поступать с «трусами и дезертирами». Без знания дела Филатов утверждает: «Никто никого и тогда вот так с ходу в предатели не зачислял, если даже он исчезал из расположения своих войск. Разбирались персонально». В. Поворотов считает, что погибавшие от голода военнопленные, согласившись работать на противника, строили оборонительные сооружения или иным образом укрепляли в определенной степени его военную мощь. Поэтому будто бы они не подлежат реабилитации. Однако по заключению военной прокуратуры СССР, большинство военнопленных не было предателями. Пленум Верховного суда СССР в 1990 г. отверг обвинение в измене Родине, предъявленное в свое время ряду бывших военнослужащих РККА, которых немцы использовали в качестве переводчиков и на хозяйственных работах.

Приказ № 270 был сочинен в спешке, его текст даже не был отредактирован. Хуже другое: приказ был весь пронизан ложью, оперировал непроверенными фактами. Никто из упомянутых в приказе советских генералов на самом деле в плен не сдавался. Были оклеветаны честные люди. Не ясно, зачем понадобился приказ, если, по утверждению его авторов, «громдное большинство» красноармейцев, командиров и комиссаров «ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически». Крах почти всего фронта, растерянность самой Ставки в приказе сводят к «случайному отрыву от армии» не-

¹ Анализ этих суждений зарубежных историков см.: *Мерцалов А. Н.* Великая Отечественная война... С. 213—217.

которых ее частей, «первой заминкой на фронте». Своим острием приказ был направлен против командиров. Этого официальная историография старается не замечать. Репрессии против командиров были несравненно более жестокими, чем против рядовых. В приказе обвинялись не только «неустойчивые, малодушные, трусливые» среди них, но и те, которые не «пытались даже помешать перетрусившим». Командиров батальонов или полков, которые «прячутся в щелях во время боя» (они почему-то названы «самозванцами»), приказ требовал «при необходимости расстреливать на месте» и «выдвигать на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или красноармейцев». Очень странно, почему были забыты командиры взводов и рот. Они — тоже «изменники»? Пройдет несколько месяцев, и Сталин со своими советниками поймут, как важно порой и командиру во время боя «прятаться в щелях», и как неразумно (моральная сторона им никогда не станет доступной!) их «расстреливать на месте». В частности, мы имеем в виду документ, который определит место командира в бою позади боевых порядков его подразделения, части.

Сильно подрывало авторитет командиров следующее положение приказа: «Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными...» В целом это положение должно быть признано абсурдным. Каким образом рядовые красноармейцы или командиры среднего, а подчас и старшего звена могут сориентироваться в боевой обстановке и принять требуемое решение, когда и Москва часто в этой обстановке разбираться оказывалась не в состоянии? Можно ли предположить, что «вышестоящий начальник» или «группа красноармейцев» заранее предупредят о своем намерении сдать в плен?

Текст приказа во многом посвящен плену. Причем понятие последнего грубо искажено. Вопреки не только международным законам и обычаям войны, но и традициям своей страны и своей армии авторы приказа отождествляли плен с изменой родине. Сталин в беседе с представителями союзников прибегнул к несколько иному тезису: у нас нет пленных. Союзникам трудно было воспринять это дикое заявление, им было доподлинно известно, в частности, что многие бежавшие из германского плена красноармейцы успешно сражаются в рядах английской армии в Северной Африке. Сталин и его соавторы прибегли к достаточно распространенному приему, вырывая часть из целого и выдавая ее за целое. Смешно-

вались понятия «сдаться в плен» и «оказаться в плену». Второе понятие по существу исключалось, обстоятельства пленения, как правило, сбрасывались со счетов. Однако в русском и иных языках изначально слова «плен» и «полон» означали разновидность насилия. По Владимиру Далю, «полонять» означало «брать в неволю, порабощать», «побеждать силою, оружием», «захватывать». Плен и измена, пленный и перебежчик не имеют друг к другу отношения. И в немецком языке слово «пленный» — производное от глаголов «поймать», «схватить».

Как и во многих других случаях, в своем отношении к плену сталинизм возвращался к дремучему прошлому. Это у диких племен пленные не пользовались правами человека, даже правом на жизнь, их могли убить, съесть. Лишь в древнем мире пленных превращали в рабов. Далек от цивилизации и сталинистский принцип предпочитать плену самоубийство. Пересказывают восклицание Жукова по поводу одного генерала: «Трус! Должен был застрелиться раньше, чем попал в плен к немцам». Безоружного командира при выходе из окружения четыре немецких солдата взяли в плен. Жуков назвал это «позором и изменой Родине». После войны маршал забудет, что и он подписывал приказ № 270, и скажет Симонову нечто совсем противоположное: «...у нас Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу: «Каждый, кто попал в плен, — предатель Родины... каждый советский человек, оказавшийся под угрозой плена, обязан покончить жизнь самоубийством, то есть в сущности требовал, чтобы ко всем миллионам погибшим на войне прибавилось еще несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей было замучено немцами в плену, умерло от голода и болезней, но по теории Мехлиса выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в 41-м или 42-м не лишили себя жизни». И далее. «Как можно требовать огульного презрения ко всем, кто попал в плен в результате постигших нас в начале войны катастроф!» Но идея, которую Жуков ложно приписал исключительно одному Мехлису, в первую очередь принадлежит Сталину¹.

Она жива и в 90-е гг. «Предпочтение смерти в бою плену — древняя традиция воинов нашего Отечества», — утверждают Ивашов и Емелин. С помощью всемогущей пропаганды и страха сталинизму удавалось убедить многих военнослужащих в абсолютной недопустимости плена и представить самоубийство в виде героизма. Этот догмат сталинизма также был не только безнравствен, но и неразумен. Сохранив свою жизнь, красноармеец получал шанс возобновить борьбу в рядах ли своей армии или в качестве партизана. Правда, чтобы понять

¹ Цит. по: Симонов К. М. Указ. соч. С. 329.

это, Сталин должен был по меньшей мере верить своим людям.

По мнению Ивашова и Емелина, сталинское право было менее гуманным относительно пленных, чем Соборное уложение 1649 г. и Артикулы Воинские 1715 г. Это подтверждает факты и нового времени. Русские пленные во время войны с Японией были окружены высоким уважением на Родине. Потерпевшие поражение по воле бездарного начальства русские солдаты и офицеры встретили вполне человеческое отношение в Японии. Аналогичная картина наблюдалась в странах — участницах первой мировой войны. Даже в условиях гражданской войны 1918—1922 гг., жестокость которой отдельные авторы без изучения предмета объявили «особой, наибольшей», дела обстояли иначе. В мае 1918 г. Ленин подписал постановление СНК. В нем говорилось: «Главная задача Русского Красного Креста есть помощь военнопленным», и он должен приложить к этому делу «всю энергию и все имеющиеся в его распоряжении средства». В том же году V Всероссийский съезд Советов послал обращение: «...съезд шлет горячий привет нашим пленным, томящимся на чужбине, и с нетерпением ждет возвращения братьев-солдат... Советская власть обязана и при самых трудных условиях сделать все возможное для обеспечения братьев военнопленных». Красная Армия сохраняла эту традицию. Красноармейцы, захваченные белыми в плен, после освобождения или побега тут же без всяких сложностей снова становились в строй. Постановления СНК 1918—1920 гг. обеспечивали денежное довольствие военнопленных. Для компенсации выделялось 200 млн. рублей. Гуманное отношение к пленным сохранялось в большинстве стран и в годы второй мировой войны. Вернувшиеся из плена военнослужащие английской армии даже пользовались определенными привилегиями. В США семьям пропавших без вести и пленных предоставлялись различные пособия. В фашистской Германии отношение к военнослужащим вермахта, вернувшимся даже из советского плена, было вполне гуманным.

Б. Каневский не согласен с теми, кто считает, что «плен — это чуть ли не закономерность на войне». Но плен — это такая же реальность, как ранение, смерть, вывод части на переформирование и т. д. Вполне правомерен переход в плен при условии, когда сопротивление стало бессмысленным. Говорят о самоубийстве, но заметим вскользь, для него также нужны соответствующие условия. Хорошо, если есть пистолет или граната, а если у солдата трехлинейная винтовка? Чтобы выполнить языческие требования, мало одной готовности покончить с собой, нужно, чтобы намеревающийся пленить вас, предоставил вам условия и время для самоубийства.

Захват в плен, пребывание в плену узаконено международными соглашениями, в первую очередь Гаагскими (1907) и

Женевскими (1929 и 1949) конвенциями. Дополнительный протокол к конвенции 1949 г. СССР ратифицировал лишь 4 августа 1989 г. Это означает, что СССР не признавал названных конвенций, хотя выполнял их требования лишь относительно пленных солдат и офицеров противника, но не собственных. Кстати, с отношением СССР к этим конвенциям никаким образом не связано преднамеренное истребление фашистским руководством миллионов советских военнопленных. Международное право и общечеловеческая мораль считают плен неприкосновенным как суверенитет народа и священным как несчастье. Военнопленные — не преступники, они не могут привлекаться к ответственности за то, что оказались в плену, наоборот, они — страдающая сторона. Тезис Сталина: «все пленные — изменники» грубо нарушает давно принятый цивилизованным миром принцип презумпции невиновности. Он был закреплен Декларацией прав человека, принятой ООН 10 декабря 1948 г. Согласно ей обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. В СССР репрессивные меры к советским военнопленным применялись вплоть до 1956 г., когда было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Однако это постановление выполнялось далеко не последовательно. В частности, не были изменены соответствующие трактовки плена в уставах. Но дело не только в репрессиях. Правительство Сталина не использовало свои права и возможности оказать помощь советским военнопленным во время войны, лишило их привилегий участников войны.

Все возвратившиеся из плена подлежали проверке НКВД. Согласно решению ГКО от 27 декабря 1941 г. создавались специальные лагеря. По официальным данным, до 1 октября 1944 г. такую проверку прошли 354 592 человека. Из них 18 382 человека были отправлены в штурмовые батальоны, 11 556 арестовано. В мае 1945 г. согласно директиве Сталина было создано при белорусских и украинских фронтах еще 100 лагерей, на 10 000 человек каждый. В них размещались бывшие военнопленные и репатрируемые. Многие из них попали в ГУЛАГ¹.

Значение приказа № 270 много шире. Принципы, заложенные в нем, составили основу деятельности режима в военные годы. Без труда прослеживается негативное влияние приказа и на послевоенное развитие. Пагубным было непосредственное воздействие приказа на армию. Он подрывал

¹ Первые в России и Белоруссии работы о пленных положили начало большой работе по изучению этой важной проблемы (см., в частности: Трагедия войны. Фронт и плен. Минск. 1995; *Ерин М. Е.* Советские военнопленные в Германии // Вопросы истории. 1995. № 11—12; *Конасов В. Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда. 1996).

силы и без того крайне ослабленных войск, увеличивал страх, стремление командиров фабриковать ложную информацию, лакировать действительность. Особо жестокое отношение к командующим объединениями, их казни, частые перемещения вновь и вновь обнаруживали в Сталине сатрапа. Официальная историография не замечает связи самоубийства Ефремова и других генералов с приказом № 270. Необходимо также проверить версию: Власов сдался в плен, боясь, что на него возложат ответственность за гибель 2-й ударной армии. Характерно, что Гитлер не решался расстреливать своих генералов за военные неудачи. Приказ привел к тому, что многие военнопленные стали бояться возвращаться на родину. Приказ 270 положил начало порочному принципу «ни шагу назад», что впрочем, не остановило отступление армии по всему фронту. Вместо разумной организации маневренной обороны, присущей современной войне, фактически в ряде мест вводились заградительные отряды. Кулик сообщал, как в октябре 1941 г. он «ловил бегущих по городу и сажал в оборону». На основе приказа № 270 производились «расстрелы без суда и следствия»; возникла привычка ряда командиров чуть ли не по всякому поводу хвататься за пистолет. Жестокость не давала желаемых результатов. Она лишь обрекала армию на самые упрощенные действия. На Керченском полуострове предел тупости показал Мехлис. Он запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательный дух красноармейцев: позади было море.

По воспоминаниям Будрина, батальон, которым он командовал, только получил пополнение, многие солдаты были малограмотными или неграмотными, не владели русским языком, не имели никакой военной подготовки, некоторые ни разу не стреляли из винтовки. 1 февраля 1943 г. комбат получает приказ Д. Лелюшенко немедленно взять хутор Лысый, без всякой рекогносцировки и без огневой поддержки. В ответ на слова Будрина о неоправданном риске последовала угроза отдать его под трибунал. Трое суток днем и ночью батальон пытался взять этот хутор, оказавшийся хорошо укрепленным. От батальона остался один взвод... Много лет спустя, в 1971 г., пришлось вести дискуссию с Лелюшенко. Тот запальчиво и беспомощно пытался опровергнуть тезис о многократном превосходстве потерь РККА. К сожалению, мы не были тогда знакомы с боевой биографией генерала.

Плохо или вообще неподготовленные атаки пехоты для захвата никчемной высоты при не подавленных артиллерией или авиацией огневых точках противника характеризуют своеобразный, присущий сталинизму метод. Рядом с такими атаками необходимо поставить боевой прием, связанный с именем Александра Матросова. Он закрыл вражеский пулемет своим телом, хотя для того, чтобы заставить замолчать пуле-

мет, нужно было всего лишь несколько пушечных выстрелов. Г. Куманев и некоторые другие историки в течение десятилетий выясняют число таких героев, не понимая, что в боевых действиях этого рода участвовали миллионы. Никто до сих пор не доказал, что подобные подвиги были необходимы. Мотивы действий солдат, закрывших амбразуры вражеских дотов, таранов летчиков и танкистов должны быть исследованы. Пока же эти подвиги бездумно воспевают. К ним примыкает вызов огня на себя командирами-артиллеристами. Он носит еще более спорный характер. Здесь речь идет не просто о самоубийстве. В непосредственной близости от командира, управляющего огнем своей батареи (дивизиона) на наблюдательном пункте, как правило, находились несколько других офицеров и солдат, связистов, разведчиков, санитаров. Командир ставил под удар и их жизнь. Трудно допустить, чтобы он интересовался при этом их мнением.

На войне возможны самые различные ситуации. Подчас был просто неизбежным героизм, оплаченный человеческой жизнью. Но нельзя пропагандировать нерациональное убийство или самоубийство. Не самопожертвование, не безразличие Сталина и сталинцев к человеческой жизни, а воинское мастерство, находчивость, храбрость в первую очередь определили исход боев и сражений. «Обвязавшись гранатами», он бросился под танк, продолжает писать и ныне «Красная звезда»; «Подвиг командира тут же повторили его подчиненные, и четыре тигра замерли, охваченные пламенем». Апология жертвенности, идея сугубо языческая, пронизывала «странички» главного редактора и рядовые полосы «Военно-исторического журнала». Авторы не задумываются, что такая пропаганда в армии аморальна и неразумна. С точки зрения элементарных интересов воюющей армии (народа в целом), во много раз выгоднее сохранить подготовленного летчика, танкиста, пехотинца, чем бросать их на дот, на таран и т. д. Эти рассуждения отнюдь не бросают тень на память героев. Перед ними мы склоняем голову. Но вопрос об ответственности тех, кто вынудил героев пойти на верную смерть и кто пропагандирует такой метод борьбы, мы поставили бы, и не только чисто теоретически. В одном ряду с этим — стремление казенной пропаганды, придворной поэзии приучить человека к обыденности смерти («стоять насмерть!»). «Семи смертям не бывать, одной не миновать», — вытащили из фольклора не самую жизнеутверждающую пословицу. «А коль придется в землю лечь, так это только раз», — подло утешали сочинители популярной песни.

Также несостоятельны и безнравственны эксплуатация твердости советского солдата, его неприхотливости, его терпения, как и апология этой эксплуатации. Чтобы компенсировать дурное руководство, люди на фронте и в тылу работали

на пределах человеческих возможностей. Пример: для летчиков США была установлена норма — 25 боевых вылетов и не более 30. Исходили из данных статистики — одна потеря приходилась на 25 вылетов. В советской же авиации дальнего действия экипажи делали по 300 боевых вылетов.

Массовый героизм советских людей в литературе до сих пор заслонен описанием поступков одиночек, десятков, сотен, совершенных в экстремальных условиях. Ничуть не преуменьшая их значения, пора обратить внимание на главное — коллективный подвиг частей, соединений, заводов, колхозов. Это героизм другого рода — длительный и тяжелый, умелый и дисциплинированный, ратный труд миллионов красноармейцев в условиях постоянной смертельной опасности, беззаветный труд миллионов рабочих, служащих при предельном напряжении духовных и физических сил, часто в условиях голода и холода.

Жестокость проявлялась в самых различных формах. Командир с палкой или плетью — явление на фронте отнюдь не исключительное. Пожалуй, первым в советской мемуарной литературе Хрущев откровенно показал, что в те годы в Красной Армии довольно широко распространилось избиение командующими (командирами) своих подчиненных. «Набить морду!» — так требовал сам Сталин. Так поступали С. Буденный, А. Еременко, В. Гордов, Г. Захаров, другие известные генералы. Автор как будто не находил слов для решительного осуждения этого, не видел абсолютной несовместимости жестокости с пребыванием этих генералов в армии. Он не заметил, что все это закономерно вытекало из приказов № 270 и 227. Многочисленные факты свидетельствуют, что жестокость была свойственна значительному числу командиров, хотя мы и знаем, что она поразила не все соединения и части армии. Гареев сообщает о Гордове, бывшем командующем 33-й армии. Он был «недопустимо груб и жесток, нередко прибегал даже к расстрелу без суда и следствия». Автор недоумевает, почему именно Гордова после его провала на Западном фронте Жуков взял к себе на 1-й Украинский фронт командующим 3-й гвардейской армией.

Печатные сообщения об этом по-прежнему редки. Но личный опыт, наблюдения друзей-фронтовиков подтверждают такой вывод. Особенно часто, очевидно, мордобой применялся на переднем крае. Некоторые военные историки полагают даже, что без этого нельзя поднять в атаку при сильном огне противника. Но не разумнее ли остановить эту явно неподготовленную атаку и сначала подавить этот огонь? На фронте все годы переходил из уст в уста рассказ: за незначительную провинность (часто мнимую) генерал застрелил (избил) командира танка (взвода, отделения). Его подчиненные выстрелом из танкового орудия (пулемета, автомата) убили генерала.

Мы убеждены, что основа этой версии была реальной. Заметим, симпатии рассказчика и слушателей всегда были на стороне мстителей.

Бесчеловечность режима проявилась уже в первые дни войны, когда не эвакуированные вовремя семьи военнослужащих были брошены на верную гибель. Нечто подобное повторилось позднее. По воспоминаниям А. Еременко, Н. Хрущева, А. Чуянова, Сталин отверг многократные просьбы о вывозе из Сталинграда населения и заводов, заведомо зная, что вскоре здесь будет поле боя. Выше всего на фронте ценились не люди, а оружие, техника. И дело не только в том, что многим не хватало культуры и в технику они верили больше, чем в человека. Было военное право: за потерю винтовки солдат мог пойти под трибунал. Медсестра, спасая раненого, должна была думать еще о своем и его оружии. Но как могла хрупкая девушка перенести обездвиженного красноармейца да еще и его оружие? В артиллерии за оставленные при отходе орудия и не сданную тару из-под снарядов ответственность была часто неотвратимее и выше, чем за безрассудную гибель подчиненных или несвоевременную доставку им пищи. Эта тенденция прослеживается во многих документах тех лет. В боевой характеристике В. Шенникова читаем: «Во время выхода с поля боя он вынес 2 ручных пулемета, 2 винтовки, 4 автомата и (!) одного раненого командира отделения». Не случайно в армии из уст в уста передавали распоряжение одного начальника штаба — выделить пять ломов, десять лопат, пятнадцать человек и одного командира взвода. Мы не считаем этот рассказ выдуманным. Тон задавали, разумеется, сверху. В телеграмме Сталина Хрущеву 10 июля 1941 г. есть такая фраза: «увести все взрослое мужское население, рабочий скот...» Нужны ли здесь комментарии?

Не изучены многие другие проблемы. Первая — это женщины и дети на войне. Привлечение женщин в действующую армию и в других странах, участвовавших в минувшей войне, не снимает вопроса. Остается спорным требование Сталина (речь от 3 июля 1941 г.) уничтожать все, что нельзя вынести. В этих целях, как известно, применялись самые разные средства. Даже вплоть до засылки диверсантов за линию фронта, часто обреченных на гибель (З. Космодемьянская). Не ясно, кому больше вреда приносила тактика выжженной земли, противнику или советскому населению, против своей воли оставшемуся на этой земле. Уничтожение лесов вредило партизанам. Советские войска рано или поздно возвращались на эту территорию, и на их долю выпадало восстанавливать то, что вчера было ими же разрушено. Заметим, кстати, что официальная историография наивно пытается представить, что разрушения творили одни фашисты.

Жестокость (в какой-то мере и некомпетентность) ярко

проявилась в истории народного ополчения. Вслед за Самсоновым мы полагаем, что трагедия ополчения — это показатель не только патриотизма русского и других советских народов. Применение в бою совершенно не подготовленных, почти не вооруженных, а подчас и просто безоружных, как правило, физически не тренированных гражданских лиц, — это не просто акт отчаяния, но и злодеяние против миллионов соотечественников. Мы предвидим возгласы оскорбленных оппонентов. Этот общий вывод опровергнуть нельзя — за ним реальная история. Другое дело, что ополчение до конца не изучено: какова реальная польза от огромных жертв, был ли другой выход (маневр имеющимися силами, дальнейший отход).

В книге А. Колесника «Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны» (1988) вопрос о их боевом применении и громадных потерях, еще больших, чем в регулярных войсках, фактически обойден молчанием. Об этом можно лишь догадываться по случайно оброненным фразам о формировании этих частей в 6 раз быстрее, чем кадровых, об их сравнительно худшем вооружении. Официальные истории обходят молчанием эффективность ополчения. Тот факт, что, по А. Синицыну, все московские ополченческие дивизии стали краснознаменными, а три из них — гвардейскими, отнюдь не говорит еще о реальных итогах боевых действий. Не поставлен и тем более не решен вопрос, во что обошлось привлечение из народного хозяйства в эти части квалифицированных специалистов. Известно, что в начале 1942 г. ГКО сочтет нужным отозвать из армии крайне необходимых хозяйству специалистов. Неизвестно пока, какая часть таких людей к этому времени осталась в живых. Подобное растраниживание кадров проявлялось и в иных формах. Сколько высоко квалифицированных моряков, десантников, подготовленных для выполнения более сложных задач, незадачливое командование бросало в пекло боев, закрывая то одну, то другую брешь!

В последнее время появились правдивые воспоминания некоторых участников ополчения. Такова статья И. Филатовой, председателя совета ветеранов 2-й дивизии ополчения. Эта дивизия, вырываясь из кольца под Вязьмой, из 12 тыс. человек сохранила лишь 2 тыс. А. Свинцов, председатель объединенного совета ветеранов ленинградской армии ополчения, в статье «Одна винтовка на двоих» показал, что за месяц боев от их десяти тысячной 1-й гвардейской дивизии осталось лишь 700 человек, а с Ораниенбаумского плацдарма вышли лишь 152 бойца. Синицын сообщил, что вследствие жестоких потерь пришлось расформировать пять из двенадцати ополченческих московских дивизий, три из десяти ленинградских.

Низкая подготовка была свойственна не только ополче-

нию. По свидетельству Ж. Медведева, например, трехмесячная подготовка тысяч призванных в армию 17—18-летних грузин, абхазов, армян, не знавших русского языка (командиры же не владели иными языками, кроме русского) сводилась к изматывающей строевой подготовке. Но их не учили стрелять, окапываться, вести рукопашный бой и др. Многие из них погибли, не сделав ни одного выстрела по врагу. Досрочно выпущенный из 10-го класса школьник, после трехмесячной подготовки направлялся на фронт командиром взвода. Не была ли связана такая подготовка с расчетом Сталина на такое же краткое пребывание людей на фронте?

Упоминавшийся тезис о «волнообразном характере» репрессивной политики не подтверждается фактами. На деле речь может идти о хорошо продуманной линии, вполне прямой и непрерывной. 4 октября 1941 г. Сталин и Шапошников подписали приказ «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем отмечались «частные случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчиненным» (самосуды, побои и т. п.). Авторы приказа подчеркивали: «забыта истина, согласно которой применение репрессий является крайней мерой, допустимой лишь в случаях прямого неповиновения в условиях боевой обстановки или в случаях злостного нарушения дисциплины и порядка лицами, сознательно идущими на срыв приказов командования». Некоторые исследователи представляют командира в виде фольклорного героя, которого заставили Богу молиться и который разбил при этом свой лоб. Но подчиненные Сталина действовали в строгом соответствии с приказом № 270 и общей «генеральной линией» диктатора. Помимо приказа от 4 октября были отданы другие распоряжения. Директива ГЛАВПУ от 7 декабря № 268 «О ликвидации запущенности в устной пропаганде и агитации» была подписана Мехлисом. Эти документы циничны и лицемерны. О том, какое влияние они оказали на войска, ныне едва ли кто скажет.

Изданный 28 июля 1942 г. приказ № 227 грубо перечеркнет эти фарисейские апелляции режима к морали и праву. Насколько можно судить по стилю приказа, он написан самим Сталиным. Об этом свидетельствуют и грубые погрешности в логике, пустые повторения, которые, естественно, никто из приближенных не посмел устранить¹. Ряд ученых склонны отводить этому приказу центральное место в репрессивной политике и практике сталинизма военных лет. Но приказ не внес ничего принципиально нового. Его называют «Ни шагу назад!» Но такой призыв не сходил со страниц газет и боевых

¹ См.: Приказ НКО СССР «Об укреплении дисциплины в Советской Армии» № 227. Архив МО РФ. Ф. 228. Оп. 3947. Д. 5. Л. 200—215.

лишков, начиная с 22 июня 1941 г. Требование «истреблять на месте паникеров и трусов» уже было в приказе № 270. Командиров, отступавших со своих позиций «без приказа свыше» уже называли «предателями Родины», командармов к суду уже привлекали. В приказе № 227 возрастала жестокость. Это проявилось, например, в учреждении офицерских штрафных батальонов и штрафных рот, заградительных отрядов. Позднее в развитие этого приказа деспот введет в действующей армии смертную казнь через повешение. Гвардейцы-минометчики из 92-го полка были свидетелями таких казней в июне 1943 г. на Курской дуге. Жестокость усилилась, поскольку жизнь «штрафников» ценилась еще ниже. Еще больше стало пренебрежение правовыми нормами. В штрафные подразделения военнослужащие направлялись не только согласно судебным приговорам, но и по приказу командования, то есть без суда. В правомерности приказа № 227 некоторые военные юристы сомневались еще в то время. Это кончалось для них ГУЛАГом.

В современной литературе представлена научная критика приказа 227, но сохранились и голоса в оправдание его и даже восхваление. П. Н. Лашенко в очень слабой статье, сопровождающей публикации приказа № 227, считает, что приказ был «продиктован суровой необходимостью». Жестокость представлена как «управа на паникеров и шкурников». Автор пытается показать, что штрафные роты — «это те же роты», что и обычные подразделения, которые подчас также оказывались в труднейших условиях. Но это не согласуется с его же словами о том, что «штрафников» всегда бросали на «наиболее тяжелые участки фронта». Лашенко не прав, утверждая, что «штрафников никто не зачислял в уголовные преступники». Но сам Сталин считал иначе, подчеркивая «преступления перед Родиной» этих людей.

Автор статьи «не может сказать», что на фронте было «пальное бегство», что красноармейцы «плохо воевали», но здесь же утверждает нечто противоположное: «нужен был решительный перелом и потому приказ № 227 оказался своевременным». Оказывается, «нужно было прибавить в мастерстве и в самопожертвовании». Но какому мастерству мог научить каннибальский приказ? Лашенко «не знает, чтобы кто-нибудь из заградотрядов стрелял по своим». И документов, подтверждающих это, он не нашел. Эти отряды лишь «прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеского десанта, задерживали дезертиров... наводили порядок на переправах». «Вскоре» после выхода в свет приказа, утверждает, подгоняя факты, автор, «началось наступление» наших войск. На самом деле отступление советских войск и после приказа продолжалось в течение нескольких месяцев вплоть до Волги и Кавказского хребта. В подготовке же наступления действо-

вали многочисленные и несравненно более основательные факторы, чем сталинские угрозы. Они, наоборот, перестали действовать. Не в этой ли связи среди офицеров стала распространяться мысль «меньше взвода не дадут, дальше фронта не угонят». Как и Филатов, лукавит Лашенко, пытаясь доказать, что при «колоссальном патриотизме» РККА приказ был «рассчитан на ограниченный круг неустойчивых лиц». Достаточно бегло прочитать приказ, чтобы понять, что он был «рассчитан» на всю армию.

Многие современные авторы разъясняют необходимость приказа, ссылаясь на сам приказ. Это не выдерживает критики в теоретическом отношении, негодно — в историческом. Основная мысль приказа — недисциплинированность армии. В другом приказе — № 323 от 16 октября снова подчеркивалось: «главной причиной наших временных неудач на фронте является слабая дисциплина войск». Однако в приказе НКО от 1 мая за три месяца до появления приказа № 227 и в докладе Сталина 6 ноября — спустя три месяца после этого приказа, РККА получала совершенно противоположную характеристику. Поражения же ее были объяснены отсутствием второго фронта. Василевский по-существу опровергает обвинения Сталина, брошенные им Красной Армии 28 июля. Он пишет: «героизм воинов был высок», «войска действительно дрались хорошо». К тезису о недисциплинированности примыкает инсинуация Сталина по поводу неких лиц в РККА, которые будто бы готовы отступать без конца; его попытки противопоставить армию народу, возложить всю ответственность на РККА (многие «проклинают Красную Армию»).

Диктатор и его апологеты умалчивали и продолжают умалчивать, что поражения РККА под Ленинградом, в Крыму и под Харьковом, которые подготовили наступление вермахта на Сталинград и Кавказ, произошли главным образом по вине правящей верхушки. Вследствие грубых просчетов возникло невыгодное соотношение сил на южном фланге советско-германского фронта. «Вождь опять снимал с себя ответственность за гибель новых сотен тысяч людей. В приказе № 227, в статьях некоторых его интерпретаторов искажена ситуация лета 1942 г. Но, по Василевскому, это лишь «один из наиболее критических моментов» развития военных действий. На краю же пропасти страна находилась летом—осенью 1941 г., когда вермахт имел еще шанс на успех скоротечной войны. С утратой этого шанса любые его действия могли иметь и действительно имели лишь заурядное значение. Был ли приказ № 227 актом отчаяния растерявшегося «полководца» или это было очередным рассчитанным шагом в целях поддержания «нужного тонуса армии», сказать трудно. Во всяком случае, нельзя считать доказанной целесообразность приказа. Ведущие германские историки, занимавшиеся проблемой на научном

уровне, и мемуаристы в противоположность Сталину не преувеличивают успехи вермахта летом 1942 г.: захват пространства... но не разгром РККА. Сталин 6 ноября сам будет говорить о «переломе» в пользу немцев, «переходе инициативы в руки немцев» и здесь же — лишь о «тактических» их успехах, к тому же «незавершенных».

Будущий генералиссимус в приказе 227 цинично заявил, что он по примеру Гитлера, спасшего свой фронт от развала зимой 1941/42 гг., вводит штрафные и заградительные части. Едва ли стоит придавать большое значение тому, что выдававший себя за коммуниста «вождь» брал что-то из арсенала фашистского «фюрера», — учиться можно у всех. Но то что Сталин взял далеко не лучшее из опыта вермахта, стоит подчеркнуть. Нынешние единомышленники Сталина, искусственно подгоняя факты, преувеличивают роль репрессивных мер в укреплении позиций немцев в 1941—1942 гг. То, что Гитлеру удавалось остановить «бегство» (!?) немцев под Москвой, несерьезно объяснять «только ценой заградотрядов» (Хорев). Приказ № 227 был ухудшенным изданием приказа Гитлера. Даже без лести преданный Гитлеру Кейтель, подчеркивая важность «стоять до последнего и сражаться», делал весьма существенную оговорку: «Это, разумеется, не исключало хорошо подготовленного ограниченного улучшения позиций путем отхода». Приказ № 227 был ущербным не только в моральном, правовом, но и в сугубо военном отношении. Он воспрещал любой отход, в том числе и оправданный интересами маневренной войны. Он лишал инициативы всех командиров — от отделения до фронта. Это вело к новым безрассудным потерям, затягивало войну. В оперативно-тактическом отношении это было самым примитивным решением всех проблем: «в любом случае держать позиции или умереть». Это полностью отвечало антитеоретичности как черте сталинизма. Упомянутый приказ Гитлера проанализирован германскими историками. Они дают ему резко отрицательную оценку.

Отдельно стоит вопрос о штрафных ротах. В приказе № 227 Сталин повелел: «сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины». Вопросы этого историки по существу еще не касались. Фильм «Штрафники» вызвал в 1990—1991 гг. оживленную, хотя и недостаточно продуктивную дискуссию. В рецензиях на фильм так или иначе были поставлены вопросы: каковы место этих частей в действующей армии, роль в

достижении победы, кто и за что попадал в них, каково число штрафников, какая их часть осталась в живых, в чем специфика их применения в бою, насколько правомерно учреждение этих частей. Четко выявились две тенденции: апологетическая и нигилистическая. Приверженцы первой — наследники сталинской концепции, вторые — неофашистской публицистики. Так, генерал-майор юстиции Б. Алексеев наивно утверждает, что штрафные части — это лишь «метод сурового воспитания». Он признает, что их «бросали на самые опасные участки боя», но обходит молчанием, что большинство «воспитуемых» погибало. Некоторые авторы «горький опыт штрафных батальонов» считают тем не менее полезным. Предлагали, например, провинившихся в чем-то старых «аппаратчиков из Моссовета» поставить на «самые трудные участки города», «если они справятся с работой, они реабилитируют себя» (Г. Попов). Неофашистский тезис о победе, добытой якобы штрафниками, принятый Солженицыным, диссидентами 70-х гг. и некоторыми современными журналистами, не более убедителен. Обратимся хотя бы к численности штрафников. Очевидно, занижено их число в известном письме маршалов и генералов «О фильме «Штрафники» — меньше полпроцента воевавших. Емелин предлагает — «около полутора миллиона» (точного учета их не было). Все равно — это небольшая часть воевавших. Согласно положению о штрафных частях, утвержденному Жуковым 26 сентября 1942 г., пребывание в них не превышало трех месяцев, фактически оно было много короче. На самом деле эти части, будучи на острие наступательных ударов, выполнили трудную часть общей задачи. Но этого нельзя преувеличивать. Основная огневая мощь сухопутных войск — артиллерия, танки отнюдь не были в руках штрафников.

Вызывает возражение другое требование приказа: сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам выполнить свой долг перед Родиной. Это требование защищают не менее примитивно. Отряды будто бы создавались не для «устрашения» а для «действенной помощи слабым, пока не обстрелянным» (Хорев); стремились лишь «ободрить дрогнувших в бою», помочь «заблудившимся в лесу». В действительности вместо реального усиления обороны Сталин предлагал типично бюрократическую меру — усилить контроль, поставить еще одного надсмотрщика.

Положение приказа о штрафных частях и заградотрядах не соответствует нормам общечеловеческой морали и права. Нельзя принять мысль о том, что штрафные части были всег-

да и везде. По уголовному законодательству, действовавшему в СССР с 1926 г., подобные меры (дисциплинарный или штрафной батальон) не применялись. Штрафные части — это не норма, а свидетельство тяжелого кризиса руководства. В офицерском корпусе РККА на самом деле были аморальные элементы. Это было неизбежным следствием репрессий 30—40-х гг. Были и дезертиры. Насколько нам известно, этому вопросу не посвящено еще ни одной научной работы. Но, по Микояну, член ГКО Берия отвечал за «охрану порядка внутри страны и борьбу с дезертирством». Не раз вспоминает о дезертирах Кулик в своих письмах Сталину. Есть несколько публицистических статей, в которых они упоминаются. В целом господствует старая тенденция — скрыть все негативное, что было на войне. В беседе с нами в марте 1991 г. Язов живо интересовался совершенствованием военной историографии, в то же время стремился утвердить ряд старых стереотипов, в том числе и о дезертирстве из РККА.

Еще не изучен вопрос, была ли разница в использовании гвардейских, армейских, штрафных частей. Но, несомненно, что последние были подобны ГУЛАГу в народном хозяйстве. В тылу можно было даровую рабочую силу бросать когда и куда нужно, в том числе и на верную гибель. На фронте — тем более. Штрафниками закрывали бреши в своем фронте, пробивали в чужом. И там, и здесь за жизнь людей никто не отвечал. Исходное сугубо языческое положение «искупить кровью» уже предполагало искупить и жизнью. Очевидно, сталинистская практика была еще более безнравственной, чем языческая. У нецивилизованных народов — принцип «кровь за кровь». При Сталине же платили кровью и жизнью при совершенно равных и ничтожных шансах выжить за дезертирство, за опоздание на работу, за предательство и за то, что солдат в окопе имел неосторожность похвалить качество ленд-лизовских сапог. Один прострелил себе ногу, другой из дурного баловства расстрелял статуэтку Божьей матери. Заслуги не в счет. Известен случай, в штрафбате оказался командир батальона, четырежды орденоносец, трижды раненый.

«Нас бросали в самое пекло» — главная мысль большинства откликов на статью «В прорыв идут штрафные батальоны», опубликованную в «Красной звезде». Кстати, она названа неудачно. Эти батальоны участвовали в создании прорыва, а не шли в готовый прорыв. Сами авторы сообщают, что штрафники «осуществляли разведку боем, прорывали оборону противника, штурмовали его опорные пункты». Пользовались ли эти части огневой поддержкой — мнения расходятся. Но известно, что такой поддержки часто не хватало и обычной пехоте. Почти все авторы, подчас забывая собственные слова о гуманности приказа № 227, сообщают о громадных потерях штрафников. В одном бою из 225 человек выбыло из строя

114, вспоминает один из них. Другой сообщает, что за два месяца боев на Курской дуге в его батальоне из более чем 1200 бойцов в строю осталось 48. По простоте душевной Ивашов и Рубцов даже в 1991 г. пишут как о само собой разумеющемся: от штрафников «требовалось активно проявить самопожертвование». Во время войны все это не вызывало удивления хотя бы потому, что смертная казнь вообще была обыденным делом. Ею карали за 42 состава преступлений. Косвенно об особой жестокости условий, в которые были преднамеренно поставлены штрафные части, свидетельствуют исключительные права и льготы, предоставленные их постоянному составу. Так, командир такого батальона обладал дисциплинарными правами командира дивизии; звания присваивались быстрее, чем в строевых частях, месяц службы засчитывался за шесть месяцев.

Как повлиял приказ № 227 на фронтовые дела? Вопрос нужно изучать. Вполне обоснованным, однако, будет поставить под сомнение попытки преувеличить роль приказа «в стабилизации фронта и повышении организованности боевых действий», как утверждают, например, составители упоминавшегося словаря-справочника. По мнению Василевского, приказ поднял боеспособность войск. «Каждый командир и политработник как никогда почувствовал, сколь высока его ответственность за выполнение боевой задачи», — повторял маршал чуть ли не буквально слова главпуровской пропаганды. Но есть неоспоримые признаки того, что мера жестокости была превышена, ее эффективность исчезла. Интересны такие факты. Сталин направил телеграмму командиру корпуса Вольскому в момент прорыва деблокирующей группы Гота под Сталинградом: «Любой ценой остановить!» Похоже потребовался новый сверхприказ... Но характерно и другое. В Москве, судя по всему, сами не были уверены во всесии и безупречности приказа № 227. Так или иначе, всего две недели спустя, 9 августа передовая «Красной звезды» разъясняла, что нужно проводить различие между трусами и людьми, у которых в какой-то момент сдали нервы. Нам известно, что примерно в сентябре 1942 г. в Сталинграде уполномоченному контрразведки 92-го полка было предписано следить, чтобы командиры не злоупотребляли правами, предоставленными им приказом № 227.

III. Сталинизм и цена победы

В связи с ценой победы, как узловым вопросом истории войны, мы снова обратимся к наследию военных классиков. Большинство их осуждало чрезмерные потери. Известны слова Наполеона «о цене пролития драгоценной крови». Пос-

ледовательным сторонником военных действий с малой кровью и даже бескровной стратегии непрямых действий был Жомини. По мнению Свечина, этот классик вообще «стремился изгнать вовсе риск из стратегической операции». «Прежде чем решиться на войну, — писал он, — нужно исследовать, выгодна ли она с точки зрения общественных интересов». «Самой удачной войной, — считал автор, — будет такая, которая, будучи основана на неоспоримых правах, предоставит к тому же государству положительные выгоды, соразмерные с теми жертвами и теми случайностями, с которыми она связана». Генерал осуждал Наполеона, совершившего маневр своей армии за Неман на 500 лье (около 2000 км). При тех обстоятельствах «вероятность гибельных условий обстановки во много раз превосходила... вероятность всех тех выгод, на которые можно было рассчитывать». В то же время Жомини оправдывал Кутузова, который «берег свою армию» и потому позволил Наполеону с остатками его войск уйти из России. Наоборот, Жомини не приводили в восторг «кровопролитные успехи» российской армии в Семилетней войне. Весьма актуально предупреждение этого ученого о том, что «лишь в небольшом числе случаев отряд обязан принять решение — победить или умереть на позиции». Нынешние военспецы сделали героическое обидным...

В военной теории укрепились мысль о том, что мастерство полководца напрямую определяется ценой приобретенного им. По Левалю, «самые знаменитые полководцы всегда достигали решительных результатов с минимумом пролитой крови». «Если человеколюбие не сопровождает генерала в его действиях, — пишет Дюра-Ласаль, — он никогда не будет включен в число героев и никогда об нем потомство не отзовется почтительно, хотя бы он одержал более побед, чем Александр и Цезарь, и более, чем Наполеон». «Даже народы, только что вышедшие из варварства», осуждают полководцев, «напрасно» проливающих кровь неприятеля или своих воинов по «легкомыслию или равнодушию, еще более губительному». Никто из объективных исследователей, заключает автор, не называл еще «великими полководцами» Аттилу, Чингисхана, Тимура, этих «бичей человечества». «Главкомандующему, — считал Карл V, — более славы доставляют пленные, чем убитые». Эти идеи нашли отражение в деятельности Милютина, «внушавшего начальникам бережливость на кровь». Он придавал большое значение соотношению потерь сторон. С болью он отмечал «огромную убыль несчастной русской армии» под Плевной, «неподготовленные артиллерией атаки» («государь заплакал»). Подходившие подкрепления «сейчас же вводились в дело и таяли от больших потерь». Эти бои, писал Милютин, «вели крайне беспорочно как бы для истребления (собственного. — *Авт.*) войска». Заботой о сохранении чело-

веческих жизней пронизана книга Б. Х. Лиддел Гарта «Стратегия непрямых действий». Большое место в ней занимают мысли о «согласовании цели со средствами», о «принципе соответствия цели имеющимся средствам», «целесообразности экономии сил», об «опасности чрезмерной растраты собственных сил» и т. п.

Клаузевиц, как и во многом другом, в вопросе о цене победы непоследователен и противоречив. Он верно подчеркивал: «Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как *объема*, так и *продолжительности* принесения жертв. Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, то от последней приходится отказываться; в результате заключается мир». «Тот полководец и та армия, — продолжает автор, — которые достигли наибольшего, в смысле ведения боя с наивысшей экономией сил, и используют в наибольшей мере моральное действие сильных резервов, идут по наиболее верному пути к победе». И далее: полководец стремится «уничтожать с малым расходом своих сил значительное количество неприятельских». С полным основанием Клаузевиц отмечал: «Упадок могущества Франции... не наступил бы с такой титанической силой и размахом», если б не Россия. Но она заплатила «цену великих жертв и опасностей, которые, правда, для всякой другой страны были бы гораздо значительнее, а для большинства даже невозможными».

С другой стороны, вся книга Клаузевица буквально испещрена требованиями, рекомендациями, замечаниями совершенно иного свойства: «атаковать, не останавливаясь ни перед какими жертвами», не возлагать ответственность за исход боя на командира, «ибо это вызовет в нем нерешительность». Упоминая о начальнике, «не придающем особой цены жертве своей личности», автор считал «вполне естественным», что он и на своих подчиненных будет смотреть, «как на товар» и распоряжаться ими, «как самим собою». Клаузевиц упустил из вида начальника еще более порочного типа, готового всегда жертвовать другими, но не собой. «...На ограждение страны от потерь, — по мнению Клаузевица, — никогда нельзя смотреть, как на цель обороны в целом, ибо этой целью будет выгодный мир». В борьбе за эту цель автор не видит «жертвы, которую можно было бы считать чрезмерной». Мысль «не шадить крови» фактически доминирует у Клаузевица над всеми остальными соображениями. О «дорогой цене» победы автор упоминает редко и достаточно безучастно, как о любой другой категории своего учения. «Стратегия экономии сил» явно несовместима с известными его представлениями о «стихии войны».

Цена победы — узловая проблема истории войны. Не располагая многими необходимыми источниками, полностью эту проблему пока решить нельзя. Но имеет смысл подвести некоторые итоги ее исследования и определить перспективы. Победа советских народов и их союзников над агрессивным блоком — событие многостороннее. Однако по традиции сталинистской пропаганды в литературе СССР — РФ все дело часто сводят лишь к значению победы. Причем и ее изображают односторонне. Прописная буква в слове «Победа» жестко ограничивает ее трактовку в рамках исключительно славного и великого. Неистребимый Победоносиков, известный герой В. В. Маяковского, и ныне требует освещать лишь «светлые стороны нашей действительности». Не изжиты еще известные по военным временам штампы «какая война без жертв» (И. Стаднюк, Е. Джугашвили, А. Чубарьян). Эти сомнительные мысли высказывают нередко с легкостью необычайной. Многие принимают огромное число погибших как некую данность, не задумываясь над тем, был ли иной исход, или вообще категорически отвергают его. Другие следуют ущербному принципу «победителей не судят». Но этот принцип возник в то время, когда не существовало и зачатков общечеловеческих морали и права, а люди еще не научились соотносить цели и средства, необходимые для их достижения. Факты показывают, что, начиная с приграничных сражений, кончая Берлинской операцией, у Красной Армии был и другой выбор. Кое-кто из нынешних сталинистски ориентированных историков пытается сбросить со счетов тезис о победе малой кровью как «пропагандистский». Но малой кровью добивались победы англичане и американцы в те же 1941—1945 гг. Какая же в этом «пропаганда»?

Военные историки длительное время обходили другую главную сторону победы — ее цену, хотя в этом понятии как в фокусе сосредоточена вся война, от ее генезиса до ее влияния на последующее развитие страны и мира. Пока не будет решена эта проблема, историю войны нельзя считать исследованной. Во всем комплексе вопросов, связанных с нею, необходимо выделить ответственность за эту непомерную цену. Именно нежелание раскрывать это и обусловило во многом фальсификацию истории. В умах думающих людей мысль о цене победы возникла давно. 25 июня 1945 г., на другой день после Парада Победы на Красной площади А. Довженко с горечью отмечал в своем дневнике, что при упоминании о павших в «торжественной и грозной речи» Жукова «не было ни паузы, ни траурного марша, ни молчания. Как будто бы эти миллионы жертв и героев совсем не жили. Перед великой их памятью, перед кровью и муками не встала площадь на колени, не задумалась, не вздохнула, не сняла шапки». Еще в начале войны Довженко писал о «тяжелой, кровавой и дорогой

победе». Имея в виду низкое «качество» войны, он замечал: «Не было у нас культуры жизни — нет культуры войны»¹.

Нельзя сказать, что в СССР совсем не упоминали о павших. Некоторые приказы Сталина содержали фразу «вечная слава героям...»². Однако число их тщательно обходили молчанием, фарисейски сообщали только о колоссальных потерях немцев. Уже 3 июля 1941 г. «великий стратег» объявил о разгроме «лучших дивизий врага», а 6 ноября, совсем утратив чувство меры, утверждал, что Германия истекает кровью, потеряв 4,5 млн. Наркомат обороны СССР в 1945 г. нарушил нравственную традицию цивилизованных народов, требовавшую опубликования поименных списков погибших и плененных по меньшей мере после окончания войны. После первой мировой войны, например, были опубликованы сведения о потерях³. При сталинском режиме на сокрытии потерь держалась слава «великого полководца». Не были опубликованы потери у озера Хасан и реки Халхин-Гол, в советско-финской войне. Только спустя 50 лет, в 1990 г. было официально объявлено, что потери РККА в «зимней войне» превысили 67 тыс., а финской армии — 23 тыс. человек⁴.

В интервью корреспонденту «Правды» 14 марта Сталин говорил, что СССР «безвозвратно потерял» в боях, а также вследствие немецкой оккупации около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые». «Около семи миллионов...» вместо, по меньшей мере, 27 млн. только убитых. Здесь нет ошибки, несовершенства методики подсчета и т. п. Мы еще раз встречаемся с государственно организованной системой лжи. Отметим линии фальсификации, предписанные тогда Сталиным в этой емкой фразе: преуменьшение потерь СССР; подмена категории «убитые» категорией «безвозвратно потерянные»; признание жертв лишь на поле боя и западнее линии фронта, признание единственным ответственным за жертвы — захватчика, причем немецкого, но не фашистского; пренебрежение к жизни человеческой не только по существу («вождь» вычеркнул сразу 20 млн. граждан!), но и по форме, что стоит одно выражение «потерял людьми». Наконец, подчеркивание сомнительного превосходства СССР над США и Англией. Как глубоко нужно погрязнуть в фарисействе, чтобы гордиться непомерными жертвами?

Выступление Сталина было директивой. Проблема потерь

¹ Правда. 1989. 11 сентября.

² См.: Сталин И. Об Отечественной войне Советского Союза. С. 147.

³ См.: Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий мировой войны. М., 1923.

⁴ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 213. Ср.: Гриф секретности снят... С. 125.

фактически была объявлена решенной, хотя она и до сих пор всесторонне не изучена. На пути того, кто пытался хотя бы в малой степени развить знание о жертвах, вставала твердокаменная цензура. Условия для изучения потерь были изначально плохи: утрата документов многими комиссариатами в первые месяцы войны, уничтожение их в тех населенных пунктах, например, в Москве, которые собирались сдавать противнику. Учет людей в РККА в военное время осуществлялся плохо. ЦАМО РФ и ныне не имеет, например, данных о численности красноармейцев, оказавшихся в плену, не говоря уже об обстоятельствах их пленения. Известные солдатские медальоны были отменены НКО (приказ № 138) еще 15 марта 1942 г. Фактически они и раньше были не у всех. Так отказались от поименного учета. 12 апреля 1942 г. на персональном учете состояло лишь около одной трети общего числа убитых. Сомнительная графа «без вести пропавшие» позволяла списывать миллионы мертвых и живых, святых и грешников. Эта графа, в какой-то мере понятная в дни боя, сражения, сохранялась и в последующие десятилетия. Соответствующие ведомства начали заниматься жертвами лишь в самое последнее время. Тема была запретной и для науки. Любое упоминание о жертвах, пропущенное редактором, безусловно вычеркивалось цензором. Все это еще более ухудшило обстановку. Погибали новые пласты документальных и иных источников, уходили из жизни миллионы свидетелей потерь — участники войны, их родственники и соседи, жители прифронтовой полосы. Наблюдалась и вполне целенаправленная деятельность. Как показали, например, ленинградские ученые, бывший нарком Д. Павлов стремился изъять из научного оборота любые данные о жертвах Ленинграда, сверх первоначально установленного числа — 623 253 человека¹.

На прямой вопрос, по какой причине проблема потерь РККА не изучалась, Шкадов, в течение длительного времени управлявший кадрами и непосредственно отвечавший за изучение потерь, и другие видные деятели Вооруженных Сил или ссылаются на всеобщий режим запретов (как будто они сами неповинны в этом), или откровенно признают грустный итог названного режима: в наши дни установить письменно всех павших «неимоверно трудно», сразу после войны это сделать было много легче, мы «упустили время» и «это лишний упрек нам, оставшимся в живых». Снова попытки прикрыться именем истории, народа. К сожалению, верная мысль об утраченных возможностях проигнорирована в последующих выступлениях этих деятелей, например, в статье Н. Кривошеева, преемника Шкадова, специально занимающегося анализом потерь советских Вооруженных Сил в войнах.

¹ См.: Советская культура. 1988. 6 августа.

Разумеется, какое-то движение наблюдалось. В 1961 г. Хрушев опроверг приведенное Сталиным число потерь. По его мнению, действительные потери составили 20 млн. В 1965 г. Брежнев говорил о «более 20 миллионах»¹. Историки бездумно повторяли эти цифры. Правда, в некоторых томах 12-томной истории второй мировой войны были приведены отдельные сведения о потерях Красной Армии, например, в операциях за рубежом. Однако в советской литературе всех жанров, прессе по-прежнему представлена точка зрения Сталина и его пропаганды, хотя в 1985—1991 гг. она и была несколько приглушена. Вслед за Сталиным не раскрывают, например, число погибших восточнее линии фронта — от репрессий, голода и холода². Иногда воспроизводятся без каких-либо комментариев образцы пропаганды военных лет, что вводит в заблуждение неподготовленного читателя: «За шесть недель войны фашистская Германия потеряла свыше 1,5 млн. убитых, раненых и взятых в плен немецких солдат. Этими огромными потерями объясняется тот факт, что немцы все чаще бросают в бой солдат в возрасте свыше 45 лет и юнцов в возрасте 17 лет. Наши потери убитыми, ранеными и без вести пропавшими — около 600 тыс. человек»³.

Десятки раз, во многих вариантах повторяется неумная мысль о советских жертвах как вкладе СССР в обеспечение победы. Но разве не ясно, что одно дело страна, сыгравшая главную роль в борьбе за победу, и другое дело — страна, наиболее пострадавшая. Вклад СССР в коалиционную победу определяется не его жертвами. Разгром Германии был обеспечен потерями, но не ее противников, а вермахта. За 27 млн. советских граждан, погибших в войне, стоят не «весомые и законные интересы и права» СССР, как полагают некоторые авторы. Права вытекают из реального влияния на исход войны, а из этих потерь следует обязанность оставшихся в живых извлечь уроки прошлого. Может быть, по-своему и прав поэт, утверждая: чем больше жертв, тем выше алтарь победы. Но разве нормальный человек будет радоваться и гордиться высотой такого алтаря? Красная Армия на самом деле освободила, например, Польшу с участием ее войск, но правомерно ли выдвигать на первый план потери РККА только убитыми — свыше 600 тыс., тем более что Польша пропорционально своему населению понесла еще большие, чем СССР, потери. Непомерные жертвы — это горе народное, это позор сталинского руководства, но не доблесть. Кто вспоминает о них всуе, тот не освободился еще от мифологии⁴.

¹ Брежнев Л. И. Великая победа советского народа. М., 1965. С. 15.

² См.: Вопросы истории. 1988. № 9. С. 117—118.

³ Сын Отечества. 1991. 8 мая.

⁴ См., например: Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб. 1995. С. 81.

Осталась фигура умолчания. Старательно описывают ущерб, причиненный противнику, оставляя без внимания потери РККА. Так, «Красная звезда» в 1990 г. в который раз описывает жертвы вермахта во время осады Севастополя. А сколько людей потеряла Красная Армия за страшные 250 дней, сколько человек сталинское руководство бросило в осажденном городе на произвол судьбы? Из книги в книгу переходят сведения об общих потерях вермахта свыше 1 млн. человек, понесенных им вследствие действий советских партизан. А сколько потеряли партизаны? Неужели не ясно, что такая нелепая односторонность наносит вред именно воспитанию, о котором так пекутся эти авторы¹.

Не получили оценки громко звучащие, особенно после 1943 г., призывы устанавливать флаги (флажки) на отвоеванных у противника высотах, зданиях. Насколько они были оправданы? Наибольший размах приобрела кампания за водружение Знамени Победы над рейхстагом. Время от времени она возрождается и в наши дни. Так, Г. Куманев и В. Сеоев в своем обширном интервью «Правде» 30 апреля 1990 г. говорили об ожесточенных боях за овладение этим зданием, о своеобразном состязании частей и подразделений — кто первым водрузит знамя. К сожалению, снова обойдены молчанием вопросы, а нужно ли было штурмовать рейхстаг, какие потери мы понесли в ходе этого кровавого спектакля. Неужели имевшихся к тому моменту и пролитой крови, и реальных достижений было мало, чтобы воспеть подвиг армии, и главное ее «вождю»? Осталось в литературе и просто жульничество. Так, приведенные в т. 6 6-томника сведения о потерях вермахта убитыми, ранеными, пропавшими без вести (13,6 млн. в целом и 10 млн. — на Восточном фронте) выдают за число только убитых; сопоставляют потери Красной Армии убитыми с безвозвратными потерями вермахта (которые включают и пропавших без вести, и инвалидов). «Военно-исторический журнал» голословно отверг упоминавшийся подход авторов 6-томника, включив в число убитых красноармейцев (10 млн.) и 4,5 млн. погибших пленных².

Интервью, взятое Филатовым у Моисеева и опубликованное в «Военно-историческом журнале» (№ 3, 1990), в какой-то мере основано на трудах специальной комиссии, исследовавшей жертвы СССР в военные годы. Эта публикация была призвана положить конец дискуссиям по проблеме. Однако она не носит научного характера. Ее составители с порога отменили как «домыслы» все имеющиеся достижения историко-

¹ См.: Красная звезда. 1990. 10 января, 20 марта, 3 апреля; Правда. 1991. 6 июня; История СССР. 1991. № 2. С. 3—31.

² См. Великая Отечественная война 1941—1945. Словарь-справочник. С. 125; Гудок. 1988. 1 сентября; Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 52; № 9. С. 38—39.

графии. Тон публикации категоричен, лишь вскользь упоминается о возможности получения в будущем «более точных цифр», по существу — более полного числа. Методика подсчета потерь неясна. Ссылка на «донесения фронтов, флотов, отдельных армий» малоубедительна. Эти материалы поражены сталинистской фальсификацией. Напомним в этой связи о сообщениях Совинформбюро, составлявшихся не без ведома Генштаба. Заглавие публикации Моисеева—Филатова «Цена победы» обязывало их дать сведения о жертвах и гражданского населения. Тем более что вооруженные силы несут за них непосредственную ответственность. Приведенные в тексте новые данные о погибших и раненых красноармейцах (8 668 400¹ и около 18 млн.) слишком общи. Составители не захотели соотнести эти данные с ранее опубликованными материалами, например, о безвозвратных потерях в 17,2 млн. человек².

Содержание публикации, как сообщают составители, утвердила «высокая инстанция». «Правда», получившая эти сведения из ИВИ, предварила информацию словами «Из компетентных источников». К сожалению, мы не можем разделить такого мнения. Публикация составлена безграмотно и неряшливо. Потери убитыми, ранеными бездумно сопоставляются просто с «потерями», «безвозвратными потерями». В том же номере журнала на «Страничке главного редактора» Филатов в развязной форме утверждал, что сведения о потерях СССР (20 млн.) будто бы сфабрикованы пропагандистами вермахта еще в 1942 г. и ныне направлены на «разложение наших войск». Вызывает сомнение оценка безвозвратных потерь СССР по годам войны. Если на первые два года (оборону и отступление) приходится немногим более 50 процентов, то вывод о «наибольших потерях» в этот период представляется некорректным. Из публикации следует, что соотношение потерь оставалось для Красной Армии крайне неблагоприятным на протяжении всей войны. Если после первых полутора лет число красноармейцев, оказавшихся в плену, «быстро пошло на убыль», а число общих потерь существенно не уменьшилось, значит, росло число убитых³. Если громадные людские жертвы можно легко объяснить известными просчетами Сталина и его советников накануне и в начале войны, потерей примерно 90 процентов танков, артиллерии, самолетов, то чем же оправдать жертвы 1943—1945 гг., когда мы достигли и количественного, и качественного превосходства?

Еще меньшее доверие вызывают сведения о том, что на

¹ В это число включены убитые, пропавшие без вести, не вернувшиеся из плена, умершие (Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 14.).

² Красная звезда. 1990. 24 января; 8 мая.

³ Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 53.

1941 г. падает лишь пятая часть потерь за всю войну, то есть примерно 1,7 млн., в том числе около 1,5 млн. — в Смоленском сражении, Киевской и Московской оборонительных операциях. Не слишком ли малую долю (200 тыс.) оставили авторы всему приграничному сражению, Ленинградской битве и другим боевым действиям 1941 г. И главное. Как можно «вместить» почти 2 млн. умерших пленных 1941 г. в отведенное авторами общее число потерь погибших (1,7 млн.)? По данным В. Козлова, в этот период только убитыми и пленными Красная Армия потеряла около 5 млн. человек¹. Впрочем, часть сведений уже пересмотрена. Если, по Моисееву, безвозвратные потери РККА в 1941 г. составили «свыше 20 процентов» от таких потерь в войне, то, по Кривошееву, — 27,8 процентов. В 1942 г. соответственно: «около трети» и 28,9 процента. Кривошеев на период отступления относит свыше 56 процента этих потерь. По данным этого автора, безвозвратные потери (по его оценке — это убитые, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации, пропавшие без вести, попавшие в плен, небоевые потери; то есть без учета искалеченных) составили 11 млн. 285 тыс.²

Во всяком случае, ныне распространенный тезис о главных потерях в 1941 г.³ сильно поколеблен; тем более что некоторые военные историки пришли к выводу: и в конце войны были огромные потери⁴. Но это лишь подтверждает уже известное читателю мнение о том, что воздействие фактора внезапности не прекратилось в начале 1942 г. На все эти вопросы нет ответа в весьма беглых пояснениях, которые дали Моисеев и Филатов в своей публикации. Они ни словом не оговорились, что в Генеральном штабе нет необходимых данных для полного решения проблемы, что в течение 40 лет там не занимались ею. Весьма прискорбно, что составители упустили случай отмежеваться от преступлений сталинизма, принести извинения народу и армии от имени своего ведомства, ответственного за то, что имена миллионов погибших не известны, останки многих из них не погребены, многим награжденным не вручены награды.

Помимо стремления всячески преуменьшить потери СССР, особенно потери боевые, существует в литературе и противоположная, в той же степени ненаучная тенденция — преувеличивать эти потери. Сообщают о 78 и даже 90 млн. погибших в 1917—1950 гг. Ю. Геллер пишет о 14-кратном превосходстве потерь РККА. При этом преувеличивается число потерь Красной Армии и преуменьшаются потери вер-

¹ Вопросы истории. 1989. № 2. С. 132.

² Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 15; 1991. № 2. С. 4, 13.

³ См., например: Историки спорят. М., 1988. С. 314.

⁴ См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 10; № 3. С. 48—51.

махта: лишь 3 млн. убитых, в том числе на Восточном фронте только 1,5 млн. человек¹. Авторы не сообщают о своих источниках. Их выводы не производят серьезного впечатления. Когда на фронте одного штабного офицера упрекнули в том, что он преувеличивает число солдат и офицеров вермахта, выведенных из строя его частью, он бойко возразил: «А ты что — фашистов жалеешь?» Не такая ли методология и у Геллера с коллегами?

В литературе о потерях, как и в освещении ряда других проблем войны, проявили активность ученые, ранее не занимавшиеся этой тематикой. Свободные от охранительных тенденций, они поддерживали или придали новое развитие плодотворным методикам подсчета, хотя некоторые из них и переоценивают при этом степень изученности людских потерь минувшей войны. Еще в 1961 г. Б. Урланисом были опубликованы немецкие данные о потерях Германии убитыми — свыше 6 млн. Однако военные историки эти данные, как правило, игнорируют. В 1994 г. названо соответствующее число боевых потерь — свыше 4 млн. Часть авторов с полным основанием подчеркнула, что немецкие сведения о боевых потерях основаны главным образом на поименных донесениях вермахта и отличаются большой ненадежностью. Среди работ этих авторов отметим статью Б. Соколова и написанную на ее основе книгу «Цена победы» (1991), а также статью В. Козлова «О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». На них сразу же откликнулся «Военно-исторический журнал», обвинив ученых в пропаганде враждебных суждений о Красной Армии, приписав им «домыслы», отвергнув их выводы по известной схеме «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Тщетно пытается журнал опровергнуть цифры 5:1, означающие примерно соотношение потерь РККА и Восточного фронта вермахта².

Обратимся к этому главному вопросу. Именно соотношение потерь сторон на советско-германском фронте компрометирует сталинское руководство в наибольшей мере. В оценке советских потерь, на наш взгляд, наиболее близки к истине авторы 6-томника. Отметив, что урон СССР в людях составил 20 млн., ее авторы подчеркнули, что «почти половину» этого числа составляли «мирные жители и военнопленные». Вооруженные же силы потеряли на поле боя убитыми свыше 10 млн. человек. Лишь спустя 20 лет, — в 1985 г. в советской литературе (Б. Бессонов) вернулись к этой оценке — 14 млн. погиб-

¹ См.: Родина. 1990. № 11. С. 29; Дружба народов. 1989. № 9. С. 242.

² Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1961. С. 205. Он же. История военных потерь. СПб. 1994. С. 205. Соколов Б. В. Цена победы. М., 1991; Военно-исторический журнал. 1988. № 10; 1989. № 6; 1991. № 4; Независимая газета. 1991. 13 июля.

ших красноармейцев¹, что в основном совпадает с мнением и зарубежных исследователей². Насколько можно судить по некоторым публикациям, разрыв между числами 14 млн. и 8 млн. объясняется различием в оценке красноармейцев в плену. Известно, что общее число потерь СССР убитыми в трудах Самсонова и ряда других исследователей уточнено до 27 млн. Трудно, однако, предположить, что это приведет к пересмотру числа погибших военнослужащих в сторону уменьшения.

Потери вермахта убитыми, по немецким данным, составляют свыше 4 млн.³, в том числе на Восточном фронте — 2,8 млн. Последнее число высчитано в соответствии с представлением советских военных историков о том, что вермахт понес на Востоке свыше 70 процентов своих потерь. Производят странное впечатление попытки ряда советских военных руководителей оспорить число 2,8 млн. Они утверждают, что потери вермахта по сравнению с РККА будто бы «были несколько не меньшими. Ведь фашистскому командованию к концу войны пришлось проводить тотальную мобилизацию». Заметим, что такую мобилизацию оно начало уже на рубеже 1941—1942 гг. Но это не имеет прямого отношения к делу. И главное. Зачем советским историкам, не сосчитав своих, братья за чужих? На какие источники они могут опираться при этом? Тем более что расчеты немецких специалистов до сих пор не вызвали сомнений в мировой литературе.

Итак, около 14 и 2,8. Соотношение потерь убитыми РККА и Восточного фронта составляет примерно 5:1. В целом жертвы населения СССР и Германии — 4,5:1; есть оценки 2:1, 3,5:1, 7:1 и другие. Они не представляются доказанными, как и такой расчет: потери Германии — 4 млн., СССР — 20 млн., соотношение 1:5. СССР и Германия из всех держав двух враждебных коалиций понесли наибольшие потери. Некоторые авторы ошибочно рассматривают в сумме потери Германии и ее союзников, с одной стороны, а потери СССР — без союзников, — с другой⁴. Несомненно, жертвы обеих коалиций должны составить предмет дальнейших исследований. При этом, естественно, должны будут учтены не только сравнительно небольшие потери США и Англии (соответственно: 405 тыс. и 375 тыс.), но и огромные жертвы Польши (6 млн.), Югославии (1,7 млн.).

Среди потерь РККА особое место занимает плен. Число красноармейцев, оказавшихся в плену, у разных авторов различно. Важно подчеркнуть, что в СССР до сих пор нет ни

¹ См.: История Великой Отечественной войны... Т. 6. С. 29—30; Бессонов Б. Н. Фашизм: идеология, политика. М., 1985. С. 4.

² Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1979. Bd. 3. S. 361.

³ Deutschland im zweiten Weltkrieg. B. 1985. Bd. 6. S. 782.

⁴ См.: Красная звезда. 1990. 8 мая.

одной специальной работы. В обзоре «О мифах старых и новых» Гареева этому вопросу отведено две страницы¹. Автор отвергает германские оценки 5,7 млн. и склоняется к выводам комиссии США — около 4 млн. Разницу до 1,7 млн. автор объясняет тем, что «фашистское руководство в число военнопленных включало всех партийных и советских работников, а иногда и членов партии, многих гражданских лиц, угнанных в Германию». Это автор повторяет дважды, но ни разу не ссылается на какой-либо источник. Такой аргумент представляется неубедительным. Зачем фашистам понадобилось такое «включение»? Чтобы прославить вермахт? Но кому не хватало и без того баснословных реальных успехов вермахта? Кроме того, по международным законам военнопленных рано или поздно нужно было бы возвращать. Зачем же их число искусственно увеличивать? Фашисты без труда обходились методами вербовки и насильственной отправкой в Германию граждан многих стран Европы, тем более СССР. Зачем им понадобился такой сложный путь: сначала объявлять их военнопленными, а потом вопреки международному праву использовать их труд? Уже в 1943 г. фашисты начали замечать следы своих преступлений. Но не известно, чтобы они пытались преуменьшить первоначально объявленное количество советских пленников. Фашисты на основании известного приказа о немедленном — в момент захвата — уничтожении политических работников Красной Армии расправлялись не только с теми, но часто и с армейскими коммунистами вообще, кроме того военнослужащими еврейской и цыганской национальности. В 1941 г. они целенаправленно уничтожали вообще советских военнопленных как таковых. Тезис о включении вермахтом гражданских лиц в число военнопленных появился в нашей пропаганде не после войны, как считает автор, а во время нее, по пропагандистским соображениям, ныне вполне понятным.

Не выдерживает критики и другой довод Гареева: в 41-м в плен не могли попасть миллионы, поскольку под ружьем было всего 5 млн., но армия продолжала воевать. Автор упускает важные обстоятельства. В конце года в армии оставалось лишь несколько процентов тех, кто начинал войну. В плен попали также и многие из вновь мобилизованных. Автор сообщает, что по выводам комиссии с участием Жукова (1956), в СССР было учтено лишь немногим больше 2 млн. находившихся в плену, из них свыше 1,8 млн. было репатриировано. В то же время комиссия отмечала, что по немецким данным, 600 тыс. пленных погибло, а «неизвестное количество бывших военнопленных продолжало находиться за рубежом». Складывается впечатление, что на этом уровне знания Гареева и его

¹ Военно-исторический журнал. 1991. № 4.

коллеги остаются и ныне. Он называет «важным источником» донесения фронтов, согласно которым за время войны было 4,5 млн. без вести пропавших и пленных; что «пока не удастся установить судьбу 374 тыс. человек». Но как это согласовать с данными, по меньшей мере трижды опубликованными, о трех миллионах людей, которых до сих пор относят к «без вести пропавшим»?¹

В итоге Гареев принимает общее число военнопленных — примерно 4 млн., а число погибших в плену 600 тыс. или «несколько больше», хотя по данным, приведенным представителями СССР на Нюрнбергском процессе, в плену погибло 3,8 млн. советских военнослужащих. Многочисленные противоречия автор или не замечает, или объясняет их неубедительно. Характерно, что по мнению Ахромеева, из 8 млн. 668 тыс. 400 человек, потерянных за всю войну, на первые шесть месяцев приходится 3 млн. 138 тыс. человек; попали в плен и пропали без вести 3 млн. 396 тыс. 400 человек. Рыбкин же считает, что погибло 4,5 млн. советских военнопленных. Работники одного и того же ведомства могли бы согласовать свои суждения, по крайней мере, объяснить такие разночтения².

Значительная часть советских историков, в первую очередь Самсонов, Семиряга, Козлов³, принимают германские оценки общего количества попавших в плен и числа погибших. Согласно нескольким источникам, по меньшей мере часть немецких оценок основана на поименном учете пленных. В ЦАМО хранится картотека многих фашистских лагерей военнопленных, с помощью которых может быть раскрыта судьба около одного миллиона человек. Карточки содержат весьма подробные сведения о них: фамилия, имя, отчество, девичья фамилия матери, адрес родственников, дата и место рождения, приметы, религия, гражданская и военная специальность, воинская часть, дата и место пленения, в каком состоянии попал в плен, получение прививки, время и причина смерти, место захоронения. В новейшей литературе воспроизведены материалы Международного военного трибунала. Среди них — документ вермахта, согласно которому по состоянию на 20 февраля 1942 г. из 3,9 млн. советских пленных осталось лишь 1,1 млн.⁴

Наиболее значительными среди немецких исследований о советских военнопленных в Германии представляются труды

¹ См.: Красная звезда. 1990. 21, 24 января, 30 июня.

² См.: Гудок. 1991. 22 июня; Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 52.

³ См.: Политическое самообразование. 1988. № 17; История СССР. 1989. № 2; Неделя. 1988. № 11.

⁴ См.: История СССР. 1991. № 2. С. 17, 21; Реабилитирован посмертно. М., 1988. Вып. 1. С. 61—62; Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 53; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1966. Т. 3. С. 29—30.

Х. Штрайта¹. Он сообщает, что в многочисленных «котлах» в ходе приграничного сражения и последующих операций оказались миллионы солдат и офицеров. Только под Киевом — 452 720. Под Киевом, Брянском—Вязмой попали в плен 1,3 млн., в первые полгода войны — около 3,5 млн. человек. Ужасная судьба постигла их в Германии. Из 5,7 млн. советских пленных в начале 1945 г. в лагерях оставалось 930 тыс. До одного миллиона использовались вермахтом как «добровольные помощники». 500 тыс. были освобождены Красной Армией или совершили успешные побеги. Остальные 3,3 млн. (57%) погибли, причем почти 2 млн. — до февраля 1942 г. С этим не согласуется утверждение А. Кваши о том, что «более миллиона» из граждан СССР «воевали против Красной Армии»². По германским данным, лишь меньшая часть этих людей «воевала», большинство же использовалось вермахтом на хозяйственных работах. Вызывает возражение и определение «добровольный». Выбора у этих людей не было: единственной альтернативой их коллаборационизму была смерть. Во всяком случае проблема эта не решена и нельзя всех наших людей объявлять «бывшими гражданами» и «изменниками». Среди них были предатели, но были и Соколовы из шолоховского рассказа «Судьба человека».

Сравнивая положение советских и других военнопленных, Штрайт приводит следующие данные: из 231 тыс. английских и американских военнопленных умерли 8348 (3,6%), «в основном в хаосе последних месяцев войны». По данным Федеральной комиссии историков (ФРГ), Красная Армия взяла в плен около 3 155 000 военнослужащих вермахта. Из них умерло от 1 110 000 до 1 185 000 (35—38%)³. Подчеркивая исключительную жестокость обращения с советскими пленными, Штрайт свидетельствует: фашисты сознательно попрали международное право, в том числе и Гаагскую конвенцию 1907 г. Установленные ею нормы распространялись и на граждан тех государств, которые не присоединились к конвенции. К моменту нападения СССР не признал Женевскую конвенцию о военнопленных 1929 г. и Гаагскую конвенцию 1907 г. Но согласно основам международного права военнопленные тем не менее обеспечивались на уровне резервных войск государства, интернировавшего пленных. Тем более что СССР ратифицировал Женевскую конвенцию о раненых, чем показал, что он априори не отвергает международное право.

По Штрайту, в связи с огромным числом пленных на Восточном фронте руководство вермахта столкнулось со слож-

¹ Streit. Ch. Keine Kameraden. Stuttgart. 1987; Unternehmen Barbarossa Paderborn. 1984.

² См.: Аргументы и факты. 1990. № 19. С. 5; Неделя. 1990. № 25. С. 13.

³ Kriege enden nicht im Frieden. Wuppertal. 1991. S. 59.

ностями. Однако автор отверг попытки германских генералов оправдать гибель пленных. Он сообщает, в частности, как осенью 1941 г. в Польшу были транспортированы для постоянного размещения 361 500 советских пленных, а в апреле 1942 г. из них оставалось в лагерях лишь 44 000; 7500 совершили побеги, 310 000 (более 85%) погибли. Главное командование вермахтом (ОКВ) как в ведении войны, так и в обращении с пленными никакими нормами себя не ограничивало. Причины их смерти: голод, крайне неудовлетворительные условия жизни, транспортировки, обслуживания, систематическое уничтожение определенных групп пленных. Приказом ОКВ от 8 сентября 1941 г. разрешалось, «как правило», применение оружия против советских пленных. Лишь шесть месяцев спустя это было запрещено, поскольку было «слишком много самовольных расстрелов». Одной из причин разгрома Германии в 1914—1918 гг. был голод. Гитлер и его генералы «болезненно воспринимали этот опыт». «Одной из главных целей их нападения на СССР был захват продовольствия». Уже в мае 1941 г. министерствам, планировавшим оккупацию, было ясно, что «следствием этого должна стать смерть миллионов людей в СССР». Пленные, полностью зависимые от завоевателей, первыми испытали это.

Еще до нападения на СССР ОКВ предписывало самое минимальное снабжение пленных. Рацион был намного ниже уровня, обеспечивавшего существование. Так, пленные, шедшие пешком через Белоруссию летом 1941 г., получали в день 20 г пшена и 100 г хлеба или 100 г. пшена без хлеба. По нормам ОКВ (август 1941 г.) они должны были получать 2040—2100 калорий, фактически же снабжение было значительно ниже. Несмотря на распространение среди пленных на почве голода эпидемий, 21 октября генерал-квартирмейстер Э. Вагнер отдал приказ об уменьшении рациона — до 1500 калорий для не работающих вследствие крайней слабости. В это время в Польше умирало ежедневно 4600 советских пленных. Для сооружения своего «жилища» пленные располагали практически лишь колючей проволокой. Сотни тысяч пленных погибли в пути следования от измождения и расстрелов. При транспортировке использовались исключительно открытые вагоны. Был случай, когда из 5000 пленных 1000 замерзли. По данным на начало декабря 1941 г., при таких условиях умирали 25—70% пленных.

Новейшие исследования, подчеркивает Штрайт, показали, что приказ об уничтожении в момент пленения комиссаров Красной Армии в большинстве немецких дивизий неукоснительно выполнялся. Это вскрывает несостоятельность попыток ряда генералов доказать, что они блокировали этот приказ. В мае 1942 г. Гитлер вопреки своему желанию отменил его. С этого времени комиссары должны были направляться

в концлагерь Маутхаузен, где подлежали «уничтожению работой». В ОКВ пришли к выводу, что первоначальный приказ о комиссарах усиливал сопротивление РККА. Все приказы вермахта о советских пленных носили ярко выраженную идеологическую окраску. Советский солдат объявлялся недочеловеком. Попытки отдельных лиц улучшить положение пленных наталкивались на глухую стену в руководстве вермахта, экономики. Начальник ОКВ Кейтель отверг предложение начальника военной разведки Канариса вернуться к традициям рыцарских войн.

В конце октября 1941 г. ОКВ решило изменить отношение к советским пленным. Крах скоротечной войны обострил проблему рабочей силы в промышленности. С ведома Гитлера несколько увеличили рацион питания, ограничили производственные расстрелы. Но положение пленных по-прежнему определялось фразой Г. Гимmlера: «Рассматривать эту человеческую массу как полезное ископаемое». Вследствие длительных лишений в конце 1943 г. среди пленных снова резко усилилась смертность. Расчеты на использование их в качестве рабочей силы в целом не оправдались. Наибольшее число пленных, занятых в германской экономике, составляло 631 000 в августе 1944 г., т. е. 11% общего числа пленных. Подавляющее их большинство было неработоспособно и умирало. Отношение к ним со стороны предпринимателей, как правило, было обусловлено идеологической ненавистью и соображениями наживы. «Высшим законом», считал генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы гауляйтер Заукель, должно стать «выбить из восточных пленных как можно больше»¹.

В отечественной и зарубежной историографии нет единого мнения о причинах неимоверных потерь РККА. Л. Рыбаковский видит эту причину в низком профессиональном уровне армии, он делает общее заключение: непрофессиональная армия традиционно ориентирована на победу числом, а не умением. По его данным, во всех крупных европейских войнах Россия теряла на одного погибшего солдата противника трех своих. В этом он видит «самый сильный аргумент в пользу профессиональной армии». Однако представляется необходимым осуществить специальное исследование проблемы, прежде чем говорить что-то определенное. В схеме Рыбаковского отсутствует очень важный момент: в чем особенности проявления названной им тенденции в войне 1941—1945 гг. Иными словами, как соотносятся сталинистское военное руководство и небывало высокая цена победы.

Ряд авторов пытается объяснить большие потери внешни-

¹ Сведения почерпнуты из итогового исследования Х. Штрайта. См.: *Hitlers Krieg?*

ми обстоятельствами. Агрессор с его человеконенавистническими целями и человекоубойной промышленностью, на самом деле, виноват во всем, но лишь в конечном счете. Здесь правомерно напомнить вопросы: как оказался он в глубине чужой земли, кто позволил ему истребить миллионы беззащитных людей. Можно встретить противопоставление «беспощадного использования людских масс советским руководством... бережливому введению в бой с использованием больших материальных средств англо-американским»¹. Эта схема объясняет лишь часть известных фактов. Нельзя отрицать прямую связь между огромными потерями Красной Армии и уровнем сталинистского руководства. Необходимо учитывать, однако, и крайне несправедливое распределение военных усилий внутри антифашистской коалиции. В то время, как СССР сковывал главную мощь общего противника, США и Англия накапливали оптимально необходимые силы и средства, свободно выбирая время, образ и место действий. Определенным кругам удалось добиться желаемого: пусть немцы и русские больше убивают друг друга. И дело здесь не только в искусстве или коварстве западной дипломатии. Как уже отмечалось, все это объясняется, в первую очередь, просчетами во внутри— и внешнеполитической деятельности Сталина и его группы.

Мнению зарубежных специалистов об особенностях советского военного искусства весьма созвучно суждение, появившееся недавно в отечественной литературе. Некоторые авторы утверждают, что якобы вообще не было победы СССР, поскольку ее добились такой кровью; что виновников неоправданных потерь необходимо исторгнуть из истории; что РККА закончила войну, не умея воевать, залила кровью своей, завалила врагов своими трупами. Это также крайность². «Не умеющий воевать» не победил бы и большой ценой. Зарубежные военные историки, подчеркивая вклад Красной Армии в дело победы, не сбрасывают со счетов успешных ее операций, особенно 1944—1945 гг.

В ряде новейших публикаций представлены различные суждения советских военных историков, как повторяющиеся в течение десятилетий, так и претендующие на новизну. Таков тезис о жестокой политике агрессора по отношению к советскому населению как причине непомерных потерь СССР. По мнению Рыбкина, «большая разница в потерях — это, прежде всего, результат различного политического характера войны». В этом суждении — доведенный до абсурда классовый подход, влияние тезиса о нациях агрессивных и миролюбивых. На самом деле зло — в порочном руководстве

¹ Jacobsen H.-A. Der Weg zur Teilung der Welt. Koblenz. 1978. S. 488.

² См.: Вопросы истории. 1988. № 6. С. 34.

одной из «миролюбивых наций». Анфилов, признав скороговоркой преступления и просчеты Сталина, утверждает, что «главная причина наших огромных потерь — жесточенность борьбы с агрессором». «Эта война, — говорил Гитлер, — будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего». В таком духе враг и действовал. Ставка в этой войне была: либо жить, либо быть уничтоженным¹. Автор прав, только далеко не во всем. «Жесточенность» в боевых действиях — оружие обоюдоострое. Почему же она принесла такие потери СССР, а не Германии? «Жестокость Гитлера» действительно обусловила смерть в плену миллионов красноармейцев. В условиях обычной войны пленным гарантируется жизнь. Но по чьей вине миллионы красноармейцев оказались в фашистском плену?

Соотношение потерь пытаются обойти молчанием с помощью самых различных приемов. Кривошеев объясняет рост людских потерь «высокой технической оснащенностью» воевавших армий². Но почему другим армиям это оснащение позволило решительно уменьшить потери? И, главное, такой довод совершенно не проливает свет на наш вопрос: соотношение потерь сторон на советско-германском фронте. «Пацифисты кричат, — утверждает Филатов, — что победа досталась слишком дорогой ценой! А поражение было бы дешевле?» Но это же подмена тезиса. Генерал неловко ушел от вопроса о цене победы к вопросу о цене поражения, о целесообразности защиты Родины. Н. Раманичев как будто идет по тонкому льду: в 1944—1945 гг. «конечный результат операции порой затмевал объективную оценку того, какой ценой достигался успех». Сталин выражался не так витиевато и куда более определенно: «выполнить задачу, не считаясь с жертвами». Хорьков вместо «порой» вводит слово «иногда»: «Не всегда даже оправданные, справедливые политические цели достигались глубоко продуманными, всесторонне взвешенными военными средствами... иногда жизни людей приносились в жертву желанию первым отрапортовать об успехе». Тюшкевич признал, что наступление на Висле началось 12—14 января 1945 г. при «неполной готовности войск», что «конечно, увеличивало число наших потерь». Но сделал абсурдную с точки зрения военной теории даже начала XIX в. оговорку. Она по сути дела лишает историка права судить об этом решении Сталина или исключает возможность сколько-нибудь объективной оценки. «На каких же весах, — восклицает автор, — измерить целесообразность или политический, стратегичес-

¹ См.: Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 213, 214, 260; Красная звезда. 1991. 21 февраля.

² Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 12.

кий, нравственный приоритет того или иного решения?! Все тут, по-моему, зависит от конкретной ситуации и от мировоззренческой позиции исследователя, от системы его приоритетов»¹.

Кривошеев сводит причины потерь к «внезапному и вероломному» нападению Германии на СССР². Место этого фактора в ряду других, конечно, нельзя преуменьшить. Но автор ставит на этом точку. В действительности сам внезапный для СССР характер нападения, как было показано, был следствием более глубокой причины. «Немцы воюют расчетливее, стараясь избежать лишних жертв». Эту мысль опубликует писатель В. Кондратьев лишь спустя 48 лет³. Историкам запрещалось признавать нечто подобное. В действительности Сталина мало интересовала цена победы. Ему нужен был результат. «Вождь» и его советники исходили из того, что человеческие и материальные ресурсы неисчерпаемы, и не дорожили жизнью солдат и офицеров. Это проявлялось в самых различных формах, сказалось это и на общем почерке командования⁴.

Нельзя считать проблему потерь изученной, а имеющиеся оценки — окончательными, как прямо или косвенно утверждает ряд авторов. Хорьков, например, вообще сомневается в возможности получить точные данные, поскольку самые большие потери понесли в начале войны. Но именно за этот период в архивах нет никаких данных. В окружении тогда попадали не только полки, дивизии, но и целые армии, уничтожая все оперативные документы, среди них — и о численном составе. Но погибали далеко не все. Кто-то переходил линию фронта, скрывался в партизанах, в плену. Такие суждения не лишены оснований. Однако это не означает, что историки должны опустить руки, хотя к сказанному автором можно присовокупить и другие трудности. До сих пор нет единого мнения о количестве призванных в армию во время войны: «более 20 млн. человек», «около 29 млн.». Кваша высказывает мысль о неточности подсчетов населения СССР накануне и после войны. Известно, что число 27 млн. получено в результате сопоставления именно этих данных⁵.

Показательно отношение различных авторов к упоминавшейся комиссии. По мнению Гареева, «данные о действительных потерях тщательно исследованы специальной комиссией» и опубликованы (в интервью Моисеева Филатову). На самом деле, комиссия, хотя она и состояла из авторитетных предста-

¹ Известия. 1990. 8 мая.

² Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 16.

³ Цит. по: Коммунист. 1990. № 7. С. 123.

⁴ См.: Звезда. 1990. № 7. С. 170, 196.

⁵ См.: Известия. 1990. 8 мая; Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 58; 1991. № 4. С. 49. Аргументы и факты. 1990. № 19. С. 5.

вителей АН, Госкомстата, МО СССР, далеко не решила проблемы. Как отметил Рыбаковский, «ее оценка не может быть окончательной», ею «слабо использованы архивные материалы из-за ограниченного доступа к ним». В какой-то степени будет, очевидно, оправдана параллель с тем, что потери гражданской войны в СССР также до сих пор не изучены, хотя в этом случае перед исследователем трудности встают несравненно большие, чем при изучении потерь второй мировой войны. Одно из препятствий на пути к истине — это идеологизированность историков, публицистов, писателей, занимающихся проблемой потерь. Играть роль их отношение к марксизму-ленинизму, Октябрьской революции, сталинизму. Часто по политическим соображениям авторы считают возможным отступить в той или иной мере от профессиональных требований. «Я исчисляю наши потери в 100 миллионов человек», утверждает А. Н. Рыбаков, имея в виду потери советского общества после 1917 г. не посвящая, однако, в тайны своих «исчислений»¹.

Серьезно тормозит дело методологическая недисциплинированность многих лиц, обратившихся к интересующему нас вопросу. В литературе просто свирепствует понятийная неразбериха. Очень часто нельзя понять, о каких потерях идет речь — прямых или косвенных, общих или боевых, безвозвратных или санитарных, безвозвратных или умершими от ран и т. д. Продолжается преднамеренное или по малограмотности смешение понятий цены и значения победы, исхода войны. Некоторые авторы, в частности Тюшкевич, пытаются найти разницу между «ценой войны» и «ценой победы». Но для того, чтобы выделить из общих потерь («цена войны») армейские («цена победы»), нужно ли вводить какие-то термины, да еще и явно не бесспорные? Цена войны и цена победы на деле сливаются, поскольку победа суть неотъемлемая часть войны, ее завершение, ее итог. Если следовать логике автора, то народ «работал на войну», а Вооруженные Силы — на «победу». Шкадов приписывает авторам, пытающимся изучить потери СССР, не свойственное им намерение «обесценить нашу победу необоснованно большими жертвами». «И все же она победила», — восклицает Анфилов, пытаясь закрыть таким путем проблему потерь армии. «Вроде бы и не наша армия внесла решающий вклад в разгром гитлеровской машины. Вроде бы и не было победы», — в унисон с ним пишет Моисеев. «Цена победы определяется ее результатами», по меньшей мере некорректно заявляет Гареев. Какие «результаты» имеет в виду автор? Человеческие жизни, материальные поте-

¹ Цит. по: Политическое образование. 1989. № 10. С. 98; Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 21; Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 159; Россия. 1991. № 35. С. 8.

ри? Тогда с ним нельзя не согласиться. А может быть, в этой мысли — некая модификация старого девиза «цель оправдывает средства»?

Бесспорным является главный вклад СССР в разгром фашизма, бесспорно историческое место победы вообще. Она определила дальнейшее развитие всего человечества. Эти истины приняты ныне мировой наукой. Ученые отмечают, что Вооруженные Силы СССР постоянно привлекали на себя большинство войск противника. Более двух третей его потерь приходится на Восточный фронт. Об этом можно и нужно говорить без всяких оговорок. Недаром многие западные исследователи отождествляют провал Восточного похода фашистов с итогами второй мировой войны. Другое дело — непомерно высокая цена этой победы, связанные с ней другие теневые стороны военной истории СССР. До последних лет простое упоминание о них многие генералы и политики относят к разряду «антикоммунистических и иных фальсификаций». Высокая цена победы — такой же реальный факт истории, как и решающая роль СССР в войне. Первая не может затмить второй, так же как и вторая не позволяет забывать о первой.

Не изучены многие проблемы потерь минувшей войны. Среди них — число советских потерь, их виды, потери в ходе различных операций, различных государств — участниц войны. Не осуществлен сравнительный анализ потерь двух коалиций, не раскрыта ответственность за потери. В связи с активизацией антисоциалистического и националистического экстремизма важно иметь оценку потерь различных республик, составлявших СССР. Нет единого мнения о потерях Ленинграда и других городов. Полностью выпал из поля зрения официальной историографии и такой важный сюжет, как влияние потерь на развитие страны послевоенных десятилетий в областях экономической, политической, идеологической, демографической. Напомним, в частности, о глубоком демографическом спаде 80-х гг. Демографическая же катастрофа 90-х гг. вызвана уже незадачливыми «реформаторами».

Выход в свет под редакцией Кривошеева справочника о советских военных потерях², к сожалению, не решил проблемы. Он основан на той же ненаучной методологии, что и названные статьи Моисеева, других авторов. Составители не замечают, что соотношение потерь — это главный показатель эффективности действий армии и уровня ее руководства; что даже при явно «улучшенном» ими соотношении потерь сто-

¹ См.: Правда. 1993. 28 апреля.

² См.: Гриф секретности снять... М., 1993; нашу рецензию: Свободная мысль. 1993. № 3. С. 114—116. Ср.: Ржешевский О. (Красная звезда. 1993. 6 мая).

рон 1:1,3 в пользу фашистского блока (не ясно, как подсчитано это) нельзя говорить о некоем «триумфе сталинской полководческой школы». Они не объяснили непомерные потери советских войск, в частности жестокое расходование сил пехоты при плохом огневом обеспечении ее действий; ответственность за потери.

Основу справочника составили 111 таблиц, отражающих представления составителей о боевых потерях в 1918—1989 гг. (особенно 1941—1945) — по годам войн, фронтам, операциям, видам Вооруженных Сил и родам войск. Книгу назвали «исследованием», но пренебрегли многими требованиями науки, да и элементарной нравственности. Как можно считать себя «первыми», отменяя труды отечественных и зарубежных ученых? Почему, отбросив основную категорию (убитые, умершие), составители стали оперировать понятием «безвозвратные потери»? Почему они уменьшили без объяснений известные общие потери Красной Армии, ее потери за рубежом, в том числе в Берлинской операции? Составители считают окончательными свои заключения, сами же признают мимоходом, что учет людей в РККА во время войны был поставлен неудовлетворительно, а затем в течение почти полувека изучением потерь всерьез вообще не занимались. Составители постоянно обнаруживают свое желание любыми способами преуменьшить потери армии. Настораживает то обстоятельство, что после публикаций Моисеева за последние три года число потерь осталось неизменным. Не прекращено ли снова на десятилетия исследование этой важнейшей проблемы?

В последние годы появилось несколько новых специальных работ. Они не меняют общей картины. В статьях Кривошеева («Вестник границы России». 1995. № 5 и др.) в какой-то степени учтена наша критика. Автор приводит новое число «безвозвратных людских потерь РККА» — не 8 668 400, а 9 168 400. Он учел какую-то часть призывников, погибших до зачисления в списки войсковых частей. Но учтены по-прежнему далеко не все погибшие в боях комбатанты. Автор ввел стыдливый термин «списочный состав армии», чтобы вновь оставить вне внимания, например, ополчение с его непомерными жертвами. Генерал упрямо утверждает, что самые большие потери СССР — решающий вклад в победу коалиции. Представляет интерес сборник «Людские потери СССР в период второй мировой войны» (СПб., 1995). Авторы почти 30 статей в той или иной степени, как правило, впервые осветили самые различные вопросы — от методики изучения людских потерь до голода в тыловых районах, от жертв армии до цены эвакуации. Преобладают, однако, частные темы. Гареев, Кривошеев, другие уже известные нам авторы лишь повторяют свои ранние публикации.

В большинстве новых публикаций обнаруживаются старые заблуждения или преднамеренная ложь. Мы не склонны преувеличивать разницу между гибелью на поле боя и иной смертью. Но в данном случае речь идет о сознательных усилиях скрыть ответственность военных лидеров за жертвы среди мирного населения, преуменьшить боевые потери, чтобы навязать мнение о «триумфе сталинского (или жуковского?) военного искусства». Эти авторы не замечают, что и при соотношении потерь сторон РККА и вермахта 1:1,3 (по данным Кривошеева) нельзя говорить о «триумфе». Ряд недобросовестных историков поставил под сомнение проверенный временем показатель эффективности действий армий и профессионализма военных вождей — соотношение потерь, не предложив, впрочем, ничего нового. Другие не видят прямой зависимости масштабов потерь от качества войск и руководства ими.

По-прежнему искажают причины «больших утрат» СССР. Кривошеев и его соавторы объясняют это «прежде всего тем, что... он принял на себя основной удар и длительное время фактически один противостоял фашистской Германии и ее союзникам». Они ссылаются на «массовое уничтожение» агрессором советских людей; на «каток войны», что дважды прошел по земле СССР; на «предателей», что также входят в число потерь. Но все это — полуправда. Эти обстоятельства действительно неблагоприятны для СССР. Но они возникли не без участия его политических и военных руководителей или по их прямой вине. Так, противники и союзники СССР вступали в войну, выбирая наиболее удобное для них время. Но что помешало СССР поступать так же? Кто пустил жестокого агрессора в глубь страны? Всячески подчеркивая роль союзников Германии, непорядочно забывать союзников СССР, например, Югославию, США, сковавших на Западе и Востоке значительные силы фашистского блока.

Б. Курашвили по существу повторяет мысль А. Довженко о «культуре войны». Фактически оправдывая большие военные потери, он ссылается на уровень производительности труда. Но как объяснить этим «уровнем» разные методы руководства Жукова и Рокоссовского? Геллер и Некрич в «Утопии у власти» среди других причин справедливо отмечают «преступное небрежение советского руководства» в подготовке отпора агрессору. Они сообщают, что «жизнь человеческая в СССР не стоила ни гроша»; «военное командование часто думало не о том, как выиграть *сражение*, не неся при этом ненужных потерь, а как выиграть *бой*, не считаясь ни с какими жертвами»; «бросали людей на убой».

Гареев выделяет три фактора, определивших потери: военнополитический, оперативно-стратегический, пассивность союзников. Первые два фактора автор связывает со Стали-

ным, упорно воздерживаясь назвать все своим именем — порочное сталинистское руководство войной. «...За большие потери не было принято строго спрашивать». Это наибольшие обобщение и признание, на которые решается генерал. Ссылки на союзников, на их второй фронт несерьезны. При чем здесь сосед, если в твоём доме нет порядка? В книге Гареева о Жукове суждения о потерях еще более беспомощны. Он утверждает, что «могло быть хуже», объявляет «недостойным и кощунственным» вспоминать о потерях, наивно объединяет потери РККА и некоторых ее союзников, почему-то запрещает сравнивать потери *одного* СССР с потерями *одной* Германии без союзников. Тезис — Жуков будто бы «противостоял» решениям Сталина, приводившим к «несопоставимому урону наших войск» — автор оставляет без доказательств. Лицемерно сравнивает потери войск, руководимых Жуковым, с еще более плачевными результатами, умалчивая о победах малой кровью. Наконец, в разделе «О критериях и цене победы» за туманными рассуждениями о генезисе и итогах войны, роли СССР в достижении коалиционной победы, «непримиримости целей сторон» и «особо ожесточенном характере борьбы» автор пытается скрыть главное — некомпетентность и жестокость тирана и многих его выдвигенцев. Гареев вводит наукообразные термины вроде «качество победы, ее цены». Последняя будто бы выражается «не только в приобретениях (?), но и в потерях». В упоминавшейся нами первой книге очерков «Великая Отечественная война» приводятся сведения о потерях РККА под Москвой, они в три раза превышали потери группы армий «Центр». На этом основании авторы, пожалуй, впервые в нашей литературе называют Московскую битву «одной из страшных человеческих трагедий». Но воздерживаются упоминать об искусстве побеждать любой ценой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1

Таким образом, за 40 с лишним лет после смерти Сталина и начала разоблачения культа его личности, менее 10 лет с начала систематической критики сталинизма отечественная историография сделала весьма немного для изучения этой наиболее развитой автократической системы XX в. Ее создателю было выгодно сохранить социалистический фасад системы. Миллионы людей искренне соединяли в своем сознании социализм и Сталина. Ныне «верхние десять тысяч» искусно эксплуатируют эту веру. По недоброй воле этих «верхних» и другим причинам исследования по истории сталинизма крайне редки. И главное. Сильные его последствия остались непреодоленными. В этом мы находим главный источник глубочайшего социального кризиса, в который ввергнута страна.

С изучением второй мировой войны дела обстоят немногим лучше. Создана одна из самых обширных в мире литература, введена в научный оборот масса материалов. Но освещение войны до сих пор остается неполным, односторонним, идеологизированным. Большинство историков рассматривают войну, как правило, вне связи со сталинизмом, имевшим определенное отношение к ее происхождению, оказавшим значительное влияние на ход и исход войны со стороны СССР. Наше исследование представляет собой первую попытку соединить в этой картине эти два явления XX в., по крайней мере, наметить пути такого соединения. Без него, на наш взгляд, немислимо понять ни того, ни другого. Хотя бы потому, что порочная сущность сталинизма проявилась наиболее полно именно во время войны.

Почему литература о сталинизме и войне так долго пребывает в плачевном состоянии? Отметим вначале вполне объективное обстоятельство — крайнюю сложность самого предмета исследования. Противоречиво развитие сталинизма, еще больше противоречий в истории советского общества в целом. Тем более что эту историю постоянно искажали и «левые» и «правые».

Ко многим чертам войны 1939—1945 гг. применимы прилагательные превосходной степени. В то же время ее отличает сильнейшая противоречивость. Изучить последнюю

пока бессильна и мировая историография. Сказываются односторонние подходы, политизированность. На самом деле минувшая война — это крайне несправедливые, опасные для всего мира цели агрессора, хорошо организованного, обученного и вооруженного, не связывавшего себя нормами морали и права, особенно относительно «неарийских народов». Но это и самые высокие цели защиты собственной Родины и населения всей Земли; исключительное мужество армий и народов, способность превзойти агрессора в военной науке и технике.

Война советского народа также не может быть оценена однозначно, ее нельзя изображать лишь в мрачных тонах. Общечеловеческие традиции российской истории, гуманистические идеалы Октября продолжали жить в сознании народа, что наиболее ярко проявилось именно в военные годы. Исследователи, отечественные и зарубежные, полагают, что народами СССР руководил не только традиционный патриотизм, но и социалистическая и интернационалистическая идея. И ВКП(б) не может быть оценена однозначно. Ее аппарат представлял собой инструмент в руках «вождя». Однако были миллионы рядовых членов партии, не имевших отношения к делам верхов. В подавляющем большинстве своем это были наиболее добросовестные рабочие, крестьяне, служащие, красноармейцы. Самовластье ослабляло их влияние, но отнюдь не исключало его. Многие рядовые члены партии, местные ее организации вели эффективную работу во имя победы. Официально провозглашенные демократические принципы, нормы поведения позволяли им в той или иной мере нейтрализовать пагубные влияния сталинизма, независимо от того, сознавали они его сущность или нет.

Противоречивы итоги войны Советского Союза. Великая победа — результат не только разгрома жестоких пришельцев, но и одновременно преодоления воздействия укоренившегося в стране сталинизма, его преступлений, главным образом против советских людей, грубейших политических и военных просчетов. С полным основанием мы говорим об общем прогрессивном воздействии разгрома фашизма на развитие всего человечества. Но победа, сохранив и укрепив независимость СССР, одновременно укрепила диктатуру Сталина; разрушила фашистские государства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, однако там возникли авторитарные же режимы. Имперские тенденции сталинской дипломатии, общая ее ограниченность явились одним из условий возникновения «холодной войны». Этому способствовали огромные потери СССР, породившие самоуверенность влиятельных кругов Запада. Они также ответственны за «холодную войну». Они вели ее под лозунгами «антикоммунизма», хотя Сталин и его окружение на деле давно превратили коммунистическую идеоло-

гию в пустую риторику. Она лишь сопровождала внешнюю политику.

Однако определяют отставание отечественной исторической литературы, на наш взгляд, субъективные обстоятельства. В первую очередь это грубый диктат и прямое вторжение первых лиц (от Сталина до Ельцина) и других администраторов в истолкование прошлого; распространение политического произвола на историографию и ее фактическое слияние с примитивной агитацией. На освещение войны не лучшее влияние оказывает современная борьба различных лиц и фракций, использующих так или иначе искаженные знания о войне в своих целях. Влияют — неизменно оппортунистическая позиция РАН и иных научных учреждений; своеобразная селекция кадров историков (от физического уничтожения до закрытия военно-исторического факультета). Науку часто представляют посредственные люди, карьеристы, корыстолюбцы. Подавляющее большинство особенно военных историков — это самоучки. Ныне историком считает себя каждый. Особенно вредно, если в руках оказывается печатный орган. Так, один из самых объективных некогда советских журналов «Новое время» тиражирует фальсификации Л. Баткина, К. Любарского, Л. Млечина, А. Пумпянского. Сыграло пагубную роль отсечение военной историографии от ее предистории. Многие наши специалисты, не зная историков и мыслителей прошлого, вынуждены заново открывать для себя азы своей профессии.

Стали правилом пренебрежение теорией, подмена историографии и источниковедения некачественными библиографией и беллетристикой; вытеснение научного исследования «писательским», «журналистским», «статистическим», «документальными романами и повестями» и даже «документально-философской прозой»; непонимание диалектики противоположных тенденций; непомерно большое внимание мелким темам (как покончил с собой Гитлер, как идентифицировали его труп, встречался ли он со Сталиным, были ли двойники у последнего, как вербовали «женщин для комфорта» японских солдат и т. п.).

Закрыта большая часть документов, которые, по мнению недалеких членов Политбюро и маршалов, не отвечали воспитанию народа и армии, безопасности государства. Устранение этого порока проходит вяло. Но мы не считаем недостаток документов «главным препятствием»¹. Проявляя политическую и профессиональную незрелость, многие историки сектантски относятся к зарубежной науке. Сотрудничество носит во многом показной характер. Западные ученые нередко спрашивают, почему они вынуждены принимать у себя не специ-

¹ Ср.: Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 187.

алистов, а вчерашних эмигрантов или сегодняшних чиновников типа Г. Куманева и О. Ржешевского. На Западе понимают, что ситуация в нашей историографии препятствует развитию мировой литературы о войне. Мы должны достаточно четко представить себе, что вследствие отставания советской военной историографии нам волей-неволей придется воспользоваться опытом зарубежной, очевидно, в первую очередь, германской науки в исследовании весьма важных проблем войны. Среди них — роль «вождей», их преступления, военное управление в условиях автократии, судьба военнопленных, сопротивление деспотии, повседневная жизнь народа и армии, эмиграция, преодоление пагубных последствий автократии.

2

Анализ отечественной и зарубежной историографии разных направлений приводит к выводу: для воссоздания истинной картины войны недостаточно описать все положительные и отрицательные явления тех лет. Нужно раскрыть взаимосвязь, взаимодействие всех положительных тенденций, принципов, приемов, идей и действий: демократических и самодержавных, подлинно- и ложносоциалистических, народной инициативы и принуждения, цивилизованных и диких, нормальных и чрезвычайных, целесообразных и абсурдных, интенсивных и экстенсивных, гуманных и зверских, общечеловеческих и провинциальных, героических и подлых. И дело не только в этих полярных вещах. Например, взаимоотношения народа и власти характеризовались самыми различными позициями — от органического сотрудничества до активного протеста. Многие из нас отождествляют социализм и сталинизм, народ и «вождя», армию и «великого стратега», как будто на фронте и в тылу в самых различных формах не проходило противоборство прогрессивного и регрессивного. Наша вина и беда состоит в том, что мы не сумели понять: страшную войну СССР выиграл не благодаря, а вопреки Сталину и сталинизму. Многие из нас не стремятся раскрыть великий подвиг народов, Вооруженных Сил и одновременно — ущербность руководства. Сталинизм, его место в предыстории, ходе и исходе минувшей войны — главная проблема, от решения которой в конечном счете зависит освещение не только войны, но и всего XX в. Преодоление сталинизма осталось актуальнейшей задачей современности, тем более что самые различные попытки реабилитировать и реанимировать сталинизм не только не прекратились, но и усилились.

В. Молотов, Л. Каганович, И. Бенедиктов и те, кто публикует ныне их воспоминания, пытаются доказать, что «систе-

ма» была хороша, поскольку выдержала войну¹. Но они избегают вопросы: какое место занимала эта «система» в ряду геополитических, экономических, морально-психологических и иных факторов победы; не была ли она в большей степени антиисточником, чем источником победы; как соотносятся добро и зло в деятельности Сталина и его группы. Мы полагаем, что главной силой, которая не только возместила громадный ущерб, нанесенный сталинизмом, но и преодолела внешнего врага, был народный энтузиазм, стократ усиленный угрозой порабощения. На чудовищные поражения и гибель армий, потерю городов и сел, республик и областей, на истерику командования народ ответил невиданным в истории единением и волей к победе. С. Ахромеев и другие авторы выводят агрессию, как и «максимальную мобилизацию сил» для ее отражения лишь из «военно-политического и географического положения» СССР², требуют отказаться от «упрощенной» критики «системы» и показать, «в чем конкретно» она «проявила себя отрицательно», а в чем «без нее нельзя было обойтись»³. Несомненно, сверхцентрализация, сверхжестокость, свойственные сталинизму, в какие-то моменты войны, в каких-то пределах способствовали победе. Но означает ли это, что рациональное в «системе» преобладало, что деспотия или ее отдельные элементы были необходимым условием победы?

Новая казенная пропаганда, как правило, обходит сталинизм молчанием, его критику фактически заглушают шумные нападки на марксизм-ленинизм. Некоторые представители новой власти подчас признают «достоинства» Сталина. Умолчание, даже восхваление Сталина и его режима свойственно таким многим документам и газетам партий, объявившим себя преемницами КПСС⁴. «Правда» с конца 1992 г. помещает, мягко выражаясь, далеко не критические материалы о Сталине. Отдельные политики и публицисты заняли открыто апологетические позиции, бездумно эксплуатируя не изжитые еще заблуждения. Однако, приобретая некий тактический успех, они проигрывают стратегически. Пренебрегая истиной, они отрываются от основной части населения, которая не приемлет Сталина и его наследие. Ряд ученых пытается оправдать сталинизм как неизбежный этап исторического развития. И. Яковенко предпринял в этой связи культурологический анализ. Но рассмотрение сталинизма лишь в таких узких рамках не позволило правильно показать его суть. Стремясь вырваться из привычных схем, часто на самом деле по-

¹ См.: Советская культура. 1990. 13 июля.

² Цит. по: Комсомольская правда. 1990. 4 августа.

³ См.: Независимая газета. 1991. 13 июля.

⁴ См.: Программа СКП — КПСС // Гласность. 1993. 22 апреля; см. также: 15 апреля.

рочных, автор рассматривает явление лишь на фоне «перехода от жестких теоцентристских обществ через идеократическое к секулярным». Но можно ли отнести царскую Россию к первым, а СССР — ко вторым? Был ли сталинизм «политической властью идеологии»? Можно ли сводить многообразие социального развития России и всего мира начала XX в. к освобождению от церковной опеки? Является ли идеократия частным случаем теократии? К сожалению, нестрогость понятий, неумное злоупотребление иностранными словами характеризуют всю рецензируемую работу и многие ей подобные.

Автор исходит из неверного представления о том, что сталинизм полностью поглотил общество, что оно при Сталине лишь расходовало «цивилизационный ресурс», но ничего не создавало. Вслед за другими учеными¹, автор верно рассматривает сталинизм как явление международное, но использует материалы лишь отечественной истории. Мы полагаем упрощенным суждение о фашизме как «сталинизме, допустившем церкви, элементы рыночной экономики и частную собственность». Нельзя принять суждение автора о том, что, «только пережив эпоху сталинизма», общество в России «оказывается готовым к дальнейшему развитию». «Социальная аннигиляция», «кровавая вакханалия», «выбраковка обреченных», «экстенсивность и расточительность», «нерациональные ориентиры» сталинизма, по мнению Яковенко, являются не только «фатальными», но и «закономерными и необходимыми». Уничтожая «исходное целое», сталинизм, оказывается, готовил почву «для дальнейшего эволюционного развития». Не стремится ли автор таким путем оправдать современных мастеров «шоковой терапии», любителей «разрушать все до основания»? В былые времена, когда народы и их лидеры не видели способов разрешения конфликтов, кроме разрушения и насилия, суждение Яковенко, может быть, и не вызывало бы возражения. Но мы живем на рубеже XX—XXI вв. Автор явно преуменьшает роль субъективного фактора в истории. Его концепция отнюдь не объединяет людей против возрождения нового авторитаризма².

3

Наше обществоведение и массовая информация в целом оставляют без внимания последствия сталинизма, необходимость эффективных мер против его реставрации³. Авторита-

¹ См.: Сталинизм как всемирно-историческое явление: закономерность, угроза, вызов. Томск. 1992.

² См.: Яковенко И. Сталинизм. Границы явления. // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 33—43.

³ Подробнее см. нашу кн.: Довольно о войне... С. 42—55.

ризм сохранился в мышлении и поведении широких слоев населения. Он — в долготерпении, которое нещадно эксплуатируют правители до сих пор. Он — в усталости, безразличии, страхе, систематически возобновляемом методами вроде кровавого разгона демонстраций в Москве 23 февраля, 22 июня 1992 г., в мае и октябре 1993 г., карательной экспедиции в Чечне; в ложных представлениях о политической ничтожности «простого человека», аморальности любой политики; политической близорукости и безоглядной доверчивости большей части населения, так выгодных авантюристам. Тринадцатый год «реформаторы»-разрушители не без успеха выдают себя за творцов (по собственному заблуждению или лицемерию). С апреля 1985 г. советские рабочие, крестьяне, интеллигенты оказываются не в состоянии создать собственные влиятельные профсоюзы, не говоря уже о политических партиях. Авторитаризм — в пренебрежении к законодательной власти и тупой вере в преимущества самодержавия. Отвергая политиканские нападки на нынешний парламент РФ, мы далеки от его идеализации. Его непоследовательность лишь обостряет опасность установления в стране самовластья. И дело не только в готовности миллионов сотворить себе нового кумира, но и в появлении в стране класса старых и новых миллиардеров. Главной и наиболее опасной носительницей авторитаризма остается та часть старой элиты, которая перешла во властных структурах со вторых мест на первые, предварительно сменив маски советские на антисоветские. Эта опасность — в стремлении временного контрреволюционного режима стать постоянным.

Основные черты сталинизма ныне остались нетронутыми или воспроизведены, хотя и в новых формах и на другом уровне. Такова жестокость. Последовавшая за августом—декабром 1991 г. «революция» по ущербу, нанесенному стране, стоит в одном ряду с «великим переломом 1929 г.» и нашествием 1941 г. За черту бедности отброшено около 80 процентов населения РФ¹. И в этом не было трагической ошибки: «реформаторы» знали, во что обойдутся народу их акции. В органическом единстве с жестокостью воспроизведена другая черта сталинизма — некомпетентность. Секретари провинциальных парткомов и завлабы, журналисты и продавцы цветов без тени сомнений бросились управлять государствами, правительствами, министерствами. Может быть, они надеялись на ходу овладеть мало известным им делом, как «сталинские полководцы» в 1941 г.? Им также свойственна черно-белая манера мышления, им доступны лишь крайности. Вот почему многие их действия являются лишь зеркальным отражением сталинизма. Осуществленные в 30-е гг. всеобщие насильст-

¹ См.: Аргументы и факты. 1993. № 24. С. 4.

венные социализация, коллективизация сменились такими же капитализацией, фермеризацией, индустриализацией; сверхиндустриализация — деиндустриализацией, коррупцией тех же чиновников; жесткая государственная монополия внешней торговли — широко открытыми дверями для иностранных товаров, как правило, низкого качества. Мнимый коммунизм Сталина и его преемников сменился все отрицающим, но совершенно бесплодным «антикоммунизмом».

Проблема использования Россией исторического опыта была поставлена наукой еще в прошлом веке. Чаадаев в «Апологии сумасшедшего» считал положение России «счастливым». Страна обладает «огромным преимуществом», она пришла «после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия». Мыслитель предупреждал от повторения «всего длинного ряда безумств», «всех бедствий», пережитых «старыми обществами» в Западной Европе, находившимися в менее благоприятном положении. Чаадаев верил в силу «просвещенного разума», «сознательной воли», «всемогушего анализа». Но он высказывал сомнение, сумеет ли Россия «судить мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалкой корысти». Увы, ни то, ни другое не дано нашим правителям и их мудрецам. Лишенные здравого смысла и нравственности, они восприняли далеко не лучшее из западного опыта, пренебрегли восточным и, главное, громадным опытом собственной страны. Вслед за Сталиным они бросились «догонять Америку». Однако американизировать Россию так же глупо, как русифицировать США. Новым властителям, как и Сталину, неведом мировой опыт. И вместо разумного соединения отечественных и зарубежных достижений в различных областях общественной жизни нам навязывают банальную реставрацию дофевральских 1917 г. порядков и голые схемы. Пущен в ход миф о «возвращении в мировую цивилизацию». Но наша страна никогда не покидала ее. И, главное, нельзя закрыть глаза на то, что буржуазная цивилизация представлена не только богатыми странами (20 процентов населения земли), но и бедными, в которых миллионы людей ежегодно умирают от голода. Сытый Север потребляет 70 процентов ресурсов Земли, оставляя Юг голодным. Об «угрозе необузданного потребительства» предупреждает архиепископ Кентерберийский Дж. Кэри. Ее признал Клинтон. И в богатых странах до сих пор остаются весьма серьезными проблемы: отчуждение людей друг от друга, жизнь в кредит, боязнь потерять работу, милитаризм, духовное оскудение, низведение культуры до плебейского зрелища, ненависть к иностранцам, засилие мафии, коррупция и терроризм, национальные, экологические и др. Взаимоотношения «Север—Юг», «Восток—Запад» — проблема в первую очередь капитализма. Он ее породил, он

ее постоянно обостряет. Весьма показательно следующее. Как только от Балтики до Адриатики сняли «социалистический железный занавес», западные державы ввели свой занавес, не менее жесткий. Но как быть сейчас ООН с правом человека на передвижение? Очень показательно, что, не приемля ни чистого капитализма, ни чистого социализма, папа Иоанн Павел I не отвергает их полностью, ратуя за регулирование, за социальную справедливость. Он предостерегает против зряшного отрицания «ядра истины» в марксизме, ставшем «притягательной реальностью для западного общества»¹.

Методология абсурда поразила идеологизированную внешнюю политику РФ. Имперские тенденции сталинизма уступили место противоположной крайности, сверхвооружение — безоглядному разоружению, стратегия выдвинутых рубежей — если не паническому бегству, то плохо организованному (под крики: «оккупанты — домой!») возвращению групп советских войск на Родину. «Вечная дружба» с естественными союзниками сменилась прохладными отношениями. Республики ликвидированного СССР и государства распущенного Варшавского Договора заняли унижительную очередь у ворот НАТО. Фактически выведенная из-под парламентского контроля внешняя политика РФ и ряда других республик стала во многом антинациональной. Мы не приемлем тезис о новых «изменниках Родины» — нет доказательств. Но поддержку антиюгославского и антииракского курса Клинтона можно объяснить или предательством, или глухим и наивным догматизмом. После разрушения Вооруженных Сил СССР возникла угроза не только достоинству, но и безопасности страны. Она поставлена в рабское положение должника и просителя. Власти активно денационализуют экономику, в интересах иностранного и компрадорского капитала искусственно поднимают курс доллара по отношению к рублю. Политические спекуляции вокруг зарубежной помощи, рассчитанные на глупцов рассказы о западных лидерах как «друзьях» то Горбачева, то Ельцина, обвинение своих оппонентов в ультрапатриотизме и ностальгии по былому величию не опровергнут реальных фактов. РФ и другие преемники СССР отброшены на задний план. США оказались единственной супердержавой. При неизменной поддержке РФ Соединенные Штаты уже прочно вошли в роль всемирного жандарма, прокурора, судьи и палача. Стремление навязать миру свою волю и свой порядок пронизывает ежегодные послания президентов США, многие практические их действия.

Можно и должно приближать эру нового политического мышления, иного пути у человечества просто нет. Но нельзя считать, что эта эра уже наступила, и поступать соответст-

¹ Известия. 1993. 9 ноября; Независимая газета. 1995. 18 мая.

венно. В мире пока руководствуются главным образом собственными национальными геополитическими интересами. Сильная равноправная РФ, даже во главе с милыми их сердцу «демократами», многим иностранным правителям не нужна. Лишь необразованные люди уповают на новый план Маршалла — для Центральной и Восточной Европы. После 1945 г. было противостояние с СССР, и США срочно воссоздали мощь Германии и Японии.

Некомпетентность — источник «простых решений». Одно из них — с ликвидацией СССР административные границы механически сделали государственными. Под юрисдикцию РФ, а вслед за ней — и других республик отошло все, что находилось на их территориях, в том числе и созданное усилиями всех республик. Слишком скоро стало ясным, что это решение в высшей мере спорно и опасно. За новыми границами остались десятки миллионов людей некоренной национальности, огромные территории, стратегическое вооружение, космодромы и т. д. Другие примеры. Делят поровну советский Военно-Морской Флот на Черном море, сбрасывая со счетов не только судьбы многих тысяч людей, но и здравый смысл. Флот с его сложной инфраструктурой — это живой организм. Разделить его значит уничтожить. Около половины стоимости закупаемого за границей зерна идет на оплату транспортных расходов, и это при огромных возможностях отечественного села.

Идейно-теоретическая немощь нынешних «отцов наций» обнаружилась уже в неумной и поспешной ломке того, что было создано от октября 1917 г. до августа 1991 г. Их непрофессионализм стал особенно наглядным, когда они стали публиковать свои кредо. Рассмотрим, например, «Регламент гражданского общества», составленный В. Костиковым, бывшим пресс-секретарем президента РФ. По банальности своего содержания, интеллектуальному уровню, стилю, языку опус сильно напоминает одновременно «моральный кодекс строителя коммунизма» и памятку для новобранцев. Плохо отредактированный, он переполнен такими перлами, как «возрождающаяся Россия является преемницей Государства России», «сильное государство немыслимо без сильной власти», «перед старостью все равны», «нравственные противоречия разрешаются совестью», «народное творчество, фольклор являются средством самовыражения народа». «Регламент» — это наспех выполненная компиляция отечественного ветхозаветного материала XVIII—XIX вв., дурно приспособленная к нуждам временного режима. Как доморощенный провинциал автор игнорирует многие мировые духовные достижения.

«Регламент» нельзя считать безобидным упражнением чиновника-литератора. Он вреден в политическом и нравственном отношениях. Отдавая дань времени, автор называет

народ «источником власти», воспекает свободу, порицает авторитаризм. Но главная идея Костикова — «сильная власть», «великие правители». Обращаясь к прошлому страны, он апеллирует к ее авторитарным, а не демократическим традициям. Бросается в глаза, что «гарантом чести и достоинства российского воина», по Костикову, является ныне президент, а не конституция.

Игнорируя естественное право народа на сопротивление властям, отвергающим прогрессивные реформы, автор объявляет революции «уродливыми формами разрешения конфликтов». Методологически он следует за Сталиным. Тот, отступая от Маркса и Ленина, связывал развитие общества главным образом с революцией. Всемерно восхваляя ее, он отождествлял революцию исключительно с вооруженным, кровавым восстанием, войной. Наш оппонент, наоборот, решительно порицает революцию, отвергая ее при любых обстоятельствах. Но вслед за Сталиным Костиков и его единомышленники связывают революцию исключительно с мятежами, войнами, блокадами, эпидемиями. «Ненасильственные способы» автор лицемерно сводит к голосованию, фактически отвергая демонстрации, митинги, стачки, пикетирование, другие формы гражданского неповиновения. Многие из этих методов широко применяли «демократы» в борьбе с Горбачевым. Помпезно превозносят они «три дня боев за Белый дом» и даже готовность бомбить Кремль. Все это считалось вполне законным и нравственным. Не двойная ли у них мораль? На каком основании они отбрасывают зарубежный демократический опыт? Конституция ФРГ, например, провозглашает «право всех немцев сопротивляться попыткам устранить конституционный строй»¹.

«Регламент» разрешает человеку выбирать, быть богатым или бедным: «богатство является благом», а «бедность не является стыдом». Но восторженные симпатии автора явно на стороне первого. Его опус — это циничный гимн обогащению путем «личных усилий»(?). Богатство — это «национальная гордость». Его накопление «по величию деяния стоит в ряду с ратными подвигами в защиту Отечества». Богач, но не военный, по мнению автора, «заслуживает наивысшего звания почетного гражданина России»². Дальше некуда... Мы же разделяем точку зрения Жомини, хорошо знавшего предмет (свою трудовую деятельность он начинал в банке). Он гневно осуждал тех, кто «обогащается за счет общественных бедствий, играя на превратностях судьбы и на колебаниях государственного кредита (точь-в-точь как ныне в РФ. — *Авт.*). Горе тем странам, в которых роскошь откупщика или

¹ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Bonn. 1990. S. 21.

² См.: Независимая газета. 1993. 22 июня.

кошелек биржевого дельца будут предпочитаться мундиру храброго воина...»¹.

Очень красноречивы и умолчания. Так, в «Регламенте» ничего нет о политических партиях. Может быть, по мнению автора, самодержец-президент и без их помощи создаст гражданское общество? По существу проигнорирован национальный вопрос. Лишь косвенно показано, как нужно его решать. Костиков возродил старый тезис великоросских шовинистов о «единой и неделимой», о границах внутри страны, которые «могут носить лишь административный характер». Автор все время говорит о «народе», а не «народах», подчас прямо отождествляет «русское» с «российским»... Политически и методологически близки в «Регламенте» ежегодные послания президента парламенту. Пятьдесят семь вопросов избирателей президенту России (1996), описи Н. Михалкова и других кандидатов в придворные идеологи.

Формируемый ныне режим воспринял от своего сталинского предшественника и другую его родовую черту — ложь. И новые властители, преследуя антинародные цели, выступают под чужим флагом. Дело не только в постоянном нарушении предвыборных и иных обещаний («лечь на рельсы», «будет легче» к осени, весне и т. п.), выдаваемых шахтерам и учителям, врачам и студентам. Предвыборная вакханалия 1996 г. перекрыла все рекорды лжи и растраты народного достояния. Она резко подорвала финансовое положение страны. При попустительстве парламента исполнительная власть вместе с близкими к ней финансовыми тузами подчинила себе большинство средств массовой информации. С их помощью они овладели миллионами умов. Развернута настоящая «холодная война» против «коммунистов», «национал-патриотов», депутатов — всех, не согласных с президентом. Преследуемые, как правило, лишены возможности отвечать. Даже парламенту удалось добиться лишь ничтожно малого времени для своих передач по радио и телевидению. Как при Сталине, в этом манипулировании активно участвует раболепствующая часть ученых, журналистов, артистов и др. Достаточно напомнить лицедейство в Бетховенском зале Большого театра или лицемерную киноподелку Э. Рязанова о первом лице. Пропаганда стала одним из главных оплотов режима. Под заклинания о «деидеологизации» осуществляется новая идеологизация, более опасная, чем в 1953—1985 гг. Речь идет не только о циничном разрыве между словом и делом, но и лжи как принципе политики.

Восприняты многие другие сталинские методы, приемы, стереотипы. Так, оказалось вполне выгодным новым властям традиционное ложное отождествление коммунизма—социа-

¹ Жомини А. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 1. С. 79—81.

лизм—сталинизма. Характерно, что это положение унаследовано и крайними оппонентами Ельцина из ряда партий — преемниц КПСС. Поставлены на службу нынешней власти старые тенденциозные сопоставления «до и после» (августа 1991 г.), «у них — у нас». Широко используется «образ врага», легенда об ударе в спину. Созданы мифы о «праведном и добром президенте», которому мешает съезд, Верховный Совет, Конституционный суд, Генеральная прокуратура, Центральный банк, вице-президент; о «красно-коричневых». Особое внимание ученых должен привлечь миф о «демократической реформе», который призван прикрыть контрреволюционную сущность переворота в августе—декабре 1991 г. На самом деле это — не постепенное совершенствование существующего строя в интересах народа (реформа!), а насильственное поспешное восстановление раннекапиталистических и даже докапиталистических структур. «Реформа» — это скоропостижное и массовое обнищание, это праздник расхитителей общественного добра под прикрытием «народной приватизации», это — отброшенная на десятки лет назад страна.

Организаторы явно затянувшейся экстремальной ситуации выдвинули ряд частных положений, связанных с мифом о «реформе». Явно под влиянием сталинизма сфабрикован тезис о невозможности постепенного усовершенствования общества: это «затянуло бы до бесконечности реформу». Многие свидетельствуют о том, что не уверенные в себе власти просто спешат, чтобы народ не успел опомниться. Пропаганда представила «свободный рынок» как средство от всех бед. Но никогда и нигде не было рынка без определенного регулирования. Утверждают, что без огромных жертв не бывает реформ. Но опыт Китая и других стран свидетельствует о другом. Фактический провал «реформы» наступил уже в 1992 г. Под давлением парламента президент РФ был вынужден отказаться, в частности, от замораживания зарплаты и пенсий. Но, сохраняя показной оптимизм, он продолжал идти «вперед», сокращая ассигнования на социальное обеспечение, культуру, науку, образование, оборону, — при сохранении прежней экономической политики, обогащающей своих и зарубежных дельцов. Обречены на провал и другие планы реставрации. Не имея прочной опоры в обществе, власти насаждают «демократию», пытаясь восстановить былую роль сугубо иерархической православной церкви, привлечь на свою сторону «наследников» самой одиозной в Европе XX в. монархии, не менее опереточных потомков дворянства, купечества, казачества, всячески восхваляя их. Но если каждый царь был реформатором или просветителем, дворянин — интеллигентом, церковник — святым, купец — меценатом, а казак — героем (а именно такими их ныне представляют), то отчего же возникали в стране революции и контрреволюции?

Новые власти унаследовали от сталинизма также правовой нигилизм. Наиболее полно он проявился в ликвидации СССР сугубо явочным путем, а также в лихорадочных мерах по изменению общественного строя. Напомним, что это было осуществлено вполне целенаправленно, вопреки четко выраженному на референдуме 17 марта 1991 г. мнению 76 процентов имевших право голоса граждан СССР. По масштабам и глубине, по губительным последствиям, активно поддержанная (может быть, даже просто инспирированная) официальными кругами Запада беловежская акция едва ли имеет себе равных в мировой истории. Подумать только, то, чего тщетно добивались многие великие мировые державы и их агрессивные блоки, удалось совершить нескольким ничтожным людям, будто бы выражавшим интересы славянства!

В этой связи сочинены мифы. Один из них — о «распаде СССР». По оценке даже Р. Пайпса (США), недружелюбно настроенного по отношению к СССР, этот Союз во всех отношениях имел еще большой запас прочности. Развитие событий в СНГ лишь подтвердило справедливость этих слов. Говорят, что лица, укрывшиеся в Беловежской пушке, не имели другого выбора. Они будто бы предупредили войну целых республик против ненавистного московского «центра», утверждает, например, А. Кива¹. Отвергая эту ложь, ученые показали, что не республики, а Ельцин и другие сепаратисты были противниками сохранения Союза. Они вынашивали план устранения СССР и захвата власти в его республиках, по меньшей мере, с начала 1991 г. Беловежский сговор, развязавший руки националистическим группировкам, привел к крупномасштабным войнам между Азербайджаном и Арменией, внутри Азербайджана, Грузии (в том числе против Северной Осетии и Абхазии), Молдавии, Таджикистана, между Северной Осетией и Ингушетией. Возникли конфликты РФ с Украиной, Латвией, Литвой, Эстонией, Татарстаном, Чечней и др. Резко обострился национальный вопрос фактически во всех республиках. Беловежская пушка — это символ волюнтаризма, безответственности в политике, когда лидеры сначала решают, а потом начинают думать о последствиях своих решений. В данном случае снова речь идет не только об исполнительной власти. Парламенты всех республик, в первую очередь РФ, несут ответственность за устранение Союза. Депутатов ввели в заблуждение обещанием создать реальное СНГ, сохранить единые экономику, финансы, армию и т. д. Это объясняет ситуацию, но не оправдывает парламенты. Распуск СССР нанес губительный удар по государственности, народному хозяйству, культуре, науке, образованию, социальной сфере, обороне всех его республик. Непредсказуемо вли-

¹ См.: Независимая газета. 1993. 11 июня.

яние его развала на другие пять шестых света. Назовем только наиболее очевидное: активизацию государственного терроризма США, появление новых ядерных держав¹.

После злонамеренного разрушения СССР парламенты шаг за шагом бездумно наращивали чрезвычайные меры президентов, в большинстве своем бывших партийных секретарей. При этом парламенты явно пренебрегали одним из главных уроков отечественной истории — предупреждение против авторитаризма. До сих пор в РФ и многих других новых государствах нет жесткого механизма, воспреещающего сползанию к самодержавию. И это в условиях явных автократических и антиконституционных поползновений исполнительной власти (1991—1997). Фактически такой курс спровоцирован неустойчивой политикой самих парламентов. В частности, как отмечалось на заседании Верховного Совета РФ 24 июня 1993 г., он далеко не полностью осуществляет одну из своих главных функций — определять и контролировать расходы исполнительной власти. Часто он лишь постфактум утверждает самовластные, весьма сомнительные затраты. Показательно, что широко рекламируемая правительством, прессой, предпринимателями приватизация осуществилась также без утвержденной парламентом программы. Его слабость в условиях дикого рынка привела к тому, что коррупция и другие преступления приобрели огромные масштабы и представляют собой опасность для самого существования государства и народа.

Резко обострившееся в 1991—1997 гг. противоречие между корыстью кучки чиновников и нуворишей, с одной стороны, и коренными интересами основной массы населения — с другой, казенная пропаганда стремится представить в качестве «конституционного» кризиса, борьбы между «реформаторами» и «консерваторами» (эти понятия у нас чрезвычайно размыты) и между президентом и спикером. Подобная персонификация ошибочна. Первый из них обладает огромной личной властью, которой пользуется опрометчиво и бесконтрольно. Второй — лишь постоянно контролируемый выразитель воли большинства депутатов, олицетворяющих высшую власть в государстве. Так маскируется суть дела: столкновение различных вариантов развития. Что и как строить в стране? Среди этих вариантов наиболее полярные — искусственное выведение породы новых эксплуататоров со смутной надеждой превратить их когда-то в благотворителей и прогрессивное реформирование общества (отнюдь не возврат к сталинизму!) путем разумного отбора и соединения высших достижений практики, отечественной и зарубежной.

Не прекращающаяся вплоть до наших дней массированная кампания против законодательной власти началась еще

¹ Ср.: *Mommsen M. Nationalismus in Osteuropa. München. 1992. S. 7—46.*

весной 1992 г., позднее наступила очередь Конституционного суда РФ, Генеральной прокуратуры, вице-президента. Была пущена в ход ложь об изначальной несовместимости Советов и демократии, избрании Съезда народных депутатов по «советским законам», а президента — по каким-то иным. В действительности он был избран согласно закону, принятому в 1991 г. Верховным Советом РСФСР. Внушают ложные мысли о хаосе, будто бы непременно присущему любому парламенту; о второстепенном характере представительной власти и приоритете исполнительной. Дошло до полной нелепости: большинство депутатов отнесли к «оппозиции». Пытаются поставить президентскую власть над законодательной, исполнительной, судебной. Работу Федерального собрания, особенно Думы обходят молчанием или представляют в темном свете. Любую дискуссию дискредитируют как «говорильню», как будто есть другой способ решить тот или иной вопрос. Любые конфликты в залах заседания выдвигают на первое место, представляют как присущее лишь данному депутатскому корпусу. Но в самом старом парламенте мира — английском, до сих пор благоразумно сохраняется «нейтральная полоса», жестко разделяющая фракции. Все достижения парламента относят на счет исполнительной власти, все провалы последней приписывают первому. Стал известным разработанный в окружении президента специальный план: развалить парламент изнутри с помощью подкупа, мелочной мести и опорочения депутатов. У нас как нечто обычное воспринимается нарушение законов и решений Конституционного суда РФ.

Пытаясь отвлечь внимание обывателей от приближающейся полной катастрофы, «команда» президента организует один политический аврал за другим. Дело далеко не ограничивается областью пропаганды. Напомним «особый порядок управления», введенный в марте 1993 г., но благополучно сорванный Съездом. В апреле президентский референдум еще более расколол общество. В мае—июне президент, будто бы уполномоченный избирателями, предпринял попытки отстранить Съезд от разработки и принятия новой конституции. Показательно, что состав, сценарий, регламент специально созданного в этих целях совещания был определен в указанном порядке. Зарубежные и местные «демократы» закрыли на это глаза, как и на оскорбление человеческого достоинства некоторых участников совещания, нанесенное им кремлевской охраной в первый же день его работы. Эта акция сделала совещавшихся еще более покладистыми. Чуть ли не на другой день после 25 апреля, когда большинство избирателей недвусмысленно высказались против досрочного переизбрания депутатов, президент объявил о намерении назначить такие выборы. Среди многих проектов государственного устройства РФ главным образом

рекламируется сомнительная республика при огромных полномочиях президента-полумонарха и ручном парламенте. Действительно же разумные мысли, например, о ликвидации неразберихи в нынешней исполнительной власти приглушены. На самом деле, зачем нужен громадный аппарат президента в центре и на местах, дублирующий правительство и местные советы? Не превращен ли, в частности, премьер-министр в порученца при президенте? Не повторяется ли недавнее прошлое, когда генеральные (первые) секретари решали, а председатели советов были простыми исполнителями и мальчиками для битья? Нужен ли вообще президент нашей стране с ее непреодолимыми авторитарными традициями? Лишь примитивное мышление связывает сильную авторитетную власть исключительно с единодержавием, но не с демократией¹.

Правовой произвол в РФ и ряде других республик сопровождается попытками возродить культ первых лиц. Так, с именем одного только Ельцина пытаются связать близкое «процветание России». Фабрикуют ложную альтернативу: Ельцин или возвращение в «коммунистическое рабство». В тех же целях пущен в ход сочиненный еще при Сталине миф о «всенародно избранном президенте», в действительности за него неизменно голосует лишь меньшинство зарегистрированных избирателей. Фальшиво утверждение о «счастье народном» как единственной цели президента. Зачем же понадобилась ему первобытная борьба за личную власть, ее расширение и укрепление?

Перехватив чужой лозунг о «социально ориентированной экономике», на деле «государство Ельцина» сняло с себя обременительные заботы о народном здоровье, образовании, жилье. «Союз между исполнительной властью и российским предпринимательством» президент объявил «стратегической линией» своей политики. Из этой сакраментальной формулы странным образом исчезли не только парламент, но и сам народ². Приобрели анекдотические формы мифы о постоянных покушениях на первое лицо. Сообщения о подготовке «физического устранения президента» всегда появлялись в нужный момент, например, перед референдумом. Чрезвычайные права получала многочисленная личная охрана президента. Как всякие временщики, президент и его группа спешат воспользоваться всеми благами, от кричащих роскошью квартир до барских усадеб в Подмоскowie.

Возрождение культа прослеживается в подборе кадров по личной преданности чиновников первому лицу, в сосредоточении чрезвычайной власти. В некоторых бывших республи-

¹ Подробнее см.: главу «Проблемы демократии» в кн.: Politische Theorien von Antike bis zur Gegenwart. Bonn. 1991.

² Цит. по: Российская газета. 1993. 30 апреля.

ках СССР президенты брали на себя также функции главы правительства, министра обороны, главнокомандующего Вооруженными Силами. На пьедестал «непогрешимых» и «незаменимых» возводят весьма посредственных лиц с низкой профессиональной подготовкой, медленно думающих и не владеющих грамотной речью. Первые лица покрывают своих провалившихся сановников, когда их интеллектуальная или нравственная неполноценность становятся очевидными. Иногда это принимает скандальный характер, как в случаях с коррупцией в высших звеньях исполнительной власти РФ. Иногда, однако, из окружения президента раздаются необычные голоса. Так, С. Шахрай заявил об «отсутствии политической культуры» у Б. Ельцина. Руцким были раскрыты мотивы избрания кандидата в президенты: в Межрегиональной группе считали, что Ельцин, хотя и «малозначителен», но «удобен»¹. В 1996 г. с угрозами разоблачений выступил бывший главный охранник президента и друг его дома А. Коржаков. В некоторых газетах промелькнуло утверждение: «ельцинизм есть фашизм», «либерал-фашизм»². Едва ли правомерно вводить этот новый «изм». Достаточно ли крупно само явление? Нельзя также определить как «фашизм» любые авторитарные тенденции. Их опасность, к сожалению, не замечают ни многие депутаты, ни значительная часть населения. Так, в окружении президента, несомненно, вынашиваются планы применить любые средства в защиту своей власти, на словах — «в защиту реформы». Эта мысль четко прослеживается и в прессе. «Новое время» писало об «ультиматуме, который должно предъявить непослушному Съезду». Этот же журнал напечатал подстрекательный призыв Пайпса пойти на «неконституционные шаги» «во имя спасения демократии»³.

Убежденные в том, что виновные и неизмеримых бедствиях нашей страны должны нести ответственность, мы обращаем внимание также на руководство Вооруженных Сил. Отношение к ним тех, кто формирует общественное мнение в 1985—1997 гг., напоминает какой-то зигзаг. По сталинской традиции связанная с обороной часть общества была вне критики, отчего в первую очередь пострадали сами военные. В частности, их социальная защищенность в течение десятилетий была и остается очень слабой. Зачем «демократы» всех цветов повели кампанию против генеральских привилегий и злоупотреблений, «неуставных отношений». Вскоре, однако, утратив чувство меры, перешли к нападкам против военных вообще. Кое-кому из политиков это было выгодно. Придя к власти, они приглушили антиармейские настроения. Их забо-

¹ Цит. по: Российская газета. 1993. 23 июня.

² Цит. по: Гласность. 1993. 13 мая; Правда. 1993. 30 июня.

³ См.: Новое время. 1993. № 15. С. 10.; № 24. С. 4 и далее.

той стало скрыть ответственность генералитета за бедственное состояние Вооруженных Сил. На самом деле в 1991—1992 гг. Е. Шапошников, П. Грачев и другие генералы допустили развал не только СССР, но и его Вооруженных Сил. Повторился 1941-й, когда их незадачливые предшественники С. Тимошенко и Г. Жуков позволили таким же полуграмотным и безответственным политикам поставить на край пропасти государство и армию.

По простоте душевной Грачев, выступая на VII съезде народных депутатов, признал, что РФ достались от прежних Вооруженных Сил лишь «руины и обломки», «самые боееспособные части» остались за ее пределами¹. При этом он упустил случай признать собственную вину. В июне 1993 г. министр говорил уже о «боееспособной, надежно управляемой» армии. Выступавший на том же совещании президент отметил нечто противоположное. Удалось преодолеть лишь «нижнюю точку кризиса». «Опасные симптомы деморализации личного состава» устранены лишь «в значительной степени». Не решена «серьезная проблема» финансирования войск. В Вооруженных Силах не устранены преступления, стяжательство. В них погрязла определенная часть высших чиновников. Участились случаи уклонения от воинской службы.

Старый девиз «армия вне политики», принятый ныне, не поможет вновь скомпрометировавшему себя военному руководству. Тезис об армии и тем более о ее лидерах как бессловесном военном инструменте политики, о генералах как исполнителях приказов «фюрера», пущенный в ход в Нюрнберге фашистским генеральным штабом, отвергнут мировой юриспруденцией. Этот тезис не согласуется и с утверждением Ельцина об армии как «гаранте стабильности общества»². Могут возразить, что военнослужащие связаны присягой, приказом начальника. Новый текст военной присяги, побуждая военнослужащего РФ мыслить, требовал выполнять обязанности, возложенные на него лишь «законным образом». К сожалению, в статье 39 «Военная присяга» Закона РФ о воинской обязанности и военной службе, принятого 11 февраля 1993 г., вопрос о законности приказа опущен³. Однако в специальной главе устава внутренней службы подчеркнуто, что приказ должен соответствовать требованиям законов и воинских уставов, командир несет ответственность за это соответствие и злоупотребление властью, что подчиненный имеет право обжаловать приказ⁴. Показательно, что присяга армии США

¹ Цит. по: Красная звезда. 1992. 8 декабря; 1993. 11 июня.

² Цит. по: Красная звезда. 1993. 23 февраля, 31 марта, 11 июня.

³ См.: Законы России: «военный пакет». М., 1993. С. 66—67.

⁴ Цит. по: Временный устав внутренней службы Вооруженных Сил РФ. М., 1992. С. 16.

обязывает «всегда выполнять законные приказы» командиров¹.

Все пороки нового режима, как в капле воды, отражены в чеченской войне — непрофессионализм, авантюризм, жестокость, великодержавная глупость, правовой произвол по отношению к собственным войскам и войск к местному населению, полная безответственность военных и штатских чиновников всех рангов, коррупция и другая уголовщина в Москве и Грозном. Чеченская проблема — детище нового российского режима. Сепаратист и узурпатор З. Дудаев, союзник Б. Ельцина по «антикоммунизму», лишь воспользовался ею. Среди ее глубоких корней — слабый беспомощный центр с его сомнительным призывом к «всеобщей суверенизации», показное преодоление сталинистского прошлого, в том числе — половинчатая реабилитация «наказанных» народов. Провозглашенное восстановление конституционного порядка обернулось непомерно затянувшейся крупномасштабной войной, со стороны Москвы — плохо подготовленной в военно-техническом, идейно-политическом и иных отношениях, безнравственной, противоправной, проигранной с первого выстрела, бездарно руководимой.

Итоги войны, полное поражение Кремля — это строгий приговор режиму. Восстановлена Ичкерия конца 1994 г., возросли не только ее претензии, но и ее реальное влияние и не только в северо-кавказском регионе. Между Чечней и РФ пролегла небывалая пропасть. Война — это гибель десятков тысяч людей, разорение сотен тысяч, громадный экономический ущерб, сильный удар по внешнеполитическим позициям РФ. Особенно велик нравственный урон для режима и России в целом. Сколько раз объявляли победоносное окончание войны и вновь бросали армию в «последний бой»... Ничего подобного не знали ни застойный режим Брежнева, ни даже сталинская тирания. Чеченская война вскрыла катастрофическое положение армии и других вооруженных формирований, расчлененных между десятью ведомствами под общим крайне неэффективным руководством главковерха. Вместе с меняющимися министрами обороны он беспомощно отмечает правонарушения, поразившие войска от казарм до центральных ведомств, резкое ухудшение вооружения, снаряжения и питания военнослужащих. Деграция коснулась даже стратегических ядерных сил. Обстановка в Вооруженных Силах стала взрывоопасной. Военная же реформа была и остается не только пустой, но и опасной риторикой².

Общие итоги российских «реформ» сплошь негативны. Уничтожен СССР, одна из двух мировых держав, поставлены

¹ Цит. по: Красная звезда. 1993. 11 июня.

² См.: Независимое военное обозрение. 1997. № 2.

перед полным развалом народное хозяйство, культура, наука, образование, социальное обеспечение, военное дело России. Она низведена до положения рядового государства «третьего мира», лишена союзников. Русские впервые за многие столетия расколоты как нация. По иронии судьбы ни одна из объявленных режимом целей до сих пор не достигнута. В стране нет подлинных рынка, конкуренции, среднего класса. Создана безобразная социально-экономическая система — главный источник колоссальных преступлений всех видов. При баснословном обогащении старых и новых миллиардеров и обнищании основной массы населения резко сокращены хозяйственная роль и денежные ресурсы государства. Появилось нечто неведомое и немислимое: в интересах «стабилизации» прекратили регулярную выплату зарплаты и пенсий. Взамен население получает новые обещания и призывы к национальному согласию и смирению. Вместо провозглашенного народовластия установлена автократия, прикрытая далеко не демократической конституцией. Самовластье причудливо сосуществует с плутократией, анархией, клептократией, охлократией. Государственная система воспроизводит не лучшие советские традиции: подавляющая парламент трехэтажная исполнительная власть с различными советами (безопасности, обороны и др.) и чрезвычайными комиссиями. Характерно, что в предвыборном письме «13 крупных российских банкиров» (1996) «достижения» режима названы «мучительными». Что имели в виду авторы — свои миллиарды? На деле можно говорить как о достижениях лишь о тех свободах перестройки, которые уцелели после переворота 1991 г.

В своей книге «Довольно о войне?» авторы этих строк пытались сформулировать задачи реформаторов в 1985 и последующие годы: «Осмысление истории и современного состояния общества, анализ показателей СССР и зарубежья в области экономической, политической, культурной, в том числе развития общественной мысли; разработка концепции и конкретных программ реформы с обязательным использованием иностранного опыта и учетом особенностей нашей страны; предварительные эксперименты в отдельных районах. Достижения развитых стран были немислимы без ограничения конкуренции, расширения общественного сектора, экономического планирования, контроля над ценами и зарплатой со стороны государства и общества, активной социальной политики».

К сожалению, это и в 1997 г. не выполнено. Еще хуже — перед обществом встали куда более неотложные задачи. Речь идет не о выборе «социализм или капитализм». Во весь рост встала проблема спасения независимости страны, сохранения той части ее потенциала, которую еще не успели разрушить или разграбить. При слабой, разрозненной, во многом оппор-

тунистической оппозиции очень многое ныне зависит от самого народа. Будет ли он по-прежнему безмолвствовать, пробавляться пассивным протестом или в нем возобладает гражданское достоинство? Покинет ли свои сомнительные позиции большинство интеллектуалов, скажет ли весомое слово наука, в том числе и историческая?

Для развития науки действительно необходимы не только оценка созданного историками, но и капитальные труды о судьбах и предназначении самой историографии. В чем состоят ее социальные функции, какова ее реальная роль в жизни общества, каково место минувшей войны в политике и массовом сознании? Эти вопросы даже не поставлены. Но сейчас можно вполне определенно сказать, что при нежелании и неспособности ученых исследовать проблему исторического выбора, их политической индифферентности они стали сопричастными к громадным издержкам общества. Тенденциозное истолкование прошлого прямо или косвенно способствовало опорочению социалистической идеи и ликвидации СССР, формированию синдрома 1941 г., ложного принципа: «чем многочисленнее армия, тем сильнее оборона» и закреплению власти главнокомандующего за дилетантами. Апологетика официальной (старой и новой) военной историографии питает умолчание и нигилизм в литературе других направлений. «Антикоммунистический», антисоветский, антипатриотический, шовинистический и сепаратистский разгул — это неизбежная плата и за консерватизм историков, за их жалкие попытки сохранить сталинистские стереотипы, за их дилетантизм, за дурную идеологизированность их трудов.

Современное общество не может развиваться вне науки. Здравый смысл и нравственность превыше всего. Таков главный урок советской истории конца 20—90-х гг. Осмысливая свое прошлое, должны совершенствоваться и общественные науки, если они намерены служить народу. Когда ученые освободятся от политического и экономического давления, воссоздание правдивой картины сталинизма и войны будет зависеть лишь от их порядочности и компетентности. Этому будет способствовать планетарный, общечеловеческий подход к прошлому, свободный от какой-либо односторонности.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
 Абакумов В. 133, 346, 364
 Абалкин Л. 83
 Абрамов Ф. 3
 Абрамович А. 196
 Аграновский А. 135
 Азарьев С. 143
 Айнзидель Г. 338
 Айрих Э. 350
 Айтматов Ч. 10
 Аксельбанк А. 140
 Алаторцева А. 12, 74
 Александр I 371
 Александр II 280
 Александров Е. 145
 Алексеев Б. 368
 Алексеев С. 27
 Алексеева Г. 80
 Аллилуева Н. 27
 Амброзиус Г. 248
 Андреева Н. 143, 344
 Андропов Ю. 117
 Антипенко Н. 294, 300
 Антонов А. 292, 300—301
 Антонов-Овсеенко А. 12
 Анфилов В. 14, 137, 140, 142,
 145, 151, 177, 246—248, 254,
 388, 390
 Апанасенко И. 341
 Арбатов А. 129, 153
 Арендт Х. 43
 Астафьев В. 115, 123, 137
 Астафьев, полковник 277, 279—
 280, 328—329
 Аттила 371
 Афанасьев А. 145
 Афанасьев Ю. 142, 182—183
 Ахромеев С. 162, 309, 383, 399
- Б**
 Баграмян И. 176, 234, 290, 300
 Байдуков Г. 341—342, 344
 Байрау Д. 39, 42
 Бакланов Г. 146
 Бакунин М. 19, 21
 Балашов П. 146
 Барту Л. 215
 Басов А. 39, 136, 175, 301
 Баткин Л. 397
 Бах Д. 39
 Бек Л. 111
 Белинский В. 57
 Бёлль Г. 123
 Белов Н., фон 148, 222—223,
 235
 Белов П. 302, 344
 Бенедиктов И. 129, 398
 Бердяев Н. 52, 70
 Бережков В. 67, 345
 Берзин Я. 266
 Берия Л. 15, 83, 133, 142, 152,
 231, 245, 251, 256, 261—262,
 266—269, 280—286, 299,
 301, 312, 314, 318, 341, 351,
 369
 Бессонов Б. 380—381
 Бирюкова А. 117
 Бисмарк О. 195, 283
 Блюхер В. 245
 Бобылев П. 145
 Бойцов В. 14
 Болтин Е. 113

Бонвеч Б. 10, 39, 141, 256, 353
 Бондарев Ю. 18, 144, 296
 Боннер Е. 184
 Борисов А. 141
 Борисов Ю. 61
 Борманн М. 44
 Бороздин И. 139
 Боффа Дж. 12
 Бранд В. 25
 Браунталь Ю. 212
 Брежнев Л. 6, 11, 41, 83, 87,
 115—117, 132, 135, 313, 330,
 332, 351, 376, 414
 Бромлей Ю. 105
 Брошат М. 214
 Буденный С. 230, 232, 290,
 297, 299, 311, 317, 361
 Будрин К. 137, 330, 359
 Булганин Н. 299, 311, 330, 343
 Булин А. 325
 Буранов Ю. 64
 Бурджалов Э. 74—75, 78
 Бурцев И. 279
 Бутенко А. 4, 51
 Бухарин Н. 51, 95, 206, 218
 Бухсвайлер М. 353
 Буш Дж. 25
 Бушуев Г. 39
 Бушуева Т. 182, 211
 Быков В. 320, 330—331
 Бэкон Э. 345

В

Вагнер Э. 385
 Вайцзекер Э. 124
 Ванников Б. 129, 286, 346
 Варенников В. 168, 309, 313
 Варенцов С. 334
 Василевский А. 117, 124, 126,
 129—130, 132—133, 171, 174,
 177, 180, 232, 238, 246, 257,
 267, 292, 297—298, 300—301,
 314—318, 340—341, 366, 370
 Васильченко К. 303
 Ватутин Н. 257, 297, 300, 314
 Вебер Г. 202
 Вегнер Б. 39
 Вернадский В. 284

Ветте В. 267
 Виленхик В. 353
 Вильгельм I 283
 Вильгельм II 99, 262
 Випперманн В. 39
 Вишлев О. 188, 238, 256
 Власов А. 127, 184, 251, 353,
 359
 Вознесенский Н. 261, 314, 319
 Волкогонов Д. 8—9, 54, 121,
 159, 163—164, 168, 184, 253,
 268, 288, 320, 325, 345
 Волобуев О. 12
 Волобуев П. 39, 94, 166
 Вольский В. 117
 Воронов Н. 135, 260, 289—290,
 297, 300, 314, 316—317, 341
 Ворошилов К. 83, 173, 175,
 230, 232—234, 251, 261, 267,
 271, 284—285, 290, 297, 299,
 311, 317, 319, 330
 Вучетич Е. 277

Г

Гайер Д. 210
 Гайер М. 295
 Галактионов М. 112
 Гамарник Я. 325
 Гамбьез Ф. 322
 Ганди М. 101
 Гареев М. 32, 128, 139, 148, 160,
 168—176, 300, 308, 361, 382—
 383, 389—390, 392—394
 Гарриман А. 341
 Геббельс Й. 44, 143, 176, 188,
 195, 244, 298
 Гелен Р. 127
 Геллер М. 4, 227
 Геллер Ю. 397—380, 393
 Герасимов С. 83
 Геринг Г. 44
 Гесс Р. 44, 144
 Герцен А. 53
 Гефтер М. 15, 126
 Гиленсон Б. форзац
 Гиммлер Г. 44, 386
 Гинцберг Л. 39, 211
 Гитлер А. 14, 23, 42—46, 68, 70,

- 73, 95, 99, 111, 114, 118,
121—126, 134, 137, 140—141,
143, 148—149, 175, 178—180,
184, 186—188, 190, 195, 197—
198, 201—202, 213, 215, 219—
220, 222—227, 230, 235—236,
238—240, 244, 248—250, 252—
253, 256, 258, 261—262, 265—
267, 271, 273—274, 290, 295,
297, 316, 341, 351, 353, 359,
367, 385—386, 388, 397
- Гланц Д. 148
Говоров Л. 122, 300
Голиков Ф. 265—266, 269
Голль Ш. де 136
Голубев К. 302
Гомулка В. 221
Горбатов А. 232, 292
Горбачев М. 22—23, 30, 87, 206,
403, 405
Гордов В. 361
Гордон Л. 12
Городецкий Е. 77
Городовиков О. 317
Горьков А. 279—280
Горьков Ю. 168, 176
Гостони П. 235, 322
Гоффман Й. 185
Грамель Х. 39
Грачев П. 32, 413
Гречко А. 115, 117
Григоренко П. 299, 311, 326,
341, 349
Громов Б. 313
Громыко А. 129, 134, 171, 287—
288
Гроссман В. 70
Гудериан Г. 290
Гуревич А. 72
- Д**
Давыдов А. форзац
Дайст В. 297
Даль В. 356
Даладьё Э. 204
Дашичев В. 14, 114, 128, 141,
175, 222
Деканозов В. 266
- Денисов А. 284
Джугашвили Е. 251, 373
Джугашвили Я. 142
Димитров Г. 212
Дмитренко В. 60
Довженко А. 373, 393
Долматовский Е. 294
Достоевский Ф. 287
Дьюкс П. 167
Драгомиров М. 308
Дэвис Дж. 294
Дэвис Р. 10
Дюльфер Й. 267
Дюпуа Т. 245
Дюра-Ласаль Л. 278, 280, 371
- Е**
Егоров А. 104, 231, 314
Ежов Н. 142, 230
Ельцин Б. 11, 32, 87, 185, 397,
403, 407—408, 411—414
Емелин А. 352, 356—357, 368
Епишев А. 21, 76, 115, 325,
327, 333
Еременко А. 117, 135, 176, 296,
341, 361—362
Ерин М. 358
Ефремов М. 302—303, 359
Ещенко В. форзац
- Ж**
Жданов А. 81, 83, 314, 341
Жигарев П. 314
Жилин П. 34, 84, 115, 188—189
Жириновский В. 22
Жомини Антуан Анри (в Рос-
сии — Генрих Вениамино-
вич) 13, 19, 33—37, 132, 174,
245, 250, 254, 258, 263, 277—
278, 280—283, 337, 371, 405—
406
Жуков Г. 13, 15, 31, 114, 117,
121—123, 129—137, 144—145,
148, 154, 167—168, 170—177,
180, 232, 234, 251, 257, 259—
261, 263, 267—268, 276,
278—280, 282, 288, 291—295,
297—303, 307—308, 312—319,

- 322, 334, 340, 342—344, 346,
353, 356, 361, 368, 373, 382,
393—394
Жуков Е. 84
- З**
Загладин Н. 236
Зайцев В. 116
Залкинд А. 142
Заукель Ф. 386
Захаров Г. Н. 269
Захаров Г. Ф. 295—296, 342, 361
Захаров М. 28
Зевелев А. 12
Зейдлиц В. 125
Зимарев И. форзац
Зинич М. 155
Зиновьев Г. 77, 196, 216
Золотарев В. 32, 274,
Зорге Р. 265
Зюганов Г. 4
- И**
Иван Грозный 83, 184
Иванов А. 17
Ивашов Л. 352, 356—357, 370
Иоанн Павел I 403
Иоффе А. 79
Исаков И. 134, 259, 269, 290,
315, 340
Иссерсон Г. 173
Ишимова И. 31
- К**
Каганович Л. 15, 40, 70, 83,
284, 313—314, 341, 345, 398
Казакова Р. 287
Калинин М. 83, 260
Каляев И. 53
Каменев Л. 77, 196
Канарис Ф. 55, 386
Каневский Б. 357
Капица П. 129
Капустин Б. 22
Капустин М. 12
Карелл П. 184, 333—334
Карл V 371
Карл, эрц-герцог 278—279, 282
- Карнаухов В. 143
Карп П. 197
Карпов В. 132, 144, 301, 312—
313
Карр Э. 12
Кваша А. 384, 389
Кегель Г. 265
Кейтель В. 111, 171—173, 187,
367, 386
Керенский А. 57
Кестринг Э. 235
Кива А. 408
Ким М. 76, 78
Киров С. 81
Кирпонос М. 17
Кирсанов Н. 323
Киришин Ю. 162
Кириян М. 117, 229
Клаузевиц К. 33, 111, 172, 174,
179, 263—264, 278—279, 336—
337, 372
Клевцов В. 253
Клинтон Б. 402—403
Клопов Э. 12
Ключарев Г. 295—296
Кнышевский П. 179
Ковалев И. 136
Коваленко А. 168
Кожанов И. 311
Козлов В. 379—380, 383
Козлов Д. 317
Козьмин Б. 19
Кокошин А. 33
Колесник А. 363
Колесников М. 35, 168
Колосов Ю. 122
Коль Г. 226
Комаров Н. 306, 314
Комолов В. 132
Конасов В. 358
Кондратьев В. 389
Конев И. 171—172, 261, 282,
293, 298, 329, 341—342
Конквест Р. 12, 43
Коржаков А. 412
Корнейчук А. 251
Королев С. 315
Космодемьянская З. 362

Костиков В. 404—406
 Косыгин А. 318—319
 Коэн С. 24
 Краусник Г. 245
 Краюшкин А. 345
 Крестинский Н. 206
 Кривошеев Г. 168
 Кривошеев Н. 375, 379, 388—
 389, 391—393
 Крикунов В. 242
 Кропоткин П. 218
 Кружков В. 112
 Крылов И. А. 117
 Кудрявцев Н. 272
 Кудряшов С. 14
 Кузнецов Н. 137, 261, 288, 300,
 315, 317
 Кузьмин Н. 79
 Куйбышев В. 83
 Кукушкин Ю. 14
 Кулешов С. 12
 Кулик Г. 171, 232, 299, 314,
 332, 341, 359, 369
 Куликов В. 168
 Кулиш В. 14, 39, 1154, 164,
 183, 313—314
 Куманев В. 16, 88
 Куманев Г. 98, 116, 136—137,
 142, 184, 242, 275, 360, 377,
 398
 Кун А. 204
 Курашвили Б. 15, 393
 Кургинян Е. 39
 Курносоев А. 110
 Кутузов М. 76, 111—112, 124,
 254, 316, 371
 Кэрн Дж. 402
 Кюнль Р. 39, 42, 125, 196

Л

Лангевише Д. 39
 Лаптев Я. 29
 Лашенко П. 365—366
 Лебедь А. 332
 Леваль Ж. 278—279, 371
 Лееб В. 121, 175, 353
 Леер Г. 258
 Лейбзон Б. 211

Лелюшенко Д. 359
 Ленин В. 6, 9, 15, 18—21, 27,
 30, 33, 41, 48, 51, 53—55,
 57—72, 75, 78, 82, 84—85,
 87, 94—95, 100, 102—105, 111,
 121, 139, 166, 183, 191—192,
 196, 205—206, 208—209, 212,
 214—215, 218, 261, 284—285,
 288—289, 305—306, 323, 339—
 340, 357, 405
 Лиддел Гарт Б. 219, 372
 Липицкий С. 61
 Литвинов М. 206, 219, 223
 Лихачев Д. 85, 123
 Лобачев А. 343
 Логунов А. 183
 Лойола И. 95
 Локтев В. 156
 Лоренц Р. 235
 Любарский К. 397
 Людвиг Э. 85
 Люкс Л. 42
 Ляховский А. 309

М

Мадайчик Ч. 227
 Маде Т. 52
 Мажино А. 244
 Майский И. 111—112, 121, 129,
 181
 Макаренко В. 305
 Макаренко Я. 136
 Макарова Л. 39
 Максимов П. 343
 Маленков Г. 261, 313—314, 320
 Малиновский Р. В. 41
 Малиновский Р. Я. 117, 296,
 326
 Мамардашвили М. 21
 Мамсуров Х. 239
 Манн Т. 215
 Манфред А. 76
 Манштейн Э. 266, 295
 Мао Цзедун 65, 265
 Маринеско А. 334
 Мариничев В. 243
 Маркс К. 3—4, 6, 9, 18—20,
 23, 30, 53—55, 61—63, 66—

- 67, 70—71, 82, 87, 94—95, 100, 139, 212, 215—216, 305, 405
- Мартьянов С. 326
- Марченков В. 331
- Марчук Г. 81
- Маршалл Дж. 404
- Матросов А. 359
- Маяковский В. 373
- Медведев Ж. 341, 347, 364
- Медведев Р. 12
- Меллентин Ф. 140, 176
- Мельтюхов М. 182, 184—185
- Мерецков К. 300, 314, 317—318, 346
- Меркулов В. 266
- Мерцалов А. 13, 42, 235, 315, 354
- Мерцалова Л. 13, 155
- Мерцалова Т. 39
- Мессершмидт М. 39, 188, 218, 270
- Мехлис Л. 145, 152, 171, 231, 251, 262, 267, 314, 317—318, 322, 329—330, 334, 346, 356, 359, 364
- Микоян А. 83, 129, 137, 260—261, 369
- Микоян С. 132
- Мильштейн М. 344
- Милютин Д. 279—281, 308—309, 371
- Минц И. 74—75, 78, 100
- Миркина А. 131—132
- Митин М. 112
- Митрофанова А. 80
- Митягин С. 39, 148
- Михалков Н. 406
- Мишель А. 189, 205, 322
- Млечин Л. 345, 397
- Могильницкий Б. 108
- Моисеев М. 90, 160, 162, 271, 294, 377—379, 389—392
- Молотов В. 15, 58—59, 65, 68, 70—71, 83, 114, 129, 144—145, 170—171, 187, 219, 223—225, 228, 239—240, 260—261, 263, 267, 276, 284, 302, 312—313, 341, 398
- Мольтке Х. фон, старший 19, 32, 283
- Моммзен М. 39
- Моммзен Х. 39
- Монтгомери Б. 293
- Морехина Г. 319
- Морозов В. 314
- Морозов П. 83
- Москаленко К. 260
- Москофф В. 272
- Мочалов В. 112
- Муссолини Б. 42, 95, 215
- Мурашко Г. 157
- Мюллер-Гиллебрандт Б. 140, 247
- Мюрат И. 254, 280
- Н**
- Наполеон I 34—34, 72, 83, 111—112, 172, 180, 263, 279—283, 308, 370—371
- Нарочницкий А. 84
- Невский В. 77
- Нейрат К. 44
- Некрич А. 4, 99, 114
- Неретина С. 14
- Нерон К. 8, 95
- Нечкина М. 74, 167
- Николаев Б. 39
- Николаев М. форзац
- Николай I 34, 280, 307
- Николай II 116, 121
- Ницше Ф. 53
- Новиков В. 286, 316, 318
- Новобранец В. 266, 269
- Нольте Э. 188
- Носкова А. 39, 157
- О**
- Огарков Н. 309
- Орджоникидзе Г. 83
- Орловский Л. 341
- Осипенко П. 233
- П**
- Павел I 280, 403
- Павленко Н. 4, 14, 39, 113—114, 132, 136, 152, 171, 219, 241, 254, 256, 261,

- 288, 294, 299, 308, 314—315, 323
Павлов Д. В. 375
Павлов Д. Г. 251, 269, 273, 346
Пайпс Р. 15, 408, 412
Панкратова А. 74
Панов И. 140
Панфилов И. 343
Папин В. 319
Паротькин И. 113
Паулус Ф. 124—125, 135, 295, 297
Пахомов С. 135
Перечнев Ю. 159, 230
Петин Н. 311
Петр I 35, 83, 217, 283, 311, 350
Петров Б. 258
Пикуль В. 65, 144
Пилипенко Т. 287
Пиночет У. 185
Платонов О. 185
Платонов С. 113
Плеханов Г. 218
Плимак Е. 85
Плюшев С. 334
Поликарпов В. 114
Поляков Ю. 16, 50, 166, 228, 249, 270
Пономарев Б. 74—75, 77—79, 117, 237, 268
Попов Г. 31, 368
Попов М. 122
Попова Е. 39
Поспелов П. 74—75, 78, 112, 237
Прибылов В. 226
Пронин В. 340
Проскурин П. 287
Проскуров И. 269
Пумпянский А. 397
Пушкин А. 172
- Р**
Радзиевский С. 159
Разин Е. 84, 86, 96, 110
Раманичев Н. 388
Раскольников Ф. 71, 73, 217, 224, 325, 347
Раш К. 105, 230, 301
Редель Ф. 39
Резун В. 7, 175, 179, 182, 184—185, 257
Рейган Р. 23
Ржевская Е. 344
Ржешевский А. 83
Ржешевский О. 34, 116, 138—139, 141—142, 249, 254, 275, 345, 391, 398
Риббентроп Й. 44, 148, 220, 222—223
Рикардо Д. 3
Робеспьер М. 72
Роговин В. 211
Розенберг А. 44
Рокоссовский К. 117, 129, 135—136, 171, 177, 260, 269, 293, 297—300, 302, 318—319, 340, 343, 393
Роллан Р. 215
Рубцов Ю. 146, 370
Рузвельт Ф. 68, 190, 203, 215—216, 223, 236, 238, 265, 288, 293, 341
Руцкой А. 412
Рыбаков А. 390
Рыбаковский Л. 386, 390
Рыбин А. 15, 342
Рыбкин Е. 143, 219, 383, 387
Рывкина Р. 23
Рыжков И. 303
Рыков А. 206
Рычагов П. 340, 346
Рэм Э. 44
Рязанов Э. 406
Рязанцев В. 17
- С**
Савицкий Е. 132
Савушкин Р. 115, 142, 159, 163
Сальский С. форзац
Самойлов Э. 52
Самсонов А. 13—14, 39, 73, 114, 117, 139, 141, 251,

- 288, 296, 346, 352, 363, 381, 383
 Сандалов Л. 136, 260
 Сахаров А. Д. 180—182, 184
 Сахаров А. Н. 4, 24
 Свечин А. 182, 279, 283, 371
 Свинцов А. 363
 Севостьянов Г. 228
 Седов Л. 52
 Секистов В. 14, 39
 Семиряга М. 14, 150, 219, 245, 383
 Сениявская Е. 155
 Сеолев В. 377
 Серебряков, майор 343
 Сидоров А. 75
 Сикорский В. 120
 Силантьев А. 269
 Симонов К. 118, 129, 133—134, 136—137, 232, 253, 262, 277, 314, 339, 356
 Синельников М. 146
 Синицын А. 363
 Сиполс В. 224
 Ситон А. 295
 Скоморохов Н. 168
 Скрыльник Р. 333
 Слассер Р. 12
 Смирнов В. П. 14
 Смит А. 3
 Смушкевич Я. 346
 Снесарев А. 339
 Согрин В. 139
 Соколов Б. 140, 146, 174, 380
 Соколов В. 133—134, 294, 314
 Соколовский В. 343
 Солженицын А. 18, 70, 368
 Солоухин В. 132
 Солсбери Г. 123, 176
 Спар К. 176—177
 Стаднюк И. 141, 144—145, 287, 345—346, 373
 Сталин В. 311
 Старинов И. 245
 Стассен Г. 118, 156, 215—216, 288
 Стаханов А. 87
 Стишов М. 84
 Столыпин П. 16, 185
 Сувениров О. 39
 Суворов А. 173, 279—280, 316
 Суворов В. (см.: Резун В.) 7, 175, 185, 257
 Судоплатов П. 15
 Суслов М. 21, 74, 83, 132
 Суханов Н. 50
- Т**
 Такер Р. 12
 Тамерлан (Тимур) 8
 Тарле Е. 83
 Твардовский А. 292
 Телегин К. 320
 Тельпугов В. 146
 Теплинский Б. 346
 Тимошенко С. 114, 145, 171, 232, 256—257, 260, 263, 268, 273, 276, 290, 308, 317—319, 346, 353, 413
 Тимур 371
 Типпельскирх К. 140, 176
 Толстой А. 83
 Толстой Л. 38, 57
 Тольятти П. 213
 Томан Б. 116
 Томас Г. 124
 Топич Э. 233
 Трапезников С. 84, 166
 Треппер Л. 265
 Третьяков В. 26
 Трофимов В. 264
 Троцкий Л. 4, 12, 15, 60, 71—75, 77, 95, 196, 208, 216
 Туполев А. 341
 Тухачевский М. 177, 203, 206, 229—231, 233—234, 281, 330
 Тюленев И. 234
 Тюшкевич С. 119, 388, 390
- У**
 Уборевич И. 203, 231, 245
 Урланис Б. 380
 Успенский В. 104, 144
 Устинов Д. 85, 115, 129, 131, 134, 309, 345
 Утин Н. 19

Уэлей Б. 267
Уэллс Г. 69, 96, 191, 197, 214

Ф

Фарсобин В. 148
Федоров Г. 27
Федосеев П. 88, 98, 297—298
Фейхтвангер Л. 86, 103
Ферретти М. 185
Ферро М. 58
Филатов В. 17, 120, 143, 232,
352, 354, 366, 377—378, 388—
389
Филатова И. 363
Фирсов Ф. 211
Фишер Л. 57, 59—60, 65, 70—71
Фридрих II 35, 263, 278, 283,
307
Фромм Э. 155
Фрунзе М. 233, 325, 330
Фурманов Д. 324

Х

Хазард Дж. 272
Хаммер А. 217
Хвостов В. 74, 76, 78
Хилльгрубер А. 193, 218
Хильгер Г. 222
Хингли Р. 8
Хлевнюк О. 345
Хорев А. 136, 230, 367—368
Хорьков А. 141, 276, 388—389
Хорошилов Г. 295—297
Хоскинг Дж. 171
Хоффман Й. 235
Хрушев Н. 23, 40, 70, 85, 87,
114, 117, 121, 129, 131,
133, 145, 171, 213, 280,
288, 290, 296, 301, 312—
313, 317, 320, 326, 330,
341—342, 345—346, 349,
361—362, 376
Хуббард В. 248

Ц

Цезарь Ю. 250, 371
Ципко А. 12, 52—53

Ч

Чаадаев П. 103
Чаковский А. 144
Чан Кайши 219
Чапаев В. 324
Чемберлен Н. 201—202, 204
Черепнин Л. 77
Черкасов Н. 39
Чернов В. 51
Чернышевский Н. 53
Черняховский И. 300
Черчилль У. 110, 169, 178, 201,
210, 236, 265, 292—295
Чингисхан 8, 371
Чичерин Г. 206, 213
Чуйков В. 117, 130, 171, 176,
296, 341
Чубарьян А. 373
Чуянов А. 362

Ш

Шамиль, имам 84
Шапалин Н. 327
Шапошников Б. 145, 174—175,
177, 257, 300, 314, 346,
364
Шапошников Е. 413
Шахрай С. 412
Шахурин А. 129
Шенхофен К. 39
Шеховцев И. 352
Ширер У. 227
Ширини К. 80, 211
Шишов Н. 319
Шкадов И. 162
Шлыков В. 242
Шмелев Н. 20
Шпеер А. 44
Шпенглер О. 53
Шредер Г. 295
Штеменко С. 130—131, 292,
298, 314, 341
Штерн Г. 346
Штрайт Х. 384—386
Штрик-Штрикфельдт В. 184
Шуленбург Ф. 265
Шульце-Бойзен Х. 265
Шумилов М. 117

Щ

Щаденко Е. 171, 330

Щенников В. 362

Щербаков А. 330

Э

Эйзенхауэр Д. 173, 176—177, 293

Эйзенштейн С. 83

Эккерт Х. 39

Эмерсон Дж. 202, 225

Энгельс Ф. 18—19, 23, 30, 54,
66—67, 71, 84, 94, 100, 111,
132, 139, 216, 305

Эренбург И. 129, 131, 338

Эриксон Дж. 10, 12, 39

Эррио Э. 215

Эшли Р. 217

Я

Ягода Г. 142

Язов Д. 163, 369

Якир И. 203, 229, 231, 245

Якобсен Г.-А. 39, 139—140,
175, 192, 198, 337, 353

Яковенко И. 399—400

Яковлев А. 26, 130

Якушевский А. 139, 146, 149

Яковлев Н. 176—177

Яхимович В. 166

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая. Сталинизм: сущность, истоки, подходы</i>	
к прошлому	40
I. Сущность и истоки сталинизма	40
II. Сталинизм и освещение истории	72
III. Сталинистские традиции в литературе	
о Второй мировой войне	109
<i>Глава вторая. Сталинизм и происхождение Второй</i>	
мировой войны	186
I. Сталин о фашизме и его «умиротворителях»	189
II. Сталинизм и ответственность за войну	205
<i>Глава третья. Сталинизм в войне</i>	237
I. 1941 год: провал сталинистской дипломатии	
и стратегии	237
II. Основные черты сталинистского руководства	276
III. Сталинизм и цена победы	370
Послесловие	395
Именной указатель	417

А. Н. Мерцалов
Л. А. Мерцалова
СТАЛИНИЗМ И ВОЙНА

Редактор *Г. Красникова*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректор *Л. Веселова*

Компьютерная верстка *А. Диамента*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 27.01.98 г.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 28,25. Цена 25 р. 90 к.

Цена для членов клуба 23 р. 50 к.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен
ООО «ЭНРОФ».

ТАЙНЫ

В книге известных российских историков А. Н. Мерцалова и Л. А. Мерцаловой представлены итоги многолетних исследований второй мировой войны, сталинизма и гитлеризма. Каковы истоки, особенности и последствия сталинизма, как повлиял он на возникновение войны, что характерно для его методов руководства войной, насколько велика была цена победы? Эти и другие вопросы освещены в монографии «Сталинизм и война», написанной с привлечением большого объема архивных источников.

ИСТОРИИ

ISBN 5-300-01667-5

9 785300 016678